Александр Чемек

ГДЕ-ТО НА СОПКАХ
Хроники строителя магистрали

Книга первая

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга содержит дневниковые записи одного из строителей, приехавшего с ударным отрядом на Стройку Века. Подробно описаны будни и праздники комсомольцев 70-х.

- Где-то на сопках. Хроники строителя магистрали
  -
  - Часть I
    - Однажды весной
    - Конец… начало!
    - Глава 1
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30
    - Глава 31
    - Глава 32
    - Глава 33

        - Глава 34
        - Глава 35
        - Глава 36
        - Глава 37
        - Глава 38
        - Глава 39
        - Глава 40
    - Часть II
        - ОГМ
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
        - Глава 33
- notes
    - 1
    - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Где-то на сопках. Хроники строителя магистрали
Книга первая

Александр Чемек

Редактор Ольга Владимировна Шеломова
Редактор Лариса Константиновна Адлер

© Александр Чемек, 2019

ISBN 978-5-4496-9647-2 (т. 1)
ISBN 978-5-4496-9648-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Однажды весной

Конец… начало!

Половина бригады была занята заготовкой дров, валила сухостой, разделывала стволы… Мы втроем шли по следу бульдозера на льду Кюнжи и гадали: что могло с ним случиться? Час назад он ушёл за пару километров к мостовикам на заправку и должен был давно вернуться. Завяз в наледи[1]? Может быть, не хватило топлива?..

— Чтобы у «Катерпиллера»[2] не работал указатель топлива? — сказал бригадир. — Это же «японец», а не какой-нибудь ДТ-75. Сколько Николай на нем отпахал на карьерах и на отсыпке[3]…

— Да мало ли что? Может летняя соляра была в баке? — пытался рассуждать я, скорее для умаления возможного происшествия.

— Ну, причем здесь солярка, — вставил свое слово Серега. — Уж отогрел бы трубки факелом. Может на наледь нарвались… Хотя… Генка опытный трассовик, наледь за версту чует. И вообще, оба они — не первый год на стройке…

Так мы переговаривались, пока не увидели за поворотом реки квадратную полынью и конец колеи у её края. Ничего ещё не понимая, мы подбежали к полынье, заполненной тёмной водой реки. В пяти метрах от полыньи, у берега, изо льда торчала осока. Никаких следов на снегу рядом не было.

Мы стояли в оцепенении не в силах выдавить из себя ни звука. Если бы не шапка на голове, у меня должны были встать дыбом волосы: сначала бригадир послал меня сопровождать бульдозер…

— Дим, езжай с Николаем. Поможешь ему наполнить бак, да и веселее вдвоем, — сказал мне бугор час назад.

Прокатиться на японской «сотке» по гладкому льду реки в теплой кабине — просто подарок среди рутинных буден. Но, когда я уже залез на гусеницу бульдозера, Генка сказал:

— Бугор, дай я съезжу. Я дорогу к мостовикам, как свои двадцать пальцев знаю…

* * *

Через минуту Серега молча начал раздеваться.

— Постой, — сказал бригадир. — Не хватало нам еще одного…

Дальше он не продолжал, но стал раздеваться сам.

— Димка, беги на берег! — выпалил он. — Найди какую-нибудь жердь или палку потолще, чтобы разбить стекло. Попробуем открыть кабину как-нибудь.

Бульдозер стоял на дне реки так, что его крышу было видно

в метре от поверхности воды. Ныряльщики обнаружили дверь кабины со стороны пассажира открытой, а внутри — тело одного бульдозериста!.. Тела Генки нигде не было…

Дальнейшее я помню, как душный сон. Добровольцы-ныряльщики с пятой попытки подняли тело Николая. В одной из машин повезли его в поселок. Стоял на стройучастке оцинкованный гроб — продолговатый ящик, обитый железом. Мать Геннадия пропадала у следователя, но ей ничего конкретного о теле сына не сказали, обещали найти, когда сойдёт лёд…

Из вещей Генки мать забрала лишь документы и фотографии, но оставила его тетради, исписанные мелким почерком, который она не могла разобрать. Я попросил их посмотреть и пообещал ей написать, если разберу его «бисер».

Когда я попытался расшифровать записи, то понял, — это дневники, запечатлевшие его будни на великой стройке, участие в которой принимала вся страна. И я решил, что лучшая память о нем, одном из наших соратников, станет публикация его записей. С другой стороны, пользуясь тем, что следаки не заинтересовались его вещами, надеялся найти в записях ключ к разгадке его исчезновения…

Объёмный текст я разбил на главы для удобства прочтения.

Глава 1

«Чего на месте не сидится?». Долгие сборы. «Специалисты». Комсомольско-молодежный отряд «УДАРНИК» в пути и на месте.

Октябрь, год первый. Как же надоели эти вопросы и на работе, и от друзей, и дома: почему, зачем? Ответ постепенно отлился в «бронзу». И вот, когда на платформе столичного вокзала эти же вопросы мне задала ведущая программы «Время», я ответил вполне уверенно. Друзья мне пишут, что показывали меня по ТВ три раза, и хвалят: «классно сказал!». Интересно, ТВ должно мне гонорар за 10-минутную пропаганду «стройки века» или я ему — за кусочек славы?

Словом, официальная, идейная версия: «Чтобы оставить на Земле нечто и в конце не было мучительно больно…» прозвучала вполне вдохновенно. Но это только видимая часть того, … что плавает. Были и другие причины, по которым поехали сюда многие. Например, на заработки, посмотреть страну, стать самостоятельными.

А многочисленные дальние походы разной сложности, в которых побывали друзья? Я что, слабее?! Вот и будет у меня поход посложнее и подлиннее…

И все же, не исключая эти «составные части», я сотоварищи имеем в виду и строительство Новой жизни на отдельно взятой территории, т.е. довольно наивную, утопическую составляющую. Чем плоха была жизнь старая? Думаю, все это знают, но вслух говорят только «на кухне». Всепроникающая ложь, двуличность власти, застой в развитии государственных, производственных отношений, врожденная потребность украсть, — это бледные попытки определить ту помойку, в которой мы выросли и живем.

Да, я работал в хорошем НИИ: тишина, спокойствие, самодовольство и взаимовыручка на всех уровнях. Кто-то к вечеру на ногах не стоял от «усталости», кто-то мастерил технику для дома, а кто терял зрение от подстольного чтения. Мухи дохли на лету. Казалось бы, украсть нечего… А время? Его почему-то никогда никто не считает, раз нельзя пощупать, взвесить, завернуть. Бери, сколько хочешь, оно же рабочее, ничье. Да и зачем упираться, когда выше оклада все одно не прыгнешь.

Постепенно зрело недовольство, тем более, что ничего нового не предвиделось. Выявлять и вытравлять язвы общества — рискуешь прослыть демагогом. Уехать за границу как-то нереально, не такой уж я диссидент. Вот и появилась шальная мысль: а вдруг «куда подальше», едут такие же, как я,

недовольные мечтатели. То есть, низы, которые не могли жить по-старому. Ужо мы свой, мы Новый мир построим!..

Я заранее решил приобрести рабочую профессию и закончил курсы шоферов. Оказалось, — напрасно. Здесь шоферской братии, что комаров. Начальники автобаз только отмахиваются, т.к. машин свободных нет. Это было известно нам задолго до отъезда, в мае, когда горком объявил о наборе молодежи. Но из опытных строителей, прибывших в столицу с периферии, мало кто спешил расстаться с Москвой.

Молодых каменщиков, плотников, лесорубов райкомы собирали до сентября. Особенно мало было почему-то лесорубов. Может, лесоповал из города куда-то перенесли? Половина из полутора тысяч претендентов не имела рабочих профессий вообще, но все равно надеялась как-то пробиться в отряд.

Срок отъезда отряда откладывали много раз. Кто-то из ребят уже уволился с работы, поверив очередному объявлению даты выезда. Иногородние энтузиасты подрабатывали кто где, а некоторые и ночевали на вокзалах. За это время их можно было обучить любым профессиям три раза, но руководству казалось, что опытных спецов, готовых бросить город ради идеи, найти легче.

В конце августа в штабе отряда, в горкоме, появился Ф. М. Сизов, начальник стройподразделения, в которое наш отряд должен был войти, как «нога в сапог». Увы, то ли нога была великовата, то ли сапог не на ту ногу, только шеф наш забраковал больше половины анкет.

Многие ребята, как и я, не сдались, ходили в приемную комиссию, убеждали. Тщетно. Обнадежил меня лишь один из секретарей горкома, к которому я приходил еще в мае, а комиссар отряда Сева добавил, что начальство скоро отъедет в Лендинский с квартирьерами, а уж он своих ребят не бросит.

Тем временем, райкомам было дано задание найти недостающие кадры за оставшийся месяц, где угодно. Нашли, конечно, но кого? Трудно вспомнить без стона. Здесь оказались и уволенные с работы за пьянство, и принятые в комсомол перед самым отъездом, и даже досрочно освобожденный зэк, пристроенный высокопоставленным папашей на перевоспитание.

К горькому сожалению, выяснилось, что половина из них имела профессии лишь на бумажке, но об этом я и некоторые идеалисты узнали намного позже. А эти друзья быстро нашли друг друга и начали сплачиваться еще в поезде, следующем в Сибирь.

Статуса «Ударный комсомольский стройотряд» не существовало, но опыт работы со студенческими

стройотрядами у нашего командира Валентина был солидный. Видимо поэтому на время следования к месту назначения в отряде был объявлен «сухой закон», то есть — быть около пяти дней «ни в одном глазу». Но мыслимое ли это дело для рабочего класса, когда праздник — каждый день, разве ж «он жажду заливает квасом?».

Наш спецпоезд встречали в городах толпы народа с флагами, транспарантами, оркестрами, провожали речами и песнями. Да и мы «не лаптем щи ели»: выступали, заверяли, плясали, пели, ну и, конечно, кое-кто в отдельно взятых вагонах тоже отмечал события, как привык.

Я и некоторые борцы за Новую жизнь тоже нашли друг друга в самом начале пути. Первым, кого я признал, был Митяй, с которым мы пересекались у общих знакомых, года два — три назад.

Вот же где свела судьба нас, в «России», бегущей во глубину Сибири. Стали вспоминать былое и думы. Естественно, решили продолжить в том же духе и что-нибудь предпринять для блага общества и дабы скоротать время в пути со смыслом.

Раз оперотряд в поезде уже начал свою работу, мы будем выпускать «Боевой листок» — решили мы с ним. Руководство дало добро, бумагу, гуашь. Нашли мы не без труда и сочувствующих этой идее. Конечно, мы тоже играли в шахматы, участвовали в каких-то конкурсах, даже КВН проводили в вагоне-ресторане, но и писали ура-тексты и стихи. Словом, освещали события.

И надо же было такому случиться, что, проходя как-то по одному из плацкартных вагонов, я заметил, как члены оперотряда разливали под столом.

— Чой-то вы тут делаете? — удивился было я, но услышал вразумительный встречный вопрос:

— Хочешь выпить?

Обезоруженный таким простодушием, я не нашел слов для ответа и ушел задумавшись глубоко. А как же Закон? Едем строить новую «жисть» и тащим в нее старые замашки. А может быть «Сухой Закон» уже отменили? Надо было узнать новости, встретиться с руководством.

Так я оказался у двери командирского купе, постучал, услышал «да» и вошел. Тут были все, с кем я хотел поделиться своими мыслями, но, кроме бутылки коньяка и стопок на столе, я ничего не увидел. Кто-то из главных предложил мне опрокинуть рюмашку за предстоящий успех предприятия, но я просто остолбенел и, промямлив что-то про стенгазету — первое, что пришло в голову, как робот, шагнул назад, в коридор.

Вспоминается мое первое свиданье еще в 11-м классе с Лерой. И первый поцелуй… И первую пощечину, совсем не обидную, а так, для порядка. Но эта — в поезде, везущем нас в Новую жизнь, била по самолюбию, и, судя по всему, не последний раз. Конечно, мир не рухнул, шар земной никуда не уплыл, зато голова моя немного поправилась, и наивности поубавилось.

Впрочем, хорошего было гораздо больше. Среди идеалистов-утопистов были и грамотные скептики, и залихватские радикалы. Основные ощущения, все же, были оптимистичные.

1-го октября на станции Стоворотино весь отряд (около 500 человек) оставил поезд, ставший нам родным домом с тремя вагон-ресторанами, службы которых прощались с нами, как с родными. Солнце, теплынь — бабье лето. Вещи на площади у станции — острова, а сотни книжных связок, подаренных нам и в Москве, и по пути — айсберги в зеленом океане наших форменок.

Долго, с остановками в старинном приисковом поселке Соколовске и крошечном «индейском» Джетулаке, ехали на автобусах по разбитому пыльному Северному тракту в п. Лендинский.

До самого водораздела, за которым начинается зона вечной мерзлоты, обочь дороги, тянулось искореженное драгой на сотню метров в ширину и заполненное голубой купоросной водой русло ручья.

Подъезжали к Лендинскому в сумерки и думали, что нас уже никто не ждет. Ан ошиблись: был митинг и народ, и мы, не готовые к теплому приему, дрожали на континентальном морозце[4]. Впрочем, полное безветрие помогло выстоять в шеренгах без последствий.

Структура нашего отряда сразу сложилась по территориальному признаку: каждый райком еще до отъезда назначил в своих отрядах командиров, комиссаров и так далее. Поэтому жить все хотели вместе, районами. Нам еще в городе сказали, что жить будем в утепленных вагончиках (балках). Но настроение было такое, что лучше военных палаток на десять или двадцать человек, как в Лучистом, ничего и быть не может.

Поэтому, когда нас привезли в городок, недалеко от центра поселка, состоящий из новеньких шестиместных вагончиков, соединенных тесовыми тротуарами, освещенных фонарями, кто-то испытал и разочарование: не все отряды делились на шесть без остатка. Предстояла «жестокая» разлука.

Усталые и замерзшие мы ввалились в теплое жилье с сушильным шкафом, горячей водой и заправленными

постелями. Восторгам и благодарностям организаторам этого рая не было предела.

…Процесс утряски новоселов в поселке шел, порой мучительно и долго: Вася пел, Борис храпел, Николай права качал… Районные, земляческие узы держали нас так крепко, что никакие клещи производственной или иной необходимости, казалось, не разорвут их никогда.

Думалось: мы всем райотрядом, 25 человек, пойдем в плотники или лесорубы, или отделочники, или учиться этим профессиям. По крайней мере, до общего собрания и объяснения дальнейших действий народ жил вполне воодушевленно.

Однако, руководство почему-то не торопилось посвятить нас в свои планы, вероятно, сочиняло их. Известно было, что не сегодня — завтра нам выдадут подъемные[5], спецодежду, объяснят направления работ. Наконец, дня через два-три объявили по радио про одежду и денежки. Народ ринулся получать обещанное. Выдавали черные овчинные полушубки, валенки, рукавицы на кроличьем меху и 150 рублей подъемных. Самое удивительное — про планы и объемы работ никто из руководства вразумительно рассказать не мог. День, два, три…

И началась в отряде смута… История на Руси всегда повторяется с удивительным постоянством. У нас безвластие сопровождалось беспробудным пьянством. Известно, если у рабочего нет работы, он просто пьёт, и это было нечто!

Да, кое-кто уже ходил в школьный спортзал на волейбол и самбо, но дух «запорожской вольницы» охватил большинство. Комитет комсомола делал все, что мог, но, так как отрядная жизнь кончилась, и «сухой закон» уже не действовал, бороться можно было лишь постфактум.

Вместо проведения культурных и спортивных мероприятий члены «Ударника» скупили в местных продмагах весь алкоголь: сначала вездесущий коньяк «Дагестан», а затем, страшные смеси «Рубин», «Гранат», «Кагор». Угроза нависла и над парфюмерными изделиями. Едва ли кто из «вакхов» читал Рабиндраната Тагора, но названия трех винных марок все произносили без запинки. Отрядная братва пошла вразнос.

Десяток дощатых контейнеров для мусора 1,5х1,5х1 м, стоящих за вагончиками, наполнялся стеклотарой, как бассейн водой в школьной задачке. Смотрим ответ: через две недели она пошла через край, но вдруг замерла. Спрашивается: почему? Правильно, кончились деньги. И, слава Богу, наступило, наконец, затишье.

Течение жизни нашей боевой шло нормально, если бы не так круто вниз. Как я уже отметил, комитет наш с первых дней своего

существования борется с пьянством, к сожалению, с переменным успехом. Ещё 9-го ноября случилось ЧП: в одном из балков после многодневного пьянства под обеденным столиком скончался 24-х летний А. Кашинский из Танбова.

Собутыльники, увидев неподвижное тело соратника, призвали на помощь отрядное руководство, но оно не смогло оценить ситуацию. Врач СМП (Строительно-монтажное подразделение) прибыл настолько поздно, что ему осталось лишь констатировать смерть нашего товарища от удушения собственной рвотой.

Можно представить, насколько различается состав отряда. Главное — доволен начальник СМП: в организации — сплошные специалисты со стажем.

После похорон Алексея жизнь пошла было своим чередом, как вдруг…

Наши «Молнии» пытались и до этого случая клеймить заблудших земляков, но громом среди хмурого неба прозвучала статья «Абзац» в районной газете «Рабочий Авангард». В ней, в частности, говорилось, что, «несмотря на ожидания местной общественности, москвичи проявили себя не с лучшей стороны».

Я бы сказал короче: обосрались.

В статье подробно разбиралась непутевая жизнь столичных комсомольцев, и, как результат, — полное разочарование местной общественности в их культурно-облагораживающей миссии.

Наше партийно-комсомольское руководство, по традиции возмущенное видом голой правды, задалось целью уничтожить тираж «районки» и потребовать от редакции опровержения. Известно, самая лучшая защита — нападение.

Увы, никто из них не отважился написать, тем более пойти в редакцию выяснять отношения. Зато я, читая тогда эту газету на стенде, вздрогнул от внезапно шлепнувшейся на читаемые строки пятерни в перчатке. Валентин — командир отряда, лично срывал и рвал в клочья эти «наглые» листы. Он срывал, а газета появлялась вновь. Прямо, как на партизанской войне…

Глава 2

Даешь работу! Наши топоры недостаточно остры. Товарная экзотика. Театр — в массы. Валенки, валенки. «Элитная» бригада. Музы говорят.

Ноябрь уж наступил, и те, кто не поддерживал вакханалию, теребили начальство и даже искали работу на стороне. Однако, вскоре пошёл слух о формировании бригад лесорубов, плотников, грузчиков-стропальщиков. Вдруг объявились бригадиры и стали набирать себе в команды народ.

Все рвались в лесорубы (работа простая и леса, казалось, полно). Но таких получилось лишь три бригады: Степанова, Ашкоева и Миронкина. Было объявлено соревнование, победителей которого обещали направить в десант на закладку первой к западу от Лендинского станции Кудыкта.

Молодежь воспрянула, оживилась. Началось брожение умов и неизбежный раскол. Естественно, бригадиры старались брать к себе ребят знакомых с профессией или тех, кто поздоровее. Во всяком случае, не того, кто успел «ославить» отряд на всю округу.

Следующий захватывающий этап — подготовка инструмента к работе. Основным, как и в каменном веке, был топор.

Бензопил в нашем СМП оказалось считанное количество, лишь топоры достались почти каждому. Правда, топорищ тоже не хватало, но, как было сказано Сизовым: «профессионал готовое не возьмет, а сделает сам по своей руке». Ну, прямо, как спортсмен-стрелок — приклад своей винтовки.

Вскоре к наждачному кругу, устроенному на улице под навесом для заточки топоров, встала очередь. Но и тот после сотни-другой железяк скончался, превратился из солидного колеса в невзрачный кружок диаметром 6 см.

Что ж, на этот случай мудрым руководством были припасены напильники. Если припомнить картинку из учебника истории про первобытного человека, затесывающего свой топор перед охотой, получится полное представление о подготовке инструмента. Но и тому все были рады: наконец-то начнем работать!

Я попал в бригаду Гаврильева на сборку щитовых домов. Там же оказались и многие мои земляки: Тимоха Сычов, Натан Иторенко, Саня Вознесенский, Виталя Арнольдов, Нонка Половинко — «не клади палец в рот…», Галя Тихова и ещё двое ребят из других районов. Получили мы телогреечки, сапоги и начались наши рабочие будни — не прошло и двух недель, как приехали.

Работа не хитрая, особых знаний не требующая, но не для слабых. Сначала долбили ямки в мерзлом грунте под фундамент, закапывали в них осмоленные столбики — «стулья» и обвязывали их брусом. Лом, лопата, топор — вот и весь арсенал. На обвязку укладывали щиты пола. Здесь уже нужен бы кран, но где его взять? Ждать — лишь терять время.

А на что «горловая» (30—40 рублей) надбавка бригадира? «Раз-два, взяли!» — орет Гаврильев, и щит весом 700—800 кг влезает на цоколь метровой высоты. Правда, сначала щит надо откопать из кучи потолочных и стеновых щитов, сваленных в стопы как ни попадя. Однако, недовольства никто не выражал:

спортивный азарт — основа энтузиазма.

Во время простоя, в ожидании материалов или техники Тимоха в шутку тискал Нонку. Та визжала на всю округу: «Помогите, насилуют!» и пыталась ухватить его за что-то в паху.

На досуге ходили с ребятами по магазинам и удивлялись необычным товарам: здесь были дубленки, унты, яркие японские ткани, нейлоновые куртки бешеных расцветок — чего на «материке» не найдешь.

А книжные магазины! Магазины — громко сказано, но содержимое книжно-почтовых лавок поражает. Я был четвертым в очереди на подписку на собрание В. Брюсова. Кое-кто подписался на собрания А. С. Пушкина, С. Маршака, купил редкие альбомы по искусству.

…В ДК «Пионер» появился Александр Мищенко, режиссер из области, и объявил набор в театральную студию. Конечно же, все более-менее грамотные ребята пошли на собрание. Своей целью он назвал постановку пьесы о строителях магистрали по мотивам книги А. Приставина.

После библиотечных изысканий я выяснил, что текст пьесы, прочитанный нам, полностью совпадает с повестью писателя о строителях ГЭС. Ну и пусть. Как говорит один из героев пьесы: «Нам, что дом, что плотина, — лишь бы деньги платили».

Да, скучать и уставать здесь просто некогда. Ещё надо попасть в баню, в прачечную, на почту, пописать письма, сочинить что-нибудь для стенгазеты… В своем НИИ я выпускал газету на четырех «ватманах». Здесь пока нам хватает и двух листов. А ночные разговоры с новыми друзьями! У каждого — масса мыслей и впечатлений от новой жизни… Сплю по три-четыре часа и думаю, как увеличить продуктивное время.

Пришёл к тому, что спать надо, когда народ слишком активен и лезет в душу «в своих рваных валенках», то есть после работы. Кстати, замечательных, новых валенок, многим хватило лишь на две недели. Снегу здесь ещё мало, каменистая почва и «пеньки» от кустов на просеке — все равно, что терка. С большим сожалением и даже негодованием мы узнали, что валенки выдаются на 24 месяца.

Сижу однажды после работы в вагончике Икорникова, жду Митяя по какому-то делу. Морозец к вечеру уже был под 20°. Он ввалился затемно — с просеки приезжали поздно, — стащил с ног валенки, вернее то, что от них осталось, и, дрыгая ногами, скинул портянки. Оные же не падают, как положено тряпке, но катятся по полу с грохотом, точно пружины от подвески. Представляю, какие у него должны были быть ноги…

Самые отчаянные и несведущие бросились в магазины

покупать валенки. Но опытные мужики, в том числе «дембели», стали выпрашивать у новичков голенища от старых. Те, кому ремонт казался делом неподъёмным, отдавали их легко. Вскоре дефицитом стали старые капроновые чулки и каски лесорубов. Секрет сего явления держался недолго.

Чулок скручивается в жгут, а каска разрезается на полоски шириной 1 см. Конец жгута или полоски греется над свечкой до закипания, быстро засовывается между валенком и заплатой, которые тут же сжимаются на несколько секунд. И так — по всему периметру подошвы. За 30—40 минут пара «новых» валенок! То есть, на две-три недели можно забыть о проблеме. А какая экономия!

Постепенно быт, работа, досуг налаживаются. Однако бичом остаётся пьянство и, как следствие, начинается воровство. А уж о любви, переходящей в секс, я и не говорю — в отряде более ста девушек…

Впрочем, не все так грустно. Есть у нас одна бригада, у которой нет никаких проблем. Именно потому, что в ней есть человечек, который, кроме как снабжением своего коллектива материалами, инструментами, выгодными подрядами — больше ничем не занимается. Для нас — это эталон.

Увы, не у всех бригадир — Герой Соцтруда такой, как В. Новиков и «человечек» — член Союза писателей и журналистов, — как Р. Харизматов. Об их существовании в составе нашего СМП мы узнали случайно, но поняли: жизнь делать есть с кого…

…Как-то раз я встретился с Алиной, замначальника по кадрам, которая предложила мне пойти на 2-х месячные курсы плотников, на стипендию 76 рублей. Я сомневался в нужности сего предприятия, но, помножив стипендию на районный коэффициент 1.8, все же решился.

Туда же записались многие из тех, кто не попал в лесорубы, то есть у кого не было толковой работы. Так я снова сел за парту, которая стояла в учебном комбинате управления «Магисстрой».

Конечно, мечты о командировке на передовую, в Кудыкту, отступают в туманную даль. Но зато утешают мысли о приятном времяпрепровождении: театральный коллектив, библиотека, «Книга — почтой» и магазины, стенгазета и море ценного общения.

Один из предметов вел замглавы учебного пункта Филипп Иванович, который любил повторять: «главное, чтоб была спецодёжа!».

Кто бы мог подумать, что наука владения топором окажется столь увлекательной! Тем не менее, на уроках я поддался

соблазнам музы, и вот что она мне подсказала по теме строения дерева:

О, дерева святая простота!
Всего три части: корни, ствол и крона.
Не понесет дремучий лес урона
От гибели безвестного хлыста…

Отдаст доверчиво шершавая кора
Нежнейший луб на суд холодной стали.
Пьяна от сока кромка топора,
И крохи камбия в испуге к ней пристали.

Но заболонь не просто отдает
Свои слои, нажитые годами.
Вотще топор, вознесшись над судами,
В ядре заканчивает свой полет.

Но дерево — немое существо,
И сердцевина у него не бьется.
Удар последний. Тихий жуткий вой,
И от столпа пенек лишь остаётся…

И как, есть здесь философия? Чего греха таить, ходил я и в литобъединение. О его основании объявил недавно редактор многотиражки «Магистраль» — Гавриил Шестов. Собралось нас в первый раз пятеро: сам Гаврила, инженер-проектировщик Тамара, сотрудник МПС, член ССП — Олег, Толя Горисов — самый молодой член отряда — и я. Посидели в каком-то кабинете в Управлении, помечтали о будущем, послушали поэтические опусы Олега. Среди прочих прозвучали его строки:

Мои соавторы живут эпохою:
Тот — борщ придумает,
тот — мост отгрохает…

Критиковать их никто не решился, но мне показалось — ничем не лучше моего описания строения древесины. Зато «его соавторы» впоследствии обессмертили первую строку, заменив в последнем слове «э» на союз «и» и цитируя ее при каждом удобном случае.

Глава 3

Любви все девушки покорны. Независимые и счастливые. Встреча с писателем. Полет в Заозерье. Толковище комсы. Кому чашу пить? Плотники-лесорубы.

Ребята же в отряде развлекались, как могли. Например, многие изучали проблему взаимодействия полов. Причем, в основном на практике.

Как-то раз наш Тимоха, бывший некогда мильтоном, не мог заснуть, очевидно, из-за пережитого недавно потрясения. И, дабы обрести покой, решил с кем-нибудь поделиться. Подвернулся я. Все уже заметили, что недели две как он начал гулять с Галей Тиховой. И вот однажды…

Галя была девушкой симпатичной, но строгой, тяжелого поведения, я бы сказал, и не давала никому… даже повода. Я ломал голову: как ей мог понравиться такой простой, грубоватый мужик? С другой стороны — здоровый!.. На ночь в вагончике мы на случай мороза включали все 6 калориферов (пока их у нас не стали отбирать). Ночью в спальном отсеке бывало просто жарко. Как-то раз я ложился спать за полночь и, проходя к своей постели, увидел нечто…

Тимофей спал голый на спине, спнув от жары простыню ниже пояса. И то, что является предметом мужской гордости (или скорби), могло бы стать гордостью всего «Ударника». Всякие фрукты и овощи, которые обычно используют для оценки форм и размеров мужских прелестей, в данном случае не подходят. Пожалуй, ближе всего — батончик сервелата, если бы он был нежного розового цвета…

Зрелище это не может не заворожить любого нормального человека, как, например, слон, идущий по улице. Какое же гипнотическое действие может оказать на девственницу ощущение сего предмета даже сквозь одежду!.. А мороз вечерами, понятно, способствует разжиганию страсти. И вот, когда она разгорится, влюбленные — что? Правильно, ищут уединение в тепле. Но где его найти, когда ночами весь рабочий люд прячется по домам? Есть, однако, у нас одно замечательное отдельно стоящее помещение, никем ночью не занятое. Это бытовка, отданная под ленинскую[6] комнату. А у нашего героя как у дежурного оперотряда имелся от нее ключ.

Нелегко полностью описать сдержанно гордый рассказ Тимофея, но вся экзотика состояла в том, что девушка перестала быть ею на зеленом сукне стола заседаний. «Дефлоратор» же при этом стоял лицом к Красному углу и, то докладывал изваянию

вождя о ходе работы, то бил ему поклоны, моля, видимо, о том, чтобы на сукне не осталось следов, чтобы девушка не сразу сделала его отцом, и, наконец, о прощении сего святотатства.

Судя по тому, что Галечка вскоре стала светиться тихой счастливой улыбкой, процесс полностью удовлетворил ее. Что ж, она светилась в отряде не одна. Многие парочки, не имея доступа в священное помещение, обходились примитивными простынными перегородками и, не обращая внимания на аккомпанемент соседей, делали то, что подсказывала им суровая природа, фантазия и жизненный опыт.

…На курсах плотников все идет нормально. В переменки успеваю забежать в книжную лавку. Купил кое-что и для друзей на «материке». Все чаще приходится выкупать на почте посылки из магазинов «Книга — почтой». «Академкнига» шлет из серии «Литпамятники», например, такое: «Манон Леско», «Цветы зла», «Опыты», «Поэзию вагантов» и так далее, но с нагрузкой по цене до 50% (!).

…Много здесь молодых людей интересных в общении и в своих привязанностях. Из двадцати артистов нашего «театра» выделяются Веня Огнев и волоокая Ася Артюх. О Веньке — позже, а про Асю не могу, что называется, молчать. Девушка, привыкшая ко вниманию мужчин, могла позволить себе выбрать достойную партию. Веня, ладно сложенный, с длинными вьющимися темными волосами и хорошо поставленным взглядом занятого человека, тоже привык выбирать сам.

Неизвестно, как столкнулись два огня и два источника, но что вылилось это в шипение пара, а не в составные части, было видно невооруженным глазом. Веня на время остался в одиночестве, но Ася, повинуясь требованию жанра, быстро нашла достойного преемника. Им оказался красавец Арик Ингустов, настоящий герой-любовник, который в студии не занимался.

Проблему сожительства они решили кардинально и независимо, сняв в получасе ходьбы от нашего лагеря домик у местной жительницы. «Американское бунгало», — подумал я, когда увидел их гнездышко.

Не многие удостаивались чести побывать в гостях у «Независимых». Меня же затащил к ним ещё один идеологический стратег-философ Сашка Глазов. До того они жили с Ариком в одном вагончике и сошлись во взглядах на жизнь и любви к некоторым рок-группам. Саня привел меня в бунгало послушать «Тёмную сторону Луны» (Пинк Флойд), записанную на пленке, но скорее, — проследить мою реакцию.

Говорить нечего, — я был их.

Ася и Арик, возлежа на антресолях, балдели от моей яркой реакции и суховатой похвалы увиденному и услышанному. Они-то знали цену своим достижениям в борьбе за независимость и тихо гордились собой. Пожалуй, было чем. Так легко наплевать на отряд, на организацию и прочую идеологию, могли себе позволить лишь сильные духом.

Словом, это был настоящий вызов, ибо цель нашего приезда обозначалась строго: работа, сплоченность и никаких «любвей»! Но, видимо, наследственность сыграла здесь главную роль: бабушка у Аси была непримиримой революционеркой и чуть ли не подругой Инессы Арманд. А уж Инессу-то мы понимаем… Арик тоже был замечен в независимости суждений и поступков, да и вообще за словом в карман не лез. Видать, тоже наследственность или суровый армейский опыт. Главное — прецедент создан, а нам только его дай!..

Между тем, репетиции спектакля идут своим чередом, как, впрочем, и работа, и общественная жизнь… Наш неутомимый разведчик Толик Горисов узнал где-то о визите в посёлок Э. Мостафина — члена ССП. Уговорил меня, Митю и ещё пару ребят, умеющих читать, нанести товарищу визит. Мол, мы Вас знаем, читали и только и ждали случая… «А я — так слышу в первый раз», — думал я. Чувствовал, что иду на поводу, но все-таки — писатель! Может, нас вразумит и, уходя, благословит…

Как я и предполагал, — сплошные реверансы и праздное времяпрепровождение. Единственное, что поразило его — это положение дел на удаленных участках. В Урдале, например, живут до сих пор в палатках, не моются, газет не видят…

Расстались мы сердечно, тепло и обещали впредь быть в тесном контакте. Мы-то ему, наверно, были интереснее, чем он нам.

…1-го декабря вызывает меня в кабинет Серегин и сообщает «пренеприятнейшее известие»: наше СМП не имеет собственных печатей и штампов, но пользуется оными у смежных организаций, входящих в наш трест. Пора положить конец несправедливости и соорудить свои. Однако, ближайшее место, где их можно заказать — комбинат бытовых услуг в Чинте! А смотаться туда на три дня без ущерба для организации и с пользой для себя могу только я.

Лесть, к месту используемая, — великая вещь! Командировка — некое ощущение свободы и избранности — это ли не подарок! Партия сказала: «надо!». Я — «под козырек». Иду по инструкции в бухгалтерию за командировочными.

Тут-то и началось… Чтобы выписать командировку, получить доверенности и прочие бумаги, обивал пороги несколько дней,

сам ездил в аэропорт за билетом и кое-как улетел, пропустив все сроки.

В столице Заозерья за три дня я сделал все дела, обошёл некоторые очаги и рассадники культуры и готов был уехать восвояси, как вдруг обнаружил, что в ближайшую неделю мне этого не сделать из-за разъяренной толпы у кассы в аэропорту. Удрученный, я вернулся в город, и ноги сами привели меня к зданию редакции молодежной газеты.

Как только я пробрался в отдел рабочей молодежи, началось такое! Зав. отделом — Володя Кубарев моментально созвал свободный народ и устроил тут же пресс-конференцию. Про отлёт он просил не беспокоиться:

— Это мы устроим в два счета, — пообещал он.

Газетчики терзали меня не меньше часа, затем, «обсосав», как тарань, препроводили в горком, где я уже, как бывалый отрядник, давал рекомендации организаторам заозерского отряда для отправки в Чану через год.

На следующий день, в воскресенье, меня подключили к работе жюри на конкурсе молодежных ВИА, где пришлось что-то говорить о достоинствах тех или иных выступлений. Вечером Кубарев привез меня к себе домой, где с его друзьями-коллегами мы выпивали и смешили друг друга до колик в животе.

В понедельник я не улетаю, по причине нестыковки организаторов и исполнителей. Ночую у знакомых военкорров, которым я как-то присылал информашку о делах на Центральном участке. Лишь во вторник пробиваюсь на первый рейс: Чинта-Тамыгда-Чультан-Агдан. В Тамыгде выясняется, что ЯК-40 в Ленду уже ушёл. Поездов до Нелера уже нет. Беру билет на тот же ИЛ-14 до Чультана в надежде вернуться в Лендинский автобусом.

Чультан, однако, посадки, якобы, не дал, и мы летим прямиком в Агдан, на 400 км севернее Лендинского. Ночуем в Агданском аэропорту — холодном сарае и утром 4-го прилетаем в Чультан, на 200 км ближе к цели. Автобус до Лендинского идет лишь в 18 часов! Иду на дорогу голосовать, но при тридцатиградусном морозе долго не простоишь. Увы, до вечера — ни одной возможности уехать. Еду на рейсовом автобусе с ночевкой в Наборном. Утром 5-го автобус ломается, и в Лендинский я въезжаю на попутном бензовозе аж в 12 часов.

Сдаю в конторе отчет, а мои россказни о дорожных злоключениях никого ни капли не трогают. Может быть здесь всегда так ездят в командировки?

…Все плотники сдают последний экзамен, после чего готовят междусобой. Я хотел, было, его проигнорировать, за что

очередной раз получил щелчок: «отщепенец». Оказывается, пить совсем не обязательно, но «обижать» компанию нельзя. Что ж, пришлось остаться. Запомнил только, что один преподаватель молдаванин-весельчак, безуспешно пытался заставить всех спеть хором: «Аш ты, беш ты, меш ты, лар! Аш ты, беш ты, меш ты, лар!» — на какой-то знакомый мотив.

Вечером идем в ДК на первое после приезда комсомольское собрание. В повестке: 1) об обмене документов, 2) выборы делегатов на районную конференцию, 3) довыборы в комитет.

В нашем коллективе было 378 комсомольцев, 25 перешли в автобазу, 5 — уволено. После официального выступления Севы — секретаря комсомола — о Пленуме и его решениях народ загалдел о своем, наболевшем: о дисциплине (читай: пьянстве, прогулах); о разгильдяйстве-воровстве; о дружбе (то есть драках и разврате).

Многие повторяли в своих выступлениях друг друга. Бригадиры ругались: наборы щитовых домов некомплектны, щиты поломаны, материалы воруют, что вынуждены делать и они.

Лесорубам не хватает бензопил, отсутствуют ЕНиРы[7] на порубку леса, и мастер с бригадиром долго препираются по поводу срубленного подлеска: лес это или кусты, и как считать срубленный куст — пеньком или пеньками…

Даже Иванцов, наш профорг, поговорив для порядка об обмене членских билетов, опять прошелся по этим темам с названием конкретных имен и событий. Здесь же прозвучали «роковые» цифры по результатам соревнования лесорубов: бригада Степанова — 184%, Ашкоева — 135%, остальные и того меньше. Наконец-то, все узнали, кому «чашу пить», то есть, идти в десант.

Словом, собрание прошло приятно: обо всем поговорили, «пар» выпустили, «добро» получили, можем продолжать в том же духе. Ни слова о минувшем ЧП со смертью А. Кашинского, ни звука о статье «Абзац», ни намека на раскаяние руководства в никчемной организации труда и досуга, ни слова о нарушениях дисциплины самим начальством. Как же это обрыдло!

С исторической точки зрения победа в борьбе «за первое место», сиречь — за право пойти в десант, по-моему, не так важна, как кажется сейчас. Ибо следом за десантом отправятся соратники, помощники и подобные им. Однако, в данный момент для истории отряда — это событие первейшей важности.

Интересно, как определяли победителя в соревновании за участие в десанте? По выработке или по расходным показателям? Как определить выработку лесорубов, если на этот вид работ в конторе нет последних ЕНиР? Словом, как всегда,

кому надо, «тот за нас решит».

…А что за человек — этот победитель — можно сочинить. Вспоминаются фильмы о Стаханове, Гагановой и прочих ударниках труда, которые славили энтузиазм. Так вот они при норме 100% выдавали на-гора 300—400% продукции. И не важно какими усилиями, главное — доказать свою удаль, самоутвердиться.

Наши соискатели очень похожи на них. Впрочем, за это их не осуждают: вроде бы за тем и приехали. Однако, слыша ропот рабочих об издевательском отношении к ним, наш начальник переводит разговор на другое: «Вы же энтузиасты, вам деньги и дефициты не нужны». Разве об этом речь?

Обычно после завтрака (кто где), а чаще без него, народ сбегается на площадку к машинам. Но отъезжают они совсем не обязательно в назначенные 7:30 — одна не заводится, другая сломалась, у третьей — водитель «приболел». Им-то торопиться некуда, а ребятам после ожидания на улице предстоит ехать под брезентом в 30—40° ещё около часа!

Помимо стенгазеты «Бригантина», которую мы с идеологом Митяем сами запустили от восторга жизни, комитет выпускает и «Комсомольский Прожектор» (КП). Эта штука как бы высвечивает темные моменты нашей жизни. Например, КП поручили записать время отъезда машин на работу. Результаты плачевны: 7:45, 7:55, 8:10 и так далее. А в каких условиях мы работаем? А что мы едим на просеке? Что это за транспорт доставляет нас на место работы? То есть, — проблемы 30-х годов. Увы, ничего не изменилось с тех пор! Прокатился бы Сизов утречком под брезентом на просеку, куда на моей памяти он не заезжал ни разу, может быть чего-нибудь понял.

…Дипломированным плотникам объявили об отсутствии фронта работ и предложили поработать на просеке под железнодорожную насыпь. Я попал в бригаду Миронкина, где уже работали некоторые «необученные» мои соседи.

Глава 4

Делать жизнь с кого? Они «закаляли сталь». Не «Девчата». Юный пожарный. Пресса — друг человека.

Вечером ЛИТО собралось неофициально дома у Тамары. Толком ничего не делали, но приятно провели время, читая чужие вещи и обсуждая, как свои.

Не обошлось без сюрприза. Заявился вдруг Харизматов, но не к нам на посиделки, а к Валентине Сергеевне, тетке Тамары, симпатичной, одинокой работнице горкома КПСС. А тут — теплая компания. Слово за слово, заговорили мы о роли таких, как он, журналистов, писателей, приехавших сюда для приближения к правде жизни. Словом, зачем приехал «Максим Пешков в гости к бурлакам»?

Постепенно журналист-снабженец заговорил своим голосом. Оказывается, мы довольно темные ребята и не догадывались, что люди бывают с темпераментом общественным (ТО) и — эгоистическим (ТЭ). Что истинно талантливые — с ТО, не щадя себя, отдают свой талант другим. Не о себе ли это он? А бесталанные, боящиеся что-либо отдать, откладывают по-жлобски всё полученное от жизни в свои кубышки. С другой стороны, он как художник вынужден оставаться лишь наблюдателем «всех явлений в нашей жизни». Мы же должны сами изыскивать силы для борьбы с ее мерзостями, как люди с ТО, и так далее в том же духе. К сожалению, я себя не видел в тот момент, но думаю, челюсть у меня тогда отвисла.

Очевидно, мы имеем дело с гибридом, о котором наш теоретик умолчал: Темперамент Общественный, но Ограниченный Карьерой (ТОНОК). Ну, очень тонок! Нам его не понять.

В один из морозных декабрьских дней вдруг объявили по радио, что к нам приехали двое соратников Н. А. Островского по строительству узкоколейки у Болярки. Народ потянулся на митинг. Я взял свою кинокамеру «Спорт-S8», но из сотен ртов так валил пар, что лица исторических гостей постоянно исчезали в его клочьях, и, боюсь, на экране вместо «истории» мы увидим сплошной туман.

А старички, весьма ещё бодрые, в каракулевых папахах на головах излагали народу свой взгляд на события пятидесятилетней давности. Мол, всякое бывало: и холод, и голод, и несправедливость. А если шли в комитет права качать, так получали по загривкам, как стригунцы, и: «Цыть! Марш на работу!».

Я все пытался задать им конкретные вопросы: какова длина исторической узкоколейки, сколько народа ее строило, сколько градусов мороза было тогда, сколько «дров они наломали» и какой, в конце концов, лес в Заднепровье? Ответы, которые иногда доносились сквозь толпу, не были четкими. Да они, в общем-то, и не были нужны. Соратники Островского или внуки лейтенанта Шмидта, «лишь бы люди были приятные».

* * *

Сон о справедливом обществе.

…И что же нужно всем этим грабителям, бандитам, ворам? Предположим, что не славы, острых ощущений и не возмездия на почве зависти (у тебя есть, а у меня никогда не было). Значит, ради каких-то отложенных, нереализованных, скрытых потребностей иметь, обладать, использовать, то есть быть властелином в некоем царстве, созданном собственным воображением, насколько оно развито.

— Ну и что, мало ли кто о чем возмечтает? Народу на Земле миллиарды, а средства ограничены.

— Правильно. Но не все мечтают иметь все на халяву. Я думаю, половина всего дееспособного населения — собственники и организаторы производства, то есть производительная часть населения, осознающая необходимость своей деятельности и чувствующая личную потребность в труде и, естественно, получающая прибыль.

Так не легче ли вместо того, чтобы тратить средства на армии охраняющих и карающих органов, на поиск преступников и содержание их под стражей ради того, чтобы сделать из них неполноценных граждан и рецидивистов, — собраться всем миром и дать им все, что они хотят? Надо сделать для них рай на Земле, чтобы они жили в свое удовольствие ни в чем никогда не нуждаясь, но и не вмешиваясь в нашу человеческую жизнь.

— Так что же? Создавать для них «химию» наподобие «Города Солнца»?

— Да, только с точностью до наоборот. Ибо люмпен, не имеющий своего дела или собственности, никогда не ощутит в себе потребности работать как можно лучше, чтобы победить конкурентов. Иными словами, цель люмпена — это «справедливое» распределение прибыли, в худшем случае — грабеж. Поэтому работать они не должны.

И, коль скоро стратегия любого нормального государства состоит в том, чтобы обеспечить всем послушным гражданам равные стартовые условия, город солнечных жуликов должен будет оставаться недосягаемым для нормальных людей, как

лепрозорий.

— Да? А, если господину в законе захочется вдруг острых ощущений, и он пойдет и прирежет одного-двух, пусть и своих? Что будет тогда?

— В том-то и дело, что ни у кого не возникнет потребности резать кого-то, ибо каждый будет иметь все, что он хочет.

— Например, кусок пляжа на Багамах длиной 3 км?

— Да, сколько хочет. На Земле столько возможностей, что мы даже не знаем их все. Найти им кусочек земли обетованной, построить по особняку или халупе (кому что нравится), дать жратвы от пуза, зрелищ там, девочек, словом — все. И пусть себе живут в свое удовольствие до посинения. Желательно при самовольном выходе из зоны учредить расстрел. Для желающих начать обычную жизнь создать карантин. Если за установленный срок намерения их останутся положительными, выпустить в «свет».

— Да, но как сортировать людей на трудоголиков и потребителей? Экзамены что ли учредить или приставить к каждому наблюдателей?

— Я думаю, каждый должен сам решить, кем он хочет быть. Единственная трудность здесь — сохранение семьи как института. Скажем, родители хотят только загорать, а дети — зарабатывать, или наоборот, что вполне вероятно. То есть, семьи начнут распадаться…

* * *

…Итак, еду валить лес, что весьма почетно во всех смыслах: этим занимались многие известные ныне личности. С другой стороны, можно заработать славу первопроходца и ударника. С последним, правда, не все так просто: вместо положенных 7:30 выезжаем на работу в 10 часов.

Впечатления первого дня не поддаются описанию. Машина везла нас под брезентовым тентом по льду извилистого Гедкана, промерзшего местами почти до дна. Попадались нам и наледи — участки незамерзающей воды, запорошенные снегом: въедешь в нее и — хана, беги за бульдозером, иначе машина там и останется. По берегам — сопки и сопищи, поросшие разнокалиберной тайгой, в основном, лиственной, изредка — сосны, подлесок.

Прыгаем через борт грузовика, как «буратины», на совсем одеревеневшие за час езды ноги. И вдруг — крик-стон! Все бросились к парню, севшему задом в снег, думали, у него что-то с ногой. Оказалось, невероятное: железный крючок у воротника его телогрейки коснулся роговицы глаза и, примерзнув, тут же вырвал ее кусочек. Но, благодаря морозу под 40, кровь вскоре

остановилась, и все вздохнули с облегчением: зрачок не был поврежден.

Рубим все подряд, что потоньше. Стволы по обхвату больше, чем бедро нашей поварихи Тоси, оставляем молчуну бензопильщику Коле по прозвищу «Рыбников» (фильм «Девчата»). Одна бензопила на 20 человек — не беда, ибо лес на мари довольно редкий.

Сложность была в том, что работали мы на склоне сопки и таскали подлесок (по-научному — подтоварник) в кучи то вверх, то вниз по склону. Снегу было мало, и подошвы валенок таяли на глазах, оставаясь на острых камнях и зубьях от срубленных кустов.

…Обед нам готовят, не отходя от «кассы», на костре, Тося и Галя Тихова. Мы подтаскиваем им дрова, ставим перекладину на рогульки, рубим топорами хлеб, а с остальным они уж сами справляются: воды вокруг хватает, снег — чистейший, заготовки для второго заморожены заранее. Трещит костер, котлы источают ароматы, аппетит у работников зверский. Снег искрится на солнце. Киноидиллия.

Хорошо так питаться в походе неделю, другую. Но изо дня в день, месяц за месяцем!..

После работы, уже в сумерки, мы стояли на льду Гедкана в ожидании нашего транспорта — «Захара», т. е. допотопного ЗИС-157. При этом больше для развлечения, чем для согрева, Горисов с «Рыбниковым» жгли костерок. Дрова были сыроваты, поэтому Толик отвинчивал малую крышку на канистре (для заливки в бензопилу) и направлял в костер струйку бензина. С первого раза из-за мороза пламя не поднялось и до колен. Второй впрыск поднял огонь почти до пояса.

Многие ребята стояли поодаль и радости от того огня не ощутили. Зато третий впрыск произвел на бригаду «взрывное» впечатление. Огонь по струе, наконец, заскочил в канистру и литр «напалма» бросился волной на ошалевшего кострового. Слава богу, лицо он предусмотрительно отвернул в сторону и, оказавшись в огне, не растерялся, а упал лицом вниз и стал кататься по снегу.

Все произошло так быстро, что никто не успел броситься ему на помощь. Толик встал сам, встряхнулся, как птица Феникс, осмотрел потери на одежде, куски пластмассы от канистры на снегу и развел руками, недоумевая то ли гибели инвентаря, то ли собственному спасению… Ни у кого не хватило духу отматерить юного «пожарного», ибо вид его и так был жалок. По молчаливому согласию решили не трубить о происшествии.

Вскоре, осмотрев просеку, подошёл мастер и похвалил, мол,

сработали не плохо. Вернулись домой затемно усталые, замерзшие, но довольные.

Следующий день отличался от предыдущего лишь некоторыми материальными потерями. От ударов по остекленевшим стволам деревьев кромки топоров стали крошиться. На наждачном круге начальство экономило, поэтому, чтобы хоть как-то привести основной инструмент в порядок, после работы все взялись за напильники. Секта мазохистов…

Как-то после работы я зашел в ДК и вдруг узнал, что должен немедленно снимать ватные «доспехи» и идти на концерт Шубарина, который здесь был проездом. Бегу домой и обратно в ДК.

В фойе встречаю Шестова. Он, хотя и член Союза журналистов, но за 5 минут моего допроса так и не смог вразумительно сказать, пойдет ли моя ругательная заметка о первом собрании наших комсомольцев в «его» «Магистрали» или нет.

После концерта собралась редколлегия нашей стенгазеты. Постановили: поскольку Шестов женат на Капе, племяннице начальника Управления, то ему не с руки выступать против руководства, поэтому следует отдать заметку в «Рабочий Авангард».

Утром перед отъездом на просеку бегу в Управление и засовываю заметку под запертую дверь Тамары с запиской: мол, твои родственные связи с райкомом и его органом — «Рабочим» — нам ближе связей редактора «Магистрали» с Управлением.

Плетусь вечером с просеки, заворачиваю в Управление на предмет узнать результат своих манипуляций и вижу, что заметка напечатана в «Магистрали». Иду к Гавриле и, восхищенный его гражданской скромностью, жму ему руку.

Глава 5

Книжный поток. «Ихтиандр» в море тайги. Ученье — свет! Десант уходит, кто же остается? Комитетчики — ассенизаторы.

…В книжной лавке, открывшейся после ремонта, спокойно подписываюсь на собрание сочинений Л. Н. Толстого, покупаю один том из серии «Современный детектив», сборник рассказов А. Рекемчука и так далее. Прихожу в наш посёлок и вижу почтовую машину, в которой — среди прочих — четыре посылки с «книгами — почтой», на имя одной из наших активисток — Оксаны.

Выкупаем все посылки на сумму 80 рублей, потрошим их и составляем наборы: двухтомник Андерсена, «Земля людей», «Три Дюма», «Три мушкетера», не говорю уж о Чапеке. И все это — почти без нагрузки, такая редкость! Желающие приобрести их нашлись моментально.

Закончилась книжная операция ввечеру. Однако смертельный удар напоследок нанес мне дружочек Горисов. Он, как бы между прочим, достал из своих закромов монографию о Чюрлёнисе, заметив при этом, что был одним из первых, ворвавшихся сегодня в лавку. Тем не менее, эта «старая карга» — продавщица — тоже сделала ему апперкот, отдав на его глазах «совершенно неизвестным людям», шесть экземпляров (!) четырехтомника Хемингуэя.

В воскресенье, наконец, отоспались. В 12 были на собрании ЛИТО и почти впустую пробазарили до 15 часов. Новым был лишь рассказ заезжего журналиста о сложном положении дел на Восточном участке.

Сразу после этого пошли в «Пионер» на встречу с артистом театра им. Станиславского В. Кореневым. Зал был полон, и все было прекрасно. Но интереснее была встреча с ним в нашей студии после. Наслушались мы о делах в московских театрах, об упадке «Современника», о неудачном начале Захарова в «Ленкоме», о пятикомнатной квартире и лимузине с шофером у Ефремова, о делячестве Табакова, — и прочих театральных сплетен.

…Работаем на просеке под «железку»[8] (ширина 50 м на склоне в 30˚—40˚). Тайга — густой сосновый подлесок, крупные лиственницы, мелкие березы. Бензопила уже третий день не заводится, — толстые стволы оставляем.

…На очередной репетиции объявили о показе сцен из спектакля нашему начальству. Сдача «зачета» в среду. При

положительном исходе наш режиссер получит добро на визит к знакомым московским коллегам, чтобы заручиться их поддержкой в постановке.

…Однажды вечером кто-то сообщил, что меня и ещё несколько человек посылают на курсы бригадиров с «отрывом» на 1,5 месяца. «Учиться, учиться и учиться»? — как сказал один из классиков. Что ж, если надо… Пойду, поучусь ещё. В деньгах я, конечно, опять проиграю.

…А здоровье у всех отменное, воздух здесь сухой до жути, так, что я даже не кашляю. Сплю в своем ватном спальнике и прогреваюсь настолько, что все простуды вылетают из меня до полуночи. Спальник очень помогает при нештатных отключениях нашей электростанции по ночам. Утром некоторые соседи не могут оторвать волосы от покрытых инеем стен вагончика.

По улицам поселка щеголяем в полушубках, что действует на «старожилов», как красное на быков, но столкновения с ними пока обходятся без крови.

Слухи о привлечении бывших зэков на стройку появляются и здесь, но заезжие журналисты об этом ничего не слышали. Напротив, недавно стройке присвоено звание Ударной Комсомольской. Правда, что это значит с финансовой точки зрения — никто не объясняет.

…На Кудыкту отбыл первый десант. Об этом написано во многих газетах. Естественно, командиром отряда из 25 человек разных специальностей стал Влад Степанов: основу десанта составила его бригада лесорубов. Однако, вопреки его желанию добавили ему несколько идейных товарищей «для крепости».

Товарищей-то добавили, а таких вещей, как, например, аварийное освещение в виде свечек — дали только одну. Про запас курева вообще забыли.

После типового митинга караван из двух бульдозеров и двух трелёвщиков[9], тянущих на буксирах балки и сани с бочками ГСМ[10], двинулся в морозный туман. При морозе ниже 45° и полной неподвижности воздуха туман бывает такой, что в тридцати метрах ничего не видно.

Вскоре после выхода на лед Гедкана один из трелевщиков заглох намертво, и караван встал надолго. Потом на торосах стали рваться, как нитки, 32-х миллиметровые перемерзшие тросы. Полы в балках, готовящихся к отправке, утеплили 10-ти мм слоем ДВП[11], и то в последний момент. Но и — слава богу, так как полозья у балков были низкие, и все полы в процессе преодоления торосов и прочих подснежных препятствий поломались напрочь, так, что их пришлось переделывать. Словом,

приключений хватало, и за первый день санный поезд едва ли прошел треть пути. А до Кудыкты — больше 40 км.

Все это я узнал позже, ибо с утра сидел за партой. Тот, кто составлял учебный план бригадирской науки, вряд ли когда-нибудь видел бригадира в работе. Конечно, сведения из теории строительства нужны, но для того, чтобы заставить парней рвать пупки, — совсем необязательны. Какие там эпюры!

На следующий день вечером Тимоха, протягивая мне руку, нарочито громко заявляет:

— Поздравляю! Поздравляю тебя!..

«С чем бы это»? — лихорадочно соображаю я, так как это могло означать любую гадость вплоть до увольнения. Однако, после подобающей паузы он сжалился:

— Ввели тебя в состав комитета комсомола большинством.

Кто был «меньшинством», я догадался.

— Я был против, — подтвердил Тимофей мою догадку. — Я считаю, что ты — отщепенец, оторвавшийся от коллектива…

В подробности он не вдавался. К сожалению, довыборы проходили «внезапно» — никто, конечно, и не догадывался, что 4 члена комитета уйдут в Кудыкту с десантом. И меня, естественно, о довыборах в комитет не уведомили. Я бы объяснил собранию, что «отрыв» заключался лишь в том, что я не только отказался участвовать в ночных карточных побоищах с непременной выпивкой под руководством Тимохи, но открыто презирал его компанию.

Теперь, став зав. оргсектором, я мог напрямую указать ему на несоответствие его официальной позы: «долой пьяниц и картежников!» — с поведением в натуре. Но что он — порождение лицемерной советской среды — мог изменить в себе, если двойная мораль вошла в его жизнь с детства?

Впрочем, что говорить о Тимохе, если в число «заактированных» попали: член партбюро, член комитета; в число «замеченных неоднократно» — командир отряда, комиссар. И бог весть, куда ещё проникли «метастазы» алкогольной «заразы».

Но с подтверждением слухов, полученных с почты, о перлюстрации наших писем с официальными адресами — все прочие проблемы меркнут, как свет лампочки при вспышке молнии. Это насколько надо переродиться, чтобы держать нас, как лягушек в аквариуме, под непрерывным контролем. Где мы живем, какие права человека?!

С другой стороны, например, Горисов проспал на работу, а для оправдания выпросил больничный на три дня. Видимо, в качестве компенсации за мерзость окружающей действительности. И это не помешало нам с ним 24-го выкупить

8 изданных томов из собрания Л. Толстого.

К вечеру я понял, что тоже заболел (температура 38,8°). Заразился от друга? Пришлось отлеживаться в спальнике. Врач, прибывшая в отряд, констатировала у меня и у соседей грипп. Похоже на эпидемию. Поэтому четверг выпал из жизни, как монета из дырявого кармана. Но в пятницу я даже ходил в столовую, а вечером разносил газеты по вагонам.

В субботу я уже работал в совместном заседании комитета и штаба Дружины. Результат: трое представлены к увольнению за систематическое пьянство на работе. Среди них тот самый, из зоны, которого приняли в комсомол для исправления «здоровым коллективом» перед отъездом из Москвы. Исключаем его из рядов обратно. Ещё 6 кандидатов вышли из чистилища со «строгачами» и «последними» предупреждениями. Так прошел первый день новой для меня практики.

Накануне «показухи» сцен из спектакля начальству нам объявили отбой. Вместо этого в ДК «Пионер» состоится встреча с монгольской делегацией. В 11 часов студентов и прочую праздную публику созвали в «Пионер» на митинг. Все прошло привычно гладко: присутствующие очередной раз заверили друг друга в нерушимости дружбы между нашими народами. Затем, в подтверждение благих намерений их Министр легкой промышленности накинул на плечи нескольким рабочим по дубленке. Остальным присутствующим обещали выдать такие же подарки несколько позже. Надо ли говорить, что этот светлый момент не наступил никогда. Зато вскоре замечательные изделия монгольских умельцев, правда, покрытые «плащевкой», появились в магазинах поселка.

Вечером логично пошло прозвучал концерт ВИА «Сибирские ребята» из филармонии.

…На втором заседании «комитета девятнадцати» — именно столько в нем народу по списку — присутствовало почему-то лишь девять. Мне было поручено вести персональные дела отступников, отчисляемых из рядов.

Разбирали дело одного оперативника, уличенного в краже казенного имущества. Судили-рядили, выбирали ему наказание. Выступил командир оперотряда: мол, нельзя ударяться в крайности, «человек он заслуженный, партийный, имеет две правительственные награды за участие в венгерских событиях, контужен». Надо сделать запросы в район, на прежнюю работу и вообще — не травмировать зря человека. Да, жираф большой…

Однако, как ни «воспитывали» мы пьяниц, некоторых пришлось исключить из рядов и представить на увольнение из СМП. Со скандалом и скрипом добились увольнения Шустрова,

который, как истый вор в законе, организовал вокруг себя пару друганов и держал под ножом соседей по вагончику. Ну, копия «Путевки в жизнь»: Мустафа дорогу строил…

Или, например, трагикомедия. Коля Носкин, работник коммунальной службы, вечно ходит в рабочее время поддатый.

— Коля, ну, рассказывай: почему ты вечно пьяный на работе? — спрашивает на заседании комитета Сева.

— Да разве я пью? — заикаясь, говорит он — незаменимый ассенизатор наружных туалетов, в обязанность которого входит долбить ломом в выгребных ямах говенные, окаменевшие на морозе сталагмиты.

Был случай, когда, наткнувшись впопыхах голым задом на такой шпиль, один из наших земляков выскользнул по желтой ледяной горке из уборной, как кукушка из часов, на обозрение проходящей публике…

— Я — не-е, ёлкины! — стараясь подобрать приличные слова, объясняет он. — Я не пью на работе. Так, стакан вмажешь, ёлкины… Попробуй-ка подолби это… там, внизу. Оно же летит в рот, в нос, в глаза… А так, стакан принял, и ничего. А после, ёлкины, опять стакан надо…

— Значит, пьешь для дезинфекции… — резюмировали мы, утирая от смеха слезы.

Что ж, пожурили ценного работника и отпустили.

Глава 6

Циники и лирики от ТВ. Чудо-наволочки. «Зачет» сдан. Искусство требует… Свадьбы наступают. Один — на всех. Первый конкурс песни. Песня бражника.

…Неожиданно после актива Сева выдает мне задание: подготовить рассказ о достопримечательностях столицы. Агитбригада должна выступить у аборигенов в колхозе «Зорька», что в 18-ти км за рекой Лендой. Позже наша библиотекарь Катерина выдала мне нелепую книжку «Москва глазами репортера». Я добросовестно выписал кое-что в блокнот и стал учить.

На нетайную вечерю зашел Митяй, как всегда пошатываясь после восьмичасовых «танцев» с бензопилой на просеке. Однажды Сизов, начальник СМП, увидел «зигзаги» Митяя, задубевшего в кузове грузовика и с «Дружбой» за спиной. Своим наметанным глазом он враз определил: «Эти, так называемые энтузиасты, умудряются набраться и в тайге! Где только водку находят, шельмецы?!».

В этот раз его потянуло ко мне желание поделиться своим знакомством с корреспондентом, написавшем о нашем отряде статью «Абзац». Прочитав ее, он не мог не выразить свой восторг автору, но долго не находилось времени для этого. Наконец, зайдя в редакцию «районки», он узнал, что автор — это хрупкая девушка Люда Коротич, лет 25-ти, выпускница ДВГУ, старожилка этих мест и вполне опытная журналистка.

Он разговорился с ней и понял, что между ними много общего.

— Ты знаешь, она такая пронзительная и решительная! — говорил он с восторгом, не обещающим ничего хорошего. — Мы тут ходим вокруг да около, попискиваем, как мышки, а она сразу все просекла и выступила, невзирая на лица…

В четверг и пятницу добросовестно изучаю бригадирское мастерство, а заодно — красоты Кремля и его окрестностей. Вечера мы с Горисовым проводили в душещипательных беседах с тележурналистами из области и циниками из программы «Время», которые проживали в общежитии учебного пункта.

Благинцы были доброжелательны и, насмотревшись нашего эксперимента на просеке, в отсутствие элементарных норм безопасности, призывали нас к действиям вплоть до отказа от работы. Попытки объяснить им фатализм ударников, происходящий от извечной подначки начальства: «Что, слабо?!» — натыкались на полное непонимание.

— В том-то и суть работы ударника труда, чтобы нарушить известные нормы, перейти границы дозволенного и доказать всем какой он необычный, — кипятился Толя.

— В нормальных условиях и дурак может сработать, как герой. А ты сумей-ка «через невозможное — вперед!», — резюмировал я.

Тем не менее, от журналистов якобы ускользала сама идея работы на голом энтузиазме, вопреки здравому смыслу. Москвичи же откровенно издевались надо всем, что здесь увидели, ибо думали, что мы терпим надругательства руководства ради бешеных денег, которых никто из нас ещё не видел. Так, не найдя взаимопонимания, но довольные своим красноречием мы расходились за полночь.

…Прекрасный субботний день объявили учебным. Однако, ничего из этого не вышло. Параллельно нашим занятиям сдавала экзамены вечерняя группа плотников. Для стирания грани между физическим трудом и умственным выпускникам просто необходимо было выпить с преподавателями «на брудершафт». Удобнее всего это было сделать, не отходя от экзаменационного стола. Ученикам, не занятым в «братании», не оставалось ничего иного, как уйти, покрыв «альма» матерными словами.

…Удалось выполнить один из заказов заозерских военкорров: купил и отослал им белый полушубок, что, будучи отмечено наблюдателями, наверняка зачтется мне в судный день. Мало ли для чего ты отсылаешь дефицит…

Правда, едва ли найдется в отряде человек, не пославший отсюда ни одной объемной посылки домой. Причем, для упаковки народ обычно использует наволочки. Идешь в магазин, а там, как известно, — советский стандарт: 70х70. Что делать? Берешь, что есть.

…Ложится как-то Гошка спать и видит чудо: наволочка у него совершенно новая, но подушку в ней найти — не поле перейти, потерялась в ее просторах. Видимо, кому-то срочно понадобилась упаковка, но все наволочки нормального размера в их вагончике, кроме Гошкиной, уже улетели на «материк». Вот и конфисковали ее по горячке, не спросив хозяина. И то хорошо ещё, что дали замену, а кое-кто уже привык спать без всяких наволочек.

В воскресенье в 15 часов в «Пионере» представителям Управления и Штаба мы показали, наконец, сцены из спектакля А. Мищенко. При обсуждении нашего будущего мы не присутствовали, но, всё равно, получили «добро» с некоторыми поправками.

Например, могут ли понравиться доводы одной из героинь-лимитчиц: «Да что хорошего было в столичной общаге? Водка,

карты, драки… Ради этого что ли там жить?», — особенно идеологам ЦК ВЛКСМ? В нашем общежитии такого быть не может, потому что никогда… Все же, думаю, Мищенко не отдаст этот эпизод.

После этого в 17 часов, не проведя ни одной репетиции, уселись мы — семеро столичных «актеров» — в будку на грузовике и поехали по ухабистой дороге к «подшефным» колхозникам. В кабину сели Сева и его жена. «Зачем она-то едет?» — терялись мы в догадках. Морозец был около 40°.

Известно, организаторы у нас люди горячие и о себе не думают, ездят в тесных кабинах. А рядовые граждане, пусть едут посвободнее, в кузове под брезентом, авось не замерзнут! Увы, граждане вопреки ожиданию руководства просто окоченели, ибо шофер не знал дороги и ехал до колхоза зигзагами почти час.

Приехали в Заречье уже затемно. В клубе прохладно и темно, то есть никто не ждал сегодня «артистов». Их ждали почему-то в воскресение, завтра. Как договаривался Сева?! Катерина ехала в сапожках и едва смогла дойти до радиатора в клубе, и это — после сильнейшего гриппа!

Организаторы, все же, пошли по домам, стали созывать зрителей. Все равно им приходить на фильм «Привидение в замке…». Постепенно собралось три бабки, два пьяненьких мужичка и десяток мамаш с детишками. Все, как есть, с раскосыми «индейскими» очами.

Отогревшись, Катерина начала представление. Первым выпустила меня «для затравки». Я начал рассказывать, как прекрасна наша столица, а особенно — Кремль. После описания пятой или шестой его башни, по пьяным голосам из зала я понял: присутствующее эвенкийское население уже готово бросить своих норок, песцов и оленей с тем, чтобы ехать покорять столицу. Я быстро закруглился, не доводя дело до крайности, как Бендер в Нью Васюках, и осмелился выйти на сцену лишь в финале, когда вся наша команда под аккомпанемент Катерины пела «коронку»: «Красный командир».

Среди импровизаций остальных артистов мое нелепое выступление, как утверждали очевидцы, в полумраке клуба вполне сошло за третий сорт.

На обратном пути мы, несмотря на внутренний разогреватель, опять замерзали до дрожи. На фоне такой жертвенности меня сразила наповал неизвестно откуда взявшаяся новость: наша поездка и задумана была, дабы руководство смогло приобрести или заказать меховые полезные ископаемые: унты, шапки и тому подобное, добываемые колхозниками. Словом, совместило необходимое с полезным.

Неожиданно заехали к единственному в поселке кафе «Белка», где высадили Севу с женой и Катерину. Оказывается, у них запланировано ещё одно милое мероприятие: молодежная свадьба. Там-то, наверно, Катерина и отогреется.

Отряд захлестнула волна свадеб: по две-три в неделю. А что делать? Молодым надо как-то упорядочить свою жизнь, хотя бы на время. Ведь через каких-нибудь полгода должны появиться первые детки.

Вечером у меня родились строки, навеянные наблюдениями за моими соратницами.

Ваши речи намеренно грубы,
В Вашем взгляде так мало тепла!
Видно, даром на Вас полушубок,
Верно, движутся плохо дела…

Я печаль Вашу тайную знаю,
Мне знакомо сметенье души,
Я Ваш взгляд, словно книгу, читаю,
И страницы её хороши.

Не хватило одного куплета, чтобы получился текст для романса.

В воскресенье ходил на почту, заседал в комитете со штабом дружины. Разбирали дело 36-го вагона, где один юноша измолотил своего соседа, затем досталось двум «секундантам», потом — случайному визитеру из другого СМП. От неожиданности никто из них даже не попытался остановить «супермена», ибо он никогда не поднимал руку на своих соседей и не был замечен нетрезвым.

Более того, через некоторое время все — и пострадавшие, и истязатель — выпили «мировую», а наутро не вышли на работу. Опрашивая всех по одному, мы встали в тупик: пострадавшие признали виновными себя, а зачинщик просил отчислить его. Результат дебатов таков: троих — предложим начальству уволить, а первого избитого — выгнать из рядов комсы.

Вечером в «Пионере» не без участия Катерины был проведен конкурс КСП. Очевидно, она как участница подобных слетов давно задумала утвердить и здесь хорошую традицию. Выступало, правда, всего 10—15 человек, и одно из первых мест среди них заняла, естественно, сама организатор. Весьма бледно на общем фоне выступил «наследник» славной традиции Пединститута и его выпускник Сева с песнями А. Якушевой. А, когда в зале вдруг погас свет, сам Иванцов прочувствованно пропел

в кромешную тьму «Выхожу один я на дорогу…». Словом, было чудно!

Понедельник объявили неучебным днем. Я сходил в старый книжный, где, по словам хозяйки, не было «ничего нового». Однако, покопавшись на полках, обнаружил «Воспоминания» А. Цветаевой и «Избранное» Ю. Олеши. Но уходить не торопился, чуя, что это не все «старое». Так, опытным взглядом «рентгена» мне удалось «откопать» под прилавком «Тайную войну Максима Исаева» Ю. Семенова.

…Зашли с Горисовым в библиотеку «Пионера», где иногда единой книжки ради перекапывали тонны «руды», и меняли на свои поступления. Увы, хозяйка книжной горы — Вера Ручицына — объявила нам, что с 1-го уходит работать в лабораторию, чем весьма огорчила. На прощание поменяли свои излишки на «Успех» и «Избранное» Чапека, поступившие из Молдавии.

Кстати, в декабре «Книжное обозрение» напечатало Толино письмо, где он ругал один из магазинов «Книга — почтой», приславший сюда посылку на 100 рублей, половину которой занимала «нагрузка». Например, десять книжек о С. Лазо в мягкой обложке и др.

С тех пор со всего Союза ему сыплятся открытки с предложениями об обмене. Например, «12 стульев» и «Теленка» на «Три мушкетера» или на собрание сочинений Л. Н. Толстого или ещё черт знает на что. Но вскоре пошли открытки с «наглым» требованием выслать эти же книги наложенным платежом. Находясь в затруднительном финансовом положении, Горисов злорадно хмыкнул:

— Ну, я им пошлю Чапека с «Тремя мушкетерами» и нагрузку рублей на восемь. Будут знать, как нам достаётся литература!..

Словом, «напугал» книгоманов до смерти.

…Не успел комитет разобраться с одной компанией, как в канун Нового года, ночью, был избит командир отряда Валентин. Поскольку он якобы не узнал напавших на него, дело останется темным и ничем не кончится. Или в нем замешаны сами оперативники, или внешние силы, бороться с коими должны более компетентные органы.

Ночью силился написать святочный рассказ, но ничего не вышло. Пришлось перепечатать «Гусарскую балладу», сочиненную недавно под впечатлением ночных попоек Тимохи и К°. Она вписывается в размер «Когда б имел златые горы».

Не лей бальзам тирад изящных
На раны гибнущей души,

А лучше «бормотухи» ящик
Из магазина приташши…

Не вынес я душевных пыток,
Пришёл любви моей конец!
Так лучше выпьем тот напиток,
Что предлагает «Винимпекс».

Ах, сердце ноет под нагрузкой,
Как видно, назревает стресс.
Налей-ка свежей «Старорусской»,
И сдвинем кружки за прогресс!

Кому, ты жизнь, нужна такая!
С тобою разрываю флирт.
Не предлагайте мне Токая —
Я пью неразведенный спирт!

Пускай растает юность в дымке…
Я вижу: близится закат.
Ах, если б на своих поминках
Я смог попробовать мускат…

Выдержанная в стиле и выражениях, бытующих в наших рядах, она заслужила высокую оценку Горисова, Икорникова, Катерины и других ребят.

Глава 7

Дневник десантника. Предновогодние заготовки. Лечение силой. «72 градуса ниже ноля». Души невнятные порывы. Где бы святого найти одного.

Главным материалом новогоднего выпуска стенгазеты станет «Дневник десантника», который передал мне Влад, приехавший с ребятами из Кудыкты за новогодними покупками.

Конечно, описаний природы в нем нет, да и жалоб на подготовку десанта не найдешь. Зато ярость, сопровождавшая столь любимый Владом процесс преодоления неожиданностей, ясно проглядывается в его скупом повествовании: «… Трелевщик заглох на первых километрах пути. Олег Боронов полез в мотор, и вскоре мы поняли, что соляр стал, как кисель, и не идет по трубкам. Кто нам всучил летнее топливо, когда мороз под 50°?!…», — и так далее, с многоточиями через каждые три слова. Хотя к чести Влада надо сказать, что слова-«связки» в своей речи он никогда не использует.

Сидя за чаем, он чуть не слезно просит нас с Митяем повлиять в комитете на состав бригад, готовящихся к работе в Кудыкте.

— Послушайте, ребята, — говорил он устало. — Те, кого мне навязали с десантом, ни в какие ворота не лезут, не тянут они совсем. Работают только, когда я рядом… Положиться можно только на десяток человек, с которыми уже пуд соли съел на просеке. Остальные — просто балласт…

— Влад, мы, конечно, попробуем что-то сделать, только как? — спросил Митяй. — Ведь Севе — лишь бы избавиться от этого «балласта».

— К тому же, бригады уже сплотились, — добавил я, — и круговая порука в них сильнее любого комитета. Тащат за собой всю безнадегу… Да и здесь с содроганием ждем новогоднего загула.

…Сегодня вторник — последний день старого года, а настроение далеко не у всех праздничное. Всеобщий подготовительно-закупочный ажиотаж совсем не захватывает, скорее раздражает. За три месяца нашего пребывания здесь особых достижений ни в работе, ни в строительстве отношений совсем не видно. Так, мышиная возня, суета…

Кстати, о мышах. Вероятно, они водятся в каждом балке, но никто с ними не борется. У нас, например, они благоденствуют на полке в прихожей среди круп и прочих припасов. На нижней, широкой полке стоит бак с водой, которую

мы берем из водовозки. Открыв однажды дверцу полки, я, видимо, застал воришек врасплох, и они, ослепнув от яркого света, бросились в рассыпную. В сутолоке один из мышат оступился и полетел в бак, бывший, естественно, без крышки. Оказывается, мыши хорошие пловцы, ибо, заглянув в бак через четверть часа, я увидел его по-прежнему на марафонско-кольцевой дистанции.

Ещё грустно от того, что в суете и якобы срочных делах нет времени на что-то главное, за что не было бы «мучительно больно» потом. Да и как остановить эту погоню за собственным хвостом? Кажется, попади я сейчас вдруг в камеру-одиночку, смог бы написать такое!.. Скажем, «Записки из муравейника» или «Сто дней Дениса Иванова»… Но за что можно получить такую «командировку»? Не иначе, как за какое-нибудь «влажное» дело. Опять — не реально.

Под Новый год «районка» напечатала «ура» -поэму члена ССП Олега о том, как здорово, что Дирекция строительства моется в поселковой бане, а заодно стирает в шайках исподнее.

Все бы ничего — у искусства нет запретных тем — да только на главном входе бани этой злосчастной всегда висит замок. Нет, конечно, можно улучить момент и прорваться в нее не через «зад», но воды горячей в ней все равно не будет. К тому же каждый человек помнит медицинский плакат: «Стирать в бане запрещено!». Нормальный гражданин этого и не сделает, но то — гражданин… Поэтом быть он не обязан.

С другой стороны, хотя горячей воды и не бывает, но раскаленный пар проходит по трубам отопления в так называемую парилку. И тут нельзя не поразиться чуду русской смекалки: поливая раскаленные радиаторы холодной водой, наши люди собирают в шайки уже — горячую. Вечная слава воде!

…Днем я был послан своим районом — рудиментом землячества — в магазин за барашком. Хладнокровно отстоял в очереди, но отечественного производства — мне не досталось. Пришлось брать новозеландского — несколько дороже родного, видимо, из-за симпатичной бязевой обертки.

Доморощенные специалисты вроде Арнольдова и Иторенко долго пристраивали замороженного барана на вертеле над костром. Однако мороз был такой, что туша не только не оттаивала, но замерзала вновь со стороны, удаленной от огня. Промучившись с барашком около часа, повара порубили его и понесли на сковородку, чтобы хоть как-то успеть к бою Курантов.

…Год второй, январь. Выпив с земляками шампанского за наступивший год и пожевав сухой заморской баранины, ушёл

спать, не ощутив праздника. Остатки барашка повара предусмотрительно поставили вариться. Около 6-ти утра кто-то из «жаворонков» догадался выключить плитку, поэтому на завтрак мы имели холодец, а не уголь.

Праздник мы ощутили позже. Во-первых, ночью выпал снег, если так можно назвать пыль, которая обычно оседает здесь, будто выбитая из матраца Снежной королевы. При этом температура поднялась до —22°, что после —40° воспринимается как наступление весны.

А весной — что? Происходит брожение, вылившееся в одном из женских балков в драку. Вернее, не драку, а «излечение» несчастной, коей являлась вечно пьяная Л. Фомкина 19-ти лет. Вопрос о ее увольнении стоит почти с первых дней нашего приезда. Комитет все же надеялся на чудесное «влияние трудового коллектива» и тем лишь усугублял положение «больной».

Вот и взяла на себя профилактическую миссию член дружины Маша Бондарчук, слегка пересчитав Фомкиной ребра и нанеся на ее веснушчатое лицо экстравагантный грим. Если и эта мера не поможет, придется расстаться с трудновоспитуемой.

Во-вторых, мне, наконец, удалось взяться за присланную друзьями повесть Санина «72° ниже нуля». Прочел ее на одном дыхании. Сначала она показалась мне несколько документальной, но эпизод, в котором Лёнька, нарушая все инструкции, обезумев от страха, ищет санный поезд в «черной пурге», доказал философскую наполненность всей вещи. Обязательно дам прочесть ее всем своим.

Эту повесть неожиданно помог мне переварить Икорников, пришедший поделиться наболевшим как раз на самом интересном месте. Глубоко переживая ситуацию в отряде, он не видит ничего лучше, чем направить весь заряд энергии на «пробивание стены» своей головой. Не имея ни специальных знаний, ни навыков работы с людьми, он намерен срочно, одним махом изменить их, извлечь из хмельной круговерти.

— Я пойду к ним (видимо, в ряды нетрезвых комсомольцев) и буду кричать до тех пор, пока до них не дойдет, что пора остановиться, что жизнь проходит впустую… — шумел он в экстазе, сидя за кружкой чая в столовой части нашего балка.

Однако, это не мешало землякам сновать мимо нас в магазин за пополнением запасов спиртного для ночных карточных бдений.

Сидя за шахматами и попивая чай до трех утра, я пытаюсь направить порыв Мити в практическое русло рутинной воспитательной работы. Что-то, конечно, он воспринял, но придумать реальный план действий мы не смогли.

А тут ещё «Зависть» Олеши, которую он держал перед собой и цитировал в подтверждение своих мыслей в течение четырех часов, то есть доказывая постоянство воззрений нашего народа с 1927 г., когда была написана эта книга. Через 4 часа ему ехать на просеку, а мне идти на учебу.

В процессе учения обдумывал, как бы мне вернуться в бригаду лесорубов. Вечером узнал, что бригадир Миронкин настроен против «лишних ртов», ибо своим работы не хватает. Главный инженер, который мог бы поспособствовать, — уходит в другую организацию. Алина как кадровичка могла бы просто направить туда, но устроила себе командировку в столицу. Словом, нет мне пути назад.

Тем не менее, жизнь идет своим чередом, то есть вполне нормально, если не считать, что выдачу зарплаты за прошлый месяц отложили на неопределенный срок. Да и зачем она нам? Мы ж «романтики» и не за этим сюда ехали, проживем и без денег. Кстати, две банки кофе, давеча присланного Алексеем, пришлось толкнуть с молотка. Ведь не кофеем единым!..

А пока продолжаю «грызть бетон» науки или науку о бетоне…

В первый учебный день нового года занимались с нивелиром на местности. Естественно, в перерыве сбегал в книжную лавку. На полках — ничего нового. Но вдруг наша «ведьмочка», задружившая с нами после получения «шести мушкетеров», спрашивает:

— Гена, а как ваша фамилия? — и записывает ее куда-то.

Через минуту она подзывает меня расписаться и вручает мне подписку на трехтомник Светлова. Оказывается, в райкоме отказались от двух собраний советского классика. А нам все сойдет, хотя бы для обмена. Вот, что значит появиться в нужное время!

Глава 8

Любитель детективного жанра. Комсомольцы — беспокойные сердца. Поэзия и проза. Инакомыслящие.

Вечером очередное заседание комитета. Утверждали состав двух бригад, отъезжающих в понедельник в Кудыкту. Пожалуй, это были последние две капли из моря моего терпения. Все походило на процедуру приема в ряды комсомола. Вызывают очередного кандидата и задают ему нескромные вопросы:

— Какое образование?

— Семь классов.

— Здесь подавал заявление в вечернюю школу?

— Подавал.

— Учишься?

— Нет.

— Почему?

— А зачем мне учиться? Я дом и без образования построю.

— А как семью построишь? Ты знаешь постановление о всеобщем среднем образовании? Соберешься жениться, а невеста тебе скажет: «Иди подучись…».

— Да их полно-о!..

— Как?! Значит, учиться отказываешься? Нам такие не нужны.

— Не знаю… Попробую…

— А что же ты делал эти три месяца после работы?

— Ну, отдыхал…

— А как насчет водочки? Не увлекаешься?

— Как все…

Собственно, ради ответа на этот риторический вопрос и устраивается весь спектакль. «Артисты», отвечающие на вопросы, не отличаются оригинальностью. А задающие их — просто в восторге от отсутствия оригиналов. После порции натужного смеха Сева предлагает стандартное:

— Что ж, если бригадир и комсорг ручаются за товарища (те кивают головами, как лошади в упряжи) — добрый путь! Поздравляем тебя…

— Угу, — отвечает кандидат и усталый вываливается на улицу.

Ещё три таких «обсуждения» в нарастающем темпе, и меня начинает подташнивать. Я встаю и, несмотря на окрики «коллег», молча выхожу отдышаться на свежий воздух.

Вторая бригада через «чистилище» пошла было маршем, да вдруг споткнулась. Один из кандидатов никак не мог пройти

в кудыктинские «кущи» потому, что для начала не мог пройти и в нашу дверь — едва стоял на ногах. То есть, ни в какие, даже широко распахнутые ворота, не лез. А затолкать его в них не дали «оптовикам» -доброжелателям вроде Севы и К° бдительные Тимоха и Митяй.

Правда, проделав запретительный выпад, мол, нам такие «непроходимые» не нужны, Тимофей запросился на волю. При этом он пожаловался на сильную головную боль, которую, как я знал, «усугубляли» два билета на вечерний сеанс в его кармане. Что ж, мы не звери, отпустили бедолагу лечиться.

Все же, народ решил «помахать руками после драки» и загалдел перед уходом о том, что — это не работа, а профанация, что в Кудыкте получается не ударный десант, а ЛТП[12]. Но все уже куда-то заторопились (не в кино ли?) и на ходу постановили в следующий раз обсудить нашу работу, то есть, высечь себя, как «унтер-офицерская вдова».

В конце концов, многочисленные дебаты с Митей и Гошкой, да и личные размышления убедили меня в тщете нашей возни. Попытка молниеносного — три месяца и семь дней — сотворения «Нового мира» в отдельно взятом подразделении Минтрансстроя потерпела полный звездец. Дверью хлопать тоже не было смысла. Я решил просто удалиться, о чем собрался заявить на следующем комитете в среду.

…«Проглотил» окончание романа «Сын» Ж. Сименона в журнале «Подъём» №6, неизвестно как здесь оказавшемся. Был потрясен «открытым текстом», который в «центре» обычно не печатают. А в Воронеже — пожалуйста.

Кроме того, нам, наконец, повалила периодика всех цветов и размеров. Народ, соскучившись по печатному слову (непечатных-то хватает), погрузился в чтение. Может теперь будут меньше пить?

Однажды вместо занятий — по графику стоял дежурным на звонке и сочинял отповедь «витиям» в комитете. В перемену навестил книжную лавку и за неимением средств упросил «ведьму» отложить альбомы «Русская живопись XIX века», «Немецкая живопись в русских музеях» и пару книг о Пушкине и Врубеле.

Вечером, как обычно, — газеты, шахматы, треп. Например, Арнольдов — член оперотряда и большой любитель детективного жанра — открывал мне глаза на невидимую часть айсберга в истории с Валентином. Он уверен, что избили его наши люди, повязанные с тем же условно-освобожденным комсомольцем Шустровым по линии наркотиков. Милиция якобы нашла в местной гостинице, где он теперь проживает, настоящий

притон.

В соседнем СМП следы наркотиков обнаружены в общаге прибалтов. Все это замешано на сбыте дорогих дефицитных товаров, которые на прилавки нашего магазина не попадают. Оказалось, они оседают в сите причастных к распределению дефицита. Словом, никто не знает, что ещё можно ожидать от деятельности подпольного синдиката.

Говорит Арнольдов убедительно, опыт и вкус к разговорному жанру у него заметен. До поездки на стройку Виталик четыре года бродил с геологами в разных республиках и может рассказывать о приключениях в экспедициях по нескольку часов кряду.

Накануне заседания комитета я обсуждал с Митяем его «взрывную» речь. Камня на камне в ней не осталось — совершенно беззубой она оказалась. Позже, взяв блин молока, пошёл распивать его к Горисову.

На следующий день, в среду, на занятиях наш геодезист — молдаванин Андрей — выставил нам окончательные оценки за курс. Здесь же кто-то из приближенных к начальству сообщил мне, что меня собираются послать в Липецк на курсы водителей «Магирусов» на пять месяцев. Понятно, что об этом и речи быть не может!

…На очередном собрании комитета, я сразу подал Севе заявление о выходе из состава. Он отмахнулся, мол, некогда мне, и я, видя такое отношение, молча вышел из помещения. Остальной ход событий мне изложили Икорников и Тимоха, который тоже намеревался сознаться в никчемности своей деятельности.

Митяй отчитался о работе идеологического сектора и признал её неудовлетворительной. А поскольку работу его направлял секретарь — Сева — то и его деятельность он предложил оценить на неуд или вообще выразить ему недоверие. Последнее предложение народ воспринял со страхом: о таком и подумать было невозможно.

Тимофей хотел было высказаться о своей работе в таком же самоуничижительном духе, но Сева, почуяв неладное, успел радостно похвалить работу оперативников. Тимоха стушевался и, конечно, проглотил весь свой «негатив».

Тем не менее, третьей оценки работы секретаря никто не предложил, и все, опустив глазки, проголосовали за «неуд». Однако сквозь землю Сева не провалился. В райкоме он слыл за своего, поэтому наши «неуды» ему, что укусы комара — поросенку.

Его нелепая фигурка в большой заячьей шапке, в пальто

мехом наружу, доходящем до рыжих отворотов унтов с рыжими усами и поросячьими глазками сначала забавляла, а теперь раздражает ребят. После случая с Валентином, он выгуливает жену с ружьем на плече, чем доводит работяг до животных колик. А уж что они говорят о нем, писать просто неприлично.

В субботу, в 11 часов, около 50-ти наших активистов погнали на районную конференцию. Просидели в «Пионере» до 19 часов. Ну, не издевательство?! Единственное, что внесло оживление в собрание сомнамбул — трескучее и насквозь лживое выступление Севы. Но ещё противнее было дальше. При довыборах в состав райкома выдвинули в том числе его, и полусонные делегаты проголосовали соответствующе: против Севы — 3 (!) голоса, против Ручицына (мужа библиотекарши) — 10, а остальные 250 — за всё и за всех.

Сегодня Горисов получил письмо от того же директора магазина с требованием напечатать опровержение в «КО» (Книжное обозрение). Мол, «нагрузка» — книги о С. Лазо — не нагрузка, а наоборот. На что Толя, ехидно осклабившись, заявил: «Будет вам опровержение», — и отправил это письмо в «КО», надеясь изобличить «ретрограда».

В воскресенье я, Гошка и Огонек пошли на заседание ЛИТО. Со стороны профессионалов явились Олег, Шестов, корреспондент из «Амурской жизни» и инженер Управления Надежда Пузырева. Она-то как раз и явилась лучом света в мутном царстве.

Почти час смаковали сладенький рассказ гостя из области о будущем региона. Потом я для затравки прочитал небольшой этюд «про нас». Рассказ о конфликте в девичьей компании, об избиении одной из героинь. Вразумительной оценки, кроме того, что повествование слишком пессимистично и требует доработки, я не получил. Зато всех порадовал своими виршами «Гей, славяне!» Олег:

А у нас на трассе дел невпроворот,
Вечно мы в сраженьи — дождь или метель.
А у нас на трассе отчаянный народ:
Он с песнями, усталый падает в постель.

Хорошо, что нашу многотиражку не читает сатирик А. Иванов. Иначе уронил бы он автора в постель, но с градусником подмышкой и льдом на лбу, как пить дать.

Поэтому, когда я робко прочитал два своих стихотворных наброска, чтобы хоть о чем-то поболтать, а наш профи сразу резюмировал: «В печать!..», — я просто отпал.

Затем выступила Надежда со своими стихами:

Был нелегким путь мой первый,
Встреча первая с тайгой.
Незаметно, постепенно
Становилась я другой.

Я училась сутки мерить
Не по солнечным лучам…

Слава богу, есть у нас не союзные, а настоящие таланты.

После небольшого толковища наши профессионалы постановили: отлавливать всех пишущих и тащить их за руку к нам, чтобы, понимаете ли, ковать на месте литкадры. На том с чувством выполненного долга и разошлись.

Вечером Митяй собрал всех единомышленников, кроме Горисова, укрывшегося в больнице, на предмет обсуждения Плана. Походило это на собрание «Народной Воли» или нечто подобное. Не было лишь свечей.

Говорили все о том же, набившем оскомину: о нарушениях техники безопасности, о задержках оплаты (то на одном участке не дают зарплату, то на другом), об отсутствии профсоюзного контроля и т. д. После долгих дебатов решили идти «своим» путем. Почему-то он подозрительно напоминает ульяновский.

Для начала надо оживить так называемый Совет бригадиров, члены которого могут открывать любую дверь легким ударом ноги (бедные двери и те, кто за ними!). На сходках, то есть в перекурах, в застольях надо просвещать забитую, одурманенную молодежь, проводя беседы о правах человека, читая «вредные» статейки, заводя споры. Словом, работать с инертной, апатичной массой. Решив этим ограничиться для начала, заговорщики вышли в морозную ночь… по одному.

Смех смехом, а скептик Венька Огнев бросил в пылу споров: «Тоже мне, диссиденты нашлись!», — сказал, как припечатал кличку.

Глава 9

«Футбол» в милиции. Великая жажда знаний. Техника безопасности. Муза режиссера. Посланцы из прошлого.

На днях меня прямо на улице остановил Валентин. Он потребовал срочно собираться в Чинту, чтобы забрать готовые «резиновые изделия» и заказать новые.

Оказывается, уже в первую мою командировку было известно, что скоро мы перейдем в другой трест, и те первые печати надо будет долго и нудно уничтожать. Вот это мне особенно нравится в нашей системе: умение запутать врага! Что ж, заворачиваю в бухгалтерию и жду главного бухгалтера с 10 до 12 часов. После обеда жду главбуха опять, но при этом пишу письма друзьям и брату в армию до 17 часов.

На этом рабочий день закончился. Вечером — активный досуг. Так бесславно заканчивается первый день командировки.

В среду, наконец, лед тронулся. Получаю у главбуха эскизы печатей. Попутно знакомлюсь с замом Управляющего трестом, подписываю у него эскизы. Мне говорят, что теперь я должен заверить все подписи у нотариуса. С этого начинается самый захватывающий момент командировки — футбол, где мне отведена скромная роль мяча.

Иду в поссовет на другой конец Лендинского утверждать подписанное. Нотариусиха, терпеливая милашка, объясняет, что для заверения подписей необходимо присутствие авторов с паспортами и справками с места работы. Очевидно, что заверить подписи могут только в министерстве или в главке. То есть, им опять же надо поймать «свой хвост». Однако обратно не тороплюсь: следующая инстанция — РОВД.

Проходя мимо книжной лавки, не мог не завернуть в нее. Обнаружил среди пыльных залежей на полках стихи Анны Ахматовой прошлого года издания. Как после этого верить мымре, уверяющей, что ничего нового у нее нет?!

Наконец, — милиция. Вот тут-то меня футболят в лучших традициях «Динамо». «Мяч» попадает к старлею Дубкову Ю. П. — нач. РОВД. Сначала он обрабатывает его не совсем удачно. Объясняя «на пальцах», что в моих бумагах не хватает устава поезда и треста, что содержание гербовых печатей не соответствует содержанию штампов, он пасует меня к начальнику милиции.

Тот, разобравшись в проблеме, сделал прекрасный «сухой лист» в правый нижний угол кабинета Дубкова. Здесь старлей заставляет записать все требования в желтую карточку

и отправляет «мяч» в центр поля, то есть — к моему руководству.

Главбух временно закрывает мою командировку и шлет в Москву депешу, сочиненную совместно с замуправляющего трестом: «Работа треста и его подразделения парализованы. Документов, которые никто не заверит под «честное слово», накопилась куча. Нужен Устав». А про себя добавляет: «Мать вашу…», — и, если бы у него был свисток, он возвестил бы о конце первого периода.

Нужно ли комментировать «игру»? Откуда взялись все наши, так называемые «центрфорварды»? Кто, за какие заслуги поставил их во главе команды на посмешище игрокам, болельщикам и судьям? «No comments», — как говорят иностранцы.

После «матча» навещаю больного Горисова с шахматами. Пропускаю читательскую конференцию Катерины по роману Н. Островского. При подготовке к ней она привычно ёрничает, чем отбивает у меня всякую охоту присутствовать. Ложусь спать до 2-х часов ночи. С двух до семи утра пишу письма.

…Прихожу к открытию книжной лавки. Увы, она открылась почему-то на пять минут раньше, а это — катастрофа! Внутри разъяренная толпа: домохозяйки, работницы в телогрейках, свободные учителя метались и ревели у прилавка, как штормовые волны у пирса. Я встал «девятым валом».

Наконец, подтянулись основные силы — Толя и Катерина. Она демонстративно встала у стеллажа, в сторонке, а Толя так же вызывающе втиснулся в толпу со стороны, противоположной очереди, и начал громогласно убеждать всех:

— Очередь стоит неправильно, она должна стоять с моей стороны!..

Только у одного человека в толпе хватило сил улыбнуться сей невинной наглости. Им был я.

Бушующее «море» набросилось на смельчака, но он — воплощение «утеса-великана» не сдал ни сантиметра пространства, захваченного у прилавка.

На моих глазах таяли «айсберги» новых поступлений:

— А мне вон ту желтенькую не дали! А ту, серую? Ах, у меня уже есть… Ну, тогда дайте мне этого, ну, как его там… Который «Тени исчезают в полночь»…

Так, берем — что осталось — несколько книг из ЖЗЛ: «Вашингтон», «Шишков», «Дзержинский» и о Королеве — начало серии о космосе, автора которой — Я. Болованова — Толя сразу уничтожил: «космический карьерист».

После обеда иду учиться, в частности, организации производства. Чтоб мы так жили, как написано в талмудах!

Технику безопасности ведет Филипп Михайлович, специалист

по «спецодёже». Здесь, опять же, есть над чем повеселиться. Безопасность эту вместе с культурой производства работяги презирают испокон века.

— Каску — на шапку-ушанку? Да вы чо, в кино что ли! А чем валенки «подшивать»?..

— Ведро для битума с кр-ы-ш-к-о-й?! Ещё чаво! Щас мы вам и штаны поверх сапог выпустим! — и так по всем разделам науки.

Вечером схватился с Сидоркиным, который набирается уже с обеда и лезет — сучёныш — в душу ко всем без разбора.

— Я сын доктора наук! — орет он, изрыгая перегар. — Но почему я такого маленького роста-а?! Уничтожу, зарежу, убью, — резюмирует он угрожающе и постепенно затихает.

Кое-как удалось заснуть пораньше. С трех до пяти утра пишу заметку к «всесоюзному собранию» в многотиражку по просьбе идеолога Митяя.

В пятницу на перемене сбегал в книжную лавку. Там — ничего нового. Давно не удивляюсь тому, что никто из соучеников не интересуется книгами.

— Нахрена эти книги ваще здесь нужны! Зря что ли мы уехали от них? — расхожее мнение многих однополчан. То есть, в основном остаётся настрой расслабиться до состояния ртути.

Нахожу ближайший телефон в Управлении «Магисстрой», звоню в редакцию Людмиле Коротич и предлагаю заметку, что писал ночью. В следующую перемену диктую её по телефону 15—20 минут.

После занятий получаю «книги-почтой» для Горисова и отношу их в больницу. Он отбирает себе Филдинга, Ларошфуко, Макиавелли и Голдсмита. Остальные «Литпамятники», вроде «Византийских легенд», «Троянских сказаний», «Смерти Артура», Эрнста Блоха, А. Фета и других — отдает на «растерзание» желающим.

Поскольку Мищенко до сих пор не отбыл в столицу, отношу ему для передачи моим родным ещё письмо и две свежих фотопленки. А уезжать он не торопится, вероятно, ждет вызова из Москвы для попутчицы — Катерины, но и не хочет оставлять свою музу — Тамару. Она — человек-загадка, не принимающая участия ни в общественной суете, ни в театральной студии, — все же личность, подвластная душевным порывам. Ее стихи, часто интимные, были сразу признаны участниками ЛИТО как стразы:

Ночь, гостиница… не спится.
Гаснут окна вдалеке…
Показался серой птицей
Телефон на уголке.

Мрачноватый, словно ворон,
Он слова в себе хранил…
И готов был к разговору…
Да никто не позвонил…

Недавно перед репетицией мы увидели ее портрет кисти Мищенко, который он скромно назвал наброском, но многое нам стало понятно.

У Катерины на эту поездку тоже — ставка больше, чем жизнь.

— Если не уеду, — говорит, — заболею на две недели (видимо — ностальгией).

А тем временем Сизов уже подписал приказ о выговоре ей — библиотекарю — за отсутствие каталога, за безучетное хранение и дарение книг школе №… и в.ч. №… Какая тут может быть командировка в столицу?!

К 19-ти часам бегу в «Пионер», где, судя по единственному (!) объявлению, должна состояться встреча с ветеранами-основателями Комсомольска-на-Амуре. Четверо из них присутствовали на читательской конференции Катерины. В разговоре «за жись» она была поражена судьбой этих людей.

Выброшенные в зиму в дикое Приамурье строить «Город на Заре» без запасов продовольствия и навыков выживания, многие погибли от болезней и голода. Те, кто выжил в той «романтической» мясорубке, превратились в настоящих бойцов-гладиаторов, и начальники стройки вываливались с заседаний комитета «бледные и мокрые»…

Увы, в 19.30 в зале было всего шесть человек, и ещё через 10 минут директор ДК Засадский объявил, что встреча не состоится и объявил о показе фильма. А народ подтягивался ещё четверть часа, нисколько не спеша, но было уже поздно.

В субботу вечером зашел в «универмажек» за фиксажем. Привычно шаря глазами по полкам, заметил среди тетрадей и альбомов подозрительную бледно-розовую обложку и спросил у «деушки», между прочим, чтобы не спугнуть:

— А вон та книжка у вас тоже продается?

— Ага, — ответила она охотно. — Нам случайно целую пачку завезли…

Так, весь вечер изучал «Город» К. Саймака с тем, чтобы отдать книгу нашему инженеру и преподавателю Воронину, который наказывал мне покупать фантастику для него. Все воскресенье было занято книгами, посылками, письмами и прочей текучкой.

Первые часы на курсах вел как раз Воронин Николай Иванович, принимавший участие в кампании «Книга — почтой».

Учеба прошла «плодотворно»: за час я дочитал «Город» и тут же подарил книгу ему.

В обед бегу в райком по поручению комитета узнать у 3-го секретаря Чекасина, что такое Совет бригадиров и как его организовать у нас. Ввечеру он провел беседу с нашим активом, и объяснил, что и как. Заодно призвал ещё раз «улучшить, усилить, углубить…».

Во вторник меня нашла Алина с тем, чтобы сообщить категорически: завтра я должен лететь в Чинту заказывать печати. «Ну, это мы ещё посмотрим», — подумал я.

— С меня хватит, — сказал я, как можно тверже. — Все прелести хождения «за три порога» я уже испытал. К тому же отрываете от учебного процесса…

— Что ж, это дело добровольное, обойдемся, — ответила она вполне спокойно.

Вечером за шахматами пропивали с чаем сладкую бандероль от мамы: шоколад «Бабаевский» и батончики «Рот-фронт».

На следующий день я как наставник с преемником — Гошкой — обиваю пороги: главбуха, начальника СМП, отдела кадров, — по три-четыре раза. Наконец, он получает деньги, эскизы новых печатей и визы начальства на них.

Вылетать ему куда-либо было уже поздно. Я с чувством вполне выполненного долга уселся дома чинить полушубок. Позже бегал на почту, в «Пионер», где должно было состояться собрание. Однако, по причине отсутствия света — не состоялось. Хотя, думаю, без света было бы интереснее.

Глава 10

Друг мой — третье мое плечо. Каждый выбирает для себя. Семейное счастье. Первые интервью. «Книжные раскопки».

23 января в 11 часов я проводил Гошку до остановки автобуса и дал последние инструкции по пребыванию в столице Заозерья. Он согласно кивал, но, думаю, следовать им не собирался. Хотя бы из духа противоречия.

Увы, автобуса мы не дождались, и мой горячий друг и любитель прогулок потопал в аэропорт (10—12 км) пешком по крещенскому морозцу в 35°.

На четвертый день утром заявился Гоша. Позавтракав с нами, он выдал подробный рассказ о поездке.

Во-первых, никаких рейсов, кроме как в Дульман на АН-2, ему не досталось. Во-вторых, он верно рассудил, что там аэропорт крупнее, и полетел туда. Причем, рейс, судя по всему, был «левым». Кроме трех пассажиров, салон занимал буфет и другой скарб, так, что негде было повернуться. Машина никак не отапливалась, и наш герой, обутый по-городскому в сапоги, за час лета чуть не обморозил ноги. В-третьих, в Дульмане ему повезло больше: оттуда ему удалось вылететь в Чинту прямым рейсом на ЯК-40.

Попав в город, он первым делом бросился выполнять задание «центра», да не на тех напал. Приемщица комбината — человек незаменимый даже начальником — приболела и завтра собиралась в поликлинику. Гошке светило бессрочное ожидание. Однако он не растерялся и, помня мое правило, идти «навстречу бешенству ветров», узнал адрес поликлиники. «Для первого дня достаточно», — справедливо рассудил он и отправился подкрепиться в… ресторан.

Такой наглости я от него не ожидал, но оказалось, — это было лишь разгоном. «Отец русской демократии», — всплыло в голове, когда он со смаком описывал свой заказ официантке. Дело было вечером, гремел оркестр, и, по его словам, он «поплыл». Надо сказать, по облику — коренастый, кучерявый — Гошка, на артиста Филиппова совсем не тянет. Но манеры «бывшего члена Государственной Думы», воссозданные мастерами советского кино, он выдержал, сам не желая того, на все сто.

Правда, пропить командировочные ему не удалось: время текло быстрее, чем «табуретовка», которая была дешевле шампанского. Поев, попив и потанцевав со всем, что шевелилось, он призадумался о мимолетности земного существования

и о бесконечности гостиничного одиночества.

— Мысли, — говорит, — вываливались из мозга, как скальные глыбы из кузова самосвала в тело насыпи… Но как-то, собрав остатки сознания, сосредоточился на одной молодой официантке, сновавшей меж столиков. Я даже смог спросить у своей мымры, как ее зовут и как бы познакомиться с ней.

Люди в Заозерье, надо сказать, отзывчивые — не чета другим. Ему без жеманства объяснили, что Вера девушка разведенная, но живет с сыном десяти лет, и что командировочным лучше всего ночевать в гостинице.

Однако наш герой с этим не был согласен и решил бороться за свое место между мамой и сыном до победного. Избрав тактику осады, Гошка стал ждать, пока всё вокруг не закончится. К тому времени он уже познакомился с Верой и намекнул, что место, предложенное гостиницей, его категорически не устраивает. Она, так же без обиняков, отшила его.

Лишь после третьего подхода, заметив смягчение его натиска, она согласилась, чтобы он проводил ее до дома. Так, в полночь, на случайном такси они добрались до Кайдаловской на окраине города, где стояла пятиэтажка Веры. Здесь в лучших традициях жанра Гошка стал мычать о том, что, если она оставит его на улице, утром соседи обнаружат у подъезда окоченевшее тело посланца «стройки века», а она, узнав его заиндевелого, будет всю оставшуюся жизнь корить себя за черствость.

— Сначала Вера была настроена категорически, — продолжал Гошка, понижая интонацию рассказа. — Говорит: «Навязался, черт, на мою голову…». Но, сердце женщины — особенно сибирячки — не камень. Видя, что я не отстану, она оговорила условия своей неприкосновенности и согласилась впустить меня. Говорит: «Чтобы утром испарился, будто тебя не было!».

Предвкушая приближение сладкой развязки, Гошка был согласен на любые условия. Двухкомнатная квартирка — чудо-парень был ее муж, — сынок, спящий в маленькой комнате, душ с дороги и — о, боги! — бокал шампанского в постель — это могло «пронзить сердце» и не такого ковбоя, каким был наш герой. Он даже не мог понять, почему и кто толкает его в бок, когда он ждет совсем иного…

— Когда я продрал глаза, — итожил Гошка первую часть отчета, — в окна пробивался бледный луч рассвета. То есть, я вырубился ночью, как только упал на крахмальную простыню…

— Что ж, это простительно, Гош, — утешали его «охотники на привале», слушавшие его рассказ. — Хуже было бы, если б ты вырубился, упав на неё… Га-га-га!..

Далее события разворачивались по плану «ставки». Утром

в пятницу Гошка приехал в поликлинику, взял бедную (или счастливую?) приемщицу Тамару и отвез на такси в КБО (Комбинат бытового обслуживания), где совершилось таинство выдачи устаревших «резинок» и прием заказа на новые.

С этого момента он считал свою миссию выполненной, хотя нечто неуловимо-гормональное говорило о другом. В оставшееся время он повышал свой культурный уровень: изучил полки в магазинах, побывал в бане №2, где испробовал жидкость, называемую здесь пивом, даже зашел на выставку живописи.

Ночевал Гошка в гостинице и о повторении опыта уже не помышлял. Билет на самолет ему удалось взять довольно легко, но только до Тамыгды. Оттуда добрался на поезде до Б. Нелера, где и ночевал на станции в экзотическом обществе бичей. Утром легко сел на автобус до Лендинского и читал всю дорогу.

Утомленный дорогой Гоша ушел досыпать, а я дочитывал «Ночь после выпуска». Вечер мы сдобрили шахматами и чаем по-семейному.

…Казус с двумя письмами, переданными нашему режиссеру для доставки в Москву — полностью на моей совести. В Москву он не поехал: наверно, дописывал портрет своей музы. Казалось, я мог извлечь урок и запомнить, что нет ничего надежнее «государевой» почты. Ан — нет! Я забрал у него через неделю эти письма и, добавив пару новых, — передал их еще более «надежному» гонцу — Митяю. Он летит домой по срочным семейным делам и ему не составило бы труда опустить их в любой почтовый ящик в столице.

…Учебный процесс и охота за книгами чередовались по заведенному распорядку, но без заметных успехов.

На следующий день меня отловил Г. Шестов и буквально потребовал, будто я у него в штате, заметку об Учебном комбинате, как официально называлась наша кузница кадров. Я вяло согласился, дабы оправдать свой прорыв в его многотиражку. Очень кстати подвернулись политзанятия, где я и составил план заметки.

В перерыве встретился с Толей в книжной лавке. Бегать из больницы в самоволку ему не впервой. Увы, выстрел наш был холостым, если не считать его громогласного признания возле прилавка о сокровенном желании приобрести последнюю книгу А. Вознесенского «Выпусти птицу».

Действительно, чего не отнимешь у Толи, — это умение копировать манеру и голос любимого поэта. И если бы он здесь же в магазине разошелся до экстатического состояния и продекламировал что-нибудь вроде: «Я — Гойя!» — наша вредная старушка, впадая в кому, достала бы «Птицу» из-под

прилавка, как А. Акопян — цельную бумагу из скомканных обрывков.

«Мне бы его желания», — скажет нормальный член общества. Но тем-то и знаменит Горисов, что не скрывает своих желаний, какими бы странными они ни были. Балованный ребенок тоже кричит на людях, обращаясь непосредственно к толпе, минуя ограниченность матери, ибо инстинктивно ощущает силу и отзывчивость общества.

Вечером приехал Тимоха с Натаном из Хородочи, куда они пробились со вторым громким десантом под началом Алика Ашкоева. Кровать Натана была уже занята неким Женей, новым мастером такелажников. Пришлось мне уступить свое койко-место одному из путепроходцев и удалиться ночевать в балок[13] к Гошке.

Здесь перед сном зашел разговор о счастливом браке. Темнота в спальне, как известно, создает интимную атмосферу, поэтому говорили все желающие:

— Счастье в браке — дело случая, — слышался голос Николая со второго яруса. — Или, можно сказать, — зависит от расположения светил на небе.

— И ты туда же, в астрологию? — уличил его я.

— Да нет, конечно. Шучу, — ответил тот. — Я ж не мракобес, какой-нить! Я за научный подход. Только где она, эта наука, какой ее раздел должен отвечать за гармонию в браке?

— За что отвечать-то? — подзадоривал я. — Любовь, счастье — сегодня есть, а завтра — исчезли, а вместо них являются разочарование и ненависть, в лучшем случае — привычка.

— Ну, и пусть привычка, — вставил Гошка. — «Замена счастия она» и старый друг, вообще-то, — лучше новых…

— А, все-таки, как хотелось бы иметь гарантию прочности: раз женился — и живи спокойно, — произнес кто-то мечтательно. — А то ведь все поголовно имеют любовниц, любовников, потом — подозрения, ревность, развод, дележка детей, имущества… Тоска!..

— Эка, куда хватил! Человек постоянно меняется под влиянием среды, общения, — произнес я, подавив зевок. — Гарантией, когда-а ещё, может, будут заниматься космические психологи при подготовке межпланетных полетов. Вот там нужен будет прочный мир в замкнутом пространстве, чтобы люди могли лететь десятки лет и не перегрызть друг другу глотки. А то из-за какой-нибудь привычки «цыкать» зубом у одного из членов экипажа корабль потеряет управление и упадет на самое дно бездонного космического океана…

Так в полусне я вставлял «умные» замечания, но в какое-то время перестал слышать свой голос, продолжая в то же время каким-то образом участвовать в разговоре…

* * *

Сон о счастливом браке.

— Возможно, психология когда-нибудь и займется этой проблемой, но сейчас она как наука — в зачаточном состоянии, в накопительном периоде.

— Откуда такая осведомленность?

— Читал кое-что. А поскольку в ней нет долговременных наблюдений, нет и системы, из которой можно вывести четкие закономерности. Как, например, в павловском условном рефлексе.

— А как же «Полиграф»? С его помощью как раз и можно раскрыть сущность личности, чтобы знать, как строить с ней отношения.

— Да, тестирование всех видов, в том числе с регистрацией физиологии, как в «Полиграфе»: «обманул — вспотел», — применяется давно, но выдает только предположение. Ты мог вспотеть, например, от желудочных колик или научиться врать легко, как Хлестаков. Поэтому результаты такого исследования носят лишь рекомендательный характер, а не диагноз, как в медицине: пульса нет, значит, — труп.

— Ну, а зачем, собственно, копать так глубоко, если человек во имя счастья сам должен быть честен и открыт перед исследователями.

— Теоретически — должен. Но нам свойственно рефлекторно, из любви к себе, приукрашивать себя. Часто мы и сами не знаем некоторые свои способности, черты характера и физиологические резервы.

— И что, будущие супруги должны все это знать, как «Отче наш»? Не лучше ли, наоборот, ничего не знать о суженом, а потом всю жизнь понемногу раскрывать его богатую сущность, как гурман смакует любимое блюдо?

— Да, с такой мыслью в основном и бросаются люди друг к другу, инстинктивно считая себя физиогномистами. В этом суть состояния влюбленности: «Мне нравится, значит, не может быть плохим!». И берут кота в мешке, а он подрастает. Смотришь, а это, оказывается, — тигр, и тогда кто кого смакует? Нет уж, лучше все-таки знать об избраннике побольше, но не будущим супругам, а спецам. Те по своим программам сравнят их данные, просчитают динамику их изменений во взаимодействии и дадут им рекомендации или прогноз о совместимости при таких-то условиях жизни.

— Выходит, надо будет вывернуть наизнанку не только испытуемого, но и всех родичей до третьего колена? Вдруг в роду были предки с отягощенной наследственностью?

— Да, естественно, надо подключить в программы прогнозирования и генетику. Уж она-то вполне конкретная, «количественная» наука.

— Однако никто ещё не занимался прогнозированием совместимости супругов. Неужели реально просчитать реакцию человека, на некий посыл или движение ближнего, когда это зависит от тысячи факторов в конкретный момент времени?

— Опять же, приблизительно, с некоторыми допусками. По крайней мере, можно вполне достоверно знать, какой человек с каким не сможет жить вообще, какие смогут продержаться долго, но без детей или наоборот. Но, если бы была возможность проследить развитие отношений в «пробном браке», качество прогноза выросло бы в несколько раз.

— Это что же, сажать каждую пару суженых под колпак и следить за их естественными отправлениями? И как может быть свободным секс, если знаешь, что за каждым твоим движением наблюдают? Да и вообще, сможет ли партнер достичь оргазм в таких условиях?

— Под колпак — не обязательно. Наблюдения можно вести «неразрушающими» методами, с помощью датчиков и приборов, или написанием подробных отчетов. Можно их варьировать.

— Да, но такие исследования могут стоить больших денег. А если результаты отрицательные, — деньги на ветер?

— Большая часть данных субъекта останется при нем и может быть использована в следующем подборе. В идеале каждый человек должен иметь психолого-генетическую карту. Влюбился, сдал свою карту с картой подруги в такую службу и получил прогноз, например: будете жить долго и счастливо и умрете в один день…

— Сказка, мечта разведенных и родителей новобрачных. Когда ещё человечество займется своим воспроизводством так скрупулезно! А нам жить по сермяжным заветам предков: главное — любовь или свыкнется — слюбится…

* * *

…На переменках беру интервью у учащихся и учителей. После занятий диктую заметку в редакцию по телефону.

Вечер выдался на редкость свободным, и я смакую «Хорошего человека найти не легко» Ф.О`Коннор. В книге описываются печальные события в американской глубинке, но как похоже на нас! Царствие ей…

На следующий день встаю в 4 утра и пишу очерк о путях-

дорогах, ведущих сюда, в центр стройки. Конечно же, упомянул всевозможные «оказии», шоферские байки, истории случайных попутчиков. Не могу не повторить описание пейзажа, многажды виденного под крылом самолета. Зимой это — не «море тайги». Скорее выпуклая шкура гигантского кабана или носорога, усеянная редкими щетинками голых лиственниц, пересеченная складками распадков, шрамами ЛЭП и дорог.

Смотрю на Землю, а она вся в складках —
Сиреневая кожа бегемота…
Местами — это чудище в заплатках, —
То — снегом запорошены болота.

После учебы берем с Толей очередную порцию книг на почте: «История Москвы», «История государства инков», «Роксана», «Цицерон», «Добрыня Никитич» и так далее.

Совершаем очередной набег на баню, но тщетно. Она стоит на запоре, и сам А. Суворов едва ли осилил бы эту крепость. Я же иду домой злой до чертиков: где ты, баня Сандуновская?!

…Горисов обнаружил в многотиражке мою заметку о нашем собрании и закупил несколько экземпляров. Проводим с ним пару часов в районной читалке, копаясь в кучах списанных книг, но ни одного перла не находим.

Дома зачитываюсь В. Распутиным и незаметно засыпаю до 18 часов. Разбудил влюбленный Арнольдов.

— Ребят, выручайте! — сказал он. — Вот вам билеты на «12 Стульев». Сходите дружно, а? И обратно не торопитесь… Мне нужно тут с Ленкой кое-что обсудить…

После кино дочитывал «Прощание с Матерой», как вдруг в полночь встал непредсказуемый Воскресенский, будто его Синильга позвала, и начал пилить и сколачивать посылочный ящик. Мало ему было наволочек! Только через два часа мне удалось вдолбить ему, что он мешает нормальным людям спать. Недовольно ворча: «Кто спать хочет, тот всегда заснет», — он все же убрался.

Глава 11

Февраль, февраль на улице! Битва за наряды. «Он до смерти работает…». Немного солнца в холодной тайге. Художник-оформитель. Высокие гости. Метатели громов и молний.

Первый день февраля — суббота. Встал в 4 утра и начал писать «клеветон» о бане.

К вечеру зашли с Гошкой к Тамаре из ЛИТО и говорили почему-то о детстве. У каждого — масса воспоминаний, но оживленный обмен был прерван звонком из Москвы.

Зря грешил я на нашего режиссера. Не дописав портрет музы, он ринулся в столицу для исполнения своего высокого предначертания. Разговор был долгим, с подробным докладом о ходе борьбы и о чувствах, которые воодушевляли его. При этом мы с Гошкой не знали, куда деваться, но ловко делали вид, что заняты своими проблемами.

Затем с удовольствием слушали новые стихи Тамары.

Мороз привычно ткал узоры
На замороженном окне.
Давно утихли разговоры,
Уснули пятна на Луне.

Пустынно тихо в небе темном,
Лишь спутник сквозь двадцатый век
Искусственный, изобретенный
Мерцал и звал… как человек…

…Воскресенье прошло банально просто: читал «О Чехове» и играл блицы с Горисовым. Позорно, но — факт — продул 3:12. Зато как компенсация перед сном — Г. Г. Маркес «Полковнику никто не пишет» в «Новом Мире». Однако «Сто лет…» читалось повеселее.

В 20 часов пришёл мой бывший бригадир и объявил аврал. Разгрузили два «Урала» с прицепами, полные ящиков и тюков с инструментами, спецодеждой, обувью.

…На уроках дочитывал Маркеса. После занятий слушали лекцию хирурга о травматизме. Теперь будем иметь в виду: прежде чем упасть, надо соломки подстелить. Вечером отыгрался в шахматы — 6:3 по 10 минут. Заснул в 23 часа, а встал, как заказал себе, в 3 утра.

Утром закончил фельетон и поэтому прогулял первый урок.

В перерыве занес свой ночной труд о бане в редакцию «Рабочего» и выслушал суждение о своем фельетоне от профессионала — Харизматова, бывшего там. Корифей посмеялся и одобрил мою работу с некоторыми поправками. После занятий я сдал рукопись в печать. Кто-то сообщил о приезде Степанова с «передовой».

Вечером за чаем постепенно вытягиваю у Влада, с чем он приехал.

— Всё одно и то же, — говорил он. — Закрывая наряды, надо воевать, доказывать, что за сделанную работу надо платить. Логика Сизова стабильна, как у осла: «Вы же комсомольцы и нечего за деньгами гоняться». Зато, когда дело касается матобеспечения, — «Выкручивайтесь, как хотите, вы ж комсомольцы…».

— Намекает, чтобы вы рубили тайгу, как «Коммунист» — Урбанский… — сказал я.

— Ага. Или пилили двуручными пилами… Нет уж, спасибо. Я решил попробовать «выкрутиться» по-другому, — продолжал Влад, прихлебывая чай из эмалированной кружки. И кружек таких за вечер мы могли выдуть несчетное количество, особенно, если на столе были сухарики или домашнее варенье.

— Слышал историю с «Дружбой», которую я не отдал хородочинскому десанту? Так вот, у нас их в Кудыкте только две. И что мне делать, когда одна из них периодически ломается?

— Чинили? — предположил я.

— Да уж конечно, не бегали к начальству просить новую. Разбирали эту пилу уж десять раз. Не то брак, не то просто не выдерживает она нагрузки. А с одной пилой разве план сделаешь? — продолжал он распаляясь. — Вот и не отдал я им одну «Дружбу», несмотря на приказ Сизова. Получил за это «выговорешник».

— А как можно отправлять людей в тайгу, не обеспечив их по полному списку? — досадовал я. — Идиоты! Хотят на чужом хрене в рай въехать. А какой себе Сизов домик отгрохал, видел? Говорят, у него и ванна есть, розовая. Паразит…

— А если бы белая была, то ничего? — улыбнулся Влад.

Так, поговорив обо всем понемногу, мы вышли прогуляться. У одного из балков нас заметили девчата из его района и потащили к себе в гости. Он зашел к себе и, взяв остатки посылки из дома, принес их к столу, возле которого я уже теребил гитару.

Влад принес большущие копченые селедки, ничем не хуже скумбрий, которые с удовольствием все испробовали. За шутливой трескотней на любимую матримониальную тему время пробежало незаметно, и к полуночи мы расстались. Однако

вскоре я вспомнил, что не рассказал Владу о фарсе, прошедшем в комитете при «отборе» пополнения в Кудыкту, и терзал его дома еще до 2-х часов ночи.

На следующий день после занятий, завалился спать самым пошлым образом.

Вечером Горисов потащил меня в библиотеку «Пионера» на «помощь» новой библиотекарше. Среди груд литприношений он обнаружил книгу М. Пруста. К сожалению, на обмен у нас ничего не было, и мы отложили книгу до завтра. А коль скоро ему завтра выходить на работу, на просеку, ответственное задание по обмену он поручил мне.

В лагере я встретил Огнева и набросился с вопросами: куда пропал, как дела в бригаде. Оказалось, у Крылова, где он работал, собрались одни фанаты. Выкладываются так, что после работы отлеживаются в полной прострации. Но он все же нашёл силы записаться на подготовительные курсы Храбровского инженерного института. Вот и пропал для общества человек. Впрочем, его «наука» — другим пример.

Получил несколько писем и начал, было, отвечать на них, но тут вагончик закачался на рессорах, и в дверях появился Гошка.

— Я тут стих написал, вот, послушай, — и с едва сдерживаемой гордостью он начал читать.

Гоша очень старался попасть в десант №2, но вместо этого угодил в «выгребную яму». Точнее, его бригаде поручили строить новые туалеты, ибо старые, — несмотря на старания незаменимого Носкина, исчерпали свой ресурс. Собственно, баллада явилась ответом на сию «несправедливость». Вдобавок, в мерзлоте долбить ямы оказалось почти так же противно, как и их будущее содержимое.

Как можно тактичнее, я указал автору на причудливое переплетение в его произведении ямбов с хореями. Некоторые другие шероховатости он заметил сам и принял правильное решение о доработке.

Затем явился Горисов с Акутагавой из «Всемирки» и давай со мной меняться. Я расстался с Мопассаном из «ЖЗЛ», не без грусти.

Вскоре пришёл расстроенный вконец Влад. Составы бригад, «выбранных» комитетом для работы в Кудыкте, Сева менять не даёт: «Что есть, с тем и работай. Воспитывай!». То есть, бери убоже, что нам не гоже.

Уже совсем поздно мы зашли к нашей почтальонше и обговорили возможность доставки почты на Кудыкту. Только после этого к 1:30 засел за свой очерк «Все пути ведут в…».

В четверг, после первой пары, занятий не было. Я пошёл в редакцию «районки», в типографии которой в этот день печатается «Магистраль». К своему удивлению в коридоре напоролся на Шестова, который доложил, что мой «клеветон» в его газету, «не помещается». Что ж, я согласился передать его в «Рабочий», лишь бы напечатали.

Не мог пройти мимо книжного, где вынужден был взять А. Доде и «Античную поэзию» из «ВЛ». Как не взять, когда дают!.. Завернул и на почту, где были журналы и посылка от мамы со всякой мелочью. Дома взялся было за чтение, но в последний момент вспомнил про обмен и побежал в «Пионер». За Пруста отдал «Добрыню Никитича» из «Литпамятников».

Следующий день — пятница — проходил весьма монотонно, но в 19 часов пришёл Огонек с известием: Митяй прибыл с огромным рюкзаком, где среди прочих были гостинцы и от моих родных. При этом он предложил вскрыть рюкзак, не дожидаясь исчезнувшего хозяина, и попробовать содержимое посылки, что мы и сделали втроем с Горисовым.

Гонец же проявился в два часа ночи, когда мы доигрывали последнюю партию в шахматы. Оказалось, он привез кое-что и для Маши Бондарчук. Зашел навестить ее и застрял у нее прочно. За это получил выговор: нас на Машу променял!

А за переданные ему для отправки письма — отдельное «спасибо»! Казалось бы, опустить письма в почтовый ящик — дело плевое. Отнюдь! Оказывается, чем поручение проще, тем легче о нем забыть. И вернулись все мои письма вместе с «гонцом» ко мне. Сколько раз надо получить древком по лбу, чтобы не наступать на одно и то же?! Но что теперь делать?

В субботу собрался на почту, чтобы отправить прочитанные журналы Лерке, да призадумался. Смотрю — навстречу мне Степанов. Просит найти ему Митяя для разговора. А что его искать, неуловимого, если он спит, как убитый, в 77-ом вагоне после ночных похождений.

…Когда они заговорили о пропаганде кудыктинского образа жизни (опять Кампанелла!), во мне утвердилась идея увидеть этот «Город солнца» собственными глазами. Стал собираться в поездку с Владом. Взял у Митяя письма, которые он благополучно привез обратно, и сам опустил их в ящик. Наказал ему купить несколько номеров свежего выпуска «Рабочего», где «должен быть интересный материал».

К сожалению, отъезд задержался до полудня. Зато я стал свидетелем рвения, с которым Митя, желая реабилитироваться за неотправленные письма, приобрел, не глядя 20 экземпляров газеты. Увы, все они были вчерашние, то есть без моей заметки.

Понятно, что «идеологу» лучше не поручать «земных» дел.

…Ехали по зимнику на УАЗе вместе с главным инженером около часа. Самодельный щит при въезде в поселение уведомлял: «п. Столичный». Не какая-нибудь Кудыкта. Сразу видно — название выбирали весельчаки, не одобрявшие «сухой» закон.

Влада уже ждали, и вопрос у всех, кто был в бытовке, стоял один:

— Ну, как наряды?

— Дайте хоть прийти в себя, — оттягивал время Влад, снимая полушубок. — Аля, что у нас сегодня на обед? Гостей накормим?

— Накормим, конечно, — отвечала повариха. — Ты лучше про наряды скажи, не тяни!

По подсчетам ребят каждый из них вырабатывал по 11—13 рублей в день. Им закрывали наряды лишь по 8—9. Ценой неизвестных усилий Владу удалось доказать, что платить надо по факту. В итоге Сизов милостиво обещал добавить им по 1—2 рубля после проверки главного инженера. Уточнив пробелы в своих записях под давлением главного, прораб исправил наряды, и ребята вздохнули с некоторым облегчением.

Наконец они поняли, что дальше так продолжаться не может. Закрывать наряды на всю сделанную работу нет смысла: все равно деньги отберут. Решили оставлять «излишки» (заделы) на период возможных простоев.

Гостей здесь кормили бесплатно, но с нашествием журналистов и аппаратчиков всех мастей хлебосольство становилось накладным. Не успела отобедать первая смена, как со льда Коранты пришли футболисты двух бригад: Степанова и Широкова. Пока они «отходили» от «ледового побоища», поспел обед и для них.

Среди футболистов был Леонид Адонин — новый человек в бригаде. Влад представил нас друг другу, и тот раскрыл секрет своего появления в десанте. Оказалось, — работал художником-оформителем в Мадагане, но «сильно захотел» и приехал сюда, взял начальство измором. Теперь в качестве лесоруба упивался новым образом жизни: здоровая работа, активный отдых, «ни тебе аванса, ни пивной — трезвость».

Вечером, после ужина, состоялось чаепитие победителей и побежденных с огромным заказным тортом, «по секрету» привезенным Владом. И, конечно, песни под гитару, переходящую по кругу из рук в руки.

В воскресенье утром я вспомнил про апельсины, купленные Митяем в Москве. Выложил их на стол, чтобы ускорить подъём населения, но просчитался. Народ подняло лишь известие о прибытии высокого начальства.

Действительно, вскоре в бытовке появились необычайно любезный Сизов, зам. Управляющего трестом Владимиров, секретарь ЦК ВЛКСМ Щедрин и наш «профсоюз» Иванцов. Подошли рабочие. Народ, хотя и привык к подобным делегациям, сейчас был не так активен и после обмена любезностями вяло изложил наболевшие вопросы:

— До каких пор будем ходить на работу пешком по тайге по 7—9 км?

— Валенки развалились, заплаты не из чего делать. Где новые?

— Почему прораб Пацанов всегда «срезает» наряды?..

О том, что они с трудом добились выдачи нарядов на руки и то лишь после выполнения работ, о выговоре за бензопилу, не отданную десанту в Хородочи и других «мелочах», ребята даже не упомянули.

Начальство наперебой отвечало «урок»:

— Вахтовку (ГАЗ-66) скоро дадим.

— Валенки искали во всяких местах вплоть до Стоворотино и даже нашли несколько пар.

— Прорабу трудно одному справиться с участком в 60 человек. Вот дадим ему в помощь мастера…

В свою очередь Владимиров из треста, «не зная броду», подлил масла в огонь:

— А не пора ли вам, ребята, переходить на бригадный подряд или хотя бы на аккордную систему оплаты?

Естественно, раздалось шипение со стороны Сизова:

— Какой подряд, какой аккорд? Ты понимаешь, что у нас нет средств на простую оплату. Они же нас и так за горло взяли. Хочешь, чтобы на весь Союз разнеслось?

И уже более громко, для всех, перевел разговор на другую тему:

— Пора подумать о здоровье девочек и строить здесь теплые туалеты.

Будто у «мальчиков» здоровья нет и быть не может. Иванцов вовремя вспомнил о культурной жизни десантников, и ребят расперло от гордости: вчера играли в футбол, ели торт, на реке построили ледовые карусели, а недавно приняли Почетным членом в бригаду космонавта В. В. Лебедева и ещё — Действующим членом — Героя Союза…

Словом, миру — мир и хэппи энд.

Тут Иванцов разглядел средь шумного базара меня и взял за «жабры».

— Ты написал в «Рабочем», будто я ответил десантникам Ашкоева: «сами разберетесь со снабжением»? — спросил он. —

Но сам-то не присутствовал при нашем разговоре!

Как в «Великолепной семерке»: «Ты сказал, что он сказал, а я говорю, что ты врешь!»

— Да, не присутствовал, — согласился я. — Я лишь пересказал негодование Ашкоева, потому что ваш ответ на просьбу о помощи был просто непечатным. А им пришлось лазить по лагерю и собирать все, что плохо лежало…

Как ни странно, после выяснения отношений мы расстались почти друзьями, а с остальным начальством — просто приятелями. Поговорив с народом, гости собрались в дорогу. Забрали с собой и Лёню — новоиспеченного лесоруба — для работы над новыми «произведениями» — эскизами печатей.

Мне претило ехать с праздной толпой, и я остался дожидаться оказии. Ждал долго и пропустил не менее интересную встречу тех же персонажей с остальными членами отряда, прошедшую в «Пионере». Зато ехал на автобусе, водила которого дал руль нашей Оксане: благо — на льду реки других машин не было, а то пируэты и даже фуэте, какие она выписывала, могли собрать в кучу и встречных и поперечных.

Прибыв домой к вечеру, встретил друзей у Горисова. Распивая чаи, хмельные от собственной храбрости, они наперебой обсуждали «громы и молнии», метнутые ими в сторону Олимпа.

Первым метал Гошка Аничкин:

— Материала нет, а Сизову строится дом из лиственницы, — повторял он свою речь на встрече с начальством. — Бригады стоят без работы, а Сизову строится баня, хородочинцам негде мыться, а оборудование из их банного вагона — в бане у Сизова; народ не может справить нужду — туалеты забиты, а Сизову строят отдельный…

Почти так же звучали речи Огнева и ещё двух-трех изобличителей. Словом, навели шороху!.. Сизов, сидевший в президиуме, говорят, смотрел на Гошку с «восторгом», широко открыв глаза.

А чуть позже высокий гость из ЦК, «мотавший все на ус», из этого словесного предбанника перешел в настоящую сауну Сизова, оборудованную не хуже столичных и включенную на прогрев заранее для столичных гостей. Увы, блаженны незлобивые поэты!..

Далеко за полночь затянулся разряд «молний», недовыпущенных смельчаками в «супостатов». Песни, шутки, смех, блиц турнир по шахматам — все смешалось в ковчеге на колесах. Любой желающий заходил на шум и свет и добавлял своего жара в это торжество демократии. Знать бы, чем все это кончится…

Глава 12

Встреча со звездами. Первый учитель и первый урок. Возьмемся за руки, друзья! Работай, учись и живи.

В понедельник пишем контрольную по «Элементам зданий». В перемены мотаюсь по обычному маршруту, но никакой радости от этого не получаю. Единственное развлечение — это шумное проектирование стеллажа для нового помещения редакции «Магистрали» вместе с Шестовым и его разудалыми соседями.

Вечером читаю в «Газете» статью Е. Евтушенко и рядом нахожу упоминание о повести Тоболяка «Чрезвычайное происшествие». В стопе газет откапываю присланную Лерой «Юность» и с первых строк чую: нужно с кем-нибудь поделиться. Иду в читалку, где Адонин создавал эскизы новых печатей для канцелярии.

Я читал «ЧП» вслух, а он якобы чертил свои эскизы. На самом деле, — слушал во все глаза, «узнавая» себя в герое повести, и «создавал творческую атмосферу», разливая по стопкам «случайно» оказавшуюся у него водку «Петровская». Совратитель!

Так с лирическими отступлениями в наши биографии читка продолжалась далеко заполночь.

Во вторник занес на работу Тамаре журнал с повестью «ЧП» и пошёл проверить силу печатного слова, то есть — своего фельетона. Увы, действия на руководство КБО он не оказал никакого: баня по-прежнему не работала. Пришлось радоваться лишь виду ясного неба над ее трубой и ее старой двери, награжденной орденом висячего замка.

Вечером в ДК — необъявленная встреча с Каморным, Чурсиной, Дмитриевым и Кадочниковым. Приятно было провести вечер в свободном общении со звездами, но как часто за удовольствием следует бяка!..

В 21 час зашел к Толику с «отчетом» о встрече с артистами и убедился, что он читает ту самую «Юность». Значит, Тамара уже вернула журнал. Около 23 часов мы допивали последнюю порцию чая, когда в балок вошел Харизматов.

— Тебе журнал передали? — прицелился он в меня. — Есть какие-нибудь претензии?

У меня претензий не было, так как журнал лежал перед нами. Редкий гость в своем жилье, он вдруг начал бриться. Обычно мы делаем это на ночь, если свидание достаточно серьезное.

— Руслан Ефимович! — сказал вдруг Горисов. — Верните, пожалуйста, мне книгу Евтушенко.

— Какую книгу! — воскликнул тот продолжая жужжать

бритвой. — Я тебе ее уже отдал. Толик сидел за столиком, я стоял в дверном проеме, а автор нескольких книг стихов и прозы о воспитании молодежи разговаривал, стоя к нам спиной.

— Нет, Руслан Ефимович, вы мне ее не отдали! — нахально возразил Толя, вставая, как школьник на уроке.

— Нет, отдал, — повысил голос наставник молодежи.

— Нет, не отдали, — снижая тон, но также твердо возразил любитель поэзии.

Изобразив улыбку на лице, не обещающую ничего хорошего, журналист повернулся к юноше:

— Что же это, Толя, вы подличаете?

— Вы сами подличаете, — вырвалось у Горисова.

Учитель устал. Он переложил бритву из правой руки в левую и с коротким размахом двинул кулаком в лицо плоховоспитуемого. Очки несмышленыша со стеклами —5 упали на пол, подозрительно хрустнув. Толик вытянулся, как кобра перед броском, но уже не очковая, то есть, не опасная. Единственное, что он мог сделать, — это уточнить свою точку зрения:

— Вы подлец, Руслан Ефимович!

Учитель замахнулся ещё раз.

— Руслан Ефимович! Что вы делаете?! — крикнул я и инстинктивно двинулся к нему, готовый получить свою порцию наставлений.

Учитель, он же снабженец и герой-любовник в одном лице, застыл в напряжении на три секунды. В голове его, видимо, пронеслось несколько мыслей: не добавить ли Толе для закрепления материала, не разделить ли урок на двоих и — стоит ли мараться? — но удержался, сберегая силы для более важного. Тем не менее, итог урока он подвел:

— Сопляки, молокососы, спекулянты!!! Ещё не известно, что вы там с книгами делаете! Это я ещё вынесу… В этом мы ещё разберемся!

«Да-а, — подумал я, — во времена оные загремели бы мы по Высоцкому из «Сибири в Сибирь»… Но от неожиданности так и застыл, разинув рот. Толик, опешив не меньше, обмяк и сел на свое место. Никто больше не издал ни звука. Наш изобличитель быстро собрался и, как дрессировщик не добившийся от зверей выполнения трюка, свирепо озираясь, выскочил из «клетки».

«Минуты две они молчали», но я к Толяну подошёл и поднял из-под стола его очки. Одно стекло пересекала трещина. Горисов, наконец, пришёл в себя.

— Какой подлец, а? У меня же все записано, когда, кому

и что я дал, кто, что вернул, — проговорил он, машинально протирая очки. — Я-то уже знал, что это за тип, но — чтобы драться?!

Я тоже с трудом подбирал слова возмущения:

— А какие у него проникновенные рассказы о воспитании! — сказал я и сразу выдал экспромт. — Я знаю: горе будет, я знаю: будет месть, когда такие (!) люди в стране любимой есть!

После чего мы реактивно загалдели, припоминая все подозрительные приметы в поведении нашего героя. Впрочем, время было позднее, всё мы вспоминать не стали, и я отправился к себе.

Выйдя на воздух в час ночи, понял, что уснуть не смогу, и пошёл вниз по улице. В окнах «избы-читальни» горел свет, я зашел и увидел за столом своего нового приятеля Лёню с Верой, одной из наших красоток, — визави. Видимо, без музы или ее «суррогатного заменителя» (меня) он работать не может.

Я невольно прервал их задушевную беседу своим возбужденным рассказом. Оба моих собеседника припомнили свои истории, и мы добрый час делились опытом по выходу из подобных ситуаций.

Среду нам освободили для подготовки к экзаменам. Спасибо. «Наконец-то погашу задолженность по письмам», — думал я. Размечтался! Художник-«совратитель» затащил меня в читалку, и мы, отвлекая друг друга от дела, делились нажитым опытом с перерывами на питание до самого вечера.

Вечером к нам присоединилась Вера, и «заводила» нашего «минивертепа» извлек откуда ни возьмись пол литра вкусной «Петровской», сервелат благинского производства и, опять же, — пластиковые стаканы. Какой он художник — никто ещё не знал, но, что уже вращался в творческих кругах, мы поняли.

За полночь я вышел из читалки вполне довольный проведенным временем. Столько нового услышал: и про художников-оформителей Мадагана, и про золото в глубоких шахтах!..

…Утром готовлюсь к экзамену, начало которого в 12 часов. Сдавать иду в первых рядах, хотя по уровню знаний не должен был вообще приходить. Однако, сдал и экзамен, и деньги… на банкет. Вышел с чистой совестью на улицу и «потерялся», ибо хотелось побыть одному.

Придя домой из столовой, обнаружил за столом Сидоркина с Арнольдовым, допивающих вторую бутыль коньяка.

— Садись к нам, Ген, — вяло пригласили они. — Ты не бойсь, у нас ещё одна есть…

Я даже не ответил, а просто вышел обратно на улицу.

Заглянул в нашу читалку и застал Адонина за работой. Слово за слово — разгорелся у нас спор о нашем строе, руководстве и законах, далеких от идеала. Тут уж досталось и партии, и правительству. Впрочем, во многом наши взгляды совпадали: пора гнать всю советскую богадельню и отдать власть настоящему хозяину…

Наши споры в основном витали вокруг способов или методов изменения ситуации. Ему казалось, что партия сама найдет достойного человека, способного развернуть «оглобли» в нужную сторону. Я был настроен скептически и полагал, что перемены наступят сами по себе, когда в стране наступит полный развал и все увидят впереди абсолютный мрак.

В результате напряженных дебатов была распечатана бутылка водки «Петровская», что указывало на новую фазу в отношениях и на сближение наших неантагонистических позиций. После этого работа над эскизами будущих родных печатей и штампов возобновилась. Её прервало неожиданное появление нашего кадрового ангела — Алины.

Что подвигло ее заглянуть к нам на огонек, мы поняли не сразу. Но вскоре разговор свернул на тему разобщенности ребят, их безразличия к судьбе отряда и явился скрытым призывом к пролетариям — объединяйтесь! И, хотя на практике это выглядело как «наливайте», мы лишний раз убедились, что это единственный наш шанс «не пропасть по одиночке».

Позже я зашел в балок к Катерине, которая вернулась из столицы и крутила новые записи Городницкого, Клячкина, Кукина. Вроде:

Ну, что, мой друг, свистишь?
Мешает жить Париж?
Ты посмотри: вокруг тебя тайга…

…Наше праздное шатание было прервано руководящей дланью. Всех нас — выпускников факультета «пастырей» — вызвал к себе наш Всеверхний. Сизов говорил с нами необычайно вежливо, если не заискивающе. Он признался, что такого количества «стад» для нас у него нет. Лучше всего для перехода к практике всем «пастухам» самим объединиться в «стадо» и поработать плотниками. Наличие объекта на новой площадке нашего поезда и треста он гарантировал. А для усиления бригады из учёных бригадиров ей придавали двух-трех плотников 5-го разряда.

Мы легко согласились — ведь это хоть какое-то дело. Что за объект, есть ли материалы, какова его себестоимость и какая её

часть идет на зарплату — это как-то ускользало от нашего внимания. Ну что взять со вчерашних студентов, тем более выдержанных в собственном соку?

Сей же час начальник вызвал к нам инженера из ПТО и спросил его «строго»:

— Афанасий Петрович, а есть у нас эскизы этого, ну, как его… гаража-профилактория для двух грузовиков со смотровой ямой?

Инженер округлил глаза, выражая недоумение по поводу возврата к давно отринутой и позабытой теме, и ответил, как должно на риторический вопрос:

— Помилуйте, какой чертеж! Это ж просто сарай такой, — и показал руками. — Ну, здесь столбы, здесь яма, здесь вот так и так…

— Словом, сами придумаете чертеж, люди грамотные, — завершил миниспектакль Сизов. — В крайнем случае, сходите в смежные организации, например, в соседний мостоотряд. На месте и зарисуете…

Рисовать почему-то поручили мне. Я отнесся к заданию серьезно: протер рулетку, полученную Глазовым, взял блокнот и после обеда отправился с Ариком — тоже бригадиром — в МО, что стоял в 5 км к востоку.

Пока шли, трепались обо всем на свете, кроме интимного. Единственное — мне стало понятно, что с Асей у него все серьезно. Только можно ли загадывать в этих делах?..

Сначала зашли в ПТО мостоотряда, где нам подтвердили: нет у них никаких эскизов. Что ж, хотя бы снимем размеры того, что у них было построено. Дома сделал чертеж и понес его на утверждение Сизову.

Вечером «уставший, но счастливый» писал письма, а дружок Лёня «совращал» меня до самого ужина. Завалились в его балок, где он напоил меня своей «Петровской» и съел на закуску все принесенные мной пельмени.

В субботу отправил родителям последние книги и зашел мимоходом в нашу читалку. Странную парочку обнаружил я там. За столом сидели и чинно беседовали Гошка — возмутитель общественного мнения — и воспитатель нашего «общежития», она же — жена Сизова — Вероника Игнатьевна.

Позже он передавал нам содержание разговора в красках:

— Шибко ей понравилось мое выступление на встрече с руководством. Мол, наконец-то нашёлся человек, сказавший прямо, что он думает о безобразиях в СМП. «Только, — говорит, — разве можно так грубо и без документов, без цифр все сваливать в одну кучу?». Словом, пожурила, так, по-домашнему.

И, кажется, я ей лично симпатичен. Даже подумываю: не наставить ли рожки ее мужику?..

— Но ей же за 50, да и внешне она — не Элизабет Тейлор, — ухмыльнулся Лёня.

— Что ж делать? — продолжал Гошка, изображая озабоченность. — Ради коллектива и торжества справедливости я готов пожертвовать своим… этим… — реноме…

Мы продолжали в том же духе, пока не пришли к выводу, что нам такие педагоги, — как бельмо на глазу: и мешается, и не избавишься. Остаётся прикрыть глаз, да и жить — с одним, то есть — наплевать…

Потом мы переместились в вагон-читалку, где, кроме Катерины, застали расслабленного Арнольдова и Глазова в чрезвычайно напряженном состоянии. Напряжение возникло, видимо, когда в его объяснение с Катериной вклинился Виталик со своей непосредственной манерой схватывать все на лету и комментировать ситуацию случаями из своей жизни: «А вот со мной был случай…».

Этого как раз и не терпел «философ» Глазов, а уж с нашим бесшабашным появлением он просто остекленел от злости. Несмотря на нашу веселость, мы все же почуяли в атмосфере искры предгрозового разряда. Поэтому поспешили ретироваться, прихватив с собой Арнольдова, дабы спасти (или погубить?) нашего библиотекаря. Впрочем, никаких намеков на SOS Катерина нам не подала, хотя бывало громогласно стонала: «Как же мне надоели все эти дубовые ухажёры!».

Дома Виталик, видимо продолжая насущную тему, отыгрывался на нас, делясь своим «венерическим» опытом до полуночи. А в заключение вдруг вспомнил, что завтра, в воскресенье, нам предложили поработать на разгрузке вагонов.

Глава 13

Великопочинщики. Идейный водила. Эх, зеленая, сама пойдет. Промзона. ЧП бригадного масштаба. Бригада бригадиров.

…Отъезжаем в Аносово в 7:55 вместо 7 часов на новом, комфортабельном ЛАЗе. Ехали около 3-х часов, так что начали работать как раз перед обедом. Меня, Глазова и ещё двух «бригадиров» кинули на разгрузку вагона с «рассыпным» мелом. Конечно, когда-то мел сюда был засыпан. Однако за время пути он твердость камня успел обрести. Оценив ситуацию, мы поняли, что обеда нам не видать, как своих ушей.

Соседям нашим из бригады Крылова достался алебастр, который в отличие от мела был не только сыпучим, но и вполне летучим. На этот случай были предусмотрены респираторы. На ноги они натянули бумажные мешки до паха, чтобы в валенки попадало поменьше, и начали, было, выполнять задание: наполнять мешки пылью и выгружать их на откос. Мешки почему-то рвались, алебастр сыпался в дыры, работа стояла, денежки уплывали.

Основная наша задача, все же, состояла в освобождении тары, ибо ее простой был дороже содержимого. Поэтому после нескольких десятков мешков остальные 2/3 объема мела полетели на снег в свободном состоянии.

У нас работа была не в пример интеллигентней: нам надо было лишь откалывать ломами куски от монолита и вышвыривать их из вагона. То, что твердость монолита равнялась гранитной или базальтовой, не столь существенно. Главное — за 6 часов почти беспрерывной работы нам удалось выбросить под откос около 1/3 вагона — 20 тонн мела.

Остальные 16 человек за это время выгрузили вручную 4 вагона досок и цементно-стружечных плит.

В 18 часов автобус подвез нас к магазину у станции, дабы голодные и жаждущие не страдали. Напитков, особо хорошо утоляющих жажду, здесь не оказалось, и мужики на минуту загрустили. Однако вскоре в ход пошёл фруктовый сок непосредственно из горловин запыленных трехлитровых банок.

Веселый пир продолжался не долго. На десятом километре пути к дому многие уже откинули спинки кресел и задремали под качку на мягких рессорах львовского лайнера. Дорога же проходила по насыпи, что осталась от довоенной железной дороги, и лишь изредка сворачивала на марь, чтобы обойти непроходимые участки.

Автобус вел Вовка по прозвищу «Кардан». Мои отношения с ним за время нашего пребывания в Лендинском стали непримиримыми. Он, будучи шофером первого класса, не мог простить мне «измену» профессии. При случае он не преминул пронзить меня вопросом:

— Что ж ты не пошёл со всеми на автобазу, когда говорили о ее создании?

— Во-первых, никакого официального объявления об открытии автобазы не было, — сказал я. — А разговоры об этом ходят уже полгода. Во-вторых, объявление — ничего не значит. Для ремонта и обслуживания машин, кто-то должен был сперва построить боксы, гаражи. Так что, иди ты…

Я мог бы продолжить: мол, куда мне с моим третьим классом лезть на дороги 4-ой категории, если на 200 км трассы Б. Нелер — Лендинский в среднем бывает по 3 аварии в день? Конечно, есть некоторая вероятность не попасть в эту статистику, но при попадании в нее, шансов выжить было маловато… Тем не менее, — это будто бы давало ему моральное право смотреть на меня сверху вниз.

…Дорога по старинной насыпи вскоре кончилась и сворачивала кособоко на равнину. Кардан с вечно-самодовольной улыбкой громко разглагольствовал о 24-ом съезде КПСС. Иванцов, сопровождавший нас для поднятия духа, поддерживал его и самозабвенно занимался плагиатом:

— Ребята, это ж замечательно, что мы так можем работать! — вещал он через микрофон, будто экскурсовод по истории партии. — А не продолжить ли нам этот, можно сказать, великий ленинский почин?

В салоне автобуса пьяных не оказалось, да и устали все изрядно, поэтому ответа не последовало.

Зато Кардан, переполненный энтузиазмом, вдруг лихо повернул руль вправо. Через мгновение передние колеса машины повисли в воздухе, и она неприятно накренилась. Кардан заглушил мотор, и с минуту все сидели в темноте в полном недоумении.

— Ну, чё там? — раздались, наконец, голоса в салоне.

— Ща! — воспоследовал глубокомысленный ответ идейного водилы.

После обхода машины Вовка скомандовал:

— Вылезай!

Народ нехотя потянулся к выходу. На улице было темно, холодно, неприютно. Километрах в десяти виднелись огоньки Аносово. Вокруг, на мари, торчали кусты, подлесок и редкие лиственницы. Тоскливую картину дополняли: насыпь, косая колея

съезда и ЛАЗ, склонившийся над кюветом в раздумье — прыгать, не прыгать?..

Наконец все вышли из оцепенения и засуетились:

— Давай назад!

— Давай вперед!

— Мы его толкнем!

— Мы его вытащим! — раздавались голоса «великопочинщиков».

Кардан дал назад, ещё и ещё. Машина побуксовала и накренилась больше. Он газанул вперед, она приняла критический наклон. Все успокоились, закурили. В ночевку на улице, у костра, как-то не верилось.

«Профсоюз» Иванцов, как и подобает вожаку, не терял присутствия духа и суетился больше всех. Но мало кто знал, что ответственность за людей и машину целиком лежала на Кардане. И какой бы он не был идейный, а ждать решил божьей помощи.

Долго ль, скоро ли сказка сказывается, а подмога из тьмы не показывается. Наконец, подскочил к нам ГАЗ-66 лихой, но без троса был, безалаберный. Стали дальше ждать пригорюнившись, а машин все нет и нет, ни людей живых, ни автобусов. Посидели так ещё с полчаса, но, видать, кто-то свечку жег, Бог и сжалился.

Показался вдруг большегрузный МАЗ, он и трос имел при себе, как раз! Вот подъехал он своим передом к «лицу» нашего «пострадавшего». Прицепили трос за автобус, знать, и давай тянуть, чтобы с «мели» снять. Заревел тот МАЗ, потянул наш ЛАЗ, но — ни с места он в этот первый раз. Заревел второй, — понатужился, но над пропастью ЛАЗ сник от ужаса.

Развернулся самосвал к лесу передом… Эх, был у нас, по крайней мере, дом! Но с разбега монстр, дернул ЛАЗа вбок, так, что каждый мост подлетел чуток. Пролетел и — хрясь! Думали — звездец… А Кардан, бодрясь, рявкнул:

— Молодец!

Кто молодец, ЛАЗ или шофер МАЗа, уточнять не стали, но, что это он не о себе, — было очевидно: в полете автобус сшиб две юные лиственки и лишился при этом противотуманной фары. Что произошло с ходовой частью, оставалось только догадываться. Во всяком случае, в тот момент мысли у всех были одинаковые: скорее домой!

Увы, скоро не получилось, ибо наш доблестный водила блудил в темноте по ручьям и болотам до 22 часов с лишним. Зато все выспались и приехали — ни в одном глазу.

Дома меня встретил наш главный книгочей и букинист — Горисов — с номером «Юности», где была критика повести Тоболяка.

Тем временем, Виталий методом дедукции вычислил грабителей имущества с нашего склада и с азартом Ватсона до ночи их разоблачал. Я ж писал всем письма, но всего до 2-х часов ночи. Ибо именно в это время встал Сидоркин и, чтоб, видно, подрасти, начал трескать так тушёнку, что вагончик задрожал. Для запивки банку молока сгущенного, что без сахара, вытряс в пасть бездонную, что две божьих росиночки…

…Сегодня едем, наконец, на промзону нашего СМП — 3 км на запад от поселка. Вез нас и бригаду Крылова тот же автобус, значит, ночные испытания он выдержал с честью. Площадка под зону располагалась у подножия сопки, и редкий подлесок на ней уже был срублен.

Нас встретил мастер Борис Ляровой и дал нам задание: собрать на вырубке все стволы, годные для каркаса нашего сооружения. Конечно, сперва нам их надо было обрезать, срубить сучки и ошкурить. Кому-то досталось разметить основу «ангара». Увы, оказалось, что мы не готовы на практике применить свои знания. Зато наш мастер не преминул сделать нам матерный выговор.

— Где же ваш инструмент?! Работнички, ёг вашу мать! — кричал Ляровой.

Ответ выдал Сашка Глазов, удивив меня находчивостью.

— Во-первых, сегодня, — сказал он, — мы вышли работать задаром, поскольку ещё числимся студентами. Во-вторых, инструмент: ломы, топоры мы сами искать не должны. А в-третьих, мы — люди, а не рабы, кричать на нас не позволим. К тому же вчера разгружали вагоны и толком не отдохнули…

— Во-первых, я ещё не кричу, — Ляровой не смутился ни капли. — Может быть позже вы ещё услышите, что значит ругаться по-настоящему. Во-вторых, я не знал, что вы сегодня не обязаны работать, и что работали вчера. В-третьих, топоры вы как плотники должны себе сделать сами…

Мы отвечали, мол, — топорища — не главное, точить топоры негде! И что с тупыми ломами делать? Словом, побазарили мирно, а там и рабочий день кончился…

Вечером — давка в столовой, изготовление основного инструмента. Случайная встреча с комсоргом бригады Новикова и его рассказ об освобожденном снабженце Харизматове. В бригаде его раскусили быстро, и участь его была решена. От этого «свободного художника» они уже избавились.

Перед сном читал в «Авроре» Битова. Вдруг, в час ночи, зашел Степанов.

— Вот, приехал опять наряды закрывать, — начал Влад.

— Каждый раз приходится все самому?

— А как ты думаешь? Сдача нарядов — бой, который нельзя ни обойти, ни проиграть. В любом случае погибнешь. Но лучше побороться, очистить совесть перед бригадой, — он помолчал. — Ведь как мы работаем, как живем! Слава богу, еда нормальная, а то ведь никаких условий для жизни… Ребята терпят любые просчеты начальства и как бы в отместку работают, как звери.

— Нет, ну, досуг, выходные у вас же нормальные, — припомнил я.

— Да что досуг! — воскликнул он сокрушенно. — Ни бани, ни кино, ни телека. Вся жизнь — только работа. Но ребята-то молодые, им же нужно общение с… А тут ещё эта история с нашим поваром!..

— Ну, рассказывай, — потребовал я. — Слух-то пронесся, но ведь врут поди…

Влад нехотя рассказал, как у них в женском балке пропало недавно нейлоновое пуховое пальто, шапочка, японский зонт… А два дня назад их кормилец, неплохой повар, которого они рекомендовали кандидатом в члены партии, собрался на почту в Ленду с аккуратно зашитой посылочкой…

Конечно, нашлись свои «опера», которые потребовали — весьма настойчиво — вскрыть ее. После чего состоялся суд праведный и скорый (Линча), и побитого кандидата отправили с передовой. После этого, успокоившись, народ сочинил «Молнию», которую и предстояло вывесить Владу.

До трех часов мы с ним гоняли чаи с изюмом вместо сахара и толковали обо всем на свете, пока я не зевнул. Влад тут же среагировал, то есть откланялся: ему завтра в контору к 9-ти, а мне на автобус — к полвосьмого.

…Садились в автобус с Арнольдовым уже на ходу. На стройплощадке разметку нашего сооружения отменили. Оказывается, нам указали не то место. Что ж, перетаскиваем заготовки на новое место. Снова делаем разметку и ошкуриваем бревна.

Бригадира нам никто не назначал, но функции его взял на себя Коля Выгорнов, уже побывавший ранее в такой роли. Он дорисовывал «проект» нашего сарая, делал разметку и знал, как делать калькуляцию.

Хорошего роста, с усами на широком лице и раскатистым голосом он вполне подходил под бригадирские стандарты. Правда, его громогласные, но наивные заявления на митингах о нескрываемом желании стяжания славы заставляли нас относиться к нему с нескрываемой иронией. Однако, это его не смущало, и нам ничего не оставалось, как выполнять его распоряжения.

В 12 часов потопали в ближайшую столовую — «рыгаловку», что стояла в центре поселка и помнила, вероятно, довоенных строителей ветки Транссиб-Лендинский. Отсутствие транспорта, ждущего и подгоняющего всех под одну гребенку, дает некоторую свободу передвижений, поэтому я заглянул мимоходом в книжный. Увы, счастье мне не улыбнулось, и мы двинулись гурьбой в обратный путь.

На «зоне» весь оставшийся день ошкуривали стволы, которые подтаскивал нам трелевочный тракторишко бригады Крылова, валившей лес. Получалось у всех по-разному: у кого навык побольше и топор острее, тот осилил по 4—5 бревен. А вообще долбить остекленевшую на морозе лиственницу — сплошное издевательство. Мои успехи в самоистязании были довольно скромными, поэтому, когда в 17 часов автобус отправлялся в наш лагерь, мы с Ариком решили задержаться, чтобы наверстать отставание.

…Домой мы шли через сопку по тропинке, давно проторенной такими же энтузиастами. Она тянется на гребень сопки сначала наискось, потом напрямик и под конец взбегает на кручу так резко, что иногда приходится вставать на четвереньки, чтобы не сползти вниз.

Все склоны сопки покрыты зарослями кустов с преобладанием тех, чьи ветки продаются в городе под названием «багульник». Однако, мне кажется, что это — рододендрон. Багульник — это то, что едва торчит из-под снега на мари и источает едкий дурман, если его листья, свернутые в трубки, потереть в ладонях. Что же касается прутиков, из почек которых выползают бледно-сиреневые цветки к 8 марта, то я бы назвал их северной сиренью.

Проходя мимо бани, мы с удивлением и ужасом восторга обнаружили, что она открыта. Ничтоже сумняшеся, невзирая на свою безоружность, мы ринулись «в бой» и вкусили-таки радость победы тела над дУхами, долгое время не пускавшими нас на сие ристалище. Триумфом трудового дня стал штурм столовой, двери которой мы взяли с разбега, как закрывающиеся двери вагона метро.

Дома, между тем, меня поджидал Горисов, чтобы нанести очередной удар свежей «добычей»: «Не считай шаги, путник» и «Далеко от Москвы». Правда, дабы подсластить пилюлю, он щедро угостил меня действительно сладкими моченными яблоками, купленными в «Овощном» по удивительной (25 коп./кг) цене. Я, в свою очередь, угостил ещё и Митяя, и Арнольдова.

Глава 14

Пар — двигатель… регресса. Не замай коммунистов. Бригадир бригады бригадиров. «Серебряные Россыпи». Романтики из Заозерья. Ехала деревня мимо мужика.

В среду с 7 до 9 ждем автобус. Вместо него, подъехала вахтовка ГАЗ-66, и три бригады стали набиваться в нее, как кильки в банку. Крики, смех, слезы — все смешалось в ковчеге на колесах. Единственное благо такой «транспортировки», — относительное тепло, ибо в будке так же, как и на улице, — минус 30°.

До обеда опять ошкуриваю бревна, но уже с большим успехом. Тем не менее, Огонек, приехавший в Ленду ещё с квартирьерами, глядя на мои старания, ехидно улыбается. Он-то — ас, однако.

На обед нас повезли почему-то в 11.30 и уже в столовую автобазы АЯМ, что была несколько дороже и в отличие от древней «рыгаловки», прозывалась «тошниловкой». После обеда заехали в лагерь, где Алина, подойдя к автобусу, объявила, что бригада Божейко должна срочно собираться в командировку в Хородочи. Выражая крайнее удивление разными словами, ребята вышли из автобуса, а мы тронулись на «зону».

Теперь нам предстояло сделать 18 ям под столбы и одну большую, как могилу, для осмотра машин. Опыт в так называемом рытье ям у многих уже был. Но тут наш мастер решил испытать паровую машину, идея которой носилась в воздухе, наверное, ещё во времена Ползунова.

Напомню, что почва здесь под тощим слоем растительности состоит из дресвы, замороженной на века. Ежели мерзлоту отогреть, скажем, костром, то получим слой пыли и гальки с остатками растений толщиной 15 см. Паровой агрегат был призван плавить мерзлоту, как Дон Жуан — сердца верных жен. Устройство его было таким же примитивным, как и у означенного героя трагедий.

Он состоял из некоего закупоренного сосуда, наполненного водой на 1/3, и шланга с твердым наконечником. На том, правда, аналогия не кончалась. Стоило только нагреть жидкость до кипения, как из наконечника вылетала субстанция, способная растопить и мерзлоту в том числе. В интерпретации Лярового сосудом служила железная бочка на 200 литров, а наконечником — кусок трубы, сплющенной на конце.

Что ж, идея хорошая. Что нам стоит вскипятить 70 литров воды на легком 30-ти градусном морозце и, поддерживать

кипение до последней капли! А уж всовывать наконечник в центр ямки, — это наше самое любимое занятие.

Дабы воплотить идею в жизнь, половина бригады отправилась в лес на поиски сушняка. Искали довольно долго, видно, весь уже пожгли до нас. Пока бродили по лесу, я обнаружил в снегу следы когтистого зверя, идущие «в ниточку». Не иначе — росомаха, которая здесь точно водится… Но как кипятить воду с сырыми дровами?!

— Пустяки, — заметил мастер. — На это есть соляр, и у нас его — целое море.

Что ж, для достижения цели — все средства хороши. Разжигаем костер до неба, какой и чертям не снился. Ставим, обгорая как грешники, бочку на него и ждем, как та курица — на гусином яйце, но не просто, а подливая горючки на затухающие сыроватые дровишки. Часть людей готовила сокровенные места «оплодотворения»: чистила снег, снимала дерн, словом, готовила лона.

Причем, охваченные энтузиазмом первооткрывателей не только новоиспеченные бригадиры следили за экспериментом, но и соседние коллективы, сочувствуя, злорадствуя и просто, разинув рот.

Через какой-нибудь час с небольшим из наконечника, наконец, пошла тонкая струйка пара — двигателя колес, турбин, а теперь и мерзлоты. Стяжать славу зачинщика движения по пронзанию вечно мерзлой тверди, как должно, рискнул Выгорнов. Он взял наконечник и вонзил его, куда надо.

Поначалу дело пошло. Обрызганный с головы до ног оттаявшей глиняной жижей, Выгорнов вращал и раскачивал трубу, навалясь на нее всем весом и пытаясь обойти невидимые камни. Ему удалось войти в мать-сыру Землю на 30 см за какой-нибудь час. Глубже, как водится, камни не пускали.

Что ж, не мудрствуя, наш бригадир перенес наконечник с паром на соседнюю жертву — следующую ямку. Она так же сопротивлялась недолго. Мы с Глазовым, тем временем, занимались чисткой первой жертвы парового насилия. Через несколько минут работы скребком, то есть — лопатой, стало ясно, что размер лона невинно мал. То ли труба была тонковата, то ли пар был жидковат, — только оказалось, мерзлоте они — что мертвому припарки.

Тем не менее, эксперимент продолжался до логического конца пара. Тогда все увидели, что результаты никак не сравнимы с усилиями экспериментаторов, и облегченно вздохнули: «Чумазые — они же не могут!..».

Увы, пришлось вернуться к древней методе: разжечь костры

на местах будущих ямок. Костер над «могилой» накрыли листами железа — рефлектором. В основе большого костра — сушняк, а сверху — слои сырых дров. Как ни странно, сколько «сырья» ни положи, — утром ничего не останется. Ну, разве, — тонкие корочки, соединяющие торцы обугленных поленьев. Сухая земля под кострищем долго не замерзает, так что утром можно углубиться на 30 см.

Вечером в ДК Мищенко «отчитывался» перед нами о командировке. Он прошелся по Минкультуры и его заму, «маринующих» его в приемных до часу, чтобы сократить аудиенции до нескольких минут. Рассказал о встречах с директорами театров, начиная с ГАБТ, «Таганки» и кончая театрами при ГИТИСе и ЦДКЖ. Делился впечатлениями от просмотра 14-ти спектаклей (по числу дней пребывания в столице) в качестве почетного зрителя, для чего ему приходилось надевать форму нашего отряда.

Особо он выделил постановку пьесы В. Рощина «Эшелон», в которой на сцене сидел сам автор и читал текст с критическими замечаниями по тому же тексту. Апофеозом действа являлась сцена, где одна из героинь — на грани помешательства от разлуки с любимым — на просьбу принести дров для печки явилась, как сомнамбула, с могильным крестом на спине.

В обсуждении этой сцены после спектакля мнения присутствующих разделились пополам, так что неизвестно — оставит эту сцену Волчек в будущем или нет.

На нашем собрании присутствовал Б. Маршук — председатель Обллито, который поспорил с Мищенко о двух борющихся направлениях в создании художественного образа. Однако, прибыл он с целью вдохнуть в наше ЛИТО новую жизнь и вытащить его на семинар в Благинск в апреле.

Позже в нашем балке Степанов поведал мне о своей мечте: создать в Кудыкте агитбригаду. Рассказал, как сам Сизов сорвал его молнию о ЧП с кражей вещей и сделал устный выговор за самоуправство над кандидатом в члены КПСС, которого до заседания товарищеского суда он отправил от греха на разгрузку на станции Аносово. Может, тот — его бывший дружок?..

Потом я выиграл у Влада одну из трех партий в шахматы. Около часу ночи явился Горисов и стал хвастать приобретениями: «Пионеры», Рерих и сборник А. Битова.

…Поутру мы пилим сырые дрова, чистим площадку от спрессовавшегося снега и мха. В столовой был первым и, когда ребята приступали к еде, я уже катился на попутке к книжному магазину в надежде выпросить у продавщицы книгу «Искусство

древней Руси», которую перехватил у меня Арнольдов. Она попыталась уточнить:

— Это такая зелененькая с черным рисунком на обложке?

— Да, да! Она самая, — подтвердил я. — Офсетная печать…

— Так она уже кончилась, — радостно вспомнила она. Но, видя, как я потух, добавила, — ну, может быть одна пачка завалена другими книгами. Приходите позже, когда разберемся…

Попросив зарезервировать один экземпляр, я потопал на работу через сопку мимо строящейся станции «Орбита». Телетрансляцию обещают начать к приходу первого поезда с Транссиба, то есть 1-го мая. Однако, судя по внешнему виду стройки, трудно поверить в реальность свершения столь дерзкой задачи: движения на ней не было заметно вообще.

На нашей площадке никто ещё не появился, и я начал работать один. Остальные подошли через полчаса: как оказалось, автобус застрял в очереди за бензином.

Когда все присели на перекур, состоялось импровизированное собрание, на котором бригадирский статус Выгорнова был вяло утвержден.

Взяв власть в свои руки, Николай тут же объявил всем выговор за низкий темп работы. Особо досталось Арнольдову за хроническое недержание речи. До окончания работы долбим и отжигаем ямки с переменным успехом; слава богу, прораб свозил ломы на чью-то кузню, где их концы оттянули до целомудренной остроты.

В 16:40 вдруг приехал Кардан и начал «реветь» (сигналом) раньше времени на всю долину. Мы принципиально не обращали внимания на его наглые попытки отобрать у нас, кроме утренней задержки в полчаса и обеденной в 1 час, — ещё 1/3 часа. Увы, менее сознательные граждане забрались в автобус, как только он открыл двери. Судя по всему, время до нашей посадки они не теряли даром, а посвятили его оттачиванию эпитетов, достойных «штрейкбрехеров» и «умников». Мы же без подготовки, кое-как отбрехивались, но все равно настаивали впредь уезжать не раньше 17 часов.

После ужина зашел к Мищенко уточнить время своей репетиции. Он, по обыкновению, выпивал, но мне не предложил и назначил встречу на вечер воскресения. Ещё позже нашу бригаду подняли на аврал как дежурную на разгрузку машин с оборудованием.

После чая, около 3-х часов ночи, Арнольдов в который раз рассказывал всем желающим — и не очень — о том, какая у него была замечательная бабка-журналистка. Видимо, дар красноречия у него наследственный. Я же в это время писал эти строки.

…Утром — заготовка дров с Ариком в глубинах «белого безмолвия». Он с «Дружбой», я с топором, — забрались в самые дальние дебри за зоной. Перед лицом нетронутой природы сам собой возник разговор о краткости нашего существования на Земле.

— Ну, вот, что мы здесь копошимся, букашки? — сказал я, нарушив тишину, когда мы осматривали окружающие деревья в поисках сушняка.

— В смысле? — переспросил он. — Относительно чего?

— Относительно вот этого самого «белого безмолвия», — рассуждал я вслух. — Как было здесь миллион лет назад, ну, мы отметимся десятком пеньков, — и снова миллион лет — то же самое… А мы с тобой, как два метеорита, — мелькнули и нет нас…

— Да ладно, метеориты!.. — возразил он. — Мы все же какой-никакой, а след в несколько тысяч километров оставим. Жаль только, что никто не будет знать имена авторов…

— В том-то и беда! — сказал я, а тщеславная мыслишка мелькнула: «Нет уж, я памятник воздвигну нам…».

Потом мы долго выбирались на поляну, ориентируясь по мутному солнцу и обсуждая кратчайший маршрут. За спиленными дровами ходили несколько раз почти всем составом бригады. Жгли костры под смотровую яму и обжигали комли столбов с тем, чтобы обмазать их битумом или, как любит повторять Арнольдов по-научному, — антисептировать.

В течение всего дня я снимаю ребят на «Зенит» и с трудом — на кинопленку: мотор камеры замерзает, несмотря на то, что я прячу ее за пазухой, а батарейка, соединенная с ней проводом, лежит у меня на груди постоянно. Главное, народ не возражал тому, что мои спонтанные съемки, не совпадают с их регулярными перекурами, то есть, я снимал рабочий процесс вместо перекуров. Заснял и «исторический» момент установки первого столба нашего сооружения. Правда, опять же, как только дело коснулось истории, дым от костра застил объектив, так что ясности картинки не гарантирую.

У Сашки Глазова, «пораженного армейским давлением на психику», в этот день не было рабочего настроения. Творческий человек сказал бы — вдохновения. Однако, в отличие от художника или поэта, у него был бригадир, который вполне законно сделал ему выговор, всего из трех слов. Но Сашка с удовольствием их воспринял и только после этого начал работать…

На обед всех повезли в «тошниловку», а я для экономии времени вышел из автобуса внизу, у «рыгаловки». Чтобы понять,

что лучшего названия эта точка общепита не заслуживает, хорошо бы в ней побывать. То, что стены сего заведения насквозь пропитаны миазмами кухни и объедков, переходящих в помои, — ясно всяк сюда входящему. Но, когда он возьмет в руки жирные мокрые ложки (вилок может и не быть), то тогда осознает, что находится на краю сказочной пропасти: шагнешь вперед с закрытыми глазами, — получишь «райскую» жизнь, полную кусков сала вместо мяса, шагнешь назад — погибнешь в голодных муках, но с чистой совестью и девственным желудком.

Сэкономленное время я посвятил добыче полезных изданий в «Союзпечати» («Не считай шаги, путник!..») и встретил наш автобус при съезде на лед Гедкана.

До конца дня установили ещё четыре столба, заготовили кучу дров для отжига смотровой ямы. В этот раз ходил в лес с Глазовым, который в очередной раз жаловался на нехватку армейского пресса, без которого он, — как рыба, вытащенная из воды. Но, оказывается, как только он ощущает на себе «любое давление», то будто снова попадает в воду и готов биться за «истину» до последней инстанции.

…Вечером сходил в ДК на встречу с журналистом Б. Маршуком, где он в очередной раз призвал всех грамотных людей: «Пишите!». Будь я на его месте, — предложил бы: «Читайте!».

Позже, когда мы со Степановым доигрывали вторую партию в шахматы, с праздничного концерта в ДК явился Арнольдов. С жаром он изливал восторги по поводу выступления ребят, известных когда-то в Аносово как литературно-музыкальное объединение «Серебряные россыпи». Филармонический ВИА «Орфей» «Серебряные» просто «заткнули в задницу». Зал, полный военнослужащих, своим ревом подтвердил их триумф.

Кажется, Мищенко тоже оценил ребят по достоинству и проникся идеей пригласить их сопровождать наш спектакль. Позже мы узнали, что предложение Мищенко четверо из «Серебряных россыпей» приняли единогласно.

…А вот и «черная», рабочая — в честь завтрашнего дня Советской Армии — суббота. У нас появились плотники 5-го разряда, призванные поднять наш дилетантский навык на профессиональный уровень.

Оба: тридцатилетний Степан, маленький, юркий и Николай Семеныч — большой крепкий мужик лет пятидесяти — работали вместе в одном из чинтинских леспромхозов. Но вот сорвались с насиженного места и поехали почти что в тайгу. Видимо, зело впечатлительные — или, как сейчас говорят с издевкой, — романтики.

Некоторых слово «романтик» раздражает, как заусенец на пальце или камешек в ботинке. Как услышат, так сразу добавляют пошлое словечко, вроде: «долбанный». А ведь слово-то — наш родной «новодел», заимствованный из западной литературы и живописи эпохи романтизма, — и означает всего лишь «открыватель непознанного, нового», то есть, — первооткрыватель и авантюрист, вроде Афанасия Никитина или Ерофея Хабарова, каких всегда чтил русский народ. Но что их вело на подвиги, если не врожденное честолюбие или «розовая мечта» — стать первооткрывателями, — лелеемая, может быть, с самого детства?

К обеду у нашего самопровозглашенного бригадира возникла идея отпраздновать День Советской Армии. В магазин был послан «гонец» Алеконкин, от которого, как от шута горохового, в работе толку было мало. Зато его дар лицедейства вполне оценил наш режиссер, за что и назначил его на одну из главных ролей в нашей постановке. Ирония судьбы…

Вскоре девять членов бригады опорожнили три бутыли водки «Петровская», холодной, как жидкий азот, но, тем не менее, согрелись и немного поговорили — каждый о своем.

Кардан опаздывал к 14-ти часам, и мы пошли было пешком по сверкающему снегу. Он, все же, подъехал и лишил нас удовольствия увеселительной прогулки до бани. Узнав о цели путешествия, он из духа противоречия к бане не поехал, но высадил нас на ее траверсе. Помывочное мероприятие состоялось, казалось, чудесным образом! Неужели мой фельетон поспособствовал?..

В своем балке застал Тимоху, прибывшего из Хородочи на свидание со своей новой любовью — здоровенной Татьяной из общепита. Галя Тихова, должно быть, ещё не подозревала о перемене в ее жизни. Тимофей и не афиширует свой приезд, хотя совесть его нынче гораздо более чиста: он только что получил развод от первой, столичной жены.

Уже достаточно веселое население балка, увидев новый объект для «отравления», навалился на меня со стаканом белой. Поняв, что сопротивление бесполезно, я принял его, почти как Ромео в склепе Капулетти, и тут же упал, правда, в отличие от бедного влюбленного — на свою кровать.

День Армии — святой день — выходной. С 4-х до 9-ти утра дописывал письма. В столовую случайно попал с Мищенко, но он, не доев своего завтрака и сославшись на желудок, оставил меня за столом сиротинкой. Каково же было моё удивление, когда, зайдя в магазин за хлебом, я застал его за покупкой двух бутылок портвейна. Вот и верь теперь врачам, которые «от желудка»

рекомендуют белую. Я сделал вид, что не заметил его, зато понял, что режиссер наш страдает профзаболеванием.

Весь день прошел в какой-то суете, но ввечеру все студийцы собрались в ДК, где наш «больной» режиссер продиктовал очередное расписание репетиций. Надеемся, — окончательное.

После собрания, у одного из членов труппы проявились явные признаки инфекционного алкогольного «заражения». Он предложил, аналогично шефу, купить портвейну и выпить его в одном из балков. Выбор пал — на наш. Горисов, Гоша Аничкин, Сашка Марков, Арнольдов и я в хорошем темпе опустошили 4 по 0,7 портвейна, почитали стихи и при виде упыря Сидоркина разбежались по своим щелям.

Так бесславно закончился день, обещавший стать не самым плохим в жизни.

Глава 15

За книжный базар ответишь. Следствие ведут дубаки.

В понедельник продолжаем вчерашнее: пилим дрова, жжем костры. Бригадир посылает половину людей на ямки для ограждения всей промзоны.

После обеда прибыл некто — архитектор — и объявил о неправильном расположении нашего сооружения. То есть, — вся работа, проделанная нами с самого начала, — псу под хвост. Возникла немая сцена. Однако, про себя, а кое-кто и вслух — выразились одинаково грубо. Бросив своё первое детище, отправляемся на устройство забора.

Вечером иду к Тамаре, точнее к её тётке — работнице райкома, дабы посоветоваться о книжном «деле». Заодно хотелось понять, как она относится к своему дружку-«повару», заварившему книжную «кашу».

На моё изложение предшествующих событий Валентина Сергеевна не нашла ничего лучше, чем сказать:

— Он ударил Толю? Что ж, зная, какой он вспыльчивый, я могу ему это простить.

Именно это мне и нужно было услышать. Оказывается, Харизматов хороший, но немно-о-ожко вспыльчивый. Видимо, период очаровывания у них ещё не прошел, и его «милую вспыльчивость» испытать на своей челюсти или ребрах ей пока не привелось.

А в это время Иванцов вызвал к себе в постройком Горисова со всякими бумажками, касательными книг. Видимо, от нечего делать профсоюз решил тоже заняться «расследованием» и, может быть, стяжать славу бдительного и мудрого органа. Однако, навалившись на юношу, он лишь спровоцировал его на непосредственное высказывание о деятельности Иванцова, а заодно и организации, лицо коей тот являл.

Какой нормальный советский человек, тем более — занимающий некий пост, может спокойно реагировать на правду, высказанную ему в лицо? Ненормальный и несоветский также терпеть её не могут, но реагируют по-другому, например, достают «кольт». Наши поступают тоньше.

Толя, на свою беду, принес в кабинет Иванцова копии своих писем к отцу, дабы доказать своё моральное алиби. Однако, профсоюзный лидер — парень не промах — сославшись на плохое восприятие на слух, попросил Толяна дать ему тетрадь в руки, чтобы «лучше один раз увидеть». Тот, поколебавшись немного, отдал «туговосприимчивому» Иванцову тетрадь, как первое

признание в любви мудрому наставнику, гуру.

Насколько «гуру» был «слабоух», на столько он был «остроглаз». Не обращая внимания на шумный протест Горисова, «профсоюз» не хуже ЭВМ — перфокарты или кассир — банкноты молниеносно пролистал тетрадь и нашёл то, что проливало свет на всю сущность заблудшей души Толика.

Оказалось, юноша не только ни в грош не ставит работу профсоюза и идеологического сектора комитета комсомола, но не понимает и суть существования партии, то есть её «направляющей и руководящей роли». «Криминал» был налицо. Но как его обнародовать, когда источник — личные записи человека, фактически был изъят у автора насильно, обманом, без санкций и указов?..

Да и надо ли обнародовать? Достаточно уличить человечка в крамольных мыслях, а уж приговор он и сам себе вынесет.

— Ты тут пишешь, что не видишь смысла ни в работе профсоюза, ни в работе Партии! — воскликнул Иванцов. — Да ты знаешь, что за такую несознательность тебе полагается? — потрясал он тетрадкой Горисова над головой, как персонаж на фантике конфеты «Ну-ка, отними!».

— Владимир Юрьевич! — готовый ко всему верещал Толик. — Вы не имеете права читать личные письма!

— Имею, не имею… Какое твоё дело? Главное, ты сам признаешься в неверии!

— А что, нельзя? — огрызался Толик. — У нас свобода вероисповедания!

— Да ты знаешь, что таким не место на передовой!

— Знаю, что таких — здесь больше, чем идейных… — обронил Горисов под занавес и замолчал.

Дело о мелкой коммерции грозило перейти в идеологическую плоскость. Однако этого не произошло потому, что Иванцов сам не был уверен в преобладании идей вождя в головах молодых строителей над бессмертным духом золотого тельца.

Именно поэтому его принесло к нам в балок уже в 10 вечера. Вопросы, которые он задавал, были настолько унизительны, что я, выйдя из себя, предложил ему проверить по списку наличие книг у моих родителей, посланных им мной за последнее время.

Видимо, до него что-то дошло, ибо, сказав: «Не надо цинизма…», он удалился восвояси.

Зато Икорников как «идеологический сектор назначен «следователем» по-нашему с Горисовым «книжному делу» и ходит теперь сам не свой. Мы с Толей, будучи «подозреваемыми», обещали ему содействие и решили собрать у всех наших покупателей и одариваемых списки приобретенных книг

с расписками об оплате…

Так ничем, кроме нервотрепки и издевательств этот день не закончился.

…На «зоне» с утра пораньше долбим отогретые кострами за ночь ямки для забора, разжигаем костры под следующие… В 10 часов появляется геодезист с чертежами и трубой и объявляет, что забор будет на пять метров глубже в тайгу. Очередная «немая» сцена. Тушим костры и идём валить лес за «забор».

На обед едем в 11 часов вместо 12. Все к этому уже привыкли, вернее, — желудки, — и никто не возражает. Транспортный монополист Кардан победил три коллектива по 15 человек! Причем, едем туда, куда ему больше нравится или где у него есть подружка на раздаче, то есть, — в «тошниловку».

Наш бригадир пожелал выйти у почты для телефонных переговоров с семьей, а я вышел с ним, чтобы зайти в книжный магазин. Увы, он был закрыт на ремонт отопления. Иду с два километра вверх по Северной трассе в «тошниловку» и попадаю в очередь с бригадой Крылова.

На «зоне» опять жжём костры и долбим ямки. Я на своих четырёх — едва успеваю вынуть оттаявший грунт из первой и разжечь новый костер, вынуть грунт из следующей и разжечь ещё костер, вынуть грунт из третьей и… Ранний приезд Кардана теперь всеми воспринимается нормально. Ещё немного, и мы будем недовольны, если он будет являться точно в 17 часов.

В конторе успеваю получить аванс (60 рублей), значит — гуляем.

Встретил Шестова и рассказал о «книжном деле». Он покраснел. Оказывается, в штабе комсомола ему уже погрозили пальчиком, за «аморальную» покупку книг с рук, неизвестно чем «запачканных». Впрочем, покраснение его лица, скорее, связано с нежным строением кожи, а не с чрезмерной совестливостью. Выслушав мой рассказ, он обещал что-нибудь предпринять.

В свою очередь, его жена Капиталина, — дочь начальника Главка и культурная богиня Дорпрофсоюза — прослушав наш с Горисовым отчёт о самодеятельном «ликбезе», обещала выслушать версию Иванцова и тогда уж что-нибудь придумать. Словом, друзья и просто сочувствующие — вроде бы не оставляют нас, но и помощи особо не предлагают.

В юридической части помощь, скорее всего, не понадобится. Арнольдов, назначенный начальником оперативников вместо уехавшего в десант Тимохи, направил меня в УВД к начотдела БХСС капитану Кошелеву. Тот предложил мне идти во внештатные сотрудники, чтобы бороться с настоящими

расхитителями соцсобственности. Потом он показал мне заявление Сущевина и Севы, где они просили разоблачить и пресечь нашу самодеятельность, в которой мы, якобы, использовали служебные бланки для бесплатного получения книг, а затем продавали их, как последние спекулянты.

Я не удержал негодования:

— Это грязная клевета! Любой нормальный человек понимает, что бланк письма не может служить магазину основанием для таких подарков. Да и квитанции от «книг — почтой» у нас все имеются. Никто из заявителей не удосужился даже спросить их у нас. И вообще, если разобраться, автор заявления о «вреде» сотрудничества с книжными магазинами, кажется, завидует нам, ибо сам не может заниматься тем же.

— Я все понял сразу и этой ерундой даже не собираюсь заниматься, — заметил капитан. — Наоборот, я как книголюб приветствую вашу инициативу. Что касается морали, то она не в моей компетенции, и ею должны заниматься как раз написавшие это заявление.

Так мы мило побеседовали о жизни и литературе ещё с четверть часа, и я, не отказавшись, но и не дав согласия стать «секретным агентом», покинул сей милый милицейский уголок.

В среду на работе всё по-прежнему: долбёжка грунта, дрова, костры, — но уже без особого энтузиазма. Вдруг опять перенесут забор в другое место? Все повторяют, как молитву, армейскую заповедь: не спеши выполнять приказ, возможно, его отменят.

Вечером мы с Горисовым и Оксаной идем к Иванцову, но тот разбираться с нами отказывается и зовёт нас в Штаб ЦК, где вопрос будет решен кардинально. Действительно, здесь состоялось настоящее судилище. Замначальника Штаба Вересков с Иванцовым устроили нам перекрестный допрос в лучших традициях криминального жанра. Причем, сами убежденно отвечали на все вопросы, не дожидаясь нашего лепета, ибо ответы они черпали из «абсолютно достоверного» источника.

Первое обвинение, выдвинутое нам, — использование служебного положения в корыстных целях. Речь шла о тех же бланках. Кроме того, с неизвестной целью мы отсылали «дефицитнейшие» книги на «материк» (когда я накануне принес Иванцову несколько книг из «ЛП», он возмутился: «Что ты мне принес какую-то техническую, специальную литературу!»).

О том, что бланки писем не являются подотчетными и лежат у каждого ИТР свободно, никто даже не упомянул.

Второе обвинение, предъявленное больше Горисову, — это его по-мальчишески гневное письмо директору одного из магазинов, приславшего нам вместе с заказанными книгами

«нагрузку» на 100 рублей — книги молдавских авторов. Причем, копию письма Толик отправил в «Книжное обозрение», которое его напечатало и тем ославило директора на весь Союз. Тот, конечно, «обиделся» и потребовал от наших идеологов напечатать опровержение.

Идеологи наседали на «подследственного» с «каверзными» вопросами:

— Как ты считаешь, для чего нужна литература вообще? Для воспитания?

— Ну, да.

— А что, книга «Легенды о Лазо» — не воспитывает? Это плохая книга?

Вопросы сыплются, как пощечины, слева и справа. Для полной картины не хватает только софита, направленного ему в лицо.

Толя долго молчит, соображает. Наконец выпаливает:

— Плохая.

— Ага! — ликует Иванцов. — Ты предпочитаешь иностранное нашему! Да ты — настоящий антисоветчик!

Защищаю Толю как могу. Однако я числюсь у них, если не организатором «безобразия», то, как минимум, «безыдейным старшим товарищем», голос которого, — пук. В таком ключе проходит весь допрос, и любые наши возражения и объяснения просто игнорируются.

Всё же, Иванцову удается выхватить тетрадь Анатолия, чтобы найти «крамольное» письмо отцу. Но тот в отчаянном порыве ухватился за неё и возопил:

— Отдайте! Это копии личных писем родственникам и знакомым!

— Нет! Это уже не личные!.. Это общественные, государственные документы!!!

Вдруг, эту возню остановил Вересков:

— Владимир Юрьевич, отдайте тетрадь. Наверное, это всё же личные письма… Не могли бы вы оставить нас с Анатолием наедине?

Мы с Иванцовым повиновались. Затем, он попросил Горисова прочесть ему то самое «безыдейное» письмо. Тот прочел.

На прощание замначальника Штаба заверил юного «отщепенца»:

— Что ж, теперь ты узнаешь — нужна ли наша организация и для чего…

Так, не удосужившись выслушать нас, идеологи вынесли некое решение: выгнать нас из того, из другого и вообще — стереть в порошок. Для этого они передают «дело» в комитет,

а уж он разберется! На том и расстались.

Вооруженные полученным «иммунитетом» на все унижения и угрозы, идём из Штаба в ДК. Как и следовало ожидать, репетицию отложили «на потом».

Попив у Толика чаю, я удалился к себе и быстро заснул.

Утром пошёл в поликлинику. Врач обнаружила ОРВИ и дала больничный. По дороге домой купил еды, водки, том Толстого из подписки, «Слово о полку…».

В обеденный перерыв заглянул чумазый от сажи Гошка и «для поднятия духа» пересказал высказывания своего «земляка» Ашкоева о сущности Иванцова, какой тот — падла. Однако утешения это мне вовсе не принесло.

После работы он опять навестил меня как «тяжелобольного» и развлекал рассказами о визите начальника УРСА к нашему инженеру по ТБ Константинычу. То есть, гостинцы, принесенные визитером к столу, произвели на инженера впечатление приблизительно такое же, как серебряное ситечко Остапа Бендера на Эллочку-людоедку.

В 20:30 приплелся в ДК, где, наконец, состоялась репетиция моего эпизода.

Перед сном заглянул Горисов, составивший список «Литпамятников», полученных по почте из «Академкниги». Я обещал написать список своих книг.

Глава 16

Покайся, грешник! Визит к изыскателям. Главные участники торжества. «Романс о влюбленных». Размахнись, рука!.. Первая оттепель. Герои мюзикла. Устный журнал. Пьем за яростных.

В понедельник 3 марта в 3 утра «коротнула» розетка на кухне, и загорелась фанерная перегородка под ней. Кто-то вовремя почуял дым: затушили огонь в зачатке.

В поликлинике сижу в очередях так долго, что прочел половину «Нового мира». Весь день — обычная суета: магазины, прачечная, стенгазета, редакция «районки», ответы на письма, разговоры «за жись» и о «деле».

Валентин известил, что из «центра» пришло распоряжение: неблагонадежного Горисова удалить с «передовой». Вероятнее всего это — «утка». Тем не менее, «книгоманы» пришли к мнению: достаточно будет Толику покаяться и попросить прощения. Не за что-нибудь конкретно, а так, — за всё в прошлом и будущем. Лишь бы начальство увидело не самоуверенную физиономию мужающего нахала, но скорбное лицо заблудшего агнца.

Получив из «Академкниги» «Письма, статьи, прозу» Твардовского, решил вечером подарить книгу Митяю — оратору и любителю полемики.

…На новой площадке бульдозер убирает снег, сдирая при этом тощую растительность. С одной стороны — прогресс, с другой — варварство. Летом мерзлый грунт без покрова превратится в кашу… Но нам думать не положено, долбим новые ямки, вытаскиваем столбы из старых — на предыдущей площадке.

Во время перекура у костра получаем втык от бригадира.

— Почему до сих пор не вытащили последний столб?! — грозно спросил он.

— Так вмёрз он напрочь, — объяснили ему. — Сил не хватает…

— Что значит — не хватает, — сказал Выгорнов. — А голова на что?

Он привлёк бульдозер, мы привязали столб к отвалу тросом и через три минуты столб был «готов». Пока складывали брёвна в штабель, опоздали на свой автобус до столовой. Всё же повезло с чьей-то попутной вахтовкой.

Из «тошниловки» возвращаемся произвольными путями.

Книжный — закрыт. Идём опять мимо строящейся «Орбиты». С горы желающие спускаются слаломом-гигантом.

Часть бригады «выколачивает» прицеп для перевозки брёвен на новую площадку, другая — ставит столбики для забора. Здесь открылось: столбики должны быть на расстоянии 9 метров друг от друга (под колючую проволоку), а мы сделали — через 3. То есть, десятки ям, что мы уже отожгли и выдолбили, вовсе не нужны. С одной стороны — спасибо руководству, с другой…

Однако, самая приятная неожиданность для всех — это полное совпадение новой разметки под каркас профилактория — со старой. То есть, в результате мы вернулись к заброшенным ямам. Ур-р-а-а! Все сразу забыли о напрасно потраченных усилиях души и тела на предыдущем котловане.

Вечером Митяй предложил навестить больную Коротич, а заодно познакомиться поближе. На предложение провести ей «физиотерапию» в кафе «Белка» она не отказалась, и мы просидели за легким ужином и приятной беседой до закрытия заведения.

Ближе к полуночи зашел Горисов и упросил меня завтра быть в книжном в 10 часов, дабы выкупить отложенные им книги. Приехать с просеки для этого он не сможет.

…С 6-ти утра пишу письма. В 7:30 уже еду на работу. К 10-ти часам отпрашиваюсь и бегу через сопку, высунув язык, в книжный, где выкупаю для Горисова: Крамского, Менье, Ж. Филиппо, альбом «Голландский рисунок», сборник стихов Татьяничевой.

В 10:50 я опять, как ни в чем не бывало, жгу костры, долблю мерзлоту. За то, что отсутствовал около часа в полдень, остаюсь костровым, то есть — без обеда. «Duro lex sed lex» — говорили древние римляне, а по-нашему: закон тайга — медведь хозяин.

Вечером, за чаем, обсуждаем с Митяем план редколлегии. Ещё позже пишу письма до 3:30 ночи.

В четверг вскакиваем с Арнольдовым в 7:15 и в темпе собираемся к автобусу, отходящему на зону в 7:35. Уже прибыв на место, я вспомнил, что бригада договорилась выехать в 8:30… Что ж, начинаем долбить все ямки вдвоём.

В 10 часов бригадир направляет меня с Глазовым за тёсом в леспромхоз. Водитель, с которым мы должны везти доски, дороги не знал, а уж мы — тем более. Маленько поплутали… Потом исправно грузили доски в полуприцеп около часа.

После обеда нам на помощь прибыли Арик и Арнольдов. В процессе погрузки, за разговорами, Арнольдов неожиданно для себя уяснил, что Ася — девушка не свободная. Не умея удержать восторга от достижений земляка, Арнольдов без задней мысли стал рассуждать о достоинствах Аси. Её избраннику претило слушать пошлые дифирамбы Арнольдова и он, ревниво

замкнувшись, работал молча.

Вечер проходил по плану: масса мелких встреч и визитов, как вдруг по дороге в баню, встретил Веню Мирова, с которым четыре года назад работал во время летнего отпуска в геофизической экспедиции на Полярном Урале. Слово за слово — выяснили, что он здесь, опять же, в командировке, и его партия — в десяти минутах ходьбы от моего лагеря.

Эта, казалось бы, незначительная встреча соратников по каротажу[14] и исследованию солифлюкции[15] грозила перейти в большое мероприятие. Однако, избегая соблазна, собрав волю в кулак, мы решили отложить его до грядущего весеннего праздника.

После бани — чаи с друзьями и сон, прерванный озабоченным Митяем. Мне и некоторым другим «подследственным» надлежит явиться в комитет с объяснительными записками и списками книг, выкупленных нами на почте.

В пятницу за ужином в «Тайге» встретил Митю, прибывшего с просеки совсем истощенным и обессиленным. «Дембельнутые» языки уже приклеили ему прозвище — «Железные Трусы». «Почему „Железные“?» — спрашивали непосвященные. «Чтобы ветром не сдуло», — отвечали остряки, привычно закатывая глаза в ожидании гогота.

Несмотря на упадок сил, Митяй зовёт меня навестить больную Коротич. На это силы у него находятся. Для затравки разговора он решил подарить ей книгу о журналистах. Выпив у Людмилы чаю, мы разошлись. Я решил наведать знакомых изыскателей.

В общежитии, где они обосновались, Вера, жена Вени, собралась угощать меня домашней стряпней. Я в ожидании рассказывал о жизни нашего отряда. Слово за слово, Вера поняла, что я человек свободный, и по своей женской логике решила меня «пристроить». «Место», которое мне предназначалось, называлось Надюша. Располагаясь в том же щитовом доме как сотрудник непонятного мне назначения «оно» было тут же вызвано для взаимного ознакомления за столом.

Надя представляла собой хрупкое создание лет 22-х с бархатными ресницами и осиной талией. Устоять против Стройняшки возможности не было никакой. Пришлось напрячь свои мозги, но с первого раза предмет моих устремлений этих усилий никак не оценил. Тем не менее, Вера в успехе «кампании» не сомневалась и намекнула на необходимость продолжить «осаду». На том и расстались.

8 марта, казалось бы, праздничный день сначала ничем

не отличался от буден. Лишь к вечеру атрибуты и участники банкета по поводу «Международного женского дня» проявились в нашем балке с подобающей мощью и фантазией. То есть, стол был уставлен бутылками настолько, что закуске не нашлось на нём подобающего места, и она существовала лишь номинально в виде нескольких банок консервов и ломтей хлеба. Публика же для отмечания Праздника подобралась под стать ему. Вагончик до отказа заполнили приглашенные Тимохой богатыри из оперотряда: Снегирев, Пахомов, Ухватов и другие защитники слабого пола. К счастью, представительниц последнего, нуждающихся в защите, совсем не наблюдалось.

…Веселье удалось на славу: гости расползлись без драки, не успев облевать наше жилище. Лишь бесноватый Сидоркин с ногой, травмированной на работе, требовал вызвать ему Минздрав по прямому проводу, считая, что «скорая» — слишком мелко для его раздутого тела.

В воскресенье после обеда с двумя коллегами еду на зону, дабы подготовить фронт работ на завтра. Развели двадцать костров для столбиков забора и отбыли домой ещё засветло.

К вечеру народ потянулся к очагу культуры, где — о чудо! — попадал в буфетную очередь за мутным разливным пивом. Вот уж где был праздник-то! Набравшись «жидкого хлеба», молодежь алкала зрелищ, «которых здесь было». То есть, в афише было заявлено две серии «Романса о влюбленных», кои я со товарищи с удовольствием просмотрел.

Имея полдня отгула за «вчера», расслабляюсь дома до обеда. Бегаю по магазинам, в поликлинике вызываю Пузырю-Сидоркину неотложку вместо Минздрава, которого он жаждал накануне.

Во второй половине дня работаю с Арнольдовым и Семенычем. Едем на тракторе с прицепом в тайгу за дровами. «Размахнулась рука, раззуделось плечо», напилили дров, ажно с горкою.

Весь день снимал кинохронику. Жаль, что трёп, составляющий основную ценность рабочего процесса, на кинопленке не фиксируется. Впрочем, половина словесного сопровождения просто непечатна и, будучи изящно переплетена с сущностной составляющей, делает текст, произносимый героями хроник, не воспроизводимым.

Вечером — всё одно и то ж. Студийцев в ДК не было. Даже билет в кино я не смог купить: и здесь — дефицит! В лагере все заняты своими делами, поэтому отбой — примитивно в 23 часа.

…Дни стоят весенние, теплые: с утра морозец до —20°, но к обеду становится жарко, 15°-20° тепла. Работаем, скинув телогрейки, и как-то веселей.

Все силы брошены на рытьё смотровой ямы и установку стеновых столбов. И грустно, и смешно: вручную долбим мерзлоту, а рядом — десяток компрессоров, неукомплектованных шлангами и молотками. Столбы по 6 метров из сырой лиственницы ставим, надрываясь, с помощью матюгов, а рядом — десятки автокранов без водителей. С одной стороны, понятно — не всё можно предусмотреть, с другой…

В столовке ели наперегонки с Розой из звена отделочниц. Девчонка незаурядной энергии и внешних данных, по праву получила в нашей театральной постановке одну из главных ролей. Её партнером вне сцены по последним наблюдениям становится никто иной, как организатор и душа «Серебряных Россыпей» — Стас Науменко.

Да, наш Мищенко завершил переговоры с музыкантами, и пьеса, очевидно, примет черты мюзикла. И, слава богу, певцов у нас — каждый второй.

Здесь же, в столовой, встретил штатного фотографа «Рабочего» — Пьянкова. Толик, как мы его звали, был старше нас, по крайней мере, лет на 10. Однако, лишённый профессиональной спеси, был с рабочими на «ты». Потому имел «крупные планы» для передовиц — и не только местных изданий.

За обеденным столом легко проговаривались беды и нужды насущные: где достать хорошей бумаги, пленки, да и начальства неглупого хорошо бы.

После «интеллектуальных» бесед в столовой болтовня Нонки Половинко, с которой я долблю ломами грунт в будущей смотровой яме, — кладезь народного фольклора, сдобренный словами-связками.

А вечером, как обычно, с Горисовым обходим «источники знаний», но безуспешно. Зато в ДК имеем трудную беседу со своей возможной защитницей Капой Шестовой. Она всё не может определить место запятой в нашем вердикте: казнить нельзя помиловать. Но «играть на ней нельзя…», — говорил Гамлет.

Чтобы забыться, ударяюсь в голливудский ширпотреб «Как украсть миллион», но и тут неведомые силы, отключив электроэнергию, спасают моё духовное целомудрие.

Что ж, дома погружаюсь при свете свечи в стихию иностранной литературы — воннегутовскую «Колыбель для кошки».

…В среду едем на зону без бригадира, который улетел в Благинск встречать жену с пожитками. Его вчерашнее отсутствие теперь понятно: готовил гнездышко — ему дали пол балка — к приезду хозяйки.

Работали над углублением ямы и устройством лесов вокруг сооружения. Профессионалы же спорили о крыше: делать ли её до или после облицовки стен, что равносильно спору о курице и яйце.

Все монотонные работы сопровождались диспутом о семейной жизни. Старики подначивали молодых: женитесь! Жизнь станет сладкой и здоровой, если жена попадется ласковая да заботливая. Ребята тут же парировали, мол, кто даст гарантию: девушки все хорошие, а жены — фурии или «пилы». Одно слово — день проходит весело и с пользой для молодежи.

Четверг посвятили каркасу лесов с правой стороны бокса.

Из столовой за нами увязался некий Миша, якобы с «Мосфильма», и пытал меня про историю с книгами. Горисова он «вытряс» до этого. Его мнение — мы виновны. В чём именно, мне было непонятно. Видимо, как говорил дедушка Крылов: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Получил зарплату в 137 рублей, аванс — 60. Дочитал Воннегута и бесславно заснул в 22.30.

…Пятница — день тяжелый. Ставим стойки лесов: брёвна по 5 м с левой стороны сооружения, обвязываем их доской, делаем настил, готовим стойки по 6 м. Всё это сопровождается постоянными спорами о том, как *надо* делать. Нонка больше всех поучает:

— Мужики — дураки, неправильно делаете укосины, нельзя так крепить стойки, — и тому подобное.

В 19 часов, в ДК — устный журнал, организованный Гаврилой Шестовым. В «гостях» — руководители «Мосгипро», проектировавшего трассу на восток, ансамбль «Серебряные россыпи» и некоторые широко известные (в узком кругу строителей) поэты.

Дома меня встречают десантники из Хородочи. Возбужденный Тимоха приносит 5 бутылок мерзкого «Рубина». Начинаем пить вдвоём до появления основных сил. Пьём привычно «за яростных, за непокорных», за его развод и всех нас, «презревших городской уют». Сколько ни пили, а простуда у меня усиливается.

Глава 17

Жажда… общения. Счастья нет… Счастье есть! Стихийная передислокация. Ночные «Россыпи». Блаженны незлобивые. Штирлиц из «Мосгипро». Разбор «полетов».

Пробуждение в субботу было тяжелым. В «Тайге» отстоял дикую очередь в обед. Сплю до 17 часов. После ужина хотел было отписать друзьям о прошедших событиях, как вдруг нагрянули кудыктяне. Пошли по магазинам, с очевидной целью, но нигде ничего не нашли. Выручил Арнольдов, принесший со свадьбы Жиглова бутылку водки и портвейн.

Этого оказалось достаточно, чтобы философствовать с гостями о смысле жизни до 4-х часов утра.

В воскресенье, в 11 часов меня, совсем «расклеенного», друзья потащили на лёд Ленды, где проходили «Проводы Зимы». Власти, торговцы и культработники устроили всё в лучших традициях: на лотках и в автофургонах можно было найти всякой всячины от приторных изысков местных кулинаров до промтоварных неликвидов из-за Японского моря. Выбор аттракционов и развлечений был привычным: от песен, плясок и конкурсов, проводимых затейниками среди подвыпивших сограждан, до традиционного обледенелого столба с подвешенной на верхушке парой сапог. Для полноты картины гульбища не хватало только русской народной драки «Стенка на стенку». Последняя, увы, перестала быть демонстрацией народной удали и переродилась в интимные избиения «трое на одного».

В русской традиции — отмечать все праздники от языческих до профессиональных, назначаемых правительством, и рожденных свершениями народа. Мы тоже сделали гастрономические закупки и разошлись до обеда.

Наконец, на сцене «Пионера» состоялась полноценная репетиция пьесы, где Мищенко предстал во всей своей режиссерской ипостаси. Однако, мы как дилетанты всячески мешали исполнению его профессиональных обязанностей, устраивая ему «сцены» и просто болтая в ожидании своего выхода.

В частности, исполнительница главной роли Катерина между своими репликами успела поведать мне о своей тяжкой доле.

— Представляешь, Ген, — видимо, я стоял ближе всех к ней или имел достаточно невинную внешность, — эти суки меня совсем затравили.

— То есть, какие?

— Ну, администрация, профсоюз, наши конторские крысы. Нет у меня сил терпеть их замечания, издевки. Устроюсь куда-нибудь в Хородочи, в бригаду…

— Да, ладно, — пытался сочувствовать я, — утрясется. Вот на меня с Горисовым как нажимают! А я? Прикинулся идиотом, киваю головой, обещаю больше не толкать литературу в массы.

— Ты можешь прикидываться, а я — нет, — сухо заметила она. — У меня другое дело…

Какое «другое», я не стал уточнять, но почувствовал: «дело» личное или даже интимное.

Дома за обедом основательно отмечаем отъезд Степановской братии. Но, придя с репетиции около 16 часов, нахожу её в полном составе за тем же столом. Оказывается, отъезд отложили до «выздоровления» водилы их вахтовки. Что ж, в ход пошёл мой литр коньяка, под который парторг десанта Владимирский поделился воспоминаниями о своем участии в строительстве Телецентра.

— Ну, и попили мы там, — начал он рассказ скромно улыбаясь. — Бывало, с утра башка трещит, а денег на похмелку — ни копейки. Я говорю своему молодому напарнику Васе, мол, сходи-ка вон в ту новостройку, поспрошай — не надо ли кому замок врезать или дверь поменять… И будьте уверены — через час-два у нас была не только выпивка, но и закусь.

В подтверждение своего ударного труда он вскользь упомянул о награждении его орденом Трудового Красного Знамени, который скромно хранил в чемодане…

…В понедельник мы с обеими нашими девушками готовили материал для лесов. Остальной народ разбрелся по своим делам: на телефонные переговоры, в поликлинику, за инструментом или одеждой.

Как появились «старики», ставим внешние леса. Многое сделать не успели, ибо приехал «обеденный» автобус. По дороге в «Тайгу» читаю Олешу. «Ни дня без строчки» — это ли не пример для подражания? Правда, для кого? Не дай бог, для графомана. О присутствующих — ни слова…

В 23 часа началась очередная репетиция в ДК. Отрабатываем массовые сцены и три эпизода с Катериной в главной роли. В паузах она опять плачется: никто её не понимает, а только «лезут в душу в грязных галошах» и — без.

Ну, а как же им — мужикам — не лезть, когда девушка с гитарой, с голосом и жертвенной душой, никому не отказывает в общении, поет в любой аудитории и вовсе не требует за это никакой компенсации. Казалось бы…

Однако только слепоглухонемой или влюбленный мог

не заметить, что в уплату за видимую доступность и простоту в общении требуется полное подчинение любым порывам ее души, по-русски говоря, — капризам!

Вот и сейчас она никак не может понять, чего хочет Мищенко. Голова её занята более серьезными проблемами и переживаниями, а он, гад, пристает…

В час ночи выходим на чистый морозный воздух: звёзды можно сосчитать. Голова чуть кружится от кислорода, от избытка эмоций или того, что называется «трудным счастьем»…

Минуту замешательства перед грандиозной картиной мироздания нарушил непосредственный Арнольдов, исполняющий в постановке роль этакого рубахи-парня, влюбившего в себя Зойку (Розу) — одну из покорительниц Сибири.

— Красотища-то какая! — возвестил он. — И какое же это счастье, что мы здесь делаем великое дело и ещё можем передать свой настрой другим со сцены…

— Это-то хорошо, — подбодрил его я. — Лишь бы наше самовыражение пошло впрок, а не сгинуло вотще. Мало ли, что нам нравится наше детище. Главное — что скажут другие!

— Да что нам чьё-то мнение! — возразил он. — А судьи кто? — припомнил он школу.

Дома я быстро завалился спать и, мне приснилось нечто.

* * *

Сон о счастье.

…Сначала каждый хотел дать ему определение, понять или убедить других, в чём оно заключается. Казалось бы, всё просто: счастье — это, когда тебя понимают (и чем больше народа, тем лучше), или — это обладание (вещами, деньгами, властью, связями…), или — это размеренная жизнь, постоянное прямолинейное движение без (не дай бог) ускорений…, или — это продолжение себя в своем потомстве — словом, формулировок прозвучало множество.

— Так мы никогда не договоримся, друзья! — проговорил круглолицый курносый старик, в белом хитоне. — Сначала надо определиться: счастье — это состояние человека, переживаемое им, как результат его деятельности, либо сама деятельность (процесс) или же это данность, ни от чего не зависящая, например, способность ощущать себя живым.

— А как же быть с тем, что всё относительно? — возразил лохматый старичок с пышными усами — Например, в молодости я чувствовал себя счастливым, если испытывал оргазм, не думая о последствиях. То есть, не применял кондома и не выскакивал из лона, как ошпаренный, в самый острый момент. С годами я

стал испытывать истинное наслаждение оттого, что доводил до оргазма свою подругу! А сейчас я испытываю восторг лишь только от движения своей плоти внутри любимой…

— Какие же вы примитивные! — воскликнул некто в чёрном капюшоне, закрывавшем его лицо. — Истинное счастье в ощущении наивысшего взлёта нашего духа, в момент катарсиса, говоря научным языком. И не смотрите на меня так ехидно. Вы правильно заметили, что счастье плотское меняется с возрастом, а духовное — никогда. В детстве вы испытывали восторг от победы в игре «прятки», а в старости будете потрясены размерами огурцов на вашей загородной грядке…

— Э-э, друзья! Не надо «тащить одеяло на себя», — сказал первый курносый старик. — Я думаю, вы согласитесь, что все вы походили друг на друга в разные моменты вашей жизни. А значит, счастье — это и процесс, и результат, и подарок судьбы одновременно. То есть, такое состояние тела и души, когда они испытывают полное и одновременное удовлетворение. И когда это бывает с нами? Припомните…

* * *

Но тут я проснулся и мучился весь день, вспоминая и сопоставляя лучшие моменты своей жизни с тем, что окружало меня в то время.

Правда, особо вспоминать было некогда. Весь вторник копошились на своей постройке: в первой половине городили леса внутри нее, после обеда жгли костер на будущей яме до самого отъезда. За обедом в «Тайге» опять обсуждаем с Толиком — фотокорром «Рабочего» — вечные проблемы: пленка, бумага, реактивы… То есть, поделиться добытым он не в состоянии. Понятно: нас — любителей — много, а он — профи — один.

После работы попадаю в баню, а затем — в книжный, где покупаю на всякий случай три «Парижских коммуны» и книгу Блеза Сандрара. Заворачиваю в экспедицию, где Веня угощает меня в обществе начальника П. Леонова.

Придя домой, обнаруживаю у себя вызов в РОВД… Там мне показывают ещё раз заявление наших «бугорков» о, якобы, использовании мною служебных бланков в корыстных целях. Пока я пытаюсь собраться с мыслями, мне предлагают участвовать в рейде милиции по торговым точкам как дружиннику. Это ли не попытка шантажа?!

По пути домой закупаю еды, но меня заворачивают в «Пионер», где записывают на завтра на фотографирование для театрального стенда. За чаем Горисов милостиво берёт у меня одну из трех «Парижских коммун» в обмен на банку сгущенки.

В половине первого, когда все хорошо спали, Воскресенский, видимо слушая радио, вдруг закричал чужим голосом:

— Наше правительство — гады — продает нефть американским капиталистам…

Под этот вопль не мальчика, но мужа я и заснул.

…В среду на рабору взял «Зенит» и «Зависть» Олеши. В автобусе читаю, а на площадке снимаю рабочий процесс: долбление бетонной мерзлоты ломами (Нонка Половинко и Галя Тихова), розжиг костров.

На обед нас привозят в «Тайгу», где я фотографирую длиннющую очередь, в которой полностью теряю аппетит. Что ж, без аппетита я и другие нетерпеливые покупаем в буфете молдавский чернослив в вине и едим прямо из литровых банок…

На площадке всё то же: яма, леса…

Разнообразие внесли неожиданно вспыхнувшие дебаты об очередности отпусков и о темпах нашей работы. Редко, но бывает, что без руководящей затравки народ занимается разбором «полетов». Самым яростным критиком была Нонка. Будучи строителем со стажем, она легко подмечала ошибки и неумелость других и при случае выливала свои наблюдения на головы аудитории:

— Что же ты, Арнольдов, ни хрена не шевелишься, когда все ищут и находят работу?! Тебе бы только языком молоть…

— Да иди, ты, знаешь куда?! — парирует не менее опытный Виталик. — Сама лясы точишь, а не замечаешь. За собой следи!

В таком духе перебранка продолжается по нарастающей, пока бригадир не прерывает её на самом скучном месте.

Вечером нечаянно встретил Лёню, что повлекло за собой, как всегда, возлияния. А с 22-х часов — репетиция в ДК до полуночи.

Дома не спалось, и я битый час подбирал мелодию к своим стихам, посвященным девушкам отряда.

…Половину бригады забрали на сдаточный объект, то есть, на склады взрывчатых веществ (ВВ). В остальном всё привычно: жжём костёр на месте будущей смотровой ямы, льём соляр на сырые дрова в пропорции 1:1, коптим небо и себя, соответственно.

Вечером в ДК Мищенко внушает нам мысль об «ответственности» и «масштабах задачи», то есть, пытается нас организовать. Увы, его усилия тщетны: народ пришёл отдохнуть, развлечься, а не только сыграть свои роли.

…Рабочий процесс переходит на крышу профилактория. Подаю с Тиховой стропила и щиты «старикам» для настила под кровлю. Неподалёку стоят новенькие автокраны без водителей, что нас необыкновенно возбуждает, а общее негодование

по поводу простоя техники даже сближает.

Сближает до того, что Галя откровенничает: её свадьба намечена на 26-е апреля. О своих сомнениях я промолчал, дабы оттянуть «миг сей роковой». Ведь Тимоха уже обнародовал в мужской компании планы на своё семейное будущее, куда женитьба на Гале, увы, не входит.

На территорию, прилегающую к промзоне, завозят наши вагончики, а также для ожидаемого пополнения отряда и для семейных. Самое смешное, что многие вагоны на старом месте только-только поснимали с колес, установили краном на брус и утеплили завалинками с опилками!

Для перевозки же на новое место их снова кое-как устанавливают на тележки, и «Кировцы» тащат их по ухабам со скоростью, «не совместимой с жизнью», едва зародившейся в них. Бывало, приходят люди с работы, а вместо дома — кучки опилок. Находят не без матюгов свой дом на промзоне, а внутри — погром почище черносотенного. Как можно было перевозить балки, не предупредив жильцов?!

Нас же вместо складов ВВ «бросили» на изготовление крылец и ступенек к этому ново-старому жилью. С первым же балком нам не повезло: кривой рельеф, торчащие пеньки и кусты. Вся бригада колдовала над одним крыльцом до семи вечера. Так и не доделав его, мы установили лесенку-времянку и отбыли по домам.

Касса для получения аванса была закрыта, репетицию не назначали, и после раздачи некоторых новых книг я завалился спать. Вдруг около часа ночи объявилась шумная компания: «Серебряные россыпи» всем составом во главе с нашей примой Катериной. Конечно, организовали стол «чем богаты» и орали песни под гитару ещё два-три часа.

…Суббота — рабочая. Ковыряем ломами отогретую землю в яме. Поднимаем со Степаном щиты на стропила. Остальные снимают прибывающие балкИ с колес и ставят их на ряжи из брёвен или из бруса.

Теперь стало понятно: выставить горизонтально длинный вагончик на корявом склоне, покрытом кустарником и пеньками лиственниц — задача не для слабонервных. Приделать же к нему ладное крыльцо — непросто даже нашим хладнокровным заозерским профи. Увы, некоторые из бойцов «Ударника» после обеда позорно дезертировали с этого фронта.

Остальные были призваны нашим новым прорабом Штейном на установку замков и замену стёкол в тех же балках. Однако, за неимением надлежащего инструмента и материалов, нам ничего не удалось сделать толком. Поэтому в 17 часов с чувством невыполненного долга мы потопали пешком в старый лагерь, где

оставались наш и ещё несколько балков.

Вечером в ДК — танцы. На репетиции я был не нужен и отбыл домой. Здесь мои вездесущие соплеменники поведали мне, что Горисова «взяли» на заседание КП.

В воскресенье утром обхожу реальные торговые точки в поисках нереального. К сожалению, чудо случается, и в посёлке мостостроителей я становлюсь обладателем бутылки коньяка и прячу ее в своей тумбочке. Можете себе представить, что я испытал, когда, придя с репетиции, нашёл бутылку уже опорожненной Огоньком и Боткиным.

По странной древней традиции иные сирые и убогие почитаются у нас святыми. Например, знаменитый Василий Блаженный, нищий — «пода-а-ай копеечку» в «Борисе Годунове». Припоминается также персонаж фильма «Праздник Святого Йоргена» в исполнении И. Ильинского. Остальные претенденты на это звание уныло повторяют пионеров… Получить с блаженных компенсацию за причиненный ими урон, конечно, не представлялось возможным, ибо «моя бедная мама уронила меня в детстве с шестого этажа» — читалось на их лицах с первого взгляда.

Дабы восстановить душевное равновесие, ввечеру иду с Митяем на день рождения Коротич. Она же ведет нас к коллегам Мормоновым, где уже обосновался «Штирлиц с Одессы» из «Мосгипро». Судя по тому, как он завершал свои тосты фразой «за любовь!», глядя на Люду, он явно претендовал на взаимность.

Я же обнаружил на секретере, рядом с которым сидел, черновик письма, написанный школьным почерком. От скуки я прочёл его. В нём с недетской ненавистью Светик — дочь хозяев лет 10-ти — изливала бабушке свое отношение к извергам-строителям, способным ни за что, ни про что срубить такие старые и красивые лиственницы, сосны, берёзы… А я-то никак не мог взять в толк, почему она нас сторонится и не желает общаться.

Тем не менее, её родители в своем «органе» вполне самозабвенно пропагандируют «Стройку века»! Полюбовавшись на то, с каким энтузиазмом сотрудники «районки» воспринимали «гоп со смыком» от «Штирлица», я совсем заскучал и собрался улизнуть домой. Однако, уже заполночь мне пришлось топать по морозу 35° в наш посёлок под конвоем Мормонова за двумя заначенными бутылками коньяка. После этого гуляние «тлело» аж до 3-х утра…

Глава 18

Проблема питания. «Секретный» объект. Большой балет. Второй десант. Прививка. Проект «а ля рюс». Вперед, на стекловату! Отряд заметил потерю бойца.

Как ни печально, но в понедельник пришлось вставать в 6:30, чтобы в 7 часов попасть в «Тайгу». Работают там, в основном, жёны строителей, поэтому готовят прилично: на закуску к завтраку то брусника в сахаре, то капуста с клюквой, винегрет, всегда — творог с густейшей сметаной; на второе и каши, и омлет, и разное мясо с двумя — тремя видами гарниров…

Это, конечно, не котлеты де-воляй или пироги с вязигой, но при всём желании похудеть здесь просто невозможно. Жаль, переехав за западную сопку, мы не сможем бывать здесь часто. Правда, на новом месте строится основание для новой столовой. Но как в ней будут готовить?

На площадке весь день лепим щиты под кровлю и подаём их наверх, где заозерское звено прибивает их на стропила. Обедали кто — где. Я перекусил дома, а Митяя почему-то потащило в гарнизонное кафе «Белка», на другой берег реки.

Перекусив, после работы, заваливаюсь спать до вечера, так как репетиция отменена из-за отсутствия света в ДК. Затем, до 3-х ночи написал три письма друзьям и начал песню лесоруба, но застрял на первых строках.

…Наш «бугор» не зря пропадал: искал нам работенку. Сначала мы устанавливаем пилораму, а затем, строим туалет. Кроме того, для экономии времени теперь будем питаться на рабочем месте. Для этого Выгорнов назначил поварами Нонку и Галю.

Первый обед по-туристски, на костре, они изготовили из пакетов и консервов, что, по-моему, не вызвало восторга у большей части бригады. Зато вечером Нонку и меня — в качестве носильщика — отряжают на основательные закупки харча.

С 21-го часа до 2-х ночи — репетиция в ДК, а после — опять письма и попытка продолжить стихи для песенки «Лесоруба».

…Среда выдалась более разнообразной. После утренней зарядки — сколачивания дощатых щитов на крышу — меня и Боткина направляют на машине за 15 км к северу на строительство склада ВВ. Наша задача: расширить несколько дверных проемов в кирпичных стенах склада с помощью кувалды и лома. Людей, работающих на этом объекте, способных крушить своё детище, понятно, не нашлось.

Сама постановка задачи, способ и орудия труда — были столь гармоничны, что слов для выражения нашего отношения к авторам проекта просто не находилось. Раздавались лишь не совсем членораздельные звуки… Тем не менее, «рука размахнулась», и души наши мы отвели на всю катушку. С восторгом я снимал некоторые моменты сего творчества на кинопленку.

— А что, — рассуждал между взмахами кувалды Боткин. — Сдадим спектакль, и пошлют нас в Благ на конкурс. Вот где пивка попьем…

— Хорошо, что не в ГУЛАГ, — развивал мысль я. — Там, конечно, не попьешь, зато театром можно заниматься. Помнишь, у Шаламова зэки-артисты как устраивались?

— Ну, это когда было! — пыхтел он. — Сейчас, небось, таких благородных начальников в лагерях нет. Нынче народ проще пошёл и выпендрёжа, вроде театра, на зоне не допустит.

— Это — как повезёт, — отвечал я. — Зато там всё чётче: завтрак, работа, обед, работа, ужин, самодеятельность — всё по расписанию.

— Размечтался! — пробормотал он. — Лучше возьми ломик да выбей вот эти кирпичи. Сейчас бы пивка!..

Действительно, с пивом даже на «Стройке века» дело обстоит из ряда вон. А уж сколько об этом говорится и пишется! Народ с удовольствием ознакомился с поэмой любимца, который «не гений», целиком посвященной пивной проблеме. Увы, поэт в *советской* России — не больше, чем поэт.

После «ломовой» работы заваливаюсь спать. В 21 час, перекусив, иду в ДК на встречу с молодыми артистами балета ГАБТ. Затем, — репетиция на сцене до 2-х ночи. До пяти утра — письма друзьям.

В четверг опять едем на склад ВВ. Я сплю, — голова на оконном стекле, — как убитый. У «объекта» греемся в бытовке для разгона, а затем, один проем расширяем ещё на четверть кирпича и вставляем в него дверной блок.

На обед нас никто не везёт, и я, радуясь паузе, читаю книгу. Однако замечаю, что кое-кому из соратников не нравится мое времяпрепровождение. Оказывается, ожидание транспорта — «значительное» поглядывание друг на друга и вдаль — это тоже трудовой процесс, и манкировать им честному рабочему не пристало. Видимо, у народа сильна ученическая память, и сцена наказания за грех познания, описанная не в Библии, но у А. М. Пешкова, заложена в его гены на века. Вахтовка, наконец, пришла, и мы едем, кто — куда.

Я, первым делом, прохожу по привычному маршруту:

книжные прилавки, киоски «Печать», «тошниловка»…

Возвратясь на склад ВВ, устанавливаем вторую дверную коробку, демонстрируем начальству — Сизову и Штейну — свои достижения, и валимся на горизонтальные поверхности до конца рабочего дня. Сначала я спал на бревне, а потом в бытовке. Однако наш сон нарушил главный инженер, упросивший нас остаться до 19-ти часов. Что ж, лишних два часа сна — подарок для организма.

Дома меня ждет встреча с «районными земляками», прибывшими на побывку домой из десанта в Хородочи и дрожащими от желания влить в кого-нибудь излишек черной отравы под названием «Рубин». Многие из гегемонов никогда ранее не слышавшие имя индийского классика современности, тем не менее, с удовольствием повторяли его: «Пьем рубингранаткагор!».

Пришлось пожертвовать здоровьем во имя земляческих уз. На этом патриотические отправления не закончились! Пришлось мне, как Золотой рыбке, нырять в пучину Союзпечати, редакций и типографии, чтоб отыскать в их глубинах десяток экземпляров многотиражки со статьей о ратном подвиге земляков — десанте в Хородочи.

Выполнив их заказ, заваливаюсь спать. На репетиции жду своего эпизода до полуночи и, опять же, сплю, не отходя от сцены. Ночью дома нахожу сильно поредевший отряд десантников, продолжавших вяло совращать окружающих. Однако меня было уже не взять так просто: я выдохся.

…На складе ВВ вставляем стёкла в окна. Мне удалось разбить только одно из нескольких десятков. Возвратившись с обеда обнаруживаем пропажу штапиков[16], которых до обеда так не хватало коллегам из бригады Щевельева! Теперь по их «инициативе» отдыхаем мы. Пробалдев до 15-ти часов, решаем двигать домой и уезжаем на попутном самосвале.

Дома — чаи, письма, гитара до восьми вечера. Решил подарить Коротич фолиант из «ЛП» — «История Древней Руси». Но её дома не оказалось, и я ретировался домой. Увы, здесь меня ждало прежнее общество: Сидоркин с полбутылкой водки, напиравший на «новенького». Пришлось сделать вид, что уступил ему. Выпил с «аспидом» малую толику и удрал в клуб на репетицию к 22 часам.

Эпизод с моим участием гоняли 6—7 раз, так что спать лег около 4-х утра.

…Суббота — рабочая. На том же «секретном» объекте ставим в проемы дверные коробки, врезаем в них петли и навешиваем двери.

В обеденный перерыв в лагере всем делают прививку от энцефалита. Арнольдов, не желая, чтобы «его сосчитали» как всех, прививался в это время небольшими порциями водки (5 по 100 мл).

Наш новый прораб тщательно следит за качеством работ, заставляет переделать, если видит брак. Однако Арнольдова это не трогает ни капли, и он дарит последние гвозди для штапиков симпатичной девушке из бригады конкурентов. Мы сидим без работы до конца смены.

Вечером в ДК ждём начало репетиции всем коллективом. Начали в 23 часа и, прогнав всю пьесу, закончили в 2 ночи. Ура!

…В воскресенье все командированные на ВВ привычно собираются на работу. После завтрака ждут автобус до 10 часов. Этот рубеж оказывается переломным, и народ расходится по домам, ничего не поняв.

Дома готовлю посылки родным и Лере. В 14 часов студийцы собираются в ДК, где Мищенко призывает всех, как Муравьев и Пестель — декабристов, к 12 апреля быть готовыми! Мы давно готовы, только не знаем, к чему…

Вечером — полное расслабление и отдых: шатание по магазинам, чтение. Неожиданно заглянули «Серебряные россыпи» (теперь наши), выпили для разгону — и давай выяснять отношения:

— Вовик, какого хрена ты брал вчера на свадьбе, где «рельсы упрямо» — ля минор, когда надо делать его с квинтой?! — наступал на соратника солист ансамбля Стас.

На что соло-гитарист Вовик парировал по совокупности выпитого за вечер довольно вяло:

— Да какая там квинта, когда мы орем так, что никто ничего не слышит. Уймись, Стас! Давай лучше по чуть-чуть и споем с ребятами…

— Нет, гаденыш! — не унимался Стас. — Зачем ты во время танцев к Розке прижимался, когда я тебе говорил, что она — моя!

— Да брось ты, Стас, — парировал земляк. — Прижимался, чтобы не упасть, а ты думал — что-нибудь такое?..

Тем временем, предложение Вовика — спеть — дошло до присутствующих, и через три минуты в балке раздалось удалое:

Над Лендой кружит
Наш вертолет,
А мы утюжим
Топи болот…
Веселей ребята!..

Словом, тот же хлам, что мы привыкли слышать по радио.

…Возвращаемся работать на зону. На площадке нашего гаража-профилактория делать нечего. Бугор уехал на просеку за лесом, а нас благословил на строительство туалета на четыре посадочных места. Осознав значимость центрового сооружения, тщательно обсуждаем проект. В ходе бурных дебатов прошло моё предложение построить сортир в виде избушки Бабы Яги. Бригадир, вернувшись с просеки ни с чем, одобрил проект и даже настоял на архитектурных излишествах — резном коньке и слуховом окне в виде сердечка.

Вся сложность состояла, опять же, в изготовлении выгребной ямы. Март здесь классически теплый, и мерзлота «поплыла».

Увы, долбить тающую мерзлоту равно барахтанью лягушки в молоке. Когда-нибудь всё получится, но хватит ли сил у неё сучить лапками до тех пор, пока молоко превратится в масло?.. В отличие от земноводного мы — сапиенс — сучили ломами землю, до полного отупения. Наконец, подоспело указание закончить долбёжку и поднять сооружение над землей. Объема, полученного под полом, должно было хватить для заполнения отходами жизнедеятельности граждан в течение лета.

Вечером дома — газеты, сон до 24-х часов. В ДК репетиция до 3-х ночи. Я не участвую, но болею за коллег. Домой возвращаемся с Арнольдовым, измотанным бесконечными повторами его эпизодов. Остальные «артисты» тоже спали на ходу.

…Сегодня первое апреля, — держи ухо востро. Перекусил дома — и на зону. С Боткиным разжигаем мощные костры в смотровой яме. Никто почему-то не хохмил и не разыгрывал друг друга. Зато среди начальства нашлись примерные шутники.

Прислали для утепления гаража стекловату в ЗИЛе с прицепом. Стекловата за бортами, наращенными арматурной решёткой до трёх метров, напоминала невинные скирды сена. Может поэтому молодежь, ничтоже сумняшеся, вооружилась вилами — какие там респираторы! — и набросилась на эти возы, как на сенокосе.

Вот тут-то и началось веселье: две пары человек швыряли вилами пучки стекловолоконного «сена» через решетки на землю, а остальные хватали их руками и тащили под навес. В воздухе витало облако смертоносной пыли, но робкие голоса сомневающихся в необходимости рисковать здоровьем пресекались ретивыми энтузиастами в зачатке:

— Работать надо, а не базарить! — кричала Нонка, вовсе не думая закрывать рот хотя бы шарфом. — Машина простаивает,

а мы будем ждать респираторы!

Хотя кому-кому, а уж ей-то было известно, что шоферу оплатили рейс до конца суток, и что респираторы прораб должен был принести заранее. В её браваде чувствовался вызов чванливым «белым воротничкам», начальникам или власть предержащим: да, мы — ничто, мы — «пыль на ветру», «пускай погибну безвозвратно», зато у вас на душе останется камень…

Однако никакого камня ни на чьей душе не оставалось. Никто из начальства даже не поинтересовался, как утеплитель попал на стройплощадку. Им-то было привычно, что азартная молодежь, взятая на «слабо», готова рисковать не только здоровьем, но и жизнью. Впрочем, для того стройку и сделали комсомольской, ибо простой рабочий послал бы такую работу в одно место. Наш протест принял, как всегда, невинную форму: на обед мы уехали в 11:20 вместо 12 часов.

Я ринулся на почту, где переговорил с родными, потеряв на ожидание в очереди 2,5 часа. До чего ж говорлив наш народ! Фанерные кабинки вынуждают «наслаждаться» перлами общения.

— Мама, это я! — кричит хриплым голосом женщина лет тридцати. — Кто «я»? Ну, я, я, Маша. Как «какая»? Маша я, Иванова, дочь твоя… Охрипла я, вот и не узнать! Охрипла? Да простыла… Да на работе. Днем-то жарко бывает, а вечером холодно. А у вас? Уже тепло… А у нас холодно… А сколько у вас? … Счастливые…, а у нас холод, мерзлота…

И так далее в том же духе — все три минуты.

Во второй половине дня обшиваем тёсом наш «наружный туалет» — избушку на курьих ножках. После работы попадаю в баню, где по обыкновению «одна горячая тикет», а в парилке какой-то гад наложил кучу, наверное, в знак протеста, прямо на полке.

Дома — расслабление, аутотренинг. До полуночи — репетиция в ДК. Затем, собрание «народной воли» в 70-м вагоне, на котором обсуждались кандидаты в новый кабинет комитета до половины второго.

…Следующий день не предвещал никаких неожиданностей. Колотили свой теремок, как вдруг всех повезли на просеку за дровами.

Невооруженным взглядом на наши засеки было видно, что штабеля брёвен, оставленных лесорубами, здорово «похудели». И здесь воруют! Как сказал Гайдай устами Моргунова: «Не воруй! До нас уже всё украдено».

Я с Арнольдовым был направлен на рубку сучков, чтобы дрова было удобнее грузить в машину. Вскоре, однако, напарник исчез. Бригадир, побегав по просеке, нашёл его спящим

в большущей лежанке дров.

— Ну, и сачок ты! — констатировал Выгорнов, однако сразу никаких мер не применил.

«Со всяким может случиться», — думали все.

По дороге домой водила как-то лихо тормознул, объезжая торосы, и машина закружилась на льду Гедкана в ритме вальса. Слава богу, на реке не было ни встречных, ни поперечных…

После ужина завалился спать до полуночи. Репетиция в ДК закончилась в 2 ночи.

Глава 19

«Газовый» ключ. Сдача «Теремка». Дневной банкет. Воспоминания об отцах. Гастроли в в.ч. №… Посиделки в экспедиции. Ряжи под цистерну. Подготовка к премьере.

…Меня с дедами (заозерцами) направляют на переделку нового балка в кухню-буфет. Пытаемся демонтировать в нём сантехнику, но для этого нужен трубный ключ. Отправляюсь на поиски сего специфического инструмента.

Об этом ключе, называемом иногда «газовый», можно написать целую главу. Кормилец всех сантехников, изобретённый в незапамятные времена, здесь, в зоне вечной мерзлоты, он был олицетворением власти рабочих, как, например, скипетр у самодержца. Носитель или обладатель сего инструмента и на материке-то считался королем ЖКХ, а в тайге — и подавно.

Не найдя на зоне ни одного отзывчивого носителя «скипетра», удрученно плетусь в бригаду. Здесь о трубах давно позабыли, ибо появились доски для обшивки, и надо было заняться теремком.

После обеда по-туристски неожиданно появился Иванцов и объявил профсоюзное собрание по-горячим-следам-ЧП-с-Арнольдовым открытым. Быстренько обсудили его неоднократную явку на работу в непотребном виде, заклеймили, а кое-кто даже предложил вывести его из состава бригады. Но тут в свою защиту выступил «виновник» с таким напором и прытью, что, несмотря на присутствие «профкома», все махнули на него рукой и для успокоения Иванцова приняли «оптовые» соцобязательства.

После столь напряженного отдыха «расслаблялись» на укладке стекловаты под крышей своего гаража-профилактория. Я внизу нагружал её в «поднос», а девчата наверху выгружали и укладывали.

К 16-ти часам и на «теремке» закончились работы. Объявили о торжественной сдаче его в эксплуатацию. Собрался народ из других бригад, резали ленточку, снимались и хохмили над изделием «а-ля рюс».

Дома отсыпаюсь до 9 вечера, затем — репетиция, совмещённая с празднованием дня рождения Боткина до 3-х утра.

Утром пятницы, когда я пил чай, солнце за окном было везде, хотя и стоял мороз около 15°. Наш народ совсем «запарился»: некоторые ходят без шапок, нараспашку, словом, — весна, первая на этой земле, долгожданная, наконец, пришла в наши души…

На зоне все заряжены на обшивку нашего главного

сооружения. Готовим необрезную доску: шкурим, отрезаем по размеру. Я обшиваю заднюю стену с дядей Колей. Заозерцы — народ степенный — лишнего слова не скажут, а всё ждут, пока напарник сам «дойдёт». Я стараюсь и, как мне кажется, дохожу быстро. Судя по тому, что Выгорнов забрал меня обшивать с ним фронтон, моя доходчивость была вполне оценена.

Во время обеда вдруг выяснилось, что это — не обед вовсе, а банкет по поводу дня рождения Гали Тиховой. Хотя обед, приготовленный на костре, не отличался изысками и даже оказался противопоказанным моему желудку, благодаря стараниям ответственных за алкоголь лиц, — выглядел вполне!

Расчувствовавшись, Выгорнов вдруг заговорил о своем отце, геройски воевавшем в Корее. Борька Черкесцев парировал сей выпад своим дедом-орденоносцем, проживавшим ныне в Воронеже. До моего же отца, участника Великой Отечественной, очередь не дошла…

После работы сплю до 22-х часов. Затем в студии гоняем сцены с выпивкой и дракой между героями. Это было так натурально! Что ж, играть им здесь было почти нечего: они проходили эти сцены в жизни многажды. Съемочной группе с ЦТ, снимавшей хронику Стройки, это так понравилось, что они записывают эпизод дважды.

Вдруг в 2 часа ночи Мищенко извлекает четыре бутылки «Петровской» по случаю назначения нашей премьеры на 13-е апреля, и начинается нешуточное веселье. Все настолько устали от ожидания этого момента, что веселились и смеялись всему, что произносилось вслух. Мищенко не отставал от студийцев, и подливал масла, точнее, водки.

Репетиция и два часа безудержного веселья утомили всех не хуже работы на просеке. Я, например, уснул дома замертво, едва коснувшись телом постели.

Подъём около 10 утра! Тем не менее, прохожу привычным маршрутом: книжные лавки, почта, магазинчики. Позже — письмо брату в армию.

В 17 часов нас сгоняют в ДК на собрание, но оно почему-то не состоялось. Образовавшуюся «брешь» решаю заполнить визитом в экспедицию «Фундамента». Здесь опять — домашняя еда, разговоры со Стройняшкой, которые все больше убеждают меня в её примитивности.

По случаю отмены репетиции играю дома в шахматы и выигрываю даже у Степанова, не говоря уже об Арнольдове, который проигрывает всё подряд. Видимо, теория Фрейда о сублимации либидо иногда работает: я так был заряжен и на Надюшу, и на репетицию!..

В воскресение утром оказалось, что №-ская воинская строительная часть пригласила «Серебряные Россыпи» с Катериной к себе на гастроли. В полдесятого наши артисты потянулись к «Пионеру». Собрались и болельщики: Степанов, Стройняшка, Лена (совращенная, но не покинутая Арнольдовым), Неля — жена Мирова.

В начале одиннадцатого выехали на восток по льду Гирлюя. 18 км до части проскочили весело и незаметно. К представлению в гарнизонном клубе готовились полчаса. Ребята при участии Катерины изображают сказку про царевну Смеяну. Мы их гримируем, одеваем и подпеваем, где надо.

Как ни странно, солдатикам понравился наш экспромт, и они вызывали артистов на бис несколько раз. Затем, накормили всех гостей приличным обедом и распрощались.

От «Пионера» часть людей поплелась к Катерине на новоселье (она перебралась в другой балок), часть — разошлась по домам. Я с «Серебряным» Славиком провожаю стройняшку Надю до дома.

В экспедиции же попадаюсь в лапы матёрых земляков и три часа как специалист по «точкам» мотаюсь со Славиком в поисках выпивки. До 9 вечера мы пытаемся уничтожить добытые припасы с начальством экспедиции, а остатки осваивали до полуночи в домашнем кругу Вени.

Бредя по ночному морозцу в наш лагерь, я наткнулся на первую половину компании, которая, судя по зигзагам и производимому шуму, тоже не оставила «камня на камне» за столом новосёлки.

…Понедельник — день тяжелый: собираемся отжигать яму под новый туалет. Увы, дров для этого не нашлось. И мы идём кто куда: часть людей — доделывать буфет, а я с другой частью лезу на крышу многострадального профилактория. С девчатами поднимаем сюда доски для обрешётки. Идёт снег и хорошо перемешивается со стекловатой утепляющей крышу. Когда ещё мы сделаем кровлю?!

После обеда меня направляют в заозерское звено на изготовление ряжей под пятикубовую пожарную цистерну. Погода такая, что всё время мёрзнешь и потеешь — то снимаешь телогрейку, то надеваешь… Под конец дня явился мастер и «обрадовал»: ряжи поставили не там, где надо.

— И где ж ты был раньше, паразит?! — вырвалось у кого-то из дедов.

В результате препираний, опоздали на свой автобус. Послав во след ему десяток матюгов, бригада ждёт второй рейс.

Придя домой, не нахожу и капли воды в наших ёмкостях.

От злой тоски не матерюсь, ибо сегодня моя очередь делать закупки для «полевой кухни».

После магазинов бегу в «Тайгу», но она закрывается перед моим носом якобы по причине отсутствия воды. Лишь, пригрозив девушке-на-входе голодной смертью, выцарапываю на раздаче остатки борща и холодную котлету.

Дома упал на своё койко-место, а надутый, как всегда, Пузырь возопил, изображая глас народа:

— Чего это ты не идешь за водой? Твоя ведь очередь! — и, не получив от меня внятного ответа, добавил, — ты для других можешь что-нибудь сделать?!

В ответ я даже не улыбнулся, ибо «только тем и занимался» до сего времени, и «растекся» в аутотренинге.

В 11 вечера меня будит Икорников и невнятно толкует о «необходимости поговорить». Я соглашаюсь, но в другое время, так как сейчас собираюсь на репетицию.

Дожидаясь своей очереди в зале, читаю О'Генри. Может быть поэтому плохо репетирую свой проходной эпизод. По пути домой обсуждаю с Огоньком возможность освобождения от работы на дни премьеры. Я почему-то верю в «дубовую» силу профсоюзов, а он настроен совсем пессимистично.

Наконец, в 2 часа ночи сажусь за письма.

Кто-то оповестил, что студийцы освобождены от работы. Ура! Моя взяла! Дома начинаю читать «Остров веселых робинзонов» Санина. До обеда время пролетело незаметно, а после — бешеными скачками.

…Обнаруживаю баню, полностью функционирующей. Будучи воспитанным на «Мойдодыре» и других виршах о коллективной помывке, бегу домой за банными принадлежностями. Да не тут-то было! Всех студийцев собирает режиссер, рассказывает о прошлом конкурсе народных театров разные страшилки и заставляет проиграть всю пьесу с начала до конца.

Лишь в 17 часов я попал в вожделенное чистилище, где, увы, из кранов текла черная вода. Словом, чем-нибудь баня поражает нас каждый раз. Обновлённый с помощью загадочной черноты телом и частично душой, попадаю в лоно «Фундамента», где в застолье с Веней и его начальником, уясняю, что они большие поклонники театрального искусства.

Вечером читаю «Силуэты» Б. Полевого. После 23-х часов заходят гости: Катерина просила гитару, Степанов рассказывал о заседании комитета, где работу КП, под руководством нашего Выгорного, признали плохой и назначили на его место Огнева. Так, за чаем, просидели до 2-х ночи…

В среду утром плетусь в ДК. Ждали Мищенко минут 20,

а по приходу он объявил самостоятельный прогон спектакля. Что ж, мы сделали это за час и семь минут.

Наконец-то Арнольдов, видимо, как самый мне близкий из участников постановки решил сделать замечание или подсказку по моей роли. Оказывается, после того, как мой персонаж чуть не падает в котлован, я не изображаю на его лице никакого испуга! А ведь старался…

Второй прогон мы сделали за час и три минуты.

После обеда Боб из «Серебряных» вдруг уходит, «плюнув» на вся и всё. Тогда Мищенко решает ввести в состав исполнителей Митю. Тот сразу вписался в ансамбль и сыграл роль, будто репетировал ее с самого начала.

Заснул на три часа после репетиции. С 10 вечера — разговоры с Митяем о дальнейших планах «народной воли», Огонёк с гитарой и другие гости толкутся у нас до глубокой ночи.

Глава 20

Демократия в действии. Посланец Заозерья. Система выживания. Показательный эксперимент. Экскурсия на промзону. Премьера и банкет.

10 апреля мы были освобождены от работы и репетировали до вечера. Едва успели закончить к 17-ти часам, как в зал повалили земляки на перевыборное комсомольское собрание. Оно впервые было таким шумным и неуправляемым, что понять, кто за кого — поначалу было просто невозможно. Народ открыто поносил администрацию и ИТР, сидящих в президиуме. Такого ещё не бывало. Тем не менее, в итоге был обнародован некий результат: в комитет ввели Огонька, Л. Никишину — активистку и по совместительству сварщицу, работавшую когда-то на Николаевских верфях, и нашего бывшего мастера — Наташу; отклонили крупную и шумную фигуру Булычевой, а также — одиозного претендента на пост секретаря комсомола — Ашкоева.

Такого удара никто из руководства не ожидал. Сева, Валентин, функционеры райкома были уверены в привычной инертности молодежи и не допускали мысли о её «вольнодумии». Вопрос о назначении Ашкоева уже был согласован во всех инстанциях. Сева за неделю до этого открыто обмыл с преемником передачу «портфеля», во время чего половина «Ударника» просто дрожала в экстазе. И вдруг такой прокол!

Да, за полгода люди разобрались, наконец, кто есть кто, и больше не хотели выглядеть стадом. Степанов накануне собрания в свойственной ему ненавязчивой форме пытался выяснить у Севы, на что тот надеется. Ведь кандидатура их ставленника может и не пройти…

Сева по своей недалекости просто отмахнулся от работяги с его наивными вопросами. Теперь же, при голосовании, он бегал по залу и кричал ко всеобщему ликованию: «Выше руки, ребята!», — а их-то как раз совсем не наблюдалось. Ашкоев сидел на кресле в первом ряду, как на электрическом стуле. Дыма видно не было, но его фигура выглядела не лучше, чем у приговоренного.

Валентин тоже бесновался и пытался объяснить «распоясавшимся» комсомольцам, что Ашкоев хороший. Но и при повторном голосовании его кандидатура опять была почти единогласно отвергнута. Временно исполняющим обязанности секретаря назначили зама по идеологии, то есть Митяя. На том и разошлись до лучшего решения.

Утром в пятницу распиваю чаи со Степановым. Погода

сумрачная, падает снег и тут же тает. Пока студийцы подтягивались к «Пионеру», я сбегал в магазин за сладостями. Около 10-ти часов начинаем репетировать, а заканчиваем лишь в 14. После обеда прогоняем спектакль без остановок несколько раз до 18 часов. Вероятно, мы достигли уровня МХАТа…

По дороге домой Гарик Логода приглашает меня печатать фотографии, а Влад — к нам на чай. Общение с соратником мне важнее, и я ухожу с ним в наш вагончик.

…Дома обнаруживаю незнакомого солидного мужика, бросившегося на меня с распростертыми объятиями.

— Меня зовут Виктор, — поспешил он развеять мое недоумение. — Приехал к вам работать, а ваш адрес мне дал Кубарев из «Комсомольца Заозерья». Говорит, найдешь Гену, и он поможет с устройством. Я ничего не перепутал? — выпалил он, изображая наивность и жизнерадостно сияя, и добавил: — Мне скоро 33, и я считаю необходимым вложить свои силы в это грандиозное строительство.

— Ты-то, может, и не перепутал, — едва успел вставить я. — Скорее, Кубарев немного перебрал с моими оргвозможностями. А что касается Великого дела, — это ты в точку: мы сейчас как раз строим большие сортиры.

Немного посмеявшись, разговорились… Рассказывал, в основном, Виктор и так быстро и складно, что мне с трудом удалось уйти в полночь на репетицию.

В ДК обнаруживается отсутствие солиста «Серебряных» — Стаса, поэтому все занимаются приготовлениями: прима Катерина подметает сцену, Арнольдов и Гарик организуют интерьер, Огонек с Ольгой Фирминой приползли почти на четвереньках, и толку от них — никакого. Пришлось Веньку положить отсыпаться в «предбанник». Я пробую на вкус реквизит, то есть колбасу. Если ночью закуски не хватит, придется употребить и её.

Как подтверждение моим волнениям явились незваные Арнольдов и новосёл Виктор. Весь реквизит незаметно за разговором был использован не по назначению, но весьма продуктивно, ибо Виктор «держал» аудиторию своими рассказами до 5 утра без передышки.

Суббота — день перед «казнью», то есть, перед премьерой — свободный: делай, что хочешь! Но мы — люди сознательные — только и думаем, что о спектакле. По собственной инициативе гоняли его до обеда и фотографировали друг друга. В 16 часов Виктор приглашает всех желающих на мясо по-чукотски.

Заинтригованных студийцев и болельщиков набралось с два десятка. Наконец, Виктор открыл секрет рецепта: мясо по-

чукотски, значит: пить спирт через соломинку и заедать его большим количеством мяса без гарнира. Не многие отважились на соблюдение рецептуры, но до 2-х ночи все было выпито и съедено…

13 апреля. Как мало в этом — 13-м числе — хорошего для сердца русского! Надо же такому случиться, что премьера пришлась на этот день… Вроде, христиане, а в приметы верим с удовольствием, как дикари. Что ж, надеемся, что старания режиссера и наши скромные таланты, сильнее потусторонних сил.

С 9-ти утра артисты тянутся к «Пионеру», как «Бурлаки…» Репина. У кого на плечах, у кого на лбу или под глазами видны следы от «лямки» ночных гуляний. Да, народ отметил премьеру досрочно, но старательно, с чувством. Увидев коллектив в тяжелом состоянии, режиссер просто убежал из ДК. А нам, как детям, только этого и надо: разбрелись кто куда.

Наш новый жилец потащил меня, Вознесенского и Арнольдова на лёд реки. Заявив о себе как о разработчике уникальной Системы выживания в экстремальных ситуациях (СВЭС), Виктор считал необходимым внедрять её в массы. Очевидно, особо актуальна эта система была для масс с синдромом похмелья.

Основное место в подготовке кандидатов на выживание в Системе отводилось самовнушению. То есть, ещё утром Виктор объявил, что желающие испытать себя по его системе не должны завтракать и пить что-либо, дабы не отвлекать защитные механизмы организма на пищеварение и прочую ерунду.

Полуголодное состояние, очевидно, должно было способствовать концентрации мысли, причем единственной. На первый взгляд в ней не было и намека на психотерапевтические приёмчики, ибо передавалась она скромной формулой: «Я все преодолею, и со мной ничего не случится». Что ж, на безрыбье и рак сойдет. Энтузиасты шли на лед, повторяя это единственное заклинание про себя. Я ничего не повторял, так как исполнял роль фотосвидетеля.

Предстоящий эксперимент состоял в том, что испытуемые без всякой тренировки погрузятся в ледяную воду, и никто из них впоследствии не заболеет даже насморком. Вообще-то, испытывать свою теорию выживания на наших шкурах без юридической и медицинской базы — дело пустое и опасное. Но опять же, энтузиазм — двигатель идей (авторство мое).

На толстенном льду реки были найдены неглубокие проталины, достаточные для того, чтобы жертвы могли лечь в воду по шейку. День был солнечный, безветренный, около 15-ти

градусов жары. Как раз для купания.

Немного поторговавшись с Арнольдовым, первым разделся Вознесенский. Виктор показал на собственном примере, как надо погружаться и как дышать при этом. Подопытный безропотно вступил в ледяную купель, вытаращив глаза и пытаясь не задерживать дыхание.

Сначала это получалось плохо. Умыть лицо водой в +1° может любой, — оно выдерживает зимой на улице и —50°. Но ноги, приговоренные ещё генералиссимусом Суворовым к теплу, ощущают +1°, как жидкий азот. Тем не менее, через несколько секунд Вознесенский сделал два шага по льду, и, подбадриваемый учителем, начал опускаться в промоину. Я настроил камеру для редкого снимка, Арнольдов съежился в своей нейлоновой куртке и ушанке из кролика.

С трудом преодолевая спазм легких, наш герой все же погрузился в кашу из воды и снега, упираясь ладонями в ледяное дно купели. Виктор отсчитал несколько секунд и напомнил добровольцу, что тот — не дома в ванной. Вознесенский встал и, с трудом переведя дыхание, с легкой бравадой заявил:

— Ну и что? Ничего особенного, — и, выйдя из воды, добавил, — я теперь и на снегу полежать могу.

— Что ж, — одобрительно воскликнул наставник, — это можно, если чувствуешь запас сил.

Вознесенский тут же разлегся у наших ног, и я сделал ещё несколько снимков. После этого Виктор взялся выводить подопытного из анабиоза с помощью махрового полотенца.

Арнольдов, хорохорившийся в домашнем тепле, увидев натуру, притих. Затем, просто сделал вид, что в этот раз к испытанию не готов. На этом мы и покинули полигон.

После ледяной процедуры испытуемому полагалась пробежка. Мы решили совместить её с экскурсией на нашу стройплощадку и, перепрыгивая через лужи и обегая размытые колеи, побежали по льду вдоль берега Гедкана. Надолго моих сил не хватило, и некоторое время я шел один с «Зенитом» на шее, изредка прицеливаясь через окуляр в окружающий пейзаж.

Здешние зимние виды не так волнуют, как осенние. И всё же, дикая красота «белого безмолвия» с девственной пеленой снегов на сопках и мощью льда под ногами останавливает вас помимо вашей воли и отпечатывается в душе навсегда.

Заметив, что мои товарищи вдалеке свернули направо, я тоже стал подниматься на обрывистый, заросший кустарником берег. Вдруг среди мелких лиственниц на снегу и на ветках замелькали крылья крупных птиц. Я осторожно подошёл поближе. Конечно, — это была стайка куропаток, чудом уцелевшая вблизи нашей

промзоны, где каждый второй — охотник или считает себя таковым.

Вскоре я догнал своих. Мы пересекли автодорогу, идущую на запад рядом с насыпью будущей Магистрали, и очутились на большущей вырубке с десятком-другим балков, несколькими строениями в виде сараев, туалетов и навеса пилорамы с рядами новенькой автотехники на дальнем плане. В выходной день безлюдная зона выглядела уныло: ни черного дыма от костров, ни рокота дизельных электростанций и автокранов, ни ритмичных «вжиков» пилорамы и стрекота бензопил.

Показав Виктору предстоящее место работы, едем на попутке в лагерь, домой.

К 13-ти часам иду в «Пионер» на генеральную репетицию — последнюю перед премьерой. В этот раз все прониклись «важностью момента» и были готовы показать себя с лучшей стороны. Тем не менее, Мищенко останавливал нас несколько раз и давал ЦУ то одним, то другим исполнителям, поэтому пришлось повторять игру до 17 часов.

Я, как обещал, несу два билета «на себя» землякам в «Фундамент», и, вернувшись домой, отключаюсь на 40 минут. Начало спектакля в 8 вечера, но я пришёл заранее, чтобы усадить своих друзей.

В течение спектакля причастные к нему трясутся за кулисами, как школьники на выпускных. Эпизодические аплодисменты болельщиков, конечно, подбадривают, но ненадолго. Несмотря на все волнения и сомнения, представление прошло на «ура».

Разумеется, долгожданная премьера спектакля «Как это начиналось…», прошедшая с успехом, требовала соответствующего праздника души. Он грянул с фатальной неизбежностью, стартовав в служебном помещении ДК при участии всех соучастников действа, а завершился в узком кругу единомышленников на территории мостоотряда, в «сборно-щелевом» обиталище «Серебряных». Чего тут только не было! «Розы и слезы», занозы — угрозы, и тосты и — просто, и песни — хоть тресни, и танцы, и ревность, и супернетрезвость…

Наш стойкий, закалённый посланец Заозерья, автор рецепта «мясо по-чукотски», видимо от тепла, окружающего его со всех сторон, растаял к 2-м часам ночи. Я, будучи ответственным за выживание Учителя в быту, потащил его на себе домой.

Вскоре, не дойдя километра до цели, Виктор, глотнувший кислорода, подал признаки жизни и нашёл в себе силы вернуться в статус человека. Промычав, что-то вроде благодарности, он категорически отказался от кортежа и, сославшись на крепкое

здоровье, приказал мне вернуться в компанию, в мостоотряд.

Там я обнаружил Стройняшку в мизансцене, предполагающей третьего — лишним, и вздохнул с облегчением: тащить домой в «Фундамент» ещё и подопечную Вениамина — я был не в силах.

Так, погудев до 4-х утра, народ исподволь растворился в ночной мгле.

Глава 21

Исповедь основателя СВЭС. «Железный» аргумент. Мечта чудища. Не копай другим яму! СВЭС — в массы! Он волком бы выгрыз бюрократов. Гастроли в темноте.

Первым, кто в понедельник в 10 часов нарушил процесс восстановления наших сил, оказался выносливый Боткин. Обосновавшись в столовом отсеке вагончика, он нагло призывал меня и Виктора выпить с ним… чайку! Пришлось уступить напористому соратнику и пригубить кружку с круто заваренным «Слоном»[17].

В 11 часов мы с Боткиным решили возвратиться к трудовым будням и поехали на зону. Работали из рук вон, и заозерец дядя Коля в сердцах обзывал нас детьми.

Приехав после смены домой, едва добравшись до кровати, я рухнул на нее до 7 вечера. Затем, начались хождения, брожения: к «Серебряным» за оставленным Горисовым портфелем, к Огоньку, предложившему тут же выпить… Виктор увязался сопровождать нас и извинялся «за вчерашнее» перед всеми, кого мы встречали.

Дома Виктор продолжил сеанс самовыражения. Чувствовалось, — все, что накопилось в его душе, готово было взорваться, ибо наш «космос восприятия» выглядел для человека со стороны, как абсолютный вакуум. Да, я и мои сожители слушали его внимательно, во-первых, из вежливости, но и из интереса-таки тоже.

Несмотря на заикание, речь Виктора была беглой и выразительной. Чувствовалось, что рассказ о себе и своей семье он заготовил заранее.

Свое детство автор изображал черными красками. Постоянные простуды, сопровождаемые жутким фурункулёзом, не менее частые пьяные дебоши отца — сотрудника КГБ, заканчивающиеся избиением тех членов семьи, — ещё две дочери и сын, — кто подвернулся под руку, и как результат — заикание, замкнутость, забитость. Словом, — полный конец начинающейся жизни.

Однако юноша нашёл в себе силы сказать этому кошмару «нет!». Он начал изучать системы закаливания. Поступил в геологический техникум и, находясь на летней практике, испытывал некоторые методики аутотренинга на себе.

Поворотным моментом в его биографии стала трагическая гибель троих его коллег в отрогах Чегдомына. Партия изыскателей, в которой он работал, закончила летний полевой

сезон и готовилась к перелёту на базу. Осень на Чукотке иногда приходит внезапно, начинаясь штормовыми ветрами, дождями и даже снегом. Так случилось и в тот раз. День, два, три стояла нелётная погода.

Продукты в лагере кончились, силы и настроение изыскателей падали день ото дня. Тогда-то и возникла у двоих молодых людей идея добраться до базы пешком, преодолев горный хребет и несколько десятков километров. За ними же увязалась одна женщина, посчитавшая себя не слабее мужчин. Отговаривать людей, одержимых благородной идеей, не было смысла. Так, собрав остатки провизии, трое отчаянных вышли из лагеря навстречу урагану.

…Их нашли на третий день поисков, когда снежная буря затихла. Они пытались влезть в свои кукули (меховые спальники), но у кого-то сил хватило лишь на то, чтобы втиснуть в них ноги, кто-то залез по пояс… Низовой ветер из-за гребня, на который они поднялись из последних сил, застиг их врасплох, и эта растерянность стоила им жизни. Виктор навсегда запомнил эту картину и обиду за товарищей, которую усиливали следы невозмутимых оленей, прошедших рядом.

Почему? Как эти безмозглые животные легко переносят и голод, и любую непогоду, а человек, казалось бы — разумный, ничего не может сделать перед лицом стихии. Его эта загадка настолько потрясла, что следующие несколько лет он занимался поиском единомышленников и разработкой специальных тренировок для выживания в экстремальных условиях. Чего он только с собой ни делал!

Начиная тренировки по методе «моржей», он довел их до абсурда. Например, купался в воде —2° до нескольких минут с погружением головы в мороз 30° при двух-трёхдневном голодании. Когда он показал такой «фокус» мадаганским моржам, опускавшимся в прорубь на 40—50 секунд под наблюдением врача, те просто покрутили пальцем у виска.

Полежав на снегу, Виктор повторил водные процедуры, разогрелся по своей методике, и, как пришёл — в одном костюме — отбыл восвояси.

Для усиления эффекта психологической готовности он проводил тренировки вдали от жилья и в ночное время, максимально эмитируя неожиданность ситуации и увеличивая риск.

В результате экспериментов, он сделал, казалось бы, элементарные выводы, но для человека в экстремальной ситуации — это были законы выживания. Истину о том, что человек часто погибает лишь от страха, Виктор экспериментально

разложил на составляющие. Было ясно, что страх парализует волю человека, а незнание порядка действий в неожиданной ситуации усиливает этот паралич.

Например, оказалось, что, провалившись в таежную полынью в одежде, нельзя опрометью пытаться вылезти из нее. В воде +1°, а на воздухе —30°, —40°. Первым делом надо обеспечить рукам доступ в самые теплые места на теле, ибо первыми на морозе окоченеют пальцы, и человек не сможет даже достать спички и наломать мелких веток для костра. К тому же на морозе одежда превратится в панцирь, и сделать с ней что-либо будет невозможно. Следовательно, находясь в воде, надо расстегнуть одежду на груди, чтобы потом можно было согреть руки под мышками…

Подобные эксперименты он проводил и на своем желудке. Пытаясь найти методы борьбы с заворотом кишок, он однажды чуть не отправился на «тот» свет и лишь чудом выкарабкался из своей же западни.

Течение экспериментов, свои ощущения и действия наш исследователь записывал весьма тщательно. В результате, получился некий труд, включавший множество «научных» выводов. «Проталкивание» сего труда в компетентные органы и инстанции, начиная с Мингеологии и Минздрава и кончая НИИ Медицинских проблем, — отдельный детектив, который описывать и грустно, и смешно. Две поездки в Москву кончились ничем.

Сначала, каждому из собеседников эксперименты и открытия энтузиаста казались интересными. Но в результате все они твердили, что это никому не нужно и вообще — не научно. Такой вердикт Виктор пережил с трудом. Затаив обиду на чиновников, он обратился к журналистам, и те оказались более отзывчивыми. В областных газетах уже напечатаны два очерка о его изысканиях. Журнал «Вокруг Света» готовит статью «Человек идет на эксперимент».

Весь рассказ Виктора выглядел как моноспектакль, и играл он его три часа без антракта страстно, выразительно, красочно. Не проникнуться верой в его идеи было невозможно. Я, среди прочих, согласился испытать СВЭС на себе, когда представится удачный денек и чистый песок, то бишь — снег.

Когда, наконец, все разошлись, Виктор заговорил со мной о сокровенном — о своих любовных историях, взглядах на семью и главной «отдушине» — работе над книгой под названием «Костер жизни». Не знаю, чем я внушаю такое доверие людям? Однако, факт: Виктор дал мне рукопись будущей книги, и я читал её до глубокой ночи.

Вторник не задался с утра. Для начала игнорирую будильник, опаздываю на свой автобус и добираюсь до площадки на перекладных. С профи — дядей Колей — обшиваю наш гараж доской.

Девушки где-то гуляют, и это раздражает. Заводила — Нонка — задавит кого угодно, если ей этого захочется, но и себя всегда оправдает с аналогичной яростью.

Ещё одна загадка рода человеческого — наш сокурсник — Вова Райлин, явившийся на работу вообще после обеда.

— Какая может быть работа с похмелья? — риторически оправдывался он.

На столь железную и понятную аргументацию никто возразить не решился, ибо, «не суди…».

И все же, работа под водительством заозерцев набирает темп. До обеда заготовили несколько столбов для пристройки к профилакторию. После обеда вчетвером разобрали леса вокруг него и установили семь столбов.

По дороге домой объявили, что нас везут в «Пионер» на встречу с пограничниками. Перекрёстки в городке украшены парадными пикетами из надраенных БМП. Видно: ожидается торжественное шествие. Всё же нас высадили до «Пионера», и мы разбрелись кто куда. По пути домой я увидел в открытом ГТТ (гусеничный тяжелый тягач), возглавлявшем колонну, известного знаменосца Ручицына с флагом в руках. «Да здравствует! Ура!..», — хотелось крикнуть вдогонку.

Видно, по случаю праздника баня закрыта, и день завершился безрадостно.

…Из-за пожара на только что отстроенной столовой нам поручают срочно доделать балок-буфет. Бедная «Березка»! Впервые видел, как стальные уголки каркаса из горизонтальных превратились от жара в безвольно повисшие лианы.

Плана переоборудования балка не было, и у каждого возникали свои мысли по этому поводу. Среди представителей разных архитектурных направлений разгорелись настоящие страсти, которые грозили привести к столкновениям. К счастью, обошлось без драки, ибо каждый из проектировщиков стал делать свой элемент сам: кто-то окно раздачи, кто стеллажи, а самые терпеливые ваяли ряжи для крыльца. На пол мы использовали доски, уцелевшие на пожаре.

Поскольку репетиций уже нет, вечер проходит в обсуждении насущных проблем с новым Учителем-экспериментатором. Виктора, как и меня, волнует проблема семейных отношений, прочности брака и тому подобное. Однако мои теоретизирования на сей счёт кажутся ему весьма сложными, неосуществимыми,

а скорей всего, ненужными обществу. «… Не лучше ль на себя (свою СВЭС) оборотиться?», — думал я.

Понятно, что он ещё не ушёл от общепринятой морали, звучавшей недавно, как аксиома: «брак вершится на небесах». Ныне эта формула приземлённее: «кому как повезет»… Все же, нас объединяла тяга к идеалу. Мы сходились во мнении о том, что любому мужчине, а тем более творцу, нужна муза, сподвижница, этакая скромная, незаметная вдохновительница…

Уже много позже, перебирая всевозможные воплощения «музы» в жизни и литературе, мне пришла на ум героиня легенды, описанная Аксаковым в сказке «Аленький цветочек». Да кто же из мужчин не мечтал о том, чтобы его полюбили безоглядно, как героя сказки, невзирая на то, что он — чудовище!..

…Любой точке общепита необходима ёмкость или яма для отходов, по-научному — септик. Вчера бригада отдала этому элементу часть своих духовных и физических сил. Чтобы яму не затянуло тающей мерзлотой — дресвой, — необходимо было соорудить внутри неё ящик с крышкой. Закрепить достижения соратников бугор поручил мне с Ингустовым и Райлиным.

Увы, если вчера взбрыкнул один из возможно будущих «героев», то сегодня не явился вовремя на работу его дружок! Как старший товарищ начинаю сколачивать короб в одиночестве. На замечание прибывших, наконец, помощников о «неправильном» забивании гвоздей я реагирую неоправданно резко, то есть, посылаю обоих весьма далеко. Им от этого только веселее, а я, пыхтя от злости, продолжаю работать в одиночестве.

После обеда мне помогает Боткин. Он рассказывает массу уморительных эпизодов из армейской жизни, где реальные события переплетены с анекдотами так, что различить их невозможно. Работа при этом, разумеется, стоит практически до конца рабочего дня. Известно — с помощником сделать что-либо намного сложнее…

В 17:05 выхожу из автобуса возле бани. Увы, записка об отсутствии холодной воды на двери вполне охлаждает мой пыл. Горячую воду из холодной, как я уже отметил, народ добывать научился. Но победить кипяток, текущий из кранов, не выходя при этом на улицу, можно только долгим переливанием из пустого в порожнее. Поэтому жертвую гигиеной во имя драгоценного времени.

Вечером в ДК Виктор продолжал толкать свою Систему в студийные массы. Мищенко, как и всем, кто слушал Виктора первый раз, его идеи понравились. Кажется, он даже решил повторить некоторые опыты над собой. Вероятнее же всего, этот

порыв — дань вежливости естествоиспытателю.

Дома, за чаем, Виктор в красках излагает свои похождения по администрации на предмет оформления на работу. Очень похоже на чтение стихов Маяковского: «… к мандатам почтения нету».

…В первый день работы нашему горячему Учителю, к сожалению, трудового подвига совершить не дали. Его бросали на разные направления будничной работы: таскать, грузить, пилить, долбить… Думаю, особой радости от нашей организации труда Виктор тоже не испытал, но и уныния в нём не замечалось. Главное — он чувствовал себя в нашей среде вполне комфортно, а уж общения, в котором он просто ловил кайф, — здесь было море разливанное.

Весь субботний день проходит в ДК. С утра до 15-ти часов репетируем, оттачиваем, так сказать, мастерство перед вечерним представлением. В образовавшуюся до вечера паузу иду к Коротич с пригласительными билетами. В плату за них она неожиданно вручает мне альбом-монографию «От Мане до Пикассо». «За что такой подарок?», — мысленно изумился я, однако, лишь сдержанно поблагодарил ее.

Перед началом спектакля стою в фойе и наблюдаю за публикой. Теперь она идет вяло, без энтузиазма. Видимо, слух о «достоинствах» пьесы вполне распространился. Однако Мищенко был лучшего мнения о своём творении. Выступая перед началом спектакля, он даже упрекнул дирекцию за плохую пропаганду культурного досуга, то есть за равнодушие к нашему детищу.

В ответ Иванцов произнес патетическую речь о любви администрации к театру, переводя всё с больной головы на здоровые головы ленивых комсомольцев.

После представления происходили так называемые танцы, а с 23-х часов — запись нашего спектакля на Чинтинское радио. Здесь же оказалась съемочная группа с телестудии «Экран», двое членов которой, прибились к нашему «огню» и с 2-х ночи до 5-ти утра тарахтели «за жись».

Сегодня, в воскресенье, намечено наше «гастрольное» выступление в районном ДК, что стоит неподалеку от Северной трассы. С 13-ти — два часа ждём транспорт, чтобы отвезти туда декорации, реквизит, инструменты. Впрочем, спешить было некуда, ибо начало назначено на 20 часов. После расстановки нашего имущества на сцене запасаемся спиртом, закуской и посудой, как опытные гастролёры.

Увы, не прошло и десятка минут от начала спектакля, как повсюду отключили свет. Что ж, начинаем импровизировать

в темноте. Горисов и Гарик читают стихи, Катерина и «Серебряные» поют по очереди. Когда же принесли свечи, заканчиваем спектакль при свечах, опять же на «ура». Естественно, после окончания спектакля дали свет.

Дома, за столом, Мищенко затеял «разборку полетов». Однако все почему-то быстро устали (или спирт был несвежий?) и вскоре разошлись по домам.

Глава 22

Удар по самолюбию. Хозяин буфета. Показательный забег. КТУ. Не памятник нерукотворный. «Увольнение» Коротич. Без кворума. Я — подопытный. Выборы состоялись!

Понедельник оказался вовсе не тяжелым. Скорее наоборот: никто не мог понять, что мы должны делать на промзоне. Сначала постояли у гаража-профилактория, затем перешли к будущему буфету, где предстояло сделать крышку для септика. Не дай бог кто-нибудь в него провалится…

Несколько минут мы сколачивали крышку из досок, как вдруг нам был дан приказ «в другую сторону». Следовало сделать лежнёвку (гать), то есть вымостить стволами деревьев дорогу по мари к главным объектам на зоне.

Что ж, дело это не сложное: бери «на пупок» стволы, привезённые с просеки, и бросай их поперек намеченной колеи. Для трамбовки новой дороги мы заманиваем жестами проезжающие тяжеленные «Кировцы». Им-то всё равно, где проезжать, колеса — два метра в диаметре. Трактористы с удовольствием скачут по нашей лежневке — хоть какая-то работа и в то же время — развлечение.

И надо же было такому случиться, что Костя — водила РАФа дирекции — тоже решил испытать нашу дорогу. Увы, диаметр колес его авто не был соизмерим с «шероховатостями» нашей лежнёвки. После нескольких безуспешных попыток машины преодолеть их, нам пришлось толкать её под зычную команду бригадира: «Раз, два, взяли!..». Словом, вынесли РАФ на руках.

После такой нагрузки рефлекторно подтягиваемся к будущему буфету, где благополучно досиживаем до обеда настолько успешно, что пропускаем автобус в столовку. Некоторые, например, Глазов — уезжают на обед на попутках, а я — так взял в автолавке банку компота с печеньем — и весь обед. Пока подтягивались основные силы, я позволил себе подремать на солнышке.

После обеда строили платформу для выгрузки продуктов в буфет. Как вдруг, только наладившийся трудовой процесс прервало появление «Серебряных» почти в полном составе. Решили оценить нашу работу в натуре или просто соскучились — было не понять. Но что импульс к очередному застолью дали, — это точно.

На мою долю дежурного по кубрику выпали и уборка, и мытьё посуды после попойки Пузыря, и продуктовые закупки. Лишь приготовление основного блюда — тушеного мяса (по-

чукотски) — взял на себя, по установленной им же традиции, наш кормчий — Виктор. Вечеря с участием «Серебряных» затянулась до полуночи. Лишь после уборки дописываю письмо на «материк».

Вторник начиналось тяжеловато. На столовку сил не было, и мы обошлись остатками вчерашнего пира. На свой автобус опоздали и добирались на работу на перекладных.

Бригаду разбросали: кто-то разгружал машину с утеплителем для нашего гаража, кто-то таскал доски с пилорамы для крыльца столовой, Арик с Глазовым строили из брёвен трубу под дорогой, ведущей к столовой. Казалось, без надзора друг за другом каждый должен работать свободнее, в охотку. На самом деле выходило наоборот. Без подначек и всевидящих глаз соратников пропадал и дух состязательности, и мотив самоутверждения: «я не хуже других, я могу также, как он…».

Очевидно со стороны это было хорошо заметно, ибо Выгорнов после обеда отругал всех за низкий темп и приказал закончить крыльцо у столовой сегодня же. Что ж, наше заозерское звено навалилось и добило-таки его к концу дня.

Вечером за неимением общего дела, каждый занимается своим. Пока я совершал свой обычный маршрут по поселку, Виктор готовился к встрече именитой гостьи, коей слыла у нас Катерина. В своем старании её обаять — кто только ни пытался это сделать! — он навёл в балке порядок, приготовил ужин и пытался заразить всех своим оптимизмом.

Она должна была прийти к 20-ти, но верная своим устоям и характеру не пришла и в 20:30, и в 21 час, и вообще не пришла. Смотреть на Виктора было больно. Такой удар наш самолюбивый герой переносил тяжело, очевидно, как некогда — экспериментальный заворот кишок.

Я и Арнольдов утешали его как могли, объясняя, что дел у Катерины много, и она могла завертеться в их вихре, что по логике жанра он должен продолжать осаду, что его приготовления не пропадут даром, а придутся по вкусу нам. Увы, он был безутешен, и его шутки по поводу своей самонадеянности были полны горькой иронии.

Однако нет худа без добра: в отсутствие гостей я смог вернуться к своему режиму и сразу же улегся спать.

На следующее утро с 5 утра, писал письмо брату и сии заметки.

На зоне меня заставляют переделать площадку для приёма продуктов в буфет. Арнольдов мастерит там же полки. Разбираю платформу, стойки крыльца, укорачиваю всё с помощью ножовки и сколачиваю снова. Бугор и мастер теребят, наседают, чтобы

закончил работу до обеда. Оказывается, вечером должен подъехать начальник УРСа, дабы оценить годность нашего детища для торговли.

После ужина сопровождаю своего подшефного по местам предполагаемой славы: в общежитие «Фундамента», к фотографу Гарику, но только не к Катерине. Кажется, Виктор трезво оценил свои шансы на взятие этой «крепости» и мысленно окунулся в прорубь.

Не получив нигде должного приема, мы рано завершили прогулку и быстро улеглись спать.

…Встав в 2 ночи, я поимел 5 часов спокойного времени. По крыше балка шелестел дождичек. О, как же хорошо в таком сопровождении мне думалось и писалось! Увы, в восьмом часу из спального отсека потянулся народ.

— И чего тебе не спится, гений ты наш? — традиционно проворчал Арнольдов, будто я расходую чужое электричество. — Небось, на работе будешь клевать носом…

На что я привычно парировал:

— Сам-то не пей на работе много, а то опять потеряешься где-нибудь в дровах…

Так, беззлобно переругиваясь, всё население проходит в тамбур к умывальнику и обратно. В столовую под дождем никто идти не рискнул, чаевничали дома.

Автобус задерживается до 8:40.

— В любую погоду должны быть на работе вовремя! — получаем мы выговор от бугра.

На гараже-профилактории, наконец, обиваем стены изнутри. Смотровую яму, столь долго вымучиваемую, укрепляем от оползней опалубкой. В стиле Кобо Абэ я назвал бы эту возню «Мужчины в тающей мерзлоте»[18]. Впрочем, жалея затраченные силы и время, я усердно долблю русло ручейка, выводящего жижу из ямы.

После обеда продолжаем то же самое в муравьином стиле.

Зато с работы домой добираемся веселее: нерастраченную энергию Виктор решил использовать в показательных целях и завел ребят на кросс. Естественно, вахтовка ехала 3 километра с остановками, с объездами, не торопясь. Бегуны же выбирали кратчайший путь и прибыли в лагерь почти одновременно с «лентяями».

Нам объявили, что на складе можно будет получить резиновые сапоги. Мои коллеги приняли мудрейшее решение: не дожидаясь нужной даты отпраздновать это «событие», — и дело с концом. Приглашаю Катерину и её соседку Людмилу Никишину на мини-банкет к нам в балок. Возбужденный Виктор

разливал спирт в пропорции, желаемой гостями…

Пятница отличается от вчера некоторым подъёмом в работе. Никого никуда не дёргают, и вся бригада наваливается на обивку и утепление профилактория. Виктор с Арнольдовым ругаются беззлобно, остальные подначивают их. Тем не менее, все работают в приличном ритме, азартно… Возможно, секрет был в том, что Выгорнов и совет бригады собрались закрывать наряды и будут решать, кому какой «коэффициент трудового участия» поставить.

И как это часто бывает, энтузиазм без расчёта привел Арнольдова к полному фиаско. Ему было поручено соорудить леса для внутренней обивки стены, но когда старики увидали плод его стараний, то чуть не остолбенели. Потом обложили автора подобающими в таких случаях выражениями с характерным заозерским выговором и, сломав в считанные минуты нерукотворный памятник («Чем ты это делал-то?»), соорудили свою изящную конструкцию.

В обеденный перерыв успеваем зайти в некоторые магазины. В ожидании вахтовки бригада стоит на площади у исполкома. Я иду в редакцию «Рабочего». Навстречу — Людмила в растерянности. Сообщает, что уходит из газеты и ищет работу на стройке. Зайдя в редакцию, пытать шефа (Мормонова) об «уходе» Коротич не стал. Успел лишь подписаться на их газету. Однако, торопился зря: вахтовая машина за нами не пришла, и мы под речи Виктора об «устройстве человека» топаем на зону пешком.

За час до окончания смены заканчиваем утепление и обшивку стены и плавно переходим на свои орбиты. Идём домой опять же пешком, попутно заглядываем в баню. Нам «везёт», как всегда: холодная вода кончилась.

Переодевшись и поужинав, идем в «Пионер», где должно состояться комсомольское собрание. Должно, но не обязано, как говорит моя матушка. По случаю отсутствия кворума 3-й секретарь обкома Черкасов ругает актив почем зря. Командир отряда, а ныне замначальника по быту — Валентин — предлагает лишить отряд титула «Ударник». Все возмущаются и шумно расходятся.

Дома ничего не едим: голодаем по системе Виктора.

…В субботу отрабатываю дни, пропущенные во время премьеры. Несмотря на обещание профсоюза в лице Иванцова, эти дни нам не оплатили. Гружу с Виктором доски на прицеп вплоть до обеда. Старики стелют пол в «Березке», и мы набираемся опыта. После обеда в «рыгаловке» разгружаем доски с прицепа на автобазе и болтаемся без дела. Встречаем слегка

поддатого прораба Чеботарёва и Выгорного, выпивавшего с ним и мастером Борисом. Посмотрев ещё раз на работу заозерцев, идём пешочком домой.

Вечером все «артисты» приглашены на помолвку Саши из «Серебряных» с нашей Ольгой Фирминой. Взяв 5 бутылочек сухого, идём в гости, в поселок мостотряда. Без культурной программы скучаем безмерно и уходим домой небольшой толпой в полночь.

Грязь вокруг была непроходимая, и мы проверяли своё состояние, балансируя на дощечках и кирпичах. В одном кромешном месте я, изображая джентльмена, подхватил на руки ближайшую попутчицу — Розу. Однако, поскользнулся и упал со смешливой ношей прямо в грязь.

Теперь смеялись и остальные. Очевидно, чтобы забыть инцидент, дома выпиваем бутылку «Гымзы».

В воскресенье встаю в 10 утра в одиночестве. Брожу по берегу Ленды с «Зенитом». Снимаю метровой толщины льдины, выброшенные ледоходом на берег, серый пейзаж, исподволь набирающий силы для весенней вакханалии цвета и запаха.

Придя домой, мою пол, привечаю Митяя, предлагаю ему присесть для разговора, как всегда, о «мировых» проблемах. Виктор предложил углубиться в их суть с помощью сухого вина и отбыл на его поиски.

В процессе ожидания к нам присоединились Катерина и Никишина. В это время Виктор, бряцая нелёгкой ношей и осыпая её поиски матюгами, ввалился в балок. Однако, увидев девушек у нас за столом, тут же вылетел обратно, будто наткнулся на сучок. Когда краска стыда сошла с его лица, а заливала она его до ушей, он вошел снова, извинился, и посиделки продолжались как ни в чём не бывало до полного опустошения тары.

Все же, сил у нас было достаточно, чтобы навестить друзей из «Фундамента». Идя по азимуту в юго-восточном направлении, попутно закупаем — за неимением в магазинах ничего другого — 3 литра того же болгарского продукта. Этой добычи вполне хватило для наших с Веней дебатов о сущности Стройки века.

— Поймите, — горячился Виктор, — эта стройка невиданное явление в нашей истории! Такого больше не будет…

— Ну, а Целина, Транссиб, плотины ГЭС — это разве не то же самое? — цеплял его Миров.

— Н-н-ет! — волновался Виктор. — Здесь, в этой борьбе за выживание, за нормальные условия труда происходит становление характера основной части молодежи. Это такая возможность для нее!

— У кого-то становление, у кого-то слом…

— Да, но само прикосновение к этому огромному, могучему движению, которое мы здесь наблюдаем, — это уже счастье, — не уступал наш супермен.

— Ну-ну, посмотрим, куда это движение приведет «часть молодежи», — пытался снизить пафос Викторовых речей Вениамин.

— Нет, ну а я-то, более опытные друзья — на что? Вот мы своим примером, своими действиями покажем, что надо бороться за свое достоинство, не опускать руки, — уверял всех Виктор.

Дабы не накалять страстей, я не стал напоминать прилюдно, что он решил выделить на все это всего лишь год своей жизни. Впрочем, учитывая азарт или даже ярость, с которой он пытался обратить в свою веру и наставить нас, ему вполне хватило бы и одного квартала. Вот и сейчас, после третьего тоста «за нас», он плавно перешёл к доказательству того, что каждый из работающих в Сибири обязан овладеть его СВЭС.

Как всегда, мы стали отыскивать слабые места в его системе. Кто-то предположил, что овладеть ею могут только ненормальные, и завязалась обычная перепалка. Тем не менее, зачинщику свары на этот раз удалось взять на «слабо» и меня. На моей тонкой шкуре Виктор решил продемонстрировать действенность своей методы всем желающим. Договорились провести «экзекуцию» на следующей неделе.

Утром в понедельник вижу за окном снег. Температура около 0°. Что ж, не откладывая освоение СВЭС на уикенд, обтираюсь на улице свежим снежком. Моя психика, очевидно вооруженная горячими вливаниями наставника, не реагировала на бодрящие раздражители ни коим образом.

На работе первые два часа отсиживаемся в бытовке. Виктор в одиночестве делает заготовки для полок, но прибить их не удается из-за «незамеченного» им на стене электрощита. Наконец, Выгорнов распределяет задания: я с Глазовым должен перебросить краном лафет на распиловку, Виктор — помогать «старикам» на строительстве «Березки».

Однако Виктор, вошедший в раж, борясь с полкой, запротестовал:

— Никуда не пойду, пока не доделаю тут!

На что Выгорнов по-отечески пригрозил:

— А ну, бросай эту фигню сейчас же! А то надаю по заднице и не посмотрю, что ты большой, — имея в виду всё же возраст, ибо рост у них одинаков.

На обед едем в «Тайгу» в открытом кузове УАЗа с ветром в ушах и снегом за воротом. После обеда все заняты

на возрождении из пепла столовой «Березка». Я с Ариком и Глазовым креплю потолочные лаги, затем мы обшиваем не сильно обгоревшие стены. После работы метались по зоне в поисках транспорта, но так и пошли домой пешком.

После ужина все — на собрание! В этот раз оно состоялось. Митяй произнес свой отчет о работе идеологического сектора довольно примитивно, без задуманных им литературных отступлений. Зато ораторы вроде Выгорного, Кирильева и Пахотова, отвели свои души, обсуждая претендентов на поездку в столицу для снимка у Вечного Огня, то есть, — азартно делили шкуру «живого медведя».

В это время в задних рядах возникла шумная возня, и из зала вывели под руки (ибо ноги их не держали) двух приятелей — активистов несколько иного направления. После этого долго вводили в состав комитета новобранца из столицы Сергея Горчакова путём голосования.

В результате, удалось заснуть в первом часу ночи.

Глава 23

Приглашение на концерт. «Комета» для именинника. Первомайский загул. Омовение в ледяной купели.

Во вторник продолжаем оживлять «Березку» без особых приключений. С работы идём пешком небольшими группками. Одна из них во главе с Виктором и Арнольдовым зацепилась за шедшую попутно Катерину. Обычно мы добираемся до лагеря минут 40, но с такой попутчицей моим соседям едва хватило двух часов.

Вечером в ДК концерт заезжего ВИА «Электрон». Мне удается достать 4 билета, и я приглашаю земляков из «Фундамента». Концерт гостям, в основном, понравился, за исключением пошлого конферанса.

Поскольку на завтра намечен концерт нашей студии и «Серебряных» по случаю Первомая, приглашаю на него всех желающих из «Фундамента» и тороплюсь домой, чтобы, наконец, выспаться.

Накануне концерта студийцы освобождены от работы приказом, поэтому в среду сплю постыдно долго. Лишь в 10-м часу выхожу с Арнольдовым на поиски магнитофона — в подарок Виктору. Обходим ближайшие магазинчики, но ничего не находим. Идём через мост в «Военторг» и сходу берём единственный экземпляр магнитофона «Комета».

Нам повезло, когда мы собрались возвращаться, подъехал РАФ нашего начальника Сизова. В нём были «супер» -пассажиры: Ежи и Герман Леви, Олег Засадский — директор ДК «Пионер». Мы обождали, пока гастролёры закупят «шиншиллу», и вместе с ними добрались до лагеря.

В назначенное время — прогон пьесы. Мищенко чем-то недоволен, и Катерина закатывает в ответ сцену. К счастью, всё заканчивается миром, и в 17:30 мы расходимся.

Вечерний спектакль прошел без изъянов, но отдельное выступление «Серебряных» не удалось. Друзья приняли для форсу немного больше нормы и практически провалились. В итоге, из шестидесяти собранных для гулянки бутылок сухого вина мы забираем домой 5 своих. В борьбе с их содержимым я, Митяй и Гоша — обсуждаем последнее собрание и наше будущее до раннего утра.

1 мая в 8:30 нас будит Выгорнов.

— Собирайтесь на демонстрацию! — заглянув к нам в вагончик, крикнул он.

Хочешь не хочешь, а солидарность трудящихся — страшная

сила. Лишь Арнольдов как член оперотряда идёт дежурить, то есть пить со своими соратниками.

Театральный коллектив пьёт лишь после демонстрации, в полдень, в ДК. Затем, идём мы с Митяем на речушку Шактаум — приток Ленды. По пути к нашему месту встречаемся с основной компанией у мостика: Виктор купается в проталине, Арнольдов делает вид, что обливается водой из ручья, остальные, поеживаясь, наблюдают. Больше желающих начать эксперимент над собой не нашлось, и мы нехотя расходимся по домам.

Ближе к вечеру театральная компания отправляется в посёлок мостостроителей к «Серебряным» на шашлыки. За неимением приемлемого ландшафта Виктор и Бип — из «Серебряных» — организовали мангал у волейбольной площадки, среди щитовых общежитий. В ожидании вожделенной обугленной баранины народ потихоньку выпивает и закусывает банальной жареной говядиной.

Наконец, после вялых, вымученных тостов «за солидарность трудящихся, за Праздник труда» некоторые ненасытные мужчины захотели большего. Например, Виктор настоял, чтобы я сопроводил его в экспедицию «Фундамента». Нисколько не мучаясь ревностью, я все же сопротивлялся и внушал ему мысль, что в гости лучше ходить трезвым. Однако, в своем убеждении, что в праздник все гуляют и всё можно, он был непоколебим. Так мы с ним оставили компанию и, прихватив по традиции бутылку, прибыли в общежитие «Фундамента».

Земляки отмечают праздник намного скромнее, а некоторые из них, не признают его вовсе. В частности, главный предмет Викторовых устремлений — Стройняшка — явно была с Виктором в противофазе. Однако остановить наставника, превратившегося в таран, мне никак не удавалось. Пришлось «плеснуть на него кипятком», ибо холодная вода ему милей всего на свете.

— Дружок, — сказал я ему на ухо. — Пока ты здесь ломишься в закрытые ворота, Катерина, небось, пришла на шашлыки и скучает…

Напоминание о непокорённой, неприступной «вершине» произвело неожиданно грустный эффект. Виктор обиделся настолько, что, едва промямлив: «И-и-извините, м-м-мне надо…», — ринулся из дома по направлению к лагерю. Я чувствовал себя виноватым в разрушении вожделенной идиллии, но догонять Виктора не стал, и оставался в гостях до ночи.

На следующий день начинаем гулять спозаранку. Я же как приговоренный к экзекуции от возлияний воздерживаюсь для чистоты эксперимента. Выхожу один в сторону Шактаума, где должно состояться моё «крещение». Попутно навещаю

сотрудников «Фундамента», чтобы пригласить наблюдателей-экспертов и спеца по «закланию агнца», то есть по приготовлению шашлыка, как и положено при крещении.

После полудня появляются свидетели со стороны «Ударника»: Катерина, Арнольдов с Леной, ведомые организатором и вдохновителем — Виктором. На берегу ручья находим место посуше, устраиваем бивак, лежанки, мангал. Между делом, «креститель» даёт мне команду раздеваться и показывает лично, как это делается. Я послушно копирую его движения и остаюсь в плавках и сапогах.

День выдался достаточно тёплый, — многие сняли куртки и пальто, оставаясь в свитерах. Однако снег и лёд, по которым я шел к промоине босиком, обжигали отнюдь не жаром. Тем не менее, отдавшись на волю наставника, я расслаблялся, дышал как можно ровнее и старался думать, что ноги мои совершенно ничего не чувствуют. Относительно спокойно я зашёл в воду до колен, но больше, казалось, не смогу сделать ничего. Мышцы ног сжало бегущей ледяной лавой так, что легкие заклинило: ни вдохнуть — ни выдохнуть.

— Ну-ну, — прикрикнул ведущий, погружаясь в воду чуть поодаль. — Дыши изо всех сил, сейчас привыкнешь.

Я сделал несколько судорожных вдохов, но расслабление не приходило.

— Молодец! — продолжал Виктор своё внушение. — Теперь медленно ложись в воду по горло, руками упрись в дно и дыши: поглубже выдох и резкий вдох. Главное, помни: тебе ничего не будет. У организма колоссальный запас защитных сил…

Он встал рядом и, пока я погружался, давал указания и подбадривал.

Наконец, мне удалось лечь в воду по горло. Сердце колотилось, как при оргазме, меха лёгких едва раздувались, кожа горела, как у Гулливера, утыканного копьями лилипутов. Но голос «крестителя» я слышал отчетливо.

— Молодец, дружок! — радовался он. — Теперь тебе надо продержаться 30 секунд.

Для разговоров у меня не было никаких сил, и я положился на его систему счета времени.

Разумеется, сие редкое действо я не преминул запечатлеть на фотопленку с помощью болельщика — Арнольдова. Все снимки до и после омовения получились хорошо, но кадра, где я лежу в живительной струе, мне обнаружить на пленке не удалось. Видно, именно в этот момент фотограф поднимал тост за мое здоровье.

После купания я — «рожденный вновь» — чувствовал себя

суперменом. Очевидно, именно это ощущение превосходства над непосвященными и двигало энтузиазм Виктора. Теперь я, как и он, готов был хватать всех за руки и тащить в прорубь. Однако понимание того, что внушаемых людей — единицы, а настоящей нужды в системных тренировках изначально ни у кого нет, глушило всякий энтузиазм.

Теперь я мог спокойно расхаживать босиком по снегу, не торопясь с одеванием, так, казалось, было тепло на воздухе. Всё же наставник приказал растереться полотенцем, и одеваться сразу. Остальная программа с шашлыками, красным вином и привычным песенным репертуаром — не оставила столь острых впечатлений.

По дороге в общежитие мужская половина компании почувствовала острую алкогольную недостаточность. Наиболее подвижная часть, в коей оказался я, была отряжена на поиски вожделенных напитков и закуски, остальные — на подготовку места действия.

Когда все собрались у изыскателей в комнате Стройняшки, то поняли, что пить придется «под холодную», ибо света в общежитии не было. Это обстоятельство всегда усугубляло ситуацию. Когда же Катерина при свечах спела, посвященную ей известным бардом песню «Зачем ты так бросаешь, как пятак?», наш гуру, пребывавший после моего удачного «крещения» в эйфории, достиг, наконец, состояния экстаза. Ему было все равно «кто», лишь бы была…

Катерина почувствовала назревающий сход эмоциональной «лавины» и быстро распрощалась, оставив Стройняшку в одиночестве. Она-то и приняла на себя весь натиск накопленных месяцами эмоций и прочих функций организма Наставника.

Осознавая неравенство сторон, сильная половина компании буквально вырвала «жертву» из рук «маньяка» и стала клеймить и увещевать его всеми доступными средствами. Наш экзальтированный гуру, не ожидавший нападения из лагеря союзников, обиделся опять, как первоклассник, и ринулся на выход.

Такого перекоса мы тоже допустить не могли и ухватили Виктора за все выступающие части тела. С большими энергозатратами и массой уговоров нам удалось вернуть Учителя в наш вертеп. Увы, он не изменил своим устремлениям и весь вечер продолжал осаду «крепости». «Крепость» — Стройняшка — стонала… Однако, выдержала и натиск, и танцы, если так можно назвать топтание в ограниченном пространстве.

Наконец, усталые, но недовольные, в десятом часу идём

домой, но не прямо, а с заходом на танцверанду, где играли «Серебряные». Это обстоятельство, всё же никак не помешало им по окончании «скрестить» стаканы с неутомимым Виктором и заводным Арнольдовым.

На том, казалось, надо было ставить точку, но друзья пошли домой с целью продолжить. Пришлось оставить их и искать убежища в балке Катерины. Здесь царила атмосфера порядка и умиротворения: за чайным столом отмечался день рождения Гоши.

Глава 24

Торжественное обещание. Путеукладчики. Почти пожар. Разборки на объекте. Кто на свете всех важнее? Конкурс мастеров. Страшный вермут.

Суббота — третий выходной день стал действительно выходным: все устали от разудалого веселья и усмирились. Посвящённые в СВЭС под руководством Учителя вышли на утреннее холодное солнышко без одежды и показали редким зевакам, что такое настоящая зарядка. На этом роль Учителя Виктор отставил и прикинулся напротив — учеником.

Теперь я должен был продиктовать ему торжественное обещание: «Я, не юный и не пионер… никогда больше не буду приставать в сильно нетрезвом состоянии к стройным девушкам с большими глазами». После этого, взяв обещанные книги и сладости к чаю, проводил «шалуна» в общежитие «Фундамента».

Здесь, казалось, никто особенно и не таил обиды на агрессивного воздыхателя. Как принято у нас в отношении пьяных, его скорее жалели… После чаепития, совмещённого с лекцией Виктора о здоровье, я понял, что «проказник» в опеке не нуждается, и оставил его с избранницей за интеллектуально-интимной процедурой разгадывания кроссворда. Мне предстояло отправиться с фотолетописцем Гариком на съёмку путеукладки, которая шла уже в нескольких километрах к югу от поселка.

…Сначала мы шли вдоль Северного тракта, по мосту через Ленду, затем, свернули направо в перелесок, спрямляя изгиб насыпи. Вскоре перед нами открылась неглубокая выемка, на дне которой по белесому щебню змеилась черная решетка железнодорожного пути. Мы с Гариком спустились на насыпь в конце выемки и пошли вдоль рельсов, вдыхая ядреный запах креозота. За поворотом показались, наконец, пустые платформы и стрела путеукладчика, рядом с которым копошились фигуры в рыжих жилетах.

Мы подошли поближе и поняли, что бригада укладчиков сворачивалась: ни на платформах, ни в портале агрегата не было ни одной шпальной решётки. Бригаде Гиреева не хватило совсем немного звеньев, чтобы выйти на берег реки, откуда укладчик было бы видно из поселка. Что ж, мы поснимали виды, открывавшиеся с насыпи, пустой укладчик и конец рельсового пути, который торчал на отсыпке, как упавшая стремянка.

Не имея других достопримечательностей, фотографируемся у этого грустного памятника. Причем, мы не были оригинальны. Навстречу застывшим рельсам по насыпи подъехал «Жигуленок»,

и из него вышло небольшое семейство: отец в шляпе, солидная в талии мама и мальчик лет восьми.

Папаша так же обрадовался хотя бы и такому памятнику и попросил заснять на «последних — первых» рельсах всё семейство. Фотографии, если получатся, он просил занести в нарсуд и найти там судью Лейникова. Угораздило же где встретиться с наперсником Фемиды!..

Распрощавшись с экскурсантами, идём обратно вдоль рельсов и вовремя подходим к автобусу, ждущему рабочих с укладки. Шутки, подначки над «корреспондентами» сопровождали нас до самой столовой, куда и ехала знаменитая бригада. Немного было завидно, что люди нашли друг друга в хорошем месте, в нужное время. Увы, после стяжания славы коллектив, венчающий усилия тысяч людей, становился неприступным для новичков, желающих проникнуть в его ряды.

Пока я с Гариком пытался «остановить мгновение», мой Учитель — ученик — покорял «неприступную крепость». Возможно, Стройняшка и сдалась бы на милость покорителя, но неотступно следующее за ней на прогулке всевидящее око в лице шефа не давало ей расслабиться до желаемого состояния. Вене же было гораздо интереснее общаться с «Человеком-легендой», чем блюсти нечёткие устои… Возникал какой-то кривой неравносторонний треугольник.

К вечеру Катерина пригласила меня на просмотр 16-ти миллиметрового фильма о нашей стройке, снятого энтузиастом киностудии при ДК А. Батыровым. Я отнесся скептически к восторгам нашей примы, но пришёл в зал вовремя и отсмотрел всё, что светилось на экране. Назвать это документальным фильмом было бы натяжкой. Однако, пафос созидания и острота проблем, увиденные автором, вызвали небывалую реакцию зрителей.

Только я вернулся домой, как явился возбуждённый Арнольдов и стал настойчиво предлагать мне и Виктору билеты на «Блокаду».

— Ребят, сходите, а? Классный фильм, артисты — все звёзды, — уверял он, хотя ничего точно о фильме не знал. — Вы ж меня поймите, мужики, я сегодня с Ленкой так нагулялся! Мне предстоит сегодня, может, самое важное…

Мы поняли и пригласили в клуб ещё и Катерину, к которой Виктора тянуло по-прежнему. Понимая, что нашей парочке времени могло не хватить, после фильма мы с Виктором напросились в гости к Катерине и просидели за чаем битый час.

Вернувшись в свой балок, мы обнаружили странную черную дыру на фанерной перегородке в столовом отсеке. Из объяснений

Арнольдова мы поняли, что нам всем крупно повезло: он думал, что вставил в розетку вилку от плиты и занялся с подругой самым важным, по его мнению. Увы, вилка принадлежала кипятильнику, висевшему на перегородке. Действительно, нам повезло, что Арнольдов услышал взрыв, до того, как предъявил подруге свое «самое важное»!

«По просьбе трудящихся» четвёртый выходной стал обычным рабочим днём. На зоне нашу троицу из погорелого балка Выгорнов посылает на постылый профилакторий. Яма, которую мы так мужественно и нудно долбили всю зиму, теперь плывет и разрастается, как раковая опухоль. Теперь надо ограждать ее стены опалубкой или просто засыпать.

У нас же сейчас другая задача: доделать крышу сарая, которую сам бригадир чуть не завалил. После обеда выяснилось, что досок для усиления стропил не хватает. Тогда бригадир решил занять брус у бригады Киреева, чтобы распустить его на доски. Но тут «нашла коза ногами», — дело дошло до ругани, в результате которой вместо бруса мы получили лишнего неприятеля на линии фронта работ.

После такого грустного трудового дня я удалился от всяческих сует в сон. Однако в 9 вечера поднялся, ибо планировал заняться фотопечатью у Гарика. В «лаборатории» — комнатке общежития с закупоренным окном — я обнаружил хозяина в сильном… отрыве. То есть, при всём старании мне его было не догнать. Тем не менее, Гарик продержался до полуночи, и мы отпечатали все снимки с его пленки. Я же свои — печатал в одиночестве до 3-х ночи.

Когда я подходил к лагерю, — светало. Небо голубело равномерно по всему своду, как это бывает в горах, на юге. Так в ожидании «южных» снов я и заснул на оставшиеся до подъёма три часа.

В понедельник утром Виктор тащит всех на разминку.

— Я из вас людей сделаю! — объявил он громогласно, меня же после ночных бдений пожалел.

На работу все едем вместе и решаем, что переделывать крышу сарая не пойдём.

— Кто напортачил, тот пусть и переделывает… — ворчали ребята, хотя знали, что Выгорнов не станет ничего переделывать, а так или иначе, заставит это сделать кого-нибудь из нас.

Поступая самовольно, делаем обрешётку на крыше бедного профилактория. В процессе работы возникли споры о разделении труда и вкладе каждого в «трудовую копилку». Подобные торги возникают периодически в каждом коллективе, где есть особи, претендующие на роль вожака. Совсем, как у животных. Конечно,

в людских «стаях» бывают «правильные вожаки», которые, преодолевая близорукость формальных лидеров, стараются распределить равномернее результаты общих усилий. Ибо вклад массы в успех лидеров не всегда очевиден. Однако, без этой массы её роль исполняли бы сами лидеры.

Всё началось с невинного обсуждения успехов в исполнении отдельных операций. Виктор предложил свою кандидатуру на роль лучшего обрубателя досок по размеру. Никто не возражал — это было очевидно. Я и Арик ловко прибивали доски на место. Это тоже было принято, хотя и с некоторыми сомнениями в равноценности операций. Ведь закройщик всегда стоял выше швеи.

Затем, поговорили о тех, кто грузит, подаёт материалы, детали, выполняет многие незаметные операции. Подошли вплотную к сакраментальному выводу: кто на свете всех ценнее, всех нужнее и милее? Но тут настало святое время фиесты, и народ отключился от «генератора высокого напряжения». И напрасно. Всегда лучше разобраться в наболевших проблемах вместе, дабы не накатывать «снежный ком».

На обед идём пешком вдоль дороги — полчаса до ближайшей точки общепита — древней «рыгаловки». Но нам везёт — нас догоняет и забирает автобус. В «Тайге» везёт ещё больше: к раздаче подходит Роза с подругами. По древнейшему закону очереди «свой» всегда пропускает вперед «своих», хотя бы очередь изошлась в истерике. Что ж, хоть один раз мы быстро поели…

Я на попутках еду «вниз», в книжный. Продавщица Нина Степановна меня якобы не узнает: «Книг новых нет!..». Иду к зданию суда, который тоже на обеде. Засовываю пакет с фотографиями «рельсы кончились» под дверь судьи Лейникова. Выйдя на дорогу, почти сразу увидел наш ПАЗ и ловко присоединился к своим.

Заканчиваем обрешётку крыши профилактория, а потом показываем заозерцу Степану сарай производства Выгорного. Как и подобает мастеру, своего вердикта он не огласил, а пошёл к автору ляпа — бригадиру. Выгорнов остался непреклонен: смотреть на плоды своего труда было выше его сил, и он послал Илью в шутку, но очень неприлично.

В ожидании высокого решения, мы затеяли профессиональные состязания: кто быстрее перерубит доску по черте, кто быстрее забьет гвозди и так далее. «Семь невест для семи братьев» в миниатюре. Сначала в перерубании доски выступали я и Виктор. Призовой фонд составлял 2 кг подсолнечной халвы.

В первой попытке мой кусок доски — «сороковки»

из лиственницы — раскололся вдоль. Во второй — я разволновался настолько, что трижды вообще промазал по доске. Приз уплывал… Но в забивании десятка гвоздей я взял реванш, так что халвы никто не получил. Увидев понурого Илью, все поняли, что решение проблемы переделки бригадирского брака откладывается на неопределенный срок. А пока идем создавать обрешётку на стенах основного объекта.

После работы все занимают места в автобусе. Я же со товарищи стою в очереди в магазинчике за болгарским «Мелъником». Автобус и семеро в нём, — одного и даже троих не ждут. Топаем с Виктором и Арнольдовым прямо в баню. Горячей воды в ней нет. Даём бабке рубль, чтобы пустила «йогов» помыться холодной. Дома я по графику мою пол и жду гостей из Кудыкты.

С приехавшим Степановым ввалились и соседи: Огнев, Икорников, Аничкин. Достаём с Виктором свежее приобретение и допиваем до последней капли. Не успели оценить букет сухого «Мелъника», как Арнольдов предложил к дегустации непрозрачный вермут. Гурманизм у тех, кто ещё соображал, уже притупился, поэтому букета они ощутить не успели, — напиток, слава богу, кончился.

Дабы остановить поток бессознания, выхожу на улицу и думаю о культурной программе. На ум пришла Катерина, которая не отказалась бы сходить на хороший фильм. Однако, зайдя к ней в балок, обнаруживаю её в беседе со Славиком из «Серебряных» и ретируюсь, чтобы не нарушить идиллию.

Оставался — день рождения Гарика, но сил моих идти куда-то не было, и я вернулся в вертеп. Здесь меня ждала новая порция страшного вермута. Он-то меня и довёл до логического конца в скворечнике для людской нужды. Виктор и другие борцы за свободу духа и тела бесновались до часу ночи.

Глава 25

Утомленные репетицией. Серьезная комиссия. Рельсы пришли. Венки Неизвестному солдату. Не до футбола. Азимут — экспедиция. Конец загула.

6 мая театральные «деятели» освобождены от работы для подготовки к Дню Победы. В 9:30 кто-то включил на улице запись «Led Zepellin». Увы, бодрящая музыка облегчения не принесла. Послушно подтягиваюсь к «Пионеру» на репетицию. К десяти появляются и основные силы: наш ВИА, Катерина, Роза и остальные «актеры». Зато главреж застрял в могучем Дорпрофсоюзе, и нам приходится репетировать без его меткого глаза. Затем, Засадский подключает нас к загрузке нового оборудования в кинобудку.

Ах, как же плодотворно мы поработали! «Теперь и отдохнуть не грех», — решили подуставшие студийцы, и, закупив вдосталь вермута, отправились на берег Ленды. Долго ли коротко мы нежились на солнышке, а и вермуту пришёл конец. Настало время соревнований по метанию камней в несчастную стеклотару.

Размявшись таким образом, покупаем с Виктором сладкий пирог и идём в экспедицию. Мне всё непонятнее, какую роль я играю в мизансцене Виктор — Стройняшка, и пытаюсь расставить все двоеточия. Виктору не нравится, что я отказываюсь от навязанной мне роли наперсника, и наши отношения натягиваются до верхнего «до».

«Ах, так! — подумал я. — С меня хватит! Оставайся с этой куклой! Но только без пирога», — и повернул в обратную сторону. Однако Виктор вскоре догнал меня и пошел со мной. Значит, пирог всё же был важнее. Дома ему тоже везло: случайно или на запах зашла по-прежнему вожделенная им Катерина, и мы мирно за чаем прикончили пирог.

В среду утром выяснилось, что нашу кормилицу «Тайгу» закрыли на ремонт водопровода. Иду к 9 часам в «Пионер», где все «артисты» ждут Сашу и Олю. Однако, их пора цветения как раз перешла в медовый месяц, и ожидание наше напрасно. В 11 часов Засадский просит нас покинуть зал для проведения конференции.

На улице дождь, на душе противно. Пытаюсь поднять настроение поисками новых поступлений. В книжной лавке после обеденного перерыва находим следы двухтомника Шефнера, «Алисы в стране Чудес» и французской новеллы начала века. Однако мы опоздали к открытию на три минуты, и счастье наше уплывает… Казалось бы. Но мой попутчик, Гарик — талантливый

во всем — схватил-таки его за хвост, буквально вытащив один экземпляр «Алисы» у продавщицы из-под… Надо ли уточнять, в каких укромных местах они хранят товар для особого покупателя?..

Во второй половине дня мы показываем спектакль серьёзной комиссии, должной решить его дальнейшую судьбу. И…, кажется, решение — не в пользу нашего творения… Что ж, в любом случае по традиции, как после бани, всем надо выпить.

Пока организационный «комитет» соображал — кто, где, сколько — я отнес землякам, в экспедицию фотографии — свидетельства моей «моржовой» эскапады. За доброту и обязательность, как и подобает, был наказан ими стаканом отравы под кодовым названием «вермут». Эту дозу яда они посвятили разрешению от бремени их общей любимицы — кошки Мани. Что ж, во здравие братьев наших меньших принимаю удар на свой организм и возвращаюсь в «Пионер».

В закулисьи ДК мой организм принял удар покрепче. Отказаться от участия в тризне по нашему детищу со звездами неизвестного масштаба, такими, как Мищенко, Катерина, Огонек, Боткин, «Серебряные» — не смог бы и сам святой Иероним. Учитель — основатель Системы — подоспел вовремя, чтобы «порадоваться», созерцая мои содрогания после третьего стакана водки…

8 мая «артисты» и другие, причастные к культурной программе, опять освобождены от работы. Ох, и отольются же нам эти отгульчики работой во внеурочное время! А пока… едем организованно, то есть в вахтовке, на торжественную укладку рельсо-шпального звена у будущего железнодорожного вокзала. Пойма на правом берегу Ленды наполовину отсыпана гравием и заполнена всеми видами транспорта от ГТТ до ряженых оленей. А народу!..

Казалось, всё служивое население посёлка и его окрестностей пришло отметиться в историческом событии. Официальные фото-киноператоры вперемешку с любителями захватили все возвышенности и крыши близстоящей техники. Я, поснимав своих на фоне бурлящей толпы и невозмутимых оленей, тоже вскарабкался на кабину вахтовки. Все ждали торжественной укладки звена с окрашенными «серебрянкой» рельсами.

Наконец, в положенный срок «Серебряное звено» легло на отсыпку. Монтёры в чистеньких спецовках и новых касках навалились ломами, выравнивая концы рельсов, репортёры и любители защёлкали затворами камер. Ещё минута, — и звено стало частью полотна, соединяющего нас с Транссибом. Все — хотели того или нет — кричали «ура!», а некоторые и шапки

в воздух побросали. Над ликующей толпой кружил вертолёт и осыпал ее бледными листовками, славящими передовиков труда.

Тем временем место путеукладчика занял маневровый тепловоз с фанерной фигурой вождя на передке, указывающей ладошкой «верную дорогу». Какие там геодезисты-изыскатели! Дощатую трибуну, устроенную рядом с последними рельсами и обтянутую кумачом, заняли знакомые до зубной боли лица. Они произнесли несколько речей во славу трудового народа, который может всё на свете (наперекор бардаку, который в меру сил они создают).

После митинга можно было отовариться в автолавках и начать неофициальную часть. Большинство народа потянулось к реке и к домашним очагам, где, всё же, у многих был какой-никакой уют.

Я отправил своим родным поздравления с Праздником и заглянул домой. Здесь — затишье, но как будто перед бурей… Иду дальше. У Горисова тоже тишь да гладь: он читает Тынянова, Гоша — Бодлера, а мне дают некролог о О. Куваеве. Спасибо и на этом. Горисов понимает, что надо бы помянуть одного из наших любимцев, и достает бутыль «Гымзы».

Возвратясь домой, нахожу за столом Арнольдова, Тимофея и его нового сослуживца из Хородочи. Виктор тоже здесь, но совершенно безучастно и сердито возится с бумагами. Среди корреспондентов он встретил земляков и хочет передать с ними свои журналистские опыты. Но не это было причиной его отрешенности. Слово за слово выяснилось: Катерина, наконец, расставила знаки альтерации, то есть послала его со всеми притязаниями грубо и далеко.

Мне оставалось только посочувствовать ему. Однако он мое участие не принял, но заявил в запале, что завтра спланирует на запасную «посадочную полосу», у изыскателей. Понятно, что штурманом затребует меня. Хорошо, когда есть два огня, между которыми можно метаться.

…Утро началось с громогласного обращения Иванцова по радио.

— Товарищи, бойцы отряда «Ударник»! — пытался он подражать голосу Левитана. — Сегодня, в День Победы, мы должны дружно выйти на митинг!..

Едва ли дружно, но мы с Виктором, в отличие от других, вышли первыми. В 10 часов к мемориалу у РДК (районный дом культуры) подтянулись основные силы. Речи собравшихся были в меру человечными и искренними, так что все посмотрели возложение венков к памятнику Неизвестному Солдату и лишь

после этого разошлись. Кто как помянул павших, а мои соратники неожиданно: досмотром сновидений. Оказывается, пьянствовать иногда тоже надоедает.

Пока все спали, я проявил последние плёнки, а к четырём часам по полудни — по призыву нашего форварда Гоши — мы пошли болеть за его команду. В поисках обещанных «зрелищ» я прошёл площадку у «Пионера», затем сходил на стадион у школы, подождал болельщиков у моста — ни единой души.

Решив, что придётся обойтись «хлебом», взял подвернувшегося «десертного». Дома выяснилось, что мои «сожители» зашли вместе с Виктором в прессгородок, то есть в коттеджи для приезжих журналистов, к его знакомым. Но те уже завязли «мордами в салате и грязными сапогами в простынях», так что Виктору пришлось немного помочь им прийти в себя. Какой там футбол?!

Повинуясь своей неизбывной жажде прекрасного и в укор отвергшей его Катерине, Виктор, как и предполагалось, насильно тащит меня с Арнольдовым в экспедицию «Фундамента».

— Колосс на ватных ногах, — ворчу я по дороге. — Без подпорок не можешь. А как разойдешься, ничем тебя не остановить… Голова большая, а без царя…

— Т-т-ты мне п-п-поговори ещё! — огрызается Виктор. — Вот утоплю тебя в проруби в д-д-другой раз…

«Боюсь, другого раза не будет», — подумал я, но ничего не сказал.

Вдруг, на полпути, мы встретили сотрудников нашей пассии, которые уведомили нас, что все геофизики — на «шашлыке у сопки». Неописуемая досада отобразилась на лице нашего «коренника», покрыв его краской заката. Оказывается, «она» может гулять и развлекаться с другими!

Второй удар можно было выдержать только, прибегнув к «анестезии». Нам попался её аналог — корейская самогонка с гордым названием «Самбек». В столовой с нежным названием «Тайга» мы приняли этот пол-литровый препарат на троих, чтобы на время облегчить участь пострадавшего.

Будучи последовательным в достижении цели, как вожак гусиной стаи, Виктор вновь тащит нас в прежнем направлении. Причем, до этого он нёс свой магнитофон сам, как и подобает гармонисту. Однако, под действием «анестетика», у него родилась мысль о неверном распределении обязанностей. Будто «Комета» — это не гармонь, а предмет общего пользования, а значит… При наличии совести у общества оно должно распределить нагрузку поровну.

Совесть у общества в моем лице оказалась на месте, и я тащу

это тяжелое и громоздкое детище отечественного радиопрома до места. В этот раз встреча состоялась, но на каком уровне!.. Наши друзья только что вернулись с пикника, и как им это удалось — было непонятно. Мужская половина компании иногда открывала рты, но никакой речи из них не доносилось. Женская часть, по контрасту с первой, — была настроена чересчур игриво, что в мужчине с обострённым чувством собственного достоинства вызывает обычно реакцию отторжения.

Тем не менее, Виктор не развернул «гусиный клин» в обратном направлении, а серьезно и настороженно наблюдал за ходом событий. После разговора тет-а-тет Арнольдова со Стройняшкой действие «анестезии» на Виктора совсем прошло, и он засобирался домой.

На обратном пути нам то тут, то там попадались однополчане, отдавшие изрядное количество сил празднику и пробиравшиеся домой, как бойцы, бежавшие из плена. Причём, некоторые из них пытались выпросить у нас лишние «медикаменты» для лечения ещё не затянувшихся душевных ран, будто у нас передвижной лазарет. Увы, ничего лечащего душу, кроме магнитофона «Комета», у нас с собой не было.

Суббота ещё один трудный выходной день. Настойчивые Арнольдов и Тимоха уже в 10 часов потребовали достать купленное мной накануне «десертное» и стали утолять жажду, наивно полагая или лукавя перед собой, будто 0,7 литра бормотухи могут погасить пожар в их необъятных душах. Чтобы не пустить процесс на самотёк, Виктор предложил организовать выход на шашлыки и, не дожидаясь поддержки, взялся за приготовления.

Постепенно все прониклись его идеей и занялись закупками. Я, помня своё обещание, плетусь в «Фундамент», дабы провести время в спокойной обстановке. Однако здесь народ отдыхает по тем же законам, что и у нас, поэтому я ухожу обедать в «Тайгу». Изыскатели в это время собираются с мыслями, выделяют гонца — Потанова — и ждут вожделенную бутылку «Вермута». Выглядело это так наивно! По возвращении из столовой я слежу за развитием событий из комнаты Стройняшки.

Наконец, по сигналу все ринулись к ближайшей сопке и начали навёрстывать упущенное. Нелёгкая добыча быстро истощилась, и мы перешли на березовый сок. Никакого эффекта, кроме отрезвляющего, этот напиток ни на кого не произвёл, и мы, разбредясь по склону сопки, стали собирать подснежники.

Гуляние закончилось быстрее, чем предполагалось: кое-кто предложил выпить ещё, но мне стало скучно и в 18 часов я

отправился к своим. Своим?! В балке меня ждало «чудище стоглаво и лайя». Шашлычники, видимо, превзошли себя и только благодаря мясной закуске ещё держались на ногах. То, что «изрыгал» вдохновитель и организатор культпохода в мой адрес не выдержал бы ни редактор, ни корректор, ни метранпаж.

Виктор посылал истошным голосом тяжелейшие матюги в мой адрес, будто хотел пригвоздить меня ими к воображаемому кресту. Я не ожидал, что столько злой ревности могло накопиться у Учителя за время моей отлучки в вожделённое им общество.

Отсутствие ожидаемой реакции с моей стороны буквально взбесило основателя СВЭС. Он схватил меня за плечи и начал трясти, видимо ожидая, когда из меня посыплется «жалкий лепет оправданья». Я, чувствуя усиленную алкоголем позу в его «отелловщине», безмолвствовал.

Наконец, это принесло положительный эффект. Виктор отпустил меня на свободу, по инерции продолжая «изрыгать» в открытые на улицу двери нецензурные формулировки моей сущности… Такой всплеск внимания к себе кого-то мог и возбудить, но я решил оставить бурю в «стакане» и вышел вдохнуть весны.

Ввечеру гуляние в посёлке явно шло на спад. Даже у завсегдатаев Мормоновых царила тишина. У Коротич — тоже. Лишь проходя мимо «рыгаловки», я услышал звуки, похожие на музыку. Увы, это пытались играть на чьей-то свадьбе «Серебряные россыпи». Неожиданно на почте нахожу Горисова, отправляющего бандероль, и сопровождаю его до дома. Здесь-то и отсиживаюсь до часу ночи, пока в нашем балке не гаснет свет.

Глава 26

Опальный бригадир. Новый объект. Рейд ОБХСС. Выход из команды испытуемых. Истерика наставника. Шашлык на стрелке.

Воскресенье рабочее. Утром, как ни в чём не бывало, едем на зону с Виктором, но не разговариваем. Сидим в бытовке в ожидании работы: от никчёмного профилактория нас освободили. Мимо нас проходит Сизов. Через некоторое время, — проходит обратно…

— Чего сидим? — не выдерживает он.

На фоне бастующих гаврильевцев, выдвинувших политический лозунг: «Гаврильеву — статус бригадира!», отнятый у него за требование нормальной организации труда, — мы просто паиньки, ждущие «чего прикажете?». Приказание, наконец, объявил Выгорнов: загрузить брёвна в грузовик и доделывать сарай. Виктору с Глазовым — особое поручение: ломать завалинки у вагончиков в нашем лагере.

После обеда мне выпало вырубать площадку для нашего нового объекта — щитового дома неподалёку от «Берёзки». Почистив площадку и разметив с геодезистом цоколь досрочно, мы поспешили занять места в вахтовке. Тут-то — в 16:55 — Сизов уличил нас ещё раз.

— Опять собрались домой раньше времени, работнички?! — прокричал он, не подходя к машине. Мы не возражали, ибо задание своё выполнили, а высиживать время на площадке — бессмысленно.

По дороге домой захожу на почту за посылкой с гостинцами от родных. Дома, как полагается, делюсь содержимым с соседями, которые организуют небольшой пир. За столом только и разговоров об опальном Гаврильеве! Виктор даже пытался найти ходы к руководству через известного воспитателя — Сизову Веронику Игнатьевну.

Беседа с ней, по общему мнению, ничего не даст. Вот комитет, да совет бригадиров могли бы отстоять земляка. Дебаты по этому вопросу традиционно забирались всё «выше», пока не упёрлись в «руководящую и направляющую», а главное — непобедимую силу.

Под этот неровный гул почти родных голосов я быстро заснул с тем, чтобы поработать ночью…

В понедельник в 4 утра меня отвлёк от дела Воскресенский, пытавшийся поднять на рыбалку Пузыря, который обещал составить ему компанию. Переждав сборы рыболовов, падаю

в кровать до семи.

На работу едем натощак, поскольку в доме — хоть шаром покати, а дождь — холодный и мерзкий — не пускает в столовую. В вахтовку набилось столько народа, что многие из арьергарда садились на колени сидящего авангарда. Как человеку из авангарда мне досталась Катерина и, слава богу, — Виктор остался работать в лагере и этого не видел.

На зоне дождь продолжается: все жмутся под крыши и навесы. Мне поручено сделать в бытовке полки для инструмента, что заняло весь рабочий день.

Вечером несколько человек вызывают в штаб ЦК для проведения рейда совместно с ОБХСС[19]. После инструктажа идём в магазин СМП-44. В мясном отделе Виктора обсчитывают на 70 копеек. Штатные работники милиции удаляются за кулисы для «выяснения отношений», а «любителей» отпускают восвояси. Что происходит «за кулисами» магазина — нам знать не положено. Образовавшуюся пустоту заполняем фильмом Ж. Ренуара «Повторный брак» с Бельмондо.

Никаких событий больше не намечается, и я читаю до глубокой ночи накопившуюся периодику.

…С утра опять разгрузка: доедаем последние припасы. Приятели из ближайшего окружения тоже издержались в праздники и живут на «подсосе». На стройплощадке сдвиги незначительные. Постепенно подвозят щиты для нового дома, мы их сортируем, ворочаем вручную. Бригадир поручает Виктору подчистить от кустов площадку под строительство магазина, но тот бунтует, отказывается. Приходится заняться этим мне.

До обеда весь мелкий подлесок и кусты на площадке магазина я убрал и стал готовить несколько десятков колышков для разметки цоколя. Затем попросил бригадира дать мне работу на время обеда. Он вошел в моё положение, и вместо работы повел меня в буфет «заморить червячка». На большее наш котлопункт не способен.

После обеда размечаем с Нонной 70 ямок под столбчатый фундамент магазина и идём к остальным обшивать сарай.

Вечером в ДК — устный журнал местного масштаба, после которого провожаем с Митяем Л. Коротич. У неё дома, за чаем, поговорили о редакции «Рабочего», откуда в одночасье ушло восемь человек. Ей невмоготу быть среди тех, кто покидает тонущий корабль, и она остаётся в редакции. Уходим мы потемну, и Людмила даёт нам свой фонарь.

14 мая утро встречает нас долгожданным солнцем и лёгкой прохладой. Без всякого завтрака едем на зону, где опять наваливаемся на подготовку досок и обшивку сарая. Готовим

комплект щитов для дома.

В обед забираюсь на склон сопки, осыпанный розовым цветом багульника. Сделал три кадра для слайдов, отломал несколько веток с цветами — подарить кому-нибудь.

Готовимся покрывать битумом «стулья фундамента». Приглашенный бурстанок сделал половину необходимых ям и сломался. Закапываем «стулья» в готовые ямки, а «старики» в это время покрывают сарай рубероидом.

Выдали зарплату (68 рублей) прямо на зоне, и мы раздаём друг другу долги. После работы Виктор угощает всех сухим вином «Мелъник». Я чувствую озноб и боль в горле. Кажется, заболеваю и, устав от прессинга Виктора, объявляю о выходе из команды испытуемых. Эта новость, неудачи в «осаде» Катерины и изрядное количество выпитого срывают его с тормозов.

С глазами навыкате за толстыми очками и брызгая слюной он вновь закатывает истерику, проклиная меня за всё хорошее и плохое, за измену делу «всей его жизни» и вообще — за существование на свете. Сцена была выполнена в расчёте на большую аудиторию, но вокруг почти никого не было, и прозвучала, как выстрел из пушки по воробьям. «Что ж, насильно мил не будешь», — намекаю ему и ухожу от дальнейших пререканий.

Ближе к ночи Виктор выбрал другой, бездонный сосуд для душевных излияний — Арнольдова. И тот, — который уже раз чокается с ним за его нелёгкую миссию объездчика «норовистой лошадки». Словом, да здравствует великомученик и образец самопожертвования — Виктор!

…Наконец, жизнь налаживается. На работе — никаких задержек: закапываем в лунки столбики-стулья, разгружаем и сортируем щиты дома, готовим брус для обвязки. После обеда — всё продолжается в том же духе, на фоне солнца, ветра и нездоровой жажды.

После работы принимаю запоздалые меры профилактики ОРЗ: глинтвейн из «Каберне». Дружкам же купил спирта, чтобы не смотрели косо.

Тем не менее, ледяная заноза в сердце Виктора портит ему жизнь.

— Как эта девчонка с гитарой не желает со мной знаться? Что она такое вообще?! — пробормотал Виктор. А потом добавил: — Бить надо! Сразу поймёте!.. Вон Арнольдов, разбил кулак об Пузыря. Тот, — как шёлковый теперь.

— Что, и Катерину будешь бить? — вяло спросил Тимоха.

— И её отлуплю. Вон, на Пузыря подействовало…

— До твоего активного вмешательства у нас никаких

эксцессов не было, — вставил я. — Уживались, несмотря ни на что.

— Но меня-то Пузырь дважды брал за грудки, — проговорил Виктор, саркастически улыбаясь. — И орал при этом: «Удавлю, чинтинская падла!».

В ответ мы только ухмыльнулись: Слон жалуется на Моську.

— Значит, ты его как-то особенно достал, — едва успел сказать я, как Виктор схватил меня за ворот рубахи и с перекошенным ненавистью лицом стал вытрясать из меня душу, матерясь:

— Что ты-то ё-ё… в рот л-л-лезешь на х… со с-с-своими б-б… ком-м-ментариями!!!

Я был готов к полунаигранной вспыльчивости супермена и реагировал спокойно. Этого он не ожидал и, оторопев, остыл моментально. Видя тупик, в который зашла дискуссия о перевоспитании молодежи, я улёгся на кровать и, несмотря на встряску, заснул до 22-х часов.

На улице — ни зги, а я иду к Коротич отдать фонарь и деньги за книги. Она ведёт меня к Мормоновым, где я попадаю на рюмку «Старки» с Шредером из «Газеты»… Зашёл разговор и о драке, учинённой Харизматовым и «Ко» в областном аэропорту. Однако подробностей гость не знал.

Домой возвращался в два ночи в надежде, что все угомонились, но грубо просчитался. Карточное побоище под предводительством главного оперативника было в разгаре. Пытаюсь заснуть в боевых условиях под очереди матюгов и взрывы смеха.

…Утром в пятницу у меня — пробежка в «Тайгу», у Арнольдова — «спецтренировка» с Учителем. На работе — продолжение устройства цоколя: катаемся с Ариком на «Кировце» с прицепом за щитами — деталями дома, грузим недостающие «стулья», оковалки битума. На обед уехать не удалось, питаемся в буфете.

После обеда кипячу битум, осмаливаю «стулья» и трамбую их в лунках. Учитель, видя мои потуги, показывает на меня пальцем и злорадно смеётся:

— Ну и работничек!..

Выгорнов вслед за ним подсказывает, что трамбовать щебень надо сильнее… Может у меня замах и не очень, — зато я луплю трамбовкой дольше, чем другие.

В конце дня подъехал бурильный станок, и Выгорнов направляет меня на планировку углового дома-магазина ассистировать бурильщикам. Удаётся пробурить два с половиной ряда из трёх. Шесть ямок станок не осилил, и, похоже, нам

придётся долбить их вручную.

Ближе к семи вечера прошу бригадира заменить меня и бегу в «Пионер» на встречу студийцев. Однако у ДК собрались лишь Роза и Арнольдов (дисциплины — никакой). Идём в столовую…

Позже в балок заглянул Глазов и вручил мне приглашение на свадьбу в субботу:

— Приглашаю только единомышленников, — пояснил он. — Остальным поставлю после.

Отрубаюсь до 23 часов и собираюсь заниматься, но Виктор не даёт и требует назвать ошибки в своём поведении.

Я напомнил Учителю, что уборку балка по графику им же придуманную он игнорирует, что злорадно смеётся над ошибками других, что… Но, почувствовав тщету подобных разоблачений, — ибо не желающий видеть, да не увидит, — я замолк на полуслове.

— А на последнем шашлыке, — вмешался Воскресенский, — ты, Виктор, набрался так, что уткнулся носом в миску с мясом. В следующий раз — вино не берём…

Это напоминание переполнило чашу терпения наставника, и он, обидевшись, как мальчишка, заявил, что больше с нами на шашлыки не пойдёт.

В субботу по пути на работу Виктор узнаёт, что этот день не рабочий, а так, — для энтузиастов. С плохо скрываемым сожалением он храбрится, мол, «мне всё равно»…

Вместе со звеном заозерцев доделываем обвязку цоколя. После обеда начинаем класть на него самые тяжёлые половые щиты. Виктор заметно подобрел и просит сопроводить его — один-таки не может — в общежитие «Фундамента».

Дома я вспоминаю о приглашении на свадьбу Глазова, и мы быстро собираемся. Напоминаю Виктору, что сегодня его очередь мыть пол. Виктора это так бесит, что работу он «украшает» затейливой матерщиной и проклятием всего, что попадает ему под руку.

Свадьба Глазова прошла без эксцессов, благодаря отсутствию незваных гостей. Единственной потерей, стала «Комета», сгоревшая от перегрузки. Да и мой (с Коротич) подарок молодожёнам — альбом «От Мане до Пикассо» — был, наверно самым скромным. Глазовы, кажется, оценили его вполне, но как гости?

Молодая — Ира, невеста из нашего же отряда, — выглядела вполне счастливой, и подруги могли ей завидовать: маленькая, а парня здорового отхватила!..

В воскресенье Виктор, как ни в чём не бывало, готовится к шашлыку. Мы с Арнольдовым заходим к молодожёнам

поздравить с «первой» брачной ночью, за что получаем законные 100 грамм коньяку и кофе с тортом. Затем, идём в общежитие «Серебряных» и высиживаем до 14 часов в ожидании прочих закупок и сносной погоды.

Увы, погода нас не балует: то задувает ветер, то сыплет дождичек, то светит солнце. Но мы полны решимости выполнить программу и идём на стрелку Шактаума и Ленды. Виктор, понятно, жжёт костёр, ребята ловят рыбу, Славик вместо Катерины приводит её товарку Люду, что вызывает явное неудовольствие Виктора.

После шашлычного апофеоза все укладываются на травку попарно и милуются, пока не начинает смеркаться. Как ни крути, а домой идти надо. Брели нестройными рядами вдоль Шактаума, так весело, что Арнольдов с Леной свалились с мостков в воду по самые чресла.

Дома жду в полусне, пока население балка угомонится, и после 9 вечера выигрываю пару партий в шахматы у Гошки. Неожиданно зашла Алина и попросила кого-нибудь взломать замок своего балка. Не вдаваясь в подробности, мой соперник, переполненный адреналином, бросив шахматы, отправился за инструментом.

Ему на замену подоспел Влад Степанов и выиграл-таки почти обречённую партию… Но тут, на новый голос вышел Виктор и зарядил нас на разговор о «человеке» до 4-х утра. Возможно, именно во время дебатов на эту неисчерпаемую тему, у идеолога СВЭС какие-то негодяи стянули сохнущие на веревке джинсы и спороли лейбл «Геофизика» со штормовки.

Глава 27

Закладка второго дома. О безответной любви. Победа светлых сил. Телеграмма Генсека. Замминистра в «тошниловке».

Как держать гвоздь. Жена Митяя. Вброд через Ленду.

В понедельник едем на работу в «Урале» под брезентом. Попытались было дождаться бригадира, но не вышло. Работаем без указаний: наше звено ставит и трамбует «стулья» на угловом доме, другие — продолжают укладывать на обвязку половые щиты.

Во время обеда перекусываю в буфете и лезу на сопку, чтобы поснимать цветущий багульник ещё раз.

До конца дня выкладываем все щиты пола на обвязку. Перед отъездом домой Глазов извлекает из закромов несколько бутылок водки, закуску и предлагает прикончить всё «за здоровье молодоженов», здесь же, на пленэре. Не откладывая в долгий ящик, дружно берёмся за стаканы…

Тут, как чёрт из табакерки, подкатил Сизов. Слава богу, время было «наше», и переговоры прошли в мирной обстановке. Он торопился на партсобрание, поэтому на предложение заозерцев построить в неурочное время дом для своих семей ничего не ответил.

Сегодня моё дежурство по балку, и я делаю уборку. Сплю до полуночи, пока не начались шахматные битвы Воскресенского с Гошей. Арнольдов по доброте душевной за чаем начал открывать глаза Виктору и Степанову на «сущность» Катерины. Первым на это среагировал Гошка. Он вскочил с места и в бешенстве схватил Арнольдова за шиворот, намереваясь задать ему урок морали. Виктор всё же успел оттащить защитника девичьей чести от провокатора, но тот уже не мог продолжать игру и выбежал на улицу.

Этот эксцесс послужил поводом для жаркой полемики на тему — безответная любовь и её последствия. Каждый, основываясь на своём опыте, пытался доказать её пользу или наоборот — вред. К единому мнению спорщики не пришли, зато стало очевидно, какому божеству с гитарой поклоняется большинство мужской части отряда.

Наконец, после 2-х ночи народ угомонился, и целых два часа мы со Степановым преданы самим себе: он, читая сказки Мина, я — пытаясь что-то занести в дневник.

Утром на тренировку по Системе я уже не иду, но делаю свою зарядку.

На работе наше звено во главе с Ариком направлено на погрузку стеновых щитов в прицеп «Кировца». Несмотря на свои триста с лишним «лошадей», трактор забуксовал на мерзлоте, содрав тонкий слой растительности. Арнольдов проявил находчивость и пригнал бульдозер Мордовкина, который и вытащил «состав» на твердь отсыпки.

Разгружаем прицеп у нашего «первенца» и помогаем заозерцам ворочать угловые щиты жилого дома. На месте не пробуренных ям вместо «стульев» в основание второго дома, сооружаем городки — маленькие ряжи. Однако, подъехавшее «вовремя» начальство, увидело это «творчество», приказало их убрать и сделать, как положено: продолбить ямы и закопать в них «стулья»…

Вскоре прозвучал сигнал вахтовки, и мы едем на обед. В столовую идём не сразу: Виктор бежит в редакцию «Рабочего», я — в книжную лавку, где беру альбом о «Залесье». На улице и жарко и ветрено, и мы ходим нараспашку, рискуя простудиться.

После перерыва Выгорнов даёт указание утрамбовать наши «стулья» ещё раз, а ряжи не убирать, вопреки указаниям начальства. Наш новый мастер Галя, видя такое самоуправство, просит нас хотя бы «как следует раскрепить стулья». Но Виктор сгоряча «посылает» её со всеми требованиями, и бедная девушка плачет от бессилья.

С работы едем в переполненной вахтовке. У меня на коленях — Никишина. Обнимаясь на ухабах и поворотах, рассуждаем о сборах членских взносов.

По дороге домой покупаем с Арнольдовым три бутылки «Ркацители» на «всякий случай». Случай представился в виде заглянувшего на огонёк Степанова, который и стал третьим. После такого лёгкого ужина всех потянуло на чтение. Мне попался Е. Габрилович в «Экране». Виктор же фанатично объясняет суть СВЭС и «цель своей жизни» Степанову до 2-х часов ночи. Ещё на один час меня хватило для писем…

…Продолжаем прежние усилия: размечаем брус для обвязки на втором доме. Я «путаюсь под ногами» Виктора и Ильи, и меня посылают в одиночное плавание: отрывать ненужные подкладки от бруса, трамбовать засыпку «стульев».

От прораба Чеботарёва поступает официальное разрешение ставить в «трудных» местах ряжи — ещё одна победа светлых сил разума над тёмными силами дури…

Обедать собираемся в буфете, но машину, везущую обед из столовой, — «вот-вот должна подъехать» — мы ждём почти час. У Катерины, изнывающей от ожидания той же машины, — очередная проблема.

— Студия должна скоро ехать в Благинск, — делится она со мной, — а меня на эти дни везут на фестиваль КСП в Иркутск, — чуть не плачет она. — Гена, что делать? Мищенко меня разорвёт на части…

Вопрос почти риторический, и я отвечаю в том же духе:

— Подожди, ещё всё десять раз изменится! — хотя все уже догадываются, что спектакль мы никуда не повезём.

После сумбурного обеда всех, попавших под руку, загоняют в холл неработающей ещё «Берёзки» на митинг, посвящённый поздравительной телеграмме Генсека. С чем поздравлял — было непонятно: то ли с давно прошедшим Днём Победы, то ли с приходом путей в Ленду. Впрочем, по сути — это одно и то же.

До конца дня Виктор с Арнольдовым ставят ряжи, мы с Ильей укладываем на них брус.

Вечером Арнольдов как личность весьма колоритная и без предрассудков попал на глаза съемочной группе ЦТ. Да и не просто попал, а запал ей в душу. Почуяв это, он сразу напросился к землякам в гости в посёлок Серебряный расширенным составом. Я поддержал компанию и провёл в милой беседе «обо всём на свете» с телесъёмщиками битых три часа. Заснуть удалось около полуночи.

В четверг встал в 3 ночи и до 6:30 писал письма друзьям, кому задолжал. Затем, пробежка до «Тайги», где я оказался первым, — и обратно. До работы едем нынче на ГАЗ-66 под брезентом. В бытовке бурно обсуждаем КТУ, то есть, делим деньги голосованием — у кого голос крепче…

Когда подъехал прицеп с громоздкими деталями крыши, решили, что выгружать их будем только краном. Однако, пока бригадир довёл наше решение до прораба, который об этом и мысли не допускал, да пока они пререкались по этому поводу, нашлись энтузиасты, готовые рискнуть здоровьем. К сожалению, не только своим, но и — «сатрапов». Здесь, как всегда в таких случаях, сработали могучие российские кличи: «Нытики!», «Слабо?», «Раззудись плечо!..» и «Эх, дубинушка!».

Словом, сэкономили прорабу время, средства, нервы и спасли от суда за свои, чудом не полученные травмы. Однако лучшая защита — и у Чеботарёва тоже — это нападение. Обойдя будущий цоколь второго дома, он обнаружил столько «брака», что потребовал переделать и ряжи, и «стулья», и обвязку. Всё же в перебранке с «бугром» он уступил некоторые позиции, и вскоре мы начали раскладывать на обвязку щиты пола.

С 10—11-ти часов солнце палит, как на юге. Поэтому все, нарушая технику безопасности, работают по пояс голые. При этом ветер продувает, как в степи, и иссушает тело сначала снаружи,

а потом… наступает жажда, которую невозможно утолить водой. По крайней мере, — талой, которой полно прямо под ногами в ямках и проталинах и которую я пью, посылая мысленно «сестрицу Алёнушку» и припадая к любому «копытцу», укрытому космами рододендрона и голубики.

После обеда продолжаем выискивать в штабелях и раскладывать на обвязку щиты пола. Покончив с этим, идём с чувством выполненного долга в 16:56 к вахтовке, но в это время появляется Сизов всё с той же целью — уличить и пригвоздить… Но не на тех напал! Мы уже кое-что поняли в «организации труда» и даём отпор: у нас нет ни деталей, ни крана, ни сил после перетасовки щитов… Шум из-за 4-х минут?!

Дома падаю без сил на кровать до 9 вечера, и только появление Степанова возвращает меня к жизни. Идём с ним в поисках общепитовского харча аж до «тошниловки». Всему вопреки она оказалась открытой в столь поздний час, хотя обычно «из-за отсутствия еды» в это время отдыхала.

Секрет сего чуда раскрылся неожиданно. В момент, когда мы среди прочих бродяг поглощали, «что бог послал», к подъезду столовой подкатила черная «Волга». Из неё в сопровождении минимальной свиты вышел… не больше и не меньше — начальник Главмагисстроя! Товарищи ознакомились с меню, с состоянием кассы и так же плавно отбыли к месту своего небожительства. Кусок, застрявший было у меня во рту, сразу продолжил путь к цели.

Полные впечатлений, мы решили с кем-нибудь поделиться ими и двинулись по маршруту: лагерь, Коротич, Мормоновы. К сожалению, в первой точке маршрута адекватной реакции на наше сообщение увидеть было не у кого. Второй пункт принял нас обезоруживающе тепло, так что, выпив сухого вина и посмотрев по ТВ передачу о Шолохове, мы почти забыли о пережитом. В третьем пункте нашего демарша мы, даже не вспомнив о явлении Самого народу, говорили с хозяевами дома почему-то о Союзе Молодежи и его Роли в стране до 4-х утра. Отбой в начале шестого.

В пятницу в ожидании разнарядки доделываем мелочи в «магазине»: плинтус, галтели[20], наличники… До обеда удалось разгрузить один прицеп с деталями для второго дома. Перед заходом в столовую обнаруживаю в книжном Ф. Саган и покупаю четыре экземпляра на всю свободную наличность. Виктор тут же выпрашивает одну книгу.

После обеда выгружаем очередную партию щитов из «Урала» с прицепом. Прицеп опорожнили благополучно, но в кузове грузовика щиты заклинило так, что вручную их было

не вытащить. Больше на этом доме делать было нечего, и наше звено переходит на «магазин». Здесь мы с Борисом занимаемся дверными проёмами, и Виктор, между прочим, спрашивает:

— Ген, что это тебе так нравится работать с Борисом? — подразумевая, очевидно, что — не с ним.

— Да потому, — ответ у меня давно готов, — что он не показывает, как надо держать гвоздь и как бить по нему молотком!..

С работы домой идём пешком, а мимо нас проезжает с гордым видом Кардан на своем ЛАЗе. Никто из наших не делает и движения остановить его. Лучше прогуляться, чем слушать его самодовольный трёп. Лишь Виктор, перекошенный флюсом, беснуется:

— Тут каждая минута дорога, а этот… п-п-паразит!..

По пути в столовую заношу Катерине книгу Саган, чему она удивлена, ибо не надеялась, что и ей достанется. Попутчиком мне оказался Влад, с которым за ужином я делюсь впечатлениями от истерик нашего Наставника-«системщика». Жалею его, конечно, но помочь «делу его жизни» могу только невмешательством.

Затем, заходим в экспедицию, но супруги Мировы с подопечной сотрудницей — в отъезде, на Гирлюе, и, оставив ещё одну книгу Саган, мы идём в ДК смотреть «Пламя». К сожалению, фильм оказался не очень интересным, но и дома — ничего радостного: в полночь ввалились Арнольдов с Воскресенским едва живые. Кое-как поделились новостью: только что упали в кювет на «Урале» с коляской, но повезло — все целы! А уж мы-то как счастливы!..

На следующий день встал в 11 часов. В книжном — книга Сухомлинского, баня — закрыта. Зашёл в районную читалку и занялся ответами на письма, хотя старое казённое помещение вовсе не способствует этому интимному делу.

Ввечеру иду мимо бани, но никаких перемен в положении замка на её двери не замечаю. Накупив сладостей к чаю, ужинаю дома. В сумерки Влад вызвал на улицу играть в волейбол, чем мы с соседями и занимались до 9 вечера. Кажется, меня с Владом ждут в балке Катерины и Люды, но оказалось, хозяйки внезапно отбыли на концерт Т. Миансаровой в «Пионере».

Что ж, нас ждут и в других местах, например, у Митяя. К нему приехала жена, и он церемонно представляет её нам. Пьём чай и с трудом унимаем соседа, — тяжко пьяного мастера Киреева. На огонёк заглядывают: сначала Горисов с бутылкой «Мелъника», а за ним, видимо обладающий сверхчутьем, — Мищенко.

В воскресенье спозаранку обходим с Владом окрестности в поисках местечка для волейбольной площадки. Увы, на воскресник для её обустройства никто не вышел. Народ, по обыкновению, предается праздности.

Берём в попутчики Горисова и втроём, полные энергии, идём на стрелку Шактаума и разлагаемся здесь полностью: купаемся, играем в волейбол, загораем, дремлем на солнышке. И уж совсем потеряв контроль над собой, читаем вслух главу о постановке голоса из учебника по вокалу.

Чувство голода заставило вернуться на землю, и мы подумали: а почему бы нам не?.. И ринулись вброд через обмелевшую Ленду в направлении злачной точки общепита по кличке «Белка». Здесь нас только и ждали, отключив предварительно электричество.

Несолоно хлебавши шагаем в «рыгаловку», где получаем очередной удар по печени и другим внутренним органам.

Дома благостная атмосфера засасывает, как трясина: тут и гитара, и шахматы, и книги. Но меня так просто не взять! Я настолько устал отдыхать, что в десятом часу направляюсь в «Фундамент» под предлогом поделиться с известными читательницами новыми приобретениями.

Придя обратно домой в 23 часа, я обнаруживаю (о чудо!) полную тишину и спокойствие. Такой подарок земляков — друзей по счастью и застолью — я не мог не оценить и моментально заснул, полный благодарности.

* * *

Одно из писем.

В понедельник встал в 5 часов, чтобы успеть ответить на особо «радиоактивные» письма. В частности, моя подруга, учащаяся Историко-архивного, требовала окончательного решения вопроса о компенсации моральных и физических затрат от плотного общения со мной год назад. Другие, конкретно ничего не требуя, занимали больше внимания и сил для объяснения моего «статус-кво»: человек я или движитель некоей идеи? Словом, два часа до завтрака барахтался в эпистолярной стихии.

Черновик одного из писем:

***

Алексей, привет!

На сей раз хочу ввести тебя в курс своих личных дел… Возможно, ты помнишь мою историю с первой материальной потерей на любовном фронте. Точнее, потерей своей «вывески» — блестящего верхнего зуба. Причем, не в рукопашной битве за даму сердца, а в банальнейшем падении на гранитную ступень

подземного перехода. Я до сих пор вижу перед собой черно-серое зерно гранита, отполированное миллионами подошв, надвигающееся с неотвратимой быстротой и остановленное не лбом или носом, но именно зубом, даже не прикрытым губой, застывшей в дурацкой пьяной улыбке.

Так вот, стоило мне найти это «трудное счастье», муж которой находился в затяжной заграничной командировке, как тут же объявилась её соперница — девушка лет на пять моложе, с приличными формами, работающая с ней в одном отделе. Сам понимаешь, донжуанского опыта у меня никакого, — вынужден был импровизировать.

Первая — была бесперспективна по всем статьям: старше меня, замужем, сын, чуткая свекровь. Вторая — уже не девушка и в самом цвету, но, к сожалению, студентка-вечерница. Сначала, пока мы выясняли отношения со студенткой, мне удавалось легко их разводить. Когда же я понял, что влип, как «муха в сладость», жизнь мне стала не в радость. Первая — полностью владела моим телом, вторая — не то чтобы душой, но воображением — точно.

Помнится, ты радовался моему первому успеху, но потом, увидев «студентку» на закрытом просмотре «Следствия по делу гражданина…» у нас в институте, склонился в пользу более перспективного варианта. Да, Мария, или Маша, производила на многих впечатление неразорвавшейся бомбы (секс). Казалось, мне, простому смертному, никогда не добраться до её «детонатора». Тем не менее, некоторые попытки приблизиться я предпринимал.

Не стану грузить тебя описанием многотрудных своих изысканий, показавших, что девушка ещё не забыла своего «первенца». Свежее чувство собственности — ревность — сразу прокралось в мою трепетавшую душу. Как и всякого ревнивца, меня мучил вопрос: кто Он? Кто тот счастливец, который сорвал благоуханный (?) цветок невинности с этого полноформатного, налитого соком стебелька?!

Превозмогая мазохистскую боль при допросах Марии о её «бывшем», во много превосходящую её боль от воспоминаний о нём, мне удалось установить и адрес, и имя источника, теперь уже наших общих страданий.

Сам знаешь, чтобы избавиться от боли, надо хотя бы узнать её источник и низложить его. Узнать-то я узнал, но как низложить?.. Он находился в высотке послевоенной постройки, на площади Восстания, и доступ к нему был, казалось, только на первый взгляд прост. Я нашёл номер его телефона в записной книжке Маши, а его именем она просто гордилась: «Игорь Негодаев», — говорила она, замирая в тихом экстазе и ожидая, очевидно,

того же и от меня.

Да, моя реакция была столь же «тихой», но только с противоположным знаком. Кто же этот прохвост, подонок, пользующийся девичьей наивностью во имя ублажения своей похоти?! Вот бы дать ему… Ну, и так далее. Для начала я стал обдумывать план подхода к ненавистному объекту.

Узнав из невинных бесед с Машей, что наш общий «предмет» увлекается, в числе прочего, классическим джазом, я решил предложить ему посмотреть мои диски Дейва Брубека. По телефону я мямлил что-то про знакомых, которые дали мне его телефон для обсуждения филофонических проблем. Поверил он этой сказке или нет, но моё сбивчивое предложение о встрече принял и назначил день и час.

Прибыв к заветному подъезду в назначенное время и открыв трёхметровую дубовую дверку, я уткнулся носом в вежливую консьержку, объяснившую, что «Игорь ещё не пришёл». «Как?! Неужели она знает всех жильцов этого огромного подъезда», — поразился я. Кого-кого, а его, очевидно, знали.

На улице было холодно и сыро. Стоял октябрь, или ноябрь, чуть ли не «чёртовый зимарь». И я остался в подъезде, точнее — холле, который в нормальных домах называется лестничной площадкой. Долго ли коротко мне пришлось мучиться сомнениями: придёт — не придёт, но всё же я дождался. С улицы вошёл мужчина и придержал дверь, пропуская вперед девушку, в которой я узнал… свою Марию! Её профиль, её осанка и, кажется, её пальто — всё промелькнуло перед глазами, как в кошмаре.

Вдруг она что-то проговорила, и у меня отлегло от сердца: это была не Маша, не её голос. Но это была её копия!.. Значит, её спутник и есть тот самый счастливчик — коллекционер типажей!

Дальше всё происходило, как я и планировал. Когда мы поднялись в квартиру, хозяин предложил раздеться и усадил в кресло обоих гостей. Девушку звали Леной, и она пришла позировать Игорю, который, как выяснилось, «художник от Бога», а «руку ему ставил» по-соседски, сам Фарфорский! Меня он просил не обращать на его работу внимания и рассказывать о себе всё подряд: кто я, откуда и куда?..

Вскоре пришёл его приятель — одноклассник, — и наша беседа превратилась в перекрестный допрос. Впрочем, я свою легенду, близкую к жизни, выдавал без труда и даже успевал выудить скудные сведения о жизни приятелей. Во время моего общения с соперником постоянно работал телевизор, велись разговоры о чае, переговоры по телефону и, казалось, я здесь вполне обычный, если не сказать, — старый гость. Постепенно я

начал ощущать некое безразличие к своей персоне, и это странным образом задевало самолюбие.

Чем больше я пытался увлечь оппонента своей персоной, тем больше чувствовал пренебрежения, а вскоре и тонкой иронии, издёвки в его речи. Мои два редких диска с записями лучших вещей Брубека, купленных за большие деньги, вызвали некоторое оживление в стане противника, перешедшее вскоре в кривые ухмылки, означавшие: какое барахло ты таскаешь, братец, в приличное общество.

Вскоре хозяин вообще устал и пикироваться со мной, и рисовать портрет своей подружки, и предложил своему приятелю «сгонять партейку-другую в теннис». Все вышли на площадку, аналогичную нижнему холлу. Друзья притащили с лестницы и собрали стол, и, не обращая ни малейшего внимания на меня, принялись рубиться в «пинг», без умолку поддразнивая друг друга:

— Сейчас посмотрим, как вы не умеете в шашки играть! — говорил один.

— Да уж куда нам, лаптем щи хлебам, — парировал другой.

— А мы-то вам вдуем всё равно по самое дальше некуда!..

Шарик скакал и взлетал из-под стола в бешеных «топсах», и я чувствовал, что мне с моим уровнем, не стоит даже заикаться об участии в игре. Дальше оставаться и «низвергать» было бессмысленно, и я быстро откланялся.

«Так в чём же загадка магнетизма этого высокомерного типа?» — ломал я голову. Почему Маша, проговорившись как-то о Нём, о Первом, сказала: «Прикажи он мне прыгнуть из окна своей квартиры, я бы прыгнула, не задумываясь!..». Такая любовь? Что в нём такого расчудесного? Нет, что-то я недопонял, недоглядел с первого раза. Словом, облегчения душе не было никакого, и я решил сделать вторую попытку.

Такая возможность представилась в канун Нового года. Теперь я напросился в гости к Негодаеву, якобы поздравить с наступающим Новым. Для обращения внимания к своей персоне на сей раз, я не пожалел денег на бутылку «Камю». Действительно, эта приманка подействовала, но неожиданным образом.

— Ух, ты-ы! — воскликнул мой соперник, увидев такое подношение. И тут же потухнув, откатил назад. — Жаль, что врач мне пить запретил…

— Что так? — с трудом скрывая некоторую радость, спросил я. — Тяжкий недуг?

— Да нет. Так, по мелочи: колит обострился, — поспешил он разочаровать меня. — Ты уж убери бутылочку, пригодится

самому.

При чём тут колит, я не понял, но что шар он отыграл, было ясно. Потом всё пошло обычным для него чередом: копия Маши по имени Оля Полянская (!), дочь того самого, из ЦК, другие барышни, болтовня ни о чём и всяческая суета. Разговора о его недавнем увлечении с вечернего факультета Историко-архивного никак не получалось, да и не получилось бы «за давностью» и из-за скорости обновления моделей.

Постепенно до меня дошло, что могло притягивать невинниц (твоё словечко) в этом прожжённом и «уставшем от жизни» ловеласе. Как ни странно, — это было наслаждение собственным страданием от их унижения и поругания их чести. Словом, духовный мазохизм. Вот когда я это осознал, меня отпустило… Я понял, что моя миссия — спасти заблудшую овечку любыми доступными способами. И я постарался…

Вечерами, как ты помнишь, я подрабатывал в ЦДТ, где ещё изображала мальчиков Сперантова, но уже прыгала за «Четырех близнецов» И. Муравьева. Меня туда в качестве бутафора пристроила Шура — однокашница Маши, учащаяся школы-студии театра. Но то, что компания выпускников этой студии помогла мне «вылечить» Машу — я тебе не рассказывал.

На вечеринках, на выездах на природу я пускался на всякие ухищрения, лишь бы затмить образ сибарита из высотки. Прошло с полгода, прежде чем мы оказались одни в её комнате в коммуналке на всю ночь. Сам знаешь, что значило в то время получить такой подарок. Увы, в тот первый раз, несмотря на мою настойчивость, кроме боли «внизу живота» от перенапряжения я ничего не испытал.

Это случилось весной, когда и «щепка на щепку лезет». Помнишь, я снимал комнату, чтобы жить «самостоятельно»? Родители, скрепя сердца, решили не препятствовать развитию моей самостоятельности, и она развивалась стремительно. Мне, видимо, удалось, наконец, немного затмить образ «первенца». Ибо чем объяснить, что Маша в один прекрасный вечер осталась в моей келье на ночь и во всём повиновалась мне.

Её плотное, упругое тело отзывалось на все порывы моего. Её ноги обнимали меня за талию в самый нужный момент. Её губы, распухшие от засосов, с хищным сладострастием, всасывали мои до самых щёк так, что я мог дотянуться языком до её малого язычка в гортани. И я входил и входил в неё после коротких провалов в сон, пока не заметил, что она спит, как убитая, и, видимо, не чувствует уже ничего. «Люби сколько хочешь, только не буди…». И какое тут может быть предохранение?! Первый же чехольчик для семян оторвался от резинового колечка, и всё своё

содержимое излил на самую плодородную почву.

Слово «презерватив» тогда я произносил в аптеке, как пароль на явке, — полушепотом. Но фармацевты любили шутить и кричали кассирше на всю аптеку: «Галя, пробей ему 4 копейки за презервативы!..». Поэтому запасов «предохранителей» не было, да и можно ли было думать о чем-то, что не связано с процессом взаимного удовлетворения?

Словом, вскоре подруга скромно объявила мне о пропаже самого главного, что есть у женщины. На ту беду её сестра работала в больнице и сразу уложила её туда на обследование. Оно как будто бы ничего не показало, но резонанс был! — на обе семьи… Шила в этом самом месте — не утаишь.

Впрочем, мы особенно и не скрывали своих отношений. Продолжали в том же духе, но более осторожно. До оформления отношений оставалось несколько шагов: окончить учебу, найти работу с хорошей зарплатой и определиться с жильём. Первые два — пока выполняются. Я рассчитывал, что мы продолжим наш поход к цели уже здесь, в Сибири, почти как Декабристы. Но Маша, от роли Волконской недавно отказалась. Понятно, — не дворянка…

Я же возвращаться к «разбитому корыту» тоже не собираюсь. Так наши отношения и закончились ничем. Ну, а душа болит! Со временем пройдёт? Или попробовать лекарства? Здесь, правда, я их не искал… Впрочем, на горизонте показалась ма-а-ленькая точка, в которой трудно угадать определённые очертания. Когда приблизится, отпишу отдельно. «Вот поворот какой делается с…».

Глава 28

Даешь стены! Убить слепня. Манкурты и винтики. Личная жизнь мерзавца. Трофейная «столярка». Ящик для цемента. Борьба за автобусное сообщение. Сухая штукатурка.

Понедельник — день тяжёлый: с утра на первом доме-общежитии ворочаем и ставим стеновые щиты. Старики ладят крыльцо у «магазина». В двенадцатом часу прибыл Иванцов, дабы, прервав работу, настропалить нас на «повышение темпа» её же, родимой:

— Каждому необходимо задуматься: как я лично могу повысить производительность труда бригады…

Я задумался и скрытно отбыл по направлению к кассе и на почту — послать Марии круглую сумму в качестве прощального пособия. Касса, увы, была закрыта.

После перерыва, вдохновлённые профсоюзным «вливанием», наваливаемся на наше «сборно-щелевое» детище с весёлой злостью. Лишь немного отвлеклись, наблюдая, как вездесущая «сотка» вытаскивает наш автокран из очередной ледяной западни.

Задерживаемся на площадке до 6 вечера, чтобы закончить установку стен, но, видя тщету наших стараний, оставляем кое-что на завтра. Всей гурьбой торопимся в лагерь — получить аванс. Да, нас там только и ждали: кассир отошла…

— Ушла в магазин за водкой, — решили алчущие и остались в засаде у конторы.

Я же зашёл в наш балок и быстренько исполнил половой долг дежурного. К этому времени касса открылась и зарядила нас несколькими десятками рублей аванса. Хотел было тут же начать разрешать от бремени свой карман вместе с Владом, но кино-культурная точка с объявленным — «Когда умирают легенды» — отказала нам по техническим причинам.

Зато теперь у нас есть возможность попасть в упомянутое выше «святилище» — ленинскую комнату — ибо теперь новобрачная Глазова отвечает за чистоту и порядок в ней. Так, взяв у неё заветный ключ, мы с Владом проводим за письмами и чтением книг остаток дня…

В вторник продолжаем крепить стены и заканчиваем эту работу к обеду. Солнце жарит с одиннадцати часов, а ветер тут же иссушает тела так, что мы опять поминутно и без толку пьём талую воду. Работаем азартно, поэтому о простуде и мысли не возникает. До 11 нас атакуют сонмы комаров, а после, как по расписанию, их сменяют налётчики-слепни и прочая гадость вроде мошки. Лишь хороший ветер помогает пережить их атаки.

Кто может, — борется сам…

Пришлёпнуть слепня — целая наука. Во-первых, приземляется он, точнее, — прителяется, всегда с подветренной стороны. Поэтому, чтобы накрыть его, надо повернуться к ветру задом. Затем, — терпеливо ждать, когда он выберет лакомое место для посадки. Потом, как можно медленнее, что противоречит производственному процессу, замахнуться на врага, чем подвернётся, и только после того, как он начнет внедрять свой «шприц» в любимое тело, огреть его хорошенько. И ладно, если подвернётся рукавица, а не молоток…

После обеда приехал автокран ЗИЛ, с чьей помощью мы уложили на потолок четыре щита. На них (заботой бригадира) уложили ещё пару, чтобы завтра в ожидании крана не расслабляться, но уложить их на место вручную. Ровно в 17 часов крановщик свернул агрегат и отбыл восвояси. Механизаторы — люди строгие: машину насилуют по часам, а зарабатывают по количеству подъёмов груза.

Нерастраченный рабочий запал, а заодно и приезд жены, Выгорнов решил обмыть и послал Арика купить «чего-нибудь», да покрепче. Я же ретировался в сторону дома, где меня ожидало приятное общество наредкость трезвого Арнольдова, моющего пол, и Влада. С такой компанией не грех было поужинать в «Тайге» и пойти в клуб на фильм «В то далёкое лето».

До фильма оставалось время, и, пока мы втроём бродили по столице Стройки (статус, полученный посёлком с приходом железной дороги) у нас под впечатлением от прочитанного Айтматова, возник спор о программировании человека, о создании «человека-робота». Вопреки фактам истории, показывающим такую возможность, мои оппоненты пытались доказать, что сильные личности, очевидно имея в виду себя, могут противостоять любому внушению.

— Пусть кто-нибудь попробовал бы внушить мне, что я стану, например, генсеком, — горячился Арнольдов. — Нафиг мне это нужно…

— Милый мой, — парировал Влад. — Тебе даже Вольф Мессинг не смог бы внушить, что пить — пора завязывать. Речь-то, наверно, идёт о воспитании…

— Вот именно, — подхватил я близкую мне тему. — Стать выдающейся личностью, возможно, помогут тебе лишь гены или родители, и то — задавшись такой целью с колыбели. А сделать тебя роботом, винтиком в огромной машине государства — задача, посильная тем, кто управляет этой машиной. Напомнить примеры?

— Это про Сталина или Гитлера что ли?

— Ну, да, — согласился я. — Наверное, в любом тоталитарном государстве человек должен быть «винтиком», иначе машина развалится.

— Ну, и что, — рассуждал Влад. — Чтобы выжить в штормовом море, команда должна беспрекословно выполнять любое приказание капитана. Если у меня в десанте каждый стал бы рассуждать, что надо делать, а что не надо — мы бы и с места не сдвинулись. Мне такая команда не нужна…

— В том то и дело, что у тебя собрался коллектив единомышленников, понимающих друг друга с полуслова и объединённых конкретной целью, — согласился я. — Но что мы видим сейчас, когда эта цель достигнута? Кое-кто норовит увильнуть в сторону. Вот тут-то тебе должно было помочь самосознание каждого члена команды. А если его нет у всех, не заложено с детства?..

— Ну, таких мы давим рублём или воспитываем всем коллективом… Кому-то достаточно показать пример, как надо работать и жить.

— То есть, — применить приёмы воспитания, восполнить его недостатки, — подхватил я. — Может быть для работы это и даст какие-то плоды, но в жизни человек всё равно действует по программе, заложенной в него в раннем детстве, хочешь ты этого или нет…

— И что же, мы в своей команде никого не изменим в нужную нам сторону? — запальчиво спросил Влад.

— Кто знает?.. — решил я закончить миролюбиво. — Макаренко, если помнишь, только и уповал на могучую силу коллектива. Попробуй, повтори его опыт…

Зашли домой на чай и обсуждали, скорее, осуждали мою личную жизнь. Влад на правах близкого человека был вполне в курсе.

— И что же ты со своей Марией так и расстанешься? — начал он исподволь. — Сдаёшь позиции без боя.

— Какой может быть бой, когда чужая душа — потёмки, — возразил я и добавил банальное: — Насильно мил не будешь. Я никого насиловать не собираюсь. Если бы мы не могли жить друг без друга, то, может быть, всё сложилось по-другому.

— А, вот в чём секрет! — подал голос Арнольдов. — Видать не было у вас такого сильного чувства…

— Возможно, — согласился я. — Такого, как у декабристов и их жен, — не было. Вот секс был лучше, чем у них. Это уж точно…

— Опять ты про это! — воскликнул Степанов. — Всё у тебя сводится к постели.

— В постели? — парировал я. — Этим я занимался с не меньшим удовольствием, стоя по колени в сугробе. Правда не с Машкой, а до знакомства с ней, с её сослуживицей. Она побоялась пригласить меня домой, — могла приехать свекровь, — и мы гуляли в сквере неподалёку от дома. И так нас разобрало, что мы свернули с тропки и, утопая в снегу, забрались в какой-то овраг, где нас, кажется, никто не видел. Мороз стоял около двадцати, но ветра не было, и нам было жарко. Я расстегнул пуговицы на её длиннющей дубленке и повернул лицом к дереву, чтобы она за него держалась. Закинул подол с мягким белым мехом до самой поясницы и добрался до резинки колготок…

— Ну, ладно. Хватит, — запротестовал Влад. — Оставь это для своих мемуаров на пенсии.

— Нет, продолжай, — возразил Арнольдов. — Не честно обрывать рассказ на таком месте. Ты, в конце концов, ей вдул?

— Какой ты, Виталик, грубый, — пожурил я Арнольдова. — Не «вдул», а удовлетворил взаимное влечение. Неудержимое…

— Э-э! Неудержимое, — деланно сокрушаясь вставил Влад. — Ты — «человек мыслящий», и чужую жену, старше себя — на сколько? — на три года, и в антисанитарных условиях… А если бы дети пошли?

— К сожалению, пошли, — заметил я. — Но, к счастью, у неё был знакомый врач. Он сделал всё что нужно, не укладывая её в больницу. Отпросилась с работы утром и вечером — домой…

— Ну, и мерзкий ты тип, Генка, — торжествующе резюмировал Влад. — И как только твоя Мария с тобой связалась?..

Бередить свою свежую рану я не стал и предложил выйти по направлению к ДК.

…Как и следовало ожидать, подъёмный кран нам не дают, и всё, что было заготовлено, мы укладываем вручную. Разумеется, кран приехал по окончании наших потуг. Приехал ненадолго, но с тем, чтобы набросать несколько щитов на потолок и в спешке «прищемить» Арику палец своей чалкой. Травмированный, а больше — шокированный, он отправился в поликлинику и вернулся уже после обеда вполне здоровый.

До конца рабочего дня мы с ним раскрепляли перегородки, прибивали рейки-нащельники и плинтус в местах, где уже закончился монтаж.

После работы, не дожидаясь транспорта, добираюсь домой пешком и сразу заваливаюсь спать, с целью посидеть за письмами ночью. Всем неплановым визитёрам Арнольдов озабоченно объяснял: «… спит, пьяный в стельку», — чем несказанно обрадовал Горисова и озадачил Гошку. Зато, поднявшись

в полночь, я ловил кайф в эпистолярном море почти до утра.

…На общежитии крепим в паре с Ариком к полу и потолку перегородки. Бугор, тем временем, борется с конкурентами за грузовик. Благодаря его победе, мы подбираем потерянные кем-то на ухабах плинтусы, наличники и прочие столярные изделия. Набрали много.

После разгрузки «столярки» едем за шифером и брусом. Пока разгружали машину на участке, автобус уехал, и мы обедаем в нашем буфете, чем бог послал. После обеда, не имея крана, мы всемером оказываемся не у дел. Однако, половину стропил «старики» успели поставить. Виктор провёл обеденный перерыв в редакции «Рабочего», где он, как я понял, пытался оспорить правку его очередного «негатива» о всесоюзной стройке.

Мне Выгорнов с подачи мастера Димы даёт персональное задание: нарастить стенки ящика для цемента. Но, как только я вошёл в раж, объявился прораб Чеботарёв и запретил использовать для ящика детали дома. Опять: «не торопись выполнять приказ — его могут отменить…».

Что ж, мне придумали другое дело: заготовить черенки для лопат. Они, понимаете ли, имеют свойство периодически ломаться. Действительно, сколько их ни заготовь, все уйдут в дело, то есть сломаются. До конца дня я успел сделать три штуки, и в 17 часов мы бросились на попутке в баню.

Освежась, Арик уговорил меня посетить злачную «Белку», где мы «распускались» до закрытия, потратив 27 рублей. По дороге домой попали под дождь, и Виктор, встречая, злорадствует по этому поводу:

— Нече болтаться, где ни попадя…

В пятницу — подъём в 6 утра. Зарядка, пробежка до «Тайги». На площадке нас с Ариком опять ждёт злополучный ящик для цемента: бригадир приказывает его доделать. Но только мы взялись за дело, подлетел Сизов и, ругаясь в Христа и Бога, приказал разобрать нашу «самодеятельность». Вместо слов у нас только хриплые глубокие выдохи. Выгорнов хладнокровно игнорирует выпад начальника и «задвигает» этот ящик в — «долгий».

Тем временем, стропила, поставленные накануне, своей наготой вожделенно призывали: «Покройте нас!». К счастью, у наших соседей, возводивших магазин, «завалялось» 250 листов шифера, которые Выгорнов и вымучил у них с возвратом. Так, до обеда мы благополучно растащили их по крыше, чтобы уж ничто не остановило наш порыв к «производственному успеху».

За час перерыва удалось побывать лишь в книжной лавке, где обнаружил единственное новенькое: «Серебряные коньки».

На безрыбье и это греет душу, поэтому с легким чувством морального удовлетворения я участвую в разгрузке запоздалого прицепа с шифером. Затем, уже в конце рабочего дня, начинаем таскать и пришивать сухую штукатурку к стенам в комнатах нашего дома.

В 19:30 встречаю у магазина рассерженного Мормонова. Он не может смириться с досрочно закрытой дверью и, качая права, изрядно колотит по ней кулаком. Не получив результата, он заходит с тыла и повторяет попытку достучаться до совести продавцов. В этот раз его потуги успешны, и «Сезам» открывается. Он делает кое-какие покупки и между делом рассказывает, какие немыслимые усилия прилагаются редакцией для открытия автобусного движения до Кудыкты. А у меня на этот счет уже сложилось нечто:

По притрассовой дороге
За десятый горизонт
На попутках, слава богу,
Добираюсь третий год…

Транспорт мне другой «не» нужен —
Ни автобус, ни трамвай.
Я «люблю» в жару и в стужу
И в дожди голосовать…

Ах, шофёр, не будь невежлив,
Мимо ехать не спеши
И «хрусталь» моей надежды
Ты с разгона не круши!..

После бани встречаю Митю, который многозначительно просит зайти к нему в свободное время для разговора… Перекусывая дома на скорую руку, гадаю, что он задумал на этот раз. С книгами от нас вроде бы отстали «за отсутствием состава»… И действительно, речь он повёл о выпуске очередного номера стенгазеты. Пообещав «подумать», иду к себе, где оккупирую стол для своих бумаг до 3-х часов ночи. Влад, загостившись у меня, читает рядом за столом Д. Олдриджа до полуночи.

…В 6 утра бегу на почту на переговоры с матушкой о Маше, о посылке и прочих мелочах.

На работе я в паре с Арнольдовым колочу сухую штукатурку наперегонки с Ариком и Галкой. Странно, но мы уступили «смешанной» паре.

В обед съездил в ближайшие книжные источники, но вернулся на промзону уже пешком и без покупок. Довольствовался остатками еды неизвестного времени происхождения в нашем детище — буфете. Мы его породили, он же нас и убьёт. Весь остаток дня прибивал листы штукатурки, но уже вдвоём с Ариком. Зато домой ехали весело на чьей-то вахтовке.

В вагончике — грязь и беспорядок, а дежурный — Виктор — отсутствует. Очевидно, берёт разбег в редакции «Рабочего», чтобы проткнуть своим острым, общественно заряженным взглядом крылья очередной «мельницы». Что делать! Стиснув зубы, мою пол и иду с Владом в столовую.

Со зрелищами вышла неувязка: фильм в ДК нам не понравился. Зато в зале оказался Мищенко и кое-кто из студийцев. Они, очевидно, рассчитывая найти в нашем балке нечто, навязались в гости. Несмотря на отсутствие у нас искомых радостей, они продолжали топтаться на чистом полу, обсуждая проблемы бытия, до четырёх утра.

Глава 29

Фиаско трудоголиков. Нестройный хор работников. Городская библиотека. Работа с «Циркулем». «Сниму комнату».

Утром в воскресенье 1-го июня из динамиков раздался голос Валентина:

— Всем необходимо выйти на работу до обеда. Затем, желающие могут взять еду, спортинвентарь и отдохнуть на природе…

Виктор тут же разразился саркастической речью:

— Желающие возьмут еду… Ха-ха! Спасибо за предложение! Организаторы хреновы…

— Ничего страшного нет, — попытался я заступиться за шефа. — Можно же отдохнуть активно…

— И ты туда же, умник! — досталось мне. — Сейчас все возьмут еду… Ничего не хотят сделать для людей. Водки все возьмут, а не лодки… Где у нас спортинвентарь-то? Мяч и сетка волейбольная! Нашли дураков, чтоб идти на работу. И так выходных скоро не будет!

Виктор оказался выразителем общественного мнения, которое по обыкновению тяготело к энтропии. Иными словами, шло по наименьшему сопротивлению и предпочитало разлагаться. В таких случаях даже заядлые добытчики и трудоголики не рисковали идти против течения: что ж, гулять — так гулять! А уж лидер расстарался! Пока мы с Владом ходили в столовую, Виктор готовил своё коронное «мясо по-чукотски», с вариациями. Вариации — это спирт со жжёным сахаром. Видно, чистый — надоел.

Перспектива стать подопытным кроликом мне не нравится, и я демонстративно отправляюсь спать.

В понедельник встал пораньше, в одиночестве разогрел чайник. Пока жевал бутерброды, из спальни подтянулись Виктор с Пузырём.

— Ага! Втихую хотел позавтракать! — радостно наехал Виктор.

— Точно, — вяло отбивался я. — С вами за одним столом — голодным останешься.

С другой стороны, от полтавской колбасы Виктор отказался, сославшись на предстоящий эксперимент.

На работе долго искал свой топор, спрятанный среди прочего инструмента в одной из комнат строящегося дома. Видимо, кто-то нашёл его вчера во время воскресника. Пришлось клянчить

топор у парочки Арнольдов-Виктор, которая занималась сухой штукатуркой.

Сперва надо было оторвать наличники, от коробок дверей и окон, затем, поставить их обратно, но уже поверх штукатурки. Понятно, сразу бригадир распорядиться по уму не мог, ибо это требовало многих согласований и решения на «высоком» прорабском уровне. Теперь прежние наличники не годились, ибо проёмы немного увеличились в размерах. Не имея другого материала, я старался использовать то, что оторвал. Иногда мне это удавалось. Но, как всегда некстати, объявились представители заказчика и опять заладили песню о переделке всех дверей и окон.

Бугор обмолвился о нарядах, которые закрыл по 7 рублей, а аккорд перенёс на шестое июня. К этому времени дом должен быть покрыт шифером, но к нему только начали отсыпать дорогу.

Видимо пасмурная погода и налаженный монотонный процесс располагают к пению: все что-нибудь напевают или пытаются петь, причём, каждый своё.

На обед еду домой, который ждёт меня распахнутой дверью, заляпанным грязью полом и жалким кружком колбасы на столе. Единственный обитатель — Марков — напрочь отказался сознаваться в причастности к содеянному: ничего не видел, не слышал, не знаю — типичная отговорка свидетеля, дорожащего своей шкуркой.

После обеда обили штукатуркой полторы комнаты, потолок, чем и закончили не совсем ударный день.

Вечером побывал в книжной лавке, но ничего приличного не нашёл и занялся сбором членских взносов. Улёгся в 10 вечера, а с 2-х до 6 утра читал И. Шоу в «Смене».

…На доме добиваем штукатурку в следующей комнате. На обед добирались в лагерь на попутном «Кировце». Эта махина на 4-х колёсах раскачивается на кочках, кажется, забавно, но поначалу любой может испытать симптомы морской болезни. И это лишь за тем, чтобы дома выпить чаю с бутербродами. На обратном пути обсуждали с Людой Никишиной, заядлой гонщицей, тему «мотоцикл и его прелести».

На работе готовимся к остеклению окон, разносим стёкла по комнатам. Первой ходкой все взяли по одному стеклу. Во второй раз я взял два. Как только это увидели «лучшие представители человечества» в лице Виктора и Арнольдова, у них возник естественный протест.

— Какого черта ты взял два стекла, — походя бросил Виктор.

— Умнее других что ли? — вставил Арнольдов. — Теперь мы тоже должны брать по два?

— Не бери, — буркнул я. — Никто не заставляет…

Конечно, если бы «ударную» провокацию затеяли они, это было бы правильно и здорово. Но если инициатива исходит от кого-то другого — это выпендрёж и позёрство. «С другой стороны, — думал я, — чего это меня занесло? Лень ходить туда-сюда? Избыток сил? Желание обратить на себя внимание? Подчеркнуть свое неформальное отношение к работе или всё вкупе, — банальная жажда самоутверждения?». Самому разбираться в этом не было нужды. Ведь если моим оппонентам что-то не по душе, значит, это… то, что нужно!

До обеда успел ещё позаниматься наличниками и сухой штукатуркой, словом, всем, что делали и другие. Вся беда была в том, что каждый раз мне приходилось клянчить топор у кого-то из друзей-соперников.

Неожиданно на стройку заглянули девчата: Ира — жена Глазова (у них телефонные переговоры с домом), — Ася и Лена — подруга Арнольдова. Эдакая группа поддержки…

Чтобы закончить основную часть отделки, задерживаемся в новостройке на час с лишним. По дороге домой заглянул и на почту, и в книжный, но ничего нового не нашёл. После ужина проявил плёнку с митинга 9 мая, потом занимался взносами, но с весьма скромным результатом. Только трое из многочисленной паствы соизволили сдать малую толику своих доходов на поддержание штанов своих пастырей.

Около полуночи залёг в постель с книжкой О'Генри, что весьма помогло отрубиться около часа ночи. Виктор же всю ночь корпел над очерком, название которого, — «Мы сегодня там, где шумит тайга» — огласил заранее, видимо с тем, чтобы не оставить усталости и лени никаких шансов.

В 6 утра Виктор всё ещё размахивал ручкой над бумагой, да так, что на странице тетрадного листа едва помещалось единственное предложение. Я побежал в «Тайгу». Но, когда моя очередь подошла к раздаче, Виктор неожиданно возник передо мной, как «лист перед травой». Видно, ночные бдения у него резко возбуждают аппетит.

На зону теперь ездим только сидя, как нормальные люди, — у ГАИ кончилась спячка. К работе долго не приступали, ждали бригадира, но он так и не появился. Только убедившись в тщете дальнейшего ожидания, народ неспешно разбрёлся по местам, кои занимал накануне. Я хотел было заняться наличниками, да только без топора ничего бы не вышло.

Что ж, занялся подгонкой и установкой оконных рам. До обеда сделал два окна, а потом начались погрузки-разгрузки. Сначала грузили сухую штукатурку со склада в машину, потом

разгружали её в дом. Арнольдов по горячке сломал четыре листа. Виктор и Боткин — ещё по одному. Я бегал, как угорелый, но поймал правильный хват и не сломал ни одного.

Потом мы работали вдвоём с Ариком. Процесс прибивания листа штукатурки — полтора на два метра — к потолку довольно забавен. Хватаем лист одновременно с напарником, забираемся на козлы-подмости, поднимаем его над головой и прижимаем в нужное место, кто чем: кто головой, кто руками. После чего, один из нас прибивает лист заранее зажатыми в губах или потном кулачке гвоздями к потолку, а затем второй прибивает свою половину. По возможности — квадратно-гнездовым способом.

Неожиданно приехал Иванцов со свитой, прошёл по комнатам, против обыкновения ничего не сказал и удалился восвояси. Зато Виктор не удержался и во время перекура выдал мне и Арнольдову по экземпляру своего опуса, что строчил ночью. Мысль автора была не нова: Мы — такие хорошие — здесь строим, строим, а Они — плохие — нам мешают, не дают того-сего. Всё же, мы единогласно одобрили критический пафос статьи, дабы не расстраивать автора.

В перерыв хотел зайти в книжный, но записка на его двери уверяла, что все, кто за ней, — заняты разборкой новых поступлений и им не до нас. Что ж, беру что-то съедобное в магазине и обедаю у Арика под музыку «Bee Jeez».

До конца дня лепили сухую штукатурку на потолок и стены. На улице дождь, и нам под него хорошо работается. Даже отсутствие вахтовки не испортило настроения, и мы, закончив смену, пешком топаем домой.

Зашли было в баню, а там — залётная рота солдат ЖД строителей. Так что отмывались дома. После ужина — чтение, сбор податей и сон в 21 час.

В четверг встал в три утра. Впереди (о, чудо!) практически, четыре часа свободного времени! Стараюсь использовать его максимально плодотворно. Кроме дневника, пишу некий рассказ совсем не про нашу жизнь, но и этого времени не хватило, чтоб хоть немного приблизиться к концу. Какой-то мираж: чем ближе — тем дальше.

На работе только и разговоров про наряды! Мол, закрыли по 8,60 рублей первый раз, что уже не мало… На волне экономического энтузиазма взялись прибивать в углы галтель. Пополнить запасы сего пиломатериала мы смогли, как оказалось, лишь дома у прораба, где он хранит всякий дефицит. При этом для укрепления в наше звено «влили» Нонку.

Понятно, влили совсем не то, что могло бы поднять производительность нашего труда. Столярная работа не терпит

суеты, а требует сосредоточенности. Но с разухабистой, заводной Нонной это практически невозможно. Лучше всего с ней было долбить ямы, ошкуривать брёвна, таскать стройматериалы…

На обед ходили в магазин к Северному тракту, купили еды и сели обедать неподалеку на обочине. Во время этого «пикника» к нам вдруг подошёл мужик кавказской внешности, оказавшийся, понятно, начальником отдела Райпо. Чем-то, видимо, мы ему показались или просто никого рядом больше не было, и он предложил нам поработать у него на разгрузке машин. Мы с Ариком переглянулись, соображая, как бы отказаться повежливей. Мы ж не бичи какие, у нас своей работы хватает.

После обеда нудно обивали штукатуркой стены и потолки коридора, пока не появился наш любимый прораб-невидимка. Виктор навалился было на него с вопросами о нарядах, но Чеботарёв строго объявил о начале инструктажа по технике безопасности. Пока шёл инструктаж — «не лезь, куда не след, бо нае…», — и все расписывались в журнале, я мирно дремал за штабелем из листов штукатурки.

Сей инструктаж проводится с нами регулярно, но почему это должно происходить среди рабочего дня, — было не понятно.

С работы добираемся в лагерь на перекладных. Переодевшись дома, идём с Виктором в обратную сторону: я — в городскую библиотеку, а он — в редакцию «Авангарда» сдавать свой очередной опус в печать.

Читальный зал библиотеки для меня ассоциировался с дурманящей атмосферой скрипучего юношеского зала «Ленинки», где я — десятиклассник — шалел, сидя вплотную к Лерке, глядя в книгу и ничего в ней не видя… Помнится, мы готовились к сочинению по «Буревестнику». Может быть, в ту пору в меня и вселилась жажда «бури»?..

Здесь же атмосфера была намного прохладней, никакого интима не предвиделось. Пустая комната с холодной железной печью, тёмные деревянные столы. Единственная отрада — немногословная меланхоличная библиотекарь, женщина лет 26-ти.

— Я посижу, мне нужны только некоторые подшивки газет, — говорю я.

— Пожалуйста, — говорит она, на чём, казалось бы, и заканчивается наше общение.

Но мне неймётся. Просмотрев некоторые страницы «Литературки», записав кое-что в дневник, я ненароком заговорил с хозяйкой зала.

— А вы давно здесь работаете? — начал я. — Раньше здесь, кажется, была другая сотрудница… А как вас зовут?

— Тома… Тапрыкина, — сказала она. — Я приехала сюда по распределению из Храбровска, а живу в общежитии Управления культуры. Мои соседи — ещё три девушки и один парень — театральный режиссер.

— Это интересно, — обрадовался я общей теме. — У нас уже есть одна театральная студия.

— Заходите к нам. Иосиф будет рад поговорить с театралами, — проговорила она без тени личного интереса. — Знаете рубленый дом у нижнего перекрестка? Это и есть наше общежитие.

Я пообещал зайти как-нибудь с ребятами.

…Подъём в 4:30. Два часа писал рассказ, дневник, а в 7 уже был в столовой. На отделке дома с Ариком не спеша обиваем штукатуркой коридор, комнату-сушилку, кухню.

Вдруг дядя Коля начал дознание на тему «кто прибивал наличники, почему они все перепутаны». Но в отсутствие пыточных орудий правды он не узнал и, выпустив пар, затих. Я, естественно, не стал обнаруживать себя с проблемой изменившихся размеров.

В обед успеваю получить на почте бандероль с гостинцами от родителей, в «Культтоварах» — купить часы и отнести всё домой. Здесь привычная картина: Пузырь и Тимоха — за бутылкой «Старки»…

На работе всё идёт по плану, без излишней спешки. По окончании облицовки всех стен осталось время, которое было предложено скоротать в подсобке.

Здесь Боткин садится на своего конька и продолжает «объезжать» свои армейские истории. Меня же бригадир отправляет к Володе Циркулю планировать площадку под очередное строение.

Прозвище нашему геодезисту вполне подходило: он был высок, сух, ходил на прямых ногах, был немногословен и носил очки в стальной оправе. Штатив с теодолитом, к которому он нежно приникал щекой, точно завершал образ живого инструмента.

Работа наша не задалась сразу. Не имея топора, я взял в качестве колышков обрезки и осколки теса и прочей древесины. Их невозможно было воткнуть вертикально в лунки, которые я пытался пробить ломиком сквозь ползучую растительность в мерзлоте. Володя раздражался, ругал меня и тех, кто послал меня к нему, словом, работа буксовала…

Тем не менее, к концу смены основные выносы мы сделали, и для примирения я предложил Циркулю впредь просить кого-нибудь другого в помощники. На что он вполне миролюбиво

предложил мне «лучше найти топор, чтобы работать нормально».

Домой едем на вахтовке. Пересекая Северный тракт, наблюдаем шествие нескольких коров вдоль тракта… Попутно захожу в магазины за едой. В своём балке нахожу земляков: забинтованного Пузыря и Тимоху, испачканного кровью. Лыка оба не вяжут, и я ухожу в столовую. Здесь встречаю Балана — одного из преподавателей строительных наук, который не без тайной гордости сообщает, что закрыл наряды «своим» на сборке щитовых домов по 16 рублей.

В нашем квартале встречаю Катерину, ищущую ночлег. Её балок перевезли на промзону, но идти туда уже поздновато. Дома Виктор, Арнольдов и Марков делятся ещё одной трудовой победой: разгрузив на складах УРСа 20 тонн продуктов, заработали по 10 рублей. Сплю с 20 до 3-х ночи, а затем, — письма друзьям до утра.

Суббота выдалась рабочей. Первый час на своём объекте ждём распоряжений. Наконец, пришла машина с досками и прочим материалом. Разгружаем её и сразу пускаем в дело. Больной бугор передал просьбу: принести ему несколько стёкол для окон, кои побились в процессе переезда. После обеда занимаемся с Ариком остеклением: я режу штапик, а он прибивает его на окна.

В поселок едем на попутке и обходим несколько магазинов в поисках выпивки, но безрезультатно. Захожу в некоторые дома с целью взять в аренду комнату для себя. Увы, никто не проникся ко мне состраданием. Тогда после уборки дома иду в гости в «Фундамент», где получаю к искомому столу и хорошую компанию в лице Вени и его начальника Паши. Когда все участники застолья изрядно «устали», я стал собираться домой. Последнее, что запомнилось, — Володя с раскосыми глазами из работяг-изыскателей ломился в 2 часа ночи к девушкам, но неудачно…

Глава 30

Навес для ПЭС. Ночёвка на крыше. Приезд секретаря ЦК. Зарплата уехала. На стрелке Шактаума. Женское звено. «Сухая штукатурка» мокрая. Путевка в Чехословакию.

В воскресенье, как последний «сачок», встал в 9 часов и — опять в экспедицию «Фундамента». Решили с Нелей Мировой завтракать в «Тайге», где по случаю выходного было совсем безлюдно. До полудня читал О'Генри, а потом отправился с компанией геофизиков на ЗИЛе к стрелке Ленды и Гирлюйя. Погода для пикника была прекрасной. Жарило солнце, а лёгкий бриз приятно остужал. Пили, ели, купались, пели под мой аккомпанемент. Обратно грузовик вёл сын Павла. В одном месте увидели опрокинутый в кювет ГАЗ-66 уже без людей.

…Дома — чаи, шахматы, комментарии к готовящейся тренировке Виктора.

— Значит, сегодня голодаешь весь вечер, а завтра быстренько навернёшь котлет и восполнишь потерю? — посмеивался Гошка, играя со мной в шахматы.

На что Виктор беззлобно огрызался:

— Скажи спасибо, что не беру тебя в эксперимент. А то ты сейчас не развлекался бы, а лежал пластом без сил…

…В понедельник на своём объекте не находим никакого инструмента. Наш прораб отказывается составить акт по поводу кражи. Вместо этого он предлагает нам запасные топоры и двуручную пилу и направляет в тайгу на расчистку площадки под баню. На это Арнольдов, сказавшись больным, уходит в сторону лагеря.

Валим зазеленевшие лиственницы, сосны, срубаем сучья, распиливаем стволы на части, удобные для переноски. Таскаем их на опушку в поте лица… При этом в голове возникло:

У свежесрубленной тайги
Пьянящий запах.
Немая просьба: Помоги! —
В зелёных лапах…

После обеда пришла подмога в лице проспавшего Арика и Нонки, дочитавшей, наконец, книгу Д. Олдриджа. Так что управились с заданием к 16-ти часам и собрались на автобус. Я вышел у почты, чтобы забрать бандероль со своими фотографиями, отпечатанными в Москве родителями. Зашёл в продуктовый, в книжную лавку, где обнаружил квитанции для

подписки на Секста Эмпирика. И ушёл в раздумье: «А нужен он мне?».

Дома — шум, гам, магнитофон. Обсуждаем с Митяем его отставку комитету. Поспал пару часов, пока все не угомонились, чтобы почитать письма от родных и дочки Зайчковской — будущей журналистки из Чинты.

…Утром сидим на площадке в ожидании бригадира, а его нет, как нет. Галка предлагает доделать венцы в основании туалета-терема. Однако её предложение восторга не вызывает, и вялое ожидание руководящих директив было продолжено.

Вдруг появляется Иванцов, и мы докладываем ему о краже инструмента, о неожиданной реакции прораба на сей факт и об отсутствии фронта работ. Тот обещает разобраться и уходит восвояси. Дядя Коля уведомил его вдогонку, что на доделки мы больше не пойдём, и в доказательство своей усидчивости берётся устанавливать столбики для навеса ПЭС — передвижной дизельэлектростанции.

К обеду пекло усиливается так, что при погрузке досок на прицеп я постоянно обливаюсь и пью воду из талых ручейков под ногами. После обеда всё продолжается в том же ритме, и вскоре навес для ПЭС был готов. К концу дня появились расчётные книжки, и Арнольдов долго возмущается своим сниженным разрядом и уменьшенной зарплатой.

Дома переодеваюсь и спешу в РАЙПО. Но работы там нет, читалка закрыта, и я иду на ужин к соседям в 70-й вагон, где мне предлагают жареную картошку с капустой, чай с вишнёвым вареньем и немногословное общение.

…Позавтракать за столиком в столовом отсеке мне не удается, ибо Виктор со своей агрессивной Музой занял бумагами весь стол и скамейки вокруг. Доедаю подсохшие макароны по-флотски, сидя у тумбочки при кровати.

Едем на зону без Арнольдова: он провожает свою Ленку в аэропорт… Привозим со склада рубероид, и я с дядей Колей остаюсь крепить его на вчерашний навес. Возимся с ним на крыше, прибивая рейки. Я прошу дядю Колю подать мне топор, не заметив, что топор лежит на земле. Конфуз возник, когда я, наконец, увидел, что дядя Коля, не говоря ни слова, спустился за топором вниз…

После обеда нам выделили колёсный кран для работы на строительстве магазина. Я цепляю чалками панели, сухую штукатурку, а Виктор укладывает всё на свои места.

По окончании работы идём с Ариком на подработку в РАЙПО. Нас гоняют по мелочам: отвезти мусор, бутылки, привезти тару и так далее. Зато искупались после работы в Ленде. Отбой

ранний — в 23 часа.

12 июня встал в 3:30. Дневник, письма на материк. Утром вышел на крыльцо и опять увидел своих земляков, спящими на крыше балка, как и соседи из семидесятого. Душно ребятам на десяти квадратных метрах.

На площадке — я и Виктор — опять работаем стропальщиками: поднимаем чердачные щиты, укладываем их на крышу будущего магазина. Виктора опять всё раздражает, но, не встречая реакции, вспышки его гнева быстро затихают.

Обедаем неподалеку, в «рыгаловке». Я успеваю сбегать в книжный, но безрезультатно. Зато ребята провели время с пользой: искупались в реке.

После обеда достилаем последние щиты на крышу. В это время над Гедканом поднялся ураган с ливнем, но до окончания работы выдохся. Идём с Ариком и Асей в «Военторг», но ничего не покупаем. Зато обратно возвращаемся на попутном УАЗе.

В 8 вечера — собрание нашего участка, где мы вяло обсуждаем предстоящий приезд первого секретаря ЦК ВЛКСМ, выборы, сплочение коллектива — «жуём старую жвачку». В лагере занимаюсь оформлением взносов до 11 вечера.

В пятницу встал в притык — в 6:50, но успел попить чаю с коллегами. На зоне во время «раскачки» читаю «Пленник чужой страны» Олдриджа, который так и ходит по рукам. Затем, нас бросают то на доделку нашего дома, то на магазин, где мы поднимаем на крышу стропила, конопатим потолки… Часть бригады доделывает терем-туалет: экран-ширму и двери в «кабинки».

На блочной столовой — «Берёзке» — заканчиваются последние работы. Так что скоро мучения с обедом закончатся…

После обеда устанавливаем стропила, укладываем шифер. Боткин в перекур жонглирует топором, но почему-то разрезает при этом себе ладонь.

По окончании работы бежим под дождём к кассе, где уже мнется толпа. Пристраиваюсь к Гошке. Через некоторое время разносится сообщение: деньги для нашего СМП кончаются и уезжают в Стоворотино. Там на вертолетной площадке «наши люди тоже ждут зарплату». Многие женские бригады так и остались без зарплаты. На обратном пути в лагерь в вахтовке рыжая Фомкина залихватски предложила:

— В понедельник не выходим на работу!

Увы, никто не подхватил идею…

Я-то зарплату получил (187 рублей), и мы с Гошкой идём на почту отсылать всем, кому должны или тем, кто должен кому-то…

Дома заедает текучка: приехала водовозка, мусоровозка, пришли газеты, сбор комсомольских взносов до 22-х часов. Как духовная подпитка — «Пленник чужой страны» до 2:30 ночи. Заходил Горисов с сообщением об отъезде в Москву для «поправки здоровья». Засыпаю в 3 утра, а Виктор так и не появился.

Суббота. На нашем участке почему-то никого нет, а на «Берёзке» — последние приготовления перед открытием. Что ж, идём обратно в лагерь с новым секретарем — Горчаковым, болтаем «за жизнь»…

Собираюсь в Кудыкту на день рождения Лёни. Выхожу к развилке у нашей промбазы в полдень. Греюсь на солнышке и наблюдаю за проезжающим транспортом. Среди прочего, на мотоцикле с коляской на промбазу прокатилась Катерина с военным рулевым. Наконец, в полвторого меня подбирает армянин на КрАЗе. К сожалению, — лишь до 10-го километра, у третьего моста.

Сначала подождал немного следующей машины, потом шёл пешком около часа. Затем, меня подвёз «Урал» до 22-го км. Иду, распевая песни, ещё час. Один шальной КрАЗ подвёз до базы МК-48. Оттуда топаю до карьера, а там меня подбирает КрАЗ до конца отсыпки, которая заканчивается рядом с Кудыктой.

Юбилей Лёни назначен на 9 вечера. Помогаю с закупками, тащу с ребятами две коробки шампанского из магазина в столовую, где накрыт стол. После торжественной части с вручением юбиляру магнитолы «Кантата» — неофициальное гульбище до 3-х утра. И напелись, и наплясались до упаду.

А разговоры «по душам»? Ну, как без них? Именинник, уже засыпая, между прочим, поинтересовался про «дела» у Гошки с Катериной. В полном недоумении я развенчал миф о подобном альянсе и перевёл речь на наши с Горисовым книжные «раскопки».

Утром ребята, выпив шампанского, топают на участок голосовать за тех, кого назначили. Я незаметно выдвигаюсь в сторону дома. На выезде из посёлка, стоял пустой УАЗик. Он догнал меня в 26-ти километрах от Ленды. Пассажиром был служащий из Главка, который всю дорогу развлекал меня рассказами о своих приключениях в дороге.

Приехав, иду голосовать в «Ударник», покупаю мутного «Вермута» и отдаю его подвернувшемуся Пузырю. С шампанским же иду на свадьбу Розы и Славы. Увы, до острова на стрелке Шактаума я не дошёл, ибо в общаге, где засели новобрачные, меня загрузили «лёгким» аперитивом типа «Биомицин» («Било мицне») и прочими яствами.

В довершение всего, появился Огонёк с очередной пассией — Курченко, и, погуляв со свадьбой, упал в обнимку с ней на первую попавшуюся кровать… Я продержался дольше и застал явление Виктора с Арнольдовым. Они потребовали еды, выпивки и внимания к себе. Последнее им получить не удалось, и они по синусоиде отбыли в обратный путь.

Хозяева всё же предлагают выжившим чай и сопровождают нас на танцплощадку у «Пионера». Здесь… крутят записи, но народ не поддаётся фонограмме. Все незаметно растворяются в ночной тьме.

Дома застаю земляков на кроватях в чудовищных позах — просто воины, погибшие в битве при Калке. Мою кровать, пожертвовав свою Тимохе, занял Пузырь. Я ложусь на свободное место…

В понедельник на работу добрались заранее в надежде позавтракать в «Берёзке». Увы, она так и не открылась. Что ж, натощак подаём с Ильей, Ариком и бугром стропила на крышу нашего дома, толкая их снизу. При этом я подрываю спину, но боль была терпима.

…Мы с Ильёй конопатили швы меж щитами, когда бригадир с Арнольдовым принесли по паре бутылок шампанского. Оказывается, будем отмечать перекрытие крыши, а также пополнение в бригаде: нам добавили четырёх девушек. Обедаем, наконец, в новой столовой.

Во второй половине дня конопатим потолочные швы с Глазовым и делимся сексуальным опытом. Обсуждение темы прошло весьма плодотворно, ибо знания, почерпнутые из литературы не так красочны и разнообразны, как личный опыт.

После работы дома появилось время для газет и книг. Рядом Тимоха готовит «банкет» по случаю своего дня рождения. После выпивки, всех потянуло на реку купаться. Я пошёл со всей компанией, но купаться не стал. Зато наблюдал, как «Кировец» вытягивал сцепку «Урагана» с трейлером, груженым экскаватором, на высокий берег Ленды.

…Навестил Горисова, поговорил о делах книжных, и мы пришли к мысли, что неплохо было бы выменять у Виктора книгу Ф. Саган на «Науку о боли».

…Утром пишу дневник в постели, в то время, как Виктор с Арнольдовым доедают мои колбасу и сгущёнку, посмеиваясь при этом над моей щедростью. Мне действительно не жалко, лишь бы не приставали и не отрывали от дела.

На работе с Ильёй весь день кроем крышу нашего магазина шифером. Виктор в роли заместителя бригадира командует краном, поднимающим пачку шифера на крышу. Ему удается

уложить её на край здания. Однако не дремлющий инженер по ТБ не оценил высокого искусства и, сделав Виктору выговор, приказал переложить её выше.

Только мы собрались закрепить последний ряд шифера, как мастер пришёл с распоряжением послать меня на лекции для мотористов-электриков. После обеда иду в учебный балок, но занятиями там и не пахнет.

Тогда несу заявление на ссуду секретарше и заявление на путёвку — секретарю комсомола Горчакову, а там и ужин подоспел. Позже захожу к Арику и предлагаю ему подработать на разгрузке в РАЙПО. Однако Нина, выдававшая разнарядку на работу, улетела на два дня в Агдан, и мы под мелким дождём идём по магазинам.

Дома Виктор жарит рыбу на ужин всей братии. Тимоха по случаю отъезда на «постоянное» место жительства, в Хородочи, достал водки. Я поддержал компанию. Заговорил было с Арнольдовым об их с Ленкой отношениях, но Виктор посчитал это вмешательством в их личную жизнь и возбудился до скандала. Я не стал участвовать в разжигании страстей и ушёл спать.

К полуночи меня разбудил… тот же Виктор. К нему приехал навестить его младший брат. Сидим и пьём привезённое им пиво, пока затянувшиеся проводы Тимохи не закончились в 2 ночи.

В среду с 6-ти утра пишу письмо своему брату. Завтракаю дома бутербродами. Виктор отправляется с гостем на экскурсию, Арнольдов остаётся в «самоволку», поясняя: «Такой сон! Не пойду на работу…».

На строительстве магазина пилю с Ильёй под дождём шифер для конька. Он сколачивает конёк, а я ищу болты для его крепления. Потом начинаем сколачивать огромную лестницу для работы на крыше и на фасаде. В это время Арик с Глазовым таскают в дом листы уже не влажной штукатурки. При этом, конечно, они легко ломаются.

На обед нас везут в старый лагерь, и я успеваю смотаться в книжную лавку, где беру «Под брезентовым небом» Т. Блок, «Московляне». Пока перекусываю, чем бог послал, Виктор набивает рюкзак постельным бельём и с шутками-прибаутками суёт его мне для обмена в прачечной на промзоне.

После работы меняю бельё, захожу в контору насчёт ссуды. Но моё заявление ещё не подписано… Дома застаю очередное застолье. Виктор давит на чувство коллективизма, сиречь закон круговой поруки, но я, ссылаясь на общественные дела, ускользаю из его «братских объятий» напрямик в нашу библиотеку. Тяну время, как могу, но, придя домой, нахожу ту же картину застолья,

усиленную «братьями» — Синаевым и Климовым, от которых улизнуть уже не удается. Выпиваю свою рюмку, чтобы отстали, и ложусь спать.

…Встал в 2 ночи — как раз все улеглись — и взялся за «В августе 44-го». Написал ещё пару писем, как вдруг в 5 утра приехал брат Маркова с начальником какой-то мехколонны. Через час все улеглись, и до подъёма мне снился сон о том, что я пишу фельетон, от которого все «братья» сначала покраснеют, потом побелеют, а затем почернеют. Желаемое, которому, увы, не суждено сбыться…

Сегодня моросит дождь. Меня, Виктора и Илью направляют на строительство сарая для тары у «Берёзки». Остановили проезжавший мимо грузовик с досками, водила которого не смог устоять напору Виктора, и десяток обрезной «тридцатки» в двадцать минут был у нашего сооружения. Тут же прибежали люди из бригады Сенякова, и давай ругаться на чём свет стоит: и за доски, и за машину. Но дело сделано. Теперь надо было найти четыре приличных бревна.

Забираем их у зазевавшихся студентов, строящих школу. Они так и стояли в полном недоумении. До обеда успеваем поставить 4 опоры и обвязать их по периметру в два уровня.

После обеда в столовой в СМП-44 ждём окончания дождя, который и не думает заканчиваться. Так и доколачиваем навес и каркас стен сарая под дождём. А на строительстве магазина закончились материалы, и Виктор заколачивает вход досками до лучших времен.

После работы захожу к Сизову, и он подписывает заявление на ссуду.

— А почему на три года? — спросил он.

— Да так. Смотря, какие заработки будут, — ответил я.

Вечером еду в райком насчёт какой-нибудь путёвки. Завсектором по культуре Камойлов звонит в область и предлагает мне ехать в Чехословакию. Я, не долго думая, соглашаюсь. Теперь нужно делать парадное фото на паспорт. Где взять смокинг или что-то подобное?

Надо ещё попасть в поликлинику, но это как-нибудь утром. Дома — чай с приблудившимся Владимиром Осиповичем и его рассказом о работе в КГБ.

Глазов обещал позвать на посиделки, но до 8 вечера не появился.

Глава 31

В редакции газеты. Очередная свадьба. «Враги народа». Жалкий лепет. Деревянные трубы. … Несовместимые с жизнью.

Утром в пятницу доехал со всеми до почты, опустил письма и на попутном КРАЗе — на зону. С Ильёй и Виктором доделываем сарай, грузим доски для пола в самосвал. Затем, раскладываем их в сарае и прибиваем на место. Виктору не нравится прибивать их целиком, во всю длину, но перебранка не получила развития, ибо Илья был заодно со мной.

На обед едем в старый лагерь, где я питаюсь консервами «Камбала в томате», чаем с халвой и сгущенкой. На промзоне добиваем оставшиеся доски и размечаем их на верхнюю обвязку. Глазов зовёт меня на склад за краской. У склада на полянке откуда-то взялся цыганский табор: на одеялах восседают пестрые бабы и заплетают друг другу косы. Мы в шутку просим их погадать, а они отмахиваются от нас, как от мух.

Грузим в машину бочку олифы, мыло, плафоны, на дороге подбираем два приличных куска битума. Выгорнов поручает разобраться в нашей свалке материала, причём Глаз сразу удаляется по нужде, и я ворочаю щиты один. На этом рабочий день и заканчивается.

Домой топаем с Глазовым мимо бани и Райпо (за подработкой), но везде нас ждёт неудача.

Заворачиваю в редакцию «Авангарда» за газетой, но нового тиража ещё нет. В комнате корреспондентов были только Инна и Коротич. На доске объявлений — графики и распоряжения перемежались смешными коллажами из заголовков газет. На одном из столов стояла поллитровая банка с окурками и бумажной наклейкой с надписью: «Кури, скотина, помрёшь от никотина!». В другой банке с наклейкой «На похороны курильщикам» виднелась мелочь и рублевая купюра… Всегда готовые переключиться с работы на приколы, женщины рады появлению «свежатинки».

— Гена, какого цвета у тебя глаза? — игриво спросила Людмила и подмигнула Инне.

— Разные, — в тон ей ответил я, силясь казаться оригинальным. — Зависит от настроения…

— И какое настроение сегодня? — подхватила Инна.

— Зелёное, — сказал я. — Лучше скажите, когда газета будет?

— Заходи вечером, когда все наши уйдут, — предложили они

улыбаясь. — Мы тебе и газету пригототвим, и закуску…

— Намёк понял, — сказал я и вышел из комнаты.

Еду на попутке в больницу на флюорографию, но рентген-кабинет был пуст. Зато нашёл палату, где лежит Миров на излечении язвы, и мы болтаем о его недавней поездке в Чехословакию.

Дома Арнольдов предлагает выпить по рюмке «Биомицина», но мне не до того: Горисов получил «книги — почтой», и мы распределяем их по комплектам. С трудом «втюхиваем» Виктору Цицерона из «Литпамятников» в нагрузку на Сухомлинского и «Науку о боли», которую я отдаю ему за Ф. Саган. Сия операция вызвала у него «бурю в стакане», ибо ему пришлось доплатить за всё три рубля.

Митяю достались тот же Цицерон, С. Ковалевская в «ЖЗЛ» и Де Рео. Здесь за кружкой «Ркацители» мечтаем с Огоньком набить морду вечно пьяному соседу мастеру Кирееву, который стал уж совсем невыносимым…

…В 9 утра бегу на рентген, но в больнице нет электричества. Выписку мне сделать нельзя, ибо с последнего просвечивания прошло больше полугода. Зато снимаюсь на загранпаспорт у молодого и наглого халтурщика. На почте отправляю друзьям «Авангард» за 19 июня со статьёй Виктора.

На ужин закупаю маринованные огурцы, хлеб, подсолнечное масло. Жарим картошку со свиными шкварками, пьем и едим всей компанией. После уборки собираемся на свадьбу Мордовкина.

…В «Тайге» народу было весьма мало, хотя столы накрыты на 100 персон. После того, как на подиуме загремел «Орфей», делать стало нечего, и я отправился в лагерь.

…Катерина зашла поделиться радостью: её отпускают на Грушинский фестиваль в Куйбышев… Странный Владимир Осипович повествует о своём знакомом — шофёре патриарха Алексия.

На следующий день утром Арнольдов высказывает своё возмущение по поводу моего бегства «по-английски» со свадьбы и называет его — «по-еврейски». Пока Виктор пишет и завтракает на кухонке, читаю, что подвернулось под руку, — «Про мышку, кота, собаку и старушку» А. Чака. В 10 часов я у Глазова пью чай и жду плёнку с записью «И. Х. — суперстар».

В нашем балке мы готовимся к приёму гостей, знакомых Владимира Осиповича. Я чищу картошку, кто-то что-то жарит. Кое-как к 16 часам что-то приготовили. Гости — два офицера-спортсмена — из милиции. Все гонцы пришли из торговых родников с пустыми руками и стали вымарщивать у меня НЗ,

о котором они догадывались в силу своего опыта. Отдаю им бутылку «бормотухи» и ухожу гулять, чтобы не видеть опостылевшую картину «разложения» личностей.

У Митяя сидим до ночи, рассуждая на любимую тему о возрождении отрядного духа, но до конкретного плана действий дело так и не доходит. Дома — вполне сносная обстановка, и после чтения А. Чака засыпаю в 3 часа ночи.

В понедельник встаю в 7:15, но всё же успеваю проглотить кусок колбасы и хлеб с маслом. На работе я с Виктором и Арик с Глазом обиваем сухой штукатуркой стены в будущем магазине. Работаем медленно со множеством разговоров, да и листы эти далеко не сухие после дождя даются с трудом: так и норовят сломаться.

Виктора отряжают на погрузку досок для обивки сарая, а я в это время забегаю в комитет для подписи заявления на поездку за границу. Секретаря Сергея не нахожу и возвращаюсь к своим. Вдруг появляется прораб и выговаривает:

— Ходите по штукатурке, враги народа!..

На что Арик реагирует резко, лезет на рожон, скандалит с прорабом.

— Кто виноват, что она мокрая? Почему оставили её на улице?! — наступает он.

Тот находит Выгорнова и требует, «чтобы завтра этого товарища в бригаде не было». Однако после скандала, выйдя на улицу и, разглядывая мокрые пачки штукатурки, проговорил:

— А ведь прав парнишка. Сгубили столько штукатурки!..

Обедаем в новой «Берёзке». Успеваю забежать в дирекцию, где Алина просит переписать мою характеристику. Рядом разгружалась машина: Иванцов привёз звуковую аппаратуру и телевизоры.

После обеда Арик не выходит на работу. Ссылаясь на болезнь глаз, собирается ехать в соколовскую поликлинику. А по-моему — «полез в бутылку». Втроём с Глазовым и Ильёй обиваем толстенными досками потолок сарая. Вдруг, в 17 часов появляется Иванцов со свитой. Оглядев сарай, командует:

— Заделать щели, перебить доску на потолке!..

Выгорнов на это реагирует наступательно:

— Не подвозят материалы и опилки, не делают отсыпку!

Сизов смешно оправдывается:

— Я сделал всё, что мог…

К вечеру сдаю Алине исправленную характеристику. С Горчаковым идём размечать волейбольную площадку. Других энтузиастов не наблюдаем.

Дома — тишина и порядок. Перед сном читаю Чака

до 10 вечера.

Во вторник **п**одъём в 2:30. В это время Владимир Осипович хлебает суп и ложится спать. Я читаю «Литературную Россию», пишу дневник до 4-х утра. На работе всё бы ничего, да с обеда новый указ: навести порядок на участке и строить деревянные трубы под дороги, отсыпаемые на территории будущего посёлка.

Солнце печёт изрядно, и сопки вдали тонут в дымке. Собираем обрезки досок, щепки, мусор в кузов грузовика. Все злятся на аврал и работают без удовольствия. Для труб готовим стволы лиственок, обрезаем по размеру. Девчонки сидят без краски: прораб не даёт. Сизов лично просит доделать трубу, начатую бригадой Авдеева. Закончили около 22-х часов, а он и говорит:

— Вообще-то можно было сделать и завтра…

До лагеря добираемся всей бригадой пешком.

…Вчерашняя возня продолжается: уборка территории, трубы, а во второй половине — обивка комнат штукатуркой.

В четверг после лёгкого перекуса бегу в поликлинику сдавать кровь на РВ, что удалось медсестре со второй попытки. На работе Выгорнов посылает на конопатку швов щитового магазина. Конопатим с Ариком верхние швы с приставных лестниц.

В обеденный перерыв покупаю что-то в магазине и ем на ходу, ибо надо было зайти в поликлинику. Врач, Лариса Петровна, устала от меня, и с облегчением выдаёт мне справку.

Должны бы с Ариком конопатить потолки, да как-то сложилось, что мы просто прикорнули около часа. Прервала нашу нирвану социологическая анкета. После её заполнения Выгорнов зовёт на какой-то семинар, а я ухожу оформлять ссуду и (о чудо!) получаю её сразу. Иду в райком на предмет дальнейшего оформления путёвки, но никого не нахожу.

У Арика пытаюсь починить магнитофон, но даже выпитое «Ркацители» не помогает. Купаемся в реке с мылом голышом и топаем на промбазу.

Наш балок уже перевезли туда так же внезапно, как и остальные. Внутри него находим разрушения, едва совместимые с жизнью. Всё, что могло упасть, упало и разбилось. Что могло пролиться, пролилось. Пришедшие из кино Виктор и «Ко» долго надсмехаются над нашим руководством, делающим всё «через задницу». Отбой в полночь.

Глава 32

Молодые бюрократы. Семинар А. Злобина. Отъезд геофизиков. Лилии для новобрачной. Приходите в гости, нас не будет.

…Подъём в 4:30, дневник и — в мольбах о дожде — завтрак. Увы, дождь едва покапал и прошёл. К 9 часам собираюсь на семинар бригадиров и комсоргов, заодно — подписывать последние бумажки на турпоездку.

На семинаре, как и ожидалось, не узнал ничего нового. После обеда в «Северянке» (МО-146) все плотники поехали в бригаду Сенякова обмениваться опытом, а я — в райком. Камойлов, не читая заявления, посылает меня за визой к Горчакову и в СМП за печатью.

На попутке еду в контору СМП, ставлю у главбуха печать на заявление. Затем — в райком, где прошу Горчакова поставить свою визу. Он пишет «Не возражаю». Появляется Камойлов, читает мою бумагу и требует переделать: «Комитет рекомендует…». Бумагу я переписываю, но Камойлов к тому времени исчезает. Проклиная крючкотворцев, добираюсь до промбазы и не сразу нахожу наш балок на новом месте.

От Леры было письмо с вопросом, почему не пишу полтора месяца. Дабы компенсировать пробел, собираю ей небольшую посылку. Затем пытаюсь найти Катерину, чтобы узнать время её отъезда в Москву. Но её нигде нет, и никто не знает, когда у неё рейс.

Виктор решает отметить отъезд брата, и мы с ним закупаем выпивки и сладостей. После привычных затяжных дебатов все укладываются. Я тоже ложусь с книгой.

В субботу утром, в 5:30, бежим с братьями на автобус в аэропорт, который приходит в 6:20. Катерины на остановке нет. Значит, её рейс — позднее. После проводов брата Виктора иду на переговоры с Лерой, дабы не волновалась.

В 8 часов встречаю Катерину у её балка. Оказывается, она ночевала где-то в Ленде. Прошу её взять в Москву посылку для Лерки. Затем, беру три упаковки книг в рюкзак и еду на почту. Ругаясь с приёмщицей, долго отсылаю книги и иду на семинар. Слушали А. Злобина и удивлялись организации труда в его бригаде. Возможно ли у нас такое? После обеда все расходятся.

Дома я дописываю письмо Лерке от 29 мая и передаю Катерине вместе с фотопленками для родителей и 5 рублей на такси. Спешу на работу, где под дождём грузим в машину тёс, после чего она вязнет в грязи и вытянуть её можно только

трактором.

В 6 вечера идём домой, где находим и брата Виктора, и Катерину, не улетевших по причине отмены рейсов. Не самый удачный день завершился ранним отбоем.

…С утра Виктор собирается на объявленный спортивный праздник играть в волейбол, что кажется мне весьма наивным. Я же еду в баню. После — хожу в поисках тихого места для написания писем. Случайно нахожу в палатке «5-й км» шампанское и бреду в «Фундамент». Оказалось, что все геофизики отбыли в столицу.

Захожу к Горисову. Он угощает чаем, читает книгу Мостафина «Солнце смеётся», а я пишу письма до 20 часов с перерывами на беседы. Проходя с промбазы в Ленду, заглянул к Коротич, но её не было дома. В старом лагере, наконец, дописываю письмо Лере и уж совсем от «нечего делать» захожу в РДК. Здесь с трудом беру билет на фильм «Зануда». Дома был весьма поздно.

Подъём в 7:50. На работу теперь ехать не надо — она рядом. Бригадир направляет меня с Боткиным обивать штукатуркой подсобку в овощном отделе будущего магазина. Вместо обеда работаю один до 13 часов с тем, чтобы попасть в «Авангард» к выпуску газеты.

Коротич даёт задание написать о досуге и быте «Ударника». Мормонов пытает нас, по каким причинам Степанов не может, как Злобин, выдавать по 150% выработки, хотя сам прекрасно знает те причины. Тем не менее, я защищаю Влада: не было у него на первой водопропускной трубе хорошей разметки, и фундамент пришлось переделывать.

На почте отправляю толстое «заказное» Лерке и — бегом на зону. Здесь все неторопко возятся со штукатуркой с зевотой и пошловатым юмором.

Дома навожу порядок, мою пол, кое-что стираю. Когда в 11 вечера Виктор пришёл с тренировки, я уже засыпал.

1 июля заканчиваем обшивать штукатуркой потолок в магазине. В обед Виктор обегает руководство — Серёгина и Чеботарёва — с воплем об отсутствии фронта работ, но все от него отмахиваются.

Столовая «Березка» закрыта. Покупаю хек, кабачковую икру, компот и обедаю дома.

На работе продолжаем со Стёпой обшивать потолок в магазине. Скидываемся по 2 рубля на день рождения Нонке. После работы заходим в почти законченное общежитие и там чествуем именинницу, переходя без паузы к разговорам на злобу дня: о плохой организации труда, об аккордных нарядах

и прочем. Расходимся уже в 18 часов.

Сегодня я еще дежурный: разбираюсь дома с бельём, мою пол, врезаю замок во входную дверь…

В среду ждали экскаватор для копки канав, куда мы должны укладывать трубы, но не дождались. Обиваем штукатуркой магазин. Прораб ходит тихо вокруг и посматривает, как мы работаем.

Обедаем в «Берёзке» и опять — на обшивку магазина. В процессе работы Виктор жалуется на Чеботарёва.

— Вы заметили, что прораб меня травит? — взывал он к нашему сочувствию. — Я ему: «Где фронт работ?», а он мне: «Почему не реагируете на замечания, не надеваете спецодежду?..».

— Вот они — работают, в чём хотят, а я не моги, — кричал он брызгая слюной, указывая на бригаду Сенякова и накинув на голое тело штормовку…

Уже в 16 часов все желающие идут в баню, затем в Райпо с целью подзаработать. Замзав Нина просит нас принести справку (о здоровье). Купаемся в реке, и я привожу домой Глазову лилии для его новобрачной.

Зарядил дождь, но приехала водовозка, и пришлось бежать за водой.

Елена (Арнольдова) дежурит сторожем. У нас ей удобнее. После смерти мамы она сама не своя, и я пытаюсь её отвлечь разговорами.

Виктор завёл с Владимиром Осиповичем диспут: «Откуда начинается плохой человек», переходящий в лекцию «О женщине на стройке Века», тянущейся до 3-х ночи.

3 июля, в 5 утра начался жуткий ливень. Крыша у нас течёт так, что ещё вчера Ленка выливала воду из боксерских перчаток, висящих на перегородке. Начальство об этом знало, но ничего не предприняло.

К 6 часам на работу, как собирались, мы не идём. Но Выгорнов пошёл, ибо нам дали, наконец, экскаватор «Беларусь». Он выкопал канаву под трубу «вовремя», — её тут же залило водой до краёв. Илья в ботфортах и бугор в сапогах, зачерпывая воду, лепят трубу прямо в воде. Нам с Глазовым доставались лёгкие матюги бригадира, когда мы не успевали подать профили — треугольники — и жерди для стенок трубы. Между делом я копаю отводной канал из котлована. Трубу тут же засыпали. Она получилась не длинной, но достаточной для проезда машин.

В обед добираюсь до центра. В Райпо жду Нину Петровну с совещания. Она выписала мне 7 рублей 68 копеек, но бухгалтер

уже ушла на обед. Я побрёл в «Берёзку» и без очереди взял второе…

В 14:30 Галя — мастер — позвала кого-нибудь к экскаватору. Мы пошли с Виктором и наблюдали до 5 вечера, как он копал канаву в поисках конца трубы.

Никто не остался после 17 часов и не услышал Галиного оклика:

— Зачем тогда вы сюда приехали?!!!

Звучало это весьма патетично, да только — как выяснилось позже — сама она уже подала заявление на увольнение.

В 19 часов, прихватив банку варенья, двинул на вахтовке в старый лагерь. В одном из балков оставил Горисова с Гошкой смаковать моё варенье с чаем, а сам пошел в экспедицию «Фундамента». Реализовав среди сотрудников несколько «Литпамятников», пригласил их на литературный четверг в «Пионер».

…В лагере обсуждаем редколлегией спецвыпуск стенгазеты. Огнев предложил для него название «Сикамбриоз», а Глазов — «Приставка». В течение творческого процесса мы выпили портвейн Горисова и разбрелись на ночлег.

…На промзоне мне, Илье и Виктору задание: засыпать опилками цоколь магазина. Делаю из фанеры лопату и таскаю опилки, на что уходит почти весь день.

На обед идём с Виктором в центр: он — в редакцию «Авангарда», я — за деньгами в Райпо. В магазине встретил Коротич, и она пригласила в гости в дом родителей вечером. Обед из колбасы и сладостей съедаю, сидя на деталях дома в будущей котельной.

Закончив с Виктором утепление завалинки, делаем из песка подобие отмостки вокруг дома. Глазов всё это время лепит стремянку из сырой лиственки.

После работы поплёлся на правый берег Ленды в «Военторг». Пришёл впопыхах к закрытию, но дежурный солдатик меня завернул «от ворот» мягко, но под взглядом двух офицеров, — непреклонно. Что ж, спешу к Коротич с одним шампанским. Дома — её мать. Она предлагает подождать Люду. Я посмотрел её книги, почитал Жуковского, посмотрел коллекцию камней (ее отец был геологом на приисках).

По ТВ передавали встречу со строителями Магистрали: совершенно нелепо выглядели наши ребята на ней.

Мать Люды звонит Мормоновым, и Ароныч сообщает: «Подруги скоро прибудут из „Военторга“! А пока приходи, выпьем». Вот те раз! Как же мы разминулись?

Прихожу к Мормонову, где он пьянствует в обществе

Володи — механика-эстета из типографии. Сначала выпиваем мою бутылку, потом — из их запасов. Разговор идёт о бригадном подряде, о Степанове. Ароныч резюмировал: мы слабаки, неактивны, как на производстве, так и в общественном плане, а бригадный подряд надо внедрять везде и всеми силами…

Домой ухожу во втором часу. На моей кровати спит Ленка (Арнольдова), а его самого нет. Ложусь на его место.

Глава 33

«Любитель Фолкнера». Страсти по начальнику. Мотоцикл. Лауреат Грушинского фестиваля. Выступление космонавта.

5 июля, суббота. Подъём в 6:30 утра. Хотел было поехать в Соколовск, где по объявлению в газете продавался мотоцикл, да обнаружил пропажу паспорта. Перерыл все вещи, газеты, книги. «С горя» заснул до 15 часов. Попил чаю, почитал. В 5 вечера отправляемся с Виктором и Гошей в старый лагерь. Ищем кого-нибудь «в живых».

Обедаем в столовой №1 («рыгаловке»), где встречаем Горисова. Идём вместе в краеведческий музей, что находится в РДК, потом — на почту. Виктор отправляет свой материал, а я спрашиваю у девушек про свой паспорт, но без результата.

Шатаемся в поисках клуба «Дружба», где идёт фильм «Мечтать и жить». Публика вылетает из зала со сморщенными лицами, поэтому мы с Гошкой идём домой.

На площадке играют в волейбол, и мы немного смотрим игру. Ася ходит по знакомым в поисках 30-ти рублей: не хватает на поездку в Сухуми для «участия» в разводе родителей.

Дома читаю «Моя бабушка» и «Битва при Угонном ручье» Фолкнера. Виктор смеётся над его «заумностью».

— Вот послушай! — предлагает он с жаром и начинает читать свой рассказ.

— Сравнил себя с Фолкнером! — смеюсь теперь я…

Когда все угомонились, пишу дневник и засыпаю в 5 утра.

В воскресенье встаю в 11 часов. Раненый Пузырь идёт на речку стираться. Я иду на почту звонить Лере, затем в столовую — поесть мяса (от сладкого уже складки на пояснице и зубы портятся).

Пока я собирался писать письмо брату, пока Виктор объяснял, что не любит Фолкнера, ибо его не понимает, а я намекал, что он ещё не дорос, время утекло, и Виктор начал приставать с мытьём пола.

— Раз Пузырь стирает на речке, — встал я в позу, — значит, вполне здоров, чтобы помыть пол.

— Пузырь не может, а ты — любитель Фолкнера — учишь людей, но не можешь пойти навстречу и помыть пол! — упёрся Виктор.

Всё же я дописываю письмо, а он вполне спокойно сам моет пол и уходит купаться на речку. В 15 часов заказываю на почте разговор с Лерой, но её нет дома.

Захожу в старый лагерь к Митяю и Горисову. Собираемся

ужинать в новой «Северянке», но она закрыта. Пошли в РДК в кино, но билетов на 19 часов не было. Берём билеты на 21 час. До начала читаю у речки книгу. Смотрим кошмарный венгерский фильм «Невинные убийцы». Около часа ночи снова звоню в Москву, но безрезультатно. В это время Виктор разговорился с Владимиром Осиповичем, который расстилался перед ним «мысью по древу». В результате Виктор понял, что он за тип и разочаровался в нём полностью.

…До 4-х утра Виктор совсем не ложился. Занимая единственный стол, он сочинял заметку про нарушения в зарплате в нашем СМП.

Я дотянул с подъёмом до 6-ти утра. Пошел на почту и поговорил с Лерой. Катерина, будучи в Москве, у неё не объявлялась, значит, ничего не передавала. Сообщил, что Маша согласилась расстаться со мной окончательно.

…В 7:30 был в поликлинике, и стоматолог по поводу моей воспалённой десны успокоил:

— Ничего страшного с десной нет, полощите…

В аптеке беру марганцовку и витамины. Заношу материал Виктора в «Авангард». На работу попадаю в 10 часов.

Таскаем доски к будущему туалету, снимаю немного строительный процесс на кинокамеру. После обеда в поисках паспорта захожу в отдел зарплаты и (о чудо!) — паспорт здесь! Радость необыкновенная, только почему-то никто из этого отдела не торопился мне об этом сообщить… Паспорт оставался здесь с момента оформления ссуды.

После перерыва маемся с Глазовым на установке плинтусов в строящемся магазине. Бригадир посылает нас оторвать провода в отделе хозтоваров и прибить на это место широкую галтель. Электрики — против. Мы ждём решения начальства.

Виктор пришёл из редакции, где вносил изменения в свою статью: крановщикам вдруг выплатили долг. Испугались?! Арик тоже получил зарплату и собирается в Москву. До конца смены обиваем цоколь на «историческом» туалете, но досок опять не хватает.

В это время наш Выгорнов с группой единоверцев едет в трест «отстаивать» Сизова, которого переместили на работу в трест. Наверняка — это повышение, и кто же от него отказывается? Ждём доски до 19 часов и расходимся по домам.

Отправляюсь в центр в поисках еды. Покупаю что-то съестное и ем на ходу. В «Пионере» смотрю концерт ансамбля «Радуга» из Ижевска.

Иду пешком на зону и распеваю песни. Духота спала, но тепло осталось. В балке — почти в полночь — появляется брат

Маркова: приехал из строительной части на сборы политсостава. Распиваем кофе, чай, а Виктор рассказывает, как однажды играл в волейбол с легендой советского бокса Борисом Лагутиным.

…В 7:40 слегка перекусываем и — на работу. Помогаю Нонке прибираться в новом доме для покраски пола. Разгружаю машину с обрезной доской. Жара, духота забирают все силы. На ходу ем голубику, растущую под ногами, но это помогает слабо.

Прошу у ребят из бригады Сенякова бензопилу, чтобы обрезать доски, но она им самим нужна.

— Почему соседи пилят и строгают бензо- и электроинструментом, а мы — вручную? — спрашиваю у Выгорнова.

— Да, мне надоело бегать за прорабом и клянчить у него инструмент… — ответил он, едва скрывая болезненное чувство собственного достоинства.

Во второй половине обиваем доской среднюю стенку и торец в туалетном «тереме». Мне что-то тяжко, голова изредка кружится. Обрезаю на крыше ножовкой все «торчки» на обрешётке, прибиваю на стену верхние ряды досок.

На досуге отчитываюсь в комитете по сбору взносов. Еду в поликлинику, но мой врач не принимает. Дома мою пол и читаю Мостафина до 23 часов.

В среду завтрак ел через силу: так болит десна. На участке ставим с Виктором и Глазовым стулья под ГПД[21], носим землю в носилках, а Виктор её трамбует. Мы с Глазовым замечаем ему:

— Трамбовка у тебя ходит не вертикально!

На что тот обижается:

— Гена, иди и трамбуй сам!

Темп работы растёт, мы все в брызгах грязи и в поту. Начался дождь, мы прячем весь инструмент в бытовку, идём под крышу и тянем время до обеда.

Отобедав, занимаемся завалинкой у магазина до 17 часов. Бежим к кассе, а она закрыта…

В редакции «Авангарда» никого не застал. Иду в магазин №3, стою в очереди за вином целый час. Дома читаю Макса Фриша, пока не приходит народ. Выпиваем с Пузырём и Виктором, который рассказывает о приключениях с геологами в прошлой жизни. Читаем на сон «Литературку».

…На работе леплю плинтус и галтель в овощном отделе магазина. В перерыве читаю Фриша. После обеда — та же работа, но уже в хозяйственном отделе. За окном «Урал» сел в марь по самый бампер. «Кировец» пытается его вытащить, но сам себе выкопал яму и барахтается в ней.

До конца дня занимаюсь плинтусом. Рванулся было в старый

лагерь, но понял, что рано. Обсуждаем с ребятами Владимира Осиповича: занял у Виктора 20 рублей и исчез. Виктор в это время делал волейбольную площадку, а дождь смывал с неё песок.

Я читаю до 21:30 и бегу в старый лагерь. На небе — вал из туч, под дождем я вымокаю, но всё же на двух попутках добираюсь до лагеря. Обсуждаем с ребятами за чаем нашу организацию работ, расходимся по домам заполночь. Перед сном в балке Горисова читаю Макса Фриша.

В пятницу проснулся в 5:50 утра, вскочил и пошёл на остановку автобуса. По расписанию автобусы не ходят, еду на зону на попутках.

На работе с дядей Колей закрываем рейкой швы на стенах в овощном отделе магазина. К 11 часам запас рейки закончился. Ту, что мы где-то стянули, у нас тоже украли. Сидим, курим. Появляется Чеботарёв, и начинается очередная «перестрелка».

Мы:

— Этого нет, того нет, денег нет…

Он:

— У вас щели не зашпаклёваны, крыльца не сделаны, наличники не прибиты…

Появляется секретарь парткома треста:

— Да, организация работ плохая, но новые объекты, наверное, им можно дать…

Прораб:

— Да, я так и собирался сделать. В понедельник будем ставить ГПД.

…После обеда захожу к Катерине. Будучи в Москве она якобы не дозвонилась ни по одному телефону. Все мои передачи выслала по почте. Кроме «спасибо», ничего не мог сказать. Глазов пилит дисковой пилой добытые мной доски на рейки и при этом сжигает мотор пилы. Я строгаю рейки электрорубанком, но вдруг заглохла ПЭСка.

В 6 вечера я кладу рубанок в сушилку общаги, но ключа от неё не нахожу. У кассы, где дают аванс, как всегда — толпа, и я ухожу домой. После ужина смотрю с Марковым игру Виктора в волейбол. По пути домой в 20:30 получаю свои 100 рублей без всякой очереди.

Дома читаю в областной Газете — о торговле в Ленде, а перед сном — М. Фриша.

В субботу подъём — в 5:10. Перекусив, иду на автобус до Нелера. Он забит до отказа. Еду к АЗС, у верхней столовой. Оттуда — в кузове ГАЗ-53 доезжаю до Соколовска. Сначала посмотрел в магазине книги. Узнал у продавщицы, где живет

Чёрный — обладатель искомого мотоцикла М-106.

Осмотр покупки был недолог. «Двигатель хороший», — почему-то подумал я, хотя его внешность ни о чём не говорила. Отдаю 300 хозяину рублей, обедаю в столовой, привязываю к багажнику вещички. Пытаюсь завести и поехать. Соседи помогают отрегулировать сцепление и газ. Еду до Стрелки еле-еле, все меня обгоняют. Покупаю в Стрелке водки, вина. Ловлю попутку, ибо ехать на мотоцикле почему-то трудно.

Через час гружу его в кузов попутного ЗИЛ-130. В Ленде были в 20:30. Отдал водиле 10 рублей. Хотел доехать до дома, а мотик не завелся. Повел его «под узцы», и на спуске к Новоленде он всё же завёлся. Занял закусь у соседей, и мы «обмыли» покупку…

В воскресенье в столовой появились студенты. Они идут на раздачу без очереди, ибо уезжают в Хородочи. Из-за этого возникает небольшой скандал… После берусь за мотик: регулирую заднюю ступицу, пытаюсь выпрямить заднюю вилку. Она оказалась сильно погнутой, видимо, от бокового удара. Ребята подходят и сочувствуют…

Виктор играет в волейбол со студентами отъезжающими в Хородочи. Я еду на мотоцикле на почту, где ждёт телеграмма от Леры. На обратном пути движок глохнет, и я с трудом завожу его. На подъезде к «Берёзке» глохнет ещё раз. Ужинаю в «Берёзке», завожу мотоцикл с разбега и проезжаю до мехколонны. Даю прокатиться Ёжику.

— Карбюратор переливает бензин, — отметил он.

Виктор рассказывает, как его водит за нос Катерина с обещанным журналом. Вдруг в 10 вечера приходит она сама и рассказывает, как завоевала 2-е место (диплом и медаль) на Грушинском фестивале. Пела песню Егорова «Друзья уходят», «Ванюшу из Тюмени» и свою песню на слова Нади Пузырёвой.

…В понедельник бугор предлагает сделать перегородку в строящемся ГПД бригады Сенякова. Боткин посылает его весьма далеко: не хватало ещё делать чужую работу! Тогда бригадир направляет нас копать ямы под «стулья» нового ГПД. Виктор и Глазов отправлены за материалами. Пока делаем разметку с Выгорновым, едим голубику до оскомины. В процессе долбления ям Боткин рассказывает про своё участие в постановке «Месс Менд» в московской театральной студии. Добытчики привезли только гвозди и присоединились к долбежке мерзлоты.

На обед еду на почту — заказать разговор с Москвой. Забегаю в «Берёзку», быстро перекусываю и — долбить ямки снова. Во время работы Виктор садится на своего «конька»: выдаёт лекцию «Выживание в экстремальных ситуациях».

После работы «рву» на попутке в Ленду, в милицию, райком,

почту, получаю письмо от Леры. Родителям посылаю перевод 150 рублей. Дома налаживаем с Ёжиком мотоцикл. Потом идём смотреть дипломный фильм студентов ВГИКа.

В нашем балке толчётся народ. Пишу ответ Лере при свече до двух ночи.

Во вторник утром света еще не было. На работе — скандал: бесполезно долбить ямки, мерзлота плывет, нет отсыпки, чтобы подвезти брёвна. Бугор записывает бригаде за два часа простой, и мы, не сходя с места, объедаемся голубикой. Илья чинит две отданные нам «Дружбы».

Подходит Сеняков и жалуется на прораба: работаем с 7 утра до 7 вечера и по субботам, зарплата — 200 рублей, а на материке с 7 утра до 5 вечера и две субботы — зарплата — 300. Какой смысл напрягаться здесь?

Тамарка материт Чоботарёва: не дает материалы на отделку магазина, так как не знает норм расхода. Я с Глазовым ошкуриваю 6 «стульев» под ГПД. Объясняю ему, что такое хороший магнитофон. Он, в свою очередь, «рисует» мой психологический «портрет».

В столовой стол был накрыт, за еду заплатили наши девчата. Забежал домой, почитал Фриша и задремал. На работе разгружаем гвозди и щиты от ГПД, ровняем щебень у ОЩ-420[22]. Вдруг Выгорнов посылает меня за вином, ибо получил премию 25 рублей. Вина во всей Ленде нет. Возвращаюсь на зону, и никого не застаю: люди разошлись куда-то.

…На перекрёстке завалился на мотоцикле на левый бок. Разодрал локоть, ушиб левое бедро…

В «Пионере» выступает космонавт Валентин Витальевич Лебедев и показывает документальный фильм о своём полёте. Перед его отъездом подходим к нему с Виктором и толкуем о «лаборатории выживания космонавтов».

По дороге домой в новый поселок Виктор мечтает о перспективах своей Системы. Дома — газеты, письма, дневник до половины второго.

Глава 34

«Малые дети». …Вытянуть не могут. Ошибка разметки. «Портос и Арамис». Вездесущий профорг. «Гараж». Невзирая на лица. Сменить бригадира?

В среду на зоне ставим «стулья», разжигаем костёр под бочкой с битумом. Греемся с Глазовым у костра, сидя к нему спиной. Не заметили, что бочка раскалилась, и битум загорелся, а за ним — и штормовка Глазова. Он быстро тушит её в ближайшей грязной луже. Появляется Виктор и обзывает нас «малыми детьми».

Обедаем в столовой за 15 минут. Катерина обещает принести вечером 6 кассет с записями песен с фестиваля.

Во второй половине дня чистим подлесок на площадке под новый туалет, а затем, — площадку для ГПД у яслей. Глазов пилит дерево, и у «Дружбы» отлетает звёздочка с цепью. Все его «поносят», а я ищу крепёжную гайку, но не нахожу. Наконец, уже в 17 часов, Илья сообщает, что её не было вовсе.

Еду на мотике в Союзпечать за газетой с заметкой Виктора «Если верить на слово». Дома пытаюсь заснуть, но Арнольдова Ленка пристаёт с тупыми разговорами. Вдруг появляется Влад с бутылкой коньяка. Только, когда она опустела, расходимся спать.

…Подъём в 4:30 утра. Какао, дневник, письмо Лере. На работе с Виктором и Боткиным гружу в ЗИЛ-131 доски, бревна, брус — всё для начала дома. Потом выгружаем всё это на разных участках. Старики ладят крыльца и карнизы.

Когда ехали к отсыпке, что вела к следующему дому, наш ЗИЛ забуксовал и провалился по самые оси. Шофёр Костя нашёл коллегу Петю, который согласился его вытащить. Спереди вытащить не смог и поехал на отсыпку, с другой стороны. Там он тоже провалился по самый бампер. Петя, матеря себя самыми последними словами, идёт за «Кировцем». Тот вытаскивает первую машину, спускается с отсыпки за второй и тоже проваливается. Виктор идёт за бульдозером к главному механику. Бульдозер вытаскивает «Кировец» и едет за вторым ЗИЛом. При развороте и он проваливается. У всех радость на душе от непобедимости природы. В ожидании развязки я дремлю у склада.

Обедаю дома свининой и морсом, читаю Фриша. После обеда пошел дождь. Мы ошкуриваем брёвна для стульев, осмаливаем их не торопясь. Глазов излагает свою теорию о строе в нашей стране…

По окончании работы еду на мотике в хозтовары за канистрой и газетами. Канистры уже закончились, зато беру баллон с вишнёвой краской для покраски мотоцикла. Местной газеты нет ни в киоске, ни в сортировке. Еду в редакцию, и Мормонов выдаёт 5 экземпляров газеты.

В клубе прошло производственное собрание. Активисты выступали с гневными речами о плохой организации труда и снабжения.

Вечером, когда я мыл пол, зашла Катерина. Она рассказывала о Грушинском фестивале, пила какао, дурачилась. Виктор ей грубовато выговаривал, но тут же простил все «обманы». Митя накричал на Виктора за грубое обращение с девушкой, «тем более, что 31-го у нее день рождения».

Когда все удалились, я взялся проявлять последние фотоплёнки.

В пятницу бугор обратился «ко всем» в моём лице:

— Почему не поставили все «стулья»?

— Так выяснилось, что разметка неправильная, — объяснил я.

— Ладно, займусь ею сам… — подумал он вслух, а мне сказал: — Ты тогда пойди на помощь дяде Васе.

Между делом фотографирую бульдозер С-100, который утонул по самую кабину на мари, когда его вытаскивал трелёвщик.

Начинаю строгать брус для крыльца, но, видя мизерный КПД, прошу дать мне электрорубанок. Бугор отсылает меня в бригаду Сенякова, но там я рубанок не нахожу и опять строгаю вручную. На обед покупаю что-то в магазине и дома за едой читаю Фриша.

…На площадке Боткин полчаса красочно пересказывает «Гибель Портоса и Арамиса». Доструживаю брус к 16 часам. Дядя Коля забирает второй брус и оструживает его сам. Я помогаю ему стелить пол на крыльце.

Через полчаса бригадир посылает нас на погрузку битума. Идём втроём без особого энтузиазма. Забрасываем в кузов самосвала 12 форм битума по 50 кг, разгружаем у 1-го ГПД. Затем, бугор предлагает полностью собрать цоколь дома. Ставим лафеты на «стулья», но положить на них тяжеленные щиты пола не можем: крановщик ушёл на ужин. Мы тоже расходимся.

Дома занимаюсь мотоциклом: чиню сигнал, регулирую сцепление. Ленка пристает: «Прокати!». Делаю с ней круг по Новоленде, и бензин кончается. Подвернулся знакомый парень на ГАЗ-53, из бака которого я слил немного бензина.

Ко мне подошёл Выгорнов и стал уговаривать пойти с ним на участок, чтобы исправить его ошибку в разметке ГПД.

— Это нужно сделать, — сказал он, — чтобы в понедельник поставить сразу 4 ГПД…

В это время Виктор позвал всех, кто был дома, на ужин с глазуньей.

— Без тебя не начнём! — строго крикнул он мне.

Накормив нас, он ушёл играть в волейбол. Пузырь пытался рассказывать мне о своем лечении в МОНИКАх. Я пропустил это мимо ушей, но хорошо услышал, что он «не собирается сдавать деньги на похороны Ленкиной матери».

…Ёжик просит мотоцикл прокатиться.

— Ни бензина, ни масла нет, — объясняю ему. — Езжай, если достанешь…

Марков спит на кровати, как всегда, в одежде. Только я собрался почитать, как явились Катерина с Алиной. Снова — чай, разговоры о смене начальства, анекдоты, смех… Гостьи уходят в час ночи. Пишу дневник и письма до трех часов.

…В субботу на работе долго толчёмся в уже готовом здании магазина. Бугор как-то мнётся. Наконец, идём на ГПД у склада. Вчерашняя разметка, сделанная им мокрой верёвочкой, никуда не годится. Выкапываем 5 столбов, третий раз рядом долбим ямки. Камни, взятые с отсыпки, укладываем в жижу вокруг «стульев» и трамбуем.

Обедаю дома. Хотел вздремнуть, но зашла на чай Катерина, и завела разговоры. Пожаловалась на Виктора, с которым ей «некогда ходить по тайге», а он требует…

На работе долбим оставшиеся 3 ямы. Появляется Иванцов и советует сразу же ставить в них столбы. А то мы не видим, что ямы быстро оплывают.

После работы собираю материал для ящика, чтобы ставить в него мотоцикл. Дома был в 7 вечера. Поел и заснул. В час ночи являются Лёня с Жеком со свадьбы Гвоздева. Съедаем курицу и в 2 часа устраиваем проводы Лёни в Храбровск «за Женьшенем».

На следующий день взял у Ильи 0,5 л масла, сделал смесь для мотика и подвез Пузыря на болото за ягодами. При этом повредил на ухабах трансмиссию и крыло. Приехав домой, починил поломки, взялся строить «гараж».

В 17 часов появляется Икорников и просит подвезти к энергопоезду, но я бросить свою «стройку» уже не могу. Работал даже в темноте, но ящик так и не доделал.

…В балок зашёл Огонёк и признался, что самовольно взял краску, купленную мною для мотика. Играет на гитаре и изливает душу Виктору, а потом пристаёт к нему «занудно»: «…а с какой скоростью ты ходишь, а сколько дней проживёшь без еды, а почему не отмораживаешь ничего, погружаясь в прорубь?».

Виктор целый день играл 8 партий в волейбол и занял 3-е место, 1-е — команда Влада, 2-е — студенты. После чая я ложусь на аутотренинг, а в 1:10 пишу дневник и письмо Лере.

…Столовка закрыта санэпидемстанцией на неопределенный срок. Питаемся дома кое-как. Сидим у бытовки, курим. Выгорнов идёт на работу с женой.

— Бугор ничего с вами не согласовывал? — спрашивает Виктор у стариков.

— Нет, — прозвучал ответ.

Все негодуют: и так женщин в бригаде хватает, за всех не отработаешь! Но на претензии бугор лишь извинился, и на этом негодование закончилось.

Виктор, Глазов, Боткин и я устанавливаем оставшиеся столбики. Вырубаем, выпиливаем не убранные внутри цоколя пни.

За работой идут разговоры: я рассказываю свою историю с Харизматовым, с книгами и Штабом. Сашка Глазов поведал, как он пристал на свадьбе Гвоздева к Серёгину (присутствие руководства и космонавта В. В. Лебедева его не смущало) и выложил всё, что он думает об организации труда у нас. Все смеются над его непосредственностью.

До обеда начали копать ямы для ГПД на улице Берёзки. Под дёрном — крупные валуны, суглинки, сухой грунт.

В 11 часов Виктор забеспокоился об обеде. В полдень автобуса на промзоне не было. Еду с Боткиным в город на попутке. В столовой — битком.

Покупаем в магазине лимонад, печенье, конфеты и съедаем всё на берегу Ленды. На работу подвозит вахтовка со студентами. Опять копаем ямы, пилим брёвна, Глазов возится с битумом. После работы иду к Алине за б/у копировальной бумагой.

— Зайди завтра, — советует она. — В Управлении такой — сколько хочешь…

Подвез Митяя от энергопоезда до дома, и движок мотоцикла почему-то перегрелся. В клубе смотрим фильм «Клементина».

До 22-х часов достраиваю «гараж». Дома, за чаем, Боткин изливает душу про службу в армии до 2 часов ночи. В «Правде» читаю небольшую статью о бардаке на строительстве жилья в Ленде.

…На верхнем ГПД работа идёт вяло. Приходит Тамарка, и до 10 часов мы говорим с ней о смене бригадира. Решили сделать собрание и всем выступить.

После обеда начали собрание. Долго «ходили» вокруг да около. Выгорнов парировал все удары. Наконец, заговорили о смене бригадира. Боткин выдвигал кандидатуру Виктора, тот —

Боткина. Так посудачили, но ничего конкретно не решили. Тогда Виктор стал спрашивать поименно. Дядя Коля выступил философски:

— Заменить бригадира мы можем, но будет ли лучше? Так или не так? Надо сделать так, чтобы при прежнем бригадире был порядок. Давайте установим срок, пусть бугор покажет себя…

Выгорнов резюмировал:

— Я понял, что основная претензия — это разобщённость и редкие сборы… Могу сразу показать план на этот и на следующий месяц: сначала строим магазин и 4 ГПД, потом — щитовой дом и 8 ГПД.

На том мы, довольные собой, ушли обедать в 14:40.

После перекуса взялись за работу серьёзно. Глазов мажет битумом столбы, приговаривая: «Посижу, покрашу». Несмотря на все усилия, сделать успеваем мало. Виктор возмущён пассивностью и земляков, и комсомольцев. Тем не менее, посылаем Глазова за водкой на всю премию. К 17 часам он возвращается ни с чем. Бросаем работу, хотя могли и продолжать, и идём по своим делам.

Виктор встречается с Серёгиным, и тот обясняет:

— Как уеду куда-нибудь, всё сразу разваливается. Но завтра столовая будет работать.

Арнольдов запирается дома с Ленкой, и нам ничего не остаётся, как идти в клуб на азербайджанский фильм. Отбой в 23:50.

Глава 35

Финляндия. Свадьба удалась. Мастер на разгрузке. Невозможность перемен. Ответ в газете. Театр «Современник». Ведро браги. Бодлер.

Зайдя к нам утром, Ленка принялась плакаться Арнольдову.

— Не хочу быть ни секретарем, ни сторожем, — говорила она сердито. — Хочу — в бригаду.

— Глупая, не видишь, что везде бардак, — пытался остудить её порыв Виталик.

…В 7 часов идём строить ГПД. Боткин сегодня звеньевой, — отдаёт распоряжения. Это не мешает Арнольдову рассказывать про Финляндию ещё раз: низкие цены, голый мужик на улице, общая баня, шикарная жратва, флирты, Анка на даче…

После обеда Боткин ищет бензин для «Дружбы», мы едим голубику, смотрим, как вытаскивают из мари бульдозер. Крана нет, и работа стоит. Глазов сидит у бочки с битумом в полной прострации. На наши подколы сначала отмалчивается, потом отвечает:

— Что-то скучно. В женатой жизни одна отрада — поспать…

…Заканчиваем в 16:30. Дома мою пол, подкачиваю заднее колесо у мотика, еду на почту. Дома читаю и, пока все были в кино, пишу письма.

…С утра Виктор, как всегда, нервничает, беспокоится за всех. Я иду в столовку последним, когда все уже возвращались оттуда.

Бугор направляет наше звено ставить столбы на верхний ГПД. Начинаем, как всегда, без энтузиазма, с поеданием ягод, с разговорами о прелестях половой жизни в семье. Виктор говорит, что учится на наших ошибках.

— Главное в невесте — хорошие родители и воспитание… — резюмирует он.

— Что, по-моему, одно и то же, — уточняю я. — Хорошие родители — хорошие воспитатели…

Обедаем все вместе, но Виктора зовут к 13 часам в автобазу, чтобы привезти из Аносова мел.

В обед еду в типографию и застаю там Шестова — редактора «Магистрали».

— Как дела? — спрашивает он.

— Работаем, ко всему привыкаем… — отвечаю бодро.

…На работе — очередное «совещание» на тему: «Кому чего не хватает?..».

— Почему ваше звено так мало сделало? — спрашивает Выгорнов.

— Разве не знаешь? Нас же отрывали на погрузку-выгрузку… — ответил Виктор.

Идём на нижний ГПД. Дотрамбовываем засыпку стульев, растаскиваем лафеты.

— Как медленно у вас все движется! — ворчит бригадир и тут же дает задание: — Бросайте свои лафеты и делайте выше разметку для ГПД.

— Ну, чего пристал? — отмахивается Виктор. — Вот сделаем одно, потом — другое…

— Тогда ошкуривайте лафеты!

К 17:40 все лафеты ошкурили, положили на «стулья» и понесли инструменты в бытовку.

— Почему не скрепили обвязку скобами? — опять спросил бугор.

— Дык, стулья разные по высоте, надо обрезать…

…От Лерки телеграмма: «Писем не будет, пока не ответишь на предыдущее». Еду в редакцию по просьбе Виктора. Говорю с Коротич и Инной о публикации его опуса. Отдаю им прочитанную книгу Э. Мостафина. Покупаю булки, сахар и — к Глазову. Поужинал с ним и его друзьями.

Дома Виктор с Огневым договариваются о пешем походе на Кудыкту. После ухода Огонька, когда я уже засыпал, пьяный Пузырь обратился к Виктору:

— Если Огонёк ещё раз появится у нас в вагончике, то кормить его будешь сам.

Я очнулся от дикого крика Виктора.

— Ах, ты, скотина!!! — сотрясал он вагончик. — Что твоего мы съели?

Дрожа всем телом, он хватает Пузыря и швыряет его на кровать.

— До чего же ты мне надоел, пьяная скотина! — продолжал кричать Виктор.

На кухне он достал всё из шкафчика.

— Это всё твое? Я сам всё купил! Что твоего мы съели?

— А салат? — спросил сердито Пузырь.

— Ну, до чего ж ты мелочный, тварь! — резюмировал Виктор.

После такой сцены я спать не мог.

…Еду в СМП-73, освещая дорогу фонариком. У здания суда встречаю мотоцикл ГАИ. Делаю вид, что чиню движок. В прессцентре показываю Гарику свои фото, а он рассказывает о поездке в Усть-Кюнжу с риском для жизни по горной дороге. Заходят Олег Кожин и Тоня Авдеева из амурской газеты. Говорим долго, всё об организации работ. Расходимся в половине второго ночи.

Дома маюсь животом. Пишу письма до 3:30.

В пятницу с утра шел мелкий дождь.

На нижнем ГПД начинаю крепить скобами лафеты.

— Опять выпендриваешься? — поддевает меня Арнольдов. — Обязательно надо работать в дождь?

К его радости, бугор находит нам работу в строящемся магазине. Делаем стеллажи, подтоварные решетки.

Обедаем дома с Арнольдовым, и он пристает ко мне с вопросами о жене, любовнице и так далее в том же духе. Зашёл промокший до нитки Вова Райлин и напомнил, чтобы я взял с собой общие деньги, ибо Боткин едет в Ленду за водкой.

После обеда помогаю Витале собирать стеллаж, а потом с Боткиным иду скобить обвязку на нижний ГПД. «Стулья» с трудом подгоняем по высоте под лафеты. Хотя и заканчиваем в 16:30, делать колья и разметку на соседнем ГПД Боткин отказывается.

Вечером получаю аванс и иду помогать в организации свадьбы Никишиной. Невеста с женихом просят, чтобы приходил завтра утром. Дома появляется Марков с бутылкой водки. Коллектив выпивает за его возвращение из отпуска.

Затем пришла Катерина, рассказала, что Люда не хотела вообще никакой свадьбы, да народ настоял… Я достал свою бутылку водки, и мы начали её осваивать. Из Аносово вернулся Виктор и напоказ взялся протирать пол. В довершение своего ревнивого протеста даже от водки отказался…

В субботу с 8 до 9:30 — газеты и «Назову себя Гантенбайн» Макса Фриша. В 11:30 — столовая, где завтракают все наши. Бригада сегодня работает, а я — в отгуле, на свадьбе. Виктор опять моет пол, но с Пузырём не разговаривает. Серёгин предложил Виктору стать мастером на разгрузке, и он обещал подумать.

В читалке сочиняю письма, а вечером покупаю цветы и — на свадьбу, в клуб.

Здесь — огромная толпа. После третьего тоста — в отсутсвие тамады — начинается сумбур и бедлам. Курченко неприлично обижает Катерину, и мы с ней, пригласив с собой Гарика, уходим в общагу. Выслушав сетования Катерины, возвращаемся в клуб, где царит скука и шум, а Огонёк валяется в отрубе. Словом, свадьба удалась.

…Проснулся в 9 утра, но подняться смог лишь в 10. Виктор уходит на ж.д. станцию. Я — на почту, за посылкой от Лерки. Дома, за обедом, впятером пьём «Вермут» с солёным миндалём. Вяло обсуждаем с Митяем возможность смены руководства СМП.

После ужина разбираю мотик и отмываю его. Виктор

советуется с нами о его переводе на работу мастером по снабжению.

— Что я буду делать в бригаде, если Виктор уйдёт? — вставил своё Арнольдов.

…В полночь заходит слегка поддатый Выгорнов. Отработав сегодня со стариками, нам изливает душу: все он видит, понимает, болеет за дело, но ничего изменить нельзя. Поэтому собирается подать заявление на увольнение…

В понедельник, в 6 утра, меня будит Гавриил Бадаян — муж моей одноклассницы Клары (!). Приехал как врач, сопровождающий детскую сборную по гимнастике на областные соревнования. Достаёт бутылку коньяка и рассказывает, с каким трудом нашёл меня. Угощаем ребят, съедаем тушёнку Пузыря. Отпрашиваюсь у Выгорнова на полдня. Завтракаю с гостем в столовой, смотрим наш посёлок, а потом и Ленду: магазины, аптека, ДК «Пионер»… Выпиваем по стакану томатного сока и прощаемся у АЗС. Он едет дальше, в Олотинку, я — восстанавливать съеденные припасы.

…На одном из собранных ГПД Арнольдов конопатит окна снаружи, я начинаю строгать полы. Вдруг бугор направляет меня в помощь дяде Коле в подсобку овощного магазина, а затем, в подсобку хозтоваров. После 17-ти остаюсь отрабатывать первую половину рабочего дня: строгаю полы. Домой идём с бугром: он на партсобрание, я — к мотоциклу.

Вечером — разборка свадьбы с участием Катерины.

— А ты разве не помнишь, что не тебя, а ты обматерила новобрачных? — спросил её Арнольдов.

— Да ты что! — воскликнула она. — Какой ужас!.. И как мне теперь себя вести?

— Держи голову выше, будто невиновна, — подсказал я, — а если опустишь глазки, да ещё с грустной миной, так и покажется, что виновна в чём-нибудь.

…Брат Гарика считает, что Слава жить с Людой не будет, она «ужасный, лживый человек». Откуда такая убеждённость никто уточнять не стал.

Виктор приходит с собрания удручённый. Выясняется, что Серёгин обещал всё построить, а его тыкают носом: а вот это не сделали, то не доделали… Он отбрыкивался, мол, нет ни материалов, ни энергии, ни постоянного жилья. Иванцов предложил выгнать из партии тех, кто не справится за указанный срок.

Виктор собирается в командировку в Чинту по делам снабжения СМП. Арнольдов ждёт, когда его переведут в стропальщики. Отбой в 1:30.

…В столовку опаздываю, не бреюсь третий день. Задание: привернуть ручки к дверям и окнам, перебить рейку на входных дверях, оттащить козлы и подмости от дома, чтобы можно было сделать отсыпку.

В обед иду домой с намерением вздремнуть. Увы, Виктор читает вслух свою заметку в районной газете о спортивном празднике треста и требует дать оценку. Заходит Глазов просит Виктора заказать в Чинте такелажные приспособления. Жалуется, что бугор написал на него докладную записку за прогул, за поломку краскопульта и циркулярки… Сам злится и заводит Виктора. Выпиваю молоко и иду на работу.

До 5 вечера всё сделал, запер дверь — и домой. Виктор зовёт в «Берёзку» и рассказывает, что на его статью в «районке» ответил Иванцов.

После ужина разбираем с Пузырём мотик до 21 часа. Поняли, что заднюю погнутую вилку вхолодную не выправить, требуется газосварка.

…Мимо балка проходила Катерина и выделила мне из своего букета несколько цветков (ходила с Верой Спириной на прижим за 5 км). Виктор отчитал меня за плохое дежурство по снабжению нашего дома едой.

Арнольдов жалуется на «зажим» бригадира: за день сделал 7 «стульев» для цоколя, а тот поставил ему в табель 6 часов!

…Теперь я ставлю шпингалеты на окна. Арнольдов с Райлиным строят цоколь ГПД. Бугор отчитывает девчонок за опоздание на работу на 5 мин. Через некоторое время возвращается к ним и продолжает накачивать: мало работаете!

На обед еду в город: по магазинам и в прачечную. На обратном пути встречаю Катерину. Она должна ложиться в больницу, а я собираюсь в «Пионер» на встречу с театром «Современник».

На работе Бугор сообщает девчатам, что вчера они заработали 11 рублей в день на четверых, то есть, аккорд не выполнили. Я чиню им краскопульт. Тамарка с Кирильевой считают сами, и у них получилось 26 рублей. Тогда Тамарка обратилась к бугру:

— Я слышала, ты хочешь нас выгнать? Ничего не выйдет!

— Нет выйдет! — сказал Выгорнов, и начался скандал.

До 17 часов я мучаюсь с кривыми рамами.

Ужинаю дома. Виктор идёт на совет общежития. Пол помыть не успеваю и иду с Огоньком в «Пионер». Давали «20 минут с ангелом» и «Случай с метранпажем». Я рыдал от восторга и отбил ладони. Играл сам Табаков и Неёлова.

Дома выделяем Мите половинку батона; у них дома днюет

и ночует Авдеева. Виктор сортирует газеты. Я засыпаю в 1:30 ночи.

С утра обиваем сухой штукатуркой потолок в коридоре школы. До обеда сделали половину работы. После обеда закончили весь потолок, и бугор нас похвалил.

Вечером Боткин приносит ведро браги и конфеты. Сидя в ГПД отмечаем его 23-х летие. После 3—4-х стаканов идём в столовку закусывать.

Позже захожу к Катерине и дарю ей лишний экземпляр Бодлера. Она не в восторге, видно, не поняла, что это за книга. В 23-м часу мы — в прессцентре. Гарик декламирует Маяковского, Есенина, Малькова, и ещё кого-то. Я рассказываю о прочитанном. Во втором часу ночи расходимся. Остаюсь ночевать в старом лагере.

Глава 36

Роль судьи. Комната Митяя. Раздвоение мыслей. Обещание начальника. Сплочение коллектива. Тетрадь Потапова. Добро на поездку. Отъезд в отпуск.

1 августа обиваем сухой штукатуркой стены в школе. Работа не клеится: нет темпа. После обеда стены закончили. Таскаем листы штукатурки в школу, с Вовой строгаем рамы.

Бригадир сообщает, что закладка дома «самостроя» (для семейных) неправильная. Боткин психует и бежит к Иванцову выяснять подобности, но ответа не получает…

Нонка с обеда не работает. Бугор делится со мной планами об исключении девчонок из бригады, что ставит меня в тупик. Выходит, я должен стать судьёй, а в результате — врагом той или иной половины бригады.

…В конце работы в бригаду Сенякова приходят люди из треста и шумно разбираются с зарплатой.

Я пишу в прорабской заявление на отпуск. Бугор читает рассчёты по нарядам. Девчонкам вышло по 3—4 рубля в день. Мне за месяц — 139 рублей прямого заработка, то есть меньше семи рублей в день. Чеботарёв подписывает заявление, и я иду в кадры. Стою с заявлением рядом с Алиной, но она меня долго «не видит» в упор.

После работы заходим с Вовой ко мне за рюкзаком — он собирается в «поход», в колхоз «Зорька». После ужина читаю газеты. В 19 часов иду в школу, где работают сварщики. Греем горелкой раму мотоцикла и пытаемся её выпрямить. Успехов маловато, зато я схватился рукой за раскаленную вилку. Обхожу 61 и 70-й вагоны, где живут медики, но никого не нахожу.

Пассия Огонька даёт мне бинт с подсолнечным маслом. Дома страдаю от боли, но в 9 вечера засыпаю.

В субботу встал в 9-м часу. Воды в баке нет, электричества нет. Кое-как поел и опять — за ремонт мотика. Ошкурил бензобак, «выправил» раму и заднюю вилку. После обеда подался в город. Купил запчасти, краску, сахар для браги. На почте — письмо от Леры.

Встретил Мошкина, поговорили о зарплате. У них вышло по 6 рублей с копейками. В балке — Тимоха, прибывший из Ларги с приятелем. Начинаю красить переднюю вилку, крыло, раму мотоцикла. В столовой идёт очередная свадьба, и мы остаёмся без ужина.

Митя к приезду жены получил комнату. Тащим ему остатки пиломатериалов, воду. Он ровняет площадку перед домом. Дует

ветер, и я с трудом докрашиваю мотик. В балке — пьянка, и я ухожу к Катерине. Говорим о Кудыкте, слушаем пластинку Бичевской. Заходят: Саша из ВГИКа, Вера Францева из театральной студии, Ада из Одессы и уводят Катерину с собой.

Дома градус выпитого крепчает. Тимоха выбрасывает значок из коллекции Боткина в окно, но на скандал сил ни у кого уже не было. … В полночь ограбили наш магазин…

В воскресенье занялся покраской бензобака, регулировкой спиц.

В 15 часов приходит Катерина с Сашей, приглашают на фильм «Премия». К 16:30 я всё убрал, перекусил, побрился и пошёл догонять ребят. Догнал их на подъёме к энергопоезду. Идём прогулочным шагом, вальяжно. … От кассы только что отошли Леоновы из «Фундамента». Мы — в шоке: на 17 часов билеты проданы. Я жду и надеюсь на что-то. Кассирша продает 2 билета своей подруге. Я её стыжу и получаю, как «затычку», два билета по 25 копеек.

Меня, Катерину и ребят фильм потряс, Леоновы зевают: ну и скукотища!

В «Пионере» должен был пройти 2-й тур конкурса агитбригад. Однако в 19:30 в ДК — никого, кроме агитбригады МАИ нет. На промбазе — тоже. Иду под дождем домой, мокрый насквозь.

Дома — Горисов, приехавший с экскурсии в Стоворотино, и голодный Степанов. В поисках еды заходим к Икорниковым. Они кормят нас и слушают мой рассказ о фильме «Премия». Расходимся за полночь.

…Бугор с Боткиным собираются в Стоворотино за минватой. Илья — чинтинец — остаётся за старшего. Собрались обивать швы рейкой, а её нет. Илья с Вовой идут за рейкой на пилораму. Мы таскаем листы штукатурки в школу, лепим их на стены. Энтузиазма не ощущается, ибо в доме нет крыши, пола, потолка — полный «неуют».

Тамарка приходит из ОТиЗа и сообщает, что наряды закрыты не верно. Сейчас их пересчитывают. А если бы они не обратились, всё прошло бы и так. Я в двойственном положении: согласен и с резонами бугра, и с протестом Тамарки.

Продолжаем обивать с Райлиным стены в школе. После обеда собираемся строгать доски для пола в будущем магазине.

Я с Вовой и «новеньким» делаем веники из кустов и метём пол. Пришли будущие обитатели магазина, посмотрели, замечаний не сделали. Несмотря на расстройство желудка, после работы по настоянию друзей еду в город за дрожжами.

Моё заявление на отпуск в «кадрах» не прошло. Дома у нас собрались Марков, привыкший к «светскому обществу», Лёня

и Степанов в ожидании машины на Кудыкту.

До 11 вечера у Горисова пьём сухое вино, едим помидоры, обсуждаем «Премию». Дома набрасываю статью об этом фильме. Уснул после 3-х часов ночи.

…Во вторник у школы нас встречают мастера Гриша и Саша.

— Быстрее все на работу! Уже 9-й час! — торопят они.

Но не успел я прибить одну рейку, как бугор позвал меня на склад за оргалитом. Ждём у склада машину до 9 часов. Затем идём обратно, разгружаем оргалит. В темпе обиваю швы рейкой в учительской. Задерживаюсь до 12:15, поэтому в город не иду.

В буфете беру печенье и иду домой. Встречаю новобрачную Никишину, и она обещает заварить заднюю вилку мотика. Провожаю ее в 3-й вагончик, где все «спят». Саша из ВГИКа сидит голый, прикрывшись одеялом, Катерина — под одеялом. Спрашиваю у Саши про авторов «Премии», и он даёт полную информацию.

В школе очередное собрание. Выгорнов предлагает вернуться к старой системе расчёта нарядов, ибо сейчас все теряют в среднем по 20 рублей. Дядя Коля обвиняет Тамарку в обмане. Та обороняется и считает, что расчёт по разрядам более законный. Бугор спрашивает, кто хочет работать с Тамарой? Девки вяло отвечают отказом. Тогда он предлагает ей уйти.

Нулевой цикл «самостроя» отдают студентам под общежитие. Боткин и чинтинцы идут к начальству. Падикин обещает отсыпать другую площадку под их дом завтра же. Это уже второй случай обмана.

С Ильей бьём рейку на потолке и шьём штукатурку в классах. Старики обшивают оргалитом коридор. Заканчиваем в 17:30, но все остаются, решив выпить «для сплочения коллектива». Меня посылают в город за выпивкой. Еду и при этом забываю про ремонт мотоцикла. Беру 15 бутылок «Вермута» и возвращаюсь на попутке…

Уже в сумерки читал Горисову начало своего опуса о «Премии», и он его одобрил. Выкупаю у него Межелайтиса и Кронина с нагрузкой — всего на 7 рублей. В 2 часа ночи продолжаю писать заметку о фильме.

…Возле школы мастера стали выпрашивать у бригадира 3-х человек на уборку территории. Я успел прибить лишь одну рейку к потолку. Идём с Вовой к площадке Сенякова и грузим в прицеп с крановым Мишей 20 щитов для дома. Потом нас посылают на разгрузку ЖБ плит у будущих яслей.

В перерыве беру дома блокнот и топаю через сопку в редакцию. Выспрашиваю Коротич о её рейде в СМП-44. Говорит, что чуть не поседела там от ужаса, как они работают!..

Переписать набело «рецензию» на фильм не успеваю. К тому же Мормонов рассудил, что, как Потапов (Леонов) в фильме, бороться с бардаком на стройке мы не можем, и такой тетради, куда он записывал все простои и потери мателиалов, у нас нет.

Бегу к школе, и Чеботарёв направляет нас обивать штукатуркой потолок. В 6 вечера пришёл трейлер с доской. Разгружаем его вместе с бригадой Сенякова.

В 19:30 идём в магазин за закуской, дабы отметить аванс. Выпиваю два стакана вина и ложусь спать. Но в 20:30 меня поднимает Арнольдов и тащит в кино на тот же фильм. После просмотра несу Икорниковым книги и читаю им свою рецензию. Обсуждаем картину до 1:30 ночи…

…С 8:10 бьём с Вовой рейки на швы на стенах в школе, болтаем о его приключениях в Замитинске.

Дяде Коле дали балок, но пока его жена ходила в посёлок, пришёл начальник ЖКО и выдрал из балка две форточки якобы с разрешения Иванцова. Дядя Коля — к нему, но тот открестился. Он — к Серёгину, и тот признался, что это — его распоряжение. Оказывается, они хотели сделать ремонт балка. Чинтинец — к Падикину. Тот всех собрал и «накачал».

После ужина на меня напала жуткая апатия. Я еле шевелился. Однако, пошел на работу и пришивал рейку до 8 вечера. У всех бригад наблюдается отставание от графика…

В 22:30 выходим с Горисовым в прессцентр. Навстречу — Катерина. Говорит, что там скучно. Но мы мужественно высиживаем до конца заседания и принимаем решение: работать в Комсомольском прожекторе Штаба ЦК. Отбой в 2 часа ночи.

В пятницу я с утра пребывал в полусонном состоянии, дремал буквально на ходу. На улице жара. Лепим в той же школе плинтусы. Я пытаюсь стащить у сеняковцев три обрезка плинтуса, но на меня налетают сразу три человека. Я стою у окна, за которым работала Нонка.

— Мы специально ездили на станцию воровать столярку, а вы несознательные, воруете у нас! — стыдит меня один парень.

Нонка прижимает парня к себе.

— Всего три коротких штучки! — шепчет она ему на ухо, и он уступает…

«Самострой» восстановили в правах, но ни отсыпки, ни деталей дома нет. В обед иду в город по магазинам и в горком. 3-й секретарь Камойлов дал добро на поездку в Чехословакию на 12-е число. В кадрах был в 12:50. Серёгин объяснил, что все на обеде. То есть ждать бесполезно. Но после обеда пошла работа и закончилась только в 21:30.

Захожу к Горисову рассчитаться за книги и под «Каберне» поболтать о моей поездке в Чехословакию. Отбой в 3 часа ночи.

…На школе продолжаем колотить с Вовой плинтус, рейку, а в 10 часов нас забирают на уборку территории. Однако с уборки мы удираем на завтрак.

После столовки продолжаем «лепить» плинтус, таскаем фанеру, обсуждаем прошедшее собрание бригадиров. Нам дают практикантов из ГПТУ, но не дают возможности строить жильё для себя. В спешке наступил на гвоздь и, проколов подошву кеда, ковыляю.

В 16 часов идём в столовую, где по талонам продают вино и водку. Дома Арнольдов предлагает выпить, но я ухожу в Ленду.

На почте — посылка из Академкниги: Аббат Прево и две нагрузки. В бане — парилка с квасом. Захожу к Коротич, чтобы подарить книгу Ф. Саган. Пьём с ней сухое вино на её «дачке» - огороде во дворе, болтаем о книгах, системе Виктора и прочем. В 10 вечера она провожает меня в наш посёлок.

Дома — бардак, все пьяные. Пишу дневник до 1:30.

В воскресенье 10-го встаю в 10 утра. На столе — «Вермут», «Рислинг». У столовой Выгорнов «дует» вино из горла. Водку, слава богу, уже не продают.

Сплю с 12 до 15 часов. На почте шлю телеграмму-поздравление Лере с днём рождения. Ковыляю к Глазовым, но они не открывают. Дома разбираю книги, смотрю адрес Валерии в записной гнижке, но он не тот, куда я послал телеграмму.

После обеда иду на почту исправлять ошибку, затем, — к Глазовым. У них опять заперто. Но лишь я собрался уйти, дверь открылась… Оказывается — прячутся от гостей. За бокалом сухого обсуждаем проблемы насущные. Они уходят в кино, а я — к Горисову. Отдаю ему книги Ф. Саган и Мостафина, беру в долг «Занимательную библию» для Боткина.

…В балке Катерины, у ее ног, возлежал Сущевин, тут же был Гошка, мать Алины. Сама Алина металась из комнаты в машину и обратно. Сущевин грубо заигрывал с ней, панибратствовал со всеми. Я шаркаю ножкой и удаляюсь.

Млею у Митяя в семейной обстановке. Сам он едва отошёл от похмелья. С часу ночи до 2-х — чаи, бумаги, укладка рюкзака для поездки в отпуск. Сон в 4 часа утра.

В понедельник проснулся в 6 утра, а встал в 8. На админплощадке встретил Гошку. «Старики» из его бывшей бригады сегодня бастуют: зарплата 208 рублей, а ребята из пополнения отряда ушли на работу. Я удивился по поводу отсутствия единогласия. Видно, это произошло из-за того, что

новички зарплату ещё не получали…

…Встретил Падикина по его же просьбе, пораньше, но теперь он отсылает меня на вечер. Что ж, придётся делать доверенность на получение аванса Горисову. Зашёл в бригаду и попросил бугра выписать мне аванс 100 рублей. У Боткина зарплата 380 рублей, а ждал — 420, поэтому тоже не доволен.

Алины нет на месте. Она появляется с Серёгиным в 11:30, «цыкая зубом». Наредкость добрая — она подписывает мою доверенность, и я несу её Горисову. На попутке — до почты, а там сразу попадаю на Агданский автобус до Б. Нелера. На станции беру билет на 84 поезд до Делогорска. До отправления было время, и я прошёлся по магазинам и в столовую. У платформы стояли выгруженные из товарного вагона две «ЯВЫ-спорт» — красавцы. В магазине видел цену — 900 рублей.

Глава 37

Встреча с группой. Пересадка на самолет. Подруга Варя. В гостях у писателя. Я — дома. Расставание навсегда.

Подъём в 6 утра, читаю лежа на полке до 8. Сегодня, 12 августа, осознал, что начинается отпуск: еду в Чехословакию через Благинск и Москву. В Делогорске взял билет на 11:50 в Благинск, сдал вещи в камеру и пошёл гулять. В 10 часов в книжном магазине увидел книги В. Солоухина, Приставкина, Мостафина. В 12:20 уже в поезде читаю Прево.

На вокзале Благинска камеру хранения не нахожу и со всем барахлом добираюсь до Дома Молодежи, но там никого нет. В Обкоме комсомола плачу 110 рублей за путёвку.

На почте даю телеграммы: Кубареву в «Комсомолец Заозерья» и Варе Колибе — знакомой по турпоходам. Еду к Дому Молодёжи за попутчицей из Ленды. С 20 до 21:30 сидим с ней в «Багульнике», затыкаем киношные колонки, стоящие вплотную к столику, и танцуем.

В 10 вечера в зале ожидания вокзала никого не было. Весь народ стоял у поезда Благинск-Москва. Руководитель группы Витя выходит с приятелем и бутылкой из вагона. После отъезда и устройства в купе Коля из местного совхоза достаёт водку, я — «Рислинг», и мы мило сидим, пока не падаем в постели под мерный стук колес.

Утром пью молоко, а девочки в последнем купе угощают завтраком: «Ешьте, не стесняйтесь!». Я, в основном, читаю, выхожу на остановках размяться. На станции «Ерофей Павлович» все сбрасываются по 10 рублей на сувениры. Читаю до 21:30. Буфет закрыт, желудок плох. Старшой проводит совещание в коридоре вагона.

…С утра жду Чинту. Все ушли в вагон-ресторан, я довольствуюсь чаем. Дочитываю Прево.

В 15:10 попрощался с группой и вышел в Чинте. Направился было к дому Виктора, но сперва завернул в редакцию к Кубареву.

Жду 20—30 минут, Владимир появляется, как обычно, озабоченный.

— Хочу билет на самолет, — обращаюсь к нему…

Едем с ним в аэропорт. Он выходит у Дома Авиаторов, где проходит конкурс стюардесс. В 18:30 Катя из касс аэропорта всё устраивает. Со Светой — старшим кассиром — и Кубаревым пьём шампанское, и я бегу на посадку.

Рейс задерживают на 30 минут. В Иркутске вообще меняют самолёт! Пока ждал вылет, пытался позвонить по межгороду

Колибе. В очереди к телефону ждал так долго, что едва не опоздал на посадку.

В полёте читаю Мостафина, что-то ем, сплю. В Омске, в порту, успеваю только съесть мороженое. Опаздываем на 40 минут. «Ту» долго кружит над Домодедовым. Вещи получил в 24 часа.

Остановки автобуса в Москву не нашёл, и двинул в неизвестном направлении. Возвращаюсь. Нахожу электричку, через открытый тамбур вагона забираюсь в поезд на соседнем пути отправлением в 0:30. В час ночи выхожу на станции «Бирюлево». На такси еду на Варшавское шоссе, нахожу дом Варвары. Поздний ужин с коньяком, разговоры, разговоры, невольно оттягивающие долгожданное слияние наших тел…

…Завтракаем не торопясь, читаю газеты, журналы. В «Гидропроект» по поручению Митяя не успеваю. Встречаемся с Варей вечером на Маяковской. Ужинаем в «Садко», берём бутылку вина и едем к ней домой. За разговорами чиню её телевизор…

В субботу раскачиваемся до 12 часов и едем в лес. Долго гуляем, треплемся обо всём и о генетике, которой она занимается… В заброшенном саду набираем яблок. Валяемся на траве. У Вари регулярное нездоровье. Думаем, как быть, если нельзя…

…Утром долго валяемся, смотрим телек. Она с горечью признается в безответной любви к своему шефу на кафедре…

На свидание с Лерой на Маяковку опаздываю из-за глажки рубашек. Едем с ней к Мостафину на такси. Он додумался позвонить мне домой, и я был вынужден тоже туда звонить и объяснять, что загулял у друзей, ночевал у них, а после визита к Мостафину сразу приеду домой.

…Долго искали винный магазин. Взял коллекционного шампанского, Лера — трюфеля. Сначала сидели с Эмилем в гостиной, а потом на кухне. Шампанское я решил спрятать (не прилично). Он угощает нас киргизским бальзамом («Очень, очень редкий напиток!») и сухими винами.

Лера зашла на территорию его собаки, и та закатила истерику. Смотреть, как Эмиль готовит мясо для собаки, было противно. Потом он выпроводил нас на прогулку со своим «сынком» — доберманом, и мы грустные и растерянные поехали гулять.

В «Север» не попали — не было мест — и просидели на Тверском часа два. В полночь я посадил её на такси и поехал домой.

Мать при встрече плачет, но быстро отходит. Отец

просыпается, и мы слегка отмечаем встречу.

Завтракаем все вместе. Мама не хочет идти на работу. К 12 часам еду к Варе на Варшавку за своими вещами. Затем, в НИИКино к Машке с целью обсудить наш развалившийся брак. Она просится в бар «Аист» на аэровокзале, чтобы отметить встречу. Но мне необходимо встретиться с матерью Горисова, чтобы передать его письма, и мы едем с Машей к метро «Улица1905 года».

Забавная мать Толи угощает нас водкой, а я рассказываю ей о сыне. Затем едем на Электролитный проезд, где я оплачиваю для Маши съёмную комнату. Слегка выпиваем, моемся — всё без слов и как-то натужно. Холодный секс, «отдельный» и независимый друг от друга, окончательно убедивший меня в нашей несовместимости…

…В 7 часов — лёгкий завтрак, и я еду на запланированные встречи. Однако, куда ни приеду, никого не нахожу. Заглянул в магазин «ЯВА» на проспекте Жукова в поисках запчастей для мотоцикла.

Тороплюсь к 19 часам домой на встречу с друзьями, которых, правда, ещё не пригласил. Дома был в 8 вечера, вызвонил ребят. Пьём водку, спирт. Витёк расходится больше других. О Магистрали почти не говорим, фото их не интересуют. Улёгся сравнительно рано.

20 августа завтракаю дома и еду на Мичуринский. Накрапывает дождь. В конторе турбюро «Спутник» никого нет. В журнале регистраций нахожу номер комнаты сотрудников и иду наверх. Витя — руководитель группы — радует новостью: надо сдать ещё 65 рублей на проезд по ЧССР. Едем с ним в город, покупаю в ЦУМе фотопленку. Дома был в полдень, собрал вещи, пообедал. Взял у мамы 100 рублей в долг и поехал в НИИКино на такси.

Мария обижена: я не позвонил заранее. Хочет отдать ключи от моей квартиры и кое-какие вещи. В 16:45 едем к ней на Электролитный. Едем молча в ожидании окончательного расставания. Всюду она показывает некую властность. Дома начинает психовать, сует мне все мои вещи, пластинки. Кое-что я с трудом запихиваю в пакеты, но многое остаётся у неё.

Вдруг она начинает ластится. Наступает тягостное прощание. Она требует определенности. Я предлагаю:

— Либо ты приезжаешь ко мне навсегда, либо расстаемся…

С трудом донёс поклажу до такси, еле успел выгрузить её дома у родителей и взять чемодан.

…На вокзал приехал в 20:10. Маша уже была у вагона. На прощание сказала:

— Я приеду в Ленду.

— Как знаешь, — сказал я без видимого энтузиазма.

— Ах, ты ещё и недоволен?!

Мелькнула мысль: сейчас влепит пощёчину или закатит истерику, но обошлось.

…В вагоне, за богатым столом, подробно знакомился с попутчиками до часу ночи. В основном — это была рабочая молодежь из области, мало кто — из самого Благинска.

Глава 38

Мирка из Праги. Замок «Краконош». Карловы Вары. Марианские Лазни. Прага. Диксиленд. Лидице. Карлштайн. Варьете «Прага». Брно. Моравские пещеры. Завод «Краловопольский». Замок Шпилберг. Вокзал Братиславы.

21 августа едем по Украине. В Киеве выскакиваю из поезда на почту, но она ещё закрыта. Выхожу на вокзал в Жмеринке. Почты рядом нет, а по межгороду позвонить не успеваю. Выбегаю из поезда во Львове и упрашиваю людей пропустить к телефону без очереди. Два раза звоню отцу на работу, но застаю его дома. Деньги не выслали, но они будут лежать на почте «до востребования» на обратном пути в Киеве.

…Николай достал домашний первач, поломали куру, была и колбаса, и арбуз. Долго подъезжали к границе по красивым вечерним Карпатам. Пока топтались у таможни, я заснул. Проснулся от грохота железа при смене колёсных пар.

Таможенники (ни те, ни другие) нас не трогали, а в соседнем вагоне наблюдался полный шмон. Как выяснилось позже, многие везли лишние червонцы.

Татры миновали ночью, за окном — Чехия. Деньги бережём, ничего не едим. Ждём прибытия с 13 часов до 15:30. В Прагу опаздываем. На перроне встречает Мирка — сопровождающая группы. Я шокирую народ подтяжками и фотоаппаратами, висящими на шее. Едем в метро на центральную улицу в ресторан СКМ (Союз Коммунистической Молодежи). После обеда добираемся на поезде с опозданием в полчаса в Марианские Лазни.

Из Лазней автобус везёт нас на гору, в замок «Краконош». Ужинаем в шикарном ресторане с молодыми официантками, расселяемся по фанерным домикам. Дорываемся до душа. В домике холодно, влажные простыни, за стеной дождь. Ложимся в 23 часа.

…Я бреюсь заводным «Спутником», электричества здесь нет. Коля вынужден отращивать щетину. На завтрак «хитрая» яичница: вкусно, но мало. В 9:15 едем в Карловы Вары. Обедаем в СКМ. В одном из корпусов лечебницы нас ждёт гид из «Интуриста». Рассказывает живо, громко, с шутками, порой, двусмысленными. Объединились с польской группой.

Прогуливаемся по главной улице в ожидании обмена денег. Зашёл в несколько книжных — книг на русском языке нет. Все накупили открыток, а я ещё и камень для коллекции Коротич. Заезжаем на выставку завода Мозер. Взял у Мирки в долг и купил

2 рюмашки на 132 кроны. В магазинчике, в современном жилом районе, покупаю бутылку пива. В это время группа куда-то исчезает. Насилу её нашёл. В Краканоше — ужин, разговор с Миркой о нашей программе. Досуг свободный.

В воскресенье на завтрак опаздываем. В 8:45 направляемся в Кинжварт. Медичка Татьяна ехать отказалась: её укачивает. Впечатлений от поездки не осталось, только открытки. Я их надписываю и отсылаю домой родителям и Горисову. После обеда предлагают пойти на танцы в ресторан. С Николаем идём в Лазни по тропочке, по пути едим дикую малину…

Бродим по улицам под дождём. Встречаем группу из Орла. Идём в кино, но перед этим — вытягиваем по два бокала пива… Смотрим фильм «Альфред, Альфред!». Под конец я бегу… На ужин идём в гору около часа. После ужина сидим в холле, я рассказываю девочкам сюжет фильма, играем в карты. Парни занимаются бытовухой, нам с Николя деваться некуда, кабачок закрыт. Он идёт спать, я читаю и пишу.

Сегодня экскурсия в Лазни под дождём, с гидом, нервной «каргой»… Православная церковь, русская улица, колоннада с газировкой. Католический собор, источник, свободное время до 11 часов. Все бросились по магазинам, я долго хожу вокруг обуви, но ничего не беру. После обеда едем на велосипедный завод, затем болтаемся на автобусе вплоть до границы с ФРГ. Вижу в магазине диски с джазом, но не беру, зато, наконец, покупаю ботинки.

В 19:30 собираемся в кабачок. Пьём вино с кока-колой, танцуем под записи. Рассказываю Лене о поисках книг. Она же поняла по-своему и ушла домой за водкой. Но где-то застревает. Игорь идёт за ней и тоже пропадает. Я подхожу к её домику и вижу в окне свет. Стучусь, свет гаснет. Жду 10 минут, направляюсь к Таньке, чтобы как-то провести время. У неё горит свет, но никто не откликается. Все попрятались от незванных гостей.

Ухожу в кабачок, и ребята приходят следом. Пьём, пляшем. Приходим домой, а Игорь приносит ещё 2 бутылки водки. Я ухожу к себе и засыпаю лишь в 3 часа ночи.

…После завтрака идём с Ником в город. Я застрял в малиннике у тропы, и дальше он добирался один. Первый день светит солнце. Встречаемся у знакомого буфета, но я веду его к другой пивнушке. Фотографируем лебедей и местных девушек. К 11 часам возвращаемся на второй завтрак. Получаем фото, сделанное на лестнице замка. Едем на вокзал с двумя чехами, пристроившимися к нам в домик на ночлег.

При подъезде к Праге группа не успевает выскочить из поезда

на нужной станции. Возвращаемся и ждём автобус у вокзала, он везёт нас в общежитие Пражского университета. Потерявшийся Игорь является позже. После ужина пили ром, водку, закусывали воблой… У девчонок в номере выпили ещё и с трудом расстались у нашего корпуса. Меня почему-то не хотели отпускать.

…Среда. С трудом поднимаемся в 8 часов. В 9:30 надо быть у корпуса без опозданий. Но мы тянемся, как коровье стадо. Идём пешком на трамвай. Мирка ведёт нас в музей Ленина (нашли чем удивить). Хорошо, что мы с Николя успели опохмелиться и ещё выпить пива.

До 13:30 нас отпускают в город, и мы ищем комиссионный, в котором покупаем зонты. Дальше пошло хуже: «рак тянет в облака, а лебедь тянет в воду». В результате я иду по городу один. Купил карту Праги и сориентировался. На обед успеваю, а Ник остался без оного.

Выезжаем в центр Праги в 13:45, смотрим часы на Ратуше с фигурками апостолов. Я было теряюсь, но нахожу всех на пути к автобусу. Снимаю всю дорогу на слайды и кинокамеру. Мирка переводит бред старухи-экскурсовода. Посещаем памятник Печати, монастырь, знатный собор… После ужина слушаю кассетник. Девки смотрят свои зонты-обновки. Мирка объясняет, как лучше добраться до Веры — подруги Клары (моей однокалассницы), ныне живущей здесь, чтобы передать привет и познакомиться. Беру магнитофон и еду к ней.

Дом нашёл сразу, а квартиру — с трудом. Долго говорил с Верой через дверь, но и потом, когда она открыла, в дом меня не впустила, так и говорили на пороге. Обратно сел не на тот трамвай, но сориентировался, выпил пива для бодрости. В студгородке Университета сразу попал на дискотеку 11-го корпуса.

По дороге в свой номер слышу музыку — концерт диксиленда в 7 корпусе. Дома переодеваюсь и иду не танцевать, но слушать и смотреть на необычную, с подробными пояснениями, дискотеку с джаз-оркестром. Ник, купив сверкающую тряпку, в 23 часа уже спал полный впечатлений.

28 августа едем в Лидице и в замок Карлштайн. В автобусе Таня пытается задремать на моём плече. После обеда бродим с Ником по городу, осматриваем магазины. Везде встречаем соотечественников. Ник закупает побрякушки, нитки и выматывает меня вконец. Но всё же я беру путеводитель, и мы идём в книжный. Покупаю 2 альбома Рериха, «Венец Пушкину» — 2 экземпляра, Акимушкина, Гюго… Пьём пиво и едем на ужин. После него все собираются и хвалятся купленным барахлом.

В 8 вечера, слегка выпив с Ником и Наташей, отправляемся

в клуб 11 корпуса. Все танцуют, а я — при кассетнике, записываю происходящее. Отлучаемся с Ником в номер, дабы добавить. У 7-го блока играет битгруппа. Немного и неумело прыгаю с нашими девчонками. Лена предлагает нам поехать в варьете «Прага». Я переодеваюсь, и мы едем туда. Игорь упорно не хочет никого спрашивать о дороге, и мы плутаем.

Наконец, находим искомое злачное место, заказываем вина. Смотрим смешное представление, танцуем немного, едим эскалоп… Приглашаю на танец Таню, но она воротит нос. Зато иностранцу она «отдалась» два раза подряд. Лену приглашает Игорь, а я так и сижу 3 тура. Допиваем «Мозельское» и в 2 ночи идём кататься на трамваях… Мне легко и весело: я пою, свищу, шумлю. Девочки — темнее тучи. Игорь каким-то образом их подавлял. Спать свалился в 3 часа.

В пятницу идём в Пражскй Град-кремль. Гид — немецкий чех — картавит безбожно. Ник всё посматривает на чешек, и я его поддерживаю. Отдельно от группы осматриваем галерею, сокровищницу, башню. По пути домой надуваемся пивом.

После обеда все хвастаются покупками. Витя в джинсовом костюме похож на павлина. Все опять уезжают в город за покупками. Я читаю, пишу, слушаю маг. На обеде выясняется, что предстоящая прогулка на кораблике стоит 10 крон. Кому это не понравилось, собираюся в клуб. До вечера Игорь спит, я чиню брюки и читаю Нагибина.

В 20:30 выдвигаемся в клуб, но долго там не выдерживаем. Я записываю музыку, Игорь уводит Наташу, дабы поддать, и вскоре они уже пляшут в обнимку. С прогулки по городу приходит Ник, и мы вскоре уходим в свой номер.

Володя Тимофеев заходит, делится впечатлениями от поездки по Влтаве и остаётся ночевать у нас, ибо Игорь заперся с Наташей.

…Утром бежим с Ником в столовую, но простояли почти час впустую. Автобус нам не дают, влезаем в экскурсионный — ГДР, и едем на второй вокзал. Поезд на Брно ушёл, и мы с Ником идём менять чужие червонцы и фотоаппараты на кроны. Долго бродим по городу в поисках комиссионок или толкучек. В трёх местах нам не удаётся ничего продать. Пьём пиво в ожидании поезда и уже в нём засыпаем до самой Словакии.

По приезду в Брно на трамвае едем в общежитие, а оттуда — в ресторан «Интеротеля». Отобедав, весёлые и счастливые прибываем домой. У Нади выпиваем ещё, танцуем и тихо расползаемся по комнатам. Я несу кассетник к Тане. Здесь играют в карты на поцелуи. Игорь опять выгнал на ночь Тимофеева.

…Едем в Моравские пещеры «Крас и Мацеху». Пытаюсь

снимать кино при слабом освещении. После обеда — экскурсия по городу с Иозефом. Много соборов, старинных зданий. Толкуем с Иозефом об оптике, обещаем выслать ему фото. После ужина попадаем на службу в собор с органом. Мечемся по городу в поисках трамвая. Дома: душ, телевизор, Нагибин о Лескове, дневник.

1 сентября, после завтрака, собираемся поехать на трамвае, а он не ходит. На площади перед отелем ставят трибуну в честь Праздника жатвы. Но появился автобус с весёлым водилой.

— У меня к вам несколько вопросов, — обращается он к нам через микрофон. — Первый: все собрались?

— Да!

— Второй: можно ехать?

— Да!

— Третий: больше вопросов нет. Слева видите школу, в которой учил русский язык ваш шофёр.

Едем на машиностроительный завод «Краловопольский». В проходной переписали номера наших паспортов и повели по цехам.

Нас сопровождает группа молодёжи. Имя нашего минигида — Ладо. Пытаюсь выяснить, есть ли где барахолка.

— Есть только базар на Юзефовской… — припоминает он.

Затем, приём в комитете СКМ с закуской и лимонадом. Вопросы, ответы, сувениры, значки…

После обеда все бросаются врассыпную. Мы с Ником ищем базар, теряемся. Я толкаюсь у «комка» до 16 часов без толку. До ужина тяну время за кружкой пива за 2,80 крон на вокзале. Ник ведёт меня в кино «Ласка неласкова». На площади, на большом экране, показывают «Ну, погоди!» -7. Дома девки выпрашивают «ту кассету» (с эротическими звуками), но я не даю.

…Сегодня едем на завтрак на трамвае. Девушки скандалят:

— Надоело ходить пешком, что за безобразие?!

— Всё предусмотрено, автобус дороже, — пытается объяснить Витя.

Пешком идём в замок Шпилберг. Лазим по нему, скурпулезно заглядывая во все щели, будто можно найти что-то ценное.

После замка все расходятся. Мы с Ником отрываемся от девчонок, но и сами теряем друг друга. После обеда нарезаю круги вокруг площади Свободы у комиссионок. Безрезультатно. Торчу в кино, снимаю, читаю — тяну время. Думаю, занять денег у земляков. Игорь с Татьяной ловко ускользают. Деньги дают Оля и Тимка. Покупаю марки, книгу «Кладовая памяти» Н. Кончаловской. Дома собираемся и — на авто, к вокзалу.

В пивнушке у вокзала помогаем старику чеху написать

заявление на пенсию на русском языке. Он угощает нас пивом. В последний момент Ник бежит с пластиковым бокалом пива к поезду на Братиславу. В поезде Игорь целуется с Ленкой, а я кемарю рядом.

В Братиславе я даю Игорю прозвище «Мефистофель», а Юрке — «Дон Кихот». Медленно двигаемся с Ником в центр города. Он сопротивляется, я настаиваю. Заходим в кафе, возвращаемся другим путём. Спорим, как идти к вокзалу. Он идёт своей дорогой, я быстро выхожу к вокзалу. Вещи загружены в поезд. До отправления 10 минут, а Ника нет. Я беру адрес у Мирки на память. Ник прибегает весь мокрый за 4 минуты до отъезда…

Глава 39

Дома у Виктора. Попутчица в поезде. Пианино в балке. «Поезд Дружбы». Отчет о поездке. Распри в бригаде. Журналисты, поэты, писатели. Телефонные страдания. Очередной концерт.

Отпуск закончился, лечу в Ленду. В самолёте Москва — Чинта показывают «актуальные» фильмы: «Свежая кровь», «Запёкшаяся кровь», «Сплющенная радуга». Омск: одинаковые ужин и завтрак. Разговор с попутчиком о зарплате: в ССО на строительстве ЛЭП платили 1 тысячу рублей в месяц. В Чинте был в 16 часов, на вокзале взял билет до Нелера на 13:23, но тут же забыл и думал, что билет на 15:23.

Еду в город по магазинам, а затем, — к родным Виктора. Серафима Семёновна кормит и поит меня. Даю задание Сергею, брату Виктора, купить лампочек для мотоцикла. Еду на вокзал, а поезд ушёл. Доплачиваю 2,50 рублей и еду на Благинском в 17 часов на верхней полке. С неохотой раздеваюсь для сна.

Проснулся около восьми от того, что упала подушка. Холодный и горячий чай, авиазавтрак, шахматы с новым соседом. Он для меня загадка, им движет: 1. милосердие, 2. жадность, 3. самолюбие, 4. гордость. Ещё партия. Счет 4:1 в мою пользу.

Сплю, читаю Ф. Искадера, пишу дневник. Угощаю соседей конфетами, яблоками. Меня угощают виноградом. Обедаем с новой знакомой Таней. Спать ложусь рано, головой к проходу и в одеже, все в вагоне сопливятся.

Прошу у проводницы чая нам с Таней. Она делится со мной своей едой и рассказывает: у них в хозяйстве всё своё. Брат подруги, к которой она едет, отсидел в лагере для несовершеннолетних. Гоняли с пацанами на конях («неуловимые»), попался на пути мужик, застрелили из обреза и изуродовали подковами. Я — в шоке.

…Закончил читать Искандера, начал — Ф. Абрамова. Опять пьём чай, платит Таня с плохо скрываемой усмешкой. Я что-то волнуюсь, считаю минуты до высадки…

В Нелере вижу в расписании: автобус на Ленду будет только в 17 часов. Жду попутку, ищу её у столовой, иду за мост и встаю рядом с офицериком. Он здесь — больше часа, но его никто не берёт.

В 11:30 садимся в КРАЗ. Шофёр Коля — добродушный, осторожный. Несмотря на тряску в кабине начинаю читать Майю Ганину — подарок одноклассницы Алки — обычная женская проза с претензией на прямолинейность. Быстро доезжаем

до Соколовска. Шеф идёт в столовую. Рядом стоят «Магирусы». В одном — Олешин. Он меня признал. Едут из Стоворотино с грузом шлака для засыпки завалинок у балков. Да и КРАЗ оказался нашим. Олешин учился две недели на немецкую технику в Новосибирске. Рейс туда-обратно стоит у них 15—16 рублей.

Пришёл мой Коля, и мы едем дальше. Всю дорогу он рассказывает, как учился в Москве в 3-м филиале автокомбината, работал в 11-м таксопарке, легко с Климом попали в отряд. Поработал полгода на ГАЗ-53 и поехал на курсы в Елец. Рассказывает долго и красочно о поездке в Донецк, о гулянке в Москве, о несостоявшейся любви с лёгкой издёвкой или обидой… На одном из мостиков нас обогнал Олешин, чуть не зацепив крыло задним скатом.

В Ленде были около 16 часов, заправились и поехали в лагерь. В основном — все мои коллеги еще работают. В балке одинокий Марков читает газету. Я мечусь по друзьям: то к Глазову, то к Гоше, то к Митяю. Выпили на проводах Гошки в отпуск, потом у Митяя, с его приездом из Благинска, потом — снова у Гошки. Отдаю Горисову приобретённые в поездке книги и только после этого я добираюсь до кровати.

В субботу меня будят Райлин с мастером Гришей. Стою в тамбуре в трусах. Гриша выясняет, где можно подработать. Вова его перебивает.

— Знаю, если тебе надо заработать… — говорит он. — Возле райисполкома будет строиться дом. Надо сделать разметку.

Одеваюсь, перекусываю, идём за инструментом. Доходим до яслей, и Вова вдруг вспоминает:

— Я обещал Тюрлину обустроить вагончик.

Иду ему помогать. Разгружаем контейнер, вынимаем пианино, помогаем засунуть его в окно балка. После такой разминки иду домой, переодеваюсь в цивильное и — в столовую. Встречаю там Глазова, и он рассказывает о своей мечте: получить отдельный балок. Больше не может жить по соседству с Купченко и другими… Идти к коменданше — Лидии Филлиповне — насчёт его жилья решаем завтра.

…В поисках Катерины захожу в «Пионер». Показываю Камойлову из горкома чешские фото. Катерина в это время выступала на сцене с агитбригадой, — её везут в ГДР (в «Поезде дружбы»). Увидев меня, она бурно приветствует, целует в щеку. Сущевин ждёт её, чтобы отвезти на выступление в Шоготе, посёлке, строящемся на северном направлении. Она обещает зайти завтра.

Я остаюсь смотреть выступление «Серебряных»… Дома почему-то все пьяные. Райлин ложится спать, я толкую с Пузырём

«за жизнь». На сон читаю статью Л. Жуховицкого в «ЛГ».

В воскресенье валяемся бессмысленно до 10:15. Начинаем генеральную уборку: тетради, бумаги, газеты, письма, мусор. Подмёл пол, чтобы его помыть…

Захожу в 181 вагон к Катерине, но её не застаю. В столовке встретил Серёгина, и он расспросил о поездке. Я показал фото с комментариями. Иду с Вовой к Гарику, — и ему показываю фото и рассказываю про поездку. Эта процедура повторялась с каждым, кого встречал. На почте отправляю Малову Нику фото, снятые в Чехословакии.

Катерины дома всё ещё нет. У нас — чай, кофе, беседы. Заглянувший «на огонёк» Синаев, со знанием дела разговорился о Сталине, Жукове, Зорге. Засыпаю в 2:50.

В понедельник у прорабки Бандобулов раздаёт задания, и Вова собирается выполнять.

— А как же Гриша, он же мастер? — спрашиваю я.

Начинаем выяснять, кто же тогда Гриша? Бандобулов уверяет, мол, он — вместо Гриши. Дядя Коля резюмирует:

— Пока не будет приказа, нечего ходить по разным указам, а то потом не найдёшь концов.

Тем не менее, я, получив задание — наточить ножовки, иду за напильником к балку дяди Коли. Заглядываю к себе и встречаю Тимоху. Он мучается дилеммой: уезжать домой, на «материк», или жениться и остаться в Хородочи…

Точу две ножовки до 11-ти часов. Затем, на яслях с Ильёй и Вовой пытаемся стелить полы. Во второй половине дня готовим половую доску, но стелить её пока запрещают.

Дядя Коля просит стащить из бытовки бригады Карабановой раковину. Мол, ею всё равно не пользуются. Залезаю в окно, отвинчиваю и передаю её дяде Коле. Он заворачивает её в телогрейку и уносит.

На яслях навешиваем двери. Они не желают открываться из-за наклона стены. Вдруг Бандобулов направляет меня на помощь дяде Коле делать завалинку вокруг вагона Падикина, так как практикант из ГПТУ, посланный на эту работу, исчез. Делаем не спеша каркас, обсуждая за работой двуличие Выгорнова: дядя Коля даже обматерил его за то, что он включил в наряд девчонок, хотя они в той работе не участвовали, но получили по 300 рублей.

Распри по поводу включения в общий наряд девушек-отделочниц с 3—4 разрядом, где у всех ТР (транспортный рабочий), в основном, — 2 разряд, порядочно надоели. Думаю, куда деваться: в бригаде Степанова вакансий нет, у лесорубов — тоже, в автобазе сесть на грузовик и мотаться по трассам

в одиночестве?.. Всё же хочется быть ближе к людям, к какому-нибудь коллективу. Думаю, что мог бы и на машине ездить, и быть в коллективе, если работать в отделе главного механика…

Каркас даётся с трудом, так как балок стоит не на ровной отсыпке, а на мари. Между соседним балком — узкая щель. Вдруг дядя Коля исчезает и приносит книгу из бытовки Карабановой.

— Во! Лауреат Ленинской премии какой-то! — удивляется он, раскрывая её.

— Да, это — книга о лауреатах…

— Ну, это я и сам вижу, — заверил он.

Зайдя к Алине после работы, торчал целый час, пока она узнавала у юриста, имею ли я право как будущий студент-заочник на дополнительный отпуск в 10 дней. Сама она готовится к вечеру встречи с писателями и журналистами в здании школы.

Дома помогаю Вове делать в прихожей полку. Пьём чай, обсуждаем встречу с прибалтийским поэтом в прессцентре. Перед сном читаю свои черновики, зарисовки, дневник. Сон в 1:40 ночи.

…Во вторник таскаем с Вовой фанеру, уголки и обшиваем ими столбы в фойе яслей до конца смены.

После работы помогаю Виктору тащить кинопроектор в школу. Готовимся к встрече с писателями и журналистами. Дежурю на входных дверях. Арнольдов — помощник — появляется и вскоре исчезает.

Выступали журналисты, поэты, сотрудники музея Ленина. Тянулось это действо до полуночи. По окончании — соседки Алины накрывать на стол для гостей не явились. Это делала Надя Икорникова с подругой.

Затем убирали столы, делили с них остатки, ели и пили в балке у Алины до 3-х ночи.

…На яслях продолжаем с Вовой обшивать колонны. Потом его посылают делать туалет, а я шью рейку на потолок с двумя молодыми практикантами. Молодёжь нагло тянет время до обеда.

После обеда нас ловит Серёгин и спрашивает, почему мы прогнали из балка двух новых жильцов? Идёт разговор на повышенных тонах. Сошлись на том, что мы сами выберем к нам двух соседей, а я подумал о смене балка. Добиваю рейку, а в перекур читаю о Битлах и Телониусе Монке. Во второй комнате прибиваю плинтус вокруг колонн.

Бандабулов спрашивает у прораба Филина, как платить тем, кто остаётся сверхурочно, кто помогал таскать и поднимать на подмости носилки с раствором… Специалисты — один другого стоит.

…После работы идём домой с намерением выспаться. Но сперва переселяюсь в «новый», соседний вагон. Таскаю вещи,

а Арнольдов обвиняет меня в «измене». Пьём чай с Исмаилом, обсуждаем статью бригадира Новикова о падении энтузиазма на Стройке из-за отсутствия стимулов. Расходимся в полночь.

…В четверг по пути к яслям, встречаем поддатого Петю Сенякова. Он не только не скрывает, что «освежился», но предлагает разделить с ним эту «радость». Я отказываюсь, а Вове перепадают две «бомбы» портвейна.

Весь день обшиваем в яслях колонны и потолки рейкой.

Серёгин, проходя мимо школы, матерится:

— Завалили всю стройплощадку стекловатой!

Виктор как снабженец гордится: выполнил план-заказ на стекловату на 300%.

Спрашиваю у Алины о возможности перехода в ОГМ (отдел главного механика). Она обещает узнать…

После обеда работаем ни шалко, ни валко. В 16 часов пошёл дождь со снегом. Один из молодых демонстративно набрасывает штукатурку на стену снаружи: «пусть я вымокну!». Дождь закончился, и он кончает работу.

После работы получаю отпускные 155 рублей + 33 рубля за август, + 44 рубля за июль. Вижу нестыковку: в августе выходило по 12 рублей в день.

Захожу к Алине. С механиком Сорочиным она еще не говорила. Сообщила только, что юрист настаивает на выговоре за мой «прогул» после отпуска.

…Дома Вова, наконец, что-то читает. Я прибираюсь. Появляется Лёня с Исмаилом. Мы выпиваем и толкуем о «раздвоении творческой личности»: почему творцам прощается всё? Обмениваемся с Лёней адресами, чтобы он забрал мой кассетник в Москве, а я — смог навестить его родных, если случится попасть в Храбровск.

В пятницу в 11:30 нас зовут в школу на концерт. Однако, он начался лишь через час. Выступили «ведущие артисты Москонцерта»: Михайлов, Куликов, Владимирова с Мосфильма. На этом зрелище и заканчивается. Приглашают вечером на полифонический фильм и его обсуждение.

В обеденный перерыв собираюсь править с Никишиной заднюю вилку от мотика, но до конца дня так её и не выправил. Колотим с Райлиным наличники, и он рассказывает о своей дружбе с Бунычёвой и Асей Артюх.

В столовой полно народа. В кадрах — без новостей. Иванцов просит дать ему мои фото о жизни отряда. В «Пионере» встречаемся с фотокорром Пьянковым, который среди моих фотографий сразу находит профессиональные — С. Коврина (одноклассника брата), снятые на Ярославском вокзале во время

прощального митинга.

На обратном пути хочу заказать разговор с Москвой на почте, но талоны есть только на завтра. На попутке едем на зону. Захожу в свой бывший — 73-й вагон — за курткой, а там — все вповалку. Тимоха лежит на столе, но, слава богу, морда не в салате.

Ухожу к себе и ложусь расслабиться. В 2 часа ночи меня будит Виктор. Его тошнит от запаха перегара в его 73-м вагоне, и он без зазрения совести рассказывает об одном своем «выступлении» в роли снабженца.

— Знаешь ли ты, что на звеносборке при забивке костылей в шпалы их сперва надсверливают? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил. — А в эти отверстия положено заливать креозот, чтобы шпалы не гнили. Мне надо было срочно достать 30 литров этой отравы, пока не привезут заказанную емкость. Ну, вот: берем с Огоньком бидон из-под молока на 40 литров и едем на перекладных до Нелера и далее по Транссибу…

Его рассказ о том, как он выпрашивал христа ради эти 30—40 литров креозота у сторонней организации, да как везли они бидон, испускающий ядреный дух чуть ли не сквозь его алюминиевые стенки, на товарняках да в кабине тепловоза — в пассажирский поезд их просто не пускали — занял почти час драгоценного времени. Но о том, чтобы прервать страстный рассказ Учителя, не могло быть и речи.

Суббота. Утром иду на почту. Долго стою в очереди, чтобы заказать разговор с Москвой. Но тщетно, — всё забито. Получил от Сергея из магазина «Книга — почтой» бандероль, купил 5 экземпляров «Авангарда» с заметкой Лёни. Дома хотел отдохнуть, да Райлин взялся чинить насос от водоснабжения балка, и я вынужден был ему помогать.

В 17:30 долго и вяло обсуждали с Митяем нашу жизнь. Он пустился в такие витиеватые рассуждения, что я потерял их нить и суть. Надежда испускала флюиды вполне недвусмысленные. Когда Митяй вышел за дровами, она выдала:

— Он очень чуткий…

Видимо, поэтому затем она попросила у него разрешения проводить меня.

Сидим в моём балке, я пою под гитару, как бы соблазняю её. В 2:30 ночи стучится Митя, и Надежда собирается домой.

28 сентября — все на воскресник! Бужу Вову, но он отмахивается. Иду к яслям и вижу одного Филина. В 9 часов начинаем вдвоём жечь бумагу, таскать мусор. Бандобулов ходит по посёлку, поднимает народ. Первыми явились заозерцы. Вова появился, когда «Магирус» с подобранными обрезками досок был уже полон. Их везут в сторону Кудыкты. По пути хотели

прихватить из бытовки «нашу» фанеру, но вовремя заметили Чеботарёва.

После обеда опять чиним насос. Иванцов приглашает меня в постройком на фильм о Магистрали. После просмотра он знакомит меня с тремя Володями — авторами фильма. Сидели долго и переливали из пустого в порожнее. Пришёл Виктор, и за чаепитием всё началось сначала. Разошлись в 21 час. Дома листаю книгу Ю. Власова, бренчу на гитаре, начинаю заметку про наш отряд по просьбе трёх Володей. Райлин, тем временем, жарит картошку с грибами.

…Утром опаздываем на работу на 5 минут. Обеспечиваю губастого практиканта Серёжу плинтусом, и ему остаётся лишь прибивать его. Сам бегу в туалет: что-то связанное со вчерашними грибами (?). Затем иду в медпункт. Каршина выписала кое-какие лекарства. Взяв в магазине немного еды, иду домой. Продолжаю писать заметку для районной многотиражки.

После обеда на работе тянем время. Разгружаем машину со штакетником, на промтоварном магазине, делаем трубу для слива в канаву. Наблюдаем, как женщины тащат из магазина кримплен килограммами. На почте опять нет талонов на переговоры.

После ужина еду на попутке на почту. На обратном пути захожу в школу, чтобы узнать расписание. Алина ключ от конторы, где есть телефон, не даёт, ибо собирается ещё работать. Дома ложусь отдыхать до 23-х часов. В это время Райлин читает вслух свои стихи.

В 11 вечера иду в 181-й вагон. Алина спит, но её соседка выносит мне ключ от конторы. Сплю до 5 утра. Прихожу в контору, и понимаю, что не знаю номер телефона, с которого буду звонить. Лихорадочно ищу его в течение получаса. Решил звонить без него. На нашем коммутаторе попалась добрая женщина — возилась со мной, ругалась с картавой — с транспортного коммутатора. Я уже выходил на неё, но она вызывала меня по номеру — 199 в электродежурке. Наконец, я прошу прощения и прощаюсь до завтра.

…На работе выслушиваем бригадира.

— Ну, доделаете вы этот плинтус, наконец? — восклицает Выгорнов беззлобно.

Я работаю в темпе, но в темноте, почти наощупь.

На обед покупаем еды, сладостей и — домой. Виктор садится за стол, как у себя дома, с многозначительно грустным видом, хотя и объявлял, что голодает. Даём ему молока, книгу Ю. Власова, и вскоре он уходит к себе.

По пути на работу заходим в клуб узнать о приехавших

артистах. У постройкома меня перехватывает Володя из многотиражки и выпрашивает меня на один час у Иванцова, чтобы я написал для него материал. Пишу дома, как дурак, заметку. Володя, пробежав текст, был несколько разочарован. Я написал не о людях, как он просил, а о проблемах, но и это взял.

Иду на «банную» площадку за плинтусом для яслей. Тут же нас с Вовой и двумя молодыми посылают за штакетником на участок Шевенкина.

С 16 часов остаёмся вдвоём с Вовкой и делаем гораздо больше, чем до этого.

В 19 часов захожу в комитет комсомола. Слышу спор инженера по ТБ Лидса с секретарём треста о том, что вывеска «Ударник» при въезде на промбазу «только вредит делу», ибо звучит, как насмешка…

Жду Алину, и она требует остаться на концерт заезжих артистов. Когда закончит дела, обещает дать мне ключ от конторы.

Дома пью чай, читаю Воннегута. Сон в 23:30.

Глава 40

Заявление о переводе. Выговор профессионалам. Строить жильё! Годовщина отряда. Прирождённая певица.

1 октября, среда. Сегодня год, как мы приехали сюда.

Подъём в 3 часа утра. Иду в контору звонить. Москву могут дать лишь с 4-х утра. Пишу дневник, читаю Воннегута. В 4 мне не звонят. Звоню сам в 4:15.

— Никакой Москвы до 5—6 часов не будет.

Иду домой, пью чай, возвращаюсь в контору.

Звонок:

— Где вы пропадали, я вас вызывала 15 минут назад!

Я прошу ещё раз вызвать Москву и в 6 утра говорю с домом. Среди прочего сообщил, что перехожу в ОГМ.

…В обед покупаю арбуз и тащу его на промбазу.

На работе Петро показывает, как, по его мнению, надо прибивать сухую штукатурку. Алла — пожилой фармацевт, случайно оказавшаяся рядом, — слушает его лекцию о сварке и её цене. Еле дотягиваем до 16:45.

Нахожу главного механика Вяковлева, а он предлагает выучиться на машиниста экскаватора (6 месяцев в Яхроме). Вскоре выясняется, что место уже занято. Договариваюсь с Алиной выходить на работу в ОГМ завтра. Тут же пишу заявление о переводе.

В прорабской жду Чеботарёва, чтобы он подписал моё заявление. Здесь полно мастеров, бригадиров — все пишут наряды. Прораба не дожидаюсь и иду в хозтовары за почтовым ящиком.

Дома — ужин с арбузом и вареньем. Виктор заглядывал в кухню два раза якобы почитать газеты, но ничего ему не обломилось. До 11 вечера — упаковка книг и газет для отправки домой.

В четверг встаю в 3 утра. Начинаю писать фельетон «Кони». В 7:30 иду к Чеботарёву. Сразу его не нахожу, но случайно встречаю на дороге и прошу подписать заявление.

— Надо строить жильё! — отрезает он. — Я из бригады Сенякова тоже никого не отпускаю!

Иду к Алине.

— Ничего страшного, — говорит она, — подписывай у Вяковлева.

Иду к механику, жду его до 10 часов, и мне сообщают, что он уехал на Кудыкту.

Возвращаюсь в бригаду, ставлю в яслях шпингалеты на окна.

На доме «самостроя» всё идет прекрасно.

На обеде дома успеваю почитать Воннегута. На работе с Ильей продолжаем всё то же: шпингалеты, навесы, защёлки… Ставлю штапик к новым — взамен выбитых — стёклам.

Заглянул Чеботарёв и накричал на чинтинцев:

— Разве вы работники? Халтурщики! Кто так делает крыльцо?!

Они не успели сказать, что на мари крыльцо делать нельзя, как он исчез.

После работы варю картошку (по 16 копеек за кг). Падаю на кровать, чтобы выспаться до ночи. В 20:30 меня будит Виктор и просит заказать ему форменку нашего отряда. Чудак, где я это сделаю? Если только вернуться на год назад в Москву…

У Икорниковых гоняю чаи с разговорами о политике до полуночи.

…На стройплощадке яслей — затяжной перекур. Со Славиком добиваем штапик на 3-х рамах. Пилим фанеру на квадраты вместо недостающих стекол. До обеда успеваю поставить только один квадрат в раму. Прошу Катюху что-нибудь спеть, но она замкнулась напрочь.

На обед иду домой, попутно захожу в магазин и занимаю очередь. Оставляю вместо себя Митяя с деньгами и прошу купить чего-нибудь съестного.

Дома Вова варит картошку с тушёнкой вплоть до 12:45. Заглатываем кое-как горячее, и — на работу.

Доделываем все окна. Стружки от электрорубанка бьют фонтаном в глаза, а защитных очков нет…

Пытаюсь заснять Катюху, но никак не получается сделать это незаметно. Зато Филин и мальчишки-сварные — все её тискают, тычут, дёргают. Она визжит или отвечает тем же — не больше.

Идём с Борей за фонарем, и я берусь за обивку тёмной комнатушки рейкой. В актовом зале начали работать девчонки-маляры.

Та, что спрашивала у меня резинку (— «от трусов?», — нет, «для шпаклёвки»), и жена того, которого чуть не уволили за драку зимой, — оказалась мастером и без умолку вещала похабным языком «известия»: у хитрого деда Семёныча кто-то якобы спрятал инструмент, чтобы спереть, но он его нашёл…

По дороге домой замечаю Вяковлева и следую за ним до конторы автобазы. Здесь он подписывает моё заявление, и я отношу его Алине.

Покупаю хлеб, фарш, маргарин и иду домой. Райлин спит, непристойно разметав простыни в духоте… За починкой штанов и чтением сижу до 11 вечера.

В субботу подъём в 5 утра. Вова не спит и крутит приёмник. Я намекаю, что это не совсем нормально, на что он не без ехидства, желает мне «счастливо поработать творчески». До 8 часов — письма, поздравление с Д. Р. другу Алексею.

Продолжаю писать фельетон. В 15 часов готовлю бандероль с книгой — подарок Алексею. Ближняя почта закрыта, и я еду в город. Оформляю бандероль и выясняю, что она полетит только 7-го октября и к 10-му не успеет!..

В «Пионере» все толкутся до 17 часов в ожидании показа любительского фильма о нашем приезде в Ленду. С этого должен начаться вечер, посвящённый годовщине нашего приезда… Вдруг, в зале пропал свет и появился только через полчаса.

…Показали и документальный фильм о строительстве ветки Транссиб — Ленда. В торжественной части — бодрые доклады, грамоты, подарки, выступления: нашего Сизова и ветерана строительства Комсомольска-на-Амуре. В неторжественной — концерт электронно-металлического ансамбля «Искатели».

Дружинники уносят в коробках алкоголь. В фойе остались лишь музыканты и дружинники. Как и многие другие, ухожу с концерта с Владом. Он волнуется: дадут ли вахтовку для отправки кудыктян и уходит на автобазу.

Дома готовлю ужин, протираю полы и иду искать Влада. Говорят, он всё же уехал в Кудыкту. Ужинаем с Вовой, и я ложусь спать.

В воскресенье встал в 5:30. Дневник, кофе, фельетон. После столовки и магазинов читаю, пою и ложусь спать до 5 вечера.

Приходит Глазов, заводит вечную тему: «что делать?» и уходит встречать жену с работы. Не успел перекусить, приходит Райлин от Гарика с новостью: Гарик надумал жениться. Возвращается Глазов, и я читаю ребятам отрывок из «12 стульев». Плачем над «самоучителем игры на фортепьяно с оркестром».

Влад, как оказалось, не уехал, ночевал у девушек в 72-м балке. Вспоминаем с ним песни, слушаем в записи лекцию о сексе. Ложусь спать, а с 2-х ночи до утра пишу фельетон.

В понедельник просыпаюсь в 7:20, глушу будильник и сплю дальше. Очнулся в 7:50! Бужу Вову, но он бубнит в ответ:

— Меня тошнило всю ночь, плохо мне, остаюсь дома.

— А как будешь оправдываться?

— Напишу объяснительную…

На улице дождь, спать очень приятно…

По дороге к яслям лихорадочно ищу Вяковлева, но не нахожу.

В 9:30 иду в кадры. Алина выписывает мне направление на работу в ОГМ. Захожу домой за разноской с инструментом. Илья горько усмехается:

— Что, каждый день будешь ходить за разноской?

— Нет, сегодня последний раз.

…По дороге домой встречаю Галю. Она удивлена моей зарплате (270 рублей) за июль. У них не менее 300!

Дома Вова «приготовил» обед — даже не вставал с постели! Питаюсь чаем под запись «Пинк Флойд», читаю И. Шоу в «Иностранке» №4.

На работе добиваю плинтус в каморке, ставлю на двери фиксаторы. Помогаю Петро сверлить отверстия под щеколды. Слышу голос Катюхи и иду в комнату, где она работает. Она красит потолок и при этом дьявольски красиво поёт.

— Катюш, — обращаюсь к ней в паузе. — Ты так классно поешь! Не думала учиться в музыкалке, хотя бы пару лет?

— Да разве мне сейчас плохо? Учиться, вот ещё! — отвечает она, не задумываясь…

Дома я вешаю на стенку нашего вагона почтовый ящик. В отделе кадров хочу узнать о приказе, но никого не нахожу, кроме Горчакова.

— Иди работать в комитет, — предлагает он мне.

— Нет уж, — отвечаю. — Пробовал уже…

— Ага, конечно, лучше сидеть дома и критиковать меня…

Зайдя к Митяю, узнаю, что у них по аккордному наряду вышло по 20 рублей в день.

В магазине беру банку баклажанной икры, фарш, банку хека. Райлин дома штудирует в «Ровеснике» статью о группе «Шокинг Блю».

— В двух номерах — 14 незнакомых слов! — удивляется Вова. — Например, «предтеча». Что это такое?..

…Предлагаю ему устроить сменное дежурство по дому и по закупкам, но он на такое «низкое» предложение чуть ли не обижается. Ставлю на гитару нейлоновые струны, и мы пытаем их до 3-х ночи.

Часть II

ОГМ
Глава 1

Подготовка к зиме. «Насущные» вопросы. Последние визиты. Быть или не быть? Ожог глаз. Дом на отсыпке. Перестраховщик.

7 октября, вторник. Сегодня шёл первый снег с порывистым сырым ветром. После столовой иду на территорию ОГМ к Вяковлеву. Хотел «всучить» ему направление, но он послал меня к своему заму — Петру Сорочину.

Сижу в бытовке с Гречкой, Макаром и другими в ожидании задания часов до 9-ти. Наконец, Сорочин занялся нами. Готовим территорию к зиме. Показал нам, куда передвинуть пачку уголков (7 тонн), листовое железо (4 тонны). Крановщик поднял вездеход ГАЗ-71, а мы подложили под него доски. То же сделали с ПЭС (передвижная электростанция) и трелёвочным трактором, — всё под его личным руководством. До обеда распутывали трос в подъёмном кране.

В перерыв в магазине встретил Вяковлева.

— Вы почему не выполняете задание? — спросил он.

— Так нас четверо, и мы работаем по очереди…

Дома не было электричества, ем холодные консервы, читаю И. Шоу, но без восторга.

На работе передвигаем всё, что намечено.

В 16:20 зашёл на комсомольское собрание. Никишина долго думала: начинать разборку или нет. Я не дождался и ушёл. Дома собрался в баню, Вова тоже захотел.

По дороге в баню разошлись: он — в книжный, я — на почту. Вечером писал письма родителям и брату.

…Утром в столовке были поздно, но за 10 минут успели проглотить манную кашу. На работе довольно быстро получаем задание. Перекидываем бункер для раствора к забору, снимаем колёса с прицепа…

Погода: морозец, солнце, порывы ветра. Млеем на солнце до обеда. Обсуждаем с остальными сослуживцами «насущные» вопросы: какая обувь зимой нам лучше, кого снимают с работы из руководства и так далее.

Обедаю дома. Но не успел чайник закипеть, как отключили энергию. Читаю «12 стульев».

После обеда сварной вместо того, чтобы помочь, допекает Мишу с «Кировца»:

— Сделаю тебе полный подсчёт потерь заработка из-за

простоев, если поставишь бутыль! Знал бы ты как я работал на материке!..

Миша махнул на него рукой и стал сам выправлять диффузор вентилятора своего трактора. Мы откатываем на склад колёса, снятые с прицепа. Гречко приваривает петли для замка на компрессоре.

Позже отношу Наде книги С.-Ценского и Ф.О'Коннор. Узнаю, что построенную нами школу хотят представить к награде. Внутри неё «молодые специалисты» (ПТУ) уже двигают мебель и просятся в бригаду на постоянную работу…

…С Гречкой режем кровельное железо для разделки печной трубы в нашей бытовке. С мотористом долго заводим дизель. Развожу под ним костёр для прогрева. Вместе с Сорочиным загружаем краном пилораму в ЗИЛ и раскрепляем её, чтобы не ползала по кузову.

Ко мне подошел Вяковлев.

— Поедешь в Кудыкту, — сказал он без вступления, — обслуживать электростанцию.

— Надолго?

— В длительную командировку, точнее — навсегда.

— Не могу, — ответил я, — у меня здесь много общественной работы.

— Ну, тогда — в колхоз на две недели.

— Ладно. Когда, куда?

— Не знаю… Узнаешь в кадрах…

Сварщики уходят крепить арматуру, а я иду к ним с листом железа, чтобы сделать в нём дыру для печной трубы. Однако лист оказался мал, и я несу ещё два.

Обедаю дома чем придётся, читаю Ильфа и Петрова. На работе ставим разделку на потолок, налаживаем печь. С Сорочиным перетаскиваем к забору «рога» и отвал бульдозера с помощью «Кировца».

Гречко с Макаром заделывают крышу вокруг трубы в бытовке. Печку затопили, но она слишком разогревала стенки бытовки. Написали объявление: «Не разжигать, не сделано!».

Намечаю себе три делала: законсервировать мотоцикл, сделать шкаф в балке, постираться. Сделал первое и захотел почитать, но начал засыпать за столом. Решил поспать до трёх ночи.

В час я проснулся от боли в глазах, не мог их открыть. Боль была адская! Сходил на двор на ощупь, посидел за столом. Пошёл спать, с трудом нашёл удобное положение. Пока заснул, обсморкал всю рубашку, что лежала рядом.

…В пятницу будильник зазвенел в 7:20. Я было проснулся,

но тут же заснул. Когда Вовка спросил, сколько времени, было уже 7:45. Я сказал ему, что на работу не иду.

В 9:30 зашёл в отдел кадров за направлением в колхоз. Галя писала приказ. Алина была в больнице. В 10 часов приказ передали секретарше Падикина. Она посоветовала прийти через час. Почитал дома, пришёл через час.

— Падикин на совещании, придите после обеда.

В столовой обедал в окружении ИТР. Секретарша сказала, что командировочные удостоверения забрал Макар, а деньги получим в бухгалтерии по приказу. В бухгалтерии сообщили, что мне причитается 78 копеек за сентябрь — остальное идёт на налоги. Посмотрел в расчётную книгу, ничего не понял и сказал рассеянно:

— Всё верно…

Готовлюсь к отъезду соблюдая конспирацию, будто меня нет. Зашёл к Гречке, чтобы узнать, где живёт Макар и другие «колхозники». Искал, но не нашёл. Решил никуда не ехать до получения командировочных денег.

Придя домой, прочитал в газете статью Лосенко «Где же вы мужчины?». Рассказал Вове о «стекловате» в глазах.

— На сварку смотрел? — спросил он.

— Да.

— Ну, тогда это не стекловата, а ожог сваркой. У меня было такое же…

Пишу дневник и думаю о фельетоне. Володя играет на гитаре и наводит на меня сон. Я быстро закругляюсь, ставлю будильник на 5, а в 22 часа засыпаю.

В субботу с 5 утра до 11 часов сижу над дневником. Бужу Вову, и мы идём в столовую, ожидая неприятных последствий при возможной встрече с нашим строгим «гуру» — Виктором.

После обеда читаю в «Советском фото» рассказ о Магистрали Алексея Фёдорова, советы фотографа. Володя таскает из водовозки воду, а я собрался писать, но вместо этого листаю только что купленные книги Ю. Семёнова и Маркеса.

…Володя наигрывает на гитаре, и меня захватывает идея описать ощущения от его игры. Вместо этого сам берусь за гитару, а Вова при этом включает приёмник… До полуночи мы пьём чай, он играет свою законченную тему. Похвалив его, я ложусь спать.

Просыпаюсь в 4 утра, с 4:30 работаю над фельетоном, почти не разгибаясь. Дело движется медленно.

В столовой узнаю, что двое наших мужиков на картошку уже уехали. Глазов намекает, что ему дают вагончик. Я собираюсь в поликлинику и к Мормоновым. У Инны пробыл до 15 часов.

Переговорил обо всём: о моей и её работе, о Викторе, о Степанове…

С Вовой балдеем с гитарой до 10 вечера. Глазовы устанавливают свой новый «дом» на отсыпке. Зашёл потрёпанный Митя за сигаретами; аккорд бригада сдала, и сейчас он думает о «судьбах мира». Я ложусь в полночь, будильник ставлю на 4 утра.

В понедельник пишу без перерывов с 4 до 7 утра. Володя ушёл к Тюрле и на работу, а я пишу дневник и штопаю штаны. В отделе кадров Алины нет. Иду в трест насчёт учёбы. Есть возможность поехать учиться на крановщика в январе и мае. Алина удивлена, почему я не уехал в колхоз. Я объяснил, что без денег не могу уехать.

— Зайди после обеда, может быть, тебе дадут… — дала она «мудрый» совет.

На нашей почте никого нет. Иду в Ленду узнать о нашей почте. Начальник главной почты появляется после обеда.

— Изыщем машину и вечером привезём вам почту, — обещает он.

…Вечером идем с Владом в сберкассу. По дороге в Ленду он рассказывает о посещении Кудыкты партийными боссами — Фарстом и Вороновым.

Касса закрыта: нет электричества. Идём домой и спорим на тему: «быть мне или не быть» и получится из меня что-то дельное или нет…

В 150-ом вагончике девчонки жарят для нас картошку, а на первое едим суп деревянными ложками. Девушки рассказывают о Тоне Селениной — девушке из их района, — уехавшей поступать в МГУ. Затем идём к нам — в 34-й.

Здесь Вова расстилается перед лохматой Читой и её подругой. Обе с нашим приходом замкнулись и вскоре ушли. Почитали с Вовой свои стихи, попели и переписали с пленки некоторые тексты песен Никитина.

Во вторник к 8 часам идём со Степановым в сберкассу. Он даёт мне 40 рублей в долг. Доходим до отдела кадров: командировку мне не выписывают, — нет денег. Заходим с Владом в комитет комсомола треста. По настоянию рыжего бородача из общества «Знание» он пишет докладную о нехватке политико-воспитательной литературы. Воронов тут же даёт Владу ценные указания:

— Не жалуйся в обкоме на плохое снабжение документацией…

Классический перестраховщик!

…У нас дома гостит компания Синаева и долго выясняет меж

собой хороший ли человек — инженер по ТБ Тюрлин. Выпиваем с ними по чуть-чуть за компанию, и уходим в мостоотряд в гости к Цикре — занятному пенсионеру.

Пьём у него кофе с пирожными. Сначала он вспоминает свою жизнь, а затем требует от Влада рассказ о Кудыкте, собирается написать статью.

Дома был в 21:15. Синаевцы после пяти бутылок водки поют, дымят при свече… Уснуть было невозможно.

…В среду Аничкин и Лёшка идут в отдел кадров на «казнь». Серёгин же встретил их приветливо и попросил написать авансовый отчёт о командировке в Аносово. Я здесь же оформляю, наконец, свои бумаги, подписываю их у главного бухгалтера и получаю 80 рублей.

Накупаем всякой еды, а возле дома наш Вовка рвёт и мечет: его ключ остался дома, а дверь мы заперли…

За ужином «ржём» над серьёзностью Вовы.

— Как лучше поставить новый топчан? Думайте! — требует он.

— На попа! А спать будешь стоя, — предлагаю я…

Решили всё оставить как есть.

Глава 2

В колхоз! Межколхозстрой. Бригада армян.

16 октября встал в 3:30. Чай, письма — до 6 часов. Володя и Лёшка уходят на работу. Гошка решил прогулять ещё денёк. Он спит, а я читаю «Белые флаги» Н. Думбадзе.

…Гошка решил проводить меня на рейсовый автобус. До автостанции нас попутно подвёз Дулёв…

В Нелере беру билет до Катеринославки на 20:45. До отправления побывал в магазине, поужинал в столовке. В здании станции молодые музыканты режутся в карты. Один из них ловко перекатывает в ладони два стальных шара…

…Когда зашел в вагон, устроился в купе и быстро заснул.

Утром в поезде никак не мог добиться от проводницы, когда будет Катеринославка. Наконец, в 10 часов приехали.

Милиционер объяснил, как пройти на улицу Юбилейную, 22 — дом Вовы Тимофеева — приятеля по поездке в Чехословакию. Хотел зайти в промтоварный магазин, но потом заметался между конторой и Юбилейной, 22.

Отец Вовки — дядя Вася — предложил располагаться, подсказал, как найти контору и в какие колхозы нужно проситься. В конторе никого из отдела кадров не было. Начальник вызвал землеустроителя, и он предложил прийти после обеда.

Побывал в универмаге. В книжном магазине взял сборник очерков «По ту сторону». В конторе молодой человек быстро нашёл список моих коллег, работающих в Борисоглебском. Дома дяде Васе сообщил варианты предложенной мне работы. Он повозмущался, подумал и сказал, что устроит меня в Межколхозстрой, начальником которого он является. Договариваюсь с ним поработать неделю, задумав, оставшиеся до конца командировки дни потратить на знакомство с Храбровском. Там в это время должен быть в отпуске Адонин.

Я собрался в кино, а Василий Иванович решил зарезать гуся. В кино — фотовыставка «Фестиваль кино». Посмотрел «Один на один» — грустный фильм.

Дядя Вася предложил сходить в баню. Нас подвёз на ГАЗ-51 его знакомый. После бани выпили пива и взяли с собой трёхлитровую банку. Дома встретились с Володькой. Он — само удивление, затем, расспросы, фотографии. Обмен впечатлениями о Чехословакии и о нашей группе… Ужин с самодельным вином из чёрной смородины и пивом. Естественно, почти сразу заснули…

В субботу утром ждали с Володей завтрак и читали: он —

«Вестник атеизма», а я — рассказы Шукшина в «Роман-газете». Дядя Вася ходил в контору и говорил там обо мне. Потом мы втроём строили курятник. Около 12 часов появилась Володина сестра Лена и больше не показывалась.

Обед был с водкой, соленьями, кетой и икрой. В 14:20 Володя проводил меня на автобус, и я доехал до Новоалексеевки.

…По дороге в контору нашёл Альберта — бригадира армянской бригады. Мастер Петя был пьян и плохо соображал. В общежитии белорусов договорились о постели. Пошли на край деревни, но вернулись ни с чем: мастера Михаила Ступакова не было дома.

Забрали с Карменом постель с кроватью, рюкзак и отвезли в общежитие. Собрались на ужин, а столовая закрыта на санитарный день. Идём обратно к Ступакову. Он довольно пьян, но его беременная жена кормит нас обедом. Горячий борщ идёт у меня с болью в горле. Зато удачно прошло молоко.

В фойе клуба просмотрел в областной «Правде» отчёт Анатолия Кузнецова о походе на плотах по Нее. В кино — ролики о противопожарной безопасности (сегодня здесь сгорел склад), затем — фильм «Всадник с молнией в руке».

…В 7 часов — завтрак с молодым Арамом: хлеб с маслом и орехами, чай. Когда он ушёл, я сел за дневник.

— Пошли, посмотришь, как у нас работают, — позвал меня Альберт.

Быстро одеваюсь, и нас везут к фундаменту коровника. Мне командуют: помогай ломать опалубку вместе с Арамом и стариком. Дует сильный порывистый ветер. Через час у меня лопнули мозоли на ладонях.

В столовой — хороший обед, и — на работу. Разбираем всю опалубку и едем домой в 18 часов. Учу армянский алфавит и некоторые слова. Рассказываю парням про Ленду и Магистраль. На сон читаю «Петр Первый».

В понедельник в восьмом часу двинулись из общаги на завтрак с Арамом. В столовой столы были уже накрыты. Нам — по порции вермишели с котлетами-крошками, чай с душком.

На работе старик разводит костёр за сараем, и все сдвигаются к нему. Я снимаю живописную картину на плёнку для слайдов. Долго ждём машину с механизаторами. Я с разрешения Пети иду звонить Тимофееву. Дозваниваюсь с пятой попытки. Докладываю о себе и задаю вопрос о механизаторах.

В 11:30 приезжает тракторист Витя. Мы с Арамом пилим доски для нижних заслонок в фундаменте. В 12:30 — обед. Затем, заливали бетон в заднее крыло фундамента. Приехал дядя Вася, и я поснимал его с работягами на фоне 16-квартирного дома.

…Откапываю зарытые бульдозером щиты. Жарю с Арамом картошку в раскаленной бочке. Таскаю доски и брус для заслонок, а рядом надрывается «Беларусь». Приехал пьяненький Альберт в сапожках, начал ко всем приставать. Когда стемнело, все стали ждать машину, а мы с Арамом отправились домой пешком. Взяли в свинарнике две тыквы, забрались в комнату через окно, переоделись.

…На ужин: картошка и баланда со свининой, чай, печенье с маслом. Идём домой и ребята вспоминают родные грузинские блюда. Дома жарим сою и пробуем тыквенные семечки. Альберту стало плохо, но он тут же заснул.

Во вторник долго светило солнце, был тёплый день. После хорошего завтрака идём на эстакаду втроём: Я с Арамом и его отец. Разбираем её и начинаем сколачивать по-новому, с подгонкой. Старик таскает брёвна, как молодой атлет, и это убивает.

У меня начинается насморк — першит в горле и набухает носоглотка. Обед плотный, плюс три стакана горячего молока. Продолжаем строить эстакаду для машин. Всем руководит старик: ошкуриваем брёвна, верёвками затаскиваем их по швеллерам на эстакаду. Когда Ромка заболтался, старик закатил бурную речь, и все взялись за работу.

Кончили около 17:30. После ужина — кино «Что такое любовь» (Япония) — сентиментальный наивняк. Дома читал «Петр Первый» до 12 ночи. Насморк начался сразу со слезами.

На следующий день насморк продолжался. День был хмурый. После завтрака идём вчетвером на эстакаду. Убираем вокруг доски, обрезки, шифер, кирпич. Ошкуриваем с Арамом брёвна. Роман руководит бульдозером. После обеда занимаемся тем же самым. Заканчиваем около 4 часов.

Я растапливаю дома печь, пишу письмо Лёне. Слёзы льются ручьём. Сижу в куртке в тёплой комнате, жарю семечки. Остальные пришли после ужина. Размик спрашивает:

— Когда ты передашь?

Я думал, что он имеет в виду письмо, и сказал, что завтра опущу сам. Потом выяснил, что он имел в виду «мой грипп». Я объяснил, что это не грипп, а просто насморк.

Пытаемся с Арамом заделать окно — на улице жуткий ветер и дождь, — но всё равно окно продувается. Спал под четырьмя байковыми одеялами.

21 октября — лёгкий мороз, восточный ветер. На завтрак все выходят поодиночке. Я догнал Размика, и мы молча дошли до центра. Опустил письмо в почтовый ящик, но к обеду выяснилось, что почта сегодня не работает, значит, письмо моё

придёт лишь 26—27-го.

Я был в чистой меховой куртке, и ушёл переодеваться. Когда вернулся на стройплощадку, старик с Арамом обвязывали проволокой сложенные в пачку щиты опалубки для буксировки. Я занялся тем же: собирал и обвязывал доски. В перекур все пошли в КБО, а я — в магазин.

Прихожу — все работают. Я немного покопал землю, и вскоре все двинулись на обед. Давали щи с мясом, пустые макаронные ракушки, чай без сахара.

На фундаменте работы нет, и меня — всего в соплях — отсылают домой.

Сижу, пишу дневник, гоняю мух и мышей. В 14 часов одна забралась ко мне на щиколотку и на ножку скамьи, но, когда мы взглянули друг другу в глаза, она задала стрекача.

В 15:30 пришёл Арам с коробкой «Лотоса».

— Скоро уезжать, — сообщил он, — все будем стирася, чистися, щас пойду за Верой. Все будет карашо.

Я занялся печкой, заделкой щели под порогом, чтением романа «Петр Первый». Все постирались. Остался Размик: он зашивал посылку. Я его приглашал к столу, но тут пришёл стриженый парень с глупой девкой. Они торчали у нас от нечего делать битый час. Только когда они ушли, я немного поел и почитал.

…Пятница — солнечный день без ветра. Я, Арам, Альберт и отец Волкова работали на обшивке автомойки. Сначала перекладывали длинный шифер, потом его начали крепить к стенам. Отец Волкова назначил мне роль «подпорки», и я держал листы шифера, когда он их прибивал.

Затем я приволок лестницу с уголками на конце. Отец Волкова мне кричал: уголки «отварятся». И я никак не мог понять, почему они «отварятся». Поднял лестницу, но из-за её тяжести она только мешалась. Отец Волкова привязал к этой неуклюжей лестнице верёвку, чтобы поднять на крышу.

— Там сварочный аппарат, — сказал он, — Альберт отрежет уголки.

Когда Альберт освободился от собирания «топориков» для кровли, он в миг отрезал сваркой ненужные уголки. С облегченной лестницей мы ловко залепили шифером обрешётку на северной стене и стали прибивать половинчатые листы под окнами.

Приехал главный инженер.

— Почему у оконных проемов нет ни деревянных, ни металлических закладных деталей? — спросил он.

— Так сказал сделать мастер, — ответил Альберт…

После обеда продолжаем то же самое. В перекур наблюдаем, как у соседей горел открытый битум, пока они не накрыли его листом железа. С горем пополам, повисев на стенах, доделали северную стену и перебрались на торец автомойки. После работы я сел за дневник. Роман и Размик пришли поддатые и грязные.

В субботу утром я в куртке и без рукавиц явился в столовку, а после завтрака все двинулись на котлован. Делали втроём опалубку. Старик едва успевал нас шпынять. Остальные месили и заливали бетон, ломали старую опалубку бульдозером.

Придя домой все разделились: Роман с Арамом решили поехать в Катеринославку на базар, остальные — в баню. Баня так себе: тесная, сырая и холодная. Мужик долго ругался с бабкой — не давала билетов. После ужина все пошли смотреть фильм «Ни пуха, ни пера». Дома я читал, стирал и писал до часу ночи.

В воскресенье все немного удивились, почему я не уезжаю, а хочу ещё поработать.

— Как говорят, уговор дороже денег, — спокойно объяснил Альберт.

…Вместо шифера занялись колодцем.

Я зашёл в свинарник за водой, подивился на свиноматок и маленьких поросят. Дед раза два гонял меня домой: то за кладочным инструментом, то за ломом, то я сам бегал за фотоаппаратом.

Закручиваю с Альбертом проволоку под самым потолком. После некоторых мучений с лестницей Альберт принёс мне монтажный пояс, на котором я и висел под потолком до обеда. Пообедав, взялись за шифер. Здесь началась бестолковщина: дед долго выбирал листы, потом нелепо складывал у стены, потом указывал мне, как ставить лестницу и так далее. За нормальными листами пошли неровные. С трудом повесили на стену под крышу два листа и разбежались по домам.

В общаге быстро оделся и собрался. Вдруг появился пьяный наглый конюх с таким же наглым мальчишкой. Не дали возможности показать напоследок рабочим мои чешские фото.

Рассчитываясь, Альберт сунул мне 66 рублей: за восемь дней по 10 рублей в день и два дня — по семь, минус питание и проживание. Затем провожал и ждал со мной автобус.

Доехал до Катеринославки бесплатно. Зашёл на почту, в магазин за водкой. У Тимофеевых выпили и долго говорили об урожае, об армянах из грузинского села Алхалкалаки, о некоем неизвестном, разбившим окна им и соседу инженеру. Камень, влетевший в окно, нашли в спальной.

Мария всё ждала, когда можно будет убрать посуду. С трудом уговорил дядю Васю перейти в «мою» комнату. Тут уж он стал

хвастать и половичком, и унтами, и волчьей шубой, и изобилием, и выпитым с друзьями и сослуживцами «для дела». На сон читал «Петра Первого» и думал, что рядом скребутся мыши. Оказалось — кот.

Глава 3

18 братьев и сестер. Поиски фиксажа. «Печки-лавочки». Веселый официант. Пьесы Вампилова. Дневной спектакль.

27 октября. Утром никак не мог приспособиться: как выйти, умыться.

Позвали завтракать.

— Доставай! — сказал Василий Иванович.

— Что? — удивился я.

— Бутылку конечно, — как само собой разумеется, пояснил он.

Мы выпили по 100 г., и он расчувствовался. Сосед с буром, ради которого он остался дома, чтобы бурить под окнами скважину, все не шёл, и он стал мне показывать фотографии своих 18-ти братьев, сестёр и женщин. И здесь изобилие!

Наконец, я собрался, взял мешочек сои и откланялся.

— Заезжай, — сказал на прощание Василий Иваныч. — Будь, как дома…

В Катеринославке купил билет до Храбровска на 10 часов, в магазинах: книгу повестей Мишеля Делибеса из серии МСП (малая серия приключений), пластинку «Танцуем до упаду». В Анхаре с мальчиками-курсантами из Кронштадта сбегал в магазин за «Вермутом». Проводница — нервная, считала мешки с бельём и переругивалась с морячками. Я взялся за Делибеса.

Поезд долго подкрадывался к Храбровску, и он появился незаметно в 21:30.

Дома у Адонина без энтузиазма выпили за ужином и проговорили до 4-х утра.

…Проснулся около восьми часов. Два-три раза будил Лёню: то разговорами, то звуками приёмника. Снимал его спящего на «Практику». В 12 часов позавтракали. Когда выходили из квартиры, встретили на лестнице отца Лёни — Ивана Николаевича. Он меня узнал, а я его — нет. Вышел конфуз.

В поисках фотореактивов поехали на проспект Маркса. В одном магазине фиксажа нет, в другом нет… Дошли до парка, заснялись на фоне Реки. Дома почитали газеты. В «Неделе» — очерк Харизматова «У нас на Магистрали». По-моему, — жуть.

Сходили в одно ателье: фиксажа нет. Во втором — выпросили фиксажа на 1 л. Прогуливаясь, купил билет на фильм «Печки-лавочки» в «Дружбу». Кинотеатр старенький, но хороший. Фильм — новое слово в искусстве — тоска.

Дома Лёня созерцает телеспектакль. Холодной воды не было, — проявлять плёнки нельзя. Я читаю, Валентина

Викторовна жарит-парит, Иван Николаевич рассуждает о работе. Я предлагаю актуальную тему: «работа на аккорде».

За ужином зашла речь о просмотренном мной фильме.

— Прямо не знаю, что сказать… — начал я, но вспомнил, что Лёня — поклонник Шукшина и закончил: — Вышел из зала в полном недоумении.

…На следующий день в фотоателье на проспекте Маркса сразу получил два пакета фиксажа. В благодарность решил достать сухого вина, которое «пачками» тащили старушки. Выяснилось, что дают его в Волочаевском городке. Когда пришёл туда, — белое кончилось. Долго думал, что делать. В конце концов взял шампанского и два «Каберне».

Поехал по кинотеатрам и магазинам. Посмотрел фильм «Женщина на один сезон». На такси приехал домой, когда на ТВ уже заканчивалось интервью со Степановым. Остальная передача была ерундой. Почитал «Роман-газету» о Нюрнбергском процессе.

Ужинали с «Каберне» и шампанским и долго не спали. Лёня улёгся с Ленкой, а я быстро выключился.

30 октября поехал в город, побродил, купил билеты в театр. Побывал на художественной выставке русского и западного искусства, в художественном салоне, в «Минводах», в магазине «Автомобили», где долго выбирал запчасти для мотика.

Пьеса Коломийца «Повесть о любви по фотографиям» в драмтеатре мне не понравилось. Взял билеты на завтрашний спектакль «Энергичные люди». В 18 часов заехали за девочками. Лена пригласила Наташу — девушку потрясающей внешности. Пошли в ресторан «Турист», но он был закрыт на обслуживание 250 женщин. Поехали в «Отдых» и там мило посидели с весёлым в прямом и переносном смысле официантом. Девочкам было грустно, несмотря на шутки официанта и мои усилия расшевелить их. Моё «научное» объяснение, «почему в шампанском кусочки шоколада „играют“», их повергло в тоску…

…В пятницу опять болтался по городу, читал. Вечером ждал девушек у театра, но Лёня с Леной пришли вдвоём: Наташе было некогда. Постановка нам очень понравилась.

После театра мы с Лёней хотели «совратить» Лену где-нибудь погреться, дошли до «Туриста», сели на троллейбус и ближе к полночи были в аэропорту.

— Мы едем в Мадаган? — всю дорогу пронзительно пищала Лена…

Обратно взяли такси. Лёня проводил подругу до общежития, и мы вернулись домой.

1 ноября, суббота. С утра Адонин взялся, наконец, за печатать

фотографий. Я поехал в «Дружбу» и посмотрел фильм «Афоня». В «Книжном мире» выстоял в очереди книгу Монтеня. У девушки, отошедшей от прилавка, как выяснилось позже, — выпускницы Храбровского института культуры — выпросил, купленный ею, последний экземпляр «Избранных пьес» Вампилова в двух томах.

Дома под музыку «Битлз» выпил рюмку коньяка. В 17 часов меня потянуло на улицу. Доехал до кинотеатра на улице Ленина, но на сеанс 17:30 не успел (давали фильм «Он играл в карты по-научному»).

Дома никого не было. Съел на ужин рыбу, оказалось, — щуку. Попечатал свою фотоплёнку. Приехал Лёня, и на этом печать закончилась.

…На следующий день у нас был запланирован поход в театр на дневной спектакль. В десять часов Лёня отбыл за Ленкой в общежитие. На обед я лепил с родителями Лёни пельмени.

Давали спектакль из четырех миниатюр. После первого отделения («Заступница» и «Квиты») выпили в буфете пива и нашли Лёню с Леной. Они сидели в нашем ряду, сбоку. С удовольствием ознакомились во втором отделении с остальными пьесами — «Незаменимый» и «Праздник».

…Погуляли по набережной до стадиона. Купили две бутылки «Кубанской» и торт, по прихоти Лены — «Трюфель». Дома ели пельмени, запивая «Кубанской». Потом я читал вслух Вампилова и увлёк всех пьесой до 1 ночи. Лёня возился с Ленкой, не пускал её в общагу. Она его кусала и верещала, как курица. На этот раз он спал в моей комнате.

В понедельник, как обычно, завтракали поздно. Приехали родственники Адониных. После завтрака я рассортировал и упаковал фотографии для отправки Араму в Алхалкалаки и Тимофееву в Катеринославку. Вскоре Лёня подключил меня к пробной глянцовке (он только что взял в прокате два глянцевателя). Глянец получался плохой.

Иван Николаевич в 10 часов принёс мне билет на поезд №1 до Нелера. В 12 он уже готовил обед. Лёня бегал туда-сюда, все суетились. В обед быстро поели и выпили «Кубанской» за мою дорогу, за предстоящую свадьбу Лёни, за встречи и так далее. Вскоре мы с Лёней вышли из дома.

Он безмолвно проводил меня до вагона. Я отнёс в купе вещи и вышел. Оставалось 10 минут. Поговорили ни о чём и сухо распрощались.

В поезде я взялся за Делибеса и читал даже с одним ночником. Наше купе было самым общительным: находили темы для разговора допоздна. Говорили о ценах, об официантах и о разносчиках товаров по вагонам.

— Сейчас никто на 80 рублей не живёт, зарплата 80, а на 150 — воруют, — рассуждал проводник. — Вот, у нас на дороге — везде надо дать…

— Ну, что это за семья? — говорили пассажиры. — Всё время — на колёсах. Ты уехал, а она — с другим. Или ты находишь другую, — добавлял кто-то.

— У вас взгляд на вещи устарел, — уверял проводник. — Надо доверять друг другу.

— Нет, это не семья!.. — оставались при своём критики…

Глава 4

Ледяная дорога. Вольный человек. Забастовка. Поезд «Дружбы». Трофейная селедка. «Психотерапия».

…Несмотря на ранний отбой, проснулся поздно, в 8 утра. Сидя и лёжа читал Делибеса. Взял у проводницы билет и квитанцию на постель. В 13:30 вышел на станции Б. Нелер и сразу пошёл за мост голосовать.

До двух часов никто не остановился. Пошёл к вокзалу, дождался автобуса в Соколовск на 14:20. Оттуда сразу попал на «Урал» (бензовоз), и мы поползли по обледенелой дороге со всякими приключениями.

На 111 км нас чуть не закружило и не выкинуло в кювет. Через пару-пятёрку километров увидели под мостом ЗИЛ-130 с прицепом. Шофёр с трудом вылез через щель в двери. Довезли его до Джетулака, и он пошёл в контору звонить. Уже в темноте обнаружили течь воздуха в одном из скатов. Автоподкачка колеса не работала. Останавливались три раза для подкачки. От Соколовска до Ленды (200 км) ехали 4 часа.

В Ленде зашёл на почту. До востребования писем не было. На телеграфе купил разовый талон для переговоров.

…Гошка с Вовкой были в клубе на репетиции пьесы «А поутру они проснулись» с Иосифом. Лёшка напоил меня чаем с вафлями и печеньем и ушёл на тренировку в школу.

Прочитал письмо от Мостафина от 19 октября. Поздоровался с «артистами». Марков принёс замызганный номер «Спутника».

5 ноября будильник прозвенел без четверти 7, но никто не пошевелился. Все очнулись в 9 часов. Идти на работу или не идти? После некоторой раскачки сообразили: лучше поздно, чем никогда. Со смехом Лёшка и Гошка пошли на покаяние в свои бригады.

Вовка думал дольше всех.

— Разве можно, как машина, изо дня в день вставать и идти на эту дурацкую работу? — ворчал он. — Нет, я — вольный человек, могу и прогулять, — не то, что Выгорнов. Его жена — стерва! Каждое утро встаёт рано, всё приготовит и будит мужа на работу, как робота, — сказал он и, «выпустив пар», ушёл.

Вскоре заглянул Выгорнов, видимо, разминувшись с ним.

— А ты как будто не видел, что Вовка проспал? — спросил он с укоризной.

— Видел, но кто я ему? Он легко меня игнорирует и посылает иногда… по матери…

В 10 часов я зашёл в редакцию «Авангарда» поздравить

знакомых с Днем печати, и они пригласили меня отметить их праздник вечером.

На почте послал телеграммы тёте Лине и Лере. Позвонить по талону в Москву мне не удалось. В книжном магазине ничего не нашел, но под прилавком — я точно знал — у Нины Степановны были книги Шукшина и Майн Рида.

С 12 до 14 часов ждал автобус из Нелера, чтобы взять билетик у приезжего, для финансового отчёта. В читалке писал отчет, а рядом выступала с лекцией В. И. Сизова.

Отчет у меня не приняли: чеки были без скрепки. Отмечать День печати я не пошел, а ночью из дежурки электрика звонил в Москву…

Утром в четверг Вовка с Гошкой опохмелились. Когда они ушли на работу, я взялся за перестройку шкафа. Работал быстро, но с остановками: читал в «Ровеснике» о Билле Холидее. Около 12 часов друзья вернулись с двумя какими-то бичами. Спросили свою бутылку «Вермута». Распив её, Вовка спел всё, что знал из репертуара эстрадных звезд.

Шкаф я доделал, все вещи разложил, отдал отчёт о командировке секретарю. Дома постирал рубашки, промыл сою. В это время отключили свет. Явился пьяный Архипов из газеты «Магистраль» в поисках Виктора. Веду его в 73-й вагон, и они уходят на чью-то свадьбу.

В 17 часов захожу в 150-й вагон к девушкам из отряда Степанова чинить швейную машину. Но хозяйки — в клубе. Приходит одна из них — Наташка, за ней — Степанов, и мы пьём брагу, закусывая «Чародейкой».

Прошил на машинке джинсы и ушёл к себе. Вовка привёл одного из двух вчерашних типов в спальный отсек и не давал мне спать своей болтовней до 12 ночи. А Гошка, невзирая ни на что, крепко спал.

7 ноября. Сегодня хочешь — не хочешь, а праздник отмечай. Планировал подняться в четыре, но не проснулся. Да и в семь — тоже. Меня поднял радиобудильник.

Поругался немного с Вовкой по поводу вчерашних и вообще — всех пьяных гостей. На обратном пути из столовой купили пять бутылок «Вермута» и закуску.

Дома устраиваем пир. Выпив, ребята уходят. Заглядывает Глазов и зовёт на новоселье. У него в «новом» доме готовим еду и ждём гостей. Пьём с Купченко и Юрой, пляшем и кривляемся. Глазов засыпает, а я переписываю кое-что из Битлз и прочие популярные вещи себе на кассетник. В первом часу ночи я отбыл домой…

В субботу с утра пораньше Гошка уходит играть в футбол.

Заглянула Фирмина, рассказала о поездке в ГДР с поездом «Дружбы» и о пьянстве «Серебряных». Дабы «поквитаться» с ними, пьём с ней «бормотуху». Я незаметно напился и лег спать.

Вечером ищу, где бы поесть. Столовая закрыта. У Митяя пью кофе, кручу пластинку Бичевской.

…Виктор зовёт к себе в 73-й вагон. У него Женя, парень из ИТР, читает стихи. Арнольдов рассказывает о забастовке с «экономическими требованиями» на участке разгрузки. Во втором часу я ухожу спать.

…Встал в 7 часов, прошёлся до складов в поисках машины до Хородочи, куда был приглашен в гости. Машин там не нашел и перешел к перекрёстку. Голова кружилась, возможно, от голода. Сходил в столовую — и опять на перекрёсток. Там же стояли Яркович со Славиком и предавались воспоминаниям о Москве. Вместе с Францевой разжигаем костер. Вскоре они втроем уезжают в кабине КРАЗа, где уже было два пассажира.

Отчаявшись уехать, иду домой с найденной на нашей «остановке» селёдкой. В 15 часов решаюсь пойти к Коротич. Перехожу через сопку, покупаю конфеты и встречаю сестру Людмилы.

— Люда с Инной на именинах на Шестом километре… — «обрадовала» она.

…Захожу к Глазову, где жарят котлеты и накрывается стол. Только мы собрались приступить к трапезе, как явились Купченко и Серёжа-хиппи. Едим и выпиваем до 10 вечера. Я записываю на кассетник музыку разных групп. Дома до 2-х часов ночи Гошка пристаёт с разговорами и не даёт спать.

В понедельник будильник срабатывает в 6:30. Все постепенно встают. Вчера спрашивал Гошку, собирается ли он на работу, а сегодня видно, что — не очень. Заношу письмо Глазовой, чтобы отнесла на почту.

На работе балдели в бытовке, пока не пришёл Лидс — инженер по ТБ. Он завёл разговор о необходимости повышения квалификации, чем возбудил негодование пятнадцати ребят, в основном — своим положением на стройке: только говорить горазд, а до дела — не доходит. Выступили почти все присутствующие. Картина с этим «повышением» вышла ужасающая.

…В 11 часов заходил к секретарю — мой отчёт о командировке в колхоз ещё не сдан Падикину на подпись. Дома пью чай, ем селёдку, читаю English, играю на гитаре.

…Непутёвый снабженец починил свою машину, и мы едем на склад автобазы, ищем кладовщицу, слоняемся без дела. Когда приходит кладовщица Зоя, похожая на борца сумо, достаём

из глубины склада движок ГАЗ-66. Тащим к машине, кое-как вдвоём засовываем его в кузов. При этом за правой лопаткой у меня что-то треснуло. Также «ловко» выгрузили двигатель в ОГМ. Позже оказалось, — движок привезли от ГАЗ-53.

До 16 часов просидели в бытовке, и — по домам. Несколько раз заходил в контору. Дело с моим отчётом еле движется. Народ в конторе спокойно получает зарплату.

Дома — пьяная компания: Выгорнов, Францева, Синаев, Вовка, Лёшка, Игорь, Арнольдов и Петя. Пристают ко мне со «штрафной». Я отказываюсь и ложусь в аутотренинг. Арнольдов завёл Францеву в спальную половину, где я расслаблялся, и повёл с ней откровенную до цинизма беседу.

Не выдержав такой наглости, ухожу к Ирине Глазовой в библиотеку. Она поит меня чаем с конфетами. Пишу дневник, чиню её часы, болтаем с ней о болезнях…

Во вторник просыпаюсь в шесть часов. В балке на полу, на тулупах, спит Вовка, а на его кровати — Гарик. Когда он встал, возвращаю ему книгу Р. Рождественского. В столовой Вовка угощает гостя завтраком.

На работе греемся, пока не приходят машины с бытовками КСО[23]. Вдесятером бросаемся ставить кран и снимать их с машин. Арнольдов с Копелем — главные стропальщики.

В перекур Арнольдов отвел меня в сторону.

— То, что я говорил вчера, когда был пьяным, — униженно сказал он, — ты не слышал.

— Да я и так не слышал, чего ты там наплёл, — ответил я. — Ведь я ушел…

…С Гречкой таскали калориферы, а Вяковлев с Петром расчищали площадку под КСО.

На занятиях по экономике собралось около 20-ти человек. Пришли проверяющее из треста. Лекция вылилось в диспут, и Сорочин только успевал отбивать пустые нападки Вовки и других ребят. Разошлись в 18:20.

Я побежал за зарплатой, но по расчётному листу — копейки. Позже вспоминаю: за сентябрь — всего 87 копеек. С трудом добиваюсь, чтобы мне выписали за три дня (7,8,9) работы в ОГМ — 15 рублей. Ужинаю «резиновым» мясом, но с шампанским, которое купил Вовка. Только собрался лечь спать, чтобы ночью поработать, как вдруг появляется Катерина, дрожит от холода и говорит, что скучала, «аж сердце разрывалось». Вот уж неожиданность!..

От чая она отказалась, вытерла со стола, исподволь заговорила о поездке в ГДР, о выступлении Ручицына на телевидении, загнула кучу анекдотов, привезённых из Москвы.

Лёшка с Вовкой пошли её провожать и зашли к Францевой. Я пью чай, пытаюсь встряхнуться, но голова была задурманена какой-то благостью. Продремал над тетрадью, вспоминая рассказ и «признание» Катерины, и лёг спать в 2 ночи.

В среду 12-го утром долго лежали в постелях и пререкались с Вовкой: опять у нас с ним трения из-за его «фонтана». Он наловил «зайчиков» и болтал всю ночь. Попросил меня предупредить бригаду, что заболели глаза… Пьём с Гошкой чай, и он решает остаться, чтобы получить зарплату.

…В ОГМ получаем задание: растащить железо с площадки и установить на это место КСО. Я перекатил несколько колёс, перенёс какие-то железяки, погрелся раза три и пошёл в расчётную часть.

Спросил ещё раз, за что мне начислили копейки? Меня послали подумать об этом самому. С 10 до 11 часов «думал» и рассчитывал всё дома. Осталось получить деньги за командировку.

Иду в отдел кадров за изменённым приказом и на почту за бандеролью. На почте наложенным платежом — «Письма» Томаса Манна. В отделе кадров взял «изменённый» приказ. Главный бухгалтер не нашла изменений: «В нём всё должно быть указано и приколота справка из колхоза». Пишу дома письмо Тимофееву, чтобы выслал справку.

…Гречко, лёжа на капоте ГАЗ-53, агитирует меня работать в «Комсомольском Прожекторе» ОГМ. Дома с Гошкой (он получил 46 рублей), ем хлеб и кабачковую икру с боржоми. Ложусь спать, но на кухне Тюрлин с Вовкой громко занимаются «психотерапией» в нетрезвом состоянии…

Вдруг отключили свет. В 22:30 прибежал Горчаков:

— Выключай электроприборы! Не можем завести «тысячник»…

Гошка пришёл в полночь от Авдеевой с гонораром 10 рублей за опубликованные в газете стихи. Кто-то занёс к нам письмо от Лерки, и до четырёх утра я пишу ответ.

Глава 5

Извиниться? Никогда! Живопись Гречки. Не комильфо. Взвейтесь кострами! «О, счастливчик!». Пропажа цистерны. Русский характер. Артисты МХАТ. Собрание актива.

…Утром Гошка сообщил нам, что сегодня совершит дерзкий поступок (по Вовке — резкий). Мы гадали, ломали голову, — какой, но не угадали.

Я опоздал на работу, и меня поймал Гречко с заданием: взять в комитете инструмент и обить доской цоколь КСО. До обеда мы примерялись, прикидывали с чего начать, а после — начали работать.

Зашёл домой за командировочным удостоверением, и увидел, что Гошка возлежит на моей кровати. Поступок он совершил: выгнали с работы. Теперь он ждёт ребят из своей бригады.

На работе сделали настил из щитов и толстых досок для КСО. Шепетов не успевал спасать свои материалы и только обкладывал нас матом. В завершение мы с трудом навесили входную дверь на бытовку и разошлись.

…Дома к Гошке зашёл его бригадир Федя Ностовой.

— Гош, будь человеком! — сказал он. — Для начала извинился бы перед коллективом.

— Никогда! — отрезал тот.

…Я решил обратиться к Серёгину насчёт оплаты пяти, потраченных на ожидание командировочных денег, дней. После работы пишу заявление на имя начальника. Серёгин его подписал с пометкой: «Прошу дать предложение». Я по ошибке отнёс его в расчётную часть…

Вечером отправил письмо Тимофееву в Катеринославку. Митяй сообщил последнюю новость: сам Падикин предложил ему пойти в десант на строительство очередного поселка на Магистрали. Как всегда серьёзно, Икорников заговорил о своей «новой политической установке». С полуночи до 2:30 — продолжаю письмо Лере.

14 ноября, пятница. Проснулся в 8 часов. Гошка ушёл к бригаде, а Вовка сидел до девяти часов дома.

На работе Сорочин направил меня в помощники к Коле Астахову. Надо было отсоединить отвал от трактора. Я разжёг паяльную лампу, и мы пошли к бульдозеру. За полчаса прогрели и выколотили втулки из дышла отвала, и я освободился.

Направились с Гречкой выписывать оргалит для стенда КП. По пути завернули в контору: он — к бухгалтеру, я — в отдел труда и зарплаты. Меня выслушала сотрудница отдела, как

и Плутанова, поудивлялась размеру моей зарплаты и сказала, что надо ждать резолюции Падикина.

…Зашли в балок к Гречке, где хотел посмотреть устройство оригинального водяного отопления в кухне. Заодно он показал мне с едва скрываемой гордостью натюрморт, написанный маслом, — его собственное произведение.

Придя на склад за оргалитом, застали Тюрлина, сдававшего свое барахло. Вместо штанов энцефалитных принёс солдатские, но их не взяли… Мы получили лист оргалита и, чтобы не обходить территорию, перебросили его через забор. Там Вера Свирина приняла его.

…Около часа грелись в бытовке, очевидно, набираясь сил. Как оказалось — не зря, ибо вскоре Вяковлев созвал всех в кузницу, чтобы двигать полуторатонный гидромолот. Сначала поддели его досками, но, чтобы скантовать, нужны были ломы, закрытые на складе. Вяковлев побежал искать кладовщицу, и больше мы его не видели. К 12 часам все разошлись.

Дома с ребятами пили чай, обсуждали свои планы. Гошка мечтает занять у кого-нибудь много денег, на дни рождения, свадьбы и так далее. И это несмотря на то, что над ним висит угроза увольнения. Затем Лёшка уводит его на дежурство КООД. Мы с Вовкой остаемся за столом в кухне. Пришел Митяй и, будто оттачивая речь перед собранием, опять заговорил о своём «новом политическом кредо»…

В ОГМ начальства не было, и в 14 часов все разошлись по своим делам. В 14:50 я дошёл до «Орбиты» на вершине сопки, заснял виды моста через Ленду при слиянии с Гедканом и путеукладчик на другом берегу. Спустился в посёлок, дома переоделся и на попутном ЗИЛе доехал до центра. В книжном магазине — ничего интересного, кроме «Я и мы» чилийского камарадос и «Наука о боли».

…Дома Гошка валялся в предвкушении пятничной пьянки. Вовка принёс водки и вина. Я купил в столовой шесть бифштексов, картошку, хлеб. Выпиваем втроём, а когда Гошка уходит, его место занимает Мирносов. Отключили электричество, и мы при свечах стали вспоминать «страшные» рассказы Эдгара По, Амброза Бирса и из детского народного творчества…

Проснулся в 3:30, подвигался на улице, попил чай и прокемарил над дневником до 8 утра.

В субботу до 10 часов пишу письмо Лере. Приходит Огонёк и создаёт суету вокруг бутылки водки. Ухожу на почту, надеясь получить посылку, но её там нет.

С часу до двух дня пытаюсь уехать с развилки в Кудыкту на свадьбу земляков. Прибыв в Кудыкту, захожу в 22-й вагончик.

Все уже начали вставать из-за стола. Влад поднялся ко мне.

— Вот кого я очень рад видеть! — воскликнул он, раскинув руки, чтобы приобнять…

Позже опять пили, как-то танцевали, несмотря на то, что народу в балке было битком.

В 19 часов всех гостей позвали в клуб. Там Влада насильно поили, заперев в кабинете директора. Я же ушёл в балок к Натану, просмотрел книги из посылки… Гуселевы пригласили меня ночевать к себе в «человеческих условиях», на кровати. Народу набралось ещё пять человек, но они спали на полу, на тулупах и коврах.

Когда в воскресенье встали, Людка Гуселева стала «насиловать» всех своим кофе. Мы с Гуселевым пришли в клуб опохмеляться, но там уже ничего не было. Вскоре нас находят новобрачные, и мы помогаем им нести закусь в первый дом, где было всё для продолжения веселья.

Мошкин, будто в шутку крикнул, чтобы мне больше не наливали, и я ушел в 22-й вагончик. Там никого нет и холодно: вчера пьяный Виннету с разбитым носом, выставил стекло в двери тамбура…

Нахожу Влада во втором доме, у Антонины. Тут же обретается Огонёк. Оценив мою внешность, он ехидно улыбается, но и сам имеет вид не совсем нормальный. Пьём водку, слушаем музыку. Я пишу на кассетник концерт Никитина и снимаю всех на «Зенит».

В 13 часов меня с девчонками берёт до Ленды УАЗ ГАИ. Доехали за 45 минут, но я чуть не набил себе шишку на голове.

В нашем балке — один Лёшка. Я ложусь спать, но мне сообщают, что из отпуска приехал Горисов. В 73-м, соседнем вагоне, он уже угощал друзей «Цинандали» и ликёром. Олег Пашутин начинает рассказывать всё о той же поездке в ГДР. Взяв бутылку «Хванчкары», Горисов тащит меня к Митяю. У него в гостях изрядно пьяный Гошка шумно «выступает». Разговора не получается, и мы расходимся.

…В понедельник на работе сравнительно быстро получаем с Колей задание: обшить досками на зиму трактор «Беларусь». Притащили несколько досок и разошлись. Мне приказано снять в нашем поселке праздничные флаги. Гречко отправляют оборудовать магазин в Кудыкте.

Затем Сорочин везёт нас с Макаром к пожарной ёмкости у энергопоезда для очистки её ото льда. Наскоро сколачиваем лестницу и лезем в цистерну. Он колет внутри неё лёд, а я выбрасываю его через люк на улицу.

После обеда продолжаем выбрасывать лед из цистерны.

Покончив с ёмкостью, сидим в бытовке без дела. Макару предложили заняться трактором, а мне — ехать в Кудыкту мотористом. Я отказываюсь и требую дать машину. Помогаю какому-то военному грузить в ГАЗ-66 шестерню и вскоре ухожу домой.

Дома — чай, газеты. Гошка выжидает время, чтобы пойти к Глазову.

У Глазова пьём шампанское и коньяк без особого повода. Он — в трансе: его обругал сосед за шум в неурочное время. Гошка хамовато устраивается спать на глазах у всей компании. Я ему намекаю, что это не «комильфо», но намёков он не любит…

…Дома мы быстро ложимся спать.

Во вторник в 4 утра встаю от сигнала будильника и от холода: у калорифера оторвался шнур. Пришлось его чинить.

На работе получил задание: с Макаром сходить на «тысячник» и принести оттуда фланцы для сварки… Я хожу за Вяковлевым и Сорочиным, прошусь на машину. Гречко уезжает в Кудыкту.

После обеда мы, как неприкаянные, опять ходим с Макаром и ждём, когда о нас вспомнят. Вдруг в 15 часов приходит Сорочин.

— Иди домой, Гена, — говорит он. — Отдыхай, а ночью выйдешь на обогрев двигателей.

…В отделе зарплаты никого нет. В расчётной части меня ругают, отказываются платить. Пишу новые объяснения на целую страницу, сдаю Плутановой.

Не заметил, как подошло время моей смены — 17 часов. В бытовке послушал лекцию по экономике. Познакомился с системой слива воды на машинах. Сменщица Бакланова начала меня учить-мучить сразу и нудно, хотя успевала читать книгу, топить печь, смотреть за обогревом воды и за тем, как течёт солярка из шланга автонасоса.

Ночью для осмотра машин сначала я просыпался через час, но вскоре дошёл до 30 минут. И так — до 7 утра. Работа меня замотала. Когда в автокране уровень соляра подходил к «0», я заливал горючее в бак ведром. Оказывается, просто не знал, как переключить питание на второй бак.

…В 7 утра осмотрел технику, и в 7:30 Сорочин меня отпустил. Дома ложусь спать, а в 10 часов иду на почту, в книжный магазин и в КБО, где стригусь наголо. Баня была закрыта, и я с полчаса провел в пивнушке.

…Дома света всё ещё нет, и, чтобы трубы не разморозились, воду из системы мы слили. Берусь читать «Милого Эпа» и засыпаю.

Вечером Мите приходит идея поехать в «Пионер». Покупаем билеты на фильм «Не может быть». В фойе ДК «мелькнули» Мищенко с Тамарой, но мы их как бы «не заметили».

После фильма идём к нашей школе, где вместе с земляками греемся у костров. У Митяя, не раздеваясь, читаю газеты при свече. В 23 дают свет, и все от костров бросаются по домам спать.

Я же бегу на дежурство в ОГМ и включаю агрегаты. Вскоре энергию опять выключают. Арнольдов ходил в наш клуб репетировать «20 минут с ангелом», а к нам в бытовку зашел погреться и заснул. До 2 часов ночи сидим в тулупах…

…В четверг Гоша уходит на работу к 9:30. Вова и Лёшка не идут вообще: решили заболеть. До 11 часов — чай, журнал «Иностранка» №3 — статья М. Т. Кузьминой о Микеланджело.

К 13 часам иду на работу. Бытовка закрыта, я сажусь в «Кировец» к Мише, и он объясняет мне назначение ручек.

…Мне поручено сделать тёплый переход между КСО и мастерскими. Тут же я, покраснев и прослезившись от волнения, прошу Сорочина поставить меня на постоянное ночное дежурство. Он соглашается и даже обещает приплачивать.

Я всё же пошёл строить переход из КСО в мастерские, который начал лепить Ильин. Сделал рамку и приступил к сборке порожка. Подошёл Витя Леднев и предложил помощь. Я рассказал, что надо делать, но он стал сочинять свой «проект», чем сразу затушил мой запал. Мы с ним дошли лишь до засыпки порожка опилками.

…В 19 часов прихожу домой, а следом — ребята с работы совсем больные… Заходит Горисов, и я отдаю ему, заказанные им, пять экземпляров сборника Р. Рождественского. Он читает с Вовой Глеба Горбовского. Лёшка с выдернутым зубом ест димедрол и тоже читает. В 10 вечера ненадолго дают свет, и мы укладываемся спать.

…Встаю в 10 утра. Сорочина в ОГМ не нашел. Купил кое-что к чаю, и — домой. Появился Гоша: он 2 часа ждал автокран на разгрузочной площадке, но кран не пришёл. Пьём чай с баранками, говорим о способах обогрева на улице. Володя — на больничном, собирается переписывать с магнитофона слова песен. Я пишу дневник. Гошка опять уходит, приходит и ложится спать, а через несколько минут падает с кровати на пол.

Появляется незнакомая девушка, сообщает, что она из Хородочи, и просит пить. Тут же сообщает, что скоро будет работать завотделом в прокуратуре. «Приятная» неожиданность.

…Когда в пятницу утром к нам зашел Виктор, Гошка сразу убежал на работу. В 12 часов он явился с колбасой, яйцами и маслом. В 14 пришёл Лёшка и учинил нам разнос: система

не работает, нет отопления и воды, бельё не поменяно… За ним появилась его Светка, и он собрался улизнуть. Она было пустилась за ним, но Райлин попросил её остаться. Она пьёт чай, угадывает слова песен, что Вовка списывает с плёнки, и «лезет» во все «дыры».

Я взялся чинить насос от нашего «водопровода». С Гошкиной помощью его разобрал. Начал греть цилиндр паяльной лампой, но она еле горит и не гудит. Полчаса грел цилиндр, пока поршень в нем не сдвинулся с места…

Пошёл второй раз в магазин… Новая кассирша — настоящая «кинозвезда». Может, из-за нее ходил два раза?

В 16:30 зашел за авансом, но в кассу было много народа. В бытовке ОГМ подождал Сорочина. Он зашёл и ничего не сказал. Я обошёл все машины, включил на них свет, немного передвинул некоторые из них. Когда пришла сторож Пиманова, пошёл за авансом, но касса была уже закрыта.

Домашние зовут меня носить воду из водовозки, но я собираюсь на дежурство.

Пиманова ушла домой «за топором» и вернулась только через час. Я тут же помчался домой узнать, что сделал комитет с Гошкой. Он спал на моей кровати, и я не стал его будить.

В ОГМ свет на двух тракторах был погашен. Я осмотрел машины и зашел в бытовку. Договорился с Пимановой, что будем выходить на осмотр техники по очереди через час. Утром дождался прихода людей и в 7:45 отбыл домой.

В субботу спал до 11:30, пока не пришёл Степанов. Я оделся, и мы двинули в город. На почте для меня ничего не было. Пообедали и пошли на профсоюзную конференцию. Конференция не состоялась, просто выступили: Кульпин, Сафронов, Иванцов, Серёгин. Падикин молчал и краснел, как варёный рак. Затем, Влад ушёл искать «Магирус», «выписанный» им в Кудыкту…

Дома выпил чаю с ребятами. Позвал в кино их, Икорниковых и Глазовых. Смотрели «О, счастливчик!». Фильм произвёл на меня редкое, потрясающее впечатление. Дома обсуждаем втроём Гошкину роль «обличителя» и неистребимый бардак в СМП. Вдруг Лёшка вспоминает, что меня просили выйти на дежурство.

Прихожу в ОГМ в 23 часа. Только дописал дневник, как пришёл другой дежурный. Возвращаюсь домой и в полночь ложусь спать.

…Наверно, это было самое грустное воскресенье. Мои часы встали, я проснулся будто в девять, а на самом деле было 11 часов.

Попытался сделать упражнения из йоги. Умылся в прихожей, поливая себе из пивной кружки. Почти весь день — в лежачем

положении: то Шемякин, то Вампилов, то Гошка с байками о своей тётке и её супруге — алкаше-шорнике-электронщике. Опиваюсь чаем со сгущёнкой.

Вовка с Гошкой уходят к Гарику в прессцентр. В 18 часов сбежал из бытовки, где Пиманова плесканула в буржуйку соляры «для розжига» и отравила атмосферу. Отношу Глазову книги Ф.О'Коннор и Н. Думбадзе. Пью чай, зашиваю брюки.

В 20 часов — я на территории ОГМ. Здесь Вяковлев рвёт и мечет.

— Никуда не отлучаться! — рявкает он и бегает от водогрейки до ГСМ.

Его сопровождал какой-то проверяющий. Оказывается, пропала цистерна на колесах, при этом на землю вылилось целое море соляры. До 22-х часов сливаю из двух «Кировцев» семь вёдер соляры для заправки водогрейки, смотрю, как работает техника и пишу дневник.

В понедельник в бытовке крановщик-«философ» Окороков рассуждает о «русском характере» на своём примере:

— На морозе — без рукавиц, утонул бульдозер — ныряю первым, год строил линию Транссиб — Ленда. Министра Соснова возил, в кювет летал два раза, переворачивался… Теперь для меня эта магистраль — прямая линия.

Придя домой, пью чай. Появляется Адонин, и мы коротко обмениваемся с ним новостями. Он переезжает из Кудыкты сюда, в Новоленду.

На центральной почте — посылка от родных. В посылке находим с Гошкой шампанское, водку, орехи и конфеты…

В конторе получаю аванс (60 рублей) и — на дежурство. Сторож сегодня — на редкость глупая баба. Я заливаю соляру в водогрейку: нескончаемая струя исчезает в горловине её необъятного бака. Вредный крановщик «КАТО» объясняет мне, как обращаться с его машиной…

…Почитал Вампилова из ранних вещей и заснул в 10 вечера. Просыпался редко, да и мороз на улице спадал. Под утро нечаянно заглушил движок «КАТО». Действуя по инструкции хозяина, заводить его не стал…

С утра 25 ноября Вяковлев был суров. Объяснил Сорочину:

— Был на пожаре. Горел дом начальника автобазы. В результате не смог заснуть до 2 ночи…

Разогнал всех на высоких тонах и удалился.

Я ждал сменщицу Пиманову Валю до 8:30, но она не пришла. Дочитал Вампилова, оставил Сорочину свой график дежурств с 18-го ноября и отбыл домой.

Дома пью чай, читаю газеты. Аничкин рассказывает о своей

сестре, её подруге и их романах. Работы у него нет опять. Лёшка заставляет меня отвинчивать лопнувший ТЭН.

…Гоша в комитете изложил свою версию конфликта с начальством. Его выгнали с заседания до выяснения «истины». Вовка идёт в «Пионер» к 21-му часу на вечер «80 лет Есенину» с участием артистов МХАТ. Я опаздываю, но всё же прорываюсь на концерт. Горисов, увидев меня в зале, радостно докладывает, что выдвинул меня очередной раз в «Комсомольский Прожектор»…

После концерта, взяв дома магнитофон и бутылку водки, иду к Митяю. Сидим втроём с его Настей, выпиваем, закусывая столичными деликатесами, делимся впечатлениями от концерта. Домой прихожу в первом часу, когда все уже спали…

В среду просыпаемся в восемь, но встаем в 9:30. Гоша всё же идёт на работу. Лёшка и Вова просят не мешать им нежиться в постелях. Делаю упражнения из йоги, иду в магазин за хлебом, сахаром и кабачковой икрой. Захожу к Лёне, но он ещё не расположился на новом месте, в балке по соседству.

…Возвращается Аничкин, — работы у них нет, к тому же он заболел и ложится на кровать до обеда. Лёшка пытается уехать на 20-й километр, где работает его бригада, но попуток нет. Райлин идёт к 13 часам в гости, Лёшка с Гошей — к врачу за больничными листками. Мне — общественное задание: поставить двухярусный топчан и заварить ТЭН.

Сначала иду в комитет — менять комсомольский билет. Воронов вручает мне новый — с пожеланием вступать в партию. Дома получаю выговор от Лёшки:

— Выгоню из вагона, раз не заварил ТЭН!

Прихожу на дежурство, а Сорочин, оказывается, меня не ждал. Налили с Риммой соляра в водогрейку. Почитал Чака и в 18:45 отбыл на собрание актива.

Долго критиковали комитет и его отчёт. Перешли на производство. Выступили: Фарст — партсекретарь треста и наш начальник Падикин. Все наши требования и претензии отлетали от них, как пули от брони. Мы — все «плохие». Фарст просит подумать, какую оценку дать работе комитета комсомола. Решили комсомол пожалеть и оценили его работу на «удовлетворительно». За всё голосовали огульно. Было холодно и беспросветно.

На дежурстве читал Чака, а в полночь начал писать очерк «Прогул».

Глава 6

Взятка банщице. Сыграть квартет. Парень или девка? Покрасил железяки. УАЗ разбили. Мелодия романса. Куриный суп.

…В восемь часов я был дома. На Лёшкиной кровати — Светка, на Вовкиной — Лёшка, Гошка — на верхней полке. Пью чай, пишу рассказ в столовой половине. Светка встает и подходит ко мне.

— А где твой кассетник? — спрашивает и тут же лезет в шкаф за ним, уведомляя: — Всё равно я видела, куда ты его прятал…

Поспать так и не дали. Идём с Гошкой в город: он — к врачу и за водкой для Мошкина, который вступил в партию, и намеревается это отметить.

Обходим все магазины, но водки не находим. Обедаем в столовой СМП-44… В бане нет холодной воды и пара. Тётка в баню сначала не пускала, но, оказалось, надо было дать деньги ей, а не в кассу. Кое-как моюсь кипятком…

Дома Вовка пытается повесить полку над умывальником, именно тогда, когда мы ставили насос на место, и просыпает зубной порошок мне на брюки…

Приходит Мошкин со своей Наташей. Я достаю шампанское из НЗ. Пьём и болтаем о положении Гошки, о собраниях и их «результатах». За гитарой приходит Вовка с пьяным снабженцем Толиком. Тот ко всем вязко пристает, требует внимания, и, уже распрощавшись, начинает рассуждать о моей работе…

Я встал, пожал ему руку ещё раз, проводил до двери и из тамбура помахал рукой. Запрыгнув на Гошкину полку, просидел наверху до полуночи. Пришёл Вовка и с дикой патетикой начал меня распекать за унижение его «друга». Я даже не стал напоминать ему про наш уговор о запрете приводить таких «друзей», а Гошке посетовал, что Толик и снабженец-то неважный.

Почитал «Легенды о Лазо». До двух часов ночи — дневник, в 3:30 чай, до пяти утра — две страницы рассказа.

В пятницу встал поздно. Сделал четыре упражнения из йоги. Гошка с Лёшкой идут в поликлинику. Я прибираюсь, пытаюсь читать. В 15 часов приносим каркасы для кроватей второго яруса. Сколачиваем топчан для Лешки.

На работе подхожу к Сорочину, спрашиваю:

— Нельзя ли выходить на дежурство позже, к 20-ти часам?

— Нет, нельзя, — отрубает он.

Позже я выяснял положение с моим табелем с 18-го ноября.

По-моему, у меня 74 рабочих часа, но не уверен, что так же запишет и Сорочин… Осмотрев все машины, возвращаюсь домой…

Светка сидит, облепив Лёшку «щупальцами», Вовка бренчит на гитаре и мечтает:

— Давай организуем квартет…

— Ага, — говорю, — нас с тобой двое и Светка с Лешкой. Они будут играть на нервах…

Выпиваю чай с хлебом с маслом, и — на работу. Всю ночь читаю Бубниса.

…В субботу утром нахожу Лёшку на моей кровати, Светку — на его. Гоша с пресс-компанией ночевал в Ленде.

Когда писал дневник, зашла Нонка в поисках денег на покупку зонтика. Я ей помочь не мог. Она сунулась в спальню, но Светка успела нырнуть под одеяло. Нонка долго гадала парень там или девка. Лёшка, не раскрыв секрета, дал ей денег и ушёл в баню.

После ужина Гоша уходит на тренировку, а мы с Лёшкой идем за гирей к его ребятам в балок с крупной надписью на стене: «Стабильные». Вместо гири получаем по 100 г бормотухи, и я убегаю домой.

Вовка пришёл с читательской конференции, где Гарику не дали выступить, ознакомившись предварительно с текстом его доклада. Видимо от обиды за друга Вова открыл бутылку водки, и они с Лёшкой и Светкой собрались выпивать. Чтобы «не мешать» ухожу к Митяю, провожу с ним минут 20, возвращаюсь домой и ложусь спать.

Просыпаюсь в 3 часа ночи от шума «голубков» за столом. Когда они улеглись, перехожу на их место и пишу рассказ…

В воскресенье в семь утра появляется Исмаил и двое друзей с Кудыкты. Он будит всех и, по случаю помолвки с Тиной — красавицей-хромоножкой, — наливает всем по полкружки домашнего сухого из канистры. Очень быстро мы окосели. Напоив всех у нас, он уносит канистру в вагончик «Аборигены Сибири». Мы с Вовкой пытаемся петь песни, но вскоре отключаемся…

На обед покупаем с Лёшкой еды на 3 + 8 рублей. Я ем горох и селедку. Светка жарит яичницу. Исмаил засыпает с Тиной у нас на свободных местах.

…Вовка ходил со своей бригадой на рихтовку пути, а после этого решил заняться полом в тамбуре. Я взялся менять лопнувший тройник в системе отопления. Светка делает уборку, собирается стирать и мыть пол, но воды для этого не нашлось.

Лешка предлагает взять Светку на содержание. Весь их вагон — пять человек из последнего заезда — сидит без работы.

Она рассказывает, что работала в РК ВЛКСМ секретарём. Встречала там Иванцова…

…Вечером в ОГМ парень по прозвищу Деревня предлагает рубить с ним дрова. Затем слушаем как Миша Маленький с нескрываемым превосходством рассказывает о службе в танковых войсках, о своей жизни в плену в Крыму, о стрельбе из пушки по мишеням танков…

Отлучаюсь домой на чай. Гошка приходит с хоккейного матча разочарованный в местной команде… Исмаил слоняется, мается от безделья. Играем с Вовкой в две гитары и спорим, как петь «Чёрный ворон». Вовка тянет Гошу в 46-й вагон, куда его приглашала Карабанова. Он безвольно соглашается.

…На работе Деревня обращается ко мне:

— Обогрев воды — это твоя работа, нам за неё не платят.

— Ладно, — говорю, — выясню у начальства…

Всю ночь регулирую кран подачи солярки на водогрейке и думаю: надо бы его переставить удобнее.

1 декабря, понедельник. Спал с двух до пяти утра и дремал до восьми. Сорочин разрешил выходить в ночь постоянно.

Дома тишина: то ли все ушли, то ли проспали. Быстро готовлю завтрак: чай, глазунья, горошек, баклажанная икра. Из спальни выходит Вовка в исподнем и спрашивает:

— Давно ты здесь?

— Как, ты ещё не ушёл? — удивляюсь я. — А я-то думал, что здесь только неработающие…

Он собирается завтракать, а я ухожу в ОГМ.

На работе меняю расположение крана на водогрейке: выворачиваю его у форсунки и ставлю на топливный бак. Бегу домой за ТЭНом, чтобы заварить трещину. Увы, Витя уже свернул провода, а Миша собрался везти САК[24] к дому Сорочина.

У магазина я увидел искры электросварки. Показал сварщику дыру на ТЭНе, и он заварил её в два счета.

Дома пью димедрол, чтобы заснуть. Светка и Тина долго куда-то собираются. Исмаил к 12 часам идёт в отдел кадров. Я читаю Жоржи Амаду в «Иностранке» и засыпаю до 2 часов дня.

…Пообедали в столовой, и Лёшка берётся собирать водогрейную систему балка. Однако, без моей помощи обойтись не может: пыхтит и ругается.

— Сам попробуй… — просит меня.

Я пробую. Весь измазавшись, иду в 73-й вагон смотреть, как собрана эта система у них. Собрали водогрейку, закачали воду в «горячую» часть. Из пробитой трубки у крана хлещет вода. Лёшка пытается разобрать подводку. Понял, что надо менять патрубок.

Я пью чай с сулугуни, читаю «Правду». С автобазы приходит Исмаил.

— Покрасил какие-то железки, поставили в табеле рабочий день, — хвастает он. — Зашибись!

…На дежурстве заливаем с Пимановой в водогрейку восемь вёдер солярки, колем дрова.

В бытовке сидит незнакомый парень и говорит, что дежурный — он. Выясняем отношения: оказывается, он дежурит «по пожарной ёмкости». Читаю газеты, пишу дневник, рассказ идёт ни шатко ни валко. Ложусь вздремнуть в полночь.

…Во вторник встал в 5 утра, но ни рассказ, ни чтение не идут… Дописываю стих к романсу, начатому весной.

Вы уходите резко, как будто
Убегаете прочь от беды.
Только слезы из глаз-незабудок
На щеках оставляют следы.

Выяснил у механика, когда выходить на дежурство. Оказывается, сегодня оно было последний раз, а завтра якобы мне дадут грузовой УАЗ.

…Дома за столом я читал газету, когда в балок влетел злой, как черт, Гошка, кинул мне на газету грязные верхонки и рявкнул:

— Где мои рукавицы? Бл… на х..!

Матерился нарочно громко, чтобы спящие в спальном отсеке тоже слышали.

— Я не в курсе… — ответил я тихо.

…Сходил в Ленду в книжный магазин, а он после ремонта ещё не открылся. В нашем балке — семейная обстановка: Тина красит глаза, Светка лебезит:

— Я принесу тебе тапки…

Исмаил читает «моего» Амаду. Я пристраиваюсь на кухонном столе с дневником, но вскоре ложусь спать.

В 15 часов обед: два сырых яйца, чай. Гоша приносит газеты и письмо из Катеринославки со справкой. Отношу справку в расчётную часть. За пять дней «прогула» во время оформления командировки платить мне отказываются. Иду на ночное дежурство.

…В бытовке идёт политучёба. Сорочина засыпают вопросами: почему нет работы, почему нам не строят гараж и так далее. На обогрев пожарной цистерны пришёл поддатый Сергеев. Иван с прискорбием сообщает мне:

— «Твой» УАЗ разбили…

К 20:15 заканчиваю рассказ и иду домой пить чай.

На работе: Сергеев — ещё более пьяный. Он где-то порезался и измазал кровью мою «Иностранку»…

…Поработал хорошо: дочитал «Терезу Батини» Амаду, в три ночи лёг и дремал до шести утра. Римма — сторож — тоже кемарила.

Утром пришёл главный инженер Сученко.

— Машина уже починена, нужно принимать, — сказал он Сорочину. — Кто шофёр?

— Да вот, — кивнул в мою сторону Петя.

— Сколько лет работаешь? На УАЗе ездил? — проговорил главный.

— Два года, — ответил я, не уточняя, на чём ездил.

— Завтра утром сядешь на машину, — бросил он небрежно, и из лёгкости, с которой он это произнёс, я понял, что это едва ли произойдёт.

Дома, побренчав на гитаре в подборе мелодии к своему романсу, умылся и лёг спать. В 15 часов пришла Светка и «невинно», мол, «я не знала, что ты с ночной», разбудила меня. Я злой одеваюсь и бегу в «Берёзку» на обед, но зря торопился: на кухне замёрзла канализация. … В отделе зарплаты мне объясняют: надо дождаться Алину.

В 17 часов пришла водовозка, и ребята носят воду в балок. Я лежу голодный, экономя силы. Меня беззлобно клеймят: «Гена, ты — сачок!». Светка собирается стирать наше белье. Все пьют чай, а я отношу Горисову фотоплёнки и прошу его быть завтра к открытию у книжного магазина.

Зайдя к Глазову, узнаю, что он всё же решил уехать на «материк» совсем. Дома Светка кормит куриным супом. На чай зашли Гвоздевы и рассказали о турпоездке в Индию. Отключили электричество, и я читал при свече.

Спать ложусь под тулуп и куртку. Просыпаюсь в три ночи от храпа Исмаила…

Глава 7

«Передача» машины. Райкомовские. Академик Сахаров. Научно-техническая мысль. Перекличка. Беспросветный сюжет.

4 декабря, четверг. Дописываю рассказ, гоняю мышей в прихожей в настенном шкафу. Три из них упали в ведро с водой, одна, опрысканная мной нитрокраской, удрала. В 6 утра пью чай, в 7:15 нехотя поднимаются остальные, и я бегу на работу.

Машину с номером 04—48 «охаживает» хмурый круглолицый Саша, который пригнал её вчера. В бытовке я застал Вяковлева.

— Что мне-то делать? — спросил его.

— Сейчас тебе надо будет принять машину. Позови Сашу.

Я позвал, и он ему сказал:

— Помоги завести её и займись своими делами.

Пока мы грели и заводили машину, главный инженер нервно нарезал круги вокруг.

— Мне сейчас, к восьми она нужна, а к девяти и даром не надо.

Краем уха я услышал обращение Сученко к Ване Семочкину.

— Тогда пригонишь её туда… — то есть о чем-то они договорились раньше и ломали передо мной комедию «передачи». Я сел писать путёвку, однако, не дождавшись её, они умотали на «моей» машине без оглядки.

…Я послушал байки трактористов о жизни и нравах народов Севера и побежал в город, к книжному магазину. Попутно заглянул в «Авангард» и отдал Коротич свой рассказ. Попутный УАЗ подвёз меня к горбольнице. Я зашёл погреться в фойе общаги рядом с книжным за 15 минут до его открытия. Кроме Горисова, тут был весь цвет медицины, человек 10.

Вскоре выяснилось, что магазин будет работать с 11 часов. Ждём, идём к окнам посмотреть внутрь, но они расположены довольно высоко. Встречаем Катерину, приходит и Авдеева, и все мы «балдеем» до 12:30. Заведующая звонила в райком и спрашивала:

— Открывать или не открывать? Ведь в 14 отключат отопление…

— Дайте «Жалобную книгу», — слышались голоса. — Зовите райкомовских!..

Наконец, пришли четыре наглых, лощёных типа из райкома партии и шутя смяли очередь. Дверь открылась, и мы ворвались в магазин. Оказалось, — мы не первые.

После битвы у прилавка отправились домой к Катерине отдохнуть и послушать записи. Выяснили, что у неё чуть ли не голодный обморок, и организовали чаепитие. В результате распределения книг мне достались рассказы Шукшина…

…Зашёл в ОГМ. Сорочин удивился, куда я исчез. Напоминаю ему, что я выхожу на дежурство в ночь.

Дома грызу куриную шейку из супа, а Гоша допекает меня рассказами о своей жизни. Сплю до 17 часов. Электричества не было с утра. На работе всё в порядке. В 18 забегаю домой. Вова с Исмаилом пьют «Южное» и заставляют нас с Гошкой разделить с ними вкушение «нектара».

Идём в столовую, но там тоже нет света. Взяв Шукшина и письма, прихожу на дежурство. Сначала кемарю до 1:30. Трактор «украли» для освещения ремонтных работ на трансформаторе, в котором горят вставки. До трёх ночи — дневник.

Дома хотел сразу лечь спать, но вспомнил, что сегодня День Конституции, и побоялся кого-нибудь разбудить. Всё же тихонько завалился на свой топчан. В 10 все пошли в столовку, но она была по-прежнему закрыта.

На улице — жуткий ветер. На попутном ЛАЗе доехал до главной почты, опустил письмо, выяснил, что «рыгаловка» ещё на ремонте. Купил хлеб и сыр.

Встретив дома шумную компанию Карабановой, оставил продукты и ушёл к Глазу. Сам он — на почте, на переговорах с родителями. Болтаем с его Ирой, слушаем музыку. Вечером был у Горисова, а он повёл меня по гостям. В 180-м вагончике девушки угощают нас чаем с яблочным пирогом.

…В нашем балке весёлая компания устраивается спать, оставив меня без места. Ночую у Горисова. Его соседи — Юра и дед — долго выясняют обстоятельства, при которых из запертого вагона исчезла электроплитка и портфель.

Перед сном пьём чай с сыром. Воробьёв слушает запись концерта Окуджавы. Горисов «загибает», что такой концерт стоит 100 000 рублей. Воробей не верит ему, пытается рассуждать… Сплю — не кашляю, просыпаюсь — начинаю кашлять.

В субботу первым проснулся дед и в 10 часов отправился на работу. В столовке Горисов присоединяется к компании — Гарик, Вовка и другие. Затем они идут по магазинам, а я — к Лёне.

Смотрю его фотографии, ем яблоки и пишу письмо родителям. Адонин и Жека Матюшин сачкуют. Остальные «командированные» с Кудыкты — Степанов, Копель, Яркович — после обеда идут на работу.

…В балке у Горисова света нет, холодно. Я прилёг у него на лавке в кухне, накрывшись тулупом, а он мне читал о Сахарове в «Литературке». Его портфель нашёлся. Оказывается, его взял Николай-«Рыбников». Вдруг по громкому радио объявляют приказ Министра: завтра, в воскресенье, — рабочий день.

…Идём переписывать плёнки к Степанову, а тот ведёт меня в 150-й вагон к девчатам своего района. У Катюхи день рождения. Пьём чай с конфетами и учим стих из «12-ти стульев». Роза секретничает с Владом. Ночевать иду к нему в балок на место Владимирского, а ночью из отпуска неожиданно является он сам…

В воскресенье в 7:30 ухожу домой переодеться. На работу идем вместе с Гречкой. Начали с ним делать разделку для печной трубы в крыше нашего КСО.

В 11 часов вернулся домой глотать таблетки от кашля. В битком набитый почтовый ящик опустил письмо к родителям с вырезкой из газеты об укладке пути вблизи Лендинского.

На работе доделали разделку на крыше. Помогли трактористам Мише и Саше вставить камеру в покрышку «Кировца». Собрали колесо и отвезли эту махину к трактору. В бытовке погрелись, послушали байки бывалых и в 16 часов разошлись по домам. Дочитал книгу Азимова и отнёс её в вагон Степанова.

Лёг теперь уже на свою кровать и кашлял всё время. Встал в 20 часов и наелся таблеток. Светка развесила стиранное бельё по всему вагону, поставила Гошке и Вовке горчичники, чтобы не кашляли. В 2 ночи — чай без сахара, но с хлебом и маслом. Дневник. Мыши.

…В бытовке ОГМ суетится Сорочин. Ему не до нас, он торопится в обком «для знакомства». Понаблюдав с Гречкой, как сварщики ваяют буржуйку, идём к нему в 29-й вагон. Долго разжигаем примус и пьём чай с салом от его тёщи.

На работе хотим заняться ремонтом комитетского балка. Для этого надо стащить лист ДСП с территории склада. Греемся в кузнице. Входит Сенчук — деятель из треста.

— Кто старший? Почему не работаете? Кто на чистке цистерны? — спрашивает он.

Трактористы — Саша и Длинный — наотрез отказываются лезть в парящую цистерну. Он записал некоторые фамилии, кроме моей и ещё нескольких человек, которые успели смыться. Я договорился с Гречкой уйти на обед в 11 часов, ибо чувствовал себя скверно.

Зашёл на почту за бандеролью из «Академкниги» №3. Выкупил два экземпляра «Поэзии вагантов». Дома за чаем Гошка

поведал о том, как они с Мошкиным в оперотряде в Москве гоняли алкашей «распивающих в общественных местах»…

На работу пришёл в 14 часов. Поискал Гречку в бытовке, в кузнице, но не нашёл. Проверил работу «Кировца» Николая и через час вернулся домой. Начал читать в «Нашем современнике» окончание «Берега» Ю. Бондарева.

В 17 часов Горисов сообщил, что в «Пионере» — встреча с писателями. Едем с Вовой на перекладных в ДК посмотреть на «писателей». В зале садимся на первый ряд. Стоит скучная, натянутая обстановка. Идёт разговор о «рабочем-писателе» Харизматове. «Он в руках и топор-то не держал…», — услышал я реплику из зала…

Домой едем на вахтовке. Несу свежие фото в 181-й вагон, и с Алиной, Серёгиным и Прессом смакую вино «Чёрные глаза». Алина отчего-то нервничает. Мы с Прессом говорим о жёнах, семье, о его скитаниях при распределении на Ярославский авиазавод. На обратном пути заходим к нам. В вагончике — дым коромыслом. Только в полночь гости расползаются.

…Исмаил не пускает свою Тину на двор и доводит её до истерики. Гоша заступается за Тину, приглашает выйти погулять. Исмаил не отпускает её ни в какую. Дело чуть не доходит до драки. Вот-вот задерутся. Все осаживают Гошу:

— Не лезь не в свое дело!

Гошка злой, как чёрт, швыряет на стол спички, сигареты и уходит…

…Во вторник я проснулся, когда Лёшка и Вова уже выходили. Приёмник работал во всю. Я оделся, съел два огурца и в 8:05 был на работе. Гречко был в бытовке Вяковлев согласился пойти с нами, посмотреть планировку КСО без тамбура.

Пока мы шли, «теряли» Вяковлева три раза. Наконец, он «умно» глянул на КСО соседей и приказал разобрать тамбур у нас. Гречко взялся ломать, а мне дал ударить по перегородке лишь 2—3 раза. Дабы растянуть «удовольствие», пошли к нему в балок пить чай. Между делом я почти без инструментов починил его электроплитку.

— Гена, у тебя нет никакой научно-технической мысли, — сказал он в благодарность за её ремонт.

На работе появились в 11 часов, полчаса грелись в кузнице, затем посмотрели обогрев техники. Начали прибивать оргалит в переходе из КСО в бытовку, «заработались» до 12:05 и бросились по домам.

После обеда я всё время замерзал. Спросил разрешения у Вяковлева выходить в ночь вместо Окорокова, сходил с Гречкой за прутом арматуры для прочистки колосника в печке

и в 15:30 отбыл в бухгалтерию. Плутановой не было, и про зарплату я ничего не выяснил.

Дома дочитываю «Берег» Бондарева. Светка с Тиной варят суп. Я спрашиваю у Тины о вчерашнем её поведении и получаю отлуп. Видимо, не поняла, что я хотел сказать. На работе я больше не появлялся. Сплю до 17:30. Девочки кормят супом из консервов и компотом. Беседую с Гошей о рассказах Шукшина, об их достоинствах.

Таблетка димедрола, — и в 22 часа я ложусь спать.

…Встал в пять утра, с трудом высидел час над дневником и до семи — над письмом Суворову. Будильник прозвенел в 6:30, но никто не очнулся. В семь — были лишь разговоры и понукания.

На работу явился в 7:50. Весь народ уже собрался. Вяковлев давал задания и кричал:

— Перекличка теперь всегда будет в 7:45, в восемь приступаем к работе и в бытовке не появляться до обеда! Здесь будет сидеть только сторож.

Когда всё улеглось, я подошёл к Сорочину и сказал, что с Вяковлевым договорился о выходе в ночь. Уведомил Гречку и ушёл.

Дома, как ни старался читать, сильнее оказался сон. С 13 часов читал и ждал, когда можно будет сходить в «Рабочий Авангард».

В редакции Люда отложила свою работу, никого, кроме меня не было, и набросилась с критикой:

— Что за беспросветность в рассказе?! Неужели всё плохо, и хорошего не предвидится?

Выслушав её замечания, незаметно скрутил свою рукопись в трубку и, поблагодарив, с шутками ретировался.

Заглянув на выставку книг в «Пионере», направился в редакцию «Магистрали». Отдал, слегка смущаясь, Шестову свой «беспросветный» рассказ. Без всякого намёка на подхалимаж отметил его очерк «Тоннель» в «Газете» за 3 ноября. Договорились встретиться в пятницу.

На попутном «Магирусе» еду домой. Готовлю ящик для посылки. Гречко собирает материал для благинской Газеты. Исмаил с Лёшкой и своими подругами идут в «Свердловск-1» на фильм «Афоня». Я читаю Шукшина…

Глава 8

«Консилиум». Режиссер Йося Сац. «Баранка пылесоса». «Чешские» фото. Рассказ о пожаре. «Глубинные пласты».

Встал в полтретьего ночи. Дневник, письмо, замысел рассказа «Ледяной дворец». Утром иду в одиночестве в город через «Орбиту». Надеюсь увидеть свой рассказ в многотиражке. Увы, в «Союзпечать» газета ещё не поступала. После бани — опять же через «Орбиту» — домой.

На улице Новоленды встречаю Настю Икорникову.

— Митю «комиссуют», — сообщает она с тайным огнём в глазах.

— Освобождают от работы? — предполагаю я…

Захожу к ним домой, где Митяй ждёт решение «консилиума»: Алина и Серёгин думают, как бы помягче предложить ему покинуть наш бардак. Попили втроём чай, почитали «Книжное обозрение».

Дома Светка ругает меня за краску в кастрюлях и тарелках после борьбы с мышами. Вовка с напарником свою вахтовку проспали и весь день балдели с гитарой. Гоша продолбил на участке канаву во льду и за добросовестность заработал у Чеботарёва два дня за свой счёт.

Я переоделся и — в ОГМ.

— Можно мне работать и днём, между ночными дежурствами, — спросил я у Сорочина, — и кто будет следить за прогрев воды? Сторожа вроде бы отказались, ибо обещанную Вяковлевым прибавку за это, им не платят…

Сорочин от ответа ушёл.

…Ванька Сёмочкин раскололся.

— Ты извини, это не я на машину напросился, — оправдывался он. — Это Сученко заставил.

«Вот загибает, подлец!», — подумал я.

— Я опытный шофёр, второй класс, — продолжал он. — Девять лет стажа, на Авто-55 работал в Шереметьево, — и тут же без перехода спросил: — Не поможешь мне раскрутить хомуты крепления бензобака? В меня кто-то воткнулся и сделал в баке дыру…

Дыру в баке решили заткнуть, и поставили бак на место.

Дома поел картошки, обговорил с Горисовым план книжной операции на выставке завтра в «Пионере». В 15 часов отнёс Гречке расчётный лист с массой вопросов.

В 23 часа после обхода техники прикорнул. В три часа — сделал ещё обход и поджёг форсунку водогрейки. До пяти утра

восстанавливал расчёты по зарплате за предыдущие месяцы.

В 8:30 прихожу домой. Горисов зовет желающих в ДК на выставку-продажу книг. Едем на попутках до обкома, а оттуда — пешком в «Пионер». Здесь полно народа, все ждут: будут продавать книги или нет. Околачиваемся у ДК до 13 часов, но бестолку.

Несолоно хлебавши возвращаюсь в посёлок. Захожу к Митяю, и он рассказывает, как договорился с Серёгиным «ещё раз подумать: уезжать или оставаться».

В 16 часов на работе, наконец, составил с Валентиной табель на 10—16 октября. Пошёл сдавать его в бухгалтерию Плутановой. Затем иду в здание треста на заседание литобъединения. Зайдя там же в редакцию «Магистрали», выясняю, что мой рассказ «всё ещё печатают».

На ЛИТО пришли: Тамара, Архипов, Тапрыкина и ещё один молодой старичок. Когда все прочли свои стихи, Архипов попросил высказаться. Я выступил первым и заклеймил себя позором за плохую работу. Все добавили самокритики, на том и разошлись.

Тамара просила заходить по пятницам на посиделки. Тапрыкина повела к себе в гости и по дороге рассказывала о прочитанных книгах и открытии книжного магазина в Храбровске. Кажется, там я выпросил у неё — тогда незнакомки — двухтомник Вампилова, но об этом умолчал, да и она этот случай не вспомнила.

Её дом, точнее общежитие отдела культуры, — бывший поселковый клуб — изба-пятистенок. Сижу на маленькой сцене за столом, ем суп из пакета, распиваю чай, постепенно знакомлюсь с населением. Молодой режиссёр Йося Сац читает вслух какой-то рассказ, долго болтаем с ним обо всём на свете. Иосиф зовёт меня заниматься в свою театральную студию. Ухожу от них в 23 часа.

Дома Гошка с Лёшкой едят картошку. Я открываю банку перца «Глобус», и мы продолжаем пировать. При этом разговоры идут весьма пошлые. Из кино пришла компания, и я засыпаю под бодрое обсуждение фильма «Афоня».

В субботу встаю в 3 часа, чтобы поработать, но на огонёк заходит Митя. Волнуется, дёргается. Спрашивает, какой Серёгин на самом деле; вроде бы хороший, свой, всё знает, всё понимает. Разрешил ему остаться в СМП до мая в бригаде Выгорного, но при этом — заняться стенгазетой. Пристал ко мне с её оформлением.

Я правлю свою рукопись и даю ему читать. Он делает множество замечаний по сюжету, но в целом одобряет. Просит подумать о стенгазете. На вопрос, почему его жена как-то

сторонится его, он не отвечает, увиливает. Впрочем, можно догадаться: достал он её своими «политическими установками».

Сплю до 11 утра. У нас в балке — жара. Пью чай и думаю: надо бы послать книги, но ничего не делаю. Читаю Монтеня.

В 13 часов решил сходить на работу. Оказалось, я должен дежурить. Остаюсь на работе. Сёмочкин просит помочь рихтовать кабину. Я держу полено внутри, а он стучит киянкой снаружи и жалуется:

— Зря я сел на эту машину, всё надо самому доставать. Столько денег надо вложить! Не хотел ведь садиться, просто по рулю соскучился…

Вяковлев бегает, командует установкой и засыпкой столбов для ворот. Римма приходит в 14:30, и я ухожу на обед. Вовка сообщает, что Горисов выкупил посылку и что сегодня была распродажа книжной выставки. Иду к Горисову, но ни о чем с ним не договариваюсь. Читаю на работе два свежих очерка в «Газете» за 11-е декабря.

Захожу в 73-й вагон, где наш «гуру» выпивает с Лёней и Арнольдовым, и не отпускает меня. Лёня восторженно рассказывает, как и за что (очевидно, в соответствии со своим интеллектом) влюбился в Шукшина. Спать ложусь рано.

В воскресенье подъём в 6:45. Два упражнения по Амосову, дневник до 10 утра. Порываюсь собрать книги для посылки в Москву, фотографии в Чехословакию, но успеваю собрать лишь письмо с чешскими фото для Малова.

В полдень заходит Виктор, смотрит на наш «разврат», берёт письма для отправки, но, будучи в городе, забывает их опустить в ящик. Я читаю С. Лемма.

Меня находит Изнайлов и просит выйти в ночь вместо него. В 14 часов иду в комитет на собрание штаба КП. Наш командир, парень с отвислыми губами, совсем засыпал на ходу. Я выступил резко и грубо, но мне всё равно «приклеили» учебный сектор. Я рассказал о собрании Лёшке, который его пропустил.

В 17 часов был на дежурстве с Пимановой, а в 8 вечера пришла Бакланова. Я ходил домой пить чай и взял для неё Думбадзе. Делал упражнения по русскому языку с перерывами для заливки соляры в водогрейку и перегОнки РАФа ближе к бытовке. Зашёл Федосеев, прогазовал свой «Магирус», указал, что у РАФа движок нагрелся до 95°. В полночь я заснул…

В понедельник утром дождался Сорочина.

— Что с моей зарплатой? — спросил у него.

— Сначала поговори в отделе зарплаты с нормировщицей, — промычал он…

Дома пытаюсь писать. Исмаил встаёт и долго говорит, что

надо бросать «баб» и браться за учёбу. Я поддакиваю, а он сходил на работу глянуть, что к чему, и снова лег спать. Я тоже сплю до 14-ти, потом пью чай, читаю газеты.

В ОТиЗе прошу рассчитать мне пять дней «прогулов». Меня посылают сначала согласовать этот вопрос с главным…

Несу Виктору газету с напечатанным в ней своим рассказом. Он читает и улыбается, довольный тем, что «психика героя рассказа надломлена».

— Да, это твоё сознание и его не изменишь, — глубокомысленно заключает он.

Пью чай и захожу в ОГМ узнать, кто сегодня дежурный. Изнайлов дежурит с Сергеевым в хорошем подпитии. Дома читаю «Миссию в Трансвааль» Г. Хагарда и засыпаю в 23 часа.

…Просыпаюсь в 7:20. Ребята уходят на работу злые. Исмаил просит разбудить его в 8:30, но на мои старания выполнить его просьбу не реагирует. Встаёт сам — в девять. Я читаю ему свой рассказ. Затем готовлю фото для отправки в Чехословакию, но конвертов не нахожу.

…В ОТиЗе получаю зарплату и направляюсь в город по магазинам. Зашёл и в «культурное» общежитие, которое давно прозвал про себя «музыкальной шкатулкой». Музыка здесь звучала не чаще, чем в других домах, зато изба издалека походила на шкатулку. Тем более, что жильцы не были против такого названия своего обиталища. Показываю Иосифу и Тапрыкиной книгу Вампилова. Приглашаю желающих пойти на фильм «Следствие по делу гражданина вне подозрений». Посмотрев фильм, посылаю с почты однокашнику Игорю поздравление с бракосочетанием.

…Иногда схватываемся с Исмаилом в шуточной драчке. Как-то нечаянно в такой схватке я сковырнул болячку у него на носу, что не осталось не отмщённым. Сегодня он «захватывает» стол на кухне «для занятий», и я ложусь рано.

В среду встаю в восемь, делаю несколько упражнений. Захожу на работу для очистки совести. Вяковлев — на областной партийной конференции.

Исмаил бежит на разминку. Я начинаю подписывать фото и открытки для чешских знакомых. Зарываюсь в журналах, книгах. Гоша «заливает» мне про свою пионервожатскую деятельность и любовь детей к нему. Иду на почту, посылаю заказные письма с фотографиями и получаю два письма от Леры.

Горисов позвал на почту выкупать посылку с книгами. В посылке — четыре экземпляра «Поэзии вагантов», четыре — «Арабских сказаний», две книги Томаса Манна (из Свердловска), «Что делать?» (из Москвы). С трудом распределили книги (мне

два сборника «Вагантов» и сказки). Как лиса на запах, появилась Карабанова…

Иду к Степанову со своим рассказом, и ко мне пристраиваются Вовка с Прессом. Влад читает мой рассказ, но Вова отрывает его от чтения сообщением про договор с «Серебряными» о выступлении на годовщине Кудыкты. Послушав очередной раз Вовкино пение, уходим к Виктору.

Виктор смачно, в красках, как Ираклий Андроников, рассказывает про пожар в бытовке электриков. Уже к полуночи идём к Владу, и он читает нам письмо своей подруги. В это время там же Лёня печатает фото, пребывая в довольно агрессивном настроении.

Я ухожу домой и пытаюсь проникнуть в «глубинные пласты» прозы Шукшина в «Роман-газете» до трёх ночи.

Глава 9

Неэффективный брак. Годовщина Кудыкты. «Мужчина и женщина». Вторая передача машины. Новогодний костюм.

18 декабря просыпаюсь поздно. Приходит Глазов и тормошит Гошку, чтобы тот шёл за требованием на служебный железнодорожный билет. Однако по военному билету Гоше его не дали, а паспорт ему сегодня нужен для более важного дела.

Идём с ним в столовую, и он посвящает меня в детали своей биографии. Рассказывает о своей детской жестокости, например, в отношении кошек. Вспоминает о драках в ПТУ и стычках с учителями в борьбе «за справедливость». Описывает ракеты, которые он обслуживал в армии, и работу с их горючим, от испарений которого погиб его сослуживец. Рассказывает о драках там же с «дедами», о своих женщинах…

В 15 часов он идёт в ЗАГС расписываться с Дашей, подругой Карабановой. Ей очень хотелось прописаться в столице, и Гоша совершенно бескорыстно согласился помочь ей.

…Из бани сразу иду на работу. Крановщики сдают мне свои автокраны, водители — машины, расписываются в тетради. Вдруг выключают свет, и я перебираю предлоги, чтобы отлучиться: переодеться в рабочее, взять фонарь. Дома — тишь да гладь. Гоша после ЗАГСа пошёл с Дашей в её общагу в мостоотряде отметить событие.

На работе перегоняю РАФ к водогрейке и пишу дневник. Вредный крановщик «посеял» на заправке ключ от своего «КАТО» и ищет дубликат. С Русланом придвинули его вездеход ГТ-С к ёмкости с водой для её обогрева с помощью выхлопа.

Иду домой перекусить. Встречаю Гошку, который мотался в поисках алкоголя. Но вместо вожделенной пьянки проиграл Карабановой в «кинг» 13 рублей.

На работе читаю рассказы Шукшина, дремлю с двух до пяти утра. Дежурство прошло нормально, если не считать того, что на МАЗе из корпуса огнетушителя кто-то слил запас моторного масла.

Ни Сорочин, ни Вяковлев ничего насчёт передачи машины мне уже не говорят…

В пятницу утром продолжаю читать Шукшина в «Роман-газете». Заходит Глазов.

— Если ты не знаешь, чего хочешь, — тормошит он Гошку, — то я хоть немного знаю, поэтому ты должен меня слушаться.

Гоша взорвался и сначала не хотел вообще вставать.

— Если и в поезде будешь на меня давить, — погрозил

ему, — не знаю уж, что и делать. Может, из поезда высажу…

Уже получив в отделе кадров требование на билет, Гоша опять вспоминает про армию: о ранжирах и оскорблениях, о дураках и воровстве…

Лишь в 11 часов мне удалось вытолкать его за билетами в Управление «Магисстрой». В 12 часов я дочитал Шукшина и лёг спать на час-другой. Проснулся от разговора Вовы со Светкой.

— Я так долго ждал, с кем пойти в пресс-центр на посиделки, — жаловался он, — а Гоша, умник гордый, взял и один пошёл. Такой зазнайка, такой эгоист, никакого чувства товарищества!

«Я бы тоже пошёл один, чтобы не слышать шум твоего „фонтана“», — подумал я.

…Степанов сообщает, что в 18 часов уезжает в Кудыкту на годовщину посёлка. Виктор уже организовал переезд «Серебряных» туда на выступление.

Я собираю книги и фотоплёнки для отправки с Гошкой в Москву. Записку к посылке написать не успел, побежал в 18 часов к «вахтовке». Народу нигде не было, я пометался и зашёл в вагон Степанова.

Жека сказал, что все только что вышли. Иду искать «всех» ещё раз, и нахожу у комитета. Через полчаса все разбрелись — кто куда. Виктор, Егоров и Валентин Серегин уселись в комитете. Виктор сообщил, что для меня есть письмо в 73-м вагоне, и я сходил за ним; письмо было от отца.

Вахтовая машина пришла в 19:45, и через час мы были в Кудыкте. Дабы нагнать упущенное, наша группа набрала высокие обороты. Я пытался снимать на кино- и фотокамеру, а Виктор приставал ко мне с выпивкой. В час ночи все расползлись. Я с Лёшкой пытался унять Виктора, но он долго буянил: его широкая натура требовала продолжения праздника.

Долго мечусь в поисках ночлега. Встречаю пьяного Мошкина, и он направляет меня к себе в балок. Его Наташа устраивает меня на полу, на тулупах, рядом с Валентином.

…Утром, прихватив бутылку сухого «Карское», бегу на дорогу. На обочине тоже ждут попутку Серёгин, Алина, Иванцов. Я иду дальше, в сторону Ленды. Вскоре меня подбирает машина из МК-48, и я еду с музыкой, попивая вино.

В городе зашёл в книжный. На витрине — «Словарь синонимов», но Нина Степановна его не продаёт, якобы он — «для методкабинета». Дома никого нет. Гречко отдает мне мою грамоту «За всё хорошее» от МГК. Упаковываю её в тюк для передачи родителям.

С отпускниками — Гошей и Глазовым — ждём

на автостанции автобус в Нелер. Вместо отправления в 13 часов, лишь в 14 он приполз из Нелера. Народ забивается в него, а Гошу отсеивают за нехваткой сидячих мест, и он остаётся на 15-ти часовой автобус. Такие бестолковые проводы…

Дома пью холодный чай, и в 18 часов — на работу. Паяльной лампой растапливаем с Риммой печь. На улице теплеет. Воду не греем: нет солярки. Сбавляю обороты двигателей. В «КАТО» нечаянно поломал крепление «солнечного» козырька и долго чинил его.

…Пишу дневник и заметку про юбилей Кудыкты. В 3:30 обнаруживаю, что автокран Милонова заглох. Пытаюсь его завести, хотя по инструкции это запрещено. Отогреваю свечкой кран и сливаю с движка воду. Записываю время остановки в журнал. Очерк про Кудыкту не движется. Засыпаю до утра.

Утром дома умылся и лёг спать. С 12 часов начинаю изучать Гоголя и вновь засыпаю. В 17 часов меня будит Митяй и пристаёт со статьёй о Кудыкте. Ночью вымучиваю основную часть статьи.

В понедельник вызнаю у Степанова некоторые подробности строительства Кудыкты и ложусь спать. Перед обедом делаю хорошую зарядку с пудовой гирей. Лёшка на работу не идёт: имеет отгул за ночное дежурство. Берусь за письмо Лере, упаковываю в бандероль книги: Вампилов, Ю. Семёнов, «Песни вагантов».

Лёшка берётся за ремонт водопровода в балке. Вместо лопнувшей трубки принес трубку от старой системы друзей. Как всегда, он пыхтит, показывает, что один не справится. Заставляет меня вымазать руки…

В 18 часов отбываю на почту. Посылаю бандероль, захожу в книжный. Нина обещает поговорить с училкой насчёт «Словаря синонимов». Топаю до «Пионера», чтобы посмотреть кино. Билеты на фильм «Мужчина и женщина» были лишь на завтра, на 23-е декабря. Я зашёл в универмаг: нарасхват идут японские штиблеты и женские «дешёвки».

Вместо ужина покупаю конфеты. Немного поразмыслив, беру билет в кино на завтра. Переправляю на нём дату на сегодня. В фойе с трудом читаю о Байроне в хрестоматии, купленной у Нины. Со второго звонка захожу в зал на места рядом со Стасом и Розой. Три часа смотрю на Анук Эме и Трентиньяна. Домой иду вприпрыжку, чтобы не замерзнуть.

Дома Вовка ругает меня за то, что я не пришёл на примерку костюма к Новогоднему представлению. Мне все по очереди сообщают, что заходила Катерина. У Митяя ем сырники и соглашаюсь на публикацию отрывка из рассказа о Кудыкте в стенгазете.

23 декабря, вторник. Просыпаюсь в 8:20, пью чай. Вдруг вваливается один из наших бульдозеристов и зовёт меня на очередное «получение машины»… Сидящий в бытовке Гречко «вдумчиво» посылает за Иваном. После «торжественной» передачи машины Вяковлев поручает нам с Иваном отвезти письменный стол в подшефную воинскую часть.

Едем туда с горем пополам: наш УАЗ-452Д («головастик») вихляет задом, буксует в каждой ямке, скрежещет шестернями при переключении передач, стучит «суставами»… Кое-как возвращаемся в ОГМ.

Перекусив, отправляемся с Вяковлевым на поиски Восточно-Сибирского управления, за сопку. По дороге выясняется, что едем не туда, куда надо.

С трудом возвращаемся в Ленду. Я от напряжения и непривычных усилий потею, Вяковлев матерится на всё и вся. Возле 54-го СМП машина застревает на улице в ледяном ухабе. С трудом, враскачку выезжаю на дорогу. Наконец, приезжаем в Восточно-Сибирское управление. Именно здесь отваливается вентилятор печки. Отметившись в промтоварном магазине, едем домой.

— После обеда встанешь на ремонт, — сказал механик по приезду.

Да, хорошую машину дали мне, благодетели!

Дома света нет. Ем пряники с водой, читаю заметку Градского.

— Спой свою песенку, — пристает Светка.

— Я занят, еду в ОГМ, — говорю я деловито.

…Вяковлев дает ЦУ по ремонту машины. Снабженец выдает мне винт на 5 мм. Приворачиваю вентилятор на место. Ремонт окончен.

Съездив на заправку, жду Вяковлева у его дома. Проспал в кабине с полчаса, зашёл в его дом, — никого нет. Еду к конторе СМП, а он — тут как тут, но машина ему не нужна. У конторы стою до 18:30. Затем ставлю машину в ОГМ и долго ищу второй кран для слива воды из двигателя.

…В седьмом вагоне Люда измеряет мои размеры для новогоднего костюма. Митя достает меня с полной версией заметки. Гениально записываю черновик заметки и песню авторства основателей Кудыкты на магнитофон и отдаю ему запись в 23:20. От песни Ярка и Степанова Икорников был в ужасе.

Бегу в 181-й вагон. Катерина угощает нас с Прессом макаронами и рассказывает, как ей испортили вчера настроение «всякие друзья». Пьём кофе и слушаем записи юмористов-

пародистов. Пресс несёт какую-то пошлятину, а затем каждый вспоминает увиденные автоаварии… Уходим из гостей вместе, и он мечтает:

— Вот бы взять спектакль Мищенко и освоить 60 000 рублей…

Дома пишу дневник. Засыпаю в 2 ночи.

В среду будильник прозвенел в шесть. На улице немного теплее, около —30°. В ОГМ Иван греет и заводит машину. Я разжигаю печку в бытовке. Ведро солярки в ней быстро исчезло. В кузов «головастика» кладут большой лист железа 20 мм для утяжеления.

В 8:30 едем с Вяковлевым к конторе СМП-56. На полпути он вспоминает, что забыл письмо-требование. Едем обратно, берём у главного инженера письмо. В 56-м загружаем головку блока от дизеля.

На обратном пути заходим в книжный магазин. Вяковлев берёт открытки, календарь. Я уговариваю уже злую Нину отдать мне словарь. Лезу за деньгами — нужно три рубля, и (о, ужас!) — не нахожу.

…Конторские просят отвезти одну из близняшек в стройбанк… Она садится в кабину, и я — уже с деньгами — заезжаю за словарём. Насупившись, Нина Степановна отдаёт его мне. Высаживаю близняшку у банка и еду в новый книжный. Там ничего не нахожу и, забыв про близняшку, еду на обед.

Обед — это чай с хлебом. Едем с Вяковлевым на ж.д. станцию. Диспетчер на разгрузке — наша Полина— подсказывает, где найти разгрузку 54-го СМП. Едем далеко, к слиянию Шактаума с Лендой. Находим Гейерского, но он, сука, не соглашается отдать нужные нам запчасти. Очередной облом!

Едем напрямик, и в 14:40 мы — в ОГМ. Мне дают «добро» на ремонт сгнившей арки переднего левого колеса. Вынимаю сиденья, снимаю облицовку, поднимаю кабину, обнажаю раму и долго жду сварку. Парень — сварной — делает уголки и один из них приваривает взамен сгнившего. В результате небольшого перекоса, несмотря на все старания, не могу вернуть кабину на свое место и в 16 часов ухожу.

…Долго собирались в клубе для обсуждения новогоднего представления. Алина сцепилась с Вовкой, обиделась и ушла. По настоянию Огонька Райлин её вернул. Обсуждали сценарий до 11 вечера.

Дома пытаюсь дополнить рассказ о Кудыкте. Заканчиваю черновик в 2 ночи.

…Переписываю очерк начисто до 6:20. В 7:30 ловлю в столовой Лёню, но он ничего толком о своём участии

в представлении не говорит.

С восьми часов топчусь около машины. Холод, ветер. За что ни схвачусь, — всё разбито. В 11 часов начинаю заводить мотор. Завёл через полчаса после облива генератора горячей водой и отогрева сливного крана углями.

Дома пью чай. Нахожу Вяковлева у конторы. Мечемся на машине по посёлку от его бывшего ГПД до ОГМ. Вечером он переехал в новый дом и пытался сохранить ещё ключ от бывшей квартиры. Но оказалось, — это невозможно. После обеда съездил на заправку и опоздал на комсомольско-партийное собрание.

В 17:30 еду с Макаром в баню на автобазу, но она закрыта. Несмотря на утяжеление кузова, дважды буксовал: в автобазе и на перекрёстке. Еду в ОГМ ставить машину. От дежурки передвигаю кран ЗИЛ, но он глохнет раза 3. Подвожу шланг от выхлопа автокрана к поддону своей машины для прогрева. Объясняю всё Римме и — домой.

У нас много гостей… и все — незваные. Отдаю по экземпляру книг «Характеры» Феофраста Светке и Мошкину. Поспав пару часов, пишу дневник до 1:40.

Глава 10

Авария. Новогодний сценарий. Билеты на карнавал. Новогодний банкет. Поздравления с Новым годом. «Гулаг».

В пятницу 26 декабря будильник не сработал. Просыпаемся в 8:20. Через час я, как сумасшедший, уже бегал с факелом, разогревая масло в поддоне двигателя. В кабине пахло выхлопом от автокрана, всё было закопчено и покрыто инеем. Зато я быстро завел двигатель и оттаял печку.

Вскоре подошёл Серёгин и попросил подъехать к конторе. Сказал, что поедем в Кудыкту. Я прогреваю стекла, подъезжаю к конторе. Отпрашиваюсь на заправку. Обедаю, заправляю машину, и вскоре мы едем. Объясняю Серёгину, что у нас есть шанс не доехать: покрышки старые…

Еду по возможности осторожно. На 21-м километре перед Лысой горой, на прямом ледяном участке навстречу мне шёл МАЗ-бензовоз. Он ехал по середине дороги и, кажется, не замечал моего «головастика». Я сбавил скорость до сорока и принял слегка вправо. Маз пролетел, не сбавляя скорости…

Правое колесо моей машины попадает на заснеженную обочину. На мои попытки выехать обратно на дорогу машина не обращает внимания, как будто руль я не крутил влево. Так, медленно, плавно мы едем под откос и плюхаемся в кювет метровой глубины. Машина слегка ударилась обо что-то и застыла. Нас по инерции толкнуло вперёд, но обошлось без ушибов.

— Целый? — спросил я Серёгина, несколько возбужденно.

— Конечно. Я заранее упёрся, так что даже не ушибся, — ответил он с тоской.

Вылезаем из кабины и оцениваем происшедшее.

— Нам повезло, — говорит он. — Остались целы.

— Не повезло, — говорю я, — на ровном месте попался…

Сначала он хотел «оставить меня в беде» и продолжить путь на попутках. Но ни одной машины на дороге не было. Через час появилась машина в сторону Ленды, и Серегин уехал в ней, оставив меня сторожить нашу развалюху. Стою на морозе градусов 35 в полном неведении: когда, кто приедет.

Через пару часов прибывает кран Забойникова с Вяковлевым и «Кировец» с прицепом. Вяковлев набросился было на меня с вопросами и упрёками, но занялся погрузкой машины и перестал нервничать. Когда кран поднял машину, мы увидели, что крепление переднего моста справа разбито: в кювете под снегом лежал валун. В 16 часов мы были в ОГМ…

Дома ем Светкины щи. Театральный народ не спеша тянется в клуб. Базарим о сценарии новогоднего представления. Каждый выдвигает свою идею, и смысл сказки постепенно теряется. Вовка в трансе. Крик, споры. Пресс и Серёгин наблюдают: «Когда же все кончится?». Наконец, приходим к выводу, что нужно оставить всё, как было, только упразднить роль воеводы. Расходимся в 17 часов. Уже затемно помогаю Митяю переехать в комнату общежития.

В субботу встаю около десяти, одеваюсь и завтракаю с Вовкой. В клубе он получает «втык» от Алины за безответственность и идёт в мостоотряд за «артистами» — «Серебряными Россыпями».

В ОГМ ставлю краном свою машину на эстакаду и к 16 часам бегу в киоск. Беру 10 новогодних экземпляров «Авангарда» и два экземпляра «Магистрали». Запечатываю газеты в конверт, поручаю Светке его отправить и иду отвинчивать мост у своего «головастика».

…Подъезжает шофёр из управления «Магисстрой» и спрашивает начальство.

— Ваш кран ЗИЛ с пьяным шофёром уткнулся в кювет, — пояснил он. — Завести его никто не может.

Я ищу механика, но нигде поблизости не нахожу и иду искать в ДК «Пионер», где проходит партсобрание.

…Митя продолжает таскать мебель на новое место и просит помочь ему. В одиннадцатом часу вечера пьём у него чай, и последней ходкой приносим из школы два стола-развалюхи.

Дома пишу дневник в кухне-столовой. Вовка загулял и заночевал в посёлке 56-го СМП. Светка ложится с Лёшкой, и до 2-х часов они «хлюпают» без зазрения совести…

В клубе в одиночестве наряжаю ёлку… Показываю Степанову законченную заметку про Кудыкту. До 5 вечера сижу дома. Вовку гонят из труппы, но он не сдается и не уходит. Иванцов берёт режиссёрскую «власть» в свои руки. Алина, выполняя свой номер в сказке, сваливается с плеча Морейки и больно ушибается.

Лёня наладил печать фотокопий билетов на ёлку для «своих». Вовка приносит ещё четыре настоящих билета. Виктор, тренируясь, показывают фокусы с монетами и картами. Я читаю исторический роман де Адана до 1:20.

…На работе жду, когда развиднеется. Сёмочкин сообщает, что ему велено взять из моей машины переднюю большую полуось. Я справляюсь у Вяковлева и снимаю для начала колесо с переднего моста.

В 11:30 звоню в «Авангард». Коротич обещает быть на месте. Прихожу в редакцию, а её и след простыл. Болтаю с её

коллегами — Риной и Олегом. Рассказываю о своей аварии, а Рина — о своём брате, который тоже перевернулся на машине и теперь в больнице. «Вождение — это опасный спорт»…

Переодеваюсь и иду на репетицию карнавала. Освобождаемся в 15:30. Заношу билеты на карнавал в 73-й вагон. У Лёни беру один фотобилет «на всякий случай».

В клубе все долго и упорно гримируются, одеваются, кривляются, нервничают. Иванцов командует:

— Начинаем в 20:00!

С приклеенными усами читаю со сцены отрывки из Гоголя весьма спокойно. Выступление проходит в заданном темпе… Потом о нашем представлении говорили: «Не успели мы повернуть головы, как сказка закончилась».

После нас Мищенко показывал длинную сказку с политикой и идеологией в двух отделениях с участием «Серебряных». От тоски все играли в лотерею, ходили в буфет и на танцы под магнитофон.

Фокусы Виктора не приносят ему успеха и утешения, и вообще, его «не заметили». Он сидит в сторонке и уходит рано, оставив девушек из «музыкальной шкатулки». Вечер тянется долго и нудно. Лишь на танцах я немного разогреваюсь и кайфую.

Пробую танцевать с Тапрыкиной, но она тяжела, как бревнышко. Таня ждёт приглашения от Арнольдова, однако Ленка имеет на него прав больше.

Наконец, в 23 часа карнавал заканчивается, и все переодеваются. Серёгин и Иванцов собирают нас в зале, смотрят, оценивая, и направляют в комнату напротив, где накрыт банкет. Я вхожу туда с «Серебряными», но вскоре выясняется, что сюда приглашены лишь члены отряда «Ударник». Огонёк провожает «Серебряных» домой и по дороге объясняет, что в конфузе виноват Мищенко, считавший, что они из нашего отряда.

На фуршете дружно выпиваем (Розка, сидящая напротив, пьёт на брудершафт с Прессом), поём и в первом часу расходимся. Арнольдов ведёт нас к себе, где были Степанов, Лёня и Жека. Пьём водку, поём песни хором. Не обошлось и без потерь: наш студиец Жора где-то упал и сломал ногу.

На следующий день, как и положено, дрыхнем до 8:30. Вовка уходит на работу первым, я — вторым в 10:20. Лёха вообще не встаёт.

— Пойти что ли ко врачу?.. — думает он вслух.

На работе мне в Гошкиных валенках тепло, но лицо и руки мёрзнут на ветру. Температура —32°. Сёмочкин собирает колесо «Кировца» и до обеда не даёт мне колпачный ключ. Я ищу Вяковлева, чтобы оформить путёвки или табель, но не нахожу,

разбираю все коммуникации в кабине «головастика». Заходит Степанов в поисках сверла и подъёмного крана. О сверлении договорился с Гречкой, а кран ему не дают.

На обед свой инструмент уношу домой, так как шкафчика у меня нет. Дома Вовка угощает консервированными овощами и чаем, а сам идёт в столовую. Засыпаю до конца обеденного перерыва.

Гречке по профсоюзной линии привозят лыжи на 2000 рублей. Вяковлев опять исчезает и уже насовсем. Разбирал машину, стоя кверху задом, и ноги чуть не свело от холода. Отсоединил тяги переключения передач, карбюратор, шланги от печки. В 16:30 темнеет, и работать становится трудно.

После работы закачиваю со Светкой холодную воду в систему балка. Смотрю письма, газеты, получаю аванс (60 рублей).

На почте пишу телеграммы так долго, что почтовая машина уезжает, а мои телеграммы остаются у меня. Переодеваюсь и иду на центральную почту. Перевожу брату 15 рублей. Оправляю телеграммы родным и однокашникам: Игорю и Витьке. Покупаю последний талон на телефонные переговоры.

…Почитав у Степанова газеты, занимаюсь с ним гитарой. Гоняем чаи, говорим с суровым Ярковичем о возможности моего перехода в их бригаду. Он объясняет, что вакансий у них нет. Прочитав мою статью «Праздник в Кудыкте», Влад находит ошибку: я нечаянно «наградил» Мошкина грамотой.

…Дома пьяная компания: Нонка, Вовка, отбивающий ритм на перевернутой гитаре, Лёшка со Светкой и недавно вернувшийся из отпуска Глазов. Я читаю Гоголя и засыпаю в 11 вечера.

31-го встаю по будильнику в четыре утра, иду к телефону в электродежурку. За столом спит дежурный и на меня почти не реагирует. Москву не дают категорически…

Дома ем чужую колбасу, пью чай, пишу дневник. Замыслил рассказ «О любви». Вовке не хватает дня, чтобы выговориться: в 5:20 он закатывает жуткую тираду во сне о нашей стройке, и всё больше — матом. В шесть часов начинаю сочинять набросок рассказа.

В 6:45 звенит будильник, поставленный Светкой, но никто не реагирует. Бужу каждого по отдельности 15 минут. Просыпаются в 7:15, и — с претензиями ко мне…

Сижу в ОГМ до света в 9 часов. Гречко послан Сорочиным ставить ёлку на катке. Отсоединяю в кабине все провода от кузова, последние тяги, сливаю тормозную жидкость, — всё готово к подъёму кабины. Домой иду в 14:30.

Пью чай, дочитываю «Портрет» Гоголя и ложусь спать

до 18 часов.

…Заходит Мирносов, тоже вернувшийся из отпуска. Рассуждает о «наглой», меркантильной столице, о Солженицыне. Читал у тётки «Гулаг» с авторской правкой. Загнул несколько свежих анекдотов с матерщиной. Митя приглашает сначала меня, — просит принести кассетник, — потом спрашивает, где может быть Горисов, — опять же нужна его музыка.

Лёня зовёт меня с пластинками в нашу библиотеку. В 23:15 я бреюсь, пью чай, но появляется желание поработать над рассказом. Музыка понадобилась и Лёшке, но я сказал, что обещал её Митяю и отнёс ему магнитофон.

Степанов настропалил меня привести на вечеринку Виктора, ибо Матюшин его уговорить не смог. Мне Виктор не отказал и обещал прийти.

В библиотеке все быстро усаживаются за стол. В 23:40 наливаем шампанское. Первый тост: «За Старый!».

Затем, Виктор начинает готовить свои фокусы, что всем быстро надоедает. Звучит тост: «За 45-летие Владимирского в Новом году!», и праздник продолжается…

Глава 11

Дед Мороз и Снегурка. Мудрость партии. Шофёр-патриот. Она по проволоке ходила. Пишущая машинка. Кому с кем спать. Великий Гречко. Вместо протокола. «Грязное» переживание.

1 января — второй Новый год в Сибири.

…В балок заходят: Дед Мороз — Лёня и Снегурочка — Серёга (Виннету).

— Снегурочка, не целуйся, растаешь! — смеются над ним.

Дед Мороз раздаёт подарки: от резиновых изделий №2 до венецианских карманных зеркалец. Подается пирог с 45-ю свечами.

На журнальный стол взгромождается растрёпанный бугор-отец и сетует:

— Дело плохо! Таким парням не нашлось работы в СМП! Придётся послать сыновей на промысел…

Вскоре они «возвращаются» поодиночке. Кто заработал больше, кто попал в вытрезвитель, кого оштрафовали за брак…

Один Лёня (уже не Дед Мороз, а старший сын) заработал больше всех.

— Чем же ты занимался, сынок? — спрашивает отец.

— Писал плакаты, афиши, объявления, пасквили в газету, публиковал фото… — отвечает бородатый сынок, и все смеются.

Виктор к этому времени приготовился и показывает фокус с цилиндром, из которого вдруг вытаскивает бутыль шампанского. Все, естественно, потянулись к ней, чтобы открыть, но первым был Фролкин. Он схватил свою бутылку с воплем:

— Отдайте, это же реквизит! Она мне нужна…

В завершение народ переходит к так называемым танцам… Одну совсем нетрезвую даму кто-то обижает, и вспыхивает разборка…

В 2 часа ночи я ухожу спать, а в 5:30 нас будит Исмаил.

— Вставайте! — кричит он. — Отметим Новый год по-московски!

…Зашёл в библиотеку и застал там одного именинника — Владимирского. Идём с ним к Степанову. У него в гостях — девчонки из его отряда. Просят принести чего-нибудь выпить. Владимирский долго отказывается, но всё же идёт со мной на поиски питья. Ничего путного, конечно, не находим. Собираю остатки из бутылок и рюмок и приношу жаждущим. Все были довольны…

Дома ложусь спать в спальник. В 13 часов нас опять

поднимает Исмаил и показывает пример: обливается водой на улице. Я иду в наш клуб на объявленный конкурс песни, но там ничего не происходит. У Степанова бренчу на гитаре, пью чай и опять иду в клуб — никого. Читаю «Шинель» до 7 вечера.

Ужинаю у Митяя с Машей Бондарчук: на столе — спирт, «рождественская» курица…

В 22 часа захожу к Алине, но Катерины — организатора конкурса песни — у нее нет. Зато Пресс приглашает к себе в радиорубку, точнее — на склад радиобарахла. Рассказывает, как познакомился с будущей женой Жанной в Нарве на строительстве Дивногорска. Какая она поэтичная, чуткая, работящая… Только он не хочет, чтобы она приехала сюда, прежде чем закончит учебу.

Пьём с ним водку из пластиковой бутылки. На её боках — наклейки с поговорками о вине и пьяницах — работа моих стариков. Прибегает Иванцов и торопит Пресса:

— Ищи Серегина, Москва на проводе! А ты, Гена, иди в 113-й вагончик, мы скоро туда вернемся.

Переодеваюсь и иду в 113-й — вагончик парторга Воронова. В салоне он вещал одной из «зайчих» о «мудрости партии»:

— Например, вот беседы Брежнева с этими, ну не конгрессменами, а другими, похожими, обобщающее такое название — их всего человек 30 в капиталистическом мире, ну, в общем, с этими — капиталистами. И как ловко этот старый дядя Лёня парировал их удары. Почитаешь отчет — диву даешься, какой он сведущий человек. Они его чего-нибудь спросят, а он: «Да на ваших же фирмах недавно уволено 3000 человек». Хотя об этом мало кто знал… Или вот ещё, — продолжал он восторженно. — Как-то, будучи в Японии, покупал он игрушки. Журналисты его засекли и спрашивают: «Зачем вам японские, у вас же свои ещё лучше?». Но нужно было ему таким родиться, он ответил: «Ах вы гады, журналисты, я же хотел сделать сюрприз детям, а вы всё раскрыли»…

Мысли его скакали от темы к теме, как у проповедника: и о том, что «культ личности идёт снизу», и о том, что «с творческими работниками у нас проводится ленинский принцип воспитания»

— Иной раз доходит до скандала, до суда, выгоняют из Союза художников, из партии. А из ЦК — постановление: воспитывать! На картине наших импрессионистов — угол избы в чёрных тонах и чёрная старуха. Или «Рабочий» — самое противное в нашей идеологии полотно, как в «Окнах Роста»… Всё же искусство не принадлежит народу. Картину хотят смотреть, скажем, 100 000 человек, а остальные? Рабочие не хотят терпеть такое

искусство! — и продолжал о шофёре — патриоте, подвозившем его на попутке, восхвалявшем все западное: — Я уже подумал — крамола, а он русский, до глубины души. Говорит, «у нас военная техника в 100 раз лучше западной. Почему только её технологии в гражданку не пускают?».

…Его жена, Лора, говорит с Москвой. Воронов кричит рядом, чтобы в трубке услышали:

— Говорит Воронов!.. — но его уже не слушают.

В их комнате чистота, простор, большой телевизор, ковёр, холодильник, стиральная машина…

Дома перед сном мы с Лёшкой вспоминаем столичную жизнь…

Поутру меня будит Степанов.

— Нужно поработать: помочь напилить дрова, — говорит он и добавляет, помедлив: — Но не к спеху, можешь понежиться пока.

А через некоторое время вдруг предлагает:

— Пойдём, навестим Мормоновых… Виктор пошёл звонить им по телефону.

Когда я собирался, Лёшка принёс из магазина бутылку «Плиски». Всё же иду к Степанову. У него все одеты и ждут Виктора.

— Надо ли купить выпивки? — спрашиваю я.

Лёня выразил лишь удивление по поводу такой риторики. Все уходят в город, а я — в магазин за коньяком. У столовой встретил Ярковича с Фролом, несущих в авоське диковину — лимонад.

Поднимаюсь к «Орбите», снимаю виды города сверху. У Мормоновых — дым коромыслом, шум, веселье… Виктор готовит спирт «по-северному».

— Ты меня уважаешь? — пристаёт он ко всем по очереди. — Нет, вам нравится «по-северному»? Ген, ты рад видеть наши физиономии?

Наконец, Ароныч предлагает ему свой, «якутский» вариант: выпить спирт через соломинку, закусывая половиной луковицы. Виктор с трудом выпивает и, как я предвидел, хочет спровоцировать нас со Степановым. Но мы на это не поддаемся, и он обижается.

Очень скоро Виктор выходит из-под своего хвалёного контроля, начинает есть из тарелки Влада, требовать сюда Инну — «такую симпатичную»…

Мормонов рассказал, как Инна ходила по проволоке в цирковом училище, но потом бросила его и пошла в простую школу, в класс, где «имел честь учиться товарищ Мормонов». Здесь ситуация классическая: «страсть Мормонова схватила»…

Вспомнил и о её матери — художнице (лауреате Сталинской премии), о её болезни и мужестве, с которым она пыталась писать левой рукой, уже в преклонном возрасте ездила на велосипеде, рыбачила…

Затем Ароныч достал из-за ёлки портрет Инны в цирковом костюме в возрасте 16 лет (я бы дал 20) и пытался «влюбить» нас в неё, юную. Виктор втрескался в портрет сразу и начал нам с Владом объяснять, как же она свежо выглядит. Когда пришла сама Инна, он бросился её обнимать и целовать. Аронычу, наверное, это льстило.

Когда выяснилось, что на шестерых мяса не хватит, Виктор захныкал и обозвал всех обманщиками, прохвостами. Инна, дабы упредить инцидент, жарит картошку с грибами, присланными из-под Серпухова родителями.

Виктор ест прямо из тарелки Степанова, потом — из своей и снова начинает хныкать:

— Но это всё же не мясо!

Выпиваем весь спирт, который пошёл, как водка, что было обидно. Когда спирт кончился, Люде предложили водку, а остальные принялись за коньяк. Виктор вскоре успокоился, ушёл в себя, собрался уходить. Его отпустили, но только на 40 минут, «чтобы привести брата». Однако, все удивились, когда в прихожей раздались женские голоса.

Я обрадовался, думая, что Виктор привёл девушек из «шкатулки», но пришёл в недоумение, когда в комнату вошли две пионерки-замарашки. Они долго сидели, пытаясь вникнуть в нашу болтовню, а Виктор молча гордился нами. Затем они без предисловия сплясали «камаринскую», и Виктор так же без комментариев ушёл с ними безвозвратно.

Разговоры за столом идут вокруг стройки, всё конкретнее и серьёзнее. Люда быстро пьянеет и пытается привлечь к себе внимание. Я предложил ей выпить «на брудершафт». В самый ответственный момент, когда водка должна была скользнуть в её пищевод, а губы — сложиться для поцелуя, она поперхнулась и прыснула мне в лицо адской смесью…

Когда кончается и моя бутылка коньяка, Инна спрашивает, будем ли мы «ещё», и достает треть бутылки водки. В час ночи звонят со станции: телефон в Москве не отвечает, и я прошу повторить вызов позже.

…Гитара была уже раз 10 перестроена с шести на семь струн и обратно. Песенный репертуар пошёл по второму кругу, и все начали дремать. Наконец, в 2 часа ночи я говорю с отцом (мама была в бассейне). Оказывается, Гошка — мой посыльный-отпускник — к ним ещё не зашёл, но моя пишущая машинка

ждёт его.

Людмила возмутилась, слушая, как я разговариваю, «не раскланиваясь» с отцом, а начиная сразу: «имеются некоторые вопросы», рыская по карманам в поисках записки с этими вопросами.

Когда же Инна предложила нам заночевать у них, я удивился скорости, с которой Влад согласился. Долго обсуждаем, кому спать рядом с Людой, а кому — на раскладушке. Я пытаюсь предложить тянуть спички, но всё устраивается проще: Люда ложится на раскладушку и мерзнет одна всю ночь. Мы же с Владом спали на тулупах с тёплым котом.

В субботу просыпаемся засветло. Помогаем прибраться, завтракаем, выпиваем остатки спирта из НЗ. Тост:

— За мудрость хозяйки, оставившей заначку!

— И за нашу глупость, — добавляет Мормонов.

Около 14-ти часов мы с трудом раскланиваемся. Заходим в «музыкальную шкатулку» и встречаем там Виктора, Арнольдова, Огонька. Они хотят отправить меня за коньяком, «пока не разделся», но на уговоры я не поддался. Поём за столом песни, пьём коньяк с посвящением, Ульяна — цыганка, — аккомпанирует на гитаре.

Виктор за занавеской на фоне окна признается в любви очередной пассии. После этого они вроде бы собрались выйти погулять, как вдруг, девушка вернулась от двери и села рядом со мной…

Вскоре все засобирались домой. По дороге Огнев начал рассуждать о моём пессимизме, о моей злости и ехидстве. Я вяло парирую его наезд и снимаю «Зенитом» на ходу его, Арнольдова и Степанова.

Дома сразу ложусь спать и просыпаюсь только в 18 часов, когда за стенкой зашумели картёжники. Читаю газеты, проведываю Горисова. В кухне его вагона все три дня некто Киршин принимает спецов с путеукладки: кто из бригады Гиреева, кто из 54-го СМП, кто ещё откуда-то. Разговоры только о работе, о возможностях путеукладчика УК-25 (проектная мощность 800 м в сутки), про безотказного бульдозериста «Карлика» и так далее. Дочитываю дома «Шинель» и начинаю — «Рим» Гоголя.

…Появляется сильно пьяный Лёшка и бессвязно, с выпученными стеклянными глазами просит меня указать Светке на дверь, когда она придёт. Уложить его спать я не смог, и он лежал в одежде в углу на моём топчане. Когда она пришла, я сразу сказал:

— Свет, мы хотим, чтобы ты у нас больше не жила и сегодня

не ночевала…

— Ах, ты пьяная, неблагодарная свинья! — мгновенно выдала она. — Слишком много выступаешь!..

Я больше не проронил ни слова, но Лёшка долго просил её уйти, даже когда она его уложила и легла рядом. Он бормотал про «письма от Раи и Вали, об измене им», но в час ночи под ласками Светки про всё забыл…

Воскресенье. Просыпаюсь в 6, пишу дневник. Вовка просыпается в 6:45 по будильнику, пытается поднять Лёшку, но тот посылает его довольно далеко и грубо.

На работе прошу Вяковлева дать автокран, чтобы снять кабину с машины. Замечаю, до чего же смешная у него жестикуляция! В ожидании крана греюсь в кузнице, слушаю как сварщик, которого я сразу окрестил «Матёрый», философствует о загранице.

Наконец, приехал вредный крановщик Толик на «КАТО». Сначала переносим Колькину мехлопату к забору, затем снимаем с рамы моего УАЗа кабину и кузов. Начинаю раскручивать рессоры. Мне в помощь назначают Гречку, но он даже не подходит ко мне, показывая свою значимость…

В обед зашёл к Степанову, где встретил Виктора, «плачущего» над мелодией в исполнении оркестра Поля Мориа. Они с Лёней отмечают обмен своими должностями, и великодушно угощают меня «Плиской».

На работе идут споры: Матёрый и Иван уверяют, что «поведённую» после удара раму «головастика» выправить невозможно.

— И так сойдёт, — утверждает Вяковлев. Достаточно промерить все размеры…

Я же продолжил перебирать рессоры. Зашёл Митя и помог мне собрать одну из них. Раздаю всем детали: кому — замок зажигания, кому — заводилку («кривой стартер»), кому — реле поворотников.

Думая о проблеме сожительства Светки с Лёшкой, решаю сначала сходить к Иванцову, чтобы он как-то повлиял на неё. Для убедительности решил записать наш с ней разговор на кассетник.

В 16 часов иду на автобазу, в баню. Пьяный дед-смотритель, размахивая руками перед моим носом, кричит, что «трубы неисправны, разморожены, и вообще — завтра приезжает комиссия». При этом выпустил из бани двух счастливчиков, запер дверь и пошёл нетрезвой походкой в никуда…

…Что решил делать Лёшка со Светкой, я не стал спрашивать. Сидим с ними в спальном отсеке. Я подключаю микрофон к магнитофону. Лёшка увидел и поинтересовался:

— Ты будешь записывать?

— Да, вместо протокола, — говорю я.

Светка тут же «завелась» и — к выходу. Когда в кухне послышались всхлипы, Лёшка «вспомнил»:

— Да мы со Светкой уже обо всём договорились…

— Что ж ты мне раньше не сказал? — воскликнул я. — Видишь, в каком дурацком положении я оказался…

Тем не менее, радуясь такому лёгкому решению, я иду в магазин, а Лёшка — искать свою шапку к друзьям. Вскоре мы уже пили вдвоём коньяк, но наше застолье прервала Тина.

— Срочно дайте лекарство! — сказала она, заглянув в дверь. — Светке очень плохо, она кончается…

Кроме коньяка, лекарства у нас не нашлось, и мы идём в третий вагон к Вале Кондрашиной. Она берёт какую-то коробочку, и Лёшка ведёт её к Светке. Мы с Вовой, не теряя время даром, принимаем по дозе, и он начинает свою горестную исповедь:

— Я в новогоднюю ночь был с Риткой. Сначала, когда мы выпили, она так льнула! Мы целовались, она готова была дать, поддалась добровольно, а я упустил момент. Когда мы уже легли, она зажалась, передумала. Я как-то сжалился над ней и не стал её насиловать.

— Чудак, это же благородно! — пытаюсь успокоить его. — Обладание женщиной при обоюдном желании — это кайф. А взял бы силой, как потом жить рядом, встречаться каждый день?..

Увы, мои увещевания были напрасны. Он так и остался расстроенным.

— Я же поэт! — продолжал он, разжигая воображение. — Я в праве испытать, как и все творческие люди, особенно в сказочную ночь сильное переживание, какое бы «грязное» оно ни было. Надо было «взять» её, а теперь что?

…Выпиваем ещё немного с Лёшкой, после чего идём на заседание штаба КП. Кроме нас, присутствуют: Лена с Кудыкты, Валя Кондрашина, начальник штаба КП и Егоров из райкома. Говорю, в основном, я и — всё больше — надоевшую всем ерунду.

— Всё правильно, и что же теперь делать, сложить руки? — говорит Егоров. — Видно, с вами надо поговорить как следует.

Несмотря на мои попытки уговорить всех сделать рейд по производствам на неделе, все выступают за очередную встречу в пятницу, тогда же и начать работу.

У Степанова в балке Адонин читает книгу о западном искусстве, наливает мне и Ярковичу коньяку. Заходят две

девушки из отряда Степанова, их усаживают, угощают и предлагают мне сходить ещё в магазин. Прохоров с Матюшиным меня субсидируют, и я двигаю к Гречке. У него не открывают, и я иду в 73-й вагон. Здесь заканчивается «банкет» мента с шофёром дежурной машины. Виктор уговаривает не гонять пьяного водилу на машине в Ленду, и они долго пререкаются. Понял, здесь мне никто не поможет. Виктор лишь позавидовал, что он не в нашей компании.

Иду опять в 29-й вагон к Гречке, стучу в окно, потом — опять в дверь и уговариваю его отдать одну бутылку из своих запасов. Когда же я прихожу к Владу, девочки собрались уходить. Матюшин бросает мою бутылку под стол, но к счастью она не разбивается…

Глава 12

Очередной «шедевр». Демонтаж. «Фоточувство». Пробоина. «Бардак» в Хородочи. Искать газосварку. Спецы-наблюдатели. «Неблагодарный». Начальник штаба КП.

В понедельник поднимаюсь по будильнику в 5:30, сижу в полусне над дневником. Поднимаю ребят в 6:45, а сам ложусь спать. На работу прихожу к девяти, и заммеханика Саша Омаров заметил мне: «долго спишь». Я пробурчал, что встал сегодня очень рано, но заболел желудком. До обеда с большими перерывами отсоединяю крепёж двигателя.

На обед — чай с колбасой, Феофраст. Вовка подсовывает мне бумагу с цитатами из Ибн Хазма и собственный поэтический «шедевр», грубый, как булыжник, который я в общем одобряю, но предлагаю подправить.

…Долго отсоединяем от движка приржавевшую выхлопную трубу, а затем — сцепление. Пробуем с мужиками поднять двигатель вручную, но ничего не выходит. Сидим без дела до конца дня.

Дома меня ждут письма от Суворова, моей мамы и мамы Виктора. На ужин в столовую не успеваю, обхожусь чайком дома. Приходит Горисов, и Вовка окружает его заботой и вниманием. Дает ему Ибн Хазма, и тот подтверждает ценность книги.

…Просыпаюсь в полночь. Лёшка читает «очень интересную книгу». Я пью кофе и пишу дневник до 2:40. Затем пишу письма и рассказ до шести утра.

После столовой, бегу к Митяю за газетой с моей заметкой, но напрасно: он взял более поздние номера, где ничего моего нет. На работе Вяковлев объявляет, что отныне (после его проработки главным инженером) с 7:45 до 8 часов будет перекличка, а также — до и после обеда. Помнится, это не первая попытка «навести порядок».

Кран «КАТО», который мог бы снять двигатель и стоял рядом с рамой машины, мы с Гречкой упустили. Обращаюсь к Вяковлеву, чтобы дал другой кран, и он направляет меня к Винарову. Поглядев, как Винаров меняет трос, поняли — это надолго и расходимся кто куда.

К 11 часам кран был сделан, и Винаров, переполненный чувством собственного достоинства, подъехав вплотную к машине, начинает поднимать двигатель. Увы, шлиц кардана упорно не хочет выходить из вала коробки передач, и крановой «заводится». Я его ругаю за то, что он подъехал вплотную к раме и не имеет манёвра и что он вообще — хреновый крановщик.

Бегу за гаечным ключом, с трудом отворачиваю при подвешенном движке три гайки крепления кардана, но один болт снять не смог. Не выдержав дёргания этого идиота, машу с досады рукой. Он это понимает по-своему и дёргает движок ещё выше. Болт отлетает, двигатель с коробкой повисает на чалках, опасно раскачиваясь… С трудом уговариваю кранового поставить движок не к КСО, а к кузнице. Далее мне как-то удается организовать шестерых «трудяг», и, подвесив двигатель на трубу, мы заносим его в кузню.

Дома пью чай с колбасой и читаю Феофраста. После обеда почти всё время «охраняю» двигатель. В 16 часов ищу на автобазе душ, но, видимо, он тщательно законспирирован.

Политзанятия в 5 вечера я игнорирую, ибо нахожусь на странном подъёме: получил извещение на ценную бандероль, и просто было весело. С трудом отыскав паспорт, бегу на почту. Увы, она закрыта по случаю пожара в ОРСе.

…В среду встал в четыре утра и сел за дневник. В семь — чай, и — на работу. Долго отмечаемся, долго думаем, что делать с двигателем. Наконец, берёмся снимать поддон. Два десятка болтов откручиваем до обеда.

В обед читал Феофраста. Вдруг зашёл Адонин и, как всегда взахлёб, объяснил, что ему нужен мой «Зенит», потому что он «едет в Хородочи снимать людей для стенда». А для этого ему нужен второй аппарат с другим объективом. Он теперь — зам. главного инженера и всегда будет иметь много «фотознакомых». Я сразу спрашиваю, почему мои снимки так отличаются от профессиональных. Он предполагает, что у меня «нету фоточувства». За «доброе слово» угощаю его конфетами, и он уходит на рейсовый автобус в Хородочи.

На работе в бытовке коллеги рассуждают о войне, о четвёртой звезде Жукова за «нападение» на американцев на Эльбе, о Черчилле, о Рузвельте и о железном взгляде Сталина. Кроме того, слышу много советов по работе с двигателем, по его разборке и сборке. Главный специалист по всем вопросам — Матёрый.

Гречко теперь работает один и то, если его очень попросят. А мы с новым помощником Витьком, долго мучаемся над креплением сцепления и особенно — над установкой коробки передач.

…Звоню из отдела кадров Иосифу, но в РДК его уже нет. Дома быстро пью чай, читаю областную «Правду», пролистываю «Литературку»… На моей кровати лежит Вовка и зачитывает вслух места из Ибн Хазма, хотя его никто не слушает. Я читаю 14-ю страницу «Литературки» и рано ложусь спать.

…Просыпаюсь в полночь, но вместо дела читаю до 6:30 утра «Курс — одиночество» Вела Хауэлза. Поспав часок, пишу дневник, бужу мужиков. Собрался в столовую, но замешкался и решил обойтись чаем без хлеба.

…На работе отмечаюсь, в кузнице разжигаю печь, с Витьком берёмся за сцепление. Подшипник не отжимается, разбираем соединения, выпрямляем пружину и раз 20 пытаемся её надеть. Расслабляем крепление корзины сцепления, с великим трудом Витя вставляет вал и ставит на место коробку.

Обедаю в столовой, выдержав очередь и прочие унижения. В мастерской сидят 10 лоботрясов. Сделав из листа железа «противень», мою в нём соляркой поддон движка и слушаю «умные» комментарии. Матёрый, оценив пробоину в поддоне, заваривать её отказался. Таня взялась сделать это электросваркой и, вроде бы, её заварила. Однако у шва осталась дырка, и вода, налитая для проверки, сочится сквозь неё.

…Лёня увидел в Хородочи бардак и не заснял ни кадра для себя, а мог бы — для КП. В 18 часов ложусь спать. Райлин приводит Олега и предлагает мне выпить с ними. Я отказываюсь и засыпаю. Встаю в 11 вечера, ем Светкину курицу, прибираюсь. Заходит Светка опять с красными глазами и просит привести к ней Лёшку, когда он появится. Он приходит домой в полночь пьяный и сам уходит к подруге.

9 января. В 1:30 заканчиваю упражнения из йоги и сажусь за дневник, но с трудом описываю один день и в 2:30 ложусь спать. Утром опять ем Светкину курицу, хотя и клялся себе, что этого делать не буду…

На работе утренней переклички уже нет. Сидим до 8:30 в бытовке. В поисках сварщика зашёл Степанов, но его посылают… к начальству. Через полчаса он заходит с главным инженером, и сварщик находится…

Увидев Вяковлева, докладываю ему:

— Таня пыталась заварить пробоину в поддоне, но осталась маленькая дырка…

— Кто сказал, что варить надо электросваркой?! — закричал он.

— Люди, которые разбираются в сварке, — ответил я, решив не указывать на спеца.

— Надо было искать газосварку! — сказал механик уже спокойнее, понимая, что припозднился с советом.

— А где её искать? — спрашиваю я, изображая невинность.

— Да вот, вчера у ЖЭКа слесаря варили… — вставил, заготовленный заранее ответ Матерый.

— А что ж ты не сказал вчера? — изумился я. — Ведь видел,

что мы делаем!

— Буду я ещё за каждым бегать! — гордо ответил он.

— Самому надо было искать… — одобрительно добавил Вяковлев…

В мастерской складываю в поддон весь инструмент, прикрываю картонкой и, так как шкафа в раздевалке у меня нет, кладу его у дверей комитета. Греюсь у костра с Игорем — мужем Татьяны. Оказывается, он тоже сварщик, и оба они из Свердловска. К нам подходит знакомый парень, выдает:

— Приятелю скажу: «Привет!». Он спросит: «Выпить есть?». Отвечу: «Нет!», — и так же внезапно уходит.

…Иду искать газосварку. Заодно делаю запись в дневнике, пью кофе с твёрдым намерением: появиться на работе только к обеду. Вдохновляюсь на ответ Ксане в НИИКино на одной страничке, но со множеством вопросов.

К 12 часам захожу в комитет, прячу у Гречки поддон с условием: после обеда убрать всё до начала аттестации. Когда поднимаюсь наверх, к почте, чтобы опустить письмо, встречаю Вяковлева. Увидев меня издалека, он рефлекторно смотрит на часы, но на циферблате у него всё было в порядке — 12:00. Подойдя ближе, он произнёс заклинание:

— Чтобы на следующей неделе машина была готова…

— Конечно, конечно, — с готовностью, как заезженную роль, выдаю я и иду дальше.

Столовая была ещё закрыта, и я встал в толпу у дверей. Вскоре подошёл весь ОГМ, и, когда лавина ворвалась в зал, мои коллеги, как ртуть, просочились вперёд, а я, как всегда, остался в конце и закончил обед в 12:30.

На работе с Витей занимаемся коробкой передач. После установки оказалось, что подшипник не оттягивается пружиной. Чтобы правильно установить коробку, приходится отворачивать сцепление, так как диск со шлицами сместился с оси. Во время наших мучений вокруг стоят, сидят и ходят люди — все смотрят, многие чего-нибудь советуют или просто травят байки.

Ближе к концу дня занимаюсь номерными знаками: сначала правлю задний — с помощью Петра Сорочина. После его помощи пришлось всё переделывать. Обжигаю номера на горне. Затем крашу черной краской.

Вечером, около семи, собираюсь в комитет на штаб КП. Захожу к Лёне за фотоплёнкой, покупаю кое-что в магазине, встречаюсь с Горбуновым и приглашаю его в комитет. Адонин сообщает, что у Виктора в балке лежат три письма для меня. Нахожу Виктора у Влада.

— Почему мои письма лежат?! Я чужие письма сразу бегу

отдавать адресату… — возмущаюсь я.

Лицо у Виктора мгновенно наливается кровью, ноздри раздуваются, глаза выпучиваются, и он кричит (похоже: сейчас ударит):

— Ты неблагодарный, ёп… тв… душу мать!.. — и сразу начинает жаловаться Владимирскому и другим ребятам: — Смотрите, он только и может, что наезжать…

Я коротко прошу у него прощения и направляюсь в комитет. Заседание, оказывается, назначено не на 19 часов, а на 19:30. Я успеваю сходить в 32-й вагон за письмами. Два — от родных и открытка от Клары.

На заседании штаба, кроме меня, были: Горбунов, Ваня, Воробьёв, Гречко и Егоров. Опять долго крутимся вокруг да около: с чего начать. Наконец, Егоров начал всех агитировать в начальники штаба КП. Сначала я отказывался, поскольку читал письма. Но со второго раза, когда все тоже отказались, я решил попробовать.

Долго обсуждаем сроки первого рейда. Егоров предлагает сделать этот рейд по транспорту, развозящему бригады на объекты, составить график дежурств на дороге и у столовой.

Дома меня ждёт Райлин с готовым ужином: каша с мясом и бутылка белой бормотухи. Садимся за стол, наливаем, и тут заходит Олег Тимошин. Он приносит «Рабочий Авангард» за 9-е января с поэмой Евушенко, благодарственное письмо Горисова и других любителей поэзии для публикации в газете, а мне — официальное приглашение на новоселье своей сослуживицы Рины Островцевой. Выпиваем за здоровье Евтушенко. Когда собрались спать, Вовка, растроганный стихами «коллеги по цеху», достал ещё одну бутылку, и мы выпиваем её уже через силу.

Глава 13

Затянувшееся новоселье. Товарищ дверь. Гибель собрата по цеху. Странная аттестация. Долг СМП. Рабочее движение.

В субботу являюсь к Лёне, как он просил, в 9:30. В чём состоит задача, он не говорит до последнего момента. Когда подходим к бригаде Степанова, ждавшей у магазина вахтовую машину, я понял, что буду помогать снимать ребят для летописи треста. Однако, вскоре выясняется, что коллектив не весь осведомлён о важности мероприятия. Степанов же со сваркой, которую с большим трудом пробивал, — уже на объекте. Адонин, заведённый безразличием бригады, разгорячился так, что грубо послал подошедшего Виктора со всеми его советами и объяснениями. Бригада уезжает, а Лёня идёт снимать теньковских.

…Заряжаю плёнку для съёмок новоселья. На самом деле — тяну время до обеда, пришивая пуговицы на полушубок, а потом долго ставлю кассету в фотоаппарат. Плёнка мнётся, и я снимаю объектив, чтобы её поправить. Взяв у Горисова магнитофон, записываю себе Окуджаву и других авторов до 17-ти часов.

В 6 вечера иду искать попутную машину. У развилки останавливается автобус. Бегу к нему, поскальзываюсь и падаю прямо на выхлопную трубу. Весь перепачканный и злой еду в центр Ленды.

Долго хожу по новостройкам и, наконец, нахожу дом и 17-ю квартиру. У Островцевой ещё ничего не готово. Женщины копошатся на кухне, мужики начинают «по маленькой» в гостиной. Я развернул аппаратуру, и вскоре всё пошло: и музыка, и моя фотовспышка. За стол садимся в 20-м часу. Я сижу между Людой и Инной на ледяной лавке, принесённой с улицы. Сидим боком, но зато весело. Темп задаётся высокий, всё смешалось: стол, танцы, опять стол, опять танцы.

Олежек так расходится, что подбивает ногу телевизора, тот падает с грохотом экраном вниз, но чудом остаётся цел. Его повернули к стене экраном, и веселье продолжилось. Всё кончается как-то неожиданно.

Когда мы выходим на улицу, я начинаю падать на заледенелом снегу. Сначала у поворота из магазина. Следующие несколько раз шлёпнулся у входа в рощу. Мормонов забирает у меня авоську с аппаратурой и уходит с кем-то вперед.

Я иду под ручку с Людой и над чем-то смеюсь, как выяснилось позже, — над собственной пошлой шуткой. На одном из поворотов Олег отстаёт, пытается съехать с горки, на которой

прошло детство Люды, но ему удается скатиться только кубарем.

У Мормоновых быстро накрываем стол в кабинете. Коньяк, солонина и тому подобное. Пьём долго и упорно, поём и слушаем Окуджаву. Говорим, в основном, о работе. Женщины уходят спать в 6 часов утра, а мы сидим с Аронычем до восьми.

…Нас будят в полдень. Я лёжа завожу магнитофон, Ароныч притворяется спящим, женщины готовят закуску. Я умываюсь, одеваюсь и нагло жду еду. В 2 часа дня садимся за стол, выпиваем шампанское, едим солонину. Ароныч вывинчивает из моего аппарата объектив «Юпитер» и оставляет мне камеру. Вскоре за ним заезжает начальник Мостоотряда №54, мы остаёмся за столом в меньшинстве, и становится грустно.

Наконец, мне удается поднять Люду, чтобы проводить до дома и открыть сломанный замок в её недавно полученной комнате. Она не хотела, чтобы я это делал, но я настоял. По дороге натянуто болтаем ни о чём, заходим в редакцию к Олегу, но его там нет. Берём отвёртку и идём к ней. Взяв у соседей какой-то ключ, открываю дверь через три минуты. На прощание консультирую по сборке обеденного стола и ухожу.

Дома проигрываю новые записи. Ввечеру намечается очередная пьянка. Румынское шампанское бурным потоком перетекает из магазина в наш балок. Я снимаю участников этого действа. Лёшка опять приводит Светку, но я уже ничего не слышу…

В понедельник поднимаюсь позже всех и мчусь осматривать «посты КП». Воробьёв был на своём месте, на моём (у столовой) — никого. Здесь — две вахтовки, из одной — люди перебегают в другую. ЗИЛ с будкой ждал из столовой бригаду Шелкова. Степановцы не дождались машины и двинулась на ремонт ОРСа пешком.

Дома пью чай и — на работу. В бытовке мне сообщают о предстоящей политаттестации и о гибели шофера управляющего трестом. Водитель — высокий мужик с бородой, вполне опытный — на своём УАЗ-469 в 15 часов разбился, а в 18 — скончался…

Долго думаем с Витей, чем заняться? Наконец сверлим отверстия в пластинах рессор и отдаём их кузнецам. Бегаем всё время от комитета в кузницу и обратно. Следим, чтобы кузнец не склепал рессоры неправильно. К обеду забираем рессоры, и я прилаживаю их по месту.

…Аттестация проходит весьма странно. Сорочин зачем-то спрашивает, где я жил, где работал до отъезда, приехал ли с отрядом, читаю ли газеты? Я отвечаю хорошо на все вопросы.

— Если газеты не выписывал, надо покупать. Нельзя без

газет, — итожит механик…

Во время обеда сплю полчаса. После — чай с конфетами.

На работе долго приворачиваем стремянки к рессорам и ставим их с трудом на место. Из комитетской бытовки пришлось забрать поддон с деталями моей машины. Туда поселяют двух типов, очевидно, — нужных людей.

Сварной Алик рассказывает, как они с женой борются за расширение жилплощади (6 м^2 на троих) и почти дошли до суда; как попросил мастеров провести свет в комнату (они выдули магарыч — 10 бутылок бормотухи — и ничего не сделали).

Костя Матёрый, комплектуя свой сварочный агрегат, снял с моего движка старый приводной ремень, предъявил его механику и получил новый. Он хотел поменять и кое-какие гайки, но я не дал. При этом он приставал ко всем от скуки и рассказывал о своих похождениях.

…Получаем расчётные листы, и я — опять в недоумении. Собираю свои манатки и направляюсь в отдел труда, чтобы спросить о зарплате, но никого не нахожу. Ни Чеботарёва, ни табельщицы в бытовке нет, а «круглая морда» — мастер — уверяет, что табельщица в магазине и, возможно, скоро подойдёт. Захожу через полчаса и встречаю «круглую морду» на дороге. Прорабка оказывается вообще закрытой.

…Составляю кое-как следующий график дежурств членов КП у точек, откуда развозят людей на объекты. Несу этот график дежурным. Первая — Ленка Рыжова. Она — в неглиже и без парика. Зоя, её соседка, сразу уходит, а Лена угощает меня пирогом и пончиками. Следующие — Горбунов, Воробьёв, Киреев… Отбой в 10 вечера.

…Встаю в четыре утра. Пью чай, пишу дневник. В семь бужу мужиков. Рейда сегодня нет. В запасе целый час. Валяюсь в полусне до восьми.

На работе понукаю Витю начать работу, но до обеда мы мирно топим печку.

— На этой неделе закончите сборку машины, — не спросил, а скорее помечтал Вяковлев.

— Да, к пятнице соберём, — привычно ответил я и добавил, — если кто-то заварит дырку в поддоне.

Тем не менее, Вяковлев так и не подступает с этой проблемой к сварщикам.

Алик вернулся с ремонта водокачки и похвалялся тем, как удивил начальников и наших, и вышестоящих. Водокачка не работала, водовозки стояли без движения. Прибывший из треста Дмитриев мудро заметил:

— Не работает водяной насос.

Петя отыскал в подводящем шланге дыру, отрезал дырявый кусок и подсоединил насос снова. К вящему удивлению народа всё заработало, но заслугу Пети никто не оценил…

Так же невнятно, шепелявя и шамкая, Петя повторил рассказ об электриках, которые «смогли осилить лишь магарыч и ничего не сделали».

Новый главный механик спросил у В. Ильина, почему он ничего не делает со своим краном. Саша Омаров уточнил:

— Почему не делаешь ходовую часть?

На это крановой разразился истерической, пополам с матерной, бранью, из которой можно было с трудом понять, что ходовую он смазал перед отпуском. Кран за это время почти с места не сдвинулся, стало быть, он лично заниматься ерундой на таком морозе не собирается. Шумел долго, и все попытки главного остановить бурный поток не имели успеха, пока тот не выдохся…

Главный спросил и у меня о машине, и я ответил, что никто не может заварить дырку в поддоне. Все услужливо пояснили ему, что Костя мог бы, да не хочет. Началась осада Матёрого, в ходе которой главный выяснил, что у него нет настроения. Когда начальство ушло, и все опять расселись у печки, Витя продолжил осаду Матёрого, но у него так ничего и не вышло.

Пришло известие о том, что, поскольку бытовка начальника СМП сгорела вместе с сейфом и документами, а СМП имеет долг 600 000 рублей, к тому же Мухортов, начальник Главка, живет в Благинске, так как в Ленде ему некомфортно, то Падикин летит к нему «подписывать долг» и лишь 16-го января прилетит обратно с разрешением на зарплату. Пока же нам решили выдать аванс.

На обед — чай с хлебом. После обеда Матёрый неожиданно, видимо устав от безделья, заваривает дырку в поддоне. Заливаю в него соляр и вижу, что он течёт в двух местах. Матёрый варит ещё раз, но безуспешно. «Говно ты, а не мастер», — подумал я.

…К вечеру выясняется, что аванса сегодня не будет, и я решил отнести кое-какие книги в букинистический отдел.

На автобус опаздываю и иду к Виктору узнать, не осталось ли у него чёрной нитроэмали для покраски номеров. Краски не было, и Виктор предложил попить с ним чай. Сначала разговор шёл, как всегда, о бардаке и в СМП, и в информации. С большим «энтузиазмом» он принял известие о том, что путь до Турьяна ещё не уложен.

— Как?! — с деланным восторгом восклицал он. — Ведь все читали в «Авангарде» и в Газете сообщение о том, что до Турьяна и Сиванкана открыто рабочее движение!

Он никак не мог поверить в такое несоответствие, и ещё несколько раз обращался ко всем с этим вопросом. Затем рассказывал, как на станции, на разгрузке, их гонял какой-то начальник мехколонны, и как он тут же прогнулся перед приехавшим из Главка пижоном, а потом оправдывался: «Это же из Главка!».

Степанов, в свою очередь, вспомнил о случае со сдачей двух «гофрушек» (металлических гофрированных труб). До пуска автодороги, при въезде в Кудыкту, оставалось уложить две трубы. Они ночью, в две смены, рыли котлованы для них. Выделили даже специальных людей, чтобы проследить засыпку этих труб. Но, когда бульдозерист зацепил одну из труб и поволок с проектных отметок, и ребята закричали на него, мол, «что ты творишь!», начальник мехколонны 48 послал их по матери и приказал засыпать трубу, ничего не исправляя.

Оставалось уложить под автодорогу ещё несколько труб, но котлованы для них до нужных отметок они так и не довели. Приехал Иванцов и скомандовал:

— Класть трубы, как есть, лишь бы их засыпать!

Заказчик же после открытия дороги обнаружил брак, и всё пришлось переделывать.

Тут же Влад встрепенулся:

— Ну, что мы всё о плохом! И так уже тошно. Давайте про что-нибудь хорошее…

— А ведь мы всем этим сейчас живём, — возразил Виктор. — И самое хорошее здесь — это люди, которые, несмотря на весь бардак, всё равно идут и работают.

В когорту хороших людей он выдвинул Исмаила.

Я попытался было выразить сомнение в правильности выбора, поведав о его «энтузиазме», который невольно наблюдал, придя с ночной смены.

— Он мне нравится… — был единственный аргумент Виктора.

Адонин рассказал, как один из трёх его начальников ругался с ним, а когда он показал ему фото, которого у того не было, они поладили.

Приехал Анатолий из СМП «Свердловск-1» и начал угощать всех водкой. Подошёл Владимирский, партгрупорг. Яркович сварил для студня рыло порося, а Владимирский второпях нарезал его, и мы, закусывая, съели всё с луком за милую душу.

Попутав старый Новый год с сочельником, около полуночи жгли бумажки на плите и смеялись над тенями. Когда Ярок увидел остатки съеденного поросёнка, то кроме слов — «это безобразие!» — других он просто не нашёл.

…В нашем балке, на лавке в кухонном отсеке, Исмаил, полулёжа с книгой, сообщил, что трижды заходил Глазов и только что ушёл. Иду к Глазову, и он хвастает, как он «ловко обманул» начальство. Когда Алина заявила, что денег при расчёте ему не дадут, он ответил, что ему ничего и не надо. Оказывается, — он должен 500 рублей СМП.

Глава 14

Отъезд Глазова. Ротор распределителя. «Мужики». Букинист. Новоселье в «особняке». Раскладка.

14 января в 7:45 нас будит Мошкин. Он с женой собирается в отпуск. Мы с трудом просыпаемся и, как чумные, бежим на работу.

В мастерской докладываю главному механику, что электросваркой заварить дырку не получилось. Он советует поискать газосварку в РПБ (ремонтно-производственная база), и я ухожу туда.

За 5 минут, пока шёл, чуть не отморозил щёки и нос. Сварки там, конечно, нет. Вчера я ходил и на автобазу, но там тоже не нашёл газосварки. Лишь осмотрел разбитый УАЗ, водитель которого погиб… Ходил и в ЖЭК, и в кочегарку — безрезультатно.

Глазов сидел взаперти и открыл мне, лишь когда я постучал в стенку. Он упаковывает вещи, а я намекаю, что голодный, как чёрт. Он греет суп, я чищу картошку. В 11 часов мы уже поели и вышли с вещами к остановке. Автобус подъехал, и я стал грузить вещи Глазова, ушедшего сдавать ключ от балка.

Прощаемся впопыхах, и я иду на работу. Высиживаю до 13 часов и ухожу на обед. Дома даю прочитать свою заметку Мошкину, и он с трудом, зевая, её читает. В 13:40 иду к столовой в рейд. Все машины на месте, а дозорного Горбунова нет. В ячейке обнаруживаю телеграмму: «Разговор с Москвой в 12 по местному времени». Из электроцеха звоню родителям, потом сообщаю Мошкину новость: Гошка выехал из Москвы 12-го января, и они разминутся в дороге.

На работе, найдя болты для крепления бампера, ставлю его и благополучно сижу почти до четырёх. За авансом не иду, а переодеваюсь и забираю у художника готовые номерные знаки. Встречаюсь с Прессом, который приглашает всех на первый сеанс смотреть фильм-сказку «Финист Ясный Сокол».

Иду в клуб на собрание. Попутно, в ящике, нахожу письма. Читаю их на собрании, пропуская «звонкий» доклад Падикина. Обязательства принимаем единогласно. После кино провожаю Олега Тимошина к Степанову, где застаю Зульфию. На очередное застолье денег у них не осталось, и я иду за авансом. Увы, в 19:40 касса была закрыта.

Дома ем последний хлебушек и ложусь спать около 8 вечера. В полусне слышу разговор Вовки с Олегом.

— Генка отрубился по-йоговски, а ночью встанет и будет

творить «шедевры», — иронизировал Вовка. — Вот, если бы у нас была выпивка, он бы проснулся непременно.

— А, если его разбудить, облает? — спросил Олег.

— Облает. А, вернее, — просто поговорит и опять заснёт.

«Спасибо и на этом, друг!» — подумал я.

…В четверг подъём в 2 часа ночи, дневник — до 5:40. Пью отвар из сушёной голубики и засыпаю на час. На работе главный с Вяковлевым вызывают меня к столу и устраивают экзамен по работе:

— Что конкретно ты сделал вчера с машиной?

— Искал газосварку, — отвечаю без подготовки.

— Ну, что же, напишем тебе простой. Значит, в табеле поставим 3 часа. Хотя бы двигатель помыл.

Я разозлился и взялся мыть двигатель.

Сначала растопил печку, положил лист железа и перевернул на него движок. Затем, загнул края листа, чтобы получился лоток. Движок ворочал, почти не прикасаясь руками, а все больше брусками, как рычагами. Матёрый, конечно, не смог пройти мимо такого факта.

— Ну и лентяй! — обрадовался он.

К обеду зашёл Вяковлев.

— Заварили поддон? — спросил он.

— Конечно нет, — не скрывая злости, ответил я. — Пускай остаётся с трещиной.

— Как? Ведь я же договорился со сварщиком. Иди на автобазу, он заварит.

— Откуда же я мог знать, что вы договорились? Мне никто не говорил, — сказал я и подумал: «Раньше не мог договориться, паразит? Да и вообще разборка машины была ни к чему, если раму не надо править…».

Заливаю солярку в крышку какого-то воздушного фильтра, нагреваю здоровый шатун в горне и сую его в солярку, чтобы её нагреть. Мастерская заполняется облаком вонючего густого пара, но это не вызывает такой реакции, как моя работа щеткой.

— Смотрите-ка, он работает щёткой и в рукавицах! — слышу я знакомый голос.

— А я должен раздеться и лечь на него пузом? — огрызаюсь я. — Привыкли, как поросята, ходить грязными. Что мы, в 17-м веке живём?..

К обеду движок я отмыл. Матёрый в обед остаётся в мастерской по непонятной причине: якобы надо сделать возбуждение на САКе, запустить весь агрегат. Я думаю, ему хочется пополнить свой инструментарий. Что ж, шкаф, где лежит моё барахло, закрыт.

На обед я не иду, да и не на что: Лёня забрал на завтрак последние 40 копеек. Сижу в балке электриков и жду звонка из Москвы. Электрик Закоулин бегает туда-сюда: от перегрузки горят вставки на подстанции, и он делает жучки из трёх слоёв жуткого провода. Заходят Иванцов с Прессом, и каждый говорит про своё.

Иванцов обращается ко мне, после безуспешного обращения к Горисову, с просьбой написать в газету заметку о том, что нам негде заниматься художественной самодеятельностью. В самом большом помещении клуба приказано разместить группу ПОР (пожарная охрана), а в одной из комнат — семью.

— Критических материалов теперь не пишу, — отбиваюсь я, — только ура-патриотические.

Пресс же затараторил про «звонки в фойе клуба», про наезд Завадского из отдела культуры, который, осмотрев клуб, кричал: «Нет актов на заземление, нет пожарной охраны, нет электрика! И, пока в клубе живут люди, кино показывать нельзя».

— Но мы всё равно будем показывать, — подытожил он. — Надо сделать так, чтобы люди ходили и смотрели…

В 12:50 меня соединили с Москвой, и я опять говорю с родителями. Получилось два вызова подряд.

По пути в мастерскую захожу на стоянку машин — все они на месте. Витя сделал киянки разных форм и рихтует передок кабины.

В мастерской я протираю движок и прибираюсь. Матёрый, как всегда, похваляется: то своими похождениями в командировках и разоблачениями женой, то «накоплением» восьми плоскогубцев, то замшевой робой, «прибранной» из комплекта сварщика, чтобы в ней колоть дрова дома…

— Когда отдашь мой ротор распределителя? — спросил я его, предчувствуя всю тщету ожидания сей детали.

— Мальчишка! — разразился он гневной тирадой. — Да он тебе ещё только через три месяца понадобится! Механик Сашка тебе новый достанет. На автобазе есть у одного, в сейфе…

«И откуда он всё знает?», — думаю я и ищу по углам трубу, чтобы вытащить двигатель на улицу.

— Что ты делаешь? — раздается голос механика. — Ведь надо выносить двигатель!

— Так я и ищу для этого трубу…

Иду вдоль забора и раскидываю железо… Приношу с улицы кривую трубу и цепляю к ней чалкой двигатель.

— Мужики, возьмём мотор на улицу! — пытаюсь уговорить народ, сидящий в мастерской.

— Это как ты всех назвал?! — сразу возбудился Матёрый. —

Нет, как ты к нам обращаешься?

— А что? Надо, как к красным девицам? — отвечаю я ему в тон.

Тем не менее, к двигателю никто не подошел, и он остался посреди комнаты.

После работы переодеваюсь, хватаю книги и еду их сдавать в букинистический отдел. Нина в магазине объясняет, что объявление о приёме книг они дали, а ни печати, ни бланков «приходников» нет, хотя книги можно оставить, чтобы не везти обратно.

…В конторе получаю аванс 60 рублей и — в столовую. В буфете стоит толпа за разливным пивом, а я тороплюсь в комитет комсомола на заседание «прожектористов».

Горбунов уже там. Подходят девушки с разных участков.

— Хватит проводить рейды, — пытаюсь я сразу взять быка за рога. — Давайте оформим отчеты и займёмся вербовкой людей в «Прожектор».

Егоров тоже торопится, перескакивает с одного на другое, рассказывает, что начальник автоколонны пришёл на партхозактив с кипой путёвок с приписками… Но я — про своё: уговариваю его сменить начальников штабов КП на участках…

На улице догоняю Митю, который идёт с работы еле живой. Дома у него выпиваем шампанское, болтаем о «Прожекторе». Его Настя лежала с больным животом, но поднялась, чтобы нас накормить. Заодно освещает последнее событие: начальника автобазы сняли из-за аварии и гибели водителя.

Идём с Митей к костру: он дежурный по отжигу земли. Здесь должны копать яму под туалет. Бросаем в костёр горбыль, поливаем соляркой, добавляем дров…

Следующий визит — к Горисову. Рассказываю ему про свои книги и отдаю долг 25 рублей.

— Когда отдашь ещё 10 рублей, взятые в декабре? — спрашивает он с улыбкой. — Вот запись: взято 40, отдано 30.

Я отдаю ещё 10, недоумевая, — кажется, 10 рублей я давно отдал — и ухожу домой.

…За чтением дремлю до 6 утра.

На работе отмечаюсь, растапливаю печь. Петя собирает сверлильный станок, шлифует суппорт. Когда все ушли, свинчиваю фильтр очистки масла, мою его соляркой и ставлю на место. Заходит Иван Мишин и сочувствует:

— Нельзя здесь зимой начинать ездить. Я прошлой зимой три раза бился, надо ездить со стажировщиком.

В 10 часов сходил в отдел кадров. Поймал Алину, и она

объяснила, что на учёбу, на технику они пока никого не посылают.

В мастерской почти каждый подходит ко мне и говорит, что меня искал главный и ругался при этом:

— Ох, уж мне этот… он у меня покрутит гайки!

…Разговор заходит о травмах (как-то рыжий с «Беларуси» чуть не отрубил себе палец и всё переживал, что испортил меховую рукавицу).

До обеда привинчиваю бампер, для чего пришлось снять шайбу с «Кировца». Ухожу последним, в 11:55. Дома ставлю чайник, в магазине беру хлеб, галеты, джем. Быстро перекусываю, пишу дневник и — на работу.

Наблюдаю, как Витя, пока никого нет, пытается варить трещины на задней стенке кабины. Но подходит Таня и сматывает шланги с горелкой. По распоряжению главного её переводят на сдельную работу.

— По тому, как ты сейчас работаешь, — «успокаивает» её Матёрый, — на сделке ты умрёшь с голоду…

Остаёмся с Витей без сварки и решаем ставить рессоры.

С профилактория, который наша бригада строила всю зиму, сняли деревянные стропила, чтобы поставить металлические уголки. Трелёвщик, тащивший пачку уголков, растерял их по дороге. Коля рыжий, Ильин и бичи подбирают их и тащат к профилакторию.

Гаврилов на «Беларуси» приехал с заправки, задел валявшуюся рельсу, и она ударила в бок нашей многострадальной кабины, помяв её. Витя просит Гаврилова положить ковш на раму, чтобы сжать рессору. Сначала стягиваем одну, потом другую рессору. Витя подтягивает муфту сцепления, с его же помощью я вывешиваю левое колесо, снимаю и откатываю его в мастерскую. Там идёт «стыковка» руководителя с подчинёнными уже в течение часа.

Сначала разговор у них касается борьбы за исполнение законов, как добиться своевременного получения зарплаты, затем — о ремонте моей машины.

— Когда же я смогу прокатиться на нашем УАЗе? — спрашивает главный.

— Если жить не хотите, то поедете, — ответил Матёрый. — Этой машине не везёт, она седьмой раз кувырнулась…

Дальше речь пошла о поездках за границу, о том, как трудно туда уехать…

Когда все уходят, остаются Омаров, главный и Матёрый, и начинают играть «в любовь и в уважение». Мы с Витькой крутимся одни. Он затягивает поддон маховика, я накачиваю

ручным насосом колесо, но давление в нем не держится. Приношу вставку масляного фильтра и мою её бензином в ведре у окна.

— Кто же её моет? — тут же выступил Матёрый. — Возьми новую на складе, а эту — давай в огонь.

Долго уговаривают меня бросить фильтр в печь. Я собрался было бросить, но Витя остановил.

— Стой! — крикнул он. — Ты что? На складе их нет…

Собираю фильтр и ставлю его на двигатель. Ильин бросает солярку в затухающую печь, Витя поджигает. Раздаётся двойной хлопок и из поддувала вылетает пламя аж до верстака. Ильин подскочил, хотя только что сам рассказывал, как у него на водокачке от такого же хлопка дверь открылась.

В 17 часов захожу в бытовку и смотрю табель. Угрозы механика оказались шуткой: каждый день у меня — по 8 часов. На доске объявлений увидел, что в 7 — комсомольское собрание.

Сидоркин объявил, что нам нужно выдвинуть семь человек в кандидаты в партию.

Я переодеваюсь, пью чай, бегу в комитет на рандеву с Егоровым. Он долго говорит, что надо работать, искать сподвижников и так далее. Хочет попросить меня написать в «Авангард» заметку о почине «Эстафета качества». Я отказываюсь, но он даёт мне список лучших людей, просит их «осветить», и я обещаю передать его в редакцию газеты.

Заходим с ним к главному инженеру со списком «горящих» объектов. Договорились познакомить меня в понедельник с заведующим производственным отделом, чтобы я выяснил у него причины задержки объектов, а 22-го января провести рейд по качеству. Егоров просит главного ввести меня в состав комиссии.

…Степанов читает фантастику, угощает шампанским и уходит по делам. Является Лёня, и я сразу предлагаю скинуться. Скидываемся, кто сколько может. Я беру в магазине три бутылки шампанского, компот грушевый, масло шоколадное. Заходит Зулька с Ваней, который выпивает стакан вина и, обняв её, сразу засыпает. Зулька освобождается от объятий и уходит к нашим общим друзьям, которые здесь же, в посёлке. Передаю привет Коротич…

Даю урок гитары Жеке, пью чай и ухожу домой.

В субботу просыпаюсь в 2 часа ночи. Лёшка читает, Вовка, видимо, только что закончил поэму и укладывается спать. Он предлагает Лёше выключить свет, а мне добавляет:

— А, Гена, засранец, проснулся?

— А ты, Вова, говно, уже ложишься? — отвечаю я также

добродушно.

Усаживаюсь в кухне, нахожу в дневнике запись о книжной операции 17 декабря и вижу, что давал Горисову деньги для выкупа книг 15—25 рублей, а он об этом умолчал. Пишу дневник, размышляя о сейфе для запчастей от машины и о создании первого отчета КП по транспорту.

Вечером должно состояться новоселье Коротич в «особняке», а у Степанова в библиотеке — какое-то мероприятие. Зулька зашла и потребовала, чтобы Степанов был на новоселье обязательно. Я мечусь по следам Влада весь вечер. Когда же я его вразумил, и он пошёл домой переодеться, его захватили девчонки с Кудыкты. Передал Владу план расположения дома Коротич и пошёл туда один.

…Веселье было в разгаре, пошлость била ключом. Лишь Инна и Людмила старались внести свежую струю. За столом шли игрища на фанты — не говорить некоторые слова. Все проиграли по одному-два фанта, а потом кое-как их отыгрывали. Мы с Зулькой в паре выдали танец, за вторые фанты изобразили скульптуру. Степанов потом говорил, что ему сначала жуть как не понравилась эта обстановка, но потом он втянулся и, поскольку Ароныча не было, целиком посвятил время Инне. К ночи все вповалку завалились спать. Зулька пробовала спать со всеми на полу, но потом ушла к Коротич на диван.

В воскресенье торчим у Людмилы, выходя только по нужде. К вечеру история повторяется, но более узким кругом.

Я сходил в лагерь за магнитофоном и привёл Гошку, который только что вернулся из отпуска. Он был слишком «правильный», и Зулька, со своей хоть и псевдо, но сексуальной революцией, произвела на него убийственное впечатление. Она же распорядилась раскладкой, кто с кем спит: сама со Степановым — на ковре, Гошка — на тулупе у двери, мне с Коротич приказала раздеться и лечь в постель «для эксперимента»…

Глава 15

Очередная командировка. Студию — в клуб! Сценарий агитки. Дверь на обочине. Бег с инстанциями. Драмтеатр. Гордая «птичка». «Туркменский» ужин.

…Утром все побрели по домам, а Влад решил отоспаться в нашем балке инкогнито. В обеденный перерыв его увидел у нас Гошка и по простоте душевный ляпнул об этом в бригаде. Я же вышел на работу вовремя, сказал, что пошёл лечиться, и заснул до обеда. Дальше дело пошло лучше.

Встретил Алину, и она мне сообщила, что скоро меня отправят заказывать печати в Благинск. На работе никто меня не искал…

Вечером зашёл справиться о здоровье Степанова (утром у него болело сердце, и я дал ему валерьяны), но он меня встретил с некоторым презрением… Может быть заподозрил меня в раскрытии его «инкогнито» или осудил за участие в «эксперименте»?..

20 января начинаю ходить по инстанциям, собирать документы для заказа печатей. Пока, всё упирается в эскизы, которые делает Адонин.

На работе наметился прогресс: собранный двигатель установили на раму.

Зульфия уехала в Благинск, оставив нас с Коротич разбираться между собой…

В следующий раз ночевал в балке у Лёни. Когда я вскочил в 5:30, он лишь пошевелился и проспал до 10 часов. Алина гоняла меня от бухгалтера к Лёне, чтобы узнать цену за его работу. Эскизы он сделал лишь к вечеру. Долго мялся, соображал, наконец, написал на бумажке, что ему за работу достаточно 40 рублей. Парадный стенд СМП он тоже доделал и наметил отъезд на трассу на завтра.

Агитколлектив нашего отряда встречается каждый день, ибо первого числа — конкурс. Я веду переговоры с Сацем, чтобы он открыл студию в нашем клубе.

…Моя поездка откладывается из-за мелочей: нет выписки из устава, доверенности, командировочного удостоверения… Хожу, собираю по городу всё недостающее. Лёня сдал эскизы и уехал на трассу.

В пятницу в милиции пытаюсь заверить эскизы печатей, но меня понимают плохо: попросту вышвыривают на улицу.

— Нет у нас Ефимова, приходи в понедельник.

Жалуюсь по телефону Коротич и она обещает позвонить

в милицию…

В субботу с 10 часов торчу у крыльца 181-го вагона, чтобы доложить Алине о ходе дела. Затем иду в клуб узнать о продвижении репетиций, а там никого нет. На автобусе с Митяем едем в город, в РДК. Не найдя Иосифа там, застаю его в общежитии. С трудом забираю у него свою книгу Вампилова, так как он обещал её кому-то ещё.

На обратном пути в посёлок оставляю в комнате Коротич чай, печенье. Дома у Лёни беру бачок «хороший», с трещиной. Развожу фиксаж и до 17 часов проявляю три плёнки подряд. Все плёнки недодержанные, не то при экспозиции, не то при проявке.

Мирносов и Вовка обсуждают до крика Гошкин сценарий для агитбригады, но на репетицию не собираются, у них мероприятие важнее: чей-то день рождения. Гошка уходит в клуб, я читаю Де Лиль-Адана и собираюсь с Владом в кино.

На фильме «Ошибка резидента» Степанов дремал. Оказывается, фильм он уже смотрел. У девушек в 150-м вагоне пьём кофе, читаем в журнале «Экран» о фильме «Звезда пленительного счастья». Приходят Виктор и Жека, берут Степанова под руки и куда-то уводят.

Дома Гошка и Вовка уже улеглись, но долго болтают, будто бредят. Я пишу письмо и дневник до 4:30.

В воскресенье обхожу посёлок в поисках приличной двери для комнаты Коротич. Натыкаюсь на Егорова и выслушиваю порцию призывов на активизацию деятельности КП. Дверь, снятую за ненадобностью, нахожу у последнего общежития. Соображаю, где найти машину для её перевозки, а пока, перекладываю её в кювет, чтобы не спёрли. В конце концов, встречаю Сёмочкина на УАЗе, и мы отвозим дверь к «особняку».

…Гошкин сценарий агитбригада забраковала и всей толпой (Марчелова, Алина, Боткин и другие) с 10 до 15 часов сочиняла новый. Сац присутствовал на репетиции и Гошке понравился.

В 6 вечера беру инструмент для установки двери, «бомбу» вермута и иду к Коротич. Она накрывает на стол. Сначала я чиню магнитофон Мормонова, затем переписываем записи Окуджавы, пьём вермут и так далее. Записывать закончили в 2 часа ночи. До установки двери дело не дошло. Она меня провожает по-прежнему прохладно.

Дома — жуткий кавардак, устроенный Мирносовым, Вовкой и их гостем…

В понедельник выполняю план Прожектора. От столовой бригады Степанова и Выгорного выехали на строящееся здание аэропорта вовремя, в 8:30.

В 181-м вагоне Катерина уже не спала, несмотря на то, что

«стирала с трёх до шести и стёрла пальцы о тряпки». Пьём с ней чай и она рассказывает об увольнении Миколаева, начальника СМП в Наборном и о заметке в якутской газете про его дело. Приезжает Вася и увозит её в Штаб.

Алина приходит на работу прямо из гостей. Направляет меня к главбуху. Зинаида — бухгалтерша — ничего мне дать не может, якобы все документы утеряны. Осемчука тоже на месте нет.

Иду через сопку в ЛОВД, захожу в «Авангард», беру удостоверение внештатного корреспондента. Люда звонит в ЛОВД Алексееву, и он направляет меня в 15-й кабинет к Елфимову. Тот даёт указание сделать документы…

…Дома переписываю «отношение», несу его Алине, но она занята и просит обождать. Главбух не даёт «выписку из приказа министра» даже Алине. Иду в трест к Игорю Анатольевичу, жду, пока он договорится с каким-то стариком о своём и его будущем. Переписываю приказ министра о переводе нашего СМП в трест. Рядом женщины судачат: с докладов по социологии переходят на «подорожание драгметаллов и мехов». Все противно, как в Москве. Я хлопаю дверью.

В отделе кадров Осемчук спрашивает:

— Почему не сказал механикам, что уезжаешь?

— Я говорил с Вяковлевым.

— Они тебе ставят в табель прогулы.

— Не знаю… Я говорил Вяковлеву.

Алина занята характеристикой Степанова и болтовней с Вороновой. Снабженец Осемчук ведёт меня к секретарше Падикина за устаревшими штампами, а её нет. Никому ничего не нужно.

Дома пью чай, пишу дневник до 14 часов. Бегу опять к Осемчуку, но не нахожу его.

Во вторник предлагаю Осемчуку отрезать эскизы угловых штампов и таким образом миновать милицию, так как председателя профсоюза всё равно нет. Он соглашается. Наконец, вечером мне выписывают командировку, но денег не дают. Поеду за свой счёт.

28 января весь день стою у кассы в аэропорту. Рядом на строительстве нового здания аэропорта работают пять лучших бригад СМП-73. Первого февраля — его сдача.

С трудом выбиваю билет до Благинска. К кассе подходит Мищенко с провожающими друзьями-армянами.

— Тут должны быть билеты для Штаба ЦК! — отчеканивает он и сразу получает их.

Они летят вперёд меня, я — следующим, последним рейсом.

Прилетаю в Благинск в 17:30 и звоню из диспетчерской

на Радио Зульке. Мы встречаемся, и она сходу везёт меня в гости к её знакомому из театра — Кокурину. Дома Станислава нет, но нас кормит его мама. С его отцом чинно беседуем о Магистрали.

Идём с Зульфиёй в театр через служебный вход. Я никак не мог понять, какая должность у Кокурина, пока не входим в его кабинетик с табличкой «режиссерская». Смотрим при небольшом стечении народа его постановку «Проводы дворецкого».

В антракте принимаю шампанского, после чего во втором отделении почти засыпаю. Едем на авто в общежитие на улицу Зелёную, где знакомлюсь с подругами Зульки — Ирой и Лидой. Пьём шампанское «Донское», моюсь и ложусь на раскладушке.

На следующий день утром Зульфия замачивает мою рубашку, поит меня чаем. Едем на такси к типографии. Когда сдавал заказ, приёмщица объявила срок готовности — два месяца. Никакие уговоры об ускорении не действовали. Звоню Зульке. Она советует обратиться к секретарю комсомольской организации. Комсорг — невинная девушка — говорит лишь с приёмщицей заказов и, конечно, ни о чём не договаривается.

Пробираюсь к главному инженеру, замещающей директора. Она удивлена сроком выполнения работ и звонит приёмщице. В конце концов, комсомольцы обещают помочь в «изготовлении печатей».

Иду в агентство «Аэрофлот». Стоя в очереди за билетом, услышал объявление о том, что в гостинице «Юбилейная» тоже есть касса «Аэрофлота». Еду туда на автобусе, беру билет и иду по магазинам.

В Доме Радио Зуля дала послушать запись выступлений Лёни и Степанова. Пригласил её в ресторан гостиницы. Во время первой перемены Зулька заметила в зале Лёню. Я подхожу, прошу закурить не здороваясь, будто расстались утром. В отличие от меня, Лёня не удивился моему появлению. Оказывается, он тоже здесь в командировке, но по своим делам, и проблема печатей его не касается…

…Встаю в 8:40. Выпив чай с бутербродами, выходим на дорогу: Ира, Лида и я. Ира объясняет теорию физиогномики:

— По некоторым признакам внешности человека можно судить о его содержании…

«Известная теория», — подумал я, но спорить не стал: девушки тут же советуют мне идти на автобус, а сами собираются ехать на попутках. Еду на улицу Ленина в «Рембыттехнику», но штампов здесь не делают. В книжном магазине долго метался возле подписного отдела…

…На площади у гостиницы замечаю Лёню. У него в номере

смотрю юбилейное издание Есенина, а он рассказывает, как поцапался с Вороновым, который тоже здесь в командировке. Звоню Зульфие, и она приглашает нас на обед, а вечером — в театр.

…Подходим к театру с Зулькой в 19:10 и проходим в зал через кабинет Кокурина. «Не стреляйте в белых лебедей» — вещь весьма грустная. Публика мешала актёрам, но они старались. Лёне спектакль не понравился — настроение у него и так плохое. Он очень хотел достать фотоматериалы для работы, но купил только кое-что для себя.

Кокурин после спектакля вручил мне машинописный текст «Старшего брата» Вампилова, а «Избранное» у меня забрал. Лёню отвозим на такси до гостиницы, сами едем на квартиру к девчонкам. Договариваемся с Зулькой спать в одной постели, но чисто по-братски. Чиню раскладушку для Лиды. Пою под гитару, пишу дневник и засыпаю, не трогая «сестрёнку».

В субботу просыпаемся в девять. На завтрак — рис с колбасой. Болтаем о всякой ерунде как ни в чём не бывало.

Прощаюсь со всеми в 10 часов, ухожу на поиски заказанного мне майонеза. На рынке продается всё — от гвоздей до торбазов. В гостинице встречаюсь с Лёней. Едем до трансагентства, а оттуда на экспрессе — в аэропорт.

Перед отлётом тащу его в ресторан. Пьём пиво, едим мясо. Объявляют регистрацию. У касс мы видим Серёгина, Воронова, Коробашкина и ещё двоих людей с Кудыкты. У регистрации толкотня: два рейса — с одной стойки. Объявляют конец посадки, и мы бежим… Летим нормально, только пиво уже просится наружу.

Разговорились со стюардессой — «маленькой гордой птичкой». Она училась на курсах в Чинте два месяца и теперь зарабатывает двести рублей. Интересуется театром и рассказывает про политический театр Благинска.

…Из аэропорта ехали в машине с Падикиным. Я сразу зашёл в 181-й вагон, отдал Алине заказанные продукты. Затем, беру в поликлинике талон к врачу, а в книжном покупаю два тома Евтушенко.

В 6 вечера прошла генеральная репетиция агитбригады. Гоша, уже без бороды, передаёт мне приглашение на «туркменский» ужин в «филиале» Мормоновых, то есть, — у Коротич.

Придя к Люде, сообщаю, что ребята ещё на репетиции. Она всё же ждёт Олега, так как запас еды был рассчитан на его возможности. Стол — это дверь, положенная посреди комнаты. Инна, Люда и её сестра Люся надели туркменские платья, тюбетейки, а я собрался «аккомпанировать» на обратной стороне

гитары. Танцевала одна Инна, но не долго. Аккомпанемент явно не соответствовал возможностям танцовщицы.

Пьём полусладкое «Тырново», водку и коньяк, едим манты с перцем и плов, пьём кок-чай. Провожаем до 12 ночи Люсю с Андрюшкой в 141-ю мехколонну. Я несу её магнитофон. Вернувшись домой, Инна напомнила Люде про её фотоальбом, и мы долго «балдеем» от физиономий дядьёв, кумовьёв и её бывших поклонников. Проводив Инну до дому, плетёмся обратно с Людой. Слушаем у нее магнитофон, и я засыпаю на диване.

Глава 16

Конкурс агитбригад. Кто начальник? Караул у развалюхи. Постель на двоих. «Валентин и Валентина». Форменка.

1 февраля, воскресенье. Проснулись около девяти. Завтракали до 11 часов. Я рвусь на конкурс агитбригад в «Пионер». Вдруг является Люся с семьёй и требует еды. Выходим из дому через час, они — в магазин за коньяком, я — в ДК. Конкурс начался в 11 часов.

В сквере встретил Фрола и Ярковича.

— Наши уже уехали, — «обрадовали» они…

С трудом втискиваюсь в зал и ничего не вижу. Слушаю коллектив из Олотинки.

…В перерыве захожу в Штаб к Катерине. Она включает записи с куйбышевских фестивалей 68—75 годов. После перерыва пробираюсь ближе к сцене и смотрю выступление агитбригады из Ларги. Послушал ещё и программу Мартынова, куплеты которого поразили своей пошлостью и зачеркнули хорошее впечатление от всего выступления. Делёжка мест проходила с затяжным скандалом. Наконец, в 8 вечера, необъятных размеров директриса объявила:

— Первое место заняли «Орфей» и Мартынов, второе — МК из Олотинки, третье — хор из Симановска и так далее. Призы: телевизор, пианино, аккордеон и прочее.

Пресс и Олег Тимошин были злые, как черти.

— Жюри — лживые проститутки, явно купленные… — выговаривают они на выходе из зала.

…Прихожу к Люде. Она моет посуду, собирает ужин. Вдруг входят трое её знакомых мужиков, приехавших на МАЗе, и мне остается только откланяться.

Дома пытаюсь писать дневник, но в 23 часа засыпаю.

В понедельник встал в пять утра. Гошка тоже вскакивает, выпивает две кружки воды и ложится спать. Я пью чай и пишу дневник. На звонок будильника в 6:30 никто не реагирует. В семь я стучу в стенку спального отсека, включаю свет, Гошка снова вскакивает и снова засыпает. В 7:10 бужу Лёшу. Он встаёт с трудом, бормочет, что вставать сегодня ему не обязательно: бригаду расформировывают. Но всё же идёт на поверку.

…Нашей бытовки в ОГМ на прежнем месте нет. Нахожу её лишь с помощью Макара. Как ни в чём не бывало обращаюсь к Вяковлеву за заданием.

— А, Геннадий! — набросился он на меня. — Ты что? Кто у тебя начальник? Отдел кадров или механик? Ты почему уехал

без спроса? Машина две недели не ремонтируется! Что, как, почему?

— Не две недели, а три дня, — отвечаю я, как провинившийся ученик. — Всё, что было возможно, мы сделали. Но я не сварщик, а кабину надо проваривать.

— Ладно, сейчас вот помоги поставить подшипник этому парню…

Иду помогать парню. Сидим с ним у печки.

— Подшипник надо варить в керосине, а его нет… — делится он со мной. — Все советуют варить в чём найдёшь.

Он греет подшипник на костре, вгорячую пытается посадить его на ось, но у него ничего не выходит. Сидим дальше…

После обеда меня ловит Сорочин.

— Сейчас пойдём на автобазу, — говорит он, — договоримся о ремонте кабины.

Идём во второй ангар к бригадиру, он посылает к начальнику автобазы Тарасенко, а тот потребовал официальное письмо. Пётр пишет письмо на бланке, я несу его Тарасенко…

Крановой Миша забросил кабину моей машины в кузов Сёмочкину. Миша с утра уже чумазый по уши. Сегодня он опять взъелся на механика и написал заявление об уходе.

— За 160 рэ работать не буду, — заявил он. — Попробуй на второй этаж (в двигатель крана) потаскай утром воду!

— Не здесь и не сейчас подавай заявление, — осаживает его главный. — И вообще, зачем ты сюда ехал? Здесь работать надо.

— Я в таких условиях работать за 160 не буду.

— Ну и уезжай!

…Машина Сёмочкина — это «чудо». С полдороги её вернули на буксире. Сёмочкин долго ковырялся в карбюраторе, но ничего не сделал. Мы с Витей тоже помогаем заводить её. Витя находит, что искра на свечах слабая. Сделали новые высоковольтные провода, подцепили тросом к бурилке. Ваня сделал на буксире круг по ОГМ, выехал за ворота и исчез. Через час приехал также на буксире и подошел к главному.

— Не знаю, что ещё делать? — сказал он.

— Ничего, на буксире погоняй.

— Так я уже… и сколько можно?..

Дома хочу взяться за дела, но Катерина зовёт меня в клуб на выступление агитбригады со спецпоезда от «Газеты». Я с «интересом» посмотрел, как солист «заглотил» микрофон, на второй песне не выдержал, встал и ушёл.

Дома взялся за стирку. Гоша с Вовкой уставились на этот процесс будто на диковинку. Затем явился Лёня и попросил свой проявочный бачок. Он не знал, что бачок был с трещиной, и мне

пришлось его «просветить»… В 23:30 моё белье уже висело, и я заснул.

…Утром машина Сёмочкина с кабиной в кузове — уже заведена. Я прошу Вяковлева и Петра дать мне помощников выгрузить кабину на автобазе.

— Ну, вот возьми, кто свободен. Ребята пойдите туда, помогите.

Со мной идёт один здоровый длинноволосый болтун. Он залез в кабину к Семочкину на сидение, а я — на капот между ними. Долго выбирались на дорожку к автобазе, ибо двигатель еле тянул. На полдороге он вообще заглох. Кое как завели и поехали обратно…

Механик советует Ване ехать на пониженной передаче. Позвали ещё несколько человек. Я же сбегал домой за письмом с визой для бригадира сварщиков. Прибегаю в ангар вовремя: кабину уже снимали с машины. Помощники сразу ушли. Бегу в зелёный ангар на поиски мастера, затем — сварного — Валентина.

— Когда прийти помогать? — спрашиваю его.

— Завтра, — говорит он твёрдо, и я ухожу.

Увидев меня в бытовке, Вяковлев «ужаснулся».

— Как, ты здесь? А кабина? — воскликнул он.

— В ангаре осталась.

— Да ты что?! Бросил имущество…

— А что там брать-то?

— Ну, лобовое стекло достанешь новое?

— Да кто его возьмёт?

— Кто ж его возьмёт? — поддержали меня мужики.

— Возьмут обязательно, и будешь год ездить без стекла. Иди сейчас же туда и карауль… — закончил механик.

Я беру книгу Шукшина и иду караулить. Болтаю с Сёмочкиным о его машине и автоприключениях на Октябрьской площади в Москве, рассказываю о своём крушении. Олешин проходя, спросил:

— И тебя посадили на машину?

— И что?.. Я сам напросился…

На обед иду домой. После обеда отдыхаю, сидя у кабины.

«Отработав», собираюсь ставить «новую» входную дверь у Людмилы. Захожу к Прессу за рубанком и коловоротом. Ни того, ни другого у него нет. Зато он напоминает мне про дискотеку и просит подумать про участие в ней. Показывает, какую чудную органолу он выбрал из запасников «Пионера».

Люды не было дома, и я, ожидая её появления, бродил около. В 19 часов она пришла, и я занялся дверью: ставлю петли, врезаю

замок. Когда отключили свет, работал при свечах. Люда что-то готовит на керосинке, и мы ужинаем. К 11 вечера замок врезал, а дверь укорачивал, строгая рубанком, под разговоры о смысле жизни и о моих отрицательных качествах.

Было холодно, как никогда. Я предложил попробовать ликёр, но его почему-то нигде не нашли. Как-то само собой вышло, что Люда застелила постель на двоих, может быть подсознательно надеясь, что вдвоём спать теплее…

Долго мучились, пытаясь найти прикосновениями рук и тел что-то общее, но, несмотря на мои старания, ничего у нас не вышло. Лежали, едва согревая друг друга, а изо ртов валил пар. Свет так и не дали. Пытались читать при свече, но получалось плохо. Заснул в два ночи.

4 февраля утро было ужасно ветреное. В 7:40 дохожу до столовки, — усы во льду, левый глаз заклеен ледяной пленкой. На работу опаздываю на 5—10 минут.

Сижу в бытовке и слушаю байки бывалых. Сходил на автобазу в ангар за покрышкой и сапогом, выпавшими из кузова Сёмочкиной машины. Больше делать было нечего, и я ушёл домой пить чай.

Бужу ребят. Гоша уговаривает себя.

— Я опаздывать не буду, — сказал он, налил кипятка, выпил его и ушёл.

— А я опоздаю, — сказал Вовка и начал делать бутерброды.

Лёшка идёт в отдел кадров получать обходной лист.

…В ангаре ничего нового. Кабину, правда, перенесли, положили на «спину», начали даже выправлять и варить кусок пола. Валентин попросил снять одну дверцу. Я поковырял винты маленькой отвёрткой, но ничего не вышло. Иду искать большую, но не нахожу и делаю мощную отвёртку из расплющенного прутка.

Отвернув одну петлю, ко второй — не смог подлезть. Прошу сварщиков отрезать и разогреть отвертку, чтобы загнуть. Короткой отверткой петлю удалось отвернуть и дверь снять. Смотрю, как ребята вставляют заднее стекло из плекса в машину Олешина.

Узнаю у секретаря Падикина, что мой отчёт о командировке передан главбуху. Та почитала, добавила к моим расчётам ещё один день (с 28-го по 31-е), и получилось три дня. Я несу отчёт в расчётную часть. В 11:30 ложусь спать и по окончании перерыва иду в ангар. Тарасенко говорит мне, что «эта рухлядь ремонту не подлежит». Своим он сказал, чтобы работы остановили.

Ремонтники встали и долго говорили о нарядах и о зарплате:

— 350 рублей прямого, один месяц сдельная, а дальше —

опять ничего? Работать надо только с бумажкой, где есть полный перечень работ…

Сообщаю об остановке ремонта Омарову. Он удивляется и решает идти сам к рабочим. Я жду, когда он разберётся с дрелью и даст пару ЦУ. Заходим с ним в ангар и говорим с заместителем Валентина, затем с Тарасенко.

Я спрашиваю, нужен ли я? Оказалось, — не нужен, и я ухожу домой, где и сижу до 16:30 над песенкой о шофёрах. Собираю инструмент, захожу к Боткину за рубанком.

У Люды никого не было, и, подождав её до 7 вечера, возвращаюсь в лагерь. В ДК все давно собрались и решают оргвопросы о постановке сцен из спектакля «Валентин и Валентина».

Читали пьесу с перерывами до 22:30. Обсуждали вяло, но всем она понравилась. Роли распределил сам Иосиф. Многие были с ним не согласны, но делать было нечего. Ребятам была дана возможность пробовать две роли. Валентина будет играть либо Боткин, либо Огонёк.

По дороге домой захожу к Катерине. У неё гостят Олег и Пресс. Я отдаю ей долг 35 рублей, благодарю и собираюсь уходить.

— Почему ты тогда с выступления агитбригады «Газеты» ушёл и бросил меня одну, — вдруг спросила она.

— Да вот, ошалел от такого грохота, — вспомнил я микрофон у певца во рту.

— Ну, ты хотя бы предупредил, а то я баба впечатлительная, думала всякое…

— А что ты сегодня такая красивая? — спросил я, разглядывая её.

— Да вот, Гена, голову помыла и завилась, а ты меня всегда видел под гребёнку, — усмехнулась она. — Завтра в ДК интересная лекция о западной культуре. Заходи, а?

— Ну, ладно. Постараюсь…

Иду к Огоньку за своей форменной курткой. Странно, — он даже предложил мне чаю! Ссылаясь на дела, я ухожу. Только дома разглядел, что вся моя куртка извозюкана и заляпана.

— Терпеть не могу, когда люди не уважают чужой труд и вещи, — пожаловался я Гошке. — Моя мать её отстирала и отгладила!..

Лёшка рассказал, как мужиков его бригады не пускали в отдел кадров за трудовыми книжками. «Не приёмный день», — твердила Алина, но они всё же прорвались. Кричали, что уже два дня не работают, и она соизволила их отдать.

Глава 17

Выносить — не выносить. Любовь зла. Гармония в постели. Концерт КСП. Счастье Иосифа. Опасная ночёвка.

…На работе — ничего нового. Иду за вещами для бани и — на автобазу. Тётка при бане сказала, что вопрос с водой решится только в 14 часов. Захожу в ангар узнать, что делается с кабиной. Возле неё никого не было, и я подошел к мастеру.

— Что будем делать с оплатой? — спрашиваю, между прочим. — Кто составит наряд?

— Вы должны составить. Мы только работаем… — сказал он.

Я удивился. Обычно, что сделано, в наряд записывает исполнитель…

В перерыве в магазине вместо хлеба мне взвешивают вафель на рубль 80. Дома пью чай, продолжаю сочинять песенку о шофёрах. Гоша травит истории о своей старшей сестре, «не педагогично» конфликтующей с мужем при сыне. Райлин вспоминает, как он беседовал в институте с жеманной преподавательницей о коммунизме, и что ему хотелось с ней сделать.

На автобазе, в ангаре, — никого. Работники собираются не торопясь. Спрашиваю у сварного про кабину. Он считает, что её надо вывозить. У мастера другое мнение.

— Надо бы скорее закончить с ней, — говорит он. — Завтра освободится сварщик, послезавтра достанем кислород и будем заваривать.

Из дежурки электриков я позвонил в «Авангард», но мне никто не ответил. Сидоркин, сидевший рядом, напомнил о намеченной на субботу свадьбе Арнольдова.

В ОГМ встретил Петра.

— Вы где сегодня? — наивно спросил он.

— Да, у кабины…

— Ну, и что с ней теперь?

— Сварщик Саша говорит, что её чинить бесполезно и надо вывозить.

— Ничего не надо. Я говорил с начальником, и он обещал, что всё сделают завтра утром…

В 16 часов должно было состояться собрание СМП по принятию коллективного договора. Я же переодеваюсь и собираюсь доделать дверь в «особняке», но сначала обхожу «прожектористов». Воробьёв говорит, что к 7 вечера не придёт, а пойдёт в школу. Никишина на пост тоже не собирается, спрашивает, как подать заяву в суд на человека, которому она

давала деньги в долг под расписку…

…Из женщин в редакции — никого. Подхожу к Аронычу, а он выспрашивает об их местонахождении редактора. Оказывается, «они ушли в трест „Лендадорстрой“». На прощание беру два экземпляра газеты с заметкой Виктора под названием «Ножницы равнодушия».

Коротич дома еще не было. Беру у соседей ключ, открываю комнату и принимаюсь врезать и привинчивать петли к двери. Приходят Люда с Инной и наблюдают, как я работаю. Люда пристает с советами, и кончается тем, что я посылаю её, но не очень далеко… Она обижается, и… оставляет меня в покое.

На лекцию по западной культуре опаздываю. В 9 вечера пьём холодный чай. Пытаюсь стравить воздух из батарей, но течёт лишь холодная вода. Провожаю Люду ночевать к сестре. По дороге обсуждаем её прямоту.

— А что? — признаётся она. — Я так и сказала Степанову, что он мне нравится, а тебе этого сказать не могу.

Что ж, насильно мил не будешь, но… любовь зла!

…В нашем клубе допоздна идёт диспут с деятелями агитпоезда «Газеты». Икорников выступает, путается в рассуждениях, все смеются, а кое-кто и уходит.

— Должен подвезти людей к поезду, — сетует Вася, — а они и не чешутся…

Дома сидит Мирносов и компания. Пьют вермут, угощают меня, дают почитать «статью» Мирносова. Написано весьма сумбурно, но за «письмо в редакцию» сойдёт. Вовка сцепился с ним, заступаясь за Высоцкого, и я вношу в предмет спора некоторую ясность. Ставлю будильник на пять и ложусь спать. Мужики долго играют в карты и выпивают…

Встаю в 5:30, пишу дневник до восьми. На работе опять ничего не происходит.

После работы иду в клуб на общее собрание СМП. Ароныч с Инной и Людой тоже пришли (за материалом). Однако собрание не состоялось. Вместо него при полном зале идёт концерт Катерины. Я снимаю её и зрителей на «Зенит».

После концерта захожу в балок к Катерине. У неё собрались Воронов с женой, Пресс, Алина, Гоша, Серёгин. Пресс разливал коньяк. Тост: «За успех Катерины на первом концерте КСП!». Далее все начали выяснять отношения. А особо рьяно — Катерина с Серёгиным. Мне становится не по себе, и я ухожу.

…Народ провожает Влада до конца центральной «аллеи» посёлка, а я иду с Людой дальше, в «особняк».

Придя домой, выпиваем по стопке коньяку, но он ледяной и совсем не согревает. Мои рассуждения в постели о поисках

гармоничных отношений озадачили Люду настолько, что достичь оргазма ей не удалось. А то, как я быстро заснул, после своего, — вероятно, оскорбило её окончательно.

Суббота. Вставать в двухэтажном бараке холодно и противно. Но нужда… Заставляю Людмилу сделать завтрак — гренки в глазунье. После этого я смог реабилитироваться два раза и то — ценой её мелких физических пыток, подковырок и прочих «тонизирующих» ухищрений.

С 10 часов пробиваюсь с Вовкой в баню, и в 15 — мы были вполне чистыми. В «Пионере» Иосиф провёл конкурс чтецов, на котором Горисову вручили приз за участие. В книжном магазине, увидев нас, продавщица Нина замкнулась, как партизанка.

— Есенина у меня нет и не было, — заверила она, отводя глаза, при том, что Горисов взял у неё эту книгу час назад.

…На попутном бензовозе добираемся в посёлок. Собираемся на свадьбу Арнольдова. Имитируя мальчишник, выпиваем по бокалу шампанского и едем в ЗАГС. Арнольдов наставляет меня по поводу формата снимков. Наглый красавец-фотограф из КБО спрашивает:

— Будем сниматься?

— А у нас есть своё… — ответил Арнольдов заносчиво.

— Мы сами попробуем, — добавил я.

С объективом-«портретником» я изрядно намучился: чтобы вместить фигуры в кадр, вжимался в стены, забивался в углы и щели. А фотограф КБО за мной посматривал, не скрывая неприязни…

Наконец, новобрачные расписались в акте. Исполняя ритуал, всей компанией едем на автобусе кататься в… аэропорт. Там тоже надо было отметиться шампанским, для чего я в поисках стакана обегал весь аэровокзал. Попутно болтал с Гариком о фототехнике и о успешной выставке его фоторабот в книжном магазине.

На свадьбе, проходившей в «Березке», тамадой назвался инженер по ТБ — Лидс. Началось всё неплохо. Торжественные тосты, «горько» и так далее. Я стараюсь заснять не только главных героев, но и интересные эпизоды. Когда кончается плёнка, начинаю танцевать то с Валей, то с Тапрыкиной.

…Вскоре ко мне пристал Иосиф.

— Пойдём со мной, — сказал он и потащил в 181-й вагон. — Я тут вчера понял: только один человек приближается к пониманию меня, — бубнил он по дороге.

— Катерина что ли? — спросил я.

— Алина!..

…Уговариваем Катерину и Алину пойти на свадьбу, тем

более, что они были приглашены. На свадьбе гремят «Серебряные» в половинчатом составе, вторая половина — на свадьбе у грузин. Как объяснила Ольга Фирмина, заклинание — «не обижай, дорогой, озолочу…» — действует безотказно.

Беременная Никишина сидит за столом злая, ибо трезвая, и глядит, как я с Катериой после пары рюмок отплясываю шейк. Вскоре Катерина с Никишиной засобирались домой. Иосиф взял из ящика бутылку водки, я — початую бутылку вина, и мы отправились за девушками в 181-й вагон.

…Разгорячась, Катерина начала крыть всех и вся за «пир во время чумы». Я попытался остановить бурный поток матерщины, но она сразу «оскалилась и зарычала». Алина поддержала товарку в её «праведном гневе», и я стушевался: женщина всегда права…

Иосиф пошлил и клевал носом. Появился поддатый Серёгин и начал пороть сладкую ересь.

— Как я уважаю Сущевина! — говорил он с восторгом. — Какой он умный мужик! Как жаль, что у него всё так плохо выходит…

— Да, ему совсем немного осталось… — поддержала его Катерина.

Многозначительная обрывочность этих фраз, понятная кругу «своих», показалась мне фальшивой, и я удалился «по-английски».

В воскресенье с утра подговариваю Валю в 3-м балке — подругу новобрачной — накормить и напоить холостяков. В благодарность таскаем ей воду. Слушаем запись «Иисус Христос» вдвоём с певуньей Катюшкой…

В фойе клуба жду ребят на репетицию и слышу, как кого-то отпевают. Оказалось, — это Иосиф занимается этюдами. Наша репетиция затягивается…

В балке Степанова Жека справляет день рождения. Я дарю ему книгу А. Побожьего — первопроходца магистрали. Выпиваем с Мормоновым и другими «авангардистами».

В 20:30 веду Иосифа в гости к Рине — новосёлке. Он идёт нехотя, с единственным желанием — выпить. В 9 вечера Рина и Люда никого уже не ждали. Однако… Передвигаем стол к дивану и… понеслось: коньяк, десертное «Варна», коньяк из неприкосновенных запасов, танцы, похожие на борьбу самбо, но со сменой партнёров…

Вскоре я прилёг под бок мальчишки — сына Рины — на диван, Рина — валетом, к нам. Коротич с Иоськой легли на ковре на полу. Люда пыталась «навести порядок»: перейти

с пола ко мне, но у неё ничего не вышло. Всю ночь они с Иосей жужжали, а их покрывала-драпировки гремели, как кровельное железо на крыше.

Утром по просьбе Рины обещаю прийти вечером.

…Главного инженера в ОГМ не видно. Чувствую, — болит горло, и захожу в медпункт. Температуры нет, лёгкие чистые, горло слегка воспалено.

— Полощите вот этим, а сейчас — на работу, — говорит врачиха и дает желтые таблетки.

В течение дня раз пять прихожу смотреть на кабину (вот работёнка!) — остальное время сплю дома. На обед — чай.

К вечеру выспался, начал соображать. В 17 часов еду на попутке в книжный. Новая продавщица в очках взялась штамповать букинистические книги. Видимо, Нина не приняла их, так как не умеет считать проценты. Сравнительно быстро меня отпускают, выдав за книги 19 рублей. На почте — бандероль с конфетами и учебником Розенталя от Леры. Попутно покупаю две бутылки вермута.

…В нашем клубе объявлены танцы. Заряжаю плёнку в «Зенит» и иду в клуб. На контроле показываю своё удостоверение корреспондента, а меня впускают за так. Сконфузился до покраснения лица. Снял 25 кадров, но, кажется, перфорация плёнки порвалась в самом начале.

В девятом часу беру вермут с конфетами и иду к Рине. В полушубке идти было жарко, и я расстегнул его. Остальные гости тоже только что пришли с концерта в «Пионере».

Хозяйка укладывает сына, мечется. Сидя за столом, вываливает всё на наши головы: впечатления от концерта, воспоминания об институте, об учебной тревоге («Ракеты!»), о заводе, о ревматизме, о совхозе, о куриной слепоте, о предложении дважды женатого редактора, о своевременном прозрении, о недоношенном сыне, о больном муже Саше…

Коротич подводит черту:

— С Сашей покончено!

Иосиф поддерживает: «Саша — такой-сякой, нехороший…».

Когда стали укладываться, Иося с Людой исподволь подтолкнули меня на диван к Рине, а сами расположились на полушубках на полу. Рина ворочалась, никак не могла пристроиться, а тем более — заснуть. От нее исходил жар нетерпения, и я почувствовал, прямо паника накатила, что должен уехать. Ничего не понимая толком, но подсознательно страшась последствий этой ночёвки, встал в 3 часа, оделся и выскользнул за дверь…

Глава 18

Наложение рук. Борцы за справедливость. Бюллетень. Что нас держит… Ночь с экономистом. Сексологические изыскания. Соратник Зорге.

…Один попутный «Магирус» проехал мимо меня, а второй — взял на объезде сопки. Дома двое: Гоша и Вова. Лёшки нет, — видимо, потянуло на подвиги. Спят при свете в жутком свинарнике. Я пью чай с конфетами из посылки, пишу дневник, но клюю носом. Ложусь на кровать Лёшки и с трудом засыпаю.

В 8 часов меня будит Гоша. В магазине берём у культурной чернявой продавщицы сыр, колбасу, масло. Дома — чай, и в 9 часов прихожу в ОГМ.

— Гена, ты где сейчас? — спрашивает главный.

— На автобазе, конечно, сторожу.

— А вчера?

— И вчера.

— А почему не показываешься?

— Как так? Я вчера после обеда раз пять был здесь.

— А, ну, ладно, — успокаивается начальник.

— Так что делать с кабиной? — спрашиваю его.

— Надо вывозить её сюда…

— Да, но там забили проезд — не проехать, не пройти…

Хожу за ним хвостиком ещё немного, но он от меня активно удирает.

Дома читаю Шукшина. В 11 часов захожу в электроцех на разговор с Москвой. Успокоил домашних: «Со мной все в порядке. Пишите номер моего вагончика на конвертах».

Навещаю кабину, затем иду в кузницу и — домой.

Вова спорит с Гошей: нужно ли жить 300 лет. Резюме: «Человека держат в мире лишь личные связи с родными. Значит, всем надо жить долго». Заставляю Гошу писать письмо его попутчицам насчёт моих коньков, которые он оставил в поезде возвращаясь из отпуска.

На работе никого нет, и я возвращаюсь домой. Гоша и Вова тоже — «то явятся, то растворятся».

В 16:50 в бытовку ОГМ заходит гриппозный Вяковлев, спрашивает у экскаваторщика, как дела, и уходит болеть.

Дома ложусь спать до 18:30. Пью чай, готовлю одежду и фотоаппарат.

На занятиях в студии делаем разминку и этюды. Начинаем гонять сцены с Огневым — Валентином, Вороновой и Францевой, Алиной и Семенюшиной в ролях Валентины и её матери. Долго

жду Иосифа по окончании репетиции, чтобы расспросить о вчерашнем, но он не торопится. Захожу к Катерине, отдаю книгу Шукшина, благодарю от имени всех прочитавших её. Возвращаюсь в клуб, а Иоси — уж и след простыл.

Дома чай, дневник, гитара.

В среду просыпаюсь в 7:45, и успеваю лишь хлебнуть чаю.

На работе главный опять спрашивает:

— Где был?

— На автобазе.

— Надо везти кабину сюда.

— Ага, — соглашаюсь я, стараясь подавить сарказм, и мы расходимся в разные стороны.

Посмотрев на кабину, иду домой, читаю газеты. В 10 часов получаю бандероль от Колибы: новые фотографии и мармелад.

…На работе Омаров показывает мне некоего Фаиса, предлагает сдать всё барахло ему и подписать акт сдачи-приёмки машины. Я приятно удивлён. Показываю ему, что где лежит и кабину на автобазе.

В 11 часов идём к Омарову.

— Вынести можно, — твердит он. — После обеда вынесем.

— А сейчас что делать?

— Сейчас мы работу вам найдём.

— А можно я выйду в ночь на прогрев машин? — спросил я. — У них людей не хватает.

— Ну, выходи либо прогревальщиком, либо сторожем. После обеда приходите выносить кабину…

Увы, я иду домой спать.

В 9 вечера меня будит Степанов и зовёт в 150-й вагон. Девочки рады, но чаем нас не угощают: у них сгорел кипятильник. Идём с ним в «особняк» к Люде. По пути застреваем в клубе: Катерина рассказывала залу о себе, о фестивалях авторской песни и пела сама.

…Люда простужена и встречает нас в постели. Тем не менее, пока мы смотрим новые журналы, мужественно организует картошку с колбасой и чай. Показываем ей наши фотографии. Она рассказывает о курьезных материалах Рины, о машине редакции, которую оформил на себя главный редактор Дребенюк, и вскоре мы уходим.

Дома балдею от весёлых Гошки и Вовки. Лёшку после двух бутылок коньяка забрала Светка. Гоша пришивает пуговицу к телогрейке — ему завтра на работу. Райлин поёт свои корявые шлягеры. В час ночи я всех выгоняю из кухни и пишу дневник до трёх утра.

…Утром на работе повторил Вяковлеву, что был в гараже

и что кабину вынести невозможно.

— Возможно! — упёрся стоявший рядом Омаров.

…Я не появляюсь на работе до 13 часов. Отпрашиваюсь в медпункт, чтобы взять направление в поликлинику по поводу больного уха. Звоню в регистратуру, а моего врача нет. В ОГМ показываю Омарову направление к врачу.

— Раз тебя направляют, значит, дадут бюллетень.

— Да кто же его знает? — говорю я и ухожу домой.

Есть дома нечего, и я ложусь спать.

Вечером прихожу в комитет. Секретарь Серёга Горчаков меня ругает, наставляет на «путь истинный», приказывает активизировать работу.

В клубе занятия драмкружка проходят в кабинете Пресса. Когда кино кончается, все переходят в фойе, а я ухожу домой. Взяв направление к врачу и шампанское, направляюсь «лечить» Коротич.

Выпив шампанского, она просит у меня прощения за последнюю ночь, проведенную у Рины. Иосифа за его сводничество мы окрестили греховодником и совратителем. В комнате было тепло, батареи горячие, на улице падал снег, и я приступил к «лечению» больной наложением рук…

…Мне не давали спать уже с шести утра. Два бокала с остатками шампанского не устояли на подлокотнике дивана и упали под подушку. Через полчаса мы заснули. В 9 часов с трудом, нарушая свой же принцип «от мужика нельзя уходить из постели», «они» встали, сделали чай. Утопая в снегу и припорошившись снегом, я вынес на помойку ведро.

…Пьём чай с бутербродами с колбасой, одеваемся, а в 10 часов заходят Мормоновы. Они ждут Люду, чтобы поехать в аэропорт и сдать авиабилеты. Она вытаскивает мой шарф из-под своего халата, передаёт мне, и я в растерянности выхожу на улицу.

В поликлинике выясняется: мой врач принимает с 17 часов.

В книжном хотел посмотреть выставку фотографий Гарика, но её там уже не было. Зачем-то покупаю книгу о Первой русской революции.

…После бани заходим со Степановым и Жекой в «музыкальную шкатулку». Я чищу селёдку, парни смотрят книги. Тапрыкина с подругами суетятся, накрывают на стол.

Пообедав в весёлой компании, ухожу на остановку автобуса возле суда, остальные идут в посёлок пешком. Из здания суда выходят борцы за справедливость — бригада Алёшина, долго совещаются и уходит в сторону почты.

…Дома Гоша взахлёб излагает ход забастовки на третьем

прорабском участке. Едва ли найдётся кто из начальства, не побывавший у ребят для увещеваний. Все им сочувствуют, кроме Степанова. Влад против забастовок…

Макар тащит меня к кассе за зарплатой. Я увиливаю — мне надо зайти в ОГМ за расчётным листком. Получаю выговор от Омарова за плохой обогрев воды. Объясняю ему, что этой ночью не дежурил «по болезни».

В поликлинике жду свою очередь с пяти до семи. Мне быстро прочищают ухо, но со справкой вышел конфуз.

— Задним числом выписать бюллетень не могу, — сказала врач.

— Но ведь вчера вас не было.

— Не было.

— А я не работал со вчерашнего дня.

— Ну, и что?

— Дайте документ.

— Не могу.

— Два дня прогулов.

— Ничем не могу помочь.

— Дайте справку.

— Не дам.

— Но я же не работал.

— Ну, сейчас-то вы можете.

— Не могу, сегодня пятница, работа кончилось. Дайте справку за два дня.

— Не дам.

— Ну, спасибо!

…Дома все двери нараспашку. На столе, в салоне, на книгах — нарезанный хлеб, пустая бутылка из-под бормотухи, три рюмки. Под одеялом с головой — Гошка в отрубе.

Собираюсь писать дневник, но заходит Степанов.

— Не пойти ли нам в гости? — говорит он задумчиво.

— Идём, — недолго думая, говорю я.

Беру кассетник, и мы идём к Люде. На её дверях находим записку: «Ушла к Мормоновым, буду в 10 или зайди, встреть». Мы остаёмся, выпиваем по бокалу шампанского, едим старую варёную колбасу, пьём чай. Я пишу записку: «Я в 34-м вагоне. Подожди завтра до 10 вечера или заходи в гости».

К нам в балок заходит Виктор, Гоша проснулся, и у нас начинается спор о том, что нас здесь держит. Каждый приводит массу причин, удерживающих нас в этом бедламе. Я доказываю, что нас держат здесь честолюбие и привычка. Только Вовка со мной согласился…

В субботу всех разбудил Степанов в 10 часов. Поднимаем

Гошку — нашего форварда — на футбол. Я иду фотографировать игру на снегу. За 5 минут до конца матча сделал 15 снимков. Заранее договорился с Лёней проявлять плёнку. Захожу к нему после футбола, но он всё время занят: то народу много, то он пьёт бормотуху.

Пишу дневник. В 16 часов является Лёня, и мы начинаем проявлять плёнки. Для начала он расколол градусник. Я таскаю воду. Во вовремя проявки появляется Пресс.

— Сейчас зайдёт Катерина и пригласит вас к себе на встречу с экономистом, кандидатом наук, сообщает он. — Пожалуйста, не пренебрегайте…

Гоша только улёгся отдохнуть после второго матча, проигранного МО-43 со счётом 3:4, но ради Катерины он поднялся.

…Сидим с Катериной у нас на кухне, слушая в её исполнении анекдоты. К 20 часам идём с ней в 181-й вагон. Подтянулись и наши: Владимирский, Воронов, Виктор и другие. Александр Хандрулев быстро завязал разговор и, — понеслось…

3 часа мы выкладывались, как могли. Говорили об экономике, о политике и о закрытых цифрах (к тому времени Воронов, слава богу, ушёл), о будущем Ленды и о людях Магистали, читали стихи, пели песни, травили пошлейшие анекдоты до полуночи. В полной эйфории от необычного общения с современным учёным, уверенного в скорых переменах в жизни страны, меняемся автографами на разных снимках. Я провожаю Хандрулева по дороге в город, но у дома Коротич прощаюсь с ним до завтра.

В комнате на втором этаже меня ждут колючие взгляды Люды. Я спокойно выдерживаю укор, хотя готов был ответить подобающим образом. Меня кормят и укладывают спать. Оказывается, Степанов с Инной только что ушли. Они держали для меня полбутылки коньяку, но не выдержали и прикончили её…

…Просыпаемся поздно, встаём в 11:20. Я тороплюсь на репетицию и от чая отказываюсь. За стенкой идёт олимпийский хоккей (СССР—ЧССР, счёт 4:3). Выхожу на улицу и попадаю на Иосифа. Объясняю, скорее для его успокоения, что смотрел трансляцию хоккея. Рассказываю ему о вчерашней интересной встрече и спорах о нашем отряде, о стройке, о будущем страны. Бегу домой за кедами. Оказалось, Гошка их взял на футбол.

В клубе почти никого нет, Иосиф рвёт и мечет. Начинаем репетицию на сцене. Постепенно народ подтягивается. Делаем интересные этюды в разных количествах от пяти человек: пародия

на фильм «Звезда пленительного счастья», «очередь за билетами в кино», «очередь к директору аэропорта», пары — на обыгрывание слов «горошек, змея, платье» и так далее.

Прихожу домой в 15 часов. Гоша ещё не пришёл с футбола. Вовка на дне рождения Ирен принял столько, что договорился о свадьбе с Томкой Миленковой. Мы с Лёшкой хозяйничаем. Он заливает воду с солью в раковину, и она протекает мимо трубы. Он подметает пол, я его мою и промываю фотоплёнки.

С ребятами вывешиваем на уличных стендах выпуск «КП».

В 18 часов идём с Владом в «особняк». В комнате Людмилы никого нет, она с Гошкой у соседей смотрит хоккей. Едим оставленный нам рассольник и курицу. Гоша после хоккея идёт в кино на «Андрея Рублева», а мы — в «Пионер» на лекцию Хандрулева.

Машина с нашим новым знакомым задерживается, и организаторы пустили фильм «Девять дней одного года». Хандрулев приехал «на самом интересном месте» и не захотел прерывать показ фильма. Я уговариваю сопровождающую его даму остановить кино, ведь время встречи сокращается… Она долго ломалась, и я от злости пошёл бродить по окрестностям и смотреть на танцы. А в это время встреча началась.

Степанов занял мне место, я включил магнитофон и записал часть выступления Хандрулева. Лекция об экономике и её будущем понравилась и Коротич, и Степанову, но лектора просто утащили от диспута из-за напряга с «транспортом», который не мог долго ждать. Я с ним попрощался и обещал послать ему наши фотографии.

Идём домой мимо новостроек «Главмосстроя» и обсуждаем их высокое качество и скорость возведения. Когда остались вдвоём с Владом, я посвятил его в некоторые тонкости сексологии, добытые собственными изысканиями. Он многое понял неправильно и под конец спросил:

— Как же ты, оправдываясь научными поисками, мог изменять жене?

— Как, то есть? — удивился я. — С женой в те поры я ещё не был знаком!..

…Лёшка спал, а я пытался писать дневник, когда во втором часу ночи явились Вовка с Тимошиным весёлые и самодовольные. Олег хвастает тем, что домогался трёх женщин, Вовка говорит много и громко. Вскоре я начинаю «бредить» и ложусь спать.

В понедельник дотягиваю в постели до 7:40, но на работу прихожу вовремя. Саша Омаров посылает меня в помощь Милонову разбирать колёса крана на базе КРАЗа, а главное — требует принести справку за пропуск пяти дней.

— Меня не было лишь два дня, — поправил я его.

— Пока справку не принесёте, к работе не приступать! — сказал он и удалился.

Всё же с Милоновым затягиваем одну футорку[25] и ставим запаску на заднюю ось.

…В медпункте старуха-фельдшер отказывается говорить о бюллетене. Несу главному, что есть. Вожусь с колёсами, греюсь в кузнице. Когда появляется главный механик, я подаю ему справку. Он внимательно её изучает.

— Это не годится, — решает он. — Справку дают только, если ты пьяный, и всё. В остальных случаях — бюллетень.

Выслушав эту тираду, я продолжил работать с Милоновым, будто это меня не касается.

На обед — две кружки чая. В 12:30 заваливаюсь спать. После какого-то экзамена заходит на чай Влад и выкладывает на стол пару пачек печенья. Гоша с Колей-Рыбниковым за тем же столом готовятся к экзамену и между делом, незаметно сметают обе пачки. Влад берет мою запись лекции Хандрулева и уходит к себе.

…На территории ОГМ я увидел Милонова, который катил колесо от камнедробилки. Помогаю ему поставить колесо на ступицу. Цепляю стропы к заднему мосту крана, чтобы вывесить колеса с левой стороны и снять их.

С 16 часов коллеги, выпив в бытовке «Зубровки», балдеют в ожидании зарплаты. Только Забойников вырезает оргстекло для кабины крана, да мы с Милоном снимаем накладку ручника.

…Приходит пьяный Матёрый, долго ищет глазами и выбирает троих.

— Ты, ты и ты — к главному! — тыкает он пальцем в направлении «жертв».

Ему долго не верят, а я иду, так как должен был посмотреть табель. За январь — ничего подозрительного не нашёл, но за февраль с девятого по двенадцатое у меня стоят пять «П» (прогулы). Вот это здорово!

Нынче зарплату развозят по участкам: первым — забастовщикам под управлением Алёшина.

В 16:50 мы собрали последнее колесо и через 20 минут оно было накачано.

Дома Гоша разогревает перловку с тушёнкой. Я её ем, переодеваясь на ходу. Приходит Райлин, и я ем быстрее. Он пробует присоседиться, но поздно: каша кончилась. Он вскрывает банку скумбрии, и через минуту она была пуста. Иду со справками в расчётную часть. Пожурил их за невычет семейного налога, позвонил из электроцеха в поликлинику, где мне объяснили, что главврач по личным вопросам не принимает,

но утром его можно «поймать».

…С вафлями к чаю захожу к Степанову. Получаю от него разгон за плохую запись лекции Хандрулева. В свое оправдание мог лишь сказать, что сидел далеко от сцены…

Дома Гоша морально готовится к банкету. Все сдали экзамен, и он решает напиться. В 20 часов к нам заходит Пресс и приглашает на встречу с Иван Михалычем Ивановым — генерал-полковником в отставке, соратником Зорге.

…Говорит он долго и интересно всё больше о работе в Китае, но о знакомстве с Зорге — весьма скромно. Слушали его те же, кто был на встрече с Хандрулевым. Горчаков заснял нас всех вместе. На прощание подарили Иванову книгу А. Побожьего.

Дома пишу дневник. В 23 часа явился пьяный Гоша с известием о падении Ту-104 под Иркутском…

17 февраля встаю в семь, бужу Гошу. Вовка встаёт сам. Лёшки нет уже вторые сутки. В 7:45 после чая без сахара, но с вафлями и сыром я — на работе.

— За что пять дней прогула? — обращаюсь к главному.

— За то, что работать надо. А если болеешь, — приносить документы.

— Так, в ту неделю перед уходом я показал Омарову направление в поликлинику.

— Вот придёт Омаров, тогда посмотрим.

— А так, Вы мне не верите?

— Мне нужен документ о нетрудоспособности.

— Я принесу, — блефую я. — Но для этого надо ехать к главному врачу в 7:30.

…В кузнице состоялась «очная ставка» двух механиков, и мне удалось выжать из Вяковлева признание в том, что в четверг 12-го я показал ему направление в поликлинику (почему бы мне не вспомнить это раньше), а в среду, когда я сдал машину, договорился с ним о выходе в ночь, поэтому с обеда на работу не вышел. Также я напомнил главному про понедельник и вторник, но он не выразил восторга по поводу этого воспоминания и опять упёрся в бюллетень за пятницу, который я ему пообещал достать завтра.

После того, как Вяковлев приказал мне «заниматься только своей машиной», он тут же послал меня помогать «обуть» кран чернявого крановщика.

— Но там же три человека! — возмутился я.

— Ничего, надо сделать кран быстрее, а потом займёшься своей машиной.

Сначала вредный крановой всем доказывал, что колёса от камнедробилки подходят к КРАЗу. Я-то знал, что диски у них

разные, поэтому снял с них покрышки. Сбортировал одно колесо до обеда, другое — с помощью ребят с Кудыкты — после. Всю работу заканчиваю к 15:30.

— Что делать дальше? — спрашиваю у главного.

— Помогите приделать буквы на вывеску над воротами, — говорит он из кабины УАЗа.

— Да там есть человек, занимается уже! — говорю я.

— Ну, тогда отдохните, покурите, — сказал он и уехал…

…Занимаю очередь в кассу и захожу в клуб. На слёте передовиков — перерыв. Ансамбль «Мозаика» из МГУ затаскивает свои инструменты в фойе. Там же Алина и Катерина уже помогают продавать книги, и не без успеха. Либо у меня слабый голос от голода (третий день на чае без хлеба и сахара), либо у Катерины что-то со слухом, только каждое предложение мне приходится повторять 2—3 раза.

Рассказываю ей, что из-за «своевольного» отъезда в командировку главный механик имеет на меня зубок и держит под контролем. Возможно опоздаю, но всё равно приду на концерт «Мозаики». Она ещё раз напоминает, какие у них профессиональные ударник и гитарист.

Захожу в ОГМ и пытаюсь отпроситься у Омарова на совещание передовиков, но оказалось, туда уже направили Макара, Гречко и Таньку. Я остаюсь. Но сначала беру дома кассетник, отношу его Вовке в зал для записи. Получаю деньги, прибегаю в ОГМ, где главный уже сидит в ожидании сабантуя. Мужики пошли в аккумуляторную, куда Коля занёс 12 бутылок «Яблочного».

Смотрим с Ильиным и Сабельниковым, как Иван заводит бурилку. Вдруг Омаров выходит из аккумуляторной, открывает ставни, а из форточки главный подаёт ему кучу бутылок в авоське. Мы смеёмся, но ничего не понимаем. Кажется, бутылки конфисковали!..

Видимо, причастившись, главный выходит в благостном настроении.

— Ну, и сильна эта водочка! — не может он скрыть восторга…

— И что? Мне завтра ехать с утра в поликлинику? — ловлю я момент.

— Ну, да…

— Значит, идёте на принцип?

— У меня принцип один, чтобы была работа! Никуда не езди, но, чтобы завтра делал машину!

— А прогулы?

— Прогулов не будет.

— Ладно, завтра делаю одну машину, — сдерживая радость,

говорю я.

Бегу вокруг ОГМ за забором. Скидываю телогрейку, надеваю куртку, и — в клуб. Прослушиваю три вещи в исполнении «Мозаики». Убавил уровень записи на кассетнике и вышел. После концерта в зале остаются и «соображают»: Лёня, Катерина, Пресс, Алина и Серёгин…

Дома послушал запись, но на кассете не было ни звука… Покупаем еду, съедаем её и беззаботно заваливаемся читать. В 19 часов приходит Степанов. Так как в столовой — толпа народу, грею ему перловку. Начинаю разговор о полигамности мужчины. Перехожу на «четырёх женщин Зорге», по сведениям Иванова… Приходит Митя и заводит разговор о Хандрулеве и его лекции.

Гоша в 8 вечера уходит на гитарную репетицию. В клубе все студийцы вместе с Иосифом нервничают. Пьяный Огонёк и Вовка с похмелья балаганят, орут. У Иоси ничего не получается, и он отменяет занятие…

В 150-м договариваюсь с Катюшкой о блинах, для чего беру у Влада ведро воды.

У меня дома обычный аттракцион: «булечка собирает друзей». На арене Огонёк, Вовка и другие.

С 9 вечера я отсиживаюсь у Митяя. Как всегда, обсуждаем наше положение, и я высказываю мысль, что Магистраль нужна, как политический жест. Мол, есть ещё порох в коммунистических пороховницах…

В 22 часа идём со Степановым на блины. Наташа, живущая с Катюшкой, — в запое и с нами говорить не желает. Но к 12 ночи девочки разошлись, насели на Влада с воплем: «Хотим работать, а не дают; нет работы!».

…Дома — жуткий бедлам. Я пытаюсь писать, но засыпаю за столом. В 4 утра является Вовка и бросается на кровать. Через час прибегает его невеста Миленкова с круглыми глазами.

— Где Володя? Его нет? — спрашивает с тревогой.

— Да тут он, спит… — успокаиваю я.

— Представляешь, — вздохнув, продолжила она, — он давеча разбушевался, избил Маркатова, причём, палкой по голове, а тот обещал его зарезать. Жди теперь…

Глава 19

Серый порошок. Вы меня уважаете? Профсоюзный цехком. Аккорд ми-минор. Рейд Прожектора. Книга Сартра. Прикуривать втроем. За Армию!

…На работе хожу за главным.

— Ну, что, будем варить кабину? — пристаю к нему.

Он делает вид, что не расслышал, но, немного погодя, очень ласково просит меня помочь поставить «Беларусь» на кОзлы, ибо скоро приедет комиссия из главка… Я не тороплюсь выполнять его просьбу и тяну время почти профессионально.

С Тараканoвым берём «Дружбу», пилим брус, дрова, греемся в бытовке, внимательно, не торопясь, ищем ограничительный винтик от карбюратора бензопилы. Относим пилу в кладовку, ключи от которой Вяковлев потерял в снегу, а я их нашёл. Иду фотографировать цемент, замерзающий на улице. Снимаю с разных ракурсов, разными объективами. После этого, пощупав кучу серого порошка, понял, что это — асбест, и, очевидно, ему ничего не будет…

Во второй половине дня тема переливания из пустого в порожнее не только не ослабевает, но приближается к кульминации. Почти все вольноопределяющиеся толкутся на площадке, изображая изготовление настила под двигатели и прочее железо. Его вытаскивают из снега, чекеруют и ставят краном на настил.

Из кузни хорошо было наблюдать за суетой Вяковлева на перестановке «ракетоносителей» -бетономешалок. Я же, установив погнутую (за неимением другой) кулису переключения передач, хожу вокруг разобранной машины с ключами и греюсь в бытовке. В 16 часов главный просит меня сгрести снег с «Кировцев». До этого он обращался не конкретно, а ко всем, но реакции «всех» не последовало.

Беру кусок кровельного железа и лезу на ближайшую машину. Снег на крыше кабины глубокий и плотный, веником его было бы не взять. Постепенно очищаю все пять машин и — домой спать, так как договорился с Лёней печатать фото с 12 ночи.

Однако сразу заснуть не удалось. Лишь, когда Вовка уехал на поиски вина для «помолвки», удалось вздремнуть.

…Степанов предложил пойти с ним на фильм «Признание комиссара полиции…». Он купил билет и для Катерины, «чтобы не отрывалась от народа». Перед началом сеанса он зашел к ней на занятие с гитаристами. Увы, урок затянулся, и её билет пришлось продать.

После просмотра Влад направился в 181-й вагончик к Катерине, чтобы предложить вести занятия с гитарой в два потока. Многие уже знают суть, основу аккомпанимента, а другие — полный ноль…

Дома готовлю плёнку, бумагу для печати, но поспать мне опять не дают. Гошка, побывав на занятиях с гитарой, делится впечатлениями. Рассказывает, что хотел предупредить Вовку о завтрашней поездке с Владом на строительство капитальной трубы под «железку», но его не нашёл.

В полночь я был в вагоне Степанова, где, кроме него, были Лёня, фотокорр Пьянков, Жека и пьяный до неузнаваемости Виктор.

— Вы меня уважаете? — приставал он ко всем по очереди. — Я-то в бригаде всех уважаю, хотя работаю как бы внештатно…

Лёня попросил всех закругляться, ибо нам всю ночь печатать подарочные снимки, а завтра лететь в Благинск.

— Давай, Виктор, допивай чай и — домой, — сказал он сдержанно.

Прошло ещё с полчаса. Лёня подошёл к Виктору ещё раз.

— Пора домой! — сказал он.

— Ты хочешь сказать, чтобы я ушёл? Так и скажи! — запыхтел Виктор.

— Виктор, уходи! — «так» и сказал Лёня.

Тот швырнул кружку с чаем и со страшным шумом вылетел на улицу… Мы быстро прибрались, но увеличитель не был готов, и с ним пришлось повозиться. Сначала печатаем мои снимки, затем, — подарочные и так до 7 утра.

…Первым из спального отсека вышел Степанов, за ним — остальные. Владимирский расклеился совсем, температура высокая, собрался к врачу. Мороз сегодня 40°…

— Когда будем варить кабину? — пристаю к главному. — Стою на ремонте уже месяц и не по моей вине. Сколько ещё я буду ремонтироваться? И получаю я по третьему разряду. Тогда поставьте мне 4-й!

— Что ты волнуешься, Геннадий? При твоей, так называемой, работе, самовольном уезде в командировку и отсутствии бюллетеня ты ещё выступаешь!..

— В командировку я ездил не для себя, а по заданию Осемчука, а предупредить мне было некогда.

— Так ты работаешь не в отделе кадров или снабжения, и начальник у тебя — я!

Молча иду в кузню, где Омаров советует мне разобрать на моей машине задние ступицы, снять кардан и заменить крестовины. Чтобы разобрать кардан, долго ищу ключи, но всё же

до обеда его разбираю. Показываю подшипники Омарову, и он обещает достать новые. До перерыва навожу порядок в кузне, подвешиваю провода сварочного аппарата на стену.

На обеде забегаю к Лёне, а он всё ещё глянцует фото. С 12:15 дома вырубаюсь на полчаса. Гошка угощает чаем и бутербродами с колбасой. В результате прихожу на работу с опозданием на 20 минут, и Леднев информирует: главный уже заходил и записал опоздавших.

…Нахожу ключ для колпаков полуосей и разбираю их. В это время главный требует перебросить мою «машину» к забору. Для этого сначала договариваемся с крановым, тем более, что он рядом переставляет бытовку к кузнице. Прибегает Вяковлев и агитирует народ двигать машину вручную. Затем, я занялся ступицами: смазал солидолом, подтянул гайки подшипников, завернул колпаки…

Вдруг главный даёт срочное задание: помочь здоровому Серёже перебросить завал уголков 60х60 длиной 6 м на стеллаж к забору. Вкалываем вручную до седьмого пота, таскаем ещё и шестигранную арматуру, причём, под пристальным наблюдением главного.

С 16-ти часов сижу у печки, а группа ударников — Джон и Мордвин под руководством Вяковлева — перетаскивают «ракетоносители» с места на место. В 17 часов перелезаю через забор за кузней и задами двигаю домой.

Переодеваюсь, беру водку, оставленную Вовкой, в вагоне Лёни забираю свои фото и направляюсь в Ленду. На почте отсылаю Малову в Катеринославку долг 20 рублей, получаю Леркину посылку; в книжном — 2-й том Светлова, книгу А. Мачадо; в универмаге — фотоплёнки.

…У Коротич чистится картошка, прокручивается мясо, готовятся пироги… Ждём Тимошина и, возможно, Степанова, если заглянет после посещения райкома. В моей посылке: конфеты с ликёром, «Рижский бальзам», водка «Экстра» — решаю оставить это до случая. Приходит Олег — «голодный, как черт»: в редакции нет воды. Ест холодный суп, что-то ещё… Является Степанов — ещё голоднее, раздраженный до злости. Ест суп и всю колбасу, критикует мои снимки… Оказалось, его назначили комиссаром оперотряда СМП!

Наконец, садимся за стол. Олег плачется о том, что его не любят в «Ударнике», что Вовка его «бросил» и так далее. Степанов молчит, я кемарю и слегка переругиваюсь с Олегом. В полночь он уходит искать Вовку, Степанов — провожать Инну, я потянулся было за ними, но Люда это заметила.

— Тебе там делать нечего… — остановила она меня.

Наступила пауза, в которой она встала в позу: догадайся, мол, что надо делать с женщиной, оставшись с ней наедине ночью. Наконец, я предлагаю:

— Что ж, укладывай меня в постель.

— До чего ж ты нудный! — даёт она мне оценку и раздевается.

— Ага, — соглашаюсь я. Однако, в опровержение — довожу женщину весьма быстро до апогея… Но также быстро и засыпаю.

Не долго длилось моё счастье. Меня будят из-за того, что я якобы храпел. Действительно, нос заложен, наступает грипп. Тем не менее, до 7 утра мне больше спать не дали.

…После плотного завтрака с пирогами прихожу домой. В балке полный разгром: стулья — на кроватях, кассеты — на полу, везде пустые бутылки, грязь. Вовка с Гошкой уже ушли, Лёшка валяется в кровати.

…Долго жду, когда меня заметят механики, но не дождался. Нахожу в кузне шланг для фильтра тонкой очистки топлива и пытаюсь его поставить на место. Для этого сначала снимаю тяги переключения передач, но шланг оказывается коротким. Чтобы удлинить его, ищу медную трубку. В бытовке ничего нет, в кузне — ничего похожего.

Неожиданно главный начинает искать кандидатуры в цехком и редколлегию. Собрание назначено на 17:30. В бытовке токарей выпрашиваю у Шибалова станочный светильник с гибкой «шеей», намереваясь сделать из него подарок Людмиле.

До обеда так ничего и не происходит. На просьбу Омарова что-то куда-то тащить, я нахально отвечаю:

— Занят машиной, патрубок к шлангу подбираю…

Дома в 12:10 ложусь спать. В 12:45 меня будит Светка: принесла «Лёшеньке» поесть. Заходит Гошка, пьём с ним чай, а он меня отчитывает за невнимание к Вовке. Я удивлен. Оказывается, ему нужно особое внимание…

На работе — всё то же: поиски патрубка. В конце дня долблю лёд под воротами, чтобы закрывались нормально.

На собрании Юра Аникин зачитывает отчет о работе цехкома и идёт на место красный, с мокрыми глазами. Выступали многие механизаторы, критиковали и цехком, и механиков, и себя; электрики оправдывали своего Онищенко. Инженер ОГМ треста пропесочил всех: нет заявок на этот год ни на ГСМ, ни на запчасти, воровство взаимное везде!.. Наш главный инженер тоже отругал и Вяковлева, и нас, и цехком… Все остались при своём, а время поджимало: в 19 часов — кино. Быстро, открытым голосованием выбираем новый цехком, редколлегию… Гандобулов вдруг очнулся:

— Давайте туда Геннадия!

— Да он уже в КП СМП! — завопил Гречко, будто спасал тонущего.

После собрания зашёл в магазин, а, выходя, наткнулся на Виктора, который бегал в поисках Жеки.

— В магазине его нет?

— Нет. Есть коньяк.

— Нет, он не нужен. Пишешь что-нибудь? Как вообще дела?

— Ничего не пишу, — говорю я, и на этом общение заканчивается.

Дома ложусь на аутотренинг. Приходят Гошка с Францевой, Вовка с гитарой, и я прошу не обращать на меня внимания. Музыканты переходят за загородку, на «кухню». Зато появляется Олег и пытается ненароком выведать у меня, почему меня и в 3 утра здесь не было. Я что-то мямлю и отрубаюсь.

Встаю в 5 утра. Пью чай и записываю в дневник 18-е, 19-е, 20-е февраля. Затем, ещё час — письма: Лере и родным. Приходит Лёшка из гостей, будит Гошку, и начинается обмен впечатлениями о дне минувшем. Например, Гошка с Францевой два часа готовились к гитарным занятиям, выпивая и закусывая. 15 минут осваивали аккорд ми-минор и на этом подготовку закончили.

В это время Вовка привёл к синаевцам Томку, объявил её невестой и напоил Синаева так, что тот побежал на четвереньках к кровати и чуть не забодал калорифер.

Идём с Гошкой в магазин, закупаем коньяка и еды на 10 рублей. Дома всё по-прежнему: Вовка лежит с гитарой и мыть посуду — только держит в уме. Я читаю газету, Гошка с Лёшкой якобы варят кашу. В 13 часов — завтрак аристократов: коньяк с лимоном, колбаса любительская, сыр, овсянка…

В 14 часов захожу к Степанову. Они с Лёней обсуждают задачу, как увезти в Хородочи на свадьбу ребят нашего отряда. Беру свой «Зенит», и мы с Владом идем в рейд КП по общежитиям. В женском — к нам присоединяются: Юра — зам. Тардавского, Аня, Егоров и ещё три женщины. После женского — мужское и киргизское общежития. Обходим и вагончики. Снимаю замёрзшие горки мочи у балков. В 15-м вагончике — пьяные мужики, грязь. В 16-м — разгром, Воробей в отрубе валяется в одежде.

Наш вагон пытаюсь обойти. Но о нём уже знают… Юра выводит на крыльцо Вовку, я хочу его заснять, но плёнка в аппарате закончилась. Вовка удирает и запирает дверь. Я стучу, мол, пусти домой. Он открывает и жутко ругается. Внутри — Светка возлежит с Лёшкой, «готовит» его в баню. Я сажусь

за дневник.

…Я, Олег и Жора — из студийцев — сидим за столом с тремя бутылками «Крепкого красного», собираясь их освоить. Вовка почему-то уходит в 7-й вагон. После первой дозы иду к Лёне с последними плёнками для проявки. Он был занят реактивами и выпивать с нами отказался.

Когда наполнили тару вторично, в дверь протиснулся Райлин с тремя тарелками в одной руке и сумкой, набитой шампанским, — в другой. Оказалось, его помолвка не закончилась. Поднялась неимоверная суета. В спальном отсеке накрываем стол, и — понеслось!

Когда «туман» сгустился, мне удаётся умыкнуть одну бутылку шампанского. Несу её к Лёне, выпиваю с ним в процессе проявки плёнок и ухожу в «особняк».

Смакуем с Людой «Рижский бальзам», и я остаюсь под его чарами у неё до утра.

В воскресенье прихожу в наш балок в полдень. На полу спит Голуб, а рядом перед Вовкой ораторствует Олег. Светка уже выискала мои алкогольные заначки, так что можно было отдохнуть. Ложусь спать, а вечером берусь за дневник.

Заходит Горисов и хвастает книгой Ж. П. Сартра, присланной ему Ливановым — преподавателем МИЭМ. Покончив с дневником, иду к нему в балок, и он даёт почитать рассказы Сартра и показывает карманное Евангелие.

…Придя в «особняк», уже на лестнице услышал, как Мормонов с Владимирским распевают «Перекаты». Поздравляю всех мужчин с праздником и пристраиваюсь за стол. Бутылки из моей посылки — уже на столе. Ароныч ругает «Ударник» на чём свет стоит, а Владимирский защищает отряд, как может.

— Зарежу, съем, перешагну и — с пакетом!.. — несколько раз за вечер возглашает Мормонов в продолжение утреннего спора с Владимирским, который утверждал, что у фильма «Красная палатка» был вариант со съедением человека. Потом Ароныч провоцирует меня.

— Ну, где же ваш спецкор? — говорит он, имея в виду Олега.

— Какой же он наш, если приписан к вашему «Авангарду»? — отвечаю задиристо.

Мормонов принимает мой тон, как должное, и пытается продлить пикировку, но я не поддерживаю, и диалог затухает. Так за разговорами в средней тональности проходит застолье, и к часу ночи все собираются уходить.

Я с Коротич иду провожать Мормоновых. Говорим с Аронычем об армейском обычае не прикуривать втроём от одной спички, ибо снайпер за 3 км мог за это время

прицелиться и попасть. Вспоминал он и о Третьем Гвардейском, в котором служил уже после войны в Германии.

23 февраля, понедельник. На работе продолжаю приделывать трубку к шлангу фильтра. Омаров советует сходить к меднику на автобазу. Медник, пожилой дядя, сразу взялся за работу, правда, отрываясь на многозначительный рассказ о героях вчерашних застолий. Прослушав его отчет, успешно ставлю трубку на место.

После обеда меня посылают вместо Богомолова и Тараканова к Боре Габибуллину чинить кран-ЗИЛ. Затягиваю гайки головки блока сначала с левой, затем — с правой стороны. Возимся с этим до 16 часов. Он радуется, что со мной так вышло.

— Не то, что с «этим», — поясняет он, — который ничего не понимает, а только ключи подавать может…

Дома — удивительная тишина. Решаем с Гошкой отметить День армии, тем более, что он служил. Пьём шампанское с шоколадом и лимоном. Заходит Митя, говорит о стенгазете, о Вознесенском и о празднике 8-е марта. Принимает с нами за армию. Быстро разгоняется и задаёт вопрос с подозрением: нет ли у нас возможности печатать на машинке. Я отвечаю отрицательно, а Гошка подсказывает:

— В комитете же есть машинка…

…С Владом и Лёней выпиваем шампанского за армию и начинаем печатать фото. Сначала делаем снимки с рейда, затем, — вручение рапортов начальнику треста Болковинскому, награждение передовиков, несколько портретов с футбола… В 5 утра я уже не мог сидеть возле увеличителя и завалился на кровать Лёни.

Глава 20

«Ты тупой!». Заезжие артисты. Заплетание чалок. Разночинцы. Мороз и ветер. Бюллетень за травму. «Пришел такой работа». Целевой вклад. Хорошо смеются.

…На работе для начала спрашиваю у главного про кабину, на что получаю типовую отмашку. Продолжаю чинить автокран с Борей.

После работы — зарплата. С девчатами из КП планируем сделать стенд с фотографиями о рейде. Они обещают заняться этим завтра и к 20-ти часам разбегаются: кто в кино, кто на репетицию…

Направляюсь к Людмиле. Она начала перепечатывать книгу Сартра, но застряла на третьей странице: кончилась копирка. Приходит её сестра с дочкой. Я сперва принял её за фотокорра из редакции и обратился к ней с вопросом, почему у меня фотографии низкого качества.

— Это по тому, что ты тупой, — поспешила объяснить Люда.

Я было опешил, но великодушно промолчал.

Выпиваем по рюмке коньяку, заедаем мороженым. К 10 вечера является Олежек. Со свойственной ему простотой пристаёт с вопросами: чья это пишущая машинка, да где я ночевал в воскресенье…

В час ночи идём провожать сестру, и у МК-16 я справляюсь у Коротич о здоровье, не пора ли, мол, домой. До неё доходит, что нам пора спать, и, намекнув Олегу на его джентльменство, — не оставит же он сестру на полдороге, — прощается с ними.

…После хорошего взаимного удовлетворения я почти засыпаю, но у Людмилы много вопросов.

— Что ты за человек такой, о чём ты всё думаешь? Почему ничего хорошего не скажешь? — спрашивает она и сама же отвечает: — Хотя, конечно, лучше молчать, чем врать…

В среду просыпаемся в 5 утра. Люде неймётся, чего-то хочется. Я пытаюсь ей помочь, но кончаю раньше, чем ей хотелось. В отместку получаю тычки, щипки, царапины… Отвечаю затрещиной, но тут же прошу прощения. Чтобы как-то загладить ситуацию, натираю её сухую, тощую спину тигровой мазью. Завтракаю тем, что нахожу, и ухожу в половине восьмого.

На работе главный с Вяковлевым хором объявляют, что нашли мастера по газосварке, и я буду с ним работать. Они выходят, а Боря их догоняет. Через пару минут он возвращается и торжествующе заявляет, что я работаю с ним, а сварщик, — когда ещё будет!..

Для начала мы греемся в кузне, затем, — в бытовке. Наконец, я затягиваю на его кране штуцера, а потом мы берёмся за гак[26]. До обеда его перебираем, переводим тросы, помогаем Холькову завести движок САКа. Несмотря на наше с Вяковлевым участие, сделать это не удалось.

После обеда — хождения из кузни в бытовку и обратно. На ЗИЛе ставлю бензопровод, с помощью лома вставляем на место компрессор, с трудом затягиваем гайки коллектора. До конца работы — у печки, в бытовке.

Дома делаем с Лёшкой семь ходок за водой, и я ухожу по магазинам. Звонок на дверь Людмилы не нахожу, но покупаю ей валенки. У неё дома — никого. Ставлю новую опору и ножку к журнальному столику. Люда приходит и собирает ужин. Однако, я у неё не остаюсь. Ищу Лёню и нахожу его на концерте заезжих артистов.

…У нас в балке — Владимирский, Валя из 7-го вагончика и остальные. Разговор идёт о качестве гастрольного искусства. Я выступаю против халтуры, которую привозят сюда чаще всего. Гошка понимает это, как мой снобизм и выпендрёж.

Диспут прервало появление Степанова, который зовёт меня к себе на шампанское. Его уговаривают принести вино сюда, к нам. За чаем с фигурным печеньем все увлечённо, как дети, угадывают силуэты якобы зверей, расплывшихся при выпекании.

Я незаметно удаляюсь в «спальню» и отрубаюсь до полуночи. Меня будит истошный крик Гошки. Он собрался сушить здесь свои шмотки, а Вова не дает — ни в какую. Гошка даже надел ботинки, чтобы на улице выяснять отношения, но вдруг остыл и улёгся спать. Газ шампанского действует не долго…

В четверг просыпаюсь в 4 утра, но засыпаю над тетрадкой до 7.

На работе ловлю главного.

— Вчера ждал, ждал, а сварщика так и не было, — говорю я. — Кран мы уже собрали…

— Сегодня сварной принесёт штуцер и будет варить. А пока — надо заменить заднюю ось у трейлера, что заваривали у нас…

Меня так и подбросило.

— А чем думали, когда эта ось была снята? — я был — само негодование. — Нельзя было сразу её заменить?

— Да, никто не додумался, — сказал он, посчитал, что негоже признавать себя дураком, и закричал: — И что теперь, ни хера не делать?!

Не торопясь идём с Борей разбирать крепление рессор трейлера. К 11 часам подготовку заканчиваем. Снимаем ручной

тормоз, гайки со стремянок. В кузне в это время главный проводит урок по заплетанию чалок. Я улучаю момент, чтобы напомнить про мой кардан без крестовин. Он посылает меня на улицу: якобы у бытовки валяется кардан от УАЗа в сборе. Ничего хорошего, кроме кардана без крестовин, я не нахожу. Переворачиваем ось трейлера с Борисом без помощи крана и выбиваем два пальца из проушин рессор.

В обеденный перерыв дома ложусь спать и едва не опаздываю на работу.

…Серёжа обтачивает нам забитые витки резьбы на пальцах, мы их быстро ставим на место и до конца дня кемарим у печки.

После работы Зайчик подбрасывает меня до автобазы, к бане. Банщица идёт мне «навстречу» и просвещает насчёт нового расписания:

— Сегодня не ваш день!

Дома берусь за создание громкого будильника. Вожусь до 19 часов, пока не выясняю, что одно реле сломано. В это время Гошка доказывал мне, что тёмному и грязному (но как правило — хорошему) человеку совсем не нужны ни знания о прекрасном, ни чистота, ибо он так привык жить. Пример убийственный — его мать.

Мне всё же удалось убедить его, что не напрасно разночинцы шли в народ, для приближения «светлого будущего». С трудом он признал в себе веру в «нового человека», но не в коммунизм, ибо «сволочи будут всегда». Сомнения насчёт «быть или не быть» зародились в его душе, и он ушел в баню пешком, чтобы обдумать ответ на этот вечный вопрос по дороге.

Приходит Коля-«Рыбников» и выражает удивление по поводу пропажи Горисова: он вторую ночь не ночует дома. Обсудить пропажу Горисова я не успел. Меня отвлекло появление Лёни. Он просит заснять завтра людей на субботнике. Подумав, я соглашаюсь попробовать.

В 20 часов вдруг вспомнил, что надо купить еды. Со скандалом прорываюсь в магазин и хватаю всё, что вижу вблизи. Придя из бани, Гошка обрадовался пенному напитку и открыл бутылку так, что полбутылки шампанского оказалась на его чистой одежде и на полу. Оставшуюся половину допиваем с подошедшим Лёней. Я быстро прибираюсь и собираюсь спать. Но является Митя и заводит речь о стенгазете, о книгах и о прочем. Лишь после его ухода я забираюсь в постель.

…Просыпаюсь около 7:40, когда меня, уходя, будит Лёшка. Успеваю проглотить чай с бутерами. В диспетчерской толпятся мастера и Осемчук. Идёт битва за краны. Вяковлев посылает всех к главному, а его — и след простыл.

Иду в кузню, но меня ловит Вяковлев и направляет в помощь Ледневу и Забойникову долбить ямки для ворот. Эти труженики просят обождать в бытовке. Не успеваю присесть у печки, как является Боря и зовёт меня на новое задание: мы должны взять вёдра у Нади и принести бензин с колонки.

Долго ходим за кладовщицей Надей, которая, как «собака на сене», никому ничего не даёт. В это время Леднев созрел и зовёт меня долбить ямки. Увы, теперь я уже занят на более «интеллектуальной» работе. Дул сильный ветер, и — при морозе под 40° — идти против него 5 минут означало отморозить себе что-нибудь. Не спеша доходим до колонки, накачиваем 4 ведра бензина, не отмечая в путёвке, хотя Омаров и выписал её, и идём обратно. Очевидно, путь назад, по ветру, располагает к откровениям, и Боря начинает свою историю.

Сначала он работал здесь, в СМП, потом в Кудыкте. Разбился в аварии на «Кировце». Выздоровев, поехал учиться на крановщика. После учёбы направили в автобазу на 3 месяца, но проработал — 4. Его кран ушёл в Хородочи, а его уговорили остаться здесь. Бюллетень за сломанную ногу ему не хотят оплачивать, но юрист советует подать в суд, и его якобы сразу оплатят. Сейчас он просится в Хородочи, но его не отпускают, поставили ремонтником с понижением разряда с 6-го на 5-й…

Заливаем бензин в бак ЗИЛа и просим Петра отрегулировать клапана. Он объяснил, что у него нет щупа, и вообще, — он никогда этим не занимался. Обращаюсь к Омарову, и он без разговоров, с энтузиазмом, берётся за дело без всякого щупа и на холодном движке.

…Встретив главного наедине, сцепился с ним по поводу ремонта своего УАЗа.

— Сколько можно? — возмутился я. — Уже два месяца на ремонте!

— Ну, и? Вас же на три месяца поставили, — сказал он, как водой окатил.

…В перерыве закупаю еду и встречаю Лёню. Он предлагает зайти к парторгу и представиться в качестве фотографа. В конторе Воронова не оказалось. Дома перекусываю и ложусь вздремнуть.

На работе, после регулировки клапанов, машина завелась с пол-оборота. Погоняли движок и увидели подтекание масла. Поиск источника отложили на субботу.

…Обхожу балки друзей, но никого не нахожу. Лёни тоже нет на месте. Я забираю из его шкафа «Практику» и отношу к себе.

Перед сном пишу дневник, а Гошка отвлекает меня рассказом о ссоре Виктора с Владимирским. Первый подбивал отказаться

от пилки дров Докторову, а второй утверждал, что им нужна любая работа.

В 22:30 иду к Коротич. Читаю Сартра в ожидании ужина. В полночь забегает Олежек, шедший из «Ударника». Люда суетится, угощает его бутербродами с чаем, а ему только этого и надо. Торчит до 2-х ночи и не думает уходить. Лишь, выйдя с ним «на двор», избавляюсь от гостя.

В этот раз Коротич всё очень понравилось, начиная с прелюдии и кончая апофеозом. Она меня даже не терроризирует: не щиплет, не тыкает кулачком в бока…

В субботу встаю в 7 утра, пью чай и — прямиком в трест. Увы, никого не нахожу. Иду в столовую и встречаю Степанова. Подошел и Виктор.

— Ты, Гена, кончай свои блядки! — сказал он радостно, будто следил за мной. — Чтобы третьего марта был готов, — намекнул он на предстоящее омовение в проруби.

— Да я вчера вас искал целый вечер. А вы всё гуляете, — ответил я миролюбиво.

На следующий день в 8 часов был в бытовке. Главный первый выложил деньги на сабантуй по поводу завершения рабочей субботы, назначенный им же на 15 часов. Борис зовёт меня заводить его ЗИЛ. Немного греем поддон факелом. Я кручу заводилку, и с третьей попытки движок заводится. Отгоняем машину к бытовке, заливаем в радиатор холодную воду. Замечаем, что движок греется. Боря, испугавшись, зовёт Омарова.

— Ничего страшного, — успокоил тот. — Радиатор прихватило. Грейте его, оттаивайте.

Иду искать паяльную лампу, но Омаров предупреждает, что лампой греть опасно. Сливаем кипяток из блока, поливаем им радиатор, и он сразу оттаивает. Нагреваем в горне воды почти до кипения, заливаем в движок, заводим его и едем на заправку. Закачиваем 150 литров бензина. Масло так и течёт из-под крышек клапанов.

— Вчера был в бане, — говорю я, затягивая болты на крышках клапанов, — а сегодня опять весь в масле.

Реакция Бори неожиданна.

— Послушай, — пробурчал он. — Если пришёл такой работа, значит, работай или ищи другой! Тебе, наверное, отец говорил учиться, а ты приехал сюда!..

Попутно он берётся протягивать и головку блока на моём УАЗе, хотя я предупреждал, что уже протянул все болты. На третьем болту сгоряча ломает мой торцевой ключ и успокаивается.

При этом Вяковлев стоит над душой.

— Скорее делайте, — торопит он. — Мне нужно съездить в мехколонну…

Полагаю, там для него тоже накрыт стол…

…На ЗИЛе все болты были затянуты, но искра прошивала провод на пятом цилиндре. Боря никак не мог нацепить контакт нового провода на свечу, и я, сделав это за десять секунд, легонько «утираю» ему нос. После пуска движка, не видим зарядки аккумулятора. Лезу под капот и нахожу вынутый разъём реле-регулятора… Наконец, они уезжают, а я иду на заслуженный отдых в кузню.

Здесь Матёрый набрасывается на всех входящих.

— Ага, с обеда идёте! — злорадствует он. — А приказ был работать до 15 часов без обеда…

— Только что отправил ЗИЛ с Вяковлевым в мехколонну… — успокаиваю его.

То ли по ассоциации с его манерой лаять, то ли кто увидел собак за дверью, — речь вдруг пошла о собаках. Тут Костя сел на своего конька и доказал, что он в собаководстве «собаку съел». Все его байки мне не даёт прослушать вернувшийся Боря. Он уговаривает меня съездить на кране к столовой.

За обедом я рассказываю ему про поездку в Чехословакию. Выхожу из столовой, — а на встречу Серёгин.

— Вижу, кран теперь работает? — радуется он. — Значит, в ЖКО небольшой праздник! А ты, Гена, всё на ремонте?

— Ага, пошёл на «повышение».

Ставим кран в ОГМ на место, сливаем воду. Трос на гаке оказывается в «кривом» положении, и Боря предлагает разобрать ось стопора, чтобы его выправить. Я беру лом и, поддев трос, ставлю его правильно. В процессе моих манипуляций Боря делится новостью: Вяковлев уговорил его (за плату?) съездить завтра на кране в Нелер (200 км страшной дороги) за его дочерью. Я не мог не поиздеваться по этому поводу.

— Хочешь проявить героизм с риском для жизни? — заметил я. — Ну-ну, старайся. Родина тебя не забудет…

Сидя у печки в кузне Боря начинает выяснять, кто подписан на целевой вклад на «Жигули».

— Сам-то я здесь торчу только из-за машины. Но даже жена об этом не знает! — признается он.

Только сейчас я узнал о существовании целевого вклада. Но мне он не «светит».

В 15 часов почти все разбрелись и собрались лишь к 16-ти. Не дождавшись главного, выпиваем по 50 г водки, и я ухожу.

Дома умываюсь с головы до ног и заваливаюсь спать. Просыпаюсь в 9 вечера. Гошка с Вовкой стирают, а Лёшку увели

на чью-то свадьбу.

Отношу «Практику» на место. Влада мучает жуткий кашель, очевидно, он простужен. Но не видно, чтобы он как-то лечился…

Ребята стирку закончили и предлагают отметить это «пробой» коньяка. Я замачиваю свои вещи и присоединяюсь к застолью. К Вовке заходит невеста — Миленкова, я ухожу в «спальню» и ложусь на кровать.

После ухода гостей прибираюсь, стираю штаны, свитер, который весь расползся. Гошка делится своим открытием: «Она его (Вову) совсем не любит». И откуда он всё знает?

В воскресенье с часу до пяти утра описываю 25-е, 26-е, 27-е февраля. В 12 часов приходит Лёшка с усатым дружком и бутылкой коньяку. Я участвовать в их компании был не готов. Через час пришёл шумный Синаев, а его энтузиазму я противостоять не мог. Друзья хорошо смеются, вспоминая вчерашнюю свадьбу: кто приставал к Томке (жене Морейко), кто (Боткин) кому (Красуне) дал в глаз и исчез, как дед жениха гонялся за Синаевым…

После пары тостов вспомнили о пирамидах Хеопса и Хефрена, о фотоаппарате, который у Синаева «украли» в Египте, и, как сейчас вспомнилось, о его продаже за 30 долларов, отсняв перед тем 5 пленок слайдов.

Они уходят, а я достирываю бельё и пишу дневник, заполняя по памяти пробелы 18—28 января. Гошка с Вовкой работают на котловане будущей водопропускной трубы.

Захожу в балок к Степанову, прошу Владимирского поставить «Кругозор» с записями Кренстона («Паяцы») и других. Обсуждаем голоса певцов, попивая шампанское. Мне вручают гитару и…

Заходит Степанов, больной и усталый. Все суетятся, чтобы его устроить, а я пою свою свежую — про шофёров Северной трассы:

Здесь рассветы окутаны дымками,
Звезды бледные в небо уплыли.
По АЯМу бредут невидимками
Многотонные автомобили…

Их ведут осторожные люди,
Лица их напряженно-спокойны…
Что там, что там за сопкою будет,
За туманом, за бликом оконным?..

Особого восторга песня не вызывает. К тому же приходит Вовка (с бутылкой водки) и ругает меня, на чем свет стоит,

за выпитую сегодня днём заначку. Кое-как оправдываюсь визитом Синаева…

Дома Гоша меня спрашивает:

— Что бы это значило? Валя меня звала к себе в 7-й вагон на пьянку. Это знак?

— Ну, да. Возможно, — подтверждаю я, не вникая.

— Знак, но скорее восклицательный: «Внимание, осторожно!», — отвечает он себе.

— Ну, тогда правильно, что не пошёл.

— Да уж, хрен с ней, с Валей… — согласился он, окончательно успокаиваясь.

Только я сел за письма, как опять появился Синаев и поделился радостью:

— Я два дня уламывал Наташу из 61-го балка, и вот, наконец, свершилось! Да, это было! До чего ж она хороша в постели! На такой надо жениться. Может, женюсь…

Долго слушаем разглагольствования Синаева, пока Гоша не встрепенулся.

— Замотал ведь всех! Отдохни… — осадил он болтуна.

— А, ты приходи ко мне в полночь — заполночь, пей чай, но сахар не трогай, — сказал Синаев и раскланялся.

Глава 21

В суд не подавать. Поэт-кочегар. Финская куртка. Подъёмные краны. Фото скрытой камерой. Подарочный альбом. Электробудильник. В ночном.

1 марта. Утром на работе меня долго никто не вспоминает. Помогаю завести автокран: грею воду и поддон двигателя, а основную работу делает Витя Чекурин. Одной рукой он проворачивает несколько раз заводилку, и мотор ЗИЛа заводится. Долго слоняюсь без дела.

Ухожу через автобазу на сопку за багульником. На обратном пути натыкаюсь на Осемчука, но загораживаюсь букетом из багульника. Наблюдаю, как Боря, «насилуя» кран, поднимает на пилораме огромную пачку досок.

В бытовке главный отчитывает тихого Мишу «из колхоза»: вчера он ездил в нетрезвом состоянии на своем «Кировце». Главный с Забойниковым поймали его у остановки автобуса. Вызвали на скандал. Тогда Миша был не один, и поэтому чувствовал себя сильным. Позже главный нашёл Мишу с друзьями уже в ОГМ. На приставания Забойникова Миша ответил ему оплеухой, тот — ему. Главному в этой сцене досталась пощечина. Ну, и обоим друзьям Миши досталось не меньше.

— Вот сейчас пусть коллектив решает, подавать на него в суд или нет, — сказал главный механик.

Собравшиеся долго судачили, пока в бытовке не осталась тройка энтузиастов. Она-то и решила: не подавать.

…Получаю задание от Омарова заняться воротами.

— Чтобы к вечеру ворота стояли! — сказал Саша строго.

Когда он же показывал мне, как завязывать петлю на тросе, кузнец Жук ни с того ни с сего кивнул на меня и закричал, брызжа слюной:

— Этот — бл…, му… ла даже трос завязать не может!

Тем не менее, моим тросом мы с Лёхой Гасиловым прицепили к «Беларуси» две трубы у «финских» мастерских и притащили их к воротам.

Выпив в обед чая, пытаюсь соснуть. Но явился Егоров и сообщил:

— Ты должен быть освобождён от работы для проведения рейда по санитарии. Алина сказала, что приказ уже напечатан, и его должен лишь подписать начальник. Приходи завтра до 8 часов, Серёгин будет на месте и подпишет.

…В ОГМ Хорьков с нашей помощью отрезает сваркой от листа 10 мм железа два куска 150х100 см для опор ворот.

— Что делать дальше? — пристаю я к главному: — Сварки на улице нет, а сваренная в кузне конструкция в дверь не пройдет.

— Как так? Всё можно сделать, всё сделаем, возьмём краном…

Греясь в бытовке, упрашиваю Гасилова христа ради подтащить железо к трубам. Причём, сам укладываю один тяжеленный лист на другой. Указываю главному на плохое качество ям, их постоянно засыпают колесами проезжающие рядом машины. Он даёт распоряжение почистить их лопатами, чтобы завтра с утра начать установку ворот. Надо бы закрыть ямы большими листами железа, да только таких листов я не нашёл и предложил накрыть их бетонными конусами. Но крана для их установки не было…

Дома таскаем с Лёшкой воду в бочку, сбрасываем снег с крыши и засыпаем им грязь у вагона. Пока Гоша ходил за коньяком и поражался умению продавщицы Ларисы отрезать ровные веса сыра и колбасы, появился Митя.

— Что пишешь? Где магнитофон? Не дашь ли мне его на вечер? — заунывно спрашивал он…

За ужином с коньяком Гошка рассказал, как они вкалывали на трубе и смонтировали 15 бетонных «колец». С главным инженером и прорабом соревновались в сгибании монтажных петель ударами кувалды: он — за 14 ударов, главный — за 17.

После ужина начинаю писать поздравительные открытки своим женщинам. Но приходит Тимошин Олег и представляет нам Наземкина — начинающего поэта из Ларги, — работающего, как и положено начинающим, — кочегаром. Олег расспрашивает поэта, как его обворовал сосед по комнате, и уходит, оставив его на ночёвку. Тот долго рассказывает, как он с коллегой Нальковым готовил выступление своей агитбригады к конкурсу… Разговоры утихли только после Лёшкиного окрика, и я принялся сочинять поздравления…

…Утром в 7 часов беру открытки и бегу на автобус, а он не торопится. Только, когда пришла кассирша «Аэрофлота» и дала добро, мы трогаемся. На почте обегаю все двери, — никого нигде нет. Сую открытки в почтовый ящик. Обратно — на попутном «Магирусе» — до развилки. В столовой занимаю очередь и иду в отдел кадров.

— Составил приказ вчера и отдал его Алине, — «порадовал» Серёгин. — Зайди в 9, когда она придёт.

— Да? Ну, тогда мне надо идти на работу, — сказал я и подумал, как у них всё «согласовано»!

…В кузнице главный рассказывает, как ночью поймали

машину за забором, причем вор с запчастями удрал.

— Пишите, ребята, кому чего не хватает, — предлагает он. — Сколько нужно магнето?..

Боря просит написать про стартёр для ЗИЛа и про стёкла на габаритные огни. Я напоминаю о своей машине:

— Можно написать про крестовины?

— Нет, этого нельзя, — отрезал начальник…

Получаю от него задание помочь Коле, а после обеда — браться за кабину.

С Колей мы быстро поставили амортизатор, я собрался идти в отдел кадров, но призадумался. На ту беду прибежал Омаров.

— Ты чего не делаешь кабину? — набросился он.

— Так послали же к Коле! Закончу с ним, тогда займусь кабиной…

Главный даёт нам в помощь сварщика Витю Авдеева. С ним мы ворочаем кабину.

— Нам не нужны никакие жестянщики, — твердит Вяковлев. — Тут все просто: варите понемногу…

До обеда сварили два шва.

Обедал дома Лёшкиной консервированной колбасой. Пытался вздремнуть, но Гоша предложил чай с шоколадным маслом, и я не устоял. Вовка, ожидая появления на прилавке финской куртки, ещё не вернулся из магазина.

На работе Витя кое-что варит, входит во вкус, но ему, как и мне, многое не понятно. В 15 часов он откладывает горелку.

— Варить неохота, — бросил он. — Пойду за брезентовым костюмом. Продолжим в 16 часов!

Я решил сходить в «особняк» к Люде, но, не дозвонившись ей в редакцию, возвратился к кабине. Попробовал заваривать трещины в тонком железе сам, но лишь прожёг дырку. Получаю потом выговор от сварного:

— Сгорит горелка, и не заметишь! А стОит она!..

Работаем до 16:45, и я ухожу домой.

Райлин приходит в новой куртке, но озабочен проблемой: ему предстоит объяснить Степанову, как он из-за куртки прогулял работу. Вожусь с подарком от женщин ОГМ — электробритвой, делаю тонкую отвертку, чтобы разобрать и посмотреть, почему из подарка идёт дымок. Лёшка кормит меня яичницей с колбасой. Просит вписать в его удостоверение стропальщика «четвёртый разряд». Гошка ложится отдохнуть перед репетицией…

Светка не пускает Лёшку к Вале Селивановой на свадьбу, и он уходит со скандалом. Нонка Половинко пьёт у нас чай и поручает Светке узнать о «вторых подъёмных». Рассказывает мне о своей маме. Она у неё кондуктор в троллейбусе, «то есть — контролёр».

А брат её — громила, — выше и толще Синаева. За драку сел в колонию.

В 8 вечера заходит Вова за гитарой.

— Почему не в клубе? — спрашивает наигранно строго.

— Я болею. У меня продолжается насморк с левой стороны.

— Я тоже болею, но кто поверит?..

В 21 час заходит Синаев и спрашивает для порядка, где Лёшка.

— Он на свадьбе Валечки… — сообщаю я.

— Ну, тогда я у вас хоть газетки почитаю, а то моя пи*да ничего не приносит.

С этого момента я пытаюсь заснуть. Но несколько раз забегает Виктор, нервничает, спрашивает каждый раз, как жизнь, кто чем занят. Наконец, забирает ведро воды и уходит.

В полночь — я у Адонина в предвкушении печати. Он, как всегда, тянет «резину». В первом часу печатает снимки передовиков для Красной площади, потом — тренировку Виктора в проруби.

Степанов, видя мои страдания, угощает свежим чаем. Наконец, сажусь печатать и я.

— Только 5—10 снимков, не больше, — просит Лёня.

Меня тошнит и мучает странная одышка. Что за чай мы пили? Влад тоже не может заснуть целый час, просит разбудить его в 3 часа.

…Печатая фото, я высказал идею о создании фотолетописи отряда. Лёня только поиздевался над этой идеей… К пяти утра мы отглянцевали все снимки, и я ушёл спать.

В среду 3-го на работе меня опять не замечают. Идёт маленький скандал на высоком уровне. Осимчук и Сученко считают, что подъёмные краны распределили неправильно.

— Как написали разнарядку, так я их и отдал, — говорит главный механик.

— Сейчас поедем по объектам, — заявляет главный инженер. — Где кран простаивает, там и заберём.

Шелков выскакивает из бытовки обиженный и — к главному механику:

— Ну, давайте, давайте мне ЗИЛ, раз К-161 занят. Давайте всё, что вам не нужно!

…Я слоняюсь по двору. Омаров излагает план:

— Сейчас Чекурин должен отрезать бензорезом лист железа, чтобы сварить расширительный бак для отопления дома Сученко, а потом займется кабиной.

Однако, сначала Чекурин заводит с Удяковым САК, потом меняет на нём аккумулятор до 10 часов. В 10 исчезает, как

оказалось, — за пропановой горелкой. Появляется в 11 часов. Я с Витьком рихтую кабину, но Чекурин посылает меня за метром в слесарку. Пети в слесарке не нахожу и присоединяюсь к слушателям смрадных анекдотов.

Собрались: экскаваторщик, усатый и Костя Матёрый. Костя откровенничает о том, как однажды упросил соседку отдаться, посулив ей пять рублей, но использовав её в меру своей похоти, так и не расплатился. Толик — о своём друге, который в школьные годы жил у учительницы и соблазнил её. Костя добавил анекдот о муже, который любил помогать тёще…

Метр мне никто не даёт, и Омаров выпрашивает у Жука линейку вместо метра с условием, чтобы я тут же её вернул. Начинаю размерять железо. Когда спрашиваю у Чекурина, сколько нужно добавить на шов, выясняется, что в записке накарябаны другие размеры. Черчу камнем на железе контур, а Авдеев пробивает его зубилом. Наконец Чекурин начинает резать железо, но что-то у него не получается, и до обеда он так ничего и не сделал.

Дома Лёшка пичкает меня глазуньей с жареной колбасой, но я отказываюсь, будто есть не хочу.

С обеда я опаздываю на 20 минут, так как обрезал фотографии и заряжал в аппарат плёнку. Снимаю в ОГМ всех подряд для сборной виньетки к восьмому марта. Старался снимать незаметно, но бульдозерист-балаболка всё же увидел.

— Ах ты, композитор, — поддел он. — Да у меня таких фотографов полный вагон!

Многих удаётся снять незаметно, но больше в профиль. При этом успеваю возиться с кабиной. Приходят оба главных.

— До сих пор железо для бака не разрезано?! — удивляется главный инженер. — У меня же дома сейчас сварщики работают и ждут!

— Ну, что я могу сделать? Не режет горелка и всё, — бормочет Чекурин.

— Скажи, что не хочешь. Давно бы уже сходил в РПБ на гильотину.

— А что, я знаю там кого-то что ли?..

Начальники уходят в РПБ договариваться о кройке железа. Мы варим в кабине все мелкие швы по указанию Вяковлева.

— Жестянщиком тут быть не обязательно, — уверяет он. — Нужно варить и варить вокруг, собирать все осколки, постепенно всё само встанет на свои места…

…Пробежал в центре по магазинам в поисках альбома для фотографий к дню рождения Виктора. В книжном магазине альбомы слишком большие. В «Пионере» нет никакой выставки

книг и картин. Иду злой обратно в книжный. Покупаю большущий альбом…

…В 19:30 ко мне заходит уже весёлый Адонин. Клеим с ним в альбом фотографии и подписываем их с претензией на юмор. Лёня расходится, делает шаржи и напоследок — подпись к фото Катерины с автографом. К 8 вечера всё было готово.

В 20:30 захожу к Виктору, поздравляю с днём рождения и вручаю фотоальбом. Он наливает штрафную коньяка. Все смотрят альбом и расписываются на первой странице. Аничкин был уже хорош. Он и до этого был на взводе: Иосиф и Алина объявили ему презрение, когда он назвал чушью агитку, которую они готовят к восьмому марта, и отказался заниматься в студии.

Меня кормят, поят, но в 10 вечера становится скучно, и я ухожу спать. Не обошлось и без драчки. Отличились Копель и Владимирский.

На следующий день Гоша встаёт с больной головой и обещает всем «больным» дать опохмелиться из собственных запасов. Выпиваем по рюмке коньяку и идём в столовую. На разводку на работе опаздываю. Идём с Витьком к своему сварщику. До девяти курим.

— Пока начальство суетится, надо отдыхать, — рассуждает Чекурин. — Когда придёт сюда, надо работать.

Помогаю парням заваривать кабину. Витя рихтует, Чекурин варит.

Иду искать Половатюка, но у кузни встречаю Омарова, который тоже его ищет.

— Ну, как дела? — спрашивает.

— Хреново.

— Что так?

— Да, не специалисты мы.

— Ну, и что? Есть руки, ноги, голова. Делай, пробуй, учись. У нас ведь нет жестянщика. Вот и осваивай это дело. Это же первая твоя кабина?

— Да, других пока ещё не было.

— Вот, и ещё будут, — уверяет он, полагая, что на большее мне нечего рассчитывать.

До обеда возимся с кабиной с короткими перекурами. На обед — чай с салом. 10 минут — на дневник. Остальное время — зарядка плёнки в фотоаппарат.

Во второй половине дня Омаров окликнул:

— Пойдёмте в бокс, там упало что-то, надо поднять.

— Аппарат только заправили карбидом! — отказывается Витя.

— Ну, смотри! Сам на премию «напрашиваешься». Сделали

мы так уже одному. Два раза отказался выполнить поручение… — постращал Омаров, и Витёк поплелся за нами.

В боксе с кронштейнов свалилась труба с радиатором. Засовываем её обратно.

Дома берусь за конструирование электробудильника. Все с нетерпением ждут его пуск. Каждому даю послушать его работу. Тут же Гоша «насилует» меня с песней «Неистов и упрям».

В 9 вечера захожу в балок бригады Степанова. Лёня собрался проявлять плёнку, и я захотел к нему присоединиться. Влад попросил меня об одном деликатном деле.

— Передай записку Люде для Инны, чтобы она знала, — завтра на свадьбу я точно не приду, — прояснил он содержание записки.

Понятно, производство превыше всего… Или… он придёт в другое место?..

Пока Лёня разводил проявитель, у нас в балке Матюшин, Винету вместе со мной ели, как звери, мели всё, что принесла Светка.

В 23 часа Лёня, наконец, залил проявитель в мой бачок и через полчаса выдал мне плёнку. Приходит Вовка, и Степанов отправляет его в ночное на Турьян для разогрева битума. Сегодня у них был первый день изолировки трубы. В полночь промываю плёнку «ОГМ» и пишу дневник: 2-е, 3-е, 4-е марта до 2-х ночи.

Глава 22

Репетиция женского праздника. Час для разговора. Мимо собрания. Юбилей бугра. Футбол на снегу. Свадьба в ДРСУ. Жареные рябчики. Чеканка по меди. В леднике.

После ночной печати Адонин спит и в редакцию «Авангарда» не торопится. У меня на работе главный куда-то уезжает. Вяковлеву и Омарову — не до нас. Чекурин заводил свой агрегат с 9-ти до 10 часов.

В бытовку зашёл Омаров. Я дремал на скамейке, лёжа на спине, Витёк — в «космическом» кресле.

— Почему не варите кабину? — спросил механик, но ответа не дождался, а быстро заговорил. — Кто принёс сюда кислородный баллон? Вы знаете, что от соприкосновения с маслом он жахнет?!

Мне стало не по себе: один машинист принёс для сварки трубу от гидравлики, и масло из неё как раз попало на баллон. Вытащив баллон на улицу, я занялся обустройством своего железного шкафчика для одежды: изготовлением дверки, заготовкой петель для замка.

На обеденном перерыве читаю рассказ Сюзен Хилл «Немного музыки и танцев». Появился Гоша.

— Заходил ли Вова? — спросил он.

— Я его не видел.

— Весь битум, что он топил ночью, сгорел. В бочке, на боку, была деревянная пробка, она сгорела и выпустила весь битум. Причём, Степанов видел эту пробку, но не додумался, что Вовка может так кочегарить…

На работе делаю полки из ДСП для своего шкафа. Врезаю петли, вешаю замок. С 15:30 в кузнице воцарилось тягостное ожидание предстоящего события. Половатюк рассказывает, кому из женщин — какой подарок… «Именинницы» же приглашают нас к столу только в 17 часов.

…Мужики стояли и сидели за столом в два ряда, питьё и еду передавали через головы. Смотреть на это было смешно, и я, приняв рюмку водки, направился в ближайшую баню, на автобазу. Передо мной шёл мужик, тыркнулся в дверь, но она конечно, была заперта. Странно было бы сегодня увидеть её открытой…

У «свердловского» магазина спрашиваю кого-то о бане. Говорят, сегодня — женская. Решил дождаться дежурную у бани, вдруг впустит меня на 20 минут. Подъехала водовозка, и я попытался действовать через водилу.

— Поговори с теткой, шеф, — начал я. — Ну, очень хочу

помыться!

— Ага, таких, как ты, много, — проворчал он. — Она две смены работать не будет. Вот была бы тут твоя жинка, ты бы ей тоже не разрешил работать за бесплатно…

Я был злой до чёрта, в хмельной голове громоздились планы борьбы с баней. В таком настроении дошёл до городской бани. Горячей воды не было, но, всё же, меня пустили под еле тёплую. Злость моя усилилась до предела, однако, прохладная вода помогла успокоиться.

На обратном пути зашёл в «особняк» в отсутствие хозяйки. Выпил глоток оставшегося бальзама и решил вздремнуть. Только я прибрался, зашёл Степанов и попросил поесть. Ставим самовар, жарим колбасу. Зашла и Инна, как раз тогда, когда у большого заварного чайника отвалилось дно…

Она была не в духе. Нервно похохатывая, отчитала меня за пропажу какой-то книги. Сказала, что сбежала от пьяных мужиков из «Мосгипро», где, правда, были и нормальные люди…

— А не знаете, где Людмила? — спросил я.

— Не знаю, — сказала Инна рассеянно. — У родных наверно.

Появление Инны в качестве «беженки» выглядело весьма естественно. Даже, когда Влад попросил меня на кухне оставить их на часик для разговора, я ничего «такого» не подумал.

Сходил к старому дому Коротич, но там Люды не было. Придя к Мормоновым, совсем не удивился, застав её там. Дальше вопроса, почему же она не дома, я не пошёл… Пили давно, поэтому многие были уже в кондиции. Танцевали на гвоздях, вылезших из пола. Владимирский чинил сапог Люде. Ароныч пытал Люду, прижав к стене:

— Где Инна? Хотя, можешь не говорить, я знаю…

Имел ли он ввиду её бегство в Новолендинский или в комнату Люды, — не известно. Около часа ночи пришла Инна. К тому времени Ароныч, танцуя с Людой, заваливался на пол вверх ногами…

По дороге домой у Люды началась истерика. Проскальзывали слова: «уходи», «гад» и даже крепче… Только после сумасшедшего акта она успокоилась и вскоре заснула.

…Лишь утром я сообразил, где вчера я должен был найти Люду… Проснувшись, она начала перебранку, посыпались упрёки и намёки на мою несостоятельность. Не поверила, что нас заставили сегодня, в субботу, выйти на работу…

Дома в 7:45 все спали. В вагоне Степанова — тишина. У них нет работы, не дают бетон.

В ОГМ, в бытовке, — Лешников, мужики с «Кировцев» и крановые чего-то ждут. Понимаю, что на этом мой рабочий день

закончился.

Дома ложусь спать, но ребята не дают: начинают ходить взад-вперёд. Приходит Синаев с Глыбой, зовут Лёшку на охоту.

В 12 часов захожу к Степанову. В их балке — Танька Жарина, Матюшин и Лёня. На торжественное собрание, посвященное 8 Марта, никто с фотоаппаратом не пошел. Ароныч, придя с него, поставил Лёне на вид, будто какой начальник. Я что-то пою, Татьяна подпевает и неплохо…

Дома пишу дневник. Жду до 16 часов, когда обещали дать свет. Глажу брюки и остальные вещи. Заходит Выгорнов с двумя бутылками «Варны» и начинает отмечать свое 30-летие, которое случится только послезавтра.

В 17:30 еду в «рыгаловку», где проходит свадьба девушки из нашего отряда. Свадьба идёт тихо и по плану. Тамара большая и Тоня сажают меня с училкой Альбиной Дерак. Говорим с ней о шефстве нашего отряда над школой №2. Она передаёт привет Серёже Горчакову и просит, чтобы он навещал.

Много пили и плясали. Играл ансамбль клуба ДСРУ. К полуночи пришёл автобус за новобрачными и гостями. Выхожу на улицу и… попадаю на Коротич, будто она меня поджидала… Мирно идём к ней домой и вскоре ложимся спать.

…В воскресенье, проснувшись в 10 часов, вяло выясняем отношения. Оказывается, я никуда не гожусь: пошляк, циник, мерзавец и тому подобное. После одного обоюдосладкого окончания я становлюсь немного лучше, но, всё равно, меня «уже надо менять, расставаться насовсем».

На прощание прошу чего-нибудь поесть. В 11 часов, позавтракав, еду домой. Все ребята собираются на футбол. Команда противников не появляется, и наши играют не поймёшь с кем. Придя домой, занялся принесённым с сопки багульником. По совету Лены Протановой, чтобы он быстрее зацвёл, использую кипяток и марганцовку.

Гошка снова уходит на заснеженный стадион. Оказывается, противники явились. Немного погодя, и я иду смотреть игру. Гошкина сборная проигрывает 0:1. Он старается и отыгрывает один гол. Приходит ещё одна команда из бригады Сенякова. Игра затягивается, и я ухожу.

Дома злой Гошка ищет свои 10 рублей, всё летит вверх дном. Вчера он напился с Выгорновым и куда-то их засунул. Я переставляю цветы на стол, подальше от его шмона. Собираюсь делать лампу в подарок Люде. От станочной лампы с трудом отдираю краску, смываю масло.

Собираюсь на свадьбу в посёлок ДСРУ. На рейсовый автобус опаздываю и долго жду на стрелке попутку. Не дождавшись,

решаю добираться пешком через мост.

После моста меня — пижона с ветками багульника в руке — потянуло пройтись по рельсу, ибо по шпалам идти было неудобно. С подошвы правого ботинка снег стер, а с левого — не успел. Наступив им на рельс, тут же сел, «выбрав» самое замасленное место на нём.

…Легко нашёл улицу Янкутскую, 29. Войдя в ворота, наткнулся на Коротич, которая шла с кормом для «злой моськи». В доме все бегали, суетились и внимания на меня не обратили. Всё же некоторые вглядывались с удивлением: что-то такое знакомое, но откуда? Меня просят выпить «штрафную» — полный фужер водки, что я делаю совершенно естественно и без шума.

Потом — танцы в тесноте, фотографирование и болтовня. Хозяева приглашают всех в клуб ДСРУ-1. На территорию ДРСУ пускают не всех, но нас подвозят двое парней на «Москвиче». По дороге мы орали песни, но замолкли, когда чуть не наехали на двоих совершенно нетрезвых солдат стройбата. Попадаем на конец концерта художественной самодеятельности. На сцене тот же ансамбль, что вчера играл на свадьбе в «рыгаловке», выдавал те же вымученные пьесы.

От жениха, Антона, узнаю, что в ДСРУ работают 300 человек. Из них 80 женщин — рабочие, мужики — всё больше механизаторы и высокоразрядные рабочие. В перерыве меж танцами жених угощает сухим вином и яблоками. К этому подключается директор ДСРУ Шульц — любитель поболтать и выпить. Случайно замечаю, что молния на брюках у меня не работает, и вообще вид ужасный. В 21 час иду домой в одиночестве. Коротич ушла с Островцевой ещё раньше.

Прибыв домой, крашу рамку для фотографий и ложусь спать. В 1:30 меня поднимает пьяный ор Вовы, который поносит всех, а особенно достаётся мне и Лёне.

Ухожу к Степанову. Влад читает детектив, даже при красном фонаре, когда мы с Лёней печатали. Делаем несколько снимков для «Рабочего Авангарда», а потом — пару снимков мне.

8 марта Степанов читает до 7 утра, пока не заканчивает всю книгу. Продолжаю печатать до восьми часов. Глянцеватель не нашёл и решил лечь спать. В 13 часов зашёл к Лёне. Он только что включил глянцеватель. После него я отглянцевал почти все свои отпечатки и пошёл в магазин за шампанским.

В 14 часов поздравил Алину с Восьмым марта, подарил ей почти расцветший багульник и семь фотографий. В 16 часов, выпив с друзьями шампанского, беру весь багульник, фотографии и еду к Мормоновым. У редакции встретил Олега, Соколова из «Мосгипро» с подругой. Зашли в «Юбилейный», но выпивки

не обнаружили.

Степанов покупал сладости для молодой матери с Кудыкты и ушёл навестить её в роддом. Мы с Коротич пришли к Мормоновым, открыли дом, расположились, скинулись с Олегом, и я собрался на поиски спиртного. Пришли Владимирский, Адонин, Степанов, но никто идти со мной на добычу вредных напитков не захотел. Зайдя в магазин у «Строймеханизации» и ничего не купив, предложил друзьям свою бутылку шампанского…

Хозяев не было, стало скучно, и мы с Людмилой ушли к ней. Посмотрели «Кабачок 13 стульев», и я уговорил её вернуться к Мормоновым. Хозяева только что пришли и начали жарить рябчиков. Пока они жарились, мы с Лёней обыграли в карты Соколова с Людой.

За столом царило веселье, хотя птица не удалась. Поём песни. Лёня с Аронычем талдычат всё больше о фотографии. Расползаемся заполночь в разные стороны. Мы идём домой к Людмиле… Читаем с ней газеты, она мажет мне спину горчицей вместо горчичников. Засыпаем под утро…

Во вторник у ворот ОГМ свирепствовало ГАИ. Чекурин приходит к 8:30 едва живой. От нечего делать берусь за подарочную лампу. На медном листе — будущем плафоне — чеканю беспорядочно её инициалы в большом количестве.

В 11 часов отпросился к врачу. Гаршина послушала мои лёгкие и сказала, что в них ничего не слышно. Рекомендовала греться.

Придя на работу, получаю задание: сделать прицепное устройство к саням для перевозки льда. Понимая, что для этой работы, кроме меня, надо задействовать и сварщика, продолжаю заниматься своей поделкой: устанавливаю патрон в плафон. Вдруг у Омара щелкнул «поворотник», и он направляет меня в помощь Ивану на ремонт «РАФа».

Ставим прокладку на выходной коллектор. Лежим под машиной, снимаем рулевые тяги… Едва дотянул до конца смены: с желудком совсем плохо. Дома сразу лёг болеть.

В 19 часов явилась масса народу: пьяный Выгорнов, Синаев, Глыба… Слушаю пустую болтовню Вовы.

— К свадьбе я отношусь творчески, — куражился он. — Задумал было жениться, а потом передумал…

Ищу выключатель для лампы, пишу дневник почти до двух часов ночи.

…Утром нас будит грохот электробудильника — мощный пожарный звонок, подключённый к будильнику через реле. Мошкин его выключает и спит дальше…

На выходе из столовой меня догоняет Влад и просит приварить ручку к мастерку. Я, конечно, соглашаюсь, но не знаю, когда удастся упросить газосварщика.

…Подхожу к бытовке, а из неё вываливает народ, как дым из трубы. Вяковлев всех выгоняет, и мы идём в кузницу, ибо на улице —32°.

Спрашиваю у Омарова:

— Заниматься своей кабиной или помогать Ивану разбирать рулевые тяги?

— Иди на бульдозер к Алексею Сирицыну. Срочно, — говорит он.

Я понимаю, что особой срочности нет, поэтому иду мастерить свой плафон. Чекурин объясняет, что для сварки медного листа нужна латунная проволока и нашатырь. Значит, придётся крепить плафон к лампе на винтах…

Всё же, сначала помогаю Сирицыну. Отворачиваю гайки крепления катков рычагом из длинной трубы. В работе участвуют Леднев и сам Алексей, потерявший недавно свою шикарную куртку (шотландку) во время могучего загула. До обеда сижу в бытовке, слушаю рассказ зашедшего за болтами Синаева, о том, как он отвоевал в магазине последний радиоприёмник.

…После обеда Омаров отводит нас на ледник запускать насос. Видимо, лёд продолжают заливать водой, увеличивая его объем. Очистили один насос, только взялись за второй — Омаров посылает меня на помощь бульдозеристу Ткаченкову.

Ткаченков направляет меня снять с «какого-нибудь» прицепа подшипник. Омаров находит прицеп, дает ключ 50х55. Я достаю подшипник и несу его Коле. Но он заявляет, что ему нужна ещё обойма подшипника. До 17 часов — безуспешные попытки снять ступицу. С помощью Чекурина удаётся вывесить мост, но сбить ступицу мы смогли лишь с Ледневым, колотя двумя кувалдами. Когда выбили, наконец, обойму подошёл Ткаченков и сказал, что уходит домой…

Относим с Витькой инструмент к бульдозеру, где его брали. Нас встречает его хозяин с заранее выпученными глазами и открытым ртом. Матюги полетели, как только он увидел, что у маленькой кувалды подгорела и обломилась ручка. Мы огрызаемся для порядка и уходим восвояси.

Дома берусь доделывать плафон. Райлин заставляет меня идти за водой к водовозке будто бы сегодня — моя очередь. Я принес два ведра, но больше не пошёл. Мошкин уходит на партсобрание. Гоша рассказывает, как Падикин, Докторов и их мастер вдохновенно пресмыкались перед заказчицей, приехавшей на трубу, — женщиной крупной, красивой и очень серьёзной.

Затем, с моей гитарой он уходит репетировать к Горисову.

Я занимаюсь лампой: собираю детали, и к 10 вечера она была почти собрана. Начинаю готовить речь о выступлении Брежнева, напечатанной в газете. Знакомлю Митю с Олегом и оставляю их рассуждать об «идеологии и импрессионистах двадцатых годов».

…Вычитал в КЗОТе статью о том, что переводить сотрудников на другую работу можно лишь на один месяц, к сожалению, поздно…

Глава 23

Отощавший коллега. Утренняя фотопечать. Часы «срезали». «Чудо» -лампа. Речь именинника. Дом «Хи-хи». Могучий «ёрш». Посетители больного. Бампер «Магируса». Поиски ключа.

…Подъём в четыре утра. Чай с маргарином, дневник — до 6:40. Гремит будильник, кто-то его выключает, и в салоне по-прежнему — тишина и сопение. Первым поднимается Гоша. Когда я уходил, Лёшка лежал, но с открытыми глазами. Володя совсем не реагирует на будильник.

На улице Владимирский подсказывает:

— Помог бы своему коллеге, а то он совсем отощал, одна борода осталась.

Захожу за Лёней. У него стоит фотоувеличитель «Крокус» (из «Главмосстроя»), лежат фото, недавно снятые в походе, и повторы старых снимков. Сопровождаю его в столовую…

На работе, из руководства — один Омаров.

— Что ты тут делаешь? Должен быть там, — кивает он в сторону ворот.

Не рассуждая, иду на ледник. Помогаю выбить Коле и Вите обоймы подшипников из ленивцев бульдозера. Начинаю снимать пускач. Ещё надо было поставить прокладки к системе охлаждения, поменять карбюратор на пускаче. Греться ходили к костру внутри ледника. Уже по застывшему ледяному полу ползал «Катерпиллер» и ковырял клыком лёд и землю под столбы. Плотники же работать не особенно торопились.

К обеду мы свою работу закончили. В бытовке сварщиков взял защитный колпак от баллона. Обстучал на нём плафон, и он приобрёл цилиндрическую форму.

Во второй половине собираю пускач, ставлю на него карбюратор. Пускач заводится сразу. Пока Коля терзает дизель, мы с Витей берёмся за гусеницу.

Омар даёт новое задание: переставить прожектор с одного место на другое. Спрашиваем Чеботарёва о наличии электрика, который должен бы это делать, но он о нём первый раз слышит. Матёрый, сидя в кузнице, страдает, от безделья. В 16 часов можно было идти за зарплатой, но я не пошёл. Сидим в кузнице, считаем, кто сколько часов отработал.

…С Лёней договариваюсь печатать ночью. Дома никого нет, крашу лампу нитрокраской и собираюсь спать, но не успеваю: в 1:30 я должен быть у Лёни. Степанов сидит с бумагами, просит подождать ещё. Я соглашаюсь ждать ещё час и ложусь спать. Он

будит нас — через два. Готовимся к печати до четырёх. Лёня печатает себе и глянцует, я ассистирую. Ближе к утру печатаю свои фото с Нового года в одиночестве…

В 7:40 захожу в свой вагончик. Все уже проснулись, но, как всегда, выясняют, когда звонил будильник, сколько времени точно, ищут виноватого. Я уверяю, что виноват лишь тот, кто не завёл будильник. Съедаю два яйца, кусок сырка с чаем.

На работе, в бытовке — галдеж. Сашка Гаврилов с «Беларуси» ставит ультиматум Вяковлеву.

— Часы посрезали, наряды не дают, — говорит он. — Да и какие могут быть наряды, когда работа такая, что больше стоишь: грузить лёд в ящик и ждать, пока «Кировец» его отвезёт!.. Или возвращайте почасовую, или я ухожу…

Его поддерживает крановщик Половатюк.

— Нас с февраля перевели на «сделку», а нет ни норм, ни расценок, — возмущается он. — Как так можно работать?

— Был я у Плутановой, в ОТиЗе, — оправдывается Омаров. — Она заявляет, что было указание Падикина: часы переработки всем «срезать».

Вскоре — легки на помине — появились: главный инженер, Падикин, Сорочин, Иванцов. Падикин «извивается ужом».

— Никакого распоряжения я не давал. Все часы оплатим, идите работайте, ребята, — проговорил он, будто всё уже согласовал с бухгалтерией. Для убедительности записал, у кого сколько часов «срезано» и ушёл «выяснять».

«Срезали» у десяти человек от 30 до 150 часов.

Омар хотел дать мне какое-то задание, но Вяковлев перебил его.

— Отрежь в РПБ полосы 3-х мм железа, — сказал он, — и свари их вместе, как балку, под пол кабины.

Витёк даёт мне бумажку с размерами. Иду в РПБ, нахожу лист железа и отрезаю на гильотине полоски. До обеда сварщики были заняты.

Захожу домой, чтобы собрать лампу. Дома были Гоша и Вова: не смогли утром за час собраться на работу и теперь прогуливают. Изучаю свой расчётный листок: за январь — 62 рубля, за февраль — 56 рублей. Возвращаюсь в бытовку.

Вяковлев просит Витю сварить мои железки. Он их сваривает, я сравниваю получившуюся балку с остатками старой, сгнившей. Оказалось, сначала нужно было полосы согнуть по лекалу, то есть, теперь придётся изделие разрезать и собрать по новой. Витя был «занят». Чекурин ушёл в 16 часов, и Витя исчез вслед за ним. Мне остаётся заниматься своей «чудо» -лампой…

…Вечером в клубе — общее собрание. По его окончании меня

подзывает Иванцов, уточняет обстоятельства моего понижения в разряде, обращается к Плутановой, чтобы разобралась, а меня просит держать его в курсе…

Дома Люды не оказалось, оставил свой подарок у её двери и отбыл домой.

В субботу встаём с Лёшкой за два приема: сначала в 8 утра и окончательно — в 10:30. Остальные — на работе. Завтракаю, чем бог послал, в свинарнике, оставленном Гошей и Вовой. Пишу дневник, записываю на кассетник свой романс — посвящение девушкам отряда.

Пришёл Синаев и выдал маленький сюжет для детектива: руководитель его группы на службе в Москве доложил «куда надо» о «контакте» нашего судьи с американской подданной Олей, 39-го года рождения. Сейчас его «таскают»…

Гоше пришла телеграмма от матери: «Гоша, почему молчишь?». Причём, вчера он выслал ей 100 рублей, то есть, перевод ещё был в пути…

К 14 часам Гошка собирается на футбол. Идём с Лёшкой болеть за него. Адонин тоже «болел», как заводной кричал на морозе ахинею, рискуя простудиться. Гоша закатил гол в пустые ворота и не забил ещё два верных.

…Огонёк зовёт на день рождения Митяя. В 20 часов собрался основной состав нашей компании с девушками из «шкатулки». Иосиф зачем-то притащил незнакомого нам Володю из калининградского ЛОВД.

…После третьей рюмки Митя начал свою речь. Начал, как обычно, издалека, из такого далёкого, что так и не пришёл в пункт назначения.

— Центр растёт, а бедная периферия — нет, — трагически начал он. — Эвенки так и остались за бортом культуры…

Разгорается диспут о расовой дискриминации. Олег выступает её приверженцем.

— Эвенки ни на что не способны, кроме питья водки, — уверен он.

— А народные художники, музыканты тогда откуда берутся? — попытался возразить Гошка.

— Они с молодости отрываются от Родины и уже не могут туда вернуться, заражённые цивилизацией, — пояснил, скорее запутал нить разговора Иосиф.

Через несколько тостов Митя опять, но с бОльшим трудом, привлёк общее внимание и продолжил было мысль о никчёмности провинциальных городишек. Его речь благополучно прервал широкой и красочной иллюстрацией Иосиф, рассказывая о недавнем посещении Благинска.

Митяй попытался воспользоваться правом именинника ещё раз и продолжить свою мысль, но этого не допустили. Иосиф начал разыгрывать интермедию «взятие Перекопа» и совсем «уел» Олега Тимошина. Мы обыгрываем предмет: крышку от кофейника, и Йося остаётся доволен своими воспитанниками. Является Вовка, находит гитару и начинает изливать на нас свой репертуар. Много и без толку говорим, пытаемся танцевать в тесноте под магнитофон. Расходимся в 2:30.

14 марта, воскресенье. Подъём в 10 часов. Лёшка уходит на ледник. Гоша собирается на футбол, но вбегает Лёня и начинает уговаривать его выступить за трест в хоккей.

— Футбола не будет, — уверяет он. — Команда Степанова похмеляется!

Но Гоша упирается и идёт на поле. Поле оказывается пустым, и он возвращается. Собирается идти на хоккей в моих валенках, но я вовремя их забираю.

Сидя дома, разобрал, почистил свой «Зенит». С Лёшкой и Синаевым рассуждаем: идти в магазин или нет. В 16 часов скидываемся по пять рублей. Пока рассуждали, шампанское в магазине закончилось, а что-то другое надо искать в городе… Гоша приехал с хоккея, но настоящей игры не было, скорее — «фигурное катание». Тем не менее, он остался доволен и записался в сборную треста.

…Надумал писать письмо Лере. Собирался долго, долго писал одну страницу ни о чём. После 20 часов зашёл в дом «Хи-хи», как прозвали вагончик Влада и его команды. Лёня в драной тельняшке буйствует над коктейлями. В углу Лена Рыжова обняла сидящего Влада коленями, и в ответ на её жаркую нетрезвую речь ему остаётся лишь согласно кивать головой.

Посылаем Фрола с Владимирским за коньяком. К 9 вечера иду к Люде в «особняк», но у неё никого нет, и я возвращаюсь ни с чем. Лёня собирается печатать фотографии, и для начала мы выпиваем по порции его коктейля: шампанское с водкой. После такого «начала» печатать я был не в силах и ушёл спать.

В понедельник утром Вяковлев направляет меня на ремонт кабины. Целый день привариваем с Витей листы к поперечному швеллеру под полом, хватаю «зайцев», колочу, загибаю кромку листа. До обеда сделали одну половину пола, после — другую, меньшую.

Дома пишу письмо Лерке. В 22 часа захожу в вагон «Хи-хи». Здесь ничего не происходит, если не считать, что Лёня делает крепкий коктейль с сырыми яйцами. Однако, пить его было весьма трудно, поэтому ожидаемых восторгов автор не услышал…

Райлин уходит в ночную смену, чтобы разогреть битум

к 8 утра. Я дописываю письмо и ложусь довольно рано.

…На работе главный направляет меня на помощь Сергею Поломатюку. Требуется провернуть крестовину и помыть старую коробку передач. Я сразу занимаюсь костром, который Сергей просит разжечь у машины и который потом мешает ему своим дымом весь день. Захожу домой за щёткой и к обеду без единого перекура отмываю КПП и проворачиваю крестовину.

После обеда занимаюсь паяльными лампами и продувом топливной системы «Кировца». С трудом, с десятой попытки, с помощью коллег удаётся завести этот трактор. Однако, оказалось, что у него не работает тормозной насос, значит, придётся его разбирать. Главный приказывает мне заняться своей кабиной. Я напоминаю ему о замене крестовин. Наседаю на Витю, чтобы завтра сварил мне балку под пол кабины…

…В магазине есть полусладкое «Тамянка». Скидываемся дома по 3 рубля, закупаем в магазине пять бутылок и консервы. Выпиваем, как следует, и являемся в клуб на занятие студии.

Иосиф рвёт и мечет: после 8-ми вечера было всего 12 человек. Он уже собрался уходить, но его уговаривают остаться, раздевают, и он начинает урок с этюдов для агитбригады. Расходимся в 22 часа.

Дома выпиваем «Тамянки», и я ухожу «печатать», то есть, — в «особняк». Люда уже спала, в доме было холодно. Несмотря на сопротивление хозяйки, я привинчиваю свою лампу к журнальному столику и ложусь спать. В постели она долго болтает о своей и моей работе, о здоровье и прочем. Я не перебиваю её «заговОр», терпеливо жду, пока она привыкнет ко мне. Неожиданно она смолкает, очевидно вспомнив, что ночь не бесконечна, и резко переходит к основному…

…В среду с утра подходит главный.

— Сегодня занимайся только кабиной, — требует он.

— А что делать с «кривой» балкой?

— Вари. На месте подправишь… — думает он вслух…

Кое-как, после правки на рельсе, мне удалось приварить самодельную балку к малому полу.

В перерыве заснул так, что Гошка смог разбудить меня лишь «зверским» аккордом. Опоздал на работу на 10 минут.

Варим мелкие трещины и дыры по низу кабины, отвлекаясь на «левые» заказы: то на чью-то телеантенну из меди, для которой нужна бура, за которой нужно идти домой, то на пластины для ТЭНов…

Вяковлев заявляет, что за опоздание с обеда, я буду сегодня работать до 18 часов. Однако, мы заканчиваем в 16:40, разряжаем аппарат с карбидом.

Меня колотит лихорадка. Звоню Коротич из проходной автобазы, сообщаю, что заболел. Дома выпиваю аспирин и прошу ребят укрыть меня как следует. На меня наваливают одеяла, тулуп, и вскоре я согреваюсь.

В 20 часов меня будят знакомые женские голоса: Инна и Люда пришли навестить больного. Слава богу, мужики прибрались и расселись по своим кроватям. Пока я одеваюсь, Аничкин занимает дам светской беседой. Выхожу к столу с бутылкой «Тамянки». Гошка уходит к соседям, а мы выпиваем, причём, Коротич закусывает хлебом с солью. Я предлагаю на закуску Гошкину колбасу… Подлечив меня таким образом, дамы удалились…

Только мы закончили пировать, как явились с работы Вовка и другие ребята. Гошка вернулся в 22 часа с занятий в гитарной школе, и Лёшка набросился на него со словами:

— Перед женщинами хвост распустил, сопли пузырями, нос кверху…

— Это вы не умеете обходиться с приличными дамами, — заступился я за него. — Привыкли ко всяким шалавам!

Светка была здесь же, но виду не подала, очевидно, не считая себя «всякими»… Я вскоре заснул мертвым сном до утра.

…Утром без направления механиков иду за Чекуриным. Он варит перемычку-зажим для своего газогенератора.

— Начнём в 8:30, — обещает он.

Я смотрю, как в 8:40 он варит заглушку высокого давления, Гаврилову — нож из клапана дизеля, Половатюку — штуцер. Курит. К кабине подходим в 9:30. Варим задний бампер, притянув с помощью Вяковлева к полу, завариваем в нём трещину.

На обед заходит Адонин, пьёт со мной чай, листает «Легенды о Лазо».

— Это мой земеля, — объясняет мне.

Я читаю Синклера «Автомобильный король». Так и сидим до упора. Мошкин хоть и с ночи, но спит лишь до обеда и тут же уходит на ледник. Адонин хотел пойти с ним, но задержался с перезарядкой фотоаппарата и сунул ключ от двери не на своё место.

На работе опять чиним задний бампер и дверной косяк. Я повисаю всем телом на двери и чудом её закрываю. Серёга Половатюк приводит мужика с автобазы с разбитым бампером «Магируса», и Чекурин напряженно соображает, когда он сможет ему помочь. Вяковлев подходит с просьбой остаться после работы для утепления бокса.

Витя разрывается на части: режет бампер мужику, который для стимуляции посылает своего напарника за коньяком. Витя

от выпивки по-деловому отказывается.

— Сейчас не надо, — говорит он не совсем уверенно. — Вот, когда сделаю!..

Они долго рихтуют кусок бампера, приносят ещё часть такого же бампера и так же его колотят и режут.

Я опять остаюсь без сварщика. Переворачиваем с ребятами кабину на лобовое стекло, и на этом заканчиваем.

В 17 часов Вяковлев собирает «орлов». Оказывается, нужно погрузить стекловату в прицеп, чтобы отвезти её в бокс. Начинаем грузить…

…У нашего балка сидят Вова со Светой, не могут найти ключ. Я тоже ищу и думаю, куда его мог деть Лёня. Первый, кто додумался, была Светка, а ключ с козырька над дверью достал Вова.

Прошу ребят чего-нибудь купить из еды и ложусь спать. Кое-кто хочет посмотреть фильм «Дерсу Узала», но его перенесли на 28-е, а репетицию перенесли на завтра. Сплю с небольшими перерывами: то Синаев заходит за своим ружьём и находит его в моём шкафу, то Горисов — за своей книгой, которую мне ещё не вернули, то Мошкин укладывается и материт свою работу.

В 3 часа ночи просыпаюсь, ужинаю ветчиной, пишу дневник.

Глава 24

Установка кабины. Борьба за Вову. Паралич на сцене. Инсценировка о Чили. Прыжок в цивилизацию. Тема — тоталитаризм. «Музыкальная шкатулка».

19 марта Гоша встаёт в 7 часов, убирает будильник и ложиться спать. После ночных бдений я немного вздремнул. На работу — бегом.

Сразу иду к кабине. Надо было подвезти к ней «телегу» — раму на колесах.

Подходим с Мишей к «телеге» и видим, что сперва надо убрать с дороги стрелу крана и дренажную трубу.

— Неплохо было бы позвать человек пять, — рассуждает Миша и исчезает.

С помощью рычага я убираю и трубу, и стрелу. Тут же налетает главный.

— Что делаешь? — тараторит он. — Взял у Сёмочкина колесо?.. Так бери.

Я и так не сижу на месте. Слава богу, Сёмочкин никуда не уехал. Снимаю колесо с машины Сёмочкина и ставлю на «телегу». Ждём, когда дадут свет, когда Витя заварит трос трелёвщика, чтобы тот утащил «телегу». Наматываем трос на барабан трелёвщика и на буксире отвозим «телегу».

— Отвёз «телегу»? — спрашивает главный.

— Отвёз.

— Ну, и что теперь?

— Нужен кран, кабину на неё ставить…

— 16-тонный кран что ли тебе давать? Бери людей. Видишь сколько здоровяков? — сказал он и обратился к Ильину: — Давай, бросай свои тросы, собери людей, и ставьте кабину на место.

Собираются «здоровяки»: Ваня с бурилки, три Вити, Ильин и я. Наваливаемся и с третьей попытки ставим кабину на раму.

Чекурин занят «Магирусом» до обеда и ничего больше не делает. Главный механик с главным инженером и Вяковлевым дважды приходят любоваться, как сварщик ремонтирует бампер «Магируса».

— Почему не варишь кабину? — механик обращается почему-то ко мне.

Отвечать на дурацкий вопрос мне смешно, и я молча ухожу…

Дома — чай, ветчинная колбаса, Эптон Синклер.

…Во второй половине дня Леднев предлагает свою помощь.

— Надоело мотаться без дела, сидеть у печки целый день… — сетует он.

Чекурин, наконец, занялся моей машиной: обрезает обечайку под дверью кабины, делает отверстия под болты задних стоек. Начинаем распирать кабину домкратом, так как передняя балка не попала на кронштейны.

Ждём, когда уберут отремонтированный «Магирус», болтаем с Ледневым о жизни. Он рассказывает, как пошёл за компанию со Славиком Длинным учиться в ДОСОАФ на шофёра, как на уборочной в армии выжимал из своего «Урала» 100 км/ч, как по-глупому сдался недавно ГАИ в нетрезвом состоянии, и теперь его знакомый в СМП-67 делает ему срочный возврат прав. Как он был глуп, а теперь станет серьезным и ответственным за семью. В доказательство своей серьёзности «помощник» дважды отлучался в автобазу к друзьям-собутыльникам и после третьей ходки не вернулся.

Сам прыгаю вокруг кабины, исхитряясь затянуть крепёжные болты. Чекурин сворачивает свой агрегат в 15:30 и больше не показывается. Дядя Миша ищет своего помощника Авдеева, а тот, видимо, празднует своё новое назначение на курсы крановщиков.

После работы сразу ложусь спать, но в 19:20 Гошка поднимает на репетицию. В фойе клуба Иосиф нервничает, кричит. Во время этюдов все смеются по малейшему поводу. Не могут «заразиться идеей». В 21:30 на нас приходят посмотреть Алина с Катериной.

Делаем хорошую разминку, показываем пародию на передачу «А ну-ка, девушки», и нашу — «Война и мир», этюды на двоих «Ночь в вагоне поезда Владивосток — Москва», сцены для агитбригады «О Чили». Катерина наблюдает наши ужимки и прыжки, в паузах поёт песни. Выясняется, что завтра она проводит конкурс песни в «Пионере» и поддерживает мою робкую мысль о выступлении. Все уходят из клуба через окно, ибо двери уже заперли.

…В вагоне «Хи-хи» Яркович выпивал с незнакомой круглолицей девушкой. Рассказал, как Влад хотел подпереть трелёвщиком, ушедший с места бетонный блок, и, заехав в кювет, завалил трактор на бок… Борьба Лёни и Пресса за Вову успехом не увенчалась. Влад постановил: завтра Райлин пойдёт не на конкурс песни, а — на работу…

Вместо того чтобы печатать фотографии, Лёня предлагает выпить. Я отказываюсь и пишу дневник до трёх ночи. Во время ночных бдений знакомлюсь с мышкой и настоящим тощим клопом. С трёх часов пишу письмо Лерке. Ложусь спать около пяти утра.

В субботу утром встречаю Пресса. Договариваемся

на автобазе о машине для доставки студийцев в «Пионер».

— А Вова работает сегодня на 14-м километре, — сообщаю я. — Как его достанешь?

— Вызову я Влада на комитет, чтобы знал, — погрозил Пресс. — Где его совесть?!

…За мной зашёл Огонёк, и к 11 часам мы подошли к нашему клубу. Пресс записывает меня на выступление: «Песенка о шофёрах», «Романс» — исполняет автор; «Деревянные города» Городницкого. Собирались через пень-колоду. Мирносова с трудом вытащили из дома. В столовке встретил Бодейко с его Татьяной и упросил его выступить на конкурсе. В 11:45 едем в машине «Кино» в «Пионер». Долго топчемся в фойе. Конкурс начинается в 12:40 вместо 12. Мы — первые.

За кулисами бросаем на пальцах, кому за кем выступать. Я становлюсь третьим. Огонёк выступает, как заправский комик. Спел «Живописцы» Окуджавы, «Серёжка с Малой Бронной», «Важней казаку быстрый конь» — смог спеть лишь один куплет, раскололся и заглох. Бодейко спел «Париж», «Горы далёкие» и что-то из Окуджавы.

Я не помню, предупредил ли зал вообще о том, что пою свои песни. Помню только, что был чрезмерно скован, боялся микрофона. Пальцы по грифу передвигал с трудом, будто они были намазаны клеем, и я едва отрывал их от струн. Пел очень тихо, язык тоже прилип к небу и губам. Словом, парализовало меня полностью. Реакция зала была невнятной. Едва ли кто слышал, что я пел. Горисов злорадно улыбался, Адонин серьёзно моргал вспышкой.

Мирнос честно спел «Надели мне мешок, шинель и каску», «Бумажного солдата» и «Чёрного кота» Окуджавы. Естественно сильно выступила Катерина и ребята из «Орфея». Пел ещё некто Саркатов, но никто в зале его не слышал.

Я заранее собрал 4 рубля (на шампанское). С трудом уговорил Мирноса выпить вдвоём, так как Бодейко и Огонёк слились с толпой и никак не хотели от неё отрываться. Выпиваем в буфете, приглашаем Исмаила третьим. Всей гурьбой идём домой.

Я откалываюсь от толпы и ухожу вперёд. В «особняке» — никого. Уже на спуске к Новоленде Жулёв обгоняет меня на «Волге», набитой «артистами». В вагоне «Хи-хи» Мормоновы орудуют за столом: Инна — ножом, нарезая колбасу, а Ароныч — языком, вгрызаясь в сознание присутствующих с проблемами строительства ИССО. Меня усаживают за стол, но я недолго поддерживаю компанию: отношу гитару Бодейке и ухожу домой.

Заваливаюсь спать до вечера. У спящего Гошки выпрашиваю

банку «Слив в вине» и иду в «особняк». Пьём с Людмилой кофе с коньяком, делимся впечатлениями от конкурса, ложимся в первом часу. Ещё час болтаем, оттягивая неизбежное, как тетиву. И оно наваливается, налетает — разнузданное, выходящее за всякие рамки соитие.

…Воскресным утром — две неудачных, вымученных попытки поймать драйв. Коротич впервые призналась, что устала. Я удивился, но вида не подал. Зашёл разговор о моей чёрствости, вернее, об отсутствии эмоций (не оправдываю ожиданий в признании и восхищении). Напомнил ей давний разговор.

— Радостным меня можно увидеть, например, в обществе Аси Артюх, — сказал я первое, что пришло на ум. — Вот она способна пробудить эмоции в любом.

— А я, значит, не способна?! — Коротич устраивает маленькую сцену ревности, а затем — истерику по поводу моего ухода.

…Дома обедаю с Гошкой перловой кашей с печёночным паштетом. Он делится историей одной своей любви и планами на будущее. Вдруг заходит Лёшка с компанией мало знакомых мне личностей. Едят, пьют и смеются…

Ложусь спать на пару часов… На занятия в клуб пришло 8 человек. Митяй приносит фото со своего дня рождения. Ждём людей на репетицию до 20-ти часов. После разминки Иосиф начинает на ходу сочинять инсценировку о событиях в Чили под названием «Венсеремос». Так и лепит сцены, импровизирует. Арнольдов, пьяный, выматывает всем души. Под конец Катерина прокручивает две песни для агитбригады: Визбора — «О Полоцке» и Веры Скворцовой — «А зори здесь тихие».

Иосиф нервничает: Аня не хочет оставаться на репетицию сцены из «Валентин и Валентина», да и другие рвутся домой. Я напоминаю Йосе, что Кокурин ждёт своего «Старшего сына». Он тут же отдает мне книгу, достав её из стола Пресса и сопроводив матерным приветом хозяину.

— Не мог уж, мать его… подарить лендинцам экземпляр!

…В «Хи-хи» Владимирский «читает» детектив, положив голову на стол. Заслышав шаги, очнулся.

— Скучно, — доложил он. — Адонин и Влад в Шоготе меняются опытом с Новиковым.

У нас дома — Светка, сонный Лёшка, спящий Гоша. Я нахожу гнездо с клопами. Светка вылавливает двух, когда я полил щели ацетоном. Ложусь в полночь.

22 марта подъём в четыре, — дневник, письмо Лере.

В мастерской главный — Петруша спрашивает, знаю ли я что делать. Отвечаю утвердительно, но требую помощника. Он,

не глядя, обещает. Леднев сам себя назначает в помощь. Начинаем работать, как положено, с перекура.

Захожу в кузницу, за инструментом в своём шкафу. Жук встречает меня у дверей чуть ли не лаем.

— Э-э, вот работничек идёт, торопится в 9 часов! — изливает он желчь. — Всё равно опоздал, и главному я доложу!

— Да, смотри-ка, главный сачок идёт! — подхватывает Борода.

Когда выхожу с инструментом, история повторяется, и долго меня провожает злая брехня кузнеца.

Начинаем с Витей делать последнюю опору кабины на раме. Обрезаю балку от косяка, распираю домкратом, долго натягиваю шпильку к отверстию. Наконец, догадываюсь заменить её болтом, а потом — прорезать горелкой новые крепёжные отверстия. Как только я закончил затягивать гайки на передних болтах, Витя объявил обед. Время пролетело на редкость быстро.

Дома — чай с маслом, чтение. После обеда главный ни разу не подошёл ко мне. Начинаем присоединять все тяги. Витя преуспевает, в основном, в анекдотах, чего ни попросишь обязательно не сделает. Сам всё ставлю на место. Он уходит в 16 часов, а я устанавливаю продольную тягу до 17:15.

Дома лёг спать. В 9 вечера меня разбудил Гоша с Мошкиным: купили в «Военторге» магнитолу «Маяк». Слушаем мои кассеты с записями старых рок-н-роллов, песен из репертуара Катерины. В 23 часа захожу в «Хи-хи»: Владимирский читает фантастику, скучает без двух «баламутов».

…Вовка принёс батарейки для приёмника, рассказал о своем «прыжке с нашего острова» в Ленинградскую цивилизацию, затем, уткнулся в приёмник и чуть не уснул под передачу о Вивальди.

Пишу дневник, поклевав над ним носом до 1:30, и ложусь спать.

Во вторник на работу успеваю вовремя. Леднев опять энергично берётся помогать, но постепенно остывает: душой он на автобазе со Славиком. Напоминаю главному о роторе распределителя, отданном на САК, о крестовине, отданной на РАФ, о тормозной жидкости… С Ледневым снимаем поперечную тягу, выправляем её в кузне и ставим на место. В левой шаровой опоре заменяем шайбу, регулируем сцепление…

На обеде чаёвничаю с Гошей. Он на работу не ходил, намереваясь пойти к зубному врачу. Зато принёс к обеду колбасы и мороженые яйца по 5 копеек. Устраиваем яичницу, но замороженные яйца так и остались целыми на сковородке, будто варёные.

Разговор заходит о том, как тошно видеть вокруг «пошлость

и издевательство сильных мира сего над слабыми…».

— Не люблю принимать гостей и ходить в гости, где надо настраиваться под общий тон, — рассуждал Гоша. — Люблю одиночество. Я столько уже пережил, что мне не нужна никакая встряска. Вот бы поставить домик в лесной глуши, иметь какую-нибудь жену и натуральное хозяйство…

Слово за слово мы перешли к теме тоталитаризма в нашей стране.

— И что ты хочешь иметь в государстве, где индивидуализм и частная инициатива искоренялись в течение десятилетий? — вставил я «умное» замечание в его поток мыслей. — Наш коллективизм сильнее всякого, пускай и прогрессивного индивидуализма, я уж не говорю об инакомыслии. Не высовывайся, — вот чему нас учили с детства!.. Ты читал Солженицына?

— Читал только то, что печаталось в журналах… — припомнил он. — И что? Куда деваться, если мы привязаны к этой системе пожизненно? Вот в капстране каждый может отделиться от других и, поступившись на время своими принципами, создать для себя материальную базу, жить на свой лад…

— А ты не забыл про власть «золотого тельца»? — напомнил я ему известную «страшилку». — Она намного сильнее человеческих желаний и воли, и, поступившись принципами однажды, вернуться к ним уже не сможешь. Будешь накапливать и накапливать капитал, забыв о своих идеалах…

Наш разговор не мог продолжаться дольше. Я отбыл на службу «железному коню».

Во второй половине готовим всё для сварки кронштейна акселератора, отверстия под тягу сцепления, отверстия под выбитый фонарь. Чекурин немного ломается, как мартовский кот, шевелит усами и делает всё нехотя. Я устанавливаю тягу акселератора и всё остальное. Поддатый Леднев после обеда уходит на автобазу.

…С Лёшкой таскаем домой неплановую воду из водовозки. Переодеваюсь и бегу в ОТиЗ к Плутановой. Увы, она — на совещании. Покупаю «Рабочий» и «Газету». В первой — перепечатка из «Недели» статьи «Паша Денежкин» Харизматова.

Зашёл в «Хи-хи» спросить Лёню о следующей возможности попечатать фото, а там — гости. Степанов угощает Инну и Люду, а Гошку посвящает в свои наработки по воспитанию в коллективе. Лёня спит с дороги: он приехал с трассы в 16 часов, значит, ночью будет печатать.

…В 19:30 в клубе ещё никого не было. Но к 20 часам

студийцы дружно собираются. Пришла Нина Ефимовна из профсоюза треста для оценки нашей работы. Проводим обычную репетицию. Вовка поёт с Катюшкой песни, сопровождающие нашу программу, и выпендривается, как провинциальная звезда. Долго ждём приговор профсоюза. Нина и Воронов одобряют нашу деятельность, сулят поездку в Венгрию за первое место в предстоящем конкурсе.

Ложусь спать в полночь, встаю в 3:40 и иду к Лёне печатать.

…К 7 часам фото были отглянцованы, но чуть не попались Ярковичу, который встал раньше всех.

Дома Вова и Гоша уже встали, а остальные дрыхнут «без задних ног». После столовки заряжаю плёнку в фотоаппарат для рейда КП по «наружным туалетам».

На работе вспоминаю о роторе распределителя и подхожу к Матёрому.

— Когда отдашь бегунок? — спрашиваю его для порядка, ни на что не надеясь.

— Хрен тебе, а не бегунок, — бросает он, как само собой разумеющееся. — Когда ты ещё соберешь свою развалюху! А мне работать надо. И вообще, — уеду скоро в СМП-83…

Я решил найти его САК вечером и вынуть из него ротор. До обеда устанавливали оборудование на двигатель «развалюхи»: шланги, педали, пружину к тяге акселератора…

На обед Мошкин угостил ветчиной. Я бегу в валенках по ручьям на почту и отправляю Кокурину «Старшего сына» с двумя фото Иосифа в работе.

После обеда подсоединяю в машине проводку. Немного задерживаюсь, чтобы подключить сигнал.

…С Вовкой, пыхтящим от злости, натаскал в балок воду.

В городе отметился в бане, в книжном магазине, в «шкатулке». Иосиф ушёл по делам, и Олежек занял его место.

Вечером пошёл к новым домам СМП-83, чтобы забрать свой ротор. К сожалению, знакомый САК не нашёл.

…В 150-м вагончике девушки угощают меня томатным соком, а я чиню им швейную машинку. Из кино приходит пьяный «папа» — Олежек и «мама» — Надя. Олег пытается вникнуть в «болезнь» машинки, а я с Катюшкой-певуньей удаляюсь в очаг культуры.

На занятии делаем разминку, упражнение на отгадывание пантомимы. Ловко выполняют задание Анна Маркелова с Горисовым. Репетируем середину и конец агитки. Я опять забыл свой текст, Иосиф едко высмеял меня, повеселил народ. По дороге домой Горисов поделился впечатлением от записи Катерины на «Кругозоре» №2.

Дома Гоша обсуждает с пьяным Вовой прелести красотки — жены Шуры Бордакова, заводилы-драчуна. Я прибрался на столе, попил чаю и уселся на пару часов за дневник.

Глава 25

Крестовины есть! «На пол не лягу». «Хрен вам, а не ротор!». Сон под машиной. Жена тракториста. Комок нервов. «Балласт» в студии. Поиски антифриза. Сомнения режиссера.

В четверг получаю на складе приводной ремень генератора, и греюсь с Ледневым в бытовке. Главный механик делает нам замечание о пассивном отношении к работе. Объясняем, что делаем декоративную решётку радиатора. Тут же я напоминаю про крестовины:

— Что толку, если мы заведём движок? Ехать-то нельзя!

— Ну, заведите…

— А дальше что?

Вдруг кладовщица Надя, бывшая неподалеку, говорит:

— Да крестовины у нас есть, Сёмочкин же привез!

— Где? — удивляется Пётр. — А ну-ка покажи!

Так я получаю крестовины, а Леднев — ведро «для машины», точнее — для дома. Возимся с ручным тормозом и с тягой акселератора. Чекурин исчез якобы за кислородом.

После обеда Витя берётся за установку кардана, а я мучаюсь со шприцем: не смог наполнить его солидолом с первого раза…

Вдруг, ни с того ни с сего, главный поднимает шум.

— Гена, мог бы помочь таскать баллоны. У нас всегда так! Никто не видит, что делают другие, — сказал он, указывая на машину с баллонами пропана.

— Я сам справлюсь, делай своё дело, — сказал сварщик, когда я подошел к машине.

— Лишь бы поднять шум! — проворчал я Петру вдогонку.

До конца рабочего дня занимаемся подключением проводки. Витя подсоединяет аккумулятор, я вожусь с замком зажигания. Подошла Римма — сторожиха, спросила, запираются ли в кабине двери. Дура, — не видит, что они вообще не закрываются!

В 18 часов занимаю с Вяковлевым очередь за зарплатой. Плутанова объяснила мне всё насчёт начислений. В столовой натыкаюсь на Гаврильевых. Они требуют свои фотографии со свадьбы и в порядке «аванса» наливают мне стакан «Рубина». Подсаживаюсь к Лёне, и он обещает ночью сделать фото.

…В клубе ждём всех до 20:30. Иосиф хочет соединить все сцены из «Валентин», но на эпизоде «палуба» споткнулся.

— В чистой рубашке на пол не лягу! — упёрлась Алина.

Иосиф, скрепя сердце и зубы, отпустил нас восвояси. В 150-м

вагончике продолжаю разбираться со швейной машинкой. На прощание обучаю Катюшку позам в фехтовании.

Домой пришёл в полночь и уснул до четырёх утра. В вагоне «Хи-хи» все спали, видимо, к фотопечати я опоздал. Дневник — до шести утра.

…На следующий день я сразу подошел к Петруччио.

— Говорили ли вы Синглеру, чтобы он отдал бегунок? — спросил его.

— Не говорил.

— Ну вот, опять то же самое, — безнадежно махнул я рукой.

— Ну, идите сейчас к нему и возьмите, — пробормотал он отворачиваясь.

Я знал, что это бесполезно, но всё равно пошёл вместе с Ледневым.

Матерый сидел в бытовке у пилорамщиков и угощал их сигаретами. Когда мы зашли, Леднев сразу вышел «по-маленькому».

— Вобщем, главный сказал, чтобы ты отдал «бегунок», — заявил я.

— Да еп.. тв.. мать!!! — заорал Костя. — Хрен вам, а не бегунок! И так мне надоели. А ну пошёл отсюда нах!..

При этом он пытался развернуть и вытолкать меня за дверь. Я вывернулся и беспомощно, как мне казалось, пропищал:

— Отдай ротор!

— Да я только что видел главного, но он мне ничего такого не говорил, так что бесполезно, иди отсюда…

Сидим с Чекуриным, дожидаясь появления главного.

— Костя, сука, не отдаёт ротор, — докладываю я Петру. — Да и вас наверняка пошлёт…

Очевидно, он этого боялся, поэтому и посылал всегда меня. Многозначительно подумав, он пообещал:

— Ну, ладно, я достану…

Делаем с Ледневым ручной тормоз и педаль газа. Точнее, я устанавливаю, а он делает себе шкивы для домашних занавесок. Я его прошу достать тормозной жидкости, и к обеду он достает — жидкость из магазина. Пока я, обжигая о заиндевелое железо руки ставлю ручной тормоз, он заправляется «тормозухой» под названием «Крепкое красное».

На обед — чай с вафлями, книга «Главная улица» Льюиса Синклера. Ставлю багульник в раствор с марганцовкой.

На работе берусь за подфарники, фары, поворотники. В 16 часов мой помощник исчезает и вскоре является, едва шевеля языком. Он ложится на матрац под машиной, руки кладёт на голову, классически изображая рабочий процесс.

Из начальства никого нет. Чекурин исчезает тоже рано. В 17 часов с подвернувшимся Пузырём толкаем машину по склону. Ручник ещё не работал, и я едва успел затормозить перед самыми воротами. Домой шёл с дрожью в коленях.

Спал с 18:30 до 20. С Митей приходим в клуб, когда занятие уже началось. Иосиф читал лекцию о психофизиологии актёра. Разминка и репетиция проходили в зале. Работаем плохо. «Элита» во главе с Алиной стремится на девичник: Воронова собирается оформить отношения с Вороновым. Оцениваем наши возможности в четырёх оставшихся репетициях.

Захожу в «Хи-хи», где меня угощают сливами в вине, обсуждают переход Лёни в бригаду Степанова. В 23:30 лёг спать на три часа. Лёшка читал «Сын директора» в «Иностранке».

…Печатаем с Лёней снимки Гаврильевых, Степанова, меня у кабины УАЗа.

В субботу заявляю Петруше, что машина готова, но нужны ротор распределителя, тормозная жидкость, фара и прочие мелочи. С Ледневым на АЗС берём масло и ставим его греть на буржуйку. Немного бензина сливаем себе из ЗИЛа Чугунова.

Иду искать САК, чтобы взять ротор, хотя бы на субботу. Он стоял у общежития СМП-83 и, увы, работал…

В 9:30 уходим на завтрак. Гаврильев со Славиком зовут меня — по стакану.

— За фото, что ты сделал, обязательно надо, — уверяет Славик.

Захожу в «Хи-хи» к Лёне, а у них с самого утра нет света, и он спит. Забираю готовые, но не глянцованные снимки…

…Дома бездельничала Светка: её Лёшка уехал в Кудыкту. Сушу фотографии на остывающей плитке и скрюченные отношу Гаврильеву. После пятого стакана он идёт смотреть футбол.

…Выставляю багульник на крышу вагона, к солнцу. В это время подошёл Вяковлев с женой тракториста Николая.

— Где Николай? — спросил механик сердито. — Трактор его заглушен, но его самого нет.

— У нас его точно нет, и вообще не знаю, где он бывает, — сказал я.

На прощание маленькая беззубая тётка обложила матюгами невидимого супруга и предупредила, чтобы мы, если увидим, направили его домой обедать, «суку такую». Я про себя позавидовал: «Вот бы меня так любили!».

…Ходченке понадобилось ведро, и мне пришлось вылить из него всё масло в двигатель. Из-за спешки оно попало на двигатель снаружи.

С Витей пытаемся вскрыть огнетушитель, чтобы слить в него

остатки масла, но не можем вывернуть из баллона штуцер. Приходится вырезать дыру в самом баллоне сваркой… Промываю двигатель бензином, дотягиваю кое-как до 16 часов и ухожу домой.

В 17 укладываюсь спать, а в 18:30 собираемся с Гошкой в вагон «Хи-хи», где все скидываются на подарок к дню рождения Коротич.

…На крыльце «особняка» Степанов подметает лестницу, а Люда встречает нас в халате, но с умопомрачительной укладкой. На кухне работают Инна и Тапрыкина. Долго сидим, болтаем в ожидании ужина. Выпиваем по рюмке «Мискета» в качестве аперитива, и я немного обалдеваю. Садимся за стол в девятом часу. Настроение неважное, а Люда — комок нервов.

Никто не хочет говорить первый тост, и ей приходится со смехом сквозь слёзы заявить:

— Давайте выпьем за моё здоровье!

Так как перед этим мужики отведали полусладкого «Мискета», никто не торопился пить водку. Коротич сидела, как на углях, не понимая, что происходит.

— Давайте, пейте! — не выдержав, проговорила она и опрокинула рюмку.

Дальше всё пошло быстро и, как в тумане. Ели, пили, плясали, играли в фанты. Гоша ушёл первым, за ним исчез Адонин, уже в четыре утра — остальные.

Провожаю Тапрыкину в «шкатулку», и девушки устраивают меня спать при свете и открытых занавесках. Вскоре дверь, запертую на крючок, дёргает Олег и, не услыхав ни звука, удаляется. В восемь является Иосиф. Но и в эти три часа затишья Тапрыкина так и не дала мне уснуть, задавая массу вопросов.

Проснувшись утром, Иосиф рассказывает о том, как он пил на свадьбе Кожина, как ему досталось от двух военных и какой он теперь несчастный. Входит Виктор, ночевавший в половине девушек.

— Что это такое маленькое и сморщенное? — с задором обращается ко мне.

Я его тон не поддерживаю и делаю вид что говорю с Сацем.

— Жаль, — пытаюсь я посочувствовать Йосе, — что большая часть народа приходит на занятия, как на посиделки: побалдеть, похохмить, а не поработать… Балласт какой-то…

— Да ты что! — возмущается он. — Я ради этого «балласта» только и существую. Пусть балдеют. Все равно что-то останется у людей от понимания театра…

Пьём чай с девочками, смеёмся над Иоськиными выкрутасами и приставаниями к Надежде, ещё лежавшей в постели.

На «Проводы русской зимы» так и не собрались.

Дома спал до 16 часов, пока Виктор не разбудил меня, чтобы починить его магнитофон. Я делаю кольцо из изоленты, наматывая её на банку со сливами и одновременно поедая их. Затем, разрезаю полученное кольцо вдоль на три узких пассика и устанавливаю один из них на валы магнитофона… Виктор долго не мог успокоиться и всё сравнивал мой «гений» с разгильдяйством своих сожителей…

Дома берусь за «Теорию литературы», за Де Адана, но ничего не выходит, ибо Гошка развлекает рассказами, про то, как он заходил с Мошкиным к Коротич в «особняк» на пельмени, потом на речку, на гуляния, про обледенелый столб с сапогами наверху, про купание пьяных мужиков в полынье, про упаднические настроение Виктора из-за Иосифа, не подготовившего прорубь и антураж для его показательного выступления. Переписываю несколько песен на маг Мошкину, и в 23 все засыпают.

…Встаю в шесть, съедаю кусок сала, что нашёл на столе, берусь за дневник. Гоша начинает новую жизнь: подъём в шесть, зарядка, затем — творчество.

…На работе охочусь за антифризом.

— Нет ли у тебя запасного антифриза? — спрашиваю у встречного Бульбенки.

— Никакого нет, — отвечает он. — Да и потом, он ведь разъедает сальники…

Рядом оказался Петр.

— Правда, что антифриз разъедает сальники? — спрашиваю его.

— Заливай, ничего не разъест. Я заливал всегда, — авторитетно сказал механик.

— А может и не разъест… — согласился Бульбенко.

Поиск антифриза оставляю Ледневу и занимаюсь ручками на дверях. Но электросварка не берёт металл, из которого сделаны ручки. Скорее всего, Чекурин не в настроении: варит всякую ерунду, а на кабине сделал лишь шов на заплатке у заднего бампера. Весь день в основном болтаюсь без дела. В обед читаю «Король автомобилей» про Г. Форда.

Леднева у меня забирают на ремонт «Беларуси». Чекурина забирают на ледник, и он с радостью сливает воду из агрегата. Когда же прораб спрашивает у него про длину шлангов, и оказывается, что её недостаточно, Чекурин просто уходит домой. Я делаю ручки на дверках, а больше — делаю вид, что их делаю. Дома заваливаюсь на аутотренинг и засыпаю. Просыпаюсь в полночь, но встать был не в силах.

…На работе ищу Шемчука, у которого, по слухам, есть

антифриз. Увы, он уже уехал. В бытовке главный усаживает за стол Ивана, Володю — тракториста с ДТ-40 — и ещё двоих — писать объяснительную по поводу нетрезвого состояния вчера в рабочее время.

Спрашиваю у главного, где Шемчук. Нахожу его кран за ледником, а самого — в кабине МАЗа с Федосеевым.

— У меня антифриз грязный, с маслом, — говорит Шемчук. — Он сразу разъест сальники. А вот у Коли с «Катерпиллера» и у Забойникова есть чистый.

Нахожу Колю.

— Запасной антифриз у меня стащили на Турьяне, — нехотя докладывает Коля.

А Забойников, как мне объяснили, уехал на объект…

С чистой совестью ставлю пустую банку в кабину и ухожу домой. С кем-то надо было поделиться необычным состоянием.

— Чувство такое, — говорю Гошке, — будто меня выгнали с работы, и такая напала апатия! Даже влюбиться не могу в хорошую девочку, и вообще пора уйти в мир иной…

— Прекрати, — говорит он в обычной категорической манере. — Какие твои годы? Ещё не вечер…

Пишу дневник и возвращаюсь на работу. Опять «занимаюсь» дверными ручками. Чекурин, попробовав заварить механизм замка, расплавил его дюралевую часть и направил меня на электросварку.

Долго жду, пока Витя с Толей заварят последний из внутренних швов ёмкости для воды главному инженеру. Они варят этот бак уже несколько дней, оставив остальную работу. Наконец, Витя заваривает мои замки, и мы отправляемся в кузницу обточить швы. С Жуком они принялись устранять причину вибрации точила. Тогда я взял сломанную «заводилку» и обратился к свободному сварщику.

— Мужики сказали, что ремонт этой железки — чисто слесарная работа, и подняли меня на смех, — сказал он.

— Да? У всех ручки «заводилок» сваренные! — заметил я и добавил: — Раз ты не хочешь, я сварю сам.

Сварка освободилась, и я с трудом устанавливаю на стреле крана кусок прутка и «заводилки», свариваю их, поправляю кривизну и начинаю окончательно заваривать весь «стартёр». Вдруг подходит Витя и предлагает свои услуги.

— Давай сделаю, — сказал примирительно. — А то ещё скажут, что эту «красоту» сварщик варил.

В 12 часов я уже примеривал свою удлиненную «заводилку» на машине. Петруша и Вяковлев, увидев это, замечают:

— Она же коротка!

— Нет, в самый раз, — уверяю я.

— А где Чекурин? Почему ничего не варите?

— Его нет, потому и не варим. Я ручками и замками занимаюсь, — отговорился я.

— Вот, никуда и не уходи, а то ссылаетесь друг на друга, — заключил Петр.

Наконец, варим ступеньку под дверью, и я обиваю её кувалдой, подгоняя под «натуру».

Дома Гоша пьёт чай со свежим батоном, и я присоединяюсь. Разговор заходит о том, что он работает с 14 лет, что его университетом было ремесленное училище, «сумасшедший» дом и улица. Он всего этого не принял, стал нервным, но закалился и предложил мне брать пример с него. «Я бы брал, если бы не твои срывы», — подумал я.

В 19:40 захожу за Катюшкой-певуньей, и мы идём в ДК. Репетируем свою сцену один раз в комнате, раз — на сцене.

В 23 часа захожу к Степанову, сидящему взаперти в думах о работе: завтра бригаде нечего делать. Он отлучается поднимать на ночную смену Лёню, перешедшего к нему в бригаду, а я ухожу домой.

…Пишу дневник с 5 утра. В 7:20 загремела система побудки. Гоша ушел раньше, Райлин болеет.

…В бытовке ОГМ объявление: «В 7:45 заседание цехкома». Идёт разбор объяснительной записки В. Невзорова. Оба главных требуют понизить Валентину разряд с пятого до третьего на три месяца. Невзоров — хулиган-бульдозерист — взывал к слабым чувствам цехкома, к милости многочисленным своим детям и требовал понизить разряд лишь на единицу. Сергей, сжалившись, предложил понизить разряд до третьего, но сроком на один месяц. Валентин доказывает, что уехал с объекта лишь потому, что у него сломались шпильки, но главный не желает его слушать и остаётся на своем. Наконец, решили собраться дополнительно в 16:45.

Прошу у Забойникова антифриз. Он обещает передать банку с попутной машиной. Занимаюсь «установкой ручки на дверь», варю трещины на раме с Чекуриным. Прокачиваем с ним тормоза. Процесс затягивается из-за отсутствия гаечного ключа на 11. Затем, возимся со смазкой рулевого механизма.

Во второй половине сидим в кабине с Ледневым, и я рассказываю ему о книгах Эдгара По, Амброза Бирса. Снимаем клеёнку с потолка кабины и рихтуем крышу.

После работы доезжаю до «особняка», но Людмилы нет дома. Возвращаюсь домой и ложусь спать. В 19:30 с Вовкой идём в клуб. Репетируем на сцене части из «Валентин и Валентина». После

двух часов скуки начинаем репетировать «Venceremos». В первом часу Иосиф вдруг заговорил о целесообразности выступления 3 апреля и вообще, — всей нашей работы. В конце концов, мы продолжаем прогон, сопровождаемый нервными остановками режиссёра, пререканиями его с «балластом» и так далее. Заканчиваем в 1:30 и, кажется, Иосиф остаётся довольным.

Захожу к Лёне, и он приглашает печатать снимки «через часик». Дома пью чай. Гошка читает мне свой очередной шедевр, сделанный за один присест. Пишу дневник и в 3:30 иду к Лёне. Он меня уже не ждёт, но сдержанно радуется помощнику. Рассказывает, как Владимирский воспитывает Виктора. Урок обычно заканчивается вылетом Виктора из вагончика в «раскалённом» состоянии.

Печатаем фото с конкурса песни, в том числе и моё изображение.

Глава 26

Нешуточный удар. Вырванный с «мясом». «Мы бойцы». Гастроли в РДК. День геолога. Клеёнка.

1 апреля в шесть утра Лёня уходит, и я ещё час печатаю свои снимки. В 6:40 встают ребята, и я ухожу к себе.

…На складе появились амортизаторы. Проверяю, какие следует заменить. Оказалось, что менять нужно лишь один из четырёх. Пытаюсь найти нужные для замены инструменты, но меня посылают искать для Чекурина кусок железа толщиной 10 мм.

В кузне Омаров находит лист железа, мы поднимаем его и прислоняем к стене. Я решаю отрезать от него нужный кусок электросваркой. Сделав половину работы, почувствовал тяжёлый удар по голове. Хотел закричать: «За что?!». Но, когда вылез из-под листа, понял, что он упал на меня от вибрации. В глазах прыгают голубые искры, но всё быстро проходит. Кусок, который я притащил Чекурину, он отбросил: Иван с бурилки притащил ему больший лист… До обеда я снимал старый амортизатор с «телеги»…

В обед я было заснул, но всё же успел сбегать в «Хи-хи», забрать свои фотографии и выпить чаю со Степановым.

…Под машиной лежу на картонке и телогрейке. Всё время перебираюсь вперёд-назад, убегая от талой воды. С каждым разом она всё ближе подбирается под мою лежанку, а картон прилипает к ледяной земле. К концу рабочего дня я почти полностью в воде креплю новый амортизатор. Наконец, появляется Витя, и к 17-ти амортизатор стоял на месте.

Захожу в «Хи-хи» за фотографией Иосифа и встречаю там «авангардистов». Они принесли подарки: надувные шары и конверт со стихами. Накрывается стол. Я остаюсь и пью с компанией «Рубин» до 20:30. У Степанова выпрашиваю гаечный ключ на 11 мм и дома сую его в карман телогрейки.

По дороге в клуб обнаруживаю пропажу ключа, и весь вечер вспоминаю, где мог его потерять.

У нас намечена репетиция в «Пионере», и мы едем туда от нашего клуба на ГАЗ-66 к 22 часам. Здесь только что закончилась какая-то торжественная часть и вручение знамени, начался фильм «Случай в гостинице». Капа Шестова договорилась, чтобы нас пустили в зал. Вскоре народ пошёл на выход «пачками». Я смотрел на экран и спал.

Репетиция началась в полночь. Гоняли сцену из «Валентин»

до тех пор, пока Алина и другие не начали забывать текст (около двух ночи). После отдыха и выслушивания нотаций прогоняем ещё раз ту же сцену. В три часа за нами приходит машина. Дома — перекус, и в 4 утра я заваливаюсь спать.

В пятницу по дороге в столовую ищу на земле потерянный ключ, но не нахожу. На работу бегу в припрыжку, ибо сбил ногу в «деревянных» юфтевых сапогах. И только в бытовке, сунув руку в карман телогрейки, обнаруживаю пропавший гаечный ключ.

…Собираюсь заниматься потолком кабины. Но для этого нужна клеёнка, а кладовщица Надя никак не может выписать её у коменданта. В 10 часов ухожу «на поиски клеёнки» и засыпаю дома младенческим сном вплоть до 12:50.

После обеда вырезаю утеплитель на потолок кабины и иду на автобазу узнать, работает ли баня. Оказалось, сварщики якобы начали ремонтировать в ней трубы. На самом деле — чинят помятую решетку радиатора «Магируса».

На обратном пути у конторы столкнулся с Петрушей. Он меня погнал к машине, но я дохожу лишь до диспетчерской автобазы. Рядом Иван возился с «новым» УАЗ-469, как я понял, — отданным нам в ремонт. Заглядываю в кабину, чтобы помочь Ивану. Пётр меня пытается прогнать, но не так жёстко, как обычно.

— Гена, идите к своей машине, — сказал он устало. — Нечего Вам тут делать.

— Как раз там делать нечего. Осталось только покрыть потолок, но Надя не даёт клеёнку, — отговариваюсь я.

— Тогда снимите лучше ротор с этого УАЗа, — предложил главный.

— Как, с нового?

— Ну, да! — подтвердил он.

Только я всё это осознал и полез в мотор, как подошёл Юра Власов с автобазы и стал подначивать Ивана:

— Как! Такую машину берёт СМП? Не иначе — разбогатели…

Главный, стоящий рядом, сначала отбрёхивался, а потом нежно послал его:

— Юра, идите Вы на хрен!

Жду, когда Юра с приятелем уйдут. Наконец, они устали смотреть на нас, и я лезу под капот УАЗа. Тяну ротор с оси изо всех сил, но он не поддаётся. Беру у Ивана плоскогубцы и с «мясом» отрываю ротор. Садимся в его РАФ и мчимся в ОГМ. Ставлю ротор в распределитель своей машины, смотрю порядок зажигания в РАФе, ставлю в таком же порядке провода на свечи в своей машине. Начинаю заводить движок. Сначала кручу мотор «заводилкой», потом стартёром, но ничего не выходит.

Молотобоец Серёжа предлагает помощь. Я подумал, что

ничего у него не выйдет. Всё же, дал ему вынуть и немного повернуть вал ротора. Это помогло!

В 17:30 я уже ехал в сторону КСО за кузовом. На полдороги, на ухабе, двери кабины распахнулись, и её содержимое высыпалось на дорогу. Когда я всё собрал и пытался закрыть правую дверь, подошёл Петруша.

— Гена, неужели свершилось, и ты приехал сюда своим ходом? — с лёгкой иронией произнёс он давно заготовленную фразу.

…В клубе студийцев было довольно мало. Ждём, когда закончится показ «Отважного сердца». Репетируем без разминки. Первый прогон «Венсеремос» сопровождался остановками и руганью, зато — под новую фонограмму. Второй прогон проходит почти без остановок весьма удачно. В 1:30 Иосиф отпускает всех, кроме участников «Валентин». Дома дописываю письмо Лерке. Отбой в три часа.

…В субботу скрываюсь в «Хи-хи», так как у нас в балке Лёшка третий день празднует свой день рождения.

— Гена, вот никак не пойму, что ты за человек? — вполне серьезно спрашивает меня Владимирский. В чём твоя сущность, кредо. Как ты относишься к близким людям?

— Моя сущность в том, чтобы делать близким приятное, сюрпризы, — так же серьезно начал я объяснять. — Правда, не всегда то, что мне кажется хорошим, хорошо и близким…

— Ну, раз ты любишь делать всё для людей, — сказал он с расстановкой, — сходи мне в магазин за бутылочкой.

Я раскрыл рот и некоторое время не мог сказать ни слова. Лёня, бывший при этом, откровенно радовался.

Иду в магазин, приношу бутылку и укладываюсь на кровать Степанова с дневником. Вскоре приходит Виктор, и через несколько минут у него с Владимирским разгорается или продолжается спор о «бардаке на Стройке и виновности в этом Министерства».

— Ты принимаешь всё слишком близко к сердцу, — пытался урезонить Виктора парторг. — Мы ведь бойцы и должны выполнять приказы спокойно…

Увы, через секунду Виктор вылетел за двери с шипением, распалённый, как на пожаре.

…В назначенное время в клубе почти никого не было. Наши «актёры» еле-еле собирались в автобус. Сегодня едем с «гастролями» в РДК, что стоит в старой Ленде, у Северного тракта. Приезжаем в 17-м часу. Ждём, когда дадут свет: у Шактаума готовится взрыв на прижиме. В 18-м часу все нервно забегали.

В 18:30 начинаем «Венсеремос»… Были аплодисменты, и мы выходили на поклон. Показываем ещё фрагмент «Стаи». Адонин всё снимает на «Практику». Кто не занят, смотрят из зала сцены из «Валентин» и «Горячего сердца». В 9 вечера возвращаемся в Новоленду. В клубе долго собираем на стол. Становится скучно, и я ухожу спать.

В воскресенье, отоспавшись, зашёл в «музыкальную шкатулку» с мороженым и печеньем. Иосиф отбывал повинность в жюри на смотре самодеятельных театров в «Пионере». Пьём чай с Томкой Тапрыкиной, а к 19-ти Виктор пригласил нас к себе на День геолога.

…Оставляю гостью в 34-м вагоне, а Виктор, как оказалось, ждал нас в — 32-м. Матерится, ругает меня за опоздание и тащит к гостям в 32-й. Здесь пьют полусладкое «Perla» без закуски. Виктор танцует с Леной, приехавшей к Лёне из Храбровска, и «достаёт» её своими «научными» разговорами.

…Подойдя к «особняку» Коротич, увидел в окне «малый свет» и зашёл к ней. Люда недавно прибыла из кафе «Белочка» под «конвоем» двух офицеров. Они затеяли её «осаду» и не собирались уходить. Всё же я их «пересидел», и они ушли около трех утра…

…На работе пытаюсь добыть клеёнку. Кладовщицы нигде нет, и я ухожу домой. Только во второй половине дня, когда помог Наде отвезти бельё в стирку, получил клеёнку.

На следующий день занимаюсь прокачкой тормозов.

В среду протягиваю болты крепления кузова к раме.

После работы — комсомольское собрание отряда. Серёга Горчаков делает перекличку по участкам, но за отсутствием кворума оставляет лишь комсоргов, а остальных отпускает.

В 150-м балке сшиваю на машинке клеёнку по образцу. Катюха-певунья с подругой приходят с фильма «Гулящая» недовольные. Что-то им не понравилось в игре Л. Гурченко…

В четверг с 5 утра пишу письмо домой. В конверт закладываю свои фото с конкурса песни, но оставляю его открытым до выхода «Авангарда».

На работе берусь крепить клеёнку на потолок кабины. Сначала перепутал местами штанги, на которые надеваются карманы клеёнки. С трудом приворачиваю её саморезами по периметру. Передний край клеёнки оказался не по центру потолка, и всё пришлось переделать.

Леднева попросил заготовить брызговики на задние колёса. Для этого он взял куски колёсной камеры. Резина камеры тонкая и выпуклая, ничего путного из неё сделать невозможно.

Во второй половине дня пробую ездить по территории.

Машина буксует в каждом ухабе, и Вяковлев требует загрузить 30 листов тонкого железа в кузов для лучшего сцепления колес с дорогой…

Дома долго собираюсь на «вчерашнее» собрание. Опаздываем с Гошкой на 20 минут. Когда зашли в зал, шло обсуждение регламента. Иванцов взял 40 минут. В прениях выступали: Степанов («Да, срывают подряд, но, если все материалы предоставят, мы его выполним»), девочки со звеносборки, бригадир Кирильев, наш Виктор («40 тонн цемента валяются в тайге»), Шепетов, как всегда, блефует, Логинов — и многие другие. Все говорят о головотяпстве, халатности и адресуются к Падикину, Сорочину, замначальника треста Велову.

Велов вышел отвечать на вопросы.

— Вступил в комсомол в 42-м — трудном — году, — начал он издалека. — В 48-м строил железную дорогу в Монголии. Было трудно, не было механизмов — одни лопаты…

Больше ему говорить не дали.

— Сейчас другие условия! 30 лет прошло! Мы на Стройке века! Давай план работ! — неслось из зала.

Велов выглядел бледным.

Виктор опять говорил о цементе:

— Что будет с сорока тоннами цемента в тайге? Скоро подъезд к ним растает!

Сорочин отбрёхивался, как мог. Взывал к сознательности.

Заканчивается всё, как обычно: Серёгин зачитывает готовый проект решения. При голосовании в зале поднялось десяток-другой рук. Лишь пара — была против.

— Принято единогласно, — сказал Закоулин, и все разошлись.

Боткин, Арнольдов и Жора на собрании не были и ждали нас с Иосифом в клубе. Первый сеанс фильма «Колдунья» кончился в 21 час. Когда Иосиф обсуждал нашу премьеру и планы студии, появились Инна с Людой.

Люда сообщила, что заметка о прошедшем театральном конкурсе будет напечатана в четверг, через неделю. Затем женщины «напали» на меня с просьбой о билетах в кино. Я сразу отдаю — два своих, но они потребовали ещё один, для Ароныча. К началу сеанса в 21:30 нашёлся один свободный билет у Маркатова.

Мы же прогоняем «Венсеремос», говорим о сборе средств на наши фото и расходимся. Беру у Лёни проявитель и фиксаж, проявляю плёнку с репетицией в «Пионере». После проявки обнаруживаю, что почти все кадры частично засвечены.

Глава 27

Инспектор котлонадзора. Сливы в вине. «Протокол собрания». Гастроль в Хородочи. Машина для смертника. Блядство.

В четверг 9-го апреля встал чуть позже Гоши и Вовы. Они ушли, а я заснул начисто. Меня спас от позора Лёшка.

В столовой рассказал Лёне, как у меня проявилась плёнка. Он задумался.

— С этим ореолом можно сделать интересную печать, — сказал он, скорее, чтобы утешить меня.

Дома беру газеты, чтобы закрыть стёкла в машине при покраске…

В бытовку заходит Пузырь и объявляет, что комсомольцы ОГМ собираются в салоне бывшего автобуса. Собрание посвящено выдаче Сёмочкину рекомендации в кандидаты в КПСС. Панькин зачитывает характеристику, мы голосуем единогласно.

…Отмываю кабину для покраски. Налаживаю осветительные приборы.

После обеда нахожу сварку и привариваю шарнир наклона сидения. По просьбе механика перевожу части разбитого «Кировца» на автобазу.

Омаров осторожно начинает упрашивать меня съездить в Ленду с Толиком. Ему надо ехать в магазин за водкой: приехал инспектор котлонадзора — его дядя, — и им надо иметь запас. Я пробую отпереться, мол, нет с собой удостоверения, нет стёкол в задних фонарях, нет винтов для крепления этих стёкол. Одно стекло Омар достает из сейфа, добавляет винт крепления, и мне приходится ехать в город.

…Напротив магазина «Вино-коньяк» пришлось завернуть: ГАИ устанавливала рядом знак «Поворот запрещён». Высадив Анатолия, заезжаю в прачечную за постельным бельем и подбираю его на обратном пути. Отвожу рюкзак с бельём домой и — в ОГМ. На столике в бытовке лежали расчётные листы. Матёрый заработал 630 рублей, я — в десять раз меньше…

Последней ездкой отвожу Омарова в контору, ставлю машину у дома, отмываюсь и ложусь спать.

В 20 часов я — в клубе. Все привычно ищут Боткина, но не находят… Прогоняем «Венсеремос» в фойе, а, когда танцоры уходят, повторяем постановку на сцене.

Позже захожу в «Хи-хи». Влад угощает чаем, «Перлой» и уезжает за вечерней сменой на Турьян.

Дома Вовка разучивает «Из-за острова на стрежень»

и «Хэллоу, Долли». Я сажусь за дневник.

…В 2 часа ночи приходят со смены Влад и Виктор, угощаются хлебом и печеньем к чаю. Поговорили о прошедшем собрании, о «гибели» цемента в тайге.

— Ввязываться в войну за аккордный наряд или нет? — рассуждал Влад.

Я не могу ему советовать. В любом случае окажешься неправ… Рассказываю о своём: как два сварщика варят для Велова три дня ёмкость из нержавейки, о ремонте бампера «Магируса» с автобазы, о вечно пьяном Косте (Матёром) с зарплатой за 600 рублей…

Гости уходят в третьем часу, взяв почитать книжку Сартра.

Утром в субботу еду в город. В книжном беру для Йоси книгу «Актёр и режиссёр» Алексея Попова, себе — «Письма гениев» и биографию Аветика Исаакяна. Договариваюсь с пучеглазой продавщицей, чтобы послала в первых числах мая запрос в Благинск о 10-м томе Толстого. Покупаю билет в кино на 11:40.

В баню попадаю с Митяем. Берём на пробу бутылку корейской водки «Пхеньянсул». В доме «Хи-хи» уговариваю Владимирского и Степанова на бутылку шампанского. Они делают уборку, но в принципе соглашаются. Я иду искать деньги. В 32-м вагончике не дают, Лёшки дома нет, беру в долг пять рублей у сонного Вовки.

С третьего захода в продмаге уговорил продавщицу продать бутылку шампанского, а на сдачу — литровую банку «Сливы в вине». Банка попалась выдающаяся: на дне 5 слив, остальное — портвейн.

…За мной заходит Виктор и в очередной раз просит починить ему магнитофон. Гоша ловит момент и читает нам свой «свежий» рассказ о паразитах…

В 20:30 иду в «особняк», где никого нет. Читаю в одиночестве «Протокол» Гельмана, пишу дневник. Неожиданно обрывается проводка в лампе, и я её разбираю. В первом часу появляется Люда.

Не успела она отдышаться, — на улице послышались знакомые, возбужденные не в меру голоса. «Вкатились» Олежек с Надей, Францева, Тапрыкина и пьяный неприлично Огонёк. Люда организует им кофе. Гости собираются уходить лишь во втором часу ночи, и я ухожу с ними.

Дома Гошка стирает вещички. Я хожу по улице, жду отставшую компанию с мыслью вернуться в «особняк», но, не дождавшись, ложусь спать.

11 апреля в 9:30 всей гурьбой идём в столовку. Я занимаю у Лёшки девять рублей и отдаю Вовке пять. Отношу Степанову

журнал «Театр» с пьесой «Протокол собрания».

В клубе никого из наших долго не было. Постепенно студийцы собрались. Иосиф мечется, что-то репетирует, доделывает на ходу. Выступление началось в 11:30. «Венсеремос» проходит хорошо, и мы выходим на поклон два раза. Остальные вещи имели меньший успех.

Гарик снимает нас на новую камеру «Москва-5». Лина Ефимовна — худрук — носится, как наседка, вокруг нас. Меняет сломанный автобус на другой. Нам предстоит поездка в Хородочи. Скидываемся на две коробки «Перлы». Наконец, в 14:10, получив дубовые напутствия Лины Ефимовны, с пением до хрипоты едем два с лишним часа в Хородочи.

Нас ждали в клубе в 15 часов, а мы прибыли в 16:30. Вместо клуба выступаем в 5 вечера в столовой, устроенной в «финском» ангаре. После показа всей программы Арнольдов отбывает к корешу Тимохе. К моменту отъезда он похваляется, что принял с приятелем по бутылке «Плиски». Вскоре местное мужское население ревниво выразило своё нетрезвое отношение к дружбе начальника ЖКО с «актёрами» из «Ударника». Их окружают, завязывается потасовка, девочки в автобусе пищат, Катюшка-певунья рвётся их разнимать…

Арнольдова с трудом запихивают в автобус, и мы трогаемся. Отъехав 10—15 км, обработали одну коробку «Перлы», но настроение не поднялось. Лишь после второй остановки у Кудыкты, где Арнольду стало плохо, а я, Алина, Пресс и Лёня пили на ходу, стало заметно веселее.

По приезду таскаем аппаратуру в клуб, заходим к Ярковичу, который празднует день рождения. Мормоновы тоже здесь. Инна, как всегда, очень внимательна ко всем. Ароныч заметно отупел, Вовка орёт песни.

В 22:30 захожу домой, захватываю шнур от чайника, инструмент и отправляюсь в «особняк» чинить настольную лампу. В первом часу ночи заваливается Люда и её брат с невестой. Пьём, танцуем до 2 часов. Наконец, мне удается намекнуть гостям, что им пора сматываться. Ночь была совсем сумасшедшей, Людмила просто изнасиловала меня…

…Едва проснулись в шесть утра, Людок снова потребовала «сладкого». Сошлись в полусне, и я не был готов доставить ей удовольствие. Люда осталась раздражённой и недовольной, а я голодный и обессиленный едва добрался до нашей столовой.

…Моя машина стояла на месте, но переднее левое колесо было спущено. Поддомкратил машину, снял колесо, поспрашивал у всех, кого увидел, нет ли золотника. Не нашед его, иду на поиски в посёлок. Зайдя домой, пью с Гошей чай и ложусь

спать до конца обеденного перерыва.

…На работе меня ждут маленькие неприятности. Сначала я объяснял Вяковлеву, что ушёл не куда-нибудь, а за золотником и стеклом для габаритного фонаря. То же самое я пытаюсь «продать» Велову, но тот спускает на меня всех «собак» и приказывает после установки колеса отвезти девочку из отдела снабжения в ЛОВД. Ему возражает Саша сварной.

— Нам нужно срочно ехать за кислородом, — настаивает он.

Петру я объяснил, что мне нужен золотник. Он послал меня с Вяковлевым в сейф, но ключей от него мы не нашли. Тогда я решил проверить имеющийся золотник и накачал колесо из ресивера «Кировца». Поставил колесо в воду, и все увидели, что пузыри выходят из-под диска в двух местах. Главный ведёт меня к Сёмочкину, и доказывает ему, что это он пробил скат. Приказывает мне забрать у него два «почти новых» колеса, а ему обещает отдать другие, новые.

Когда я прикатил колеса к машине, Петруша с Панькиным отламывали от её бортов металлические стойки и так раскачали машину, что она свалилась с домкрата. Петруша командует Руслану и Панькину помочь мне сменить колёса и, вывесив по очереди оба левых колеса, мы их меняем. Отвожу Петрушу в контору, привожу его назад и, встав у дома, сливаю воду из движка. Позже объявил главному, что «потерял» удостоверение водителя, и сегодня ездить на машине не могу.

Дома сижу без дела, говорю с Вовкой за жизнь, про взаимоотношения мужчины и женщины. Зашла соседка Татьяна Жарина, послушать музыку. Мы перевели разговор на рабочую тему. От разговоров о цементе она заскучала и ушла. Договариваюсь с Лёней печатать фото ночью.

Ложусь в 23 часа, а в 1:30 меня будит стук в окно. Это был пьяный Мошкин. Зашёл, поплакался о том, что спивается, и потребовал разбудить Гошку. Сам зашёл в спальный салон и разбудил его окончательно.

В 2 часа ночи я — в «Хи-хи», поднимаю Лёню, навожу порядок на столе, и в три ночи мы печатаем снимки с нашей премьеры.

В шесть утра я пришел домой и прилег. Поднимаюсь со всеми, завтракаю на последнюю мелочь.

На работе с Ледневым делаем заготовки для кронштейнов боковых зеркал. В 11 часов Петруша объясняет задание: когда Хорьков отрежет какие-то куски железа, я отвезу их к баракам на горе, Синглеру для сварки. Тут же сварщик Саша потребовал загрузить мне в кузов два баллона для кислорода, чтобы потом отвезти их на заправку. Витька же просит отвезти домой к его сестре шкаф. Пётр этого не разрешает, но я сделал всё наоборот.

В 11:30 мы завезли шкаф к сестре Леднева, где он остался на обед, а я отвёз на гору железо и вернулся в ОГМ.

В поисках сверлильного станка, а заодно узнать насчёт работы, отправляемся с Витькой на автобазу. Он потащил меня было в крайний бокс к своему Славику, но я направился в отдел кадров, где выяснил, что приём начальника начнется в 16 часов.

Просверлили отверстия в кронштейнах для зеркал и вернулись в ОГМ. Никого не обнаружив, ходим из бытовки в токарную до 16 часов.

…Начальник автобазы насчёт работы ничего вразумительного сказать не смог. Советует поговорить с начальником автоколонны. Пристаю к начальнику автоколонны с тем же вопросом, есть ли работа. Он долго думает, обрастает толпой вопрошающих, что-то вспоминает, мысля вслух. На мою похвальбу ездой в Москве «без дырок в талоне» сказал, что в городе ездить легче. В конце концов, говорит, что у него есть одна машина — «для смертников», и, чтобы я зашёл на следующей неделе…

Едем с Ледневым за зарплатой. В кассе народу мало, и мы встаём в очередь. Получив деньги, заезжаем в продмаг. Витя вышел оттуда с двумя бутылками «Перлы». Ставлю машину в ОГМ и направляюсь с ним выпивать.

Зайдя к нам домой, в прихожей обнаруживаем Лёшку, сидящего на картонных коробках, всего в грязи и исцарапанного. Затаскиваем его в кухню, усаживаем на стул. Прибираемся кое-как на столе и разливаем вино. Является пьяный Мошкин, что-то бормочет, тащит Лёшку в столовую. Я же объясняю, что ему надо спать, и мы с Вовкой оттаскивает его на кровать.

Редкая гостья Ольга Фирмина спрашивает нет ли чего выпить. После очередного тоста «за любовь» она сетует, как утомляют гулянки её Игоря — одного из «Серебряных». Мы понимаем: тяжела участь подруги музыканта, играющего на свадьбах…

В «Хи-хи» глянцую фото с нашей премьеры, а к 20 часам — в клуб. Студийцев было мало, и Иосиф опять уходит на поиски Боткина. В 20:30, когда явились пьяные Боткин, Жора и Арнольдов, он объявил, что репетиции не будет и, несмотря на наши уговоры, ушёл. Прошу всех желающих заказать студийные фото. Всего оказалось 160 отпечатков.

…В «Хи-хи» посвящаю Лёню в проблемы дисциплины в студии. Зашла Катерина, вся в снегу, и потребовала пива. У нас его не было, и мы идём к соседям. Виктор и Пузырь сидели полуголые, но оделись, угостили нас мороженными яблоками, Катерину — кружкой пива.

Говорим о цементе в тайге, о том, что Виктор пойдёт и выше, пока не добьёт это дело. Здесь от него уже все начальники бегают и обвиняют его самого в неправильной выгрузке цемента. Провожаю Катерину, захожу к Лёне за бачком и за плёнкой для проявки.

Проявив плёнку, в час ночи лёг спать. В два — появились Гошка и Вова. Увидели Светку, лежащую с Лёшкой, и начали нервничать, греметь и орать. Я их отругал, вскоре все улеглись и уснули…

Утром ещё в постели ребята начали скандал.

— Это ж блядство! Когда оно кончится?! — «впился» в меня Райлин. — Ты виноват, что Светка улеглась у нас! Она при тебе ложилась.

— Я ей говорил, чтобы ушла, но выталкивать за дверь или тащить её я не буду, — огрызнулся я.

— Ты виноват, твою мать!.. — последовало его грозное заключение.

Гошка попытался нас урезонить, и возник шум.

— Во многом виноват сам Лёшка, — сказал я. — Давайте объявим ему бойкот…

Друзья задумались, но ничего не ответили.

На работе заводим с Витей машину, и он уходит опохмеляться. Вяковлев провёл со всеми, кого нашёл, беседу по ТБ, выписал мне путёвку для получения масла. Еду с Витей на заправку за маслом, высаживаю его допивать корейский «Сам-бек» и ставлю машину у дома. Когда я пил чай, зашёл главный и, взяв ключ, сказал, что уезжает на машине к ГПТУ.

В бытовке подвыпившие сослуживцы (на троих две бутылки коньяка) рассказывают о работе кранов. Ильин вспоминает, как у Савеловского вокзала завалился дом из-за плохой сварки.

…Я вспомнил, что главный распорядился снять клемму с аккумулятора на компрессоре и, взяв ключ у Чекурина, занялся клеммами. Зачистил их от окислов, досидел в бытовке с ушлыми механизаторами до 17 часов и отбыл домой.

Собирался поспать, но зашла Светка и залепетала с Лёшкой. Когда я уже засыпал, пришёл Райлин и стал нервно подметать пол, с грохотом двигая калорифер.

— Нельзя ли потише? — спрашиваю грозно.

— Тише не буду! Сейчас не ночь.

— Ну, хотя бы уважай людей, — говорю я, имея в виду Лёшку.

— Как уважать, если не за что, — ответил Вова вызывающе.

Он с Гошей моет пол, посуду и рассуждает:

— Если ещё раз Лёшка не помоет за собой посуду, скажу,

чтобы искал другой вагон.

Глава 28

Обязательства. Главное — опохмелиться. Каждый за себя. Кран над обрывом. «Без меня начали!». Конференция. Вывих лодыжки. Стенд передовиков.

…Встаю в полтретьего и пишу дневник. Когда все проснулись, договорились учинить очередь в дежурстве. Я напомнил Вовке, как он сопротивлялся этому, но сейчас он осадил меня и настоял, чтобы дежурство было. На улице всю ночь выл ветер, утром было очень холодно.

На работе прошло собрание. Принимали обязательства к субботнику 17-го апреля.

Главный насильно, если кто сопротивлялся, и наигранно, если всё уже было сделано, давал всем задания.

— Пиняев, к субботе кран выпустишь? — говорил он, глядя в список.

— Нет. Не хватает 20 карданных болтов, не готово электрооборудование.

— Как не выпустишь? А если работать не до 17-ти, а до 19-ти? Все силы бросить…

— Не знаю, едва ли… Болты не из чего точить. Сделали вон какую-то ерунду, — на один день хватило.

— Болты тебе будут, сделаем. Выпустишь в субботу?

— Если электрику сделаете… Где электрик? Давно обещали! Я свою часть сделаю.

— Ну, сделаешь. Так и запишем — кран к субботе, чтобы работал.

— Так, у Вас, Володя, когда будет готов башенный кран?

— Так он уже готов.

— Нет, чтобы работал.

— Он уже работает.

— А эту штуку сделали?

— Сегодня сделаем.

— Вот, значит, чтобы к субботе кран работал. Запишем.

Ещё он «натянул» к выпуску два механизма.

— Синглер, чтобы котельная работала!

— Николаич, а мой кран, когда сделаем? — как всегда, с надрывом, выступил Ильин. — К следующему что ли субботнику?

— Ну, будем делать. Вот ты давай всё готовь, начинай делать стрелу…

За обязательства проголосовали единогласно.

На моей машине спустило переднее левое колесо, что дал

Сёмочкин. С Ледневым подогнали машину к МАЗу, накачали колесо от ресивера и поехали с Омаром и Петрушей в РПБ.

В РПБ оба механика грузят мне в кузов заготовки из железа, только что отрубленные на гильотине по размеру. Главный достаёт из кузова ватное одеяло и ещё раз читает лекцию о необходимости сохранения его для пользования на рыбалках и «обработке» женщин.

Едем с механиками к баракам «Ленгипро». Здесь Матёрый сам выгрузил из кузова железо, измерил его по шаблону, подобрал по образцу для изготовления ящика.

Заехали с Петром в ЖКО. Когда он сел в машину, чтобы ехать обратно, похвастался:

— Я уже опохмелился.

— А я на работе не пью, — заметил я.

— Кто не пьёт, не знает своего дела, — радостно и убеждённо провозгласил он.

С начальником я спорить не стал.

На складе РПБ грузим в ЗИЛ два трансформатора, кабели. Мне в кузов тоже положили трансформатор. Пока стояли у электроцеха, подошёл Горисов.

— Вчера в «Военторг» завезли книги, — выдал он взахлёб. — Я сейчас буду отпрашиваться на телефонный разговор, а к 12 часам надо быть там. Ген, отвези туда?

— Не могу, — сказал я, указывая на груз, и спросил: — Толя, а сейчас «книжная мафия» существует?

— Какая «мафия»? — деланно удивился он.

— Ну, один за всех, и все на одного, — пошутил я.

— Нет уже. Сейчас каждый за себя…

Провода и щитки оставляю на складе у Нади.

— Сейчас пообедаешь, и отвезём трансформатор на ГПТУ, — распорядился главный.

Дома снимаю рабочую одежду, надеваю новый хэ-бэ костюм, пишу путёвку и мчусь в «Военторг». Простоял у дверей до 12:15, пока военные закупали книги оптом. Покупаю три экземпляра «Хроника жизни» П. Мэриме и «Избранное» Чехова.

Дома выкладываю книги и долго жду главного, ищу его в конторе. Однако в ГПТУ едем с Вяковлевым. Обратно я гнал на предельной скорости, так как он опаздывал на партбюро.

У конторы СМП увидел новый кран ЗИЛ. Стрела у него была свёрнута узлом: крановщик поднимал балок КСО, тянул его на себя и вдобавок стоял с креном…

Ставлю машину в ОГМ. Сижу в бытовке до 17 часов и ухожу домой.

…Мою пол, переодеваюсь и отбываю в клуб. Иосиф

задержался, но принёс много идей о развитии действия в «Венсеремос». Долго спорим, предлагаем, наконец репетируем эпизоды вперемешку с криками и матерщиной. Я остаюсь, чтобы отобрать фото для пересъёмки.

…Утром нахожу свою машину у кузницы. Левое заднее колесо спущено. Подъехал к «Кировцу», пока разматывал его воздушный шланг, весь перемазался маслом. У другого трактора шланга нет вообще. Беру насос у Авдеева и начинаю качать. Подозвал Витю, проходившего мимо. Он жалуется на главного механика, который, как и многие, шарахается от него. При этом Витя помог мне докачать колесо. Вывинчиваю золотник из колеса камнедробилки и вставляю в своё колесо. Но он тоже травит воздух. Заворачиваю сосок камеры колпачком.

В кузов моей машины грузят железную ленту, арматуру, и мы едем с главным к строящемуся ГПТУ. Разгрузились, увидели, что кран К-161 стоит над обрывом.

— За это надо сразу под суд отдавать, — заметил главный. — Гена, у тебя что-то капает из-под движка.

— Это лёд тает, — сказал я, однако, посмотрел в чём дело. Подтянул хомут на шланге радиатора, подвернул крышки на ступицах.

В 11:40 на центральном складе грузим два компрессора, электроды, электролампы, краску; выгружаем всё это на нашем складе. Вдвоём тащим один компрессор в кузницу.

Отвожу Петю в трест (вчера в СМП-44 трактор задавил человека) и везу его обратно в ОГМ. Читаю в «Иностранке» №2 «Умрём, Федерико» Хоакина Гутьерреса.

Дома — в 17 часов, умываюсь и ложусь спать.

В субботу с двух ночи до пяти — дневник. Газеты, фотографии — всего понемногу — укладываю в конверт с письмом для родителей.

…Утром нахожу машину — на новом месте, причем, левое заднее колесо спущено. Главный инженер, увидев это, не долго думал.

— Надо просто поменять спущенное колесо на запаску, — обратился он к Вяковлеву и Петру.

— Нельзя ставить запаску, — объясняю я. — Повезу кого-то из них на Турьян и, если что случится, будем куковать на дороге.

Долго мучаемся с Ледневым, чтобы совместить сосок камеры с ресивером ЗИЛа. Крутим колесо вперёд-назад, до тех пор, пока сосок вообще не провалился в диск. Разбираем колесо. Показываю главному, что сосок в колесе уже до того стоял криво, но он пошёл в наступление.

— Ты проехал на спущенном колесе! — сказа он. — Я же

говорил: сначала нужно было подкачать!

— Сосок уже был стронут… — отпираюсь я.

Главный механик распорядился взять хорошее колесо у Сёмочкина. В кузов мне загружают и железо, и детали со склада, и доски… В 12 часов я освободился.

Дома жарим колбасу, едим сливу в вине. Появился Сёмочкин и с ехидной улыбкой сказал, чтобы после обеда я приехал на работу.

В 13 часов нас уже отчитывал Вяковлев:

— Сегодня ведь — без обеда! Раз вы обедали, — останетесь до четырёх.

Между делом, помогаем Наде на складе перекладывать барахло. При этом я поранил щеку о мотопомпу. Зато получил кисти из щетины и насос без записи на карточку. Через час все начали сбиваться в кучу: окончание субботника надо отметить! Ильин пришёл из магазина с полным рюкзаком. Петруша воскликнул:

— Без меня начали! Я им покажу!.. — хотя никто и не думал начинать.

Отвожу Витька на автобазу и мчусь «за бензином», то есть — в баню. Очередь — пять человек. Жду почти до трёх, быстро моюсь и прибываю в ОГМ. Все собрались в бытовке, я показался и побрёл домой.

Снова взялся за «Умрём, Федерико!», но вскоре зашёл Митя и пригласил к себе в гости, хотя был изрядно пьян.

— Я с программой КПСС не согласен, но другой нет! Поэтому я и вступаю… — кричал он с пеной у рта, раскачивая стол.

В 23 часа иду в «особняк». Здесь никого нет. Делаю малый, интимный, свет и читаю, попивая пиво. В 1:30 иду домой через вагон «Хи-хи». Бужу пьяного Лёню, и он выдаёт мне негативы. В одиночестве печатаю фото до шести утра и ухожу домой спать.

…В 10 часов зашёл Виктор и спросил, идём ли мы на конференцию. Мы с Вовой что-то промычали, но в 10:30 встали и отправились в клуб. Вторая комсомольская конференция треста собрала и Кудыкту, и Хородочи, и… Ручицына — знаменосца отряда XVII съезда. Выступали ярко, грозно, критически. Ручицын разгромил московский бетонный завод и организацию работ. Сущевин выступил под лозунгом «Через невозможное — вперёд!», а Болковинский просто: «Ура! Молодцы!».

После конференции готовлю фотографии для подарочного альбома имениннику — Аронычу. Затем захожу за Иосифом. Он надел галстук, туфли и запонки. В 20 часов мы были у Мормоновых.

Выпивки на столе почти не осталось, но наскребли

по сусекам. Инна достала спирт, Лёня — бутылку из заначки. Вскоре Иосиф заскандалил с мужиком из «Мосгипро», но его вовремя оттащили. Он уселся в комнате Светика на полу и начал пудрить мозги Полине. Я прилёг на кровать Светика рядом с «вырубленным» Ярковичем, но меня замутило. Я вышел на улицу и подвернул на крыльце ногу. Сказал Люде, что ухожу. Кое-как доковылял с ней до дому. Ночь прошла совершенно неудачно.

В понедельник проснулись рано, но встали в семь. Автобус подобрал меня у энергопоезда. На работу пришёл хромая. Завёл двигатель, подогнал машину к цистерне, залил в радиатор воду, передал машину Петруше, и он уехал в Главк. С Витей занимаемся колёсами. Вынули из покрышки два гвоздя, приготовили камеры к вулканизации.

В 10 часов я отбыл в амбулаторию. Терапевт направила меня в Ленду. В поликлинике — большущая очередь. Здесь был и Жора со сломанной ногой. Сидим два часа. Хирург определил растяжение связок, наложил повязку, выписал бюллетень. Вернулись с Жорой домой в 19 часов.

Вечером был в клубе. Пресс отказался говорить о моей фотографии, неизвестно почему появившейся на стенде «Люди трудовой славы».

20 апреля на работе ищу Петра, но не нахожу.

Сижу дома над тетрадкой. Заходит Мищенко с «Серебряными», спрашивает Вову. Хотят узнать условия отъезда на конкурс, о котором я ничего не знал. Райлин приходит с работы в 18 часов и очень сожалеет, что не застал их. Напоминает мне, что я сегодня дежурный, указывает, что лучше дежурить после работы, «чтобы гости пришли, а у нас чисто».

После уборки иду искать Лёню, и он меня зовёт в клуб, где идут торжественные проводы на пенсию пьяницы Першина. Встречаю Иванцова и Пресса, прошу чтобы мой портрет сняли со стенда передовиков. Иванцов удивляется:

— Разве тебя не цехком выдвинул?

— Не знаю, меня не уведомили…

— Ты, наверное, в натянутых отношениях с Сученко? — спросил Пресс.

— В общем, — да. Главный инженер — сука! — при упоминании его имени я выходил из себя. — Разряд мне понизил, и на стенд передовиков выдвинул как издёвку…

Уговорил обоих больше не выставлять меня посмешищем.

Дома проявил плёнку и отбыл в «особняк». Почитал газеты, пописал дневник и заснул на диване, не раздеваясь.

…Проснулся в пять утра, выпил кофе и сел за рассказ.

Набросал черновик, но дело шло туго. Людмила ушла на работу, а я взялся читать «Короли и капуста». В 10 часов она вернулась: замёрзла на работе и пришла одеться. Начал перепечатывать текст на машинке с поправками. В час дня вышел в город, в книжный магазин. Доехал до поликлиники и закрыл бюллетень.

Дома Гошка пристает.

— Гулёва собирается женить меня, а тут начинается серьёзный футбольный сезон, — делает он круглые глаза. — А ещё Винету приглашает на день рождения… Что делать?

— Что, что… «Три дома на вечер зовут»… — вспомнил я Онегина. — Брось жребий.

На репетиции не хватает Боткина, Жоры, Арнольдова и других. Ждём до 22-х часов. Пресс с Иванцовым демонстрируют работу стробоскопа. Иосиф просит меня отпечатать снимок детей и вид на железнодорожные пути для проекции.

Дома тишина: Вовка уехал на конкурс в Арсеньев, Гошка гуляет у Виннету.

…В «особняке» пишу дневник. Рассказ не идёт. В полпервого ночи приходит Людмила, собирается спать. Я рассказываю о спектакле, о Гошкиной якобы женитьбе… Коротич заговорила вдруг о смерти, и я в шутку пообещал прийти на её похороны.

— Почитаем перед сном? — предложил я и переставил столик с лампой к кровати.

…Подготовка была непродолжительной, но переход к главному прошёл довольно плавно. С некоторого момента я почувствовал некоторое сопротивление. Вдруг Люда замерла, замкнулась, будто что-то её кольнуло или ударило. Я ничего не мог добиться. Она впервые щедро меня ласкала, пытаясь утешить.

— Извини. Не можешь уснуть? — спросила виновато.

— Да нет, ничего. Всё в порядке, — ответил я, поняв: случилось нечто серьезное…

Глава 29

Растворо-бетонный узел. Первый блин. Чайный стол. Пожарная цистерна. Замена вентилей. «Венсеремос» в «Пионере».

…Подъезжаю на работу на попутной водовозке. На мою машину садится Тюлькин и уезжает до обеда. Я же в это время помогаю Ледневу клеить камеры.

Договариваюсь с Петрушей о повышении разряда и получаю от него предложение работать на растворном узле с повышением до четвёртого разряда. Я был согласен только на пятый.

Вяковлев несколько раз подходил и напоминал, что нужно снять красные стёкла «стоп-сигналов» с автобуса и поставить их на машину.

После обеда Петруччио направляет меня на растворо-бетонный узел.

— Там эту… одну бадью поднимешь, из второй — выбросишь. Если электрики не подключили моторы, выбрось замесы из обеих — прямо на улицу. Потом сделаешь пол у бетономешалок… Там ребята помогут…

Я сходил, проверил. Ничего не было подключено, выбрасывать бетон не хотелось, да и у ребят было полно работы. Кирильев делал настил для цемента, ровнял грунт под навесом.

— Напряжения нет, ребята заняты… — доложил я Петру.

— Иди, иди туда. Напряжение уже дали, — поторопил он.

Прихожу, поднимаю бадьи и начинаю мастерить под ними пол…

После работы забираю в «Хи-хи» красный фонарь. Дома подождал пока дали свет и отпечатал заказанные снимки. Едва успел всё сделать, свет отключили. Сушу снимки на плитке.

В 10 вечера в клубе настраиваю эпидиаскоп. Иосиф с балетмейстером готовят танец Алины и всей трупы. В половине одиннадцатого начали пробовать проекцию, но, при всём нашем желании, качество изображения оставалось ниже среднего. Проекция из книги получалась не в фокусе. Решили иллюстрации из книги вырвать и разошлись по домам.

В пятницу главный с Павлом Бочковым — начальником РБУ — тащат меня к ёмкости для воды. Ёмкость оказалась почти пустой, лишь на дне и в сливном патрубке был лед. Требовалось отбросить лёд от патрубка внутри ёмкости и разжечь костер побольше, чтобы его отогреть. Я засомневался, что костер растопит лёд внутри бака, но Бочков объяснил, что погреба тоже так сушат для закладки картофеля.

Он же выдал мне лопату и топор. В кузнице мне оттянули конец лома. Отдолбил лёд в ёмкости и выбросил его наружу. Набрал дров, разжёг костёр, и в 11 часов ёмкость уже дымила, как паровоз…

После обеда Пётр выдал новые указания: установить новую цистерну на склоне сопки и протянуть водопровод от неё к РБУ. Выясняю, что Пётр уже подал бумагу на повышение мне разряда, но лишь до четвёртого! Злости моей не было предела.

— Вот, если ты себя покажешь!.. — добавил он…

Полный мыслями о «мести», двигаюсь к машине. Но Бочков тащит меня на РБУ.

— Давай, поднимай бадью, — командует он. — Сегодня должны дать раствор.

Я попробовал вывалить мусор из бадьи. Но она не поднималась до нужной отметки, и мне пришлось долго регулировать упоры для концевых выключателей.

…Павел дал команду, и мы начали месить раствор. Когда я крутил «грушу» с замесом, он поднялся на «мостик» и, увидев, что раствор выплёскивается сзади, наклонил «грушу» вперёд. Слив перевесил горло «груши», и раствор вывалился на пол.

— Ну, ничего, — задумался Бочков. — Машина будет — вычистим раствор ей в кузов.

Когда делали второй замес, Павел сбежал. Водитель дал нам сроку на заполнение кузова час с четвертью. Половина времени ушла на долбление льда в колеях, чтобы машина могла подъехать под загрузочную воронку. В результате, машина ушла в шестом часу недогруженной…

Дома Лёшка уже сделал пять ходок за водой, делаем ещё три. Получаю от родных посылку и ценную бандероль от Леры.

…В субботу с шести часов — дневник пополам с думами о реконструкции растворного узла. Гошка встал в девять, услышав позывные мусоровозки. Он мучает меня рассказом о съедении лягушки, а я чищу фотоаппарат «Любитель», разобрав до винтика.

Заходит Адонин в шляпе и ботинках на рифленой подошве (Гошка только что вымыл пол), предлагает зайти вечером к девяти, чтобы попечатать. Я читаю до 18, а в 19 часов — репетиция. Несу в студию фотографии, сделанные намедни на бумаге Огонька, — весьма серые.

В зале Иосиф правит сцены уже со светом. Алина, совсем больная, разучивает танец. Делаем два прогона спектакля «Венсеремос» с доработками новых сцен. С Иосифом вырываем иллюстрации из книги о Чили для их проекции. Расходимся около 10 вечера.

Захожу домой за плёнками и — в вагон «Хи-хи». Садимся печатать вместо девяти — около часа ночи. Сначала Лёня печатает лишь свои фото о поездке в ГДР. Мои фото печатаем в четыре утра. Успеваем сделать лишь 3—4 снимка, когда проявитель совсем испортился, а в окна бил свет. Рассуждаем о необходимости сделать виды Ленды с сопки и хорошие портреты для выставки «9 мая».

25 апреля ложусь спать в 6 утра. В 12 часов заходит Митя за красками для оформления «Комсомольского прожектора», и я направляю его к Огневу.

После столовой и бани захожу в книжный и другие магазины. Дома ставлю чай, поднимаю Гошку, посылаю Светку за девчатами из седьмого вагона.

Накрываю чайный стол. В пять часов заходит Влад. Девочек не ждём. Отмечаем мой день рождения. Юмор, песни, смех, фанты, отыгрыш…

В 9 вечера гости собираются в кино. Ирен почти готова отыграть фант: помыть пол. Лёня отказывается отыгрывать фант (вымыть посуду) и уходит со Степановым искать еду. Мы ещё немного поём, и я отпускаю Ирен проявлять плёнку.

Сам мою пол и посуду. Дохожу до «особняка», пишу страничку рассказа с сухим венгерским до 2-х часов. Не дождавшись Люды в одиночестве ложусь спать.

…Утром в понедельник было холодно. С 7 часов стою в ожидании автобуса. Его нет ни в том, ни в обратном направлении. Опаздываю к началу работы на 10 минут. В РБУ — никого. Иду в ОГМ. У моей машины отвалилась сошка коробки передач. Вдвоем с Витей. привариваем её на место. Приходит Бочков, и Петруччио отправляет меня с ним на автокране устанавливать пожарную ёмкость.

…Разыгрывается сцена с участием прораба Лярового. Сначала под руководством Бочкова цистерну поставили на склоне сопки на два ряжа высотой в три бруса. Естественно, она легла под жутким наклоном. Ляровой наблюдал за нами издалека, но, когда мы уже отсоединили стропы, подошёл к нам.

— Ну, как так можно ставить? — начал он патетическую речь, не глядя на Бочкова. — У вас соображение есть? О чём вы думали? Вот ты, — кивнул он на меня, — кажется, закончил техникум. Так можно ставить цистерну?

— Нет, техникум я не кончал, — сказал я усмехнувшись. — Но ставить так, наверное, нельзя.

— Так, где же ваша совесть, почему допустили?..

— А Вы? — переключился он на крановщика Ходашева. — Такой, наверное, опытный. Как могли так поставить?

Ходашев от неожиданности онемел и только открывал рот и двигал руками.

— Да, что я-то могу? — наконец, выдавил он из себя. — Есть же старший…

— А где ваша совесть? Почему вы не запротестовали? — так он бросался почти на каждого.

В конце-концов, цистерну сняли, ряж отодвинули от склона. В это время подошли геодезисты из «Ленгипро» и учинили скандал: цистерна должна стоять вообще в другом месте. Ляровой с ними о чём-то договорился вполголоса, и менять ничего не пришлось. Надо было лишь приподнять нижний ряж, чтобы цистерна легла горизонтально.

Горисов (он работал в бригаде ЖКХ), наращивая нижний ряж, чуть не получил крюком «паука» по голове. Ляровой подлетел к нему с матерщиной и оттолкнул его так, что тот чуть не упал и не расшибся. От сего маразма я забрался в кабину крана и ждал, когда «дым» рассеется.

Тем временем кран пора было сворачивать. Я стал снимать паук и тоже чуть не получил крюком по макушке, но, непонятно почему, вовремя наклонился. Крановой опустил стрелу над кабиной, натянул гак, а мы начали убирать опоры. Вдруг Ляровой начал командовать.

— Так, теперь ты бери лопату, — кивнул он мне, — и подсыпай гравий под брус.

— У меня нет лопаты, я не землекоп, а слесарь, — начал было я.

Бочков, стоявший рядом, надавил на меня, а ему я отказать не мог. Мы сходили за лопатой, и я подсыпал немного грунта под брус.

— Вот молодцы, хорошо сделали, чудесно! — лебезил Ляровой. — А теперь ставьте цистерну.

Мы установили кран по новой и уложили цистерну на ряжи, как надо.

— А теперь заполните ряж камнями доверху, — распорядился Ляровой, обращаясь в том числе и ко мне.

Тут уж я не выдержал и пошёл к Петру жаловаться. В ОГМ я его не нашёл, встретил Бочкова в бытовке, сидящим у шкафа.

— Ну, долго я буду за тобой бегать? — спрашивает он, хотя бегал-то я.

— За мной бегать не надо. Надо давать мне мою работу, а камни засовывать в ряж я не буду.

— Ну, мне такие работники не нужны! Пойдём к главному…

И мы пошли, хотя оба знали, что его здесь нет.

Я всё же соглашаюсь покидать камни, пока не появится

главный. Но на самом деле вкалывать не тороплюсь. К концу дня ряж немного заполнили камнями и начали заливать воду в цистерну. К 17 часам Бочков пригнал бульдозер, чтобы присыпать ряж гравием, всё же цистерна — на 50 кубов.

…Прогон спектакля со светом начали лишь в 22 часа, а закончили около часа ночи. Я поплелся в «особняк», но не смог попасть внутрь: коридор был заперт.

На РБУ с утра жду сварку. Чекурин с Хорьковым ушли сдавать экзамен на разряд, и после этого ни один не появился. Я отдалбливаю бетон внутри груши. Целый день ждём с помощницами воду, а она не идёт. Наконец, решаю долить воду в ёмкость и во второй половине дня вода пошла из всех кранов, в том числе у второй бетономешалки и растворомешалки. Краны заржавели и не закрываются. Затыкаю трубы пробками из бумаги и иду в ОГМ разыскивать новые вентили.

Бочков говорит, якобы Омаров обещал их «сделать». Омар же этому очень удивился и сказал, что был разговор о сварке и укреплении мешалок, но не о кранах. Советует мне искать их «где-то на складе или в кузне». Я понял, что искать краны бесполезно и пошёл за деревяшкой для пробок. Вода опять «потерялась», и я, пользуясь этим, беру ключ у длинного слесаря из «Берёзки» и отворачиваю оба нерабочих вентиля.

…В клуб явился в полшестого и начал переклеивать репродукции на картонки. На репетицию пришёл Серёгин, а Иванцов даже принял активное участие. К часу ночи решили, что я буду и при проекторе, и подавать реплики из зала. После первого прогона постановки Пресс, Йося, Иванцов, Алина, Падикин и я засели в кабинете и начали всё перекраивать и «высветлять» сцены. С двух до трёх ночи — второй прогон.

…В 7:50 меня разбудил Лёшка. Гошка вообще не включал будильник. Беру топорик, чтобы сделать пробки для труб вместо вентилей.

На растворном узле в 8:10 были только девушки. В ОГМ Леднев как мой преемник заводил нашу машину, начальства не было.

На узле слесари уже поставили пробки вместо вентилей и искали место, где замёрзла вода. Круглый, как всегда, ухмылялся, а Длинный поработал паяльной лампой, и вскоре вода пошла.

Бочков заметил мне, что необходимо убрать брус (10 штук по 5 м) с дороги. Цепляю их проволокой к машине и оттаскиваю в сторону. Проделав эту операцию делаю сухую смесь для раствора. Бочков подгоняет машину. Я загружаю бадью, нажимаю кнопки и подбираю упавшие остатки раствора в кузов ЗИЛа.

Бочков едет с этой машиной разгружаться на строительство пожарного депо, а нам поручает продолбить колеи для машины и углубить место для бадьи. Слесаря работу закончили, и Длинный занялся чем-то с Галкой так, что она визжала на всю округу.

Я пробовал углублять и яму для бадьи, и колеи, но результаты были весьма бледными. До 11:40 мы сделали две бадьи бетона, один самосвал и разбежались на обед.

Во второй половине я чищу грушу, девочки углубляют яму и не без успеха. Грузим ещё одну машину. Бочков предложил прибить железо под цемент. Я ему объяснил, что сегодня освобождён приказом для участия в спектакле, работаю за «так» и вообще ухожу, а Люба Гвоздева уже научилась управлять узлом и вполне справится.

Дома налаживаю темноту и печатаю фото. Отпечатал портрет Луиса Корвалана в двух экземплярах и Пиночета. В 16:10 был в клубе и наблюдал всеобщую суматоху. Приклеил на картонки оба портрета, собрал все картинки для проекций вместе.

Загрузились со всем скарбом в автобус и отбыли в «Пионер» на смотр. Прибыв в ДК, быстро наладили свет. Жаль — лампа в стробоскопе сгорела. Мне с трудом удалось выбрать место в зале и, тем более, — опробовать проектор.

Стартовали внезапно в 18:10. Ляпы начались с того момента, когда Огонёк дошёл до буквы «m», и лента из обоев с алфавитом-оглавлением оборвались. Весь спектакль шёл немножко наперекосяк: его сопровождали накладки со светом, с фонограммой, моими проекциями. Иванцов махал прожектором стоя перед сценой во весь рост, Иосиф носился вдоль рампы от осветителей к операторам, матеря и тех, и других.

— Проектор, — «дети»!.. Свет, убрать свет!.. — кричал он на сцену.

Однако, оказалось, что всё не так уж и плохо. Гарик был в восторге. Мормонова тоже не удержалась от похвалы. Долго собирали оборудование и реквизит. До 20 часов ждали Йосю с вердиктом жюри. Встретили «на ура» его сообщение, о присуждении нам диплома Второй степени. В 20:30 выехали домой.

В нашем клубе ещё немного пообсуждали премьеру. Ждали, когда освободятся столы после заседания деятелей с автобазы, чтобы устроить банкет. Я же отвалил в сторону «особняка».

Пишу дневник, запивая сухим румынским, и ложусь спать. Просыпаюсь в час ночи от хруста замка, беготни, голоса Люды. Выглядываю из двери.

— Подожди, — слышу её шепот и голоса провожатых —

Мормоновых и Влада…

Ночь была полна взаимного недопонимания…

Глава 30

«Чудо» -техника. «Экскурсия» на Турьян. «Ударник» показывает! Битва при Гедкане. Польза встряски. Греются на солнышке.

…На РБУ пришёл к восьми. Павел шел навстречу от цистерны.

— Что это ты, как министр? — укорил он. — Надо пораньше приходить.

Я промолчал, и он ввёл в курс дела.

— Вода не идёт, — сказал он. — Сейчас возьмёшь чего-нибудь и разожжёшь костёр там, под трубой, около слива…

Я покрутил вентиль у мешалки, послушал, как бурчит вода в трубе, и понял, что в цистерне низкий уровень воды. Бочков, напротив, был уверен, что вода замёрзла в вентиле, и настаивал, чтобы я его скрутил. Я конечно же упёрся.

— Да не может вода замёрзнуть в вентиле, — сказал я. — Ведь она же свободно журчит.

— Журчит, когда ударишь по трубе у цистерны, а слышно здесь, — гнул он своё.

— Так это по железу, а здесь слышно из трубы, по воздуху. Да у меня и ключей нет…

На всякий случай я пошел посмотреть уровень воды в цистерне. Заодно из картонных коробок развёл костёр под трубой, добавил в огонь рубероида. Залез на цистерну, открутил крышку: уровень воды был немного выше сливной трубы. Когда вернулся к бетономешалке, в груше воды было до краёв, отовсюду текло.

— Вот ты ушёл, а я прихожу, — здесь хлещет во всю! — посетовал Бочков.

Девочки к тому времени заполнили раствором бадью, а я взялся прибивать листы кровельного железа, расстеленные под цемент.

Погнул несколько гвоздей и, так и не пробив два слоя железа, пошёл в ОГМ искать пробойник. В слесарке нашёл старый клапан от движка. Только хотел его заточить, — отключили электричество. Просидел в ожидании тока 10—15 минут, но вскоре почувствовал неудобство: Бочков телепатировал матерщину. У кузнеца выпросил клапан, заточенный как отвёртка, и побежал на РБУ. Только начал пробивать дырки в железе, прибежал Бочков.

— Слушай, где у тебя рабочее место? — проворчал он. — Ну-ка давай, делай бетон.

— Да, я ж ходил делать пробойник!..

Кручу «грушу» с бетоном. Девочки сеют песок через сетку, месят раствор. До обеда сделали по машине раствора и бетона. Бочков сам их сопроводил на пожарное депо.

Во время паузы я натаскал булыжников в грушу и включил её под наклоном, чтобы отдолбить внутренние наслоения бетона. Это не дало никакого эффекта. Долбил грушу и ломом, и стучал кувалдой снаружи — всё бесполезно…

Однажды при подъеме бадьи, груженой сухой смесью, её ролики упёрлись в разбитые стыки на направляющих, бадья стала переворачиваться раньше времени и вываливать смесь мимо жерла «груши». Шофёр ЗИЛа хотел помочь, но своей подпоркой в один ролик лишь повернул бадью на бок. Тогда мы смазали оси роликов, подстелили доски под бадьей и всей командой поставили ролики на направляющие.

Дома в обед соснул с полчаса. На работе сразу готовим замес. Бочков бегает, как угорелый. Выбил цемента лишь на две с половиной машины, но девочки растянули его на три. Бульдозера нет, песок таскают на носилках.

— Я бы здесь работать не стал, — сокрушался шофёр, возивший бетон…

В обеденный перерыв в столовой встретил Влада. Известил, что меня перевели на РБУ, и мы снабжаем бетоном стройки ПТУ и пожарного депо. Он заметил, что для фундамента труб они делают бетон сами, прямо у котлована…

Вторая машина, ещё менее загруженная, ушла к Чеботарёву. Она вернулась так быстро, что мы не успели сделать замес и приготовить бадью. Работали на пределе, и девчонки уже не обсуждали вопрос: сколько они здесь заработают, и будут ли они «для нормы» штабелевать доски.

Они уходят в 16:40. Шеф быстро обернулся, видимо, отвёз бетон в депо. Я опять заложил в мешалку камни и гонял грушу. Зло брало на эту технику. Я уже почти открутил рёбра в груше, чтобы они болтались, а раствор внутри всё равно нарастал. В 17 часов вывалил камни вниз, слил воду. Оба листа железа, что я прибил под цемент, уже оторвались…

Покупаю бутылку шампанского. Дома через силу вымыл пол. Выпив бокал шампанского улёгся, под одеяло. У меня начинается насморк, в горле першит. Видимо, посидел на сквозняке после запарки на работе. Гошка вернулся под градусом и от шампанского отказался. В 20 часов мы уже спали.

В пятницу проснулся в 4:40, хотя собирался — в два. Зато выспался и взялся за дневник.

На РБУ был в 7:45. Открыл краны, но вода не пошла. Бочков

отправил нашу команду в РПБ за цементом. Мы успели загрузить в «Магирус» 25 мешков, когда к нам подошла мастерица отделочниц и отправила к прорабу Опрошину. Но мы решили найти Бочкова. Он сбегал к Опрошину и выяснил, что, действительно, брать цемент у него больше нельзя.

Тогда Павел послал меня на пилораму за Рудиком, а с ним — за цементом на Турьян. Пока ехали к пилораме, шофер Ваня как-то волновался.

— А где же на Турьяне цемент? — спросил он меня пару раз.

— Да, найдём… — уверил его я. — Туда завезли почти 40 тонн, прямо на марь.

Рудика на месте не было. Пока его ждали, я пребывал в смятении: торопил водилу, а теперь теряем время…

На середине дороги у «Магируса» наполовину отскочила решётка радиатора. Мы остановились, и шеф стал прикручивать её проволокой. Рудик тоже вышел и стал стягивать борта кузова. Горло у меня было воспалено, и я решил отсидеться в кабине. Увы, Рудик попросил меня подпереть борт, и мне пришлось служить подпоркой.

Доехали до 14-го километра. Проехали по разъезду мимо третьей водопропускной трубы до конца насыпи, но ничего не увидели. Поехали назад, и я спросил бульдозериста у стоящего трактора о цементе. Сначала он сказал, что ничего не знает, но потом вспомнил, что рядом, за цистерной, — настил с мешками. Мы подъехали, примерились и начали тягать мешки. Через 20 штук — отдых. Начали в 10, а кончили грузить (120 мешков) в 11:30.

В Новоленде Ваня высадил нас напротив столовой и поехал разгружаться к РБУ. Рудик пошёл домой, а я после обеда явился в РБУ. Походил вокруг машины и взялся за разгрузку один. К полтретьего я выгрузил всё.

В 16 часов вернулся домой из бани автобазы. В зеркале увидел вокруг носа не отмытые пятна цемента, умылся и заснул. В шесть часов был у клуба.

Андрей — один из студийцев — выпивал ещё в обед и был уже «хороший». Всем встречным он объявлял:

— Отряд «Ударник» показывает!..

Иосиф сразу его раскусил и отстранил от участия в выездном спектакле. Я собрал свои фото и вместо «бомбардировки Ла-Монеды» решил показать «штурм дворца с соратниками Корвалана». В 19:30 мы были в РДК. Долго рядились с микрофонами и усилителями. Наконец, до Йоси дошло, что зал маленький и пустой на две трети, и решил играть без микрофонов.

Представление шло медленно. Например, вместо «Штурма дворца» я показал на экране проекцию решетки эпидиаскопа. А когда на пустом (без изображения детей) экране показал «перекрестье прицела» и «портрет Пиночета», Иосиф, носившийся по залу, оказался рядом и матюкнулся так, что слышали все от Томки, до Коротич, сидевших за моей спиной.

— Ты что? Спишь?! — прошипел он, приблизившись, чтобы никто не слышал…

Дальше всё пошло более гладко, только в эпизоде «Связь времён» я не поставил проекцию «дорога», ибо она затерялась где-то в сумке.

По окончании, в малом зале, обсуждали смешные моменты спектакля. Коротич с подругой Галей — медсестрой — ушли. Иосиф распоряжался загрузкой грузовика, а я, Горисов, Вовка и Томка уселись в автобус. У нашего ДК разгрузили машину, и я пошёл в «особняк».

За дверью узнал Галкин голос, но понял, что для меня вход закрыт. Стоял и ходил под окнами, наверное, с час и понял, что Галка занимается некими профессиональными манипуляциями. В десять часов она ушла. Я вошёл в комнату, но был встречен весьма прохладно и напряженно. Выпили по рюмке коньяку и улеглись довольно поздно. Спали отдельно.

…1 мая, суббота. Проснулись около восьми, выпили остатки шампанского и, когда колонна нашего СМП миновала «особняк», вышли из дома. Дошли под ручку до лестницы, что ведёт к Северной трассе. Люда встретила комсомольскую деятельницу из нашего треста, и мы разошлись. Я ушёл к своим, поздоровался с Петром, одетым в олимпийский костюм («Не люблю галстуков!»). Наш «театр» едет с транспарантами в кузове ЗИЛ-131 и приглашает меня присоединиться.

После демонстрации у нашей компании намечался пикник. Не найдя Людмилы среди гуляющих, еду в Новоленду. Захожу за Икорниковыми, и в 16 часов мы прибываем на берег Гедкана. Стол уже накрывали, гости постепенно подтягивались. Гошка пошёл встречать Хаткина с женой и ребёнком в коляске, а заодно и «авангардистов». Не дожидаясь остальных, начинаем понемногу выпивать. На столе водка, портвейн, сухое вино. Тосты — за Первое мая, за предстоящий день рождения Гошки. Было пасмурно, сыро и ветрено, но мы с Лёней снимали на две камеры.

…Гуляли с Людмилой по берегу реки и набрели на спящего в траве Ярковича. Я их оставил вдвоём и пошёл к «аттракциону», набрасывать кольца на колышки. Ждали Виктора с мясом «по-чукотски». Инна и Влад, Митя и Настя куда-то отошли.

Я встретил Виктора на мари и повел его к биваку. Он уже

шатался, спотыкался, ронял ведро с мясом, выбирал руками мясо из зарослей под ногами, бросал в ведро и брёл дальше. Когда он пришёл к столу без очков, плохо соображая, никто не обратил внимания на его «деликатес». Здесь разворачивалось действо интереснее.

Гоша начал выяснять отношения с Хаткиным. Мошкин принялся их разнимать. Вмешались Роговицын и Бураков. Последний молниеносно нанес несколько точных ударов по ближайшим физиономиям, и завязалась хорошая драка, втягивая всё новые силы. Виктор с чьей-то небольшой помощью завалился передо мной под стол вверх ногами. Появился Степанов и, как водится, тоже принялся разнимать драчунов. Я собрался с последними силами и, как истый пацифист, оглядываясь на побоище, пошёл шатаясь в посёлок. В последствии это событие получило у замиравшихся участников название «Битва при Гедкане».

Не помню, как добрался до дома, бросил сумку и побрёл в «особняк». Спал до ночи, хотя меня знобило и ломало. Включил настольную лампу и задремал, пока не пришла Людмила. На свет в три часа ночи явилась компания; судя по голосам, — Огонёк, Олег и вся «музыкальная шкатулка». Подергали запертую дверь, постучали и тихо исчезли. После этого мы заснули, не прикасаясь друг к другу.

В воскресенье я проснулся довольно рано, поэтому не стал будить Люду и ушёл домой. Первым у нас появился Владимирский в поисках опохмелки. Виннету, Лёшка и я скинулись на шампанское. Выпили две бутылки. Девятым валом нахлынули воспоминания о вчерашнем.

Появились Райлин, Мошкин, Копель. Виктор послал Фрола на поиски мяса. Но он привёл Пузыря с бутылкой водки. «Бойцы» пили, ели и, захлёбываясь от восторга, вспоминали детали вчерашнего побоища. Лишь Вовка был настроен «контра», но его просто забросали тезисами о полезности «встряски».

Я записываю на кассетник песни. Разбираюсь с рулевой вилкой мотоцикла, устанавливаю её на раму. Долго вожусь с кожухами амортизаторов. Заканчиваю работать к 5 вечера.

В «музыкальной шкатулке» намечается помолвка Олега с Надей, но я туда не пошел. Ночью печатаю с Лёней фото для выставки.

…В понедельник на РБУ вода в мешалки шла довольно хорошо, и мы сразу делаем бадью бетона. Бочков отправился за машиной. Пришёл с известием, что машин сегодня не будет, и распорядился вывалить и раскидать бетон, а затем, — убрать доски от стен для установки окон и вынести стекловату.

Вынимаю стекловату, девочки убирают доски в штабеля. Работаем до четырёх часов. Позвонил Коротич. Она говорила коротко, без желания. Являюсь в «особняк» в 10 вечера. Людмила вошла буквально передо мной. Раздеваемся и сидим молча.

— Правильно ли мне показалось по телефону, что ты не очень хочешь меня видеть? — спросил я.

Она промолчала, и вышла на кухню. Я оделся и собрался уходить. Она загородила мне выход. Я был вынужден раздеться. Мало-помалу разговорились. Оказывается, она была на меня обижена за исчезновение утром в воскресенье. Я объяснил, как это получилось, и предложил каждому заняться своим делом.

Выпили коньяку за взаимопонимание. Я сел за дневник, она погладила бельё и легла спать. Ночью всё было, как в лучших семьях Парижа, и без лишних слов…

Во вторник на работу пришёл вовремя, но долго не мог добиться воды: трубу загнула проехавшая по ней техника. Исправив поломку, одну машину бетона отправили быстро. Долго делали раствор и наполнить бадью до обеда не успели.

После обеда добавили пятый замес и отправили машину Воронцову. Сделали ещё одну машину бетона для пожарного депо.

При обсуждении режима работы возник скандал. Гвоздева заметила, что раствор в пять вечера никому не нужен, и предложила выходить утром в полвосьмого, а уходить в полпятого. Однако, остальные «дамы» завыли и воспротивились.

Вечером проявляем с Лёней плёнки и собираемся печатать.

5 мая выхожу на работу в полвосьмого. Пробую пустить воду, но она не идёт. С утра греет солнце. Появилась Гвоздева, и мы с ней делаем замес раствора. Подошли девочки, «погрызлись». Воронцов потребовал добавить в раствор щебня и отправить его как бетон.

Бочков заговорил о предстоящей поездке за цементом, девочки завопили. Тогда он позвал Рудю. Я захватил «Зенит», и мы поехали на 22-й километр. Загрузили с ним 60 мешков у пятой трубы. Яркович привёз с собой на участок ружьё, и желающие стреляли по консервным банкам.

На четвёртой трубе снимаю Гошку с Вовкой, раздетых по пояс, швыряющих лопатами грунт из котлована.

Загружаем на третьей — ещё 60 мешков и отвозим их на РБУ по узким колеям. В посёлке в полвторого зашёл в магазин. На работу явился в полтретьего.

«Магирус» стоял неразгруженный: наш новый начальник запретил вываливать мешки вповалку. Я прошу шефа с ЗИЛа, приехавшего за бетоном, приподнять кузов «Магируса», но он

не совладал с его устройством. Дождались с Рудей «нашего» шофёра и помогли ему вывалить мешки аккуратно.

Сидим, греемся на солнышке, поскольку у мешалки отвалился кронштейн опрокидывателя. Появляются: начальник треста Болковинский, Падикин, Шмелёв и ещё один тип.

— Вот так везде, — сразу напал Болковинский, — либо греются на солнышке, либо работают спустя рукава.

Люба вскочила и завелась.

— Как работаем? — застрочила она без подготовки. — Мешалка у нас сломалась, и никто не чинит, раствор Воронцов вернул, то нет машины, то — воды, то — цемента, а то — трактора, — толкнуть гравий! Как тут работать?

Я поддерживаю её и рассказываю, почему нет воды, куда ездим за цементом.

— А ближе цемента нет? — спросил Болковинский.

— Сие нам не известно.

Он спросил, кто нами руководит, и пошёл, отчитывая съёжившегося Падикина.

— А Падикин—то махал мне из-за спины Болковинского, — сказала Гвоздева, когда они уехали, — мол, молчи!..

После выгрузки цемента нас позвали разгружать брёвна из прицепа «Кировца», потом девочки штабелевали доски. Сварка для ремонта мешалки так и не приехала. В 16 часов иду домой. Занимаюсь колёсами мотоцикла. В 7 вечера вспоминаю, что Коротич говорила про День печати.

Захожу в «особняк» и вижу стол, за которым сидят: Инна, Иосиф, Томка, Люда и другие. Ждём Тимошина, который отбыл в «Ударник» за нашими. Однако, никого мы не дождались и начали пить. Олежка привёл Владимирского и Вову. Степановцы ушли рано. Остальные пили, ели, орали песни до 3 часов ночи.

Глава 31

Напрасный труд. «Поиски» воды. Фотовыставка. Интересный человек. «Долг за работающим». На грани срыва.

…Хорьков приварил отвалившийся кронштейн на мешалке, после чего на ней отказал подъёмник бадейки. Спросонья я не сразу понял, в чём проблема. Люба побежала было к Бочкову, но я её остановил. Оказалось, с одного барабана соскочил виток троса. Концевики расстроились. Когда я всё исправил и поднял бадью, она прижала трубу и та отломилась. Пришлось перекрывать воду. Делаем раствор, воду носим вёдрами. Машину раствора отправили до обеда и разошлись.

После обеда делаем бетон. В четыре часа бетон не приняли ни пожарное депо, ни баня. Ни у кого не было подъёмного крана. Начальник производства матерился.

— Я напишу Черникову акт… — грозно обещает он Бочкову и всем, кто был рядом…

Шофёр ЗИЛа вывалил бетон у ворот пилорамы, куда указала мастерица. Бочков бегает от узла к пилораме, как заведённый.

— Ну, куда ты вывалил всю машину?! — кричит он запоздало.

— А как я могу вывалить половину? — встречно удивляется шофер…

…Дома отлёживаюсь и в полвосьмого иду в клуб. Иосиф собирается читать всем сценарий В. Жалакявичуса и В. Ежова к фильму «Кентавры» в журнале «Молодая гвардия» (?), схожий по тематике с нашей инсценировкой «Венсеремос». Прошу у него разрешение на «отпуск».

Соколов принёс в клуб 15 фоторабот, дождался Пресса и Иванцова, договорился о вывеске фотографий в фойе клуба. Я веду его к Лёне, и мы говорим до полуночи о снимках с видами Ленды, о фотоискусстве.

Идём вместе в фотолабораторию клуба, печатаем с Лёней несколько своих сюжетов: «Первое мая», «22-й километр» и другие. Соколов грубо намекает, что любит работать один, и в три ночи мы с Лёней уходим.

7 мая завтрак проспал. В РБУ воду таскаем вёдрами и готовим раствор. Я иду «искать воду», то есть, в столовую.

Когда возвращаюсь, наблюдаю, как новый начальник и Бочков рассуждают, что делать с водопроводом. Одну машину отправляем и замешиваем бетон. Я фотографирую девочек, таскаю цемент. Бочков носится в «поисках» воды… День выдался жаркий с легким ветром.

После обеда приходит Петя и смотрит, что можно сделать с трубой. Я долблю бадью, пытаясь её очистить от застывшего раствора. Бетон никому не нужен, и я иду домой.

Поснимав виды трассы, проявляю в «Хи-хи» плёнки. Вваливается «готовый» Владимирский и падает на кровать в одежде. Ухожу к Копелю, где были Мормонов и компания. Пьём шампанское, говорим о фототехнике, радиолюбителях и прочем.

В полночь идём с Лёней на спортплощадку и тащим из кучи деталей домов две пачки небольших листов фанеры для планшетов. В штабе КООД сидят руководители, мы тащим материал мимо них и ржём до упаду. Я пилю фанеру по размерам, Лёня обтягивает её ватманом. Впопыхах печатаем фотографии, клеим их на планшеты и в шесть утра расходимся.

…В субботу идем с Лёней в лабораторию. На улице дождь. Мы радуемся, надеясь, что поход на шашлыки сорвётся. Приходит Люда и говорит, что в «Хи-хи» все уже напились, но всё равно выходят на природу в четыре часа.

Мы бегаем: я в поисках пишущей машинки для подписи фотографий, Адонин — с леской для их подвески. Я сочиняю подписи к снимкам. Звоню с почты Людмиле и прошу напечатать названия работ и фамилии авторов. Шлю родителям поздравление с Днём Победы.

Адонин уходит в клуб вешать наши фотографии. Печатаем с Горчаковым моё фото «С бородой» и его снимки: «Юбиляр», «Пионеры на субботнике», «Футбол». Лёня доложил, что праздничный вечер в клубе уже начался, и остальные фото можно вывесить завтра.

Покупаем с Гошкой колбасу, сыр, яйца и хлеб. Жарим всё в сковородке, не мытой с доисторической жарки. Допиваем остатки портвейна.

Лёня приходит к нам за фотобумагой, при этом съедает всё, что находит. Он собирается на шашлыки, а я ложусь спать. Напала такая апатия! В девять я уже спал. Гошка ушёл к Авдеевой, но оказался у Тимошина, и всю ночь писал сценарий для Иосифа.

9 мая утром послал с почты поздравительные телеграммы родственникам. В «особняке» — дневник с 10 до 15 часов. Обхожу город обычным маршрутом. Звоню Колибе, чтобы прислала телеграмму-вызов: «Отец серьёзно болен срочно выезжай»…

Домой иду через «Орбиту». Оттуда вид на долину и на стрелку Гедкана с Лендой ещё более прекрасный, чем со стороны бани.

В клубе осмотрел выставку фотографий, но наших работ не досчитал. Я удивился и зашел в лабораторию, где Лёня

натягивал ватман на планшеты, ворчал на Пресса (за его выпендрёж) и на отсутствие помощников. Я слушаю и параллельно мастерю петли для подвески планшетов. Заходит Егоров с женой и ещё одной дамой из треста. Смотрят выставку, дают советы. Я спрашиваю о жюри, и Леня, посмеиваясь, намечает приблизительный его состав: Сущевин, Иванцов, Немоконов из «Магистрали» и ещё кто-нибудь посторонний.

До 20 часов мы клеим на планшеты фотографии Гарика по новой, ибо вчера он делал это в невменяемом состоянии…

Дома ко мне несколько раз забегает поддатый, но весёлый Виктор.

— Где может быть Гошка? Это ж, ребята, человек! — как всегда с восторгом заявляет он. — Это такой интересный человек!

— Ну, да. Все, у кого трудное детство, — это люди, а кто с детства, как сыр в масле, — никчёмные людишки, — подзадориваю его.

— Нет, просто он больше понимает в жизни…

— Гошка у Мошкина, — сказал я и подсказал, как его найти.

Уснул рано, Гошка явился ночью пьяный. Оказывается, он был у Митяя с Гариком, где пытался читать свой свежеиспечённый «шедевр». При этом Гарик начал философствовать, и всё обсуждение расстроилось.

В понедельник на работу явился в 8:10. Вода на РБУ не приходит. Бочков и Витя предложили мне соединить шлангом цистерну с РБУ. Однако, сегодня моя очередь проходить медосмотр.

…Увидев в поликлинике толпу, возвращаюсь на РБУ. Лучше поработать, чем париться в очереди… Взял шланг, газовый ключ и нож. Вдвоём с Петей соединили шлангом цистерну с РБУ. Увы, вода и по шлангу не пошла…

Дома взял журнал и пошёл читать «Кентавры» в поликлинику. Прохожу медосмотр до 11 часов, затем еду на попутке в железнодорожную амбулаторию на флюорографию. По пути домой покупаю в магазине «Пару гнедых» — две банки конины, маргарин, хлеб.

После обеда начинаем месить бетон, а вода незаметно переполняет «грушу» так, что её пришлось сливать в кузов самосвала. С трудом сделали машину бетона, и Опрошин сам сопроводил её до участка. Вторую машину делаем с не меньшим трудом.

В 16 часов все разбредаются по участкам. В ОГМ ни слуху ни духу о зарплате. Девчонкам выдали 240—250 рублей. В моём расчётном листе не начислено ни копейки, а в графе «долг за работающим» — 29 рублей. В ОТиЗе выясняется, что на меня

не был подан табель. Ищу Вяковлева, но его нигде нет.

Дома хочу завалиться спать, а Лёня зовёт вывешивать фотографии. В это время в клуб заходит Огонёк и, глядя на снимки, рассуждает:

— О! Может быть я тоже чего-нибудь напечатаю и повешу…

— Давай, давай! — подбадривает Адонин. — Как натягивать планшеты я покажу…

Пошли в лабораторию, где должен был быть Горчаков. Его там не оказалось, и Лёня с Огоньком отправились к нему домой, а я — читать «Кентавры». Неожиданно наткнулся в том же журнале «МГ» на вещь А. Битова.

В 22 часа засыпаю прямо в одежде.

Вторник. Подъём в пять часов. Дневник — до семи. Бужу мужиков. Гоша идёт на медосмотр, а Вова остаётся: «пижонил» вчера на работе (работал по пояс голый), а погода несколько раз менялась от солнца к снегопаду — вот и простудился, а ещё собирался переплыть Гедкан!

На РБУ вдвоём с Любой делаем замес бетона и ждём машину. Бочков обещает, что их будет две. Затем, иду в ОГМ к Вяковлеву и, улучив момент, отдаю ему свой расчётный лист. Обещаю сидеть в ОТиЗе, пока мне не выдадут зарплату. Вяковлев говорит, что посмотрит, кладёт листок в карман и начинает суетиться. В бытовке толпятся механизаторы: всем не доплатили от 30 до 130 рублей. Половатюк делится своим опытом.

— Я сделал очень просто, — начал он. — Зашёл в ОТиЗ, и мне говорят, что денег нет. А мне нужно всего 60 рублей. «А нука, — говорю, — доставайте кошельки, в получку отдам». И они, как миленькие, выдали мне деньги.

Хороший пример. Значит, всем надо идти в контору и требовать, чтобы конторские скинулись…

Я брожу, жалуюсь Ледневу на блядство с моей зарплатой. Ждём Вяковлева, и Бочков задаёт ему вопрос о моей зарплате. Механик смотрит в заполненный табель, а меня в нём нет.

— Да? — удивляется он. — Ну, тогда сейчас допишем, и Гена передаст в ОТиЗ.

— А чего он будет бегать? — сказал Павел. — Вы сами и отнесите.

— Ах, да, конечно! Только распишитесь в наряде…

Я расписался и пошёл работать.

Самосвал пришёл к 11 часам. До этого девочки таскали доски, а я гулял туда-сюда: ходил пить чай, читал журнал. Всё же, в 11:30 сделали машину бетона для строительства бани. Во второй половине сделали 3 машины бетона.

В конце смены, в ОТиЗе, Плутанова объясняет:

— Да, табель подали, но денег нет. Сможешь прожить до аванса? Если нет, сходи к Петруше, попроси его, чтобы он «поклонился» главбуху и, если она согласится, получишь деньги.

Злости моей не было предела. Придя домой, объяснил Гошке, что хочу напиться. Однако, у него ничего не нашлось. Около шести вечера встал в магазине в большую очередь. Женщины подолгу выбирали мясо. Ближе к прилавку передо мной влезли знакомые ребята. Березин набирал продуктов на две недели, чтобы не пропить деньги. Наконец, в свою очередь, без всякой надежды — времени было далеко за шесть — прошу бутылку коньяку.

— Нет, не дам, и не проси! — уперлась продавщица.

Вышел злой до слёз, хотя знал, что так и могло случиться при наличии свидетелей. Надеялся, что никого в магазине не будет?..

Зашёл в «Хи-хи». По слухам, у Владимирского что-то должно быть. Рассказываю ему, как мне плохо. Он «помогает по-еврейски»: сочувствует.

Переодеваюсь дома, выхожу в сторону «особняка». Коротич лежит слегка простуженная. Нахожу остатки водки в старой бутылке и запиваю глотком бальзама. Люда готовит кофе, хочет налить мне водки, но бутылка была уже пуста…

На следующий день с трудом бужу Гошку и Вову. Они опаздывают, но все равно бегут в столовую.

…С девчонками за весь день сделали одну машину бетона, и больше ничего не потребовалось…

В четверг с утра делаем одну машину раствора. Шофёр второй машины набивает на воронку над кузовом машины старые мешки: машина сильно пачкается брызгами раствора, и грозится не приезжать, если не будет набит брезент.

У меня постоянно портится пульт управления: засоряются контакты в пульте. Каждый раз вызываем электриков и теряем время…

Глава 32

Отбойный молоток. «Насилуют!». Сборы в отпуск. Любовью брата. Попутчики-коллеги. Новости треста. Подпольный штаб.

В пятницу утром Бочков предупредил:

— Сейчас приедет компрессор, будем чистить «грушу»…

Привезли компрессор, подключили к нему отбойный молоток. Само собой разумеется, внутрь «груши» направили меня. Начал было отбивать с её стенок окаменевший бетон, как вдруг шланг соскочил с молотка и напугал моих зрительниц «выстрелом».

— Надо раствор давать, а у вас нет хомута на шланг!.. — крикнул Бочков, будто отбойный молоток — мой личный инструмент.

…После долбёжки сделали машину раствора. Девочки убежали на обед, а я вдобавок продолбил колеи для машин. Бочков профилактически отругал девчонок, а мне наказал их подгонять.

…Девушки делают бетон для ГПТУ, а я долблю вторую «грушу». В последний приезд машины успеваем сделать лишь четыре замеса, и шофёр уезжает якобы на «совещание».

— Сброшу ваш бетон где-нибудь поблизости… — проворчал он на прощанье.

Чищу «грушу» до шести часов и глушу компрессор.

На подходе к посёлку меня встречает Бочков и просит выйти завтра на работу.

Дома сидел Серёжа с пилорамы и разливал коньяк. Принимаю рюмку и падаю на кровать. Гошка с трудом поднимает меня на закупки продуктов. Сам он с Вовой собирается к Тимошину на день рождения: долго подбирает и примеряет рубашки и пиджаки.

Позже я тоже направляюсь к Тимошину. В 23 часа на попутке доезжаю до «особняка» за Людой, и мы идем в «шкатулку».

В общежитии отдела культуры царило затишье: все напились и вели тихие «светские» беседы. Я взял высокий темп, дабы «догнать» присутствующих. Поговорил со всеми: Олегу подарил фото Катерины, с Йосей начал каламбурить и задираться. Инне, собирающейся в отпуск, нарисовал план проезда к моему дому в Москве. Она дала адрес их дома в Серпухове. Майор Трофимов усиленно поил меня «Экстрой», а Инна только качала головой.

…Вышел на «двор», а когда возвращался, заметил солдатика, выходящего из уборной, застегивавшего гимнастерку на ходу.

Немного погодя за мной вошла с улицы Надя и начала сначала спокойно, потом, постепенно усиливая громкость, вопить:

— Вот, вы тут сидите, смеётесь, а меня там чуть не изнасиловали-и-и!

По просьбе окружающих она пыталась рассказать всё по порядку.

— Я сижу на «очке» и вдруг на меня сверху кто-то прыгает, начинает ломать руки и пытается снять с меня, как ему казалось, юбку. Я кричу: «Что ты на инвалидку-то лезешь?! У меня сломана правая ключица. В любое другое время приходи, а сейчас-то что — сладил?..».

Трофимов, Мормонов, Йося выскакивают за дверь, а Гошка рассказывает нам с Инной свой любимый анекдот.

— Бабка закричала на базаре: «Насилуют!..», — начал он, но его прервал звук выстрелов на улице. Оказалось, — то Трофимов стрелял из своего стартового пистолета «для острастки».

Надя плакала за столом, а когда мужчины вернулись, яростно обсуждая эксцесс, поднялась на «сцену» к кровати, разделась до трусов, демонстрируя одну не забинтованную грудь, и улеглась в постель.

Ароныч демонстративно уставился на эту картину. Всем стало весело. А Люде в это время было плохо, она лежала в комнате Иосифа. Вскоре он и сам уснул возле телевизора. Около двух часов ночи все стали разбредаться…

…В субботу встаём поздно. Людмила собирается судить футбольный матч и писать очерк. Меня Тапрыкина звала в библиотеку разбирать и раскладывать книги на полки. В 10 часов мы расходимся в разные стороны. У энергопоезда встречаю Гошку, который показывает телеграмму с вызовом для меня. Объяснил ему, что это — фиктивный вызов, а он поверил с трудом.

Дома пытаюсь собрать вещи, но не могу оторваться от прозы Астафьева, так как журнал надо было отдать. Гошка ложится вздремнуть и при этом просыпает тренировку по футболу.

В шесть вечера заходим с ним в «Хи-хи». Яркович и Мормонов ругаются по поводу подстреленного мосстроевцами оленя: целились в птичек, а попали в оленя. Яркович же явился с охоты с селезнем, что, опять же, было запрещено.

Всей компанией уходим к Мормоновым. Меня возмутил приход незваных Арнольдова с пилорамщиком Серёжей. Выпив и обсудив новости, как-то невзначай все стали расходиться. Арнольдов же заказал в кредит Москву с телефона Мормоновых и разговаривал минут 20.

Около часа ночи Ароныч потащил оставшихся провожать Томку в «шкатулку». Там он растолкал Йосю, извлёк бутылку «Рубина», и все желающие выпили.

Домой в Новоленду отправляемся в три часа. Проходя мимо «особняка», замечаем свет в окне Людмилы.

— Пойди, отдай человеку немного тепла, — сказал мне Владимирский.

— Что за намёки? — сказал я недовольно. — С чего ты взял, что я должен?

— Тогда я пойду, — сказал вдруг Лёня и пошёл к дому.

Однако, вскоре он догнал нас.

— Только я подошёл, свет в окне погас, — соврал он и глазом не моргнул.

Владимирский завёл спор о сексе, утверждая, что не должно ни о чём думать во время акта, кроме, как о желании сделать партнёру приятное. Я же вспомнил, что, кроме этого «приятного», успеваешь обдумать массу посторонних вещей…

Придя домой, я лег и сразу уснул.

…Половину воскресенья слоняюсь, читаю. Пытаемся с Лёней достать увеличитель из клуба. Во второй половине дня заморосил дождь. Зашла Тапрыкина в поисках портфеля для Йоси, едущего на конференцию во Владивосток. Выхожу с ней из балка и встречаю Людмилу с Инной. Они собираются в 20-й вагончик к Огневу.

Сперва привожу всех в вагон «Хи-хи», а сам, взяв бутылку коньяку, иду к Алине. Увы, она была уже в неглиже, и разговор о переходе к Степанову не состоялся.

Возвращаюсь в «Хи-хи», где слушаю пустой разговор гостий о рваных чулках, о Томкиных ножках, о шмотках… Пишу заявление на перевод в бригаду Степанова и на отпуск. Вдруг в балок вбегает Полина.

— Прихожу из кино, — дверь нараспашку, — запричитала она. — Яркович лежит пьяный на кровати, а за столом сидят пять незнакомых парней. Он начал меня оскорблять, сказал, чтобы на работу не выходила…

Владимирский выразил было своё отношение к этому, но тут ворвался сам Яркович.

— Сука, а ну, вон отсюда! — гаркнул он. — Жаловаться пришла!

И они сцепились, матерясь и обещая сейчас же размозжить друг другу черепа.

Пьяный Владимирский угрожающе бил кулаком в дверь, приговаривая:

— У, падла! Прибил бы тебя сейчас на месте!

Жека прижимал его к себе, не давая разойтись.

— Молодой ещё! Куда тебе? — выговаривал он ему, парторгу, старше его вдвое.

Мы с Лёней смотрели на эту сцену, не зная, смеяться или разнимать всех. Наконец, Ярковича отправили спать, а Полину — домой.

Я дописал заявление и отправился спать.

Утром в понедельник бегу с Гошей в столовую, а Вову решили наказать и привить самостоятельность. В «Хи-хи» Яркович в одиночестве уплетал из консервной банки хек.

— Все уже ушли, — сообщил он небрежно.

Моё заявление о переводе в их бригаду лежало на столе нетронутым. Я его забрал и, отыскав Влада, спросил о его решении. Он ответил, что заявление обсудит вечером с Советом бригады.

На работе Петруччио долго изучал заявление на отпуск и на перевод и, наконец, подписал его. К девяти часам иду в контору к Алине с подписанным заявлением. Она обещает напечатать приказ и отдать на подпись руководству. Подсказывает мне, что сначала надо сделать заказ, и лишь потом она даст мне требование на «бесплатный билет». В билетной группе меня посылают за требованием. Возвращаюсь к Алине…

Разыскиваю в библиотеке Тапрыкину, чтобы отдать ей журнал, и договориться о встрече в Москве.

Дома застаю Гошку, которого освободили от работы для подготовки отряда ЮДМ (юный друг милиции) к смотру-конкурсу. Но он отказался выполнять двухмесячную программу подготовки за 4 дня до его проведения и напился по этому поводу.

Я же еду в книжный забрать подписные тома Брюсова и А. Толстого. Заодно покупаю японский платок в подарок Колибе и коньяк для «отвальной».

Приглашаю Икорникова, Горисова и Лёню к нам. Быстро выпиваем, поём песни. В разгар гулянья заходит Влад и отчитывает Гошку за отказ от работы с ЮДМ. Постепенно все расходятся, и я собираю вещи.

К полуночи, покончив с вещами, я направился в «Хи-хи» за письмами Степанова, которые он хотел передать в Москву, а затем, — в «особняк».

В половине первого поднял Люду с постели, напоил, и она устроила мне на прощание истерику.

— Совсем одна осталась! — причитала она. — Вот, почему все меня любят, а ты — ну ни капельки?..

Расставаясь, объяснять женщине «почему да как», было выше

моих сил… Но мысль, что «я вас люблю любовью брата», не вылетала из головы даже перед оргазмом.

…В три часа ночи я кое-как добрался до дома, взвалил рюкзак на плечи и с трудом, зигзагами, дошел до автобазы. В четыре утра я ехал мимо «особняка» на бензовозе, с водителем которого договорился накануне о поездке до Нелера…

…Всю дорогу в кабине бензовоза клевал носом, бился головой о боковое стекло. В момент пробуждения снимал на «Любитель» своего водителя. В Соколовске позавтракали — всё молча. До Нелера опять клевал носом, но так и не выспался.

Камера хранения на станции была закрыта, и я спал, сидя на лавке, до её открытия. Сдал вещи и пошёл на поиски продуктового магазина. Однако, ничего для опохмелки не нашёл. Так, досидел до приезда коллег — Виктора и Огонька, — в 11 часов. Проводил их на поезд в сторону Симановска на очередную добычу полезных стройматериалов.

Когда решил найти книжный, увидел вдруг сопку за клубом, всю в переливах розовых цветов. Побежал на сопку, ругая себя за тугодумие. Оставался час до отхода поезда. Сначала рвал всё подряд, но скоро сообразил, что лучше брать нераспустившиеся цветы багульника.

Иду со своей охапкой веток за багажом, и никто не обращает внимания на мой странный «букет».

Выхожу на перрон одним из последних, но поезд опаздывал.

На перроне увидел женщину из нашего треста с мужем и сыном лет шести. Оказалось, мы едем в одном вагоне и, более того, — в одном купе.

Устроились на местах, я сходил в ресторан и слегка «поправился». В купе зашёл разговор о работе. Молодая мама Наталья — работник треста — обратилась к нашему попутчику Саше из «Мостоотряда-43».

— Да, у вас самая халтурная организация, — сказала она без тени сомнений. — Ни разу не сдавали нам мосты с первого раза…

Он пытался как-то оправдаться, но она перевела разговор, обращаясь ко мне. Вернее, она говорила с собой, глядя в мою сторону. Такая уж у неё манера общаться: воплощенное самолюбование.

— А, так вы собираетесь работать в бригаде Степанова? — уточнила она.

— Да, — подтвердил я. — Хочу перейти на «капиталку». А вы слышали что-нибудь о переводе бригады в СМП-74?

Прямо на вопрос она не ответила, как и позже. Если не знала ответа, то заговаривала о другом, будто её ни о чем не спрашивали.

— О переводе бригады Степанова? Вряд ли, — проговорила она. — Помню, ребята из бригады учились у меня на курсах…

— А знаете Виктора, нашего экспериментатора-йога? — спросил я для подключения к разговору остальных. — Человек, который «идёт на эксперимент»…

— Виктор? Разве он йог? Помню на уроке он сказал: «Что Вы тут объясняете? Ничего не понятно!», — и сбежал с урока… А почему у него на лице какие-то шрамы?

Её речь могла литься непрерывным потоком, и объяснить, что шрамы он получил, купаясь в проруби затянутой льдом, не было возможности.

На станции «Ерофей Павлович» Саша с Андреем, папой мальчика, сбегали по пересечёнке в какую-то избу и купили водки.

…Костик, сын моих попутчиков, всё время капризничал, плакал из-за игрушек. Мама увлечённо, но сбивчиво, рассказывала, с чего всё началось.

— Этот дурак Велов начал тащить за собой своих родственников, таких же дураков, как он сам, например, Стрельнова, — начала она вспоминать. — Я выступала против них, но парторг всё меня увещевал, мол, я не знаю жизни, нельзя быть такой упёртой, надо уметь ладить с людьми. А я им в ответ: «Вы ещё увидите, что я права, что ему только дай власть, он всех затретирует, ему бы только издеваться и унижать людей, и что Велова ещё выгонят…». Когда я уезжала, Мороз мне сказал: «Ваша взяла, приказ на увольнение Велова подписан».

— Откуда же он здесь взялся? — поддержал я её словоохотливость.

— А кто его знает? Видимо, Сачкун устроил. Ведь его ещё из СМП-44 выгнали. Полтора года где-то прохлаждался и вот объявился. И что противно: сразу всех родственников потянул за собой. Я понимаю, если бы это были люди проверенные, знающие, а ведь — совершенные пустышки. Уж сколько я говорила и Падикину, и Морозу, что дело страдает. И слава богу, что всё так закончилось. Я ещё тогда подавала заявление на перевод в Главк. Туда меня берут, но из треста пока не отпускают. А теперь, наверное, и смысла нет.

Знания о событиях в её служебном окружении переполняли её и требовали публикации, хотя бы в узком кругу.

— А вообще, много интересного происходит, — припомнила она. — Как-то меня приглашали в «подпольный» штаб ЦК комсомола: была такая группа из ЦК. Ходили простыми рядовыми по трудовым коллективам, слушали, смотрели, что мешает жить и работать. Но, вроде, это ничего не дало. Мой Андрей, —

кивнула она в сторону безразлично глядящего в окно мужа, — работал на звеносборке страшим прорабом. У него был идеальный порядок, всё под рукой. Я ушла в декрет, а его не переводили в Ленду целый год. Сначала жили в вагоне, в ГПД, потом дали квартиру. Вдруг его избирают секретарём комсомола Магисстроя. А с каким трудом он уходил из комсомола! Только с помощью Фарста, при условии вступления в партию. Я буду вступать вместе с ним — все-таки семья. А спектакль ваш не смотрела, ведь работа так выматывает, хотя все говорили «сходи, сходи»…

Я показываю фотографии, и она узнаёт:

— А, Степанов! Это такой человек, ну просто — чудо во всём! А это Адонин, а вот Владимирский… да-да… а вот Мищенко — проходимец…

— Ну почему проходимец? — заметил Андрей. — Он, вроде, своё дело знает.

— Знать-то он знает, но надо ещё человеком быть. Как у них с Томой-то? Живут же… да только вот две семьи разрушено…

Она говорила бы ещё, но в два часа ночи поезд прибыл на «Мысовой». По расписанию — стоянка две минуты, но стоим 45. В окно машу Андрею и Косте: «Счастливой рыбалки на Байкале!».

Глава 33

Возвращение с Малышом. Джон Браун. Звено Гречко. Комната Митяя. «Давай поженимся!». Слаб человек. Делегация в Румынии. Бескровная победа. Кирпичная повинность. Прощальная рогулка.

…До 26 июня пребывал в Москве. С подачи Влада познакомился с Тоней Селезниной — девушкой из его отряда, ездившей поступать в МГУ. Возвращаемся с ней в Ленду в одном купе.

Соседи в купе меняются один за другим. Я конфликтую с проводниками из-за «ненавязчивого сервиса». Знакомлюсь с Тоней поближе и называю её Малышом за компактные размеры, а она не возражает. Обедаем в ресторане, делимся воспоминаниями о прошлом…

27 июня отмечаем в поезде день рождения Малыша.

…С нами в купе — попутчик из США Джон Браун. Ему нравится путешествовать по Транссибу. Он едет второй раз, теперь — с остановкой в Красноярске. Пытаюсь объясняться с ним на английском. Обмениваемся с ним адресами для переписки. Перед выходом из поезда он дарит мне японский диктофон. У него полный чемодан подобных «игрушек». По его просьбе захожу с ним к дежурному по вокзалу и объясняю, что нужно туристу из Америки…

В Чинте нас с Малышом встречает Виктор, покинувший стройку три месяца назад. Отмечаем остановку в билетах и идём к нему домой. Ужинаем с вином. Малыш укладывается рано, а мы беседуем допоздна.

29 июня первый поезд на восток проспали. Торопимся на 10-ти часовой. С трудом покупаем билеты. На перроне фотографируемся втроём. Едем в пустом вагоне. Малыш намекает на более «тесное знакомство», но мои мысли ещё в недалеком прошлом, и я не даю ей ответа.

…По приезду в Нелер чудом попадаем на 3-х часовой автобус. В автобусной давке чувствую, как Малыш «намечает» какие-то планы. Я «пугаю» её высказываниями о возможных последствиях близости.

Прибываем в Новоленду под дождем. Оставив вещи в своих вагончиках, отправляемся к Степанову и устраиваем вечеринку. В этой родной обстановке Малыш показалась мне более интересным человеком и как-то ближе…

1 июля, выхожу на работу в ОГМ. Болтаюсь без дела. Митя уговаривает работать с ним в звене Гречко, занимающемся

отделочными работами в ОГМ. Договариваюсь с Суценко о переходе к ним. Помогаю Ледневу с нашей машиной. Вечером отсиживаюсь дома, в 34-м вагончике.

…2 июля начинаю работать с Гречкой. Заливаем бетоном пол во второй половине гаража. В обед захожу в 150-й балок к Малышу, но у неё с работой ничего не известно. Алина просит её зайти в понедельник.

В субботу работаем до победного конца. Митя зачем-то пытается объяснить мне порядок выписки аккордного наряда.

Вечер провожу в гостях у Малыша в 150-м балке.

В воскресенье обходим с ней магазины. Идём домой пешком через сопку. Долго сидим вдвоём наверху, у «Орбиты». Распускающиеся вокруг цветы багульника и дуновение тёплого ветерка настраивают на сближение. Однако, мои попытки обнять её завершаются неудачей. Я пытаюсь предложить ей разойтись, пока не поздно, но она уговаривает меня остаться. Эта игра мне надоедает, и я ухожу вниз один.

Вечером беру ключ от фотокомнаты у Горчакова и пытаюсь печатать последние снимки.

В понедельник начинаем ставить перегородку из щитов в гараже ОГМ. До обеда сделана половина, а после — добываем щиты на свалке у дороги.

…Доделываем перегородку, ищем фанеру для её обивки.

…Занимаемся мелочами, пилим брус для установки на него камнедробилки.

В четверг Митя пытается оформить билеты на поезд, но то одно то другое у него не получается. Малыша устроили в бригаду Анисипова подсобницей.

— Ох, как трудно! Сердце у меня больное… — плачется она при встрече.

В пятницу доделываем перегородку в гараже ОГМ. Заносим кафельную плитку в помещение будущего электроцеха. Митя приносит две бутылки корейской водки, дабы отметить свой отъезд в отпуск.

— Я собираюсь пойти на вечерние курсы вождения «Магируса», — сказал я во время нашего междусобоя.

— Да? — отозвался Гречко. — А ты знаешь, что нам надо будет оставаться после работы, чтобы завершить отделку электроцеха по аккордному наряду?

— Так, давайте будем вкалывать в рабочее время…

— Нет уж. Чего это мы должны загнать себя ради твоих курсов? — отрезал Гречко. — Нам такие работники не нужны.

— Ну, ладно, — сказал я отступая. — Вопрос о курсах ещё не решён…

10 июля, в 12 часов студийцев приглашают в «Ударник» для записи инсценировки «Венсеремос» на чинтинское радио, которую ведёт Арина Зайчковская.

Вечером собираемся у Икорникова на капитальную «отвальную».

В воскресенье рано утром Митяй уезжает, оставив мне свою комнату и в ней — гору грязной посуды. Гуляю с Малышом по берегу Гедкана, купаюсь, чиню мотоцикл.

…Бригада Степанова переезжает на участок вблизи Хородочи.

…В ОГМ красим перегородку, кладём плитку в электроцехе до сумерек.

…Доделываем плитку на полу электроцеха. Дома, в вагончике, травим клопов.

…Заливаем раствором пол в аккумуляторной допоздна. Ночью печатаю отпускные снимки.

…Доделываем пол в аккумуляторной. Несмотря на мое сопротивление, Гречко навязывает мне заполнение нарядов на проделанные работы в электроцехе.

Вечером 16-го встретил Малыша. Без всякого повода она заговорила, как о давно решенном.

— Что ты думаешь насчёт свадьбы? — её лицо было серьёзным, без тени улыбки.

— Какой свадьбы? — я встал как вкопанный. — Мы уже это обсуждали? Что-то не припомню… Мы знакомы всего две недели!

— Ну, и что? — мне кажется, у нас всё получится…

— Но мне-то так не кажется! Или мое мнение не играет роли? — сказал я и пошёл своей дорогой, решив больше с ней не встречаться.

В субботу катаюсь на мотоцикле, гуляю у Мормоновых и в «шкатулке» со степановцами.

…Читаю и думаю, что делать с Малышом. Вроде бы она симпатичная, перспективная, но слишком навязчива. Начинаю писать рассказ.

В понедельник делаем пол в инструменталке.

Вечером Малышу объясняю, что жениться не собираюсь, но отношусь к ней по-прежнему хорошо. Мы валяемся в комнате Митяя, но о близости я даже не думаю. Малыш стесняется утром возвращаться домой, поэтому на ночь не остаётся, а я и не настаиваю.

…В ОГМ доделываем пол в инструменталке, красим стены.

В среду 21-го обиваем сеткой стены в аккумуляторной и делаем набрызг раствора.

Малыш остаётся ночевать со мной у Митяя и вслух мечтает о ребёнке, даже «без замужества» и просит помочь ей в этом.

— Геночка, я согласна на всё, — лепетала она. — Не будем расписываться, но я прошу сделать мне ребёнка. Я так хочу, хотя бы попытаться…

Как я ни уворачивался от её елейных речей и нежностей, деваться было некуда. Я — «слаб человек» — решил попробовать («немного забеременеть») осуществить её мечты. После нескольких попыток дефлорации, оканчивающихся криком и фрустрацией, я отступил. Утренняя попытка «прорыва» окончилась также неудачей.

В четверг начинаем укладывать кафель в аккумуляторной. Гречко, зная, что я наверняка не справлюсь, отпускает меня с работы домой для заполнения нарядов.

Ночью продолжаем с Малышом «борьбу с девственностью».

…На работе укладываем плитку на стены аккумуляторной. Вечером с Лёней идём к Мормоновым. На обратном пути захожу в «особняк». Сама она уехала в Благинск сопровождать племянников в лагерь. В её комнате сидит майор Трофимов с журналом в руках и в тапках…

Ночью Малыш опять мучает меня бестолку.

— Давай продолжим, я хочу, — ластится она. И тут же кричит: — Ой, ой, не надо!

Тяни-толкай какой-то… Я отворачиваюсь, негодуя, и с трудом засыпаю.

В субботу приехали ребята из бригады Степанова, и, поговорив с ними о жизни на трассе, ухожу ночевать в свой вагончик.

…Катаюсь на мотоцикле, бездельничаю. Ночую дома. Степанов внезапно уезжает в Румынию с делегацией передовиков.

…В аккумуляторной доделываем кафель на стенах. Для этого снимаем радиаторы отопления. Нам привозят кирпич. После работы вожусь с мотоциклом и застуживаю спину.

Малыш вечером лечит меня мазью, остаётся со мной у Митяя, но сама «не здорова».

27 июля наряды, с горем пополам, сделал, но Гречко обнаружил много упущений и неточностей. Он «рвёт и мечет» и обещает меня наказать.

Я еду в поликлинику с болью в пояснице, но хирург ничего не находит.

Малыш, оставшись со мной на ночь, просит ещё раз попытаться… Я в ожесточении с первой попытки добиваюсь результата. Однако, мы удивлены отсутствием признаков дефлорации. Я-то — в большей степени…

…Доделываем плитку на стене за радиаторами. Гречко сам идёт с нарядами к нормировщице и выясняет, что зарплата едва

сравнивается с тарифом, «но могла быть и больше».

— Да, ты ничего не делал, когда тебя освободили для заполнения нарядов! — набросился на меня Гречко. — А мы, между прочим, оставались после работы.

— Никогда в жизни не составлял наряды, — говорю я. — Чего ты мне их навязал?..

— Нам такие работники не нужны! — привычно повторяет он.

— Да, я уйду хоть завтра…

— Уходи, только отработай тот день, когда мы перерабатывали.

Я остаюсь и с удовольствием укладываю кирпичи в стопки до семи вечера.

В четверг в первой половине дня делаем стеллажи в инструменталке, красим радиаторы. Юра приносит бутылку коньяку. После работы ребята выпивают, а я складываю кирпич и отговариваюсь тем, что «за рулем».

Ночью с Малышом продолжаем «работать», но уже без особых затруднений…

На следующий день в отделе кадров подписываю заявление о переводе в бригаду Влада.

В постели с Малышом никаких проблем уже нет, и я пробую всё, что хочу. Она, видимо, особого удовольствия не получает, но и не капризничает, что мне нравится.

В субботу готовлюсь к отъезду в бригаду Степанова. Сколько с мотором мотоцикла ни вожусь, — он по-прежнему барахлит.

Вечером идём с Малышом на фильм «Белые розы для чёрной сестры». Привычно ночуем в комнате Митяя…

1 августа катаемся с Малышом на мотоцикле по дороге в Кудыкту, и теряем с багажника сумку и одеяло. Потерю возвращают нам туристы на «Москвиче» в 7-ми километрах от Новоленды. Идём купаться на речку. У моста встречаем ребят из нашего отряда, которые предлагают выпить с ними. Мы отказываемся, чтобы не слышать лишних вопросов.

Дома читаем, а вечером идём на концерт артистов театра «Сатиры»…

notes

Примечания

1

Наледь — незамерзающие грунтовые воды.

2

«Катерпиллер» — японский бульдозер, мощностью от 160 л.с.

З

Отсыпка — здесь: насыпь ж.д. полотна, состоящая из скального грунта, покрытого гравием.

4

При резкоконтинентальном климате перепад температур в это время года от +15˚ днем до -15˚ ночью.

5

Подъёмные — денежное возмещение расходов в связи с переездом в другую местность.

6

Ленинская комната — в СССР помещение для политико-массовой и культурно-просветительной работы.

ЕНиР — государственные единые нормы и расценки.

«Железка» — железная дорога.

9

Трелёвщик (трелёвочник) — трелёвочный трактор, вывозящий хлысты с лесоповала.

10

ГСМ — горюче-смазочные материалы.

11

ДВП — древесно-волокнистая плита.

12

ЛТП — лечебно-трудовой профилакторий, куда по решению суда отправляли на «лечение» алкоголиков и тунеядцев.

13

Балок — бытовка, вагончик.

14

Каротаж — геофизическое исследование скважин.

15

Солифлюкция — медленное передвижение протаивающих почв на склонах.

16

Штапик — тонкая рейка для крепления стекла в оконной раме.

17

«Слон» — индийский чай с изображением слона на упаковке.

18

Кобо Абэ — автор романа «Женщина в песках».

19

ОБХСС — отдел по борьбе с хищениями соцсобственности.

20

Галтель — планка (плинтус), набиваемая в вертикальные углы.

21

ГПД — готовый передвижной дом.

22

ОЩ-420 — общежитие щитовое, модель 420. В обиходе — «общежитие щелевое».

23

КСО — комната (контейнер) строителя общего назначения.

24

САК — сварочный агрегат колёсный.

25

Футорка — втулка с внешней и внутренней резьбой для крепления сдвоенных колёс.

26

Гак — крюк-полиспаст, на который навешивается «паук» со стропами.